

Энциклопедический отдел ИФИ Санкт-Петербургского
государственного университета
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Руководитель проекта — *В. В. Яковлев*
Ответственный редактор — *П. Е. Бухаркин*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Т. В. Вольская, В. А. Кузнецов,
Н. Д. Кочеткова, Е. М. Матвеев (секретарь),
С. И. Монахов (секретарь), В. Д. Рак, Д. Н. Чердаков

Факультет филологии и искусств
Санкт-Петербургского государственного университета
Санкт-Петербург
2008

Энциклопедический отдел ИФИ Санкт-Петербургского
государственного университета
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

серия «Aurora borealis»

Русско-европейские литературные связи XVIII век

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ
СТАТЬИ

Факультет филологии и искусств
Санкт-Петербургского государственного университета
Санкт-Петербург
2008

Редакционная коллегия серии «Aurora borealis»

К. М. Александров, С. И. Богданов, П. Е. Бухаркин,
А. А. Масленникова, В. В. Яковлев

ББК 81.Р7

Русско-европейские литературные связи. Энциклопедический словарь. — СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. — 432 с.

В энциклопедическом словаре собран и систематизирован материал, характеризующий литературные контакты русской культуры с Западной Европой в XVIII веке и раскрывающий общие принципы межкультурной коммуникации той эпохи. В нем описываются взаимодействия русской литературы с английской, испанской, итальянской, немецкоязычными, польской и французской литературами. Книга включает в себя как общие статьи, так и персоналии: в приложении рассматриваются западноевропейские источники русских журналов, роль античной традиции в литературной культуре, воздействие европейского стиха на русский. Словарь дополняет, с одной стороны, первый том энциклопедической серии «Три века Санкт-Петербурга. Осмнадцатое столетие» (кн. 1–2), с другой — «Словарь русских писателей XVIII века», издаваемый ИРЛИ РАН.

РЕДАКЦИЯ

Организация работы редакции — Т. В. Вольская

Редактор — М. М. Козлова

Корректор — Л. А. Быстрова

Верстка — А. В. Александрова

Обложка — Е. Г. Эргардт

Подбор иллюстраций — Ю. Н. Кружнов

Книга подготовлена к изданию и издана
Энциклопедическим отделом ИФИ
Санкт-Петербургского государственного университета

ISBN 978-5-8465-0766-1

© Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008

© Коллектив авторов, 2008

Предисловие

Книга «Русско-европейские литературные связи. XVIII век», созданная на Факультете филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета в содружестве с Институтом русской литературы (Пушкинским Домом) Российской Академии Наук, является опытом энциклопедического описания контактов русской литературной культуры XVIII века с Западной Европой. Она состоит из двух частей: собственно энциклопедического словаря и приложений. Первую часть составляют энциклопедические статьи-персоналии, посвящённые проблемам восприятия русской художественной литературой творчества крупнейших западноевропейских писателей: английских, французских, немецких, швейцарских, польских, итальянских, испанских, португальских (101 вокабула), а также обзорные статьи, в которых говорится о рецепции конкретной национальной литературы русским эстетическим сознанием. Всего в первой части — 108 словарных статей. Во вторую часть входят исследования тех аспектов диалога русской и западноевропейской литератур, которые по тем или иным причинам, трудно поддаются представлению в виде энциклопедических статей: усвоение античности русской литературной культурой, теория и практика художественного перевода, иностранные источники русских периодических изданий, русское стихосложение XVIII века. В рамках этих 4 приложений помещено 7 статей разного объема.

Создатели книги стремились к фронтальному, а потому полному и последовательному представлению материала, однако избежать лагун всё же не удалось: некоторые темы затронуты чересчур поверхностно и бегло, в разработке других ощутимы существенные пробелы. Так, внимательный и строгий взгляд не обнаружит в персональной части некоторых желательных там имён, отсутствуют и целые национальные литературы, например, греческая, голландская, болгарская, сербская. Выявлены и характеризованы иностранные источники далеко не всех периодических изданий XVIII века. Совершенно не учитываются международные литературные связи в области церковной книжности, а они были и разнообразны, и интенсивны. Явно на периферии оказалась духовная литература масонского толка. А ведь эти ветви словесного творчества в XVIII веке были органичными частями литературной культуры. С недостаточной степенью подробности описана рецепция античных авторов. И данный перечень можно было бы продолжать ещё и ещё.

Авторы и редакторы «Русско-европейских культурных связей. XVIII век» в полной мере осознают неполноту предлагаемого читателям труда. Возможно, книгу следовало бы снабдить подзаголовком — «Материалы к энциклопедии». Вместе с тем, созданная в ней картина русско-европейских литературных связей XVIII века, несмотря на пунктирность некоторых разделов, является, по возможностям современной компаративистики, достаточно

полной: пропущенные фрагменты нарушают её цельность и панорамность всё-таки в незначительной мере. Кроме того, они в самом прямом и точном смысле этого слова — вынуждены. Дело в том, что большинство отмеченных выше пропусков являются не результатом лености или неосведомлённости авторского коллектива, но отражают нынешнюю ситуацию в изучении международных связей русской словесности XVIII века. Пропущенное пропущено потому, что о нём едва ли что-нибудь известно современному научному знанию — во всяком случае в виде и формах, доступных словарному описанию. Более того, хотя энциклопедический жанр в целом не предполагает решения аналитических задач — он скорее обобщает уже накопленное наукой, — некоторые статьи «Русско-европейских литературных связей» являются настоящими исследованиями, имеющими самостоятельную ценность и существенно обогащающими наши представления о литературной жизни XVIII века.

Стремление создателей «Материалов к энциклопедии» соблюдать высокий научный уровень определило характер и тип словарных статей. Каждая соответствует тщательно продуманным и строго выдержанным критериям. Фамилии авторов даны не только в русской транскрипции, но и в оригинальном виде. Это же относится в большинстве случаев и к названиям книг — правда, в ряде случаев из-за их непомерной длины, характерной для литературной культуры XVIII века, названия, как в подлиннике, так и в переводе, приводятся в сокращённом виде. Указываются точные даты и места рождения и смерти писателей. Статьи завершаются библиографическими и, если это нужно, архивными и источниковедческими справками. Отступления от данных правил, встречающиеся в тексте книги, обусловлены как правило тем, что русская компаративистика не располагает в настоящее время соответствующими сведениями. Естественно, что статьи приложений по своему внешнему виду отличаются от персоналий, однако они ни в коей мере не уступают им степенью своей научности. Благодаря этому «Русско-европейские связи. XVIII век», как представляется, в достаточной степени отвечают главным требованиям, предъявляемым к энциклопедическому жанру — обоснованности, точности описаний, объективности и фактической информативности.

Вместе с тем, настоящая книга имеет и некоторые существенные отличия от возможной доминирующей в русской издательской практике XX века типа энциклопедии: при наличии проходящих через весь текст принципов описания материала, о которых только что говорилось, она отмечена внутренними разнообразием и вариативностью. Объединенные высокой филологической культурой, статьи разнятся друг от друга; в них отчетливо проявляется индивидуальная манера их авторов. Редакторы ни в коей мере не стремились к жесткой унификации материала, которая грозит монотонным однообразием. Впрочем, подобные издания не так уж редки среди энциклопедий — достаточно вспомнить самую известную «Энциклопедию», давшую название этому типу справочных зданий, — «Энциклопедию, или Словарь наук,

искусств и ремесел» Д. Дидро и Ж.-Л. Даламбера, или же, имея в виду нашу национальную традицию, «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» и относительно недавние «Краткую литературную энциклопедию» и «Философскую энциклопедию» (речь идет, конечно же, не о качестве и уровне, а о принципах издания).

Важным фактором, способствующим сохранению индивидуального начала в «Русско-европейских литературных связях», является то обстоятельство, что в ней сравнительно немного авторов; каждый из них представил достаточно крупный и целостный блок статей. Восприятие английской литературы исследовано Ю. Д. Левиным, немецкоязычных литератур — Р. Ю. Данилевским, испанской литературы — К. С. Корконосенко, итальянской литературы — Н. А. Гуськовым и А. О. Деминым, польской — С. И. Николаевым, скандинавской — М. Ю. Люстровым. Конечно, изредка попадаются и статьи других ученых, но они не меняют общей картины, лишь подчеркивая авторский характер того или иного раздела, который, в частности, достаточно ясно проявляется в его стилистической атмосфере, достаточно разной у каждого: стилистические пристрастия и языковая манера авторов остались нетронутыми. При подготовке книги в текст вносились только самые необходимые и минимальные исправления. Исключение составляет разве что рецепция французской литературы: первоначально большая часть статей принадлежала М. В. Разумовской, остальные — И. В. Лукьянец и В. Д. Алташина. Однако написанные достаточно давно — в начале 1990-х годов — они требовали определенной доработки, связанной как с обновлением библиографии и фактическими уточнениями, так и с необходимостью некоторой композиционно-стилистической правки. Эту труднейшую, ответственную и тонкую работу взял на себя П. Р. Заборов. Именно он подготовил окончательный вариант статей, посвященных русско-французским литературным отношениям.

«Русско-европейские литературные связи. XVIII век» создавались в Санкт-Петербургском государственном университете совместно с Сектором взаимосвязей русской литературы с зарубежными и Сектором русской литературы XVIII века ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН. Из ее авторов только В. Д. Алташина, М. Ю. Люстров и А. И. Любжин не являются сотрудниками Университета или Пушкинского Дома. Идея написания подобной книги родилась на Филологическом факультете СПбГУ в начале 1990-х годов в ходе работы над оставшейся незавершенной (и по объективным и по субъективным причинам) энциклопедией, посвященной русскому XVIII веку. Выработанные в то время концепции и накопленный материал легли в основу подготовленной на филологическом факультете в течение 2001 года энциклопедии «Три века Санкт-Петербурга. Т. 1: Осмнадцатое столетие». Кн. 1–2, СПб., 2001. Однако абсолютное большинство разработок по русско-европейским литературным связям в нее не попало, что было обусловлено «петербургским» характером данного издания. В связи с этим начиная с 2003 года на филологическом факультете СПбГУ началось составление нового энциклопедического

труда — «Русско-европейских литературных связей. XVIII век». С одной стороны, «Русско-европейские литературные связи» продолжают «Осьмнадцатое столетие», развивая его основные принципы и расширяя материал, и, кроме того, включая некоторые опубликованные там статьи, с другой же — они являются важным дополнением к биографическому словарю «Русские писатели XVIII века» (Вып. 1, Л., 1988; вып. 2, СПб., 1999), работа над которым ведется в секторе русской литературы XVIII века ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Для воплощения замысла «Материалов к энциклопедии» в жизнь крайне важным был также опыт коллективной монографии «История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век» (Т. 1–2, СПб., 1995), созданной в Пушкинском Доме под руководством Ю. Д. Левина. Поэтому вполне естественным было объединение в процессе написания книги творческих сил двух научных коллективов: Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета и Пушкинского Дома. За последние десятилетия это — самый серьезный научный проект, совместно осуществленный двумя крупнейшими филологическими центрами Петербурга. Он отчасти финансировался в рамках федеральной целевой программы «Интеграция науки и высшего образования России на 2002–2006 годы», но главной движущей силой безусловно был энтузиазм авторов «Энциклопедии». Редакционная коллегия выражает им глубочайшую свою признательность. Также слова особой благодарности хочется обратиться к П. Р. Заборову, без самоотверженного труда которого важнейший раздел книги выглядел бы совершенно иначе. Закрывая же предисловие, хочется вспомнить имена двух ушедших от нас людей — Маргариты Васильевны Разумовской и Юрия Давидовича Левина. Они с самого начала активно участвовали в работе над книгой, неизменно поддерживали ее идею и способствовали ее успешной реализации своими советами. Их светлой памяти — памяти ученых, так много сделавших для изучения международных связей русской литературы XVIII века, — редакционная коллегия и посвящает «Русско-европейские литературные связи. XVIII век».

Часть I

**Энциклопедический
словарь**

АДДИСОН (Addison), Джозеф (1.05.1672, Милстон — 17.06.1719, Лондон), английский писатель и государственный деятель. Европейскую славу А. принесли написанная в строгом соответствии с правилами классицизма, исполненная героического, высокого гражданского духа трагедия «Катон» («Cato», 1713) и, еще в большей мере, издававшиеся им совместно с писателем Ричардом Стилем (Steele, 1672–1729) периодические листки сатирико-нравоучительного содержания «Болтун» («The Tatler», 12 April 1709 — 2 Jan. 1711, № 1–271), «Зритель» («The Spectator», 1 Mar. 1711 — 6 Dec. 1712, 18 June — 20 Dec. 1714, № 1–635), «Опекун» («The Guardian», 12 Mar. — 1 Oct. 1713, № 1–175), имевшие целью нравственное воспитание людей, исправление их недостатков и расширение их культурного горизонта средствами ненавязчивого, легко воспринимаемого, разнообразного в своей занимательной форме поучения, мягкой, незлобивой сатирой и юмором.

На русский язык переводились в XVIII в. главным образом очерки и статьи (эссе) из указанных трех периодических листков. Первый известный пер., не предназначавшийся для печати и дошедший до наших дней в рукописи, был сделан в сер. 1720-х из «Зрителя» (№ 139; вслед за французским оригиналом-посредником озаглавлен «Параллель. Между Людовиком 14-м и Петром Алексеевичем, царем Московским, касающаяся славы»); выбор диктовался не литературными, а политическими, патриотическими интересами и побуждениями. В 1730-е в «Примечаниях на Ведомости» были напечатаны 15 ст. (в их числе одна из «Болтуна», две из «Опекуна» и остальные из «Зрителя»), в 1740-е не появилось ни одной публикации, но знакомство образованной части русского общества с этими ставшими к тому времени уже образцовыми произведениями английской журналистики и ощущавшаяся необходимость знакомить с ними читателей, не знавших иностранных языков, не вызывают сомнения. Главный поток пер. пришелся на 1750–1760-е («Ежемесячные сочинения, к пользе и удовольствию служащие», «Праздное время, в пользу употребленное», «Доброе намерение», «Всякая всячина» и др.; сб.: *Забавный философ, или Собрание разных остроумных вымышленных повестей, удивительных сновидений и замысловатых для увеселительного наставления опытов* / Пер. с аглинского Лука Сичкарев. СПб., 1766). В дальнейшем он уменьшался, что было вызвано переключением внимания переводчиков на более новые подобные издания последо-

вателей Аддисона и Стиля, а также развитием сентименталистских и преромантических тенденций. Тем не менее и в меняющихся литературных условиях публикации пер. из «Зрителя», существенно реже из «Болтуна» и «Опекуна», продолжались в немалом числе до самого кон. века. Самая сильная их вспышка (53 ст. из «Зрителя») состоялась в 1793–1794 в тобольском журнале «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей». В общей сложности по данным библиографии, составленной Ю. Д. Левиным, в XVIII в. были переведены полностью или частично, близко к оригиналу или с переделкой: из «Зрителя» — 155 номеров (140 очерков, эссе и ст.), из «Опекуна» — 20 номеров (19 очерков, эссе и ст.), из «Болтуна» — 11 номеров (действительные цифры несколько больше, т. к. ряд пер. был выявлен после публикации библиографии). Некоторые очерки, эссе и ст. переводились по несколько раз — дважды, трижды и более («Зритель» № 93 — семь пер., № 159 и № 215 — пять, и др.). Пер. выполнялись преимущественно с немецкого и французского языков; с английскими подлинниками работал сотрудник журналов «Свободные часы» и «Доброе намерение» студент М. Пермский. Авторство конкретных номеров при большинстве русских пер. не указывалось: обозначенное в подлиннике криптонимами, которые в оригиналах-посредниках опускались, оно, по-видимому, оставалось, как правило, переводчикам неизвестным.

Комедия Аддисона «Барабанщик, или Дом с привидением» («The Drummer, or the Haunted House», 1716), высмеивавшая равно безрассудное суеверие и ведущее к атеизму скептическое вольномыслие касательно существования духов, пришла в Россию в вольном французском пер. Ф. Детуша (Destouches [наст. фамилия Néricault] Ph., 1680–1754. *Le tambour nocturne, ou le mari devin: Comédie anglaise mise au théâtre français*; изд. 1736, пост. 16 Oct. 1762). В русском пер. А. А. Нартова под заглавием «Привидение с барабаном или Пророчествующий женатой» она шла в 1759 в Петербурге на сцене придворного театра, позднее — в Москве, перевод издан в 1764 (Репертуарная сводка // История русского драматического театра: В 7 т. М.: Искусство, 1977. Т. 1. С. 459). По сведениям апокрифической «Хроники русского театра» в Петербурге состоялись по три представления в 1759 и 1763, одно — в 1779, и в Москве одно — в 1768 (см.: Носов И. Хроника русского театра. М., 1883. С. 137, 138, 157, 235, 237, 241, 310, 348). Авторитетная «Репертуарная сводка» этого не подтверждает, однако в «Историческом приключении», напечатанном в журнале Н. И. Новикова «Пустомеля» (1770. Июнь), эта комедия упоминается первой в ряду др. «театральных

позорищ», которые «почти всегда представляли» и которые принимались зрителями как исключительно развлекательные (см.: Сатирические журналы Н. И. Новикова / Ред., вступ. ст. и коммент. П. Н. Беркова. М.; Л., 1951. С. 259; Берков П. Н. История русской комедии XVIII в. Л., 1977. С. 130). В одно время с А. А. Нартовым гимназист Московского университета А. Г. Карин перевел с итальянского языка пьесу-либретто К. Гольдони, являвшую собою переделку комедии Детуша (Goldoni С., 1707–1793. *Il conto Caramella*, 1749; рус. пер.: Граф Карамелли: Драмма комическая на музыке: Для представления на Московском театре летом 1759 года. М., [1759]). В Петербурге оперу Б. Галуппи (Galuppi, 1706–1785) на либретто К. Гольдони представляла в 1758–1761 итальянская труппа Дж. Б. Локателли (Locatelli, 1715 или 1713–1785 или после 1790) (см.: Порфирьева А. Л. Галуппи // Музыкальный Петербург: Энциклопедический словарь: XVIII век. СПб., 1996. Кн. 1. С. 226–227; Добровольская Г. Н. Локателли // Там же. Кн. 2. С. 144). «Хроника русского театра» (с. 140, 169–170) сообщает о двух спектаклях той же труппы в Москве в 1759, что подтверждается объявлением в «Московских ведомостях» (1759. № 56) о представлении 16 июня «на оперном московском театре» новой оперы «Граф Карамелла или ночной барабан» (Сайтов В. И. Федор Григорьевич Карин: Один из малоизвестных писателей второй половины XVIII в. СПб., 1893. С. 22).

На рубеже XVIII–XIX вв. появились стихотворный и прозаический пер. двух стихотворений Аддисона (см. библиографию Ю. Д. Левина) и прозаический трагедии «Катон» (СПб., 1804; пер. А. В. Колмакова).

Составленная В. С. Кряжевым учебная хрестоматия текстов на английском языке (Избранные сочинения из лучших аглинских писателей прозою и стихами, для упражнения в чтении и переводе. М., 1792) включала несколько произведений Аддисона: стихотворение «An Hymn» («When all thy mercies, o my God...» // *The Spectator*. № 453), популярнейшее, выдержавшее пять пер. на русский язык (см. выше) «Видение мирзы» о человеческой жизни (*The Vision of Mirzah* // *The Spectator*. № 159) и пространное теоретико-эстетическое эссе об удовольствиях воображения (*The Spectator*. № 411–421).

Л и т.: Солнцев В. Ф. «Всякая всячина» и «Спектатор» // Журнал Министерства народного просвещения. 1892. № 1. Отд. 2. С. 125–156; Лазурский В. Ф. «Le Spectateur» и «Всякая всячина» // Русский библиофил. 1914. № 8. С. 23–27; Левин Ю. Д. Восприятие английской литературы в России: Исследования и материалы. Л., 1990; Христенко И. С. «Дама-невидимка» Кальдерона и другие «домовые духи» в России XVIII века // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23. С. 287–290.

В. Д. Рак

АЛЬГАРОТТИ (Algarotti), Франческо (11.12.1712, Венеция — 23.05.1764, Пиза), итальянский писатель, деятель европейской культуры. Автор метафоры «Петербург — окно в Европу», внедренной Пушкиным в текст поэмы «Медный всадник». Метафора появилась в книге «Viaggi di Russia», т. е. «Русские путешествия» (хотя в русской традиции книгу, имеющую эпистолярную форму, обычно именуют «Письмами о России»), где А. пишет: «И что Вам сказать вначале, и что — потом, об этом Городе, об этом большом окнище [gran finestrone], скажем так, недавно открытом на севере, из которого Россия смотрит в Европу?» А. род. в обеспеченной семье негоцианта. Юношей посещал лекции по лит., философии и астрономии в университете Болоньи, где в 1733 опубликовал диссертацию, посвященную Ньютонической оптике. Во Франции свел близкое знакомство с Вольтером, в Англии — с поэтами «Озерной школы», войдя в круги европейской культурной элиты и усвоив идеи Просвещения. В 1737 выпустил труд, принесший европейскую славу, — «Ньютоnianство для дам».

В 1739, посетив во второй раз Англию, экспромтом присоединился к официальной миссии в Петербург: в тот момент король Георг II Английский снаряжал делегацию на свадьбу принцессы Анны Леопольдовны (Мекленбургской), племянницы царицы, с герцогом Антоном-Ульрихом Бруншвейгским. Русский эпизод стал составной частью английских отношений А. Еще в свой первый визит в Лондон, в 1735, он сблизился с российским посланником, князем Антионом Кантемиром, который перевел на русский язык «Ньютоnianство для дам» (не было опубликовано из-за цензурного вмешательства Святейшего Синода; судьба рукописи Кантемира осталась неизвестной). Несомненно, что Кантемир, автор панегирической поэмы о Петре Первом, при общении с А. заинтересовал его рассказами о царе и о Петербурге. Британскую делегацию возглавил Чарльз Кальверт, пятый лорд Балтимор, приятель и Кантемира, и А. 21 мая 1739 собственный корабль лорда Кальверта «Августа» с А. на борту vyplыл из английского порта Грейвсенд по направлению к Балтике. А. подошел к поездке почти по-научному, ведя подробный дневник, озаглавленный «giornale del viaggio da Londra a Petersburg nel vascello The Augusta di Mylord Baltimore nel mese di maggio u. s. L'anno MDCCXXXIX» [«Журнал путешествия из Лондона в Петербург на корабле “Августа” милорда Балтимора в мае месяце 1739»]. Спустя двадцать лет, в кон. 1750-х, А. капитально

переработал дневник в книгу, организованную в виде 12 писем к двум лицам. По возвращении из России А. поступил на службу к Фридриху Великому, пожаловавшему ему графский титул; с 1742 — на службе польского короля и саксонского курфюрста Августа III. Помимо разного рода дипломатических поручений помогал королю собирать для Дрезденской галереи знаменитую живописную коллекцию. Познакомившись с миром художников, А. сам стал пробовать свои силы в искусстве, изготовив несколько офортов и гравюр. Одновременно публиковал ряд искусствоведческих статей, в которых, в духе Просвещения, критиковал барокко и поддерживал классицизм, а также очерки популяризаторского характера: о французском языке, о Макиавелли, о музыке, об империи инков. С 1756 переехал в Болонью, где опять включился в научную жизнь Академии, занявшись литературоведением. С 1762 — в Тоскане, в Пизе, которая тогда считалась бальнеологическим курортом, сосредоточился на подготовке итогового 8-томного издания своих соч., которое предпринял ливорнийский издатель Марко Кольтеллини, близкий к кругам просветителей. А. успел увидеть только первые четыре тома. Пятый, куда вошли «Viaggi di Russia», вышел в свет летом 1764, спустя считанные дни после смерти автора. Изданию предшествовали две анонимные публикации 1760 и 1763 с примерно тем же самым текстом, но с др. названием — «Saggio di lettere sopra la Russia» («Очерк в письмах о России»).

А. погребен на престижном пизанском кладбище «Кампо Санто», где ему сооружен пышный мавзолей с надписью (по-латыни): «Альгароту, сравнивавшемуся с Овидием, ученику Ньютона — Фридрих Великий».

С о ч.: *Viaggi di Russia*. Parma, 1991 (последнее издание, под ред. У. Спаджари); Русские путешествия / Публ. и пер. М. Г. Талалая // Невский архив. 1999. № 3 (опубл. три «петербургских» письма).

Л и т.: *Сомова С. Я.* Франческо Альгаротти и его сочинения в русских книжных собраниях XVIII в. // Русские библиотеки и их читатели. Л., 1983; *Ло Гатто Э.* Миф Петербурга / Пер. С. А. Сомовой // Слова и отзвуки. № 1. 1995; *Талалая М. Г.* «Окно в Европу»: еще раз о формуле Альгаротти // Петербургские чтения—95. СПб., 1995; *Неклюдова М. С., Осват А. Л.* Окно в Европу: историко-ведческий этюд к «Медному всаднику» // Лотмановский сборник. № 2. 1997; *Володина И. П.* Фр. Альгаротти и А. Кантемир (к истории одного стихотворного послания) // Литература в зеркале эпохи. СПб., 1999; *Серман И. З.* Антиох Кантемир и Франческо Альгаротти // XVIII век. Сб.21. СПб., 1999.

М. Г. Талалай

АЛЬФЬЕРИ (Alfieri), Витторио, граф (16.01.1749, Асти — 8.10.1803, Флоренция), итальянский драматург, поэт, прозаик, особенно известен как автор трагедий. Произведения А. в XVIII в. не переводились на русский язык и не пользовались известностью в России, однако сам писатель в юности побывал в Петербурге (1767–1768 (?)) и оставил об этом краткие, но выразительные воспоминания в книге «Жизнь

Витторио Альфьери из Асти, написанная им самим» (изд. 1804). Несмотря на то что мемуары А. сильно беллетризованы, близки жанру романа и созданы в условиях литературной ситуации нач. XIX в., они важны для понимания неоднозначности русско-европейских отношений XVIII в., поскольку выражают очень своеобразное отношение к России, показательное для настроений самых ранних предшественников романтизма, к которым принадлежал А. Граф прибыл в Россию из Швеции через Финляндию. Он знал о ее величии из соч. просветителей и от русских знакомцев в Турине (прежде всего кн. Н. Б. Юсупова), прожил в Петербурге несколько недель, не пожелал осмотреть Москву и через Ригу направился в Германию. За это время он ни с кем не познакомился, не пожелал сблизиться со светской молодежью и представиться императрице Екатерине II. Столь резкая и не типичная для путешественника XVIII в. позиция, вызывавшая, как видно из мемуаров, некоторое недоумение у самого А. в поздние годы, объясняется соединением в миросозерцании будущего писателя радикально просветительских идей с преромантическими. Хотя всю жизнь он провел в приключениях, в отличие от авантюристов XVIII в., А. не искал благосклонности судьбы, а стремился понять томление своей души и утолить его. С одной стороны, северная природа, особенно в Швеции, влекла А. суровой экзотикой оссианического типа (скалы, бурное море и т. д.); русская же природа (равнины) казалась варварской, но скучной. А. как предшественнику романтиков хотелось встретить в чужой стране неповторимый национальный дух: в екатерининской России он заметил лишь механическое смешение восточного с западным, причем итальянским: «...едва я оказался в этом азиатском лагере с правильно расположенными бараками, — пишет он о Петербурге, — как мне живо вспомнились Рим, Генуя, Венеция, Флоренция и я не мог удержаться от смеха». С другой стороны, как поклонник крайностей просветительского учения, А. не увидел

в Российской империи обещанного Вольтером венца цивилизации. Екатерина II вызвала в А. отвращение как мужеубийца («Клитемнестра-философ»), совершившая преступление, прикрываясь благородными целями, но оставившая страну в состоянии восточной деспотии, поощряя рабское сознание подданных и насаждая еще более жестокий милитаризм, чем в Пруссии. А. дает одну из самых резких в XVIII в. характеристик Екатерины II. Несмотря на несимпатичное описание России, где все, по словам А., было ему чуждо, кроме бород и лошадей, творчество драматурга в нач. XIX в. вызвало заметный и сочувственный интерес у русских романтиков.

С о ч.: Жизнь Витторิโอ Альфьери из Асти, написанная им самим. СПб., 1904.

Н. А. Гуськов

АНГЛО-РУССКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ. Политические, а затем в некоторой мере и культурные связи России и Англии приобрели более или менее систематический характер с сер. XVI в., однако восприятие английской лит. в России началось в XVIII в. Это восприятие осуществлялось главным образом благодаря пер. Но основными иностранными языками, распространенными тогда здесь, были французский и немецкий; лишь немногие наиболее просвещенные русские деятели владели тогда английским языком. Поэтому английская лит. переводилась на русский язык преимущественно с французского, немецкого, а иногда даже с иных пер. (напр., итальянских, польских). Правда, немало русских литераторов и общественных деятелей XVIII в. сами знакомились с сокровищами английской лит. по западноевропейским пер. Так, в библиотеке А. Д. Кантемира сохранился итальянский пер. «Paradiso Perduto di Milton de Rolli», а М. В. Ломоносов, когда учился в Германии, приобрел там «Des Capitains Gulliver Reisen». В оригиналах или западноевропейских пер. английскую лит. читали некоторые политические деятели России первой пол. XVIII в. как иностранцы по происхождению, напр., шотландец Я. Брюс или немец Г.-И. Остерман, так и русские, напр., А. П. Волынский, его «конфидент» А. Ф. Хрущев и др. Однако общее число таких читателей среди русской читающей публики было сравнительно невелико. Из английских литературных жанров первыми стали переводиться т. н. «периодические очерки» (periodical essays), которые, хотя и с оговорками, можно отнести к художественной лит. Передовая русская лит. XVIII в. развивалась преимущественно под

воздействием просветительских идей, и при всех индивидуальных отличиях ее деятелей и направлений она объединялась некоторыми общими, в сущности просветительскими, чертами — стремлением улучшить социально-политическое, нравственное и культурное положение народа и верой в то, что «слово», «убеждение» могут оказать решающее воздействие. И английские периодические очерки вполне соответствовали этим целям. основоположниками жанра были Ричард Стил (Steele, 1672–1729) и Джозеф Аддисон (Addison, 1672–1719), выпускавшие такие издания: «Болтун» («The Tatler», 1709–1711), «Зритель» («The Spectator», 1711–1712, 1714), «Опекун» («The Guardian», 1713); по их примеру позднее периодические очерки издавали многие английские литераторы, в т. ч. Сэмюэл Джонсон (Johnson, 1709–1784) — «Гуляка» («The Rambler», 1750–1752) и «Досужий» («The Idler», 1758–1760), Джон Хоксуорт (Hawkesworth, 1715(?)–1773) — «Искатель приключений» («The Adventurer», 1752–1754) и др. Сочетание в таких очерках общественных, нравственных и эстетических идей в повествовательной форме, доступной и привлекательной для широкого круга читателей, сделало их популярными и вызвало много пер., в т. ч. и русских. В первом русском журнале «Исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях» (1728–1742), помимо разъяснений к официальным известиям из газеты «С.-Петербургские ведомости», уже в 1731 стали печататься самостоятельные ст., и до 1735 здесь появились 15 ст. из периодики Стила и Аддисона, главным образом из «Зрителя»; эти статьи, как правило, попадали сюда, пройдя тройной пер.: сперва на французском языке («Le Spectateur, ou le Socrate moderne...», 1715), затем на немецком («Der Spectateur, oder Vernünfftige Betrachtungen...», 1719) и наконец на русском. В следующем русском академическом журнале «Ежемесячные сочинения» (1755–1764; заглавие варьировалось) из английских периодических очерков, а также журналов за 10 лет были заимствованы 42 ст. Подобные пер. с английского помещались и в первых русских частных журналах: «Трудолюбивой пчеле» (1759) А. П. Сумарокова, «Праздном времени» (1759–1760), выпускавшемся при Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, и др. А созданный по инициативе Екатерины II в русле ее политики «официального просветительства» журнал «Всякая всячина» (1769–1770) не только использовал материалы «Зрителя», нередко склоняя их «на русские нравы», но и структурно строился по английскому образцу. Выявленные пер. позволяют

утверждать, что русские литераторы XVIII в. использовали в той или иной мере материалы из английских периодических очерков, ежемесячных журналов, а также сб. Свыше 300 отдельных номеров или ст. из них послужили материалами для более чем 400 публикаций в 61 русском периодическом или непериодическом издании; пер. девяти очерков и ст. вышли как отдельные книги. Примерно одна пятая часть всех английских ст. публиковалась в русских пер. дважды, а одна десятая — от трех до девяти раз. Эти наиболее популярные произведения — главным образом жанрово близкие «восточные повести», «видения» и аллегории, где в повествовательной форме представлена общая схема человеческой жизни и проповедаются нравственные принципы. Так, напр., в «Зрителе» № 159, названном в пер. «Видение мирзы», воображаемый багдадский мирза излагает представшее ему видение человеческой жизни в образе моста посреди моря, по которому двигалась толпа, постепенно редевшая, т. к. люди проваливались в зиявшие дыры и исчезали в потоке. Затем представлена картина загробной жизни в виде океана, разделенного алмазной горой на две части; здесь провалившимся людям, согласно их нравственному поведению в жизни, уготовано вечное блаженство или вечное мучение. «Видение мирзы» было переведено шесть раз и опубл. в семи изданиях. Семь раз переводился и девять раз печатался «Гуляка» № 65, где жизнь уподоблена однодневному путешествию юноши Обидаха, которого искушения много раз уводили со стези добродетели, но встреченный пустынный указывает ему, как исправить заблуждения. Вообще, в русской лит. XVIII в. проявлялся преимущественный интерес к нравоучительному аспекту английской периодики, а не к сатирическому. Лишенные заглавий английские очерки нередко получали в пер. моралистические заглавия. Напр., самый ранний пер. «Зрителя» № 93 был озаглавлен: «О полезном употреблении времени» («Исторические... примечания в Ведомостях». 1731. Ч. 11), а «Гуляка» № 190 печатался под заглавием: «Делай добро и удаляйся от зла, но презирая мнения людей и без тщетного искания любви их» («Приятное и полезное». 1798. Ч. 19). Из всех английских периодических очерков наиболее популярен был «Зритель»; пер. из него составляют более половины выявленных русских публикаций. Умеренные просветительские идеалы его создателей находили отклик в относительно широких кругах русского культурного общества, а компромиссный характер их социальных убеждений делал их ст. приемлемыми для русских изданий XVIII в.,

как прогрессивных, так и консервативных. Со временем большее значение приобретали периодические очерки Джонсона и Хоксуорта, хотя пер. из них не столь многочисленны. Присущий авторам скептицизм и проповедь стоицизма становились созвучными настроениям многих русских читателей в условиях начавшегося в царствование Екатерины II кризиса феодально-крепостнического государства. Распространение в русской лит. последней трети XVIII в. сентименталистских и преромантических идей стимулировало восприятие и освоение английской поэзии. Немалую роль при этом играло и нарастание англофилии в этот период. Н. М. Карамзин засвидетельствовал это, вспоминая о своем детстве: «Было время, когда я, почти не видав Англичан, восхищался ими и воображал Англию самую приятнейшею для сердца моего землею». Знакомство со страной в 1790 усилило его восторг: «...я в Англии — в той земле, которую в ребячестве своем любил я с таким жаром и которая по характеру жителей и степени народного просвещения есть, конечно, одно из первых государств Европы» (Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 380, 327). Соответственно возрастал интерес к английской лит., и английская поэзия заняла подобающее место в русской переводной лит. Исследования показали, что тогда переводились стихи 32 английских поэтов, бóльшая часть которых были представлены единичными произведениями, а имена многих давно забыты. Сколько-нибудь полно в русских пер. XVIII в. были представлены лишь Д. Мильтон, А. Поп, Э. Юнг и Д. Томсон, причем Мильтон и Поп переводились до 1770. Еще в 1745 барон А. Г. Строганов перевел с французского пер. «Потерянный рай» Мильтона, озаглавив свой пер. «Погубленный рай», который распространялся в списках, но издан не был, видимо, из-за запрета цензуры Синода. Бóльшей известностью в России сер. XVIII в. пользовался Поп. Хотя прозаические пер. его ироикомической поэмы «Похищение локона», озаглавленной переводчиком И. В. Шишкиным «Букля власов похищенных», сохранился лишь в списках, зато были изданы в стихотворном пер. философская поэма Попа «Опыт о человеке» (пер. Н. Н. Поповского, 1757), а также его «Храм славы» (пер. М. М. Хераскова, 1761) и «Эпистола Элоизы к Обеларду» (пер. М. М. Хераскова, 1765). В то время русские стихотворные пер. были редкостью; обычно по французскому примеру стихи переводили прозой. Поэзия английского сентиментализма, распространявшаяся в России в кон. века, выдвинула две основные темы — природы и смерти, — внутренне связанные,

т. к. представляли два аспекта отрицания цивилизации, скомпрометированной к тому времени. Наиболее полно эти темы получили выражение в описательной поэме Д. Томсона «Времена года» и в религиозно-дидактической поэме Э. Юнга «Жалоба, или Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии», разделенной на девять «ночей». Первым из двух поэтов стал известен в России Юнг. Уже в 1770-е начали появляться фрагментарные пер. «Ночных размышлений», в которых лирические медитации о бренности земного существования, о суетности и тщете человеческих стремлений и о бессмертии души, оправдывающем жизнь в юдоли скорби, были обращены не столько к разуму, сколько к чувству, что отвечало новым литературным тенденциям. До кон. века были опубл. многие пер. отдельных «Ночей», выполненные разными переводчиками, и два полных пер.: «Плач Эдуарда Юнга, или Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии» (впервые: «Утренний свет». 1778–1780; отдельное издание 1785; переиздание 1799) А. М. Кутузова и «Плач, или Ночные мысли о жизни, смерти и бессмертии» (1799) предположительно С. С. Джунковского. Переводились и др. поэмы Юнга и его моралистические трактаты. В целом же в русском культурном обществе постепенно сформировалось представление о Юнге как о скорбном и трогательном поэте, питающем чувствительные сердца сладостной печалью. В 1780-е на русский язык начали переводиться и «Времена года» Томсона. Созданный им жанр описательной поэмы являлся дериватом дидактической поэмы, в которой сентименталистская концепция благой природы — наставницы истины и добра — повлекла выдвигание на первый план описательного компонента, изображения природы в ее красоте и благостном величии, что осмыслялось как выражение божественного откровения. Важным достижением Томсона был приближающийся к реальности показ сельского быта, который, однако, истолковывался как совершенное «естественное» бытие, покой и мир, противопоставленные суетности города, и это обусловило статичность изображения деревенской жизни как некоего состояния, а не действия. «Времена года» имели большой успех в европейских лит., и французский и немецкий пер. и подражания способствовали проникновению поэмы в Россию. Из многих фрагментарных прозаических русских пер. «Времен года», которые публиковались с 1781, особо выделяются четыре пер.-пересказа Карамзина отдельных частей поэмы («Детское чтение». 1787. Ч. 9–12); благодаря сокращениям яснее выступили ее

основные особенности: непосредственное изображение природы, созерцая которую человек открывает присутствие в ней Творца и славит его. Полный прозаический пер. «Четыре времени года» (1798), выполненный Д. И. Дмитриевским, популяризовал поэму среди русских читателей, имел успех и дважды переиздавался в нач. XIX в. Из произведений английского поэта XVIII в. Т. Грея широкое распространение в России получила его «Элегия, написанная на сельском кладбище», объединившая обе основные темы сентименталистской поэзии — смерти и природы; до 1800 она переводилась шесть раз (до пер. В. А. Жуковского «Сельское кладбище», 1802). О распространении в России произведений английских поэтов-сентименталистов свидетельствуют не только пер., но и т. н. «читательские отклики». Во многих русских прозаических и стихотворных произведениях кон. XVIII в. герои буквально зачитываются Юнгом, Томсоном и их европейскими последователями, которые помогают им понять свои чувства и осмыслить действительность. Под влиянием поэзии английского сентиментализма сформировался жанр бессюжетных прозаических очерков, посвященных медитациям лирического героя, своего рода «стихотворений в прозе». Нач. положил Карамзин очерком «Прогулка» («Детское чтение». 1789. Ч. 18) с эпиграфом из «Гимна» Томсона, завершающего «Времена года». И далее в русских журналах печатались многие подобные лирические отрывки, посвященные характерным для сентиментализма темам: времена года и части суток, блаженная сельская жизнь, уединение, смерть и загробная жизнь, оплакивание умерших и т. п. (О влиянии английских поэтов-сентименталистов в русской поэзии кон. века см. в ст. об этих поэтах). В 1760-е в русской лит. возрастал интерес к художественной прозе. Но русские писатели еще не создавали соответствующих произведений, и приходилось обращаться к пер. Однако утверждение нового жанра происходило не без труда, т. к. он встретил сопротивление поборников классицизма; А. П. Сумароков возмущенно заявлял: «Романы, писанные невежами, читателей научают притворному и безобразному складу и отводят от естественного, который один только важен и приятен» (О чтении романов // Трудолюбивая пчела. 1759. Июнь. С. 374). Тем не менее переводные романы распространялись в России, и само переводное творчество становилось престижным в общественном мнении. Литератор Г. Л. Байко, открывая основанный им журнал, приводил отрывок из английской ст., где говорилось, что в Англии переводное дело «всегда было

в великом почтении у сего народа. Превосходный переводчик там не менее сочинителя почитаем и прославляем; не менее оного ему откровен путь к бессмертию, и все умеют познавать цену услуги, им обществу оказанной» (С.-Петербургский вестник. 1778. Ч. 1. С. 14). Сами русские переводчики европейской художественной прозы стремились оправдать и представить в лучшем виде новый для русского читателя жанр. В предисловиях к переведенным романам они главным образом указывали не на художественные достоинства, но, соответственно просветительской эстетике, стремились доказать его нравственное совершенство и воспитательное значение, сочетание в нем полезного и приятного (восходившее к формуле Горация «*utile dulci*»). Первым из английских романов на русском языке появилось великое творение Д. Дефо «Жизнь и приключения Робинзона Круза природного англичанина» (1762–1764). Сделанная по французскому пер. Я. И. Трусковым русская версия была сильно сокращена, однако имела успех, трижды переиздавалась до кон. века и утвердила авторитет английского просветительского романа в русском образованном обществе. В академическом журнале после выхода второй ч. пер. появилась рекомендация русским переводчикам, «чтоб по крайней мере труды свои употребляли лучше на Англинские или с Англинского переведенные, нежели на Французские; потому что в оных по большей части честность и добродетель, а в сих более страсти господствуют» (Ежемесячные сочинения. 1764. Окт. С. 373). Следующим английским романистом, освоенным в России, был Г. Филдинг. Сперва вышел пер. его фантастической сатиры «Путешествие в другой свет» (1766), сделанный с немецкого пер. Широкою же известность он приобрел, когда появилась выполненная по сокращенному французскому пер. Е. С. Харламовым «Повесть о Томасе Ионесе, или Найденыш» (1770–1771). Успех этого пер. побудил переводчиков Собрания, старающегося о пер. иностранных книг, обратиться к др. романам Филдинга, и уже в 1772–1773 параллельно издавались части трех его романов: «Приключения Иосифа Андревса и приятеля его Авраама Адамса», «Деяния господина Ионафана Вилда Великаго» и «Амелия». Все эти пер. переиздавались, и в результате Филдинг оказался наиболее популярным из английских романистов, переведившихся в России в XVIII в.; иногда ему даже приписывали переводные романы др. авторов. Тогда же в Собрании, старающемся о пер. иностранных книг, был переведен с французского пер. Е. Н. Каржавиным прославленный роман Д. Свифта «Путешествия

Гулливеровы» (1772–1773); этот пер. также был переиздан и ввел имя героя в русский культурный обиход. В 1760–1770-е в России были переведены единичные английские романы. В последнем же 20-летию века английские переводные романы исчислялись уже десятками, чему способствовали как интенсивный рост русской печатной беллетристики, так и распространение в образованном обществе англomanии, вытеснявшей галломанию. В рецензии на пер. романа Т. Смоллета «Похождения Родрика Рандома» (1788; приписан Филдингу) утверждалось: «Любители романтических повествований и знающие ценить оныя по достоинству отдают Англинским романам превосходство перед Французскими и всеми другими на свете...» (Московские ведомости. 1788. 9 авг. № 64. С. 585). Среди переведенных в те годы английских романов было немало однодневок, не оставивших заметного следа в родной лит., и перечислять их полностью нет необходимости. Следует отметить возникший интерес русской читающей публики и соответственно переводчиков к т. н. «восточной повести» — жанру европейской просветительской лит., который использовался для постановки философско-этических проблем. Так, в русских пер. появились соответственно произведения упомянутых выше С. Джонсона «Расселас, принц абиссинский, восточная повесть» (1795; пер. отрывков печатались ранее в журналах; оригинал — «Rasselas, Prince of Abyssinia», 1759) и Д. Хоксуорта «Приключения Алморана и Гамета, персидских принцов, восточная нравоучительная повесть, в которой описывается добродетель, одерживающая победу над пороком» (1790; оригинал — «Almorán and Hamet, an Oriental tale», 1761). Дважды переводился роман Френсис Шеридан (Sheridan, 1721–1766), матери драматурга, «The History of Nourjahad» (1767), с французского пер. — «Нуриад, восточная повесть» (1781), и с польского — «Нурзагад, человек неумирающий. Восточная повесть» (1792). Из второстепенных авторов бытового реалистического романа английского Просвещения, вызвавших в свое время интерес в России, несколько выделяются две писательницы. Дважды были переведены романы Элизабет Бонот (Bonhote, 1744–1818): «Прогуливание г. Франкли» (1781), «Прогулки г. Франкли» (1782; 2-е изд. 1787; оригинал — «The Rambles of Mr. Francly», 1773) и «Оливия» (оба пер. 1789; оригинал — «Olivia, or Deserted Bride», 1787). Из романов Френсис Берни (Burney, 1752–1840) русский пер. «Евелина, или Вступление в свет молодой девицы» выдержал два издания (1789, 1800; оригинал — «Evelina, or the History of

Young Lady's entrance into the World», 1778), и на десятилетие растянулось издание 10 ч. пер. «Цецилия, или Приключения наследницы» (1794–1804; оригинал — «Cecilia, or Memoirs of an Heiress», 1782). До появления этих пер. Карамзин утверждал, что «Мис Бурней, сочинительница *Эвелины* и *Сесилии*» сумела «открыть нам глубочайшие движения сердца человеческого» (Детское чтение. 1788. Ч. 15. С. 188). Такое подчеркивание литературного воссоздания душевной жизни отражало новые тенденции, утверждавшиеся в русской лит., которые стимулировали обращение к соответствующим английским писателям. Еще в 1778 в одном библиографическом обзоре говорилось: «Итак, желали бы мы, чтобы преимущественно переводимы были на наш язык больше хорошие и полезные романы Рихардсона, Филдинга, Голдсмита и сим подобныя — и чтобы писатели, имеющие знания и дарования <...> взялись бы за переводы больше обществу полезных сочинений» (Ф. Известия о новых книгах // С.-Петербургский вестник. 1778. Ч. 1. С. 319). Романы Филдинга к тому времени были уже переведены. А Ричардсон и Голдсмит и с ними ставший позднее известным в России Стерн, в чьих романах воплотилось сентименталистское мировосприятие, в дальнейшем оказали воздействие на русскую культуру кон. XVIII — нач. XIX в. Первым был издан пер. романа О. Голдсмита «Вакефильдской священник» (1786), и переводчик Н. И. Страхов, заключая свое предисловие, писал: «...всегда примечаемая склонность Россиян к Англичанам и уважение к сочинениям их немало могут споспешествовать одобрению сей книги». После этого один за др. с французского пер. переводились романы С. Ричардсона: «Памела, или Награжденная добродетель» (1787), «Достопамятная жизнь девицы Клариссы Гарлов» (1791–1792), «Английские письма, или История кавалера Грандиссона» (1793–1794). Став популярным достоянием русской читающей публики, эти романы вызвали положительные отклики в русской печати и оказали непосредственное влияние на творчество некоторых русских романистов XVIII в. Еще большее значение для русской лит. имел Л. Стерн. Отрывки из его романов печатались в русских журналах с кон. 1770-х. Позднее был опубл. пер. «Стерново путешествие по Франции и Италии» (1793), и в самом нач. XIX в. вышел в свет пер. «Жизнь и мнения Тристрама Шанди» (1804–1807). Стерн, в чьих произведениях раскрывался внутренний мир человека, исследовался ход душевных переживаний, воспринимался в России главным образом как апологет чувствительности. В последнее десятилетие

тие XVIII в. на русский язык начали переводиться т. н. «готические романы». Сперва это были произведения, в которых преромантическая «готика» сочеталась еще с чувствительностью сентиментализма: «Рыцарь добродетели» (1792; оригинал — «The Champion of Virtue», 1777) Клары Рив (Reeve, 1729–1807) и «Подземелье, или Матильда» (1794; оригинал — «The Recess, or a Tale of Other Times», 1785) Софии Ли (Lee, 1750–1824). Пер. наиболее совершенных «готических романов» Анны Радклиф публиковались уже в нач. XIX в. Примечательное суждение содержалось в русском библиографическом обзоре нач. XIX в., где анонимный автор писал: «...еще мало романов, которые прославили своих сочинителей и которые всякий раз можно читать с удовольствием и пользою: — *Дон Кишот*, *Жильбляз*, *Новая Елоуза*, *Грандиссон*, *Том Ионес*, *Вакефильдский священник*, *Тристрам Шанди*... да кажется и только» (Сын отечества. 1817. Ч. 39. № 28. С. 69). Таким образом русский критик того времени во всей мировой лит. нашел лишь семь достойных романов, из которых только один — испанский и два — французских, зато четыре, т. е. большая часть, — английских. Тем самым утверждалось превосходство английского романа и его прославленных творцов. Впоследствии Пушкин утверждал: «...Ричардсон, Фильдинг и Стерн поддерживают славу прозаического романа» (Пушкин А. С. Полное собр. соч. М.; Л., 1949. Т. 11. С. 272). Значение английской драматургии для русской культурной жизни XVIII в. было невелико. На русской сцене господствовал классицизм, и из переводных пьес преимущественно ставились французские, а немногие английские пьесы попадали сюда главным образом через французские или немецкие пер.переделки. При этом они подчас подвергались «склонению на русские нравы», особенно комедии. Во второй половине века в российский культурный обиход вошла английская «мещанская трагедия» Джорджа Лилло (Lillo, 1695–1739) «Лондонский купец, или Приключения Георга Барневеля» (1764; оригинал — «The London Merchant, or the History of George Barnwell», 1731). Пер. др. английской «мещанской трагедии» Эдуарда Мура (Moore, 1712–1757) «Игрок» («The Gamester», 1753), созданный И. А. Дмитриевским по французской переделке Б. Ж. Сорена (Saurin), вышел в свет и ставился на сцене под заглавием «Бeverлей» (1773; 2-е изд. 1787). Были изданы пер. английских комедий. «Сестра» («The Sister», 1769) Шарлотты Леннокс (Lennox, 1720–1804), переведенная с немецкого В. А. Левшиним, вышла под заглавием «Чему быть, тому не миновать» (1788).

«Школа злословия» («The School for Scandal», 1777) Ричарда Бринсли Шеридана (Sheridan, 1751–1816) переводилась дважды: с немецкого пер. анонимным переводчиком — «Школа клеветы, или Вкус пересуждать других» (1791) и с оригинала Н. М. Муравьевым-Апостолом (постановка 1793, издание 1794). Князь А. И. Голицын создал комедию «Светское обращение, или Нравы века» (1798, издание 1800), в которой, используя пьесу Дэвида Гаррика (Garrick, 1717–1779) «Бонтон, или Светская жизнь наверху» («Bon Ton, or High Life above Stairs», 1775), «перевел два действия, а третье приделал», как указал на титульном листе. Своеобразно в это время проникал в Россию В. Шекспир. На сцену попали лишь две классические переделки — трагедия А. П. Сумарокова «Гамлет» (1748) и комедия Екатерины II «Вот каково иметь корзину и белье» (1786; на основе «The Merry Wives of Windsor»), которые были далеки от первоисточника. И хотя имя Шекспира и цитаты из его пьес появлялись в русской печати (главным образом в переводных произведениях), он был мало известен русской публике. Два пер. — анонимный «Жизнь и смерть Ричарда III, короля аглинского» (1787) и Н. М. Карамзина «Юлий Цезарь» (1787) — не получили распространения. Русский театр еще не созрел для подлинного Шекспира, который был в сущности заново открыт в России в XIX в. В целом же начатое в XVIII в. восприятие и освоение английской лит. в дальнейшем развивалось и стало неотъемлемым компонентом русской культуры.

Л и т.: *Алексеев М. П.* Русско-английские литературные связи (XVIII в. — первая половина XIX в.) // Литературное наследство. М., 1982. Т. 91; *Левин Ю. Д.* Восприятие английской литературы в России: Исследования и материалы. Л., 1990; «Англофилия у трона»: Британцы и русские в век Екатерины II. Каталог выставки / Сост. Э. Кросс. <London, 1992>; Английская литература в русской критике. Библиографический указатель. Ч. 1. Средние века — XVIII век. М., 1994; История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. 1. Проза. Т. 2. Драматургия. Поэзия. СПб., 1995–1996; *Кросс Э.* У Темзских берегов: Россияне в Британии в XVIII в. СПб., 1996; *Вацуро В. Э.* Готический роман в России. М., 2002; *Simmons E. J.* English Literature and Culture in Russia (1553–1840). Cambridge, Mass., 1935; *Cross A. G.* 1) Karamzin and England // Slavonic and East European Review. 1964. Vol. 43. N. 100; 2) Anglo-Russia: Aspects of Cultural Relations between Great Britain and Russia in the Eighteenth and Early Nineteenth Centuries. Selected Essays. Oxford; Providence, 1993; *Levin Ju. D.* The English Novel in 18th-Century Russia // Literature, Lives, and Legality in Catherine's Russia / Ed. by A. G. Cross and G. S. Smith. Nottingham, 1994.

Ю. Д. Левин

АРЖАНС (Argens), Жан-Батист де Буайе, маркиз де (24.06.1704, Экс-ан-Прованс — 11.01.1771, Ла Гард), французский философ-просветитель, автор романов, исторических и политических трактатов, соч. по вопросам эстетики и морали. Из его произведений в русских пер. были изданы: «Счастливейший Флорентинец, или Жизнь графа де Ла Валле» (СПб., 1763), «О блаженной или благополучной жизни» (М., 1769), «Приключения кавалера Де...» (СПб., 1772), «Своевольство счастья и любви, или Похождение Россалины» (СПб., 1773, второе издание — М., 1787), «Влюбленный философ, или Приключения графа Момжана» (М., 1787); «Маркиз Мирмон, или Уединенный философ» (СПб., 1783). Сказка д'А. «История о короле Кампани и принцессе Парфет» получила распространение в рукописных пер. А. П. Сумароков в кон. 1753 или нач. 1754 защищал д'А. в споре с французским писателем Фужере де Монброном, а И. П. Елагин упомянул его имя в своей рукописной «Эпистоле». Наибольшей известностью пользовались эпистолярно-философские романы д'А. «Кабалистические письма» («Lettres cabalistiques», 1737–1741), «Еврейские письма» («Lettres juives», 1736–1737), «Китайские письма» («Lettres chinoises», 1739–1740), «Египетские и английские письма» («Lettres egyptiennes et anglaises», 1742), представляющие собой единый цикл, задачей которого было, по словам автора, нарисовать «картину быта и нравов разных народов, уберечь людей от предрассудков, лицемерия, фанатизма, помочь людям познать истину». И. А. Крылов в «Почте духов» использовал «Кабалистические письма» и «Еврейские письма» как образец и важнейший источник: почти половина писем — близкий, часто дословный пер. их текста, лишь приспособленный к потребностям русской жизни. По этим «Письмам» можно судить и об особом интересе д'А. к России: в них содержатся восторженные отзывы о просветительской деятельности Петра I, «величайшего из государей, который когда-либо управлял смертными».

Л и т.: *Разумовская М. В.* 1) «Почта духов» И. А. Крылова и романы маркиза д'Аржана // Русская литература. 1978. № 1. С. 103–115; 2) Становление нового романа во Франции и запрет на роман 1730-х годов. Л., 1981.

М. В. Разумовская

АРИОСТО, АРИОСТ (Ariosto), Лудовико (крещен 8.09.1474, Реджонель-Эмилия — 6.07.1533, Феррара), итальянский поэт и драматург. В России XVIII в. главное соч. А. — поэма «Неистовый Роланд» («Orlando furioso», 1532) — было известно одновременно как один из образцов эпоса и как прославленный роман. Уважительное отношение к А. основывалось на высокой оценке, которую дал «Неистовому Ро-

ланду» Вольтер в «Опыте об эпической поэзии» (1728), а вслед за ним — А. П. Сумароков в «Эпистоле о стихотворстве» (1747); в ряду образцовых итальянских поэтов упомянут А. и в письме Вольтера Сумарокову (1769), которое последний опубликовал в предисловии к своей трагедии «Димитрий Самозванец». Косвенно влиянию А. способствовала и популярность поэмы Вольтера «Орлеанская девственница», явно ориентированной на традицию «Неистового Роланда». Имя А. стало появляться в русских теоретико-литературных соч. («Опыт о стихотворстве», приписываемый С. Г. Домашневу (Полезное увеселение. 1762. Май), и др.), однако авторитет А. как эпического поэта в России не был очень высок, поскольку читатель XVIII в. обычно воспринимал итальянскую поэму в контексте массовой рыцарской повести (о Бове Королевиче и т. п.). В списках рукописных книг XVIII в. зафиксировано пять прозаических соч., в названиях которых встречаются имена героев «Неистового Роланда». В рецензии на пер. поэмы Н. М. Карамзин назвал А. романистом. Теоретиков нормативной поэтики смущало сходство «Неистового Роланда» с неканоническим жанром романа, запутанность и разветвленность фабулы, многообразие тематики, неоднородность стиля и настроения, наличие комических эпизодов, неполное подчинение дидактической идее и т. д.

Отдельные издания поэмы А. или отрывки из нее имелись в библиотеках князя А. Д. Кантемира, М. В. Ломоносова, были знакомы М. Д. Чулкову, М. М. Хераскову, М. Н. Муравьеву и некоторым др. русским писателям. «Неистовый Роланд» несколько раз переводился в России XVIII в., но лишь частями. Полное прозаическое переложение, выполненное писцом Комиссии по составлению нового Уложения Н. Илером, дошло до нас во фрагментах и до сих пор не напечатано. Р. М. Горохова полагает, что текст Илера мог быть заказан Собранием, старающимся о пер. иностранных книг: достоверные документы о заказе Собранием переложения поэмы А. сохранились, а сведений о судьбе этого пер. нет. Отрывки из «Неистового Роланда» периодически публиковались в русских журналах и сб. XVIII в.: из песни XIV в пер. М. Д. Чулкова (И то и се. 1869. Окт. Неделя 41), из песен XVIII–XIX (Новая сельская библиотека. Т. 1. СПб., 1779) и XLIII (Там же. Т. 2. СПб., 1780). Наиболее полное переложение «Неистового Роланда» на русский язык в XVIII в. было выполнено П. С. Молчановым (Ч. 1–3. М., 1791–1793) и предварено жизнеописанием А. Из 46 песен поэмы переведены 33. Неизвестно, был ли закончен пер. и по каким причинам прервано

его издание. Сочувственную рецензию на первый том этой книги поместил в «Московском журнале» (1791. Кн. 2) Н. М. Карамзин, который, отдавая должное дарованию А., все же ставил его ниже Вергилия и Тассо. Сохранилось также упоминание Я. И. Булгакова в предисловии к переложению «Влюбленного Роланда» М. М. Боярдо о том, что им начат пер. поэмы А. Русские пер. «Неистового Роланда» написаны не октавами, а прозой, что особенно сближало их с романами, и выполнены не с оригинала, а с французского пер.

Поэма А. почти не находила в России XVIII в. адекватного читателя: массовой публике был интересен рыцарский сюжет, но слишком сложной и потому скучной казалась манера его преподнесения; образованный круг не удовлетворяло несоответствие «Неистового Роланда» канонам. Лишь в кон. столетия явно обнаруживается влияние А. на русскую сказочную стихотворную повесть (А. Н. Радищев, Н. М. Карамзин). М. М. Херасков создал поэму «Бахарияна» (1803) в подражание А.

Распространение в России XVIII в. рукописных и печатных переложений «Неистового Роланда» подготовило взлет популярности А., который приходится на эпоху романтизма и связан с творчеством К. Н. Батюшкова, П. А. Катенина, А. С. Пушкина.

Л и т.: *Горохова Р. М.* Ариосто в России // *Ариосто Л.* Неистовый Роланд. Т. 2. М., 1993.

Н. А. Гуськов

БАТТЁ (Batteux), Шарль, аббат (6.05.1713, Алландюи — 14.07.1780, Париж), французский литератор и переводчик, один из авторитетов позднего классицизма. Основные его труды: «Искусства, сведенные к единому принципу» («Beaux-arts réduits a un seul principe», 1746), «Курс изящной словесности» («Cours de belles-lettres», 1750). Разрабатывал теорию «подражания природе», утверждая необходимость избирательного подражания, соединения того, что есть, с тем, что может быть, и с тем, что нужно человеку. Пересоздание реальности он объявляет главнейшим принципом искусства. Б. принадлежит идея о классификации искусств в зависимости от целей и потребностей: 1) технические искусства, 2) искусства, источник которых — потребность в удовольствии: музыка, поэзия, живопись, 3) искусства, одновременно приносящие и пользу и удовольствие, — ораторское искусство и архитектура.

Б. повлиял на эстетические теории русских писателей XVIII в. Г. Р. Державин в «Рассуждении о лирической поэзии» ссылается на него, например, касаясь вопроса о традиционном разделении од на апробатерическую, эпибатерическую и т. д., в зависимости от поводов их создания: отъезд из отечества, возвращение, благодарственная и т. д. М. В. Ломоносов в «Риторике» (1748) во многом под влиянием Б. разрабатывает главу «О вымыслах». Он соглашается с Б., говоря о романах, которые «никакого учения добрых нравов и политики не содержат». Теоретические высказывания Б. о равноправии трагедии и эпопеи сыграли большую роль во время споров 1740–1750-х вокруг трагедий Сумарокова, а затем Ломоносова. Б. размышляет также и о жанре басни. К нему, по-видимому, восходит суждение о Лафонтене А. П. Сумарокова в «Эпистоле о стихотворстве» (1747). В понимании Сумарокова Лафонтен величайший из тех, кто трудился в этом жанре, т. к. он строит свои басни как «маленькие трагедии»; Сумароков вообще считал важнейшей чертой его басен драматизм. О своем интересе к Б. пишет и Н. М. Карамзин в «Письмах русского путешественника».

Лит.: *Серман И. З.* Русский классицизм. Поэзия. Драма. Сатира. Л., 1973; *Западов В. А.* Последняя часть «Рассуждения о лирической поэзии» Г. Р. Державина // XVIII век: Сб. 16. Л., 1989. С. 289–318.

И. В. Лукьянец

БЕККАРИА (Beccaria), Чезаре, маркиз ди (15.03.1738, Милан — 28.11.1794), итальянский просветитель, юрист, жил в Милане. Главный труд Б. — «О преступлениях и наказаниях» («*Dei delitti e delle pene*», 1764) — оказал значительное влияние на русскую общественную мысль XVIII в. и на развитие просветительского движения в России. Развивая идеи барона Ш. де Монтескье и др. философов-просветителей, исходя из трактовки государства как результата общественного договора, Б. стремился построить судебное законодательство на теории естественных прав. Он требовал жесткого разделения законодательной и судебной власти, допуская систему наказаний лишь как средство обезопасить общество от явлений, нарушающих естественный закон. Позиция Б., доказывающего неразумность, а вследствие этого вред современного судопроизводства, отличается последовательным гуманизмом: при обвинении преступника он признает приемлемыми лишь очевидные улики, считая, что лучше не наказывать виновного, чем покарать невинного; тюрьмы признаются целесообразными лишь как место содержания подозреваемого до суда и т. д. Вместе с тем Б. признает наказание за преступление неизбежным, требует отказаться от идеи помилования, но

устанавливает критерий соразмерности наказания провинности, доказывает бесполезность жестоких наказаний, выступает против смертной казни, предлагая заменить ее пожизненным лишением свободы — главного из естественных прав. Особенно большое значение в европейской юриспруденции имело убедительное обоснование бесполезности и неправомерности применения пыток во время расследования.

Трактат Б. сразу после выхода в свет был переведен на немецкий язык, появился во французской обработке Морелле, впоследствии одобренной автором, и вскоре стал известен в России: Екатерина II в письме Фридриху II от 17 октября 1766 упоминает «О преступлениях и наказаниях» наряду с «Духом законов» Монтескье в качестве главного источника своего «Наказа»; в 1767 профессор Г. Ф. Миллер сравнивал итальянское и французское издания труда Б. и рассказывал об этом С. Р. Воронцову. В России в XVIII в. трактат «О преступлениях и наказаниях» не издавался, возможно, потому, что казался слишком смелым проектом преобразования судебной системы, однако было выполнено несколько рукописных пер. этого соч.: в сер. 1760-х — князем М. М. Щербатовым по заказу Собрания, старающегося о пер. иностранных книг, и Г. В. Козицким лично для Екатерины II (о чем она сообщает в рукописи «Наказа»), в кон. XVIII в. неизвестным переводчиком по личному заказу графа А. Р. Воронцова. Сугубо специальное (юридическое) содержание и недостаточная доступность широкой публике не помешали трактату сделаться событием русской культуры, поскольку к узкому кругу читателей Б. принадлежали идеологи основных направлений русской общественной мысли.

Влияние идей Б., смягченных в духе представлений консервативной просвещенной аристократии, обнаруживается в «Рассуждении о смертной казни» князя М. М. Щербатова, который с уважением упоминал имя Б. в трактате «О способах преподавания разных наук». Напротив, радикальное развитие взглядов Б. заметно в окружении графа А. Р. Воронцова. Хотя А. Н. Радищев не упоминал имени Б., но в соч. «О добродетели и награждении», «О необходимости законодательства», «Опыт о законодательстве» высказывает сходные мысли. О трактате «О преступлениях и наказаниях» Радищев, вероятно, должен был знать до поступления на службу к Воронцову от своего близкого друга Ф. В. Ушакова, который в Лейпциге по заданию профессора К. Гоммеля написал на основе труда Б. «Рассуждение о смертной казни». В самом нач. XIX в. Вольное общество любителей словесности, науки и художеств, куда входили сын Радищева и его ближайшие последователи (И. П. Пнин и др.), занялось

популяризацией труда Б. и опубликовало его русский пер. Распространение идей Б. спровоцировало в Европе возникновение литературных произведений, посвященных изобличению жестокости современных тюрем, где жертвами унижений и пыток оказываются невинные, или злоупотреблений судебной системы. В России появляется ряд текстов первого («Так и должно» (1772); «Точь-в-точь» (1783) М. И. Веревкина и др.) и второго типа («Ябеда» (1799) В. В. Капниста; «Неслыханное диво, или Честный секретарь» (изд. 1802) Н. Р. Судовщикова и др.).

Наиболее деятельным пропагандистом идей Б. явилась императрица Екатерина II, внимательно изучавшая новейшие юридические соч. при написании «Наказа Комиссии для составления нового Уложения» и приглашавшая через И. П. Елагина Б. приехать в Россию. Наибольшее влияние труда Б. испытала X глава «Наказа», содержащая обширные дословные цитаты из трактата «О преступлениях и наказаниях»: С. Я. Беликов насчитал 114, Н. Д. Чечулин — 108 заимствований из трактата. Система законодательства, предложенная Б., казалась в России в XVIII в. не только слишком смелой, но даже отчасти утопической, и Екатерина II проводила судебные преобразования более умеренно, чем предлагал Б.: в «Наказе» отсутствуют главы о недопустимости тайных обвинений, конфискации имущества в пользу государства, а не потерпевших, о бессмысленности присяги на суде, сокращены и смягчены главы о вреде пытки и недостаточной правомерности понуждений к выдаче сообщников и т. д. Императрица даже была вынуждена запретить «Наказ» для чтения всех подданных за исключением высшего начальства. Однако соч. Б. все же способствовало смягчению русского судопроизводства и системы наказаний и вообще ускорило распространение гуманистических и просветительных идей.

Л и т.: *Городисский А. (А. Ф. Кистяковский). Влияние Беккариа на русское уголовное право // Журнал министерства юстиции. 1864. № 9; Зарудный С. И. «О преступлениях и наказаниях» Ц. Беккариа в сравнении с главой 10 «Наказа» Екатерины II и с современными русскими законами. СПб., 1879; Беликов С. Я. Значение Беккариа в науке и в истории русского уголовного законодательства // Беккариа Ц. О преступлениях и наказаниях. Харьков, 1889; Фельдштейн Г. С. Уголовно-правовые идеи Наказа Екатерины II и их источник. Ярославль, 1909; Витт В. Екатерина II как криминалистка. СПб., 1910; Берков П. Н. Книга Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях» в России // Россия и Италия: Из истории русско-итальянских культурных и общественных отношений. М., 1968.*

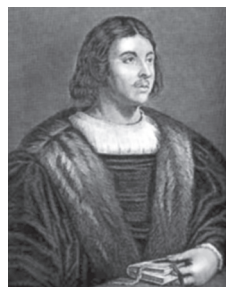
Н. А. Гуськов

БОККАЛИНИ (Boccalini), Траяно (1556, Лорето — 16.11.1613, Венеция), итальянский писатель, особенно прославившийся памфлетом «Парнасские ведомости» («Ragguagli di Parnaso», изд. 1612–1613), выпущенным посмертно добавлением к ним «Пробный камень политики» («Pietra del paragone politico», изд. 1614), а также известный коммент. к трудам Тацита и «Политическими и историческими письмами». Соч. Б. были весьма популярны среди русской образованной публики первой половины XVIII в. Хотя сатирические выпады Б. были мало понятны русскому читателю, не знакомому с литературной ситуацией в Италии XVII в. и с творчеством авторов, обсуждаемых в «Парнасских ведомостях», издания произведений Б. имелись в библиотеках Ф. Прокоповича, князя А. Д. Кантемира, князя Д. М. Голицына, П. П. Шафирова, П. А. Толстого и др. видных политических и культурных деятелей первой трети XVIII в.; в книжном собрании Шафирова имелся также обзор соч. Б. на итальянском языке «Политические весы кастеляна Боккалини». «Парнасские ведомости» дважды переводились: А. Васильевым (1728) и неизвестным переводчиком. Эти пер. распространялись в рукописи и, вероятно, обсуждались. Имя Б. часто встречалось в одном ряду с именем Н. Макиавелли (например, у В. Н. Татищева), его идеи казались весьма вольнодумными, и поэтому чтение Б. вызывало недовольство правительства. Вероятное влияние соч. Б. на литературную полемику первой половины XVIII в. требует специального изучения. Степень знакомства писателей второй половины XVIII в. с творчеством Б. неизвестна, однако в романе Ф. А. Эмина «Непостоянная фортуна, или похождения Мирамонда» (1763) имеется ряд реминисценций из различных текстов Б., все цитаты искажены Эминым ради внесения злободневного элемента.

Лит.: Юсим М. А. Макиавелли в России: Мораль и политика на протяжении пяти столетий. М., 1998; Рак В. Д. Итальянские впечатления Феридата: Об одном источнике романа Ф. Эмина «Непостоянная фортуна, или похождения Мирамонда» // XVIII век. Сб. 23. СПб., 2004.

Н. А. Гуськов

БОККАЧЧО, БОКАС, БОКАЦИЙ (Boccaccio), Джованни (1313, Париж — 21.12.1375, Чертальдо под Флоренцией), итальянский писатель, один из величайших культурных деятелей раннего Возрождения. Из соч. Б. наиболее известен цикл из ста прозаических новелл «Декамерон» («Decamerone», 1350–1353), вызвавший многочисленные подражания в европейской лит. В России XVIII в. не только произведения, но и

имя Б. были почти неизвестны, поскольку, как и большинство авторов раннего Возрождения, он казался писателем грубым и недостаточно искусственным в правилах изящного вкуса. Однако, хотя имя Б. редко встречается в западной и русской критике XVIII в., оно с уважением упомянуто автором «Рассуждения о стихотворстве», приписываемого С. Г. Домашневу (Полезное увеселение. 1762. Май), и Г. Р. Державиным в «Рассуждении о лирической поэзии». В обоих случаях информация и характер оценок почерпнуты из трактата Вольтера «Опыт о нравах». Произведения Б. не переводились, но через посредничество более поздних западных новеллистических сб. сюжеты «Декамерона» были знакомы русской публике и разрабатывались в массовой развлекательной прозе еще в XVII в. Сборник «Смехотворные повести», распространенный в рукописи в XVII — первой половине XVIII в., содержит переработки пяти новелл «Декамерона» (день II, новелла 9; день VII, новеллы 2, 4, 7; день VIII, новелла 8). Фабула новелл упрощается в духе прямолинейной дидактики или примитивного анекдота и облачается в силлабическую виршевую форму. Тексты Б. основательно переделаны и по большей части приспособлены к русским нравам беллетристам сер. XVIII в., которые также обращались, вероятно, не к оригиналу: «В чужом пиру похмелье», обработка новеллы 6-й дня III (Пересмешник. Ч. 1 (1766) М. Д. Чулкова), «О двух друзьях, живших во Флоренции, и о женах их», переработка новеллы 8 дня VIII («Похождения Ивана Гостиного сына» (1785–1786) И. Новикова). В «Декамероне», как и в европейской новеллистике в целом, для русской публики XVIII в., эпохи раскрепощения нравов, перехода от церковной культуры к светской и торжества рационалистической философии, были наиболее привлекательны фривольно-анекдотические или сугубо назидательные сюжеты; самые глубокие и значительные тексты Б. почти не привлекали внимания. К одной из лучших новелл «Декамерона» (новелла 9 дня V) восходит сюжет одной из наиболее замечательных комических опер XVIII в. — «Сокол» (1786, либретто на французском языке Ф.-Г. Лаферьера, музыка Д. С. Бортнянского). Впрочем, либреттист исходил не из оригинального источника, а из оперы на либретто М.-Ж. Седена на музыку П. Монсиньи, поэтому философская и психологическая сложность новеллы Б. оказалась подменена галантностью в стиле рококо. Имеются сведения о том, что творчеством Б. интересовались и некоторые представители русской «ученой» поэзии XVIII в.: князь А. Д. Кантемир послал из Лондона в подарок сестре роман Б. «Фьяметта».

Лит.: *Науменко В.* Новелла Боккаччо в южно-русском стихотворном пересказе XVIII–XVIII ст. // Киевская старина. 1885. № 6; *Мартынов И. Ф.* У истоков русской фривольной поэзии: «Декамерон» Дж. Боккаччо в России XVIII века // *Ricerche slavistiche.* 1982/1984. Vol. 29/31.

Н. А. Гуськов

БОМАРШЕ (Beaumarchais), Пьер Огюстен Карон де (24.01.1732, Париж — 18.05.1799, там же), французский драматург. Первым произведением Б., получившим известность в России, была «Евгения» («Eugenie», 1767). Представленная на московской сцене 18 мая 1770, эта пьеса — весьма типичный образец французской «слезной драмы» — имела большой успех, вызвавший раздраженные нападки А. П. Сумарокова в предисловии к его трагедии «Дмитрий Самозванец» (СПб., 1771). Он упоминает ее и в своей сатире «О худых рифмотворцах»: «“Евгений” ли лезья превысить “Мизантропа”». Драма была переведена Н. Пушкиновым, издана в 1770 и переиздана в 1788. «Севильский цирюльник, или Безполезная предосторожность» («Le Barbier de Séville», 1775) был переведен в Ярославле и издан в 1794 в Калуге. Ранее он был доступен русскому читателю и зрителю в двух версиях — русской и итальянской — либретто оперы Паизиелло, в основе которого лежал текст Б. Переделкой этой знаменитой пьесы была комическая опера Я. Б. Княжнина «Сбитенщик» (1783). Наконец 15 января 1787 на московской сцене была представлена «Женитьба Фигаро» («Le Mariage de Figaro», 1784) в пер. А. Ф. Лабзина. Спектакль был затем многократно повторен и долго сохранялся в репертуаре, а пер. в том же 1787 появился в свет с интересным предисловием переводчика, утверждавшим, в частности, что «старался, сколько мог, не отступаться ни в чем от подлинника».

Л и т.: Эпоха Просвещения: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967. С. 135; Берков П. Н. История русской комедии XVIII века. Л., 1977. С. 280–281; История русской переводной художественной литературы. СПб., 1996. Т. 2.

В. Д. Алташина

БОССЮЭ (Bossuet), Жак-Бенинь (27.09.1627, Дижон — 12.04.1704, Париж), французский историк, автор знаменитых проповедей, видный церковный деятель, воспитатель наследника французского престола, для которого Б. было написано «Рассуждение о всеобщей истории» («Discours sur l’histoire universelle», 1681), основанное на концепции провиденциализма. В ожесточенной полемике с этой концепцией складывались исторические воззрения просветителей. Труд Б. был переведен на русский язык капитаном Василием Наумовым и издан в трех томах в 1761–1762; переиздан в 1774. В 1751 в московской Ака-

демической книжной лавке продавалось «Рассуждение о всеобщей истории» на языке оригинала. В. К. Тредиаковский изучал надгробные речи Б. по лекциям Ш. Роллена, который их широко цитировал и анализировал.

Л и т.: История французской литературы. М.; Л., 1946. Т. 1.

М. В. Разумовская

БУАЛО-ДЕПРЕО (Boileau-Despréaux), Никола (1.11.1636, Париж — 13.03.1712, Париж), французский поэт, автор сатир и од, теоретик классицизма. В истории русской лит. Б.-Д. занимает особо почетное место; он словно участвовал в литературном процессе в России и, по мнению русских писателей, был «преславным стихотворцем», сатириком, чьи произведения, «если не превосходят всех тех, которыми древность хвастает, подлинно соравняться им могут». Судьба Б.-Д. в России была связана не только с формированием классицизма, его произведения изучали и переводили писатели разных мировоззрений и вкусов (М. В. Ломоносов, А. Д. Кантемир, В. К. Тредиаковский, А. П. Сумароков, М. Н. Муравьев, В. И. Майков, Д. И. Фонвизин, И. И. Хемницер, Г. Р. Державин); отношение к наследию Б. мыслилось русскими писателями как «состяжание» с ним. Первым в России упомянул имя Б.-Д. Кантемир, он перевел из его творчества более чем др.: I–IV сатиры и «Речь королю» («Discours au Roi», 1664); пер. были сделаны в 1727–1729, изданы в 1762, но были известны читателям по рукописям; сам Кантемир создал девять произведений в жанре Б.-Д. Тредиаковский напечатал в 1734 «Оду торжественную о здаче города Гданьска» вместе с «Рассуждением об оде вообще»: образцами для этих соч. послужили «Ода на взятие Намюра» («Ode... sur la prise de Namur», 1693) и «Речь об оде» («Le Discours sur l'ode», 1693) Б.-Д. Из «Оды на взятие Намюра» Тредиаковский позаимствовал общий план построения текста и отдельные мотивы, в его «Рассуждении об оде вообще» пересказана концепция пиндарической оды Б.-Д., иногда с дословным пер. Подражание Тредиаковского открыло для России новый жанр, творцом которого явился Б.-Д. Кроме того, Тредиаковский в своей книге «Сочинения и переводы как стихами, так и прозою» (СПб., 1752) печатает «Науку о стихотворстве и поэзии с французских стихов Боало-

Депреновых стихами». Сумароков определил свою литературную позицию в «Двух эпистолах» — «О русском языке» и «О стихотворстве» (1748); вторая из эпистол имеет образцом знаменитый трактат Б.-Д. «Поэтическое искусство» («L'Art poétique», 1674). Сумароков чередовал пер. и пересказы трактата Б.-Д. с собственным объяснением поставленных им проблем (подражание классическому канону, соотношение рационального и чувствительного и т. д.). Во второй половине XVIII в. «Поэтическое искусство» Б.-Д., при всем почитании, уже не пользовалось специальным вниманием, однако часто цитировалось: «О стихотворстве» С. Г. Домашнева (Полезное увеселение. 1761. Май–июнь), «Рассуждение о различии слогов высокого, великолепного, величественного, громкого, надутого» М. Н. Муравьева (Опыт трудов вольного российского собрания при Московском университете. 1783. Ч. 6), «Театр» П. А. Плавильщикова (Зритель. 1791. Ч. 2–3). Чаще др. вспоминает о «Поэтическом искусстве» анонимный автор «О качествах стихотворца рассуждения» (Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. 1755. Май). Самым тщательным подражанием «законодателю Парнаса» Б.-Д. является «Опыт о стихотворстве» Муравьева (вторая половина 1770-х, опубл. в 1913), в котором он по-своему трактует многие основные понятия поэтики Б.-Д. (талант и гений, страстность, вымысел, естественность, чувство меры и т. д.). Хотя сатиры Б.-Д. воспринимались как абсолютное достижение в этом жанре, прямых пер. и переделок стихотворных сатир Б.-Д. на русские нравы в XVIII в. было немного. Помимо пер. и подражаний Кантемира, можно назвать пер. В. Г. Рубана VIII и X сатир, анонимные пер. II и VIII сатир в «Новых ежемесячных сочинениях» (1788, 1793), переделку в духе русских нравов I сатиры Б.-Д. под названием «Стихотворец Нелюдим», ходившую в рукописи. В травестийной поэме «Налой» («Le Lutrin», 1674) Б.-Д. опровергал «низкий» бурлеск и воплотил свои представления об ирои-комической поэме. Майков перевел V песнь «Налоя» и сочинил, следуя принципам Б.-Д., свою поэму «Игрок ломбера»; те же принципы воплотились и в «Бое стихотворцев» Я. Б. Княжнина, в «Плачевном падении стихотворцев» М. Д. Чулкова. Отрывок из «Речи королю» перевел Державин, которого привлекло совмещение торжественности и обыденности, серьезности и шутливости, панегиричности и светскости. Реминисценции из «Речи к королю» встречаются в посланиях к императрице В. П. Петрова, в «Письме графу Петру Александровичу Румянцеву» Майкова. Н. И. Новиков в соч. «Сколько во Франции почитают Боало

де Прей» (Живописец. 1775. Ч. 2), говоря об общественном и патриотическом долге писателя, упоминает Б.-Д. На протяжении XVIII в. за Б.-Д. сохранилась слава «лучшего стихотворца».

Лит.: *Песков А. М.* Буало в русской литературе XVIII — первой трети XIX века. М., 1989; *Серман И. З.* Неизданный конспект М. В. Ломоносова «Трактата о возвышенном» Псевдо-Лонгина в переводе Н. Буало // XVIII век. Сб. 22. СПб., 2002. С. 333–346.

М. В. Разумовская

БЮФФОН (Buffon), Жорж-Луи Леклер, граф де (7.09.1707, Монбар — 16.04.1788, Париж), французский ученый-естествоиспытатель, создатель первого в истории европейской науки подлинно научного и философского труда по зоологии — «Естественной истории» («Histoire naturelle, générale et particulière», 1749–1788. В 36 т.), в котором были описаны все известные к тому времени виды млекопитающих и птиц,

член Парижской Академии наук, почетный член Петербургской Академии наук. Первые журнальные пер. ряда глав «Естественной истории», выполненные силами ученых Академии наук, стали появляться с сер. 1750-х («Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие». 1756. Июнь, окт.–дек.). В январе 1759 в журнале «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие» печатается отрывок из «мемуара» Б. по вопросам лесоводства — «Легкий способ г. Бюффона придать лесу большую плотность, крепость и прочность». В 1786 (ноябрь) в литературно-научном журнале Академии наук «Новые ежемесячные сочинения» в пер. академика Н. Я. Озерецковского публикуется рассуждение Б. «О стиле» (пер. был точным и полным). В 1793–1794 в том же журнале появляется переведенное студентами Академического университета «Защитение г. де Бюффона от несправедливых и неблагоприятных нареканий г. Делюка и Сажы». «Естественная история» стала выходить по-русски с 1789, издание продолжалось до 1808 и составило в общей сложности 10 т. Пер. осуществляли академики С. Я. Румовский, Н. Я. Озерецковский, А. П. Протасов, И. И. Лепехин, П. Б. Иноземцев, В. Ф. Зуев, С. К. Котельников и Н. П. Соколов. И. И. Лепехин целиком перевел с 5-го по 10-й т. этого труда. Но пер. «Естественной истории» не был ни законченным, ни полным как по охвату всех томов оригинала, так и в отношении пер. отдельных томов; подстрочные примеч. переводчиков касались в основном неточностей, допущенных Б. в

отношении русских реалий. Б. был достаточно известен и в неакадемических кругах: в 1783 Н. И. Новиков напечатал в издаваемой им газете «Московские ведомости» биографический очерк Б. (№ 68–71). В том же году у Новикова в московской университетской типографии была издана книга «Дух Бюффона», переведенная Малиновским и включавшая в себя избранные отрывки из «Естественной истории». В 1793–1794 тобольский журнал «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная...» регулярно публиковал отрывки из «Естественной истории» под рубрикой «Любопытные примечания на нравы животных». Н. М. Карамзин в своем «Пантеоне иностранной словесности» (М., 1798. Кн. 2) напечатал отрывок теоретического рассуждения Б. «Естественная история человека» в собственном пер. В переписке с Б. состояли Л. Эйлер, С. Г. Домашнев, И. И. Шувалов. «Естественная история» имела в XVIII в. во многих частных библиотеках России, например, в библиотеке Г. Р. Державина. Идеи Б. нашли отражение и в русской лит. эпохи Просвещения: Д. И. Фонвизин в своих соч., прежде всего в «Бригадире» и «Недоросле», полемизировал с идеями социальной антропологии, которые развивал Б. (варварство и цивилизация, просвещение и дикость), однако некоторые из идей Б. (понятие «человек — животное») отразились в его пьесах.

Л и т.: *Райнов Т. И.* Русские академики второй половины XVIII века и Бюффон (к 150-летию русского перевода Бюффона) // Вестник АН СССР. 1939. № 10. С. 126–147; *Разумовская М. В.* «Естественная история» Бюффона и Фонвизин (к постановке вопроса) // XVIII век: Сб. 15: Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л., 1986. С. 97–108.

М. В. Разумовская

ВИЛАНД (Wieland), Кристоф Мартин (5.09.1733, Оберхольцхейм — 20.01.1813, Веймар), выдающийся прозаик и поэт немецкого Просвещения, создатель особого сентиментально-иронического стиля (лит. рококо), соединяющего в себе философский скепсис и социальную сатиру, основатель и ред. влиятельного журнала «Немецкий Меркурий» («Der Deutsche Merkur», 1773–1810). С 1772 В. жил и работал в Веймаре, положив вместе с И. В. Гете нач. литературной славы города. Первые русские пер. соч. В. появились в 1778 в журнале «С.-Петербургский вестник» (ч. 1, переводчик-ред. журнала Г. Л. Байко) и в «Утреннем свете» Н. И. Новикова. Почитателем В. был М. Н. Муравьев (см. его «Дщицы для записывания» // Утренний свет. 1778. Ч. 4). Первое пере-

веденное произведение В. — философско-сатирический цикл «Разговоры Диогена Синопского» («Die Gespräche des Diogenes von Synopre», 1770); пер. отрывков, подражания — в «Детском чтении» (1786. Ч. 6), «Приятном и полезном препровождении времени» (1796. Ч. 12) и т. д.; отдельные издания в пер. Ивана Татищева-младшего (М., 1802). Ранние произведения В. пиетистской направленности (гимны, псалмы) переводились и публиковались в различных журналах кон. 1780-х и в 1790-х, «нежного» В. предпочитали в «Приятном и полезном». Поэма молодого В. «Искушение Авраамово» («Der gerührte Abraham», 1753) в пер. Г. В. Медведева издавалась дважды (М., 1780, 1787). Как автор стихотворной иронической сказки В. впервые был представлен в России сказочной поэмой «Оберон» («Oberon», 1780), переведенной В. А. Левшиным ритмизованной прозой (М., 1787). Сатирические романы В. «Золотое зеркало» («Der goldene Spiegel», 1772, русский пер. 1781), «Новый Дон Кишот, или Чудные похождения дона Силвио де Розальвы» (первая часть заглавия в оригинале: «Победа Природы над мечтательностью» — «Der Sieg der Natur über die Schwärmerei oder Die Abenteuer des Don Sylvio de Rosalva», 1764, русский пер. 1782) и роман воспитания «Агатон» («Agathon», русский пер. 1783 со 2-го издания 1773) перевел Ф. И. Сапожников (род. 1749) и издал Н. И. Новиков. В 1791 — первый пер. сатирического романа В. «История абдеритов» («Die Geschichte der Abderiten», 1781), выполненный М. Г. Гавриловым (1759–1829), преподавателем немецкого языка, впоследствии профессором Московского университета. Др. пер., более сатирически-острый, — В. А. Левшина: «Зеркало для всех, или Забавная повесть о древних авдеранцах, в которой всяк знакомых без колдовства увидеть может» (Калуга, 1795). В 1796–1800 соч. В. и номера его журнала запрещались российской цензурой.

Н. М. Карамзин описал в «Письмах русского путешественника» (1791–1795) свою беседу с В. в Веймаре в июле 1789; сохранилось письмо Карамзина к В. из Женевы, от 4 октября 1789. Со временем образ «доброего» В. в представлении Карамзина изменился: последняя книга «Московского журнала» рекомендовала В. как сатирика и автора политических романов (1792. Ч. 8). В «Московском журнале» (1791. Ч. 4) был напечатан отрывок из «Оберона» в пер. Карамзина. Следы интереса Карамзина к В. остались также в его прозе 1790–1800-х, в попытке создания стихотворной сказки.

Л и т.: *Данилевский Р. Ю.* Виланд в русской литературе // От классицизма к романтизму: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1970; *Winkel H. J.* zum. Ein Brief Karamzins an Wieland vom Jahre 1789 // Slawistische Studien zum V. Internat. Slawistenkongreß in Sofia. Göttingen, 1963; *Günther K.* Wieland und Rußland // Zeitschrift für Slawistik. 1968. Bd. 13. H. 4, 5.

Р. Ю. Данилевский

ВИНКЕЛЬМАН

(Winckelmann Johann Joachim), Иоганн Иоахим (9.12.1717, Стендаль — 8.06.1768, Триест), искусствовед, археолог и теоретик, основоположник научного искусствознания. Первое значительное соч. В. «Мысли о подражании произведениям греческой живописи и скульптуры», опублик. в 1755, имело программный характер. Анализируя античное искусство и провозглашая его высочайшим достижением всех времен и народов, В. пришел к выводу о необходимости подражания ему как главному пути приближения к прекрасному. Более детально разработанное учение об идеальной красоте, занимающее в эстетике В. центральное место, отражено в «Истории искусства древности». Ее публикация в 1766, а вскоре и французского пер., способствовали широкому знакомству со взглядами В. во всей Европе и в России. Сразу после выхода в свет первой книги В. она была прислана И. К. Готшедом Я. Штелину, руководившему художественной деятельностью Петербургской Академии наук. Мысли В. популяризировал профессор Московского университета И. Г. Рейхель. Др. путями проникновения идей В. в Россию явились путешествия русской аристократии и пенсионерские поездки воспитанников С.-Петербургской Академии художеств в Италию, где под влиянием В. сформировалась особая художественно-интеллектуальная среда; наконец — теоретические трактаты Д. А. Голицына, И. И. Виена, И. Ф. Урванова, П. П. Чекалевского, адресованные будущим художникам и отразившие основные взгляды В. по кардинальным проблемам теории и истории искусства. Свидетельство тому — их смысловая и текстуальная зависимость, прямое цитирование, а в некоторых случаях, как, например, в изданном в 1794 учебнике «Краткое руководство к истории свободных художеств», — следование системе периодизации и принципам изложения материала. Подбор скульптур, отливки с которых были заказаны И. И. Шуваловым для Академии художеств в Петербурге в 1769, отражает систему приоритетов, которую развивал в своих трудах В. Они служили образцами для копирования воспитанникам, их позы и жесты «цитировались» не только в учебных, но и творческих работах художников, их гипсовые и бронзовые воспроизведения украшали дворцы и дома Петербурга и его пригородов. Взгляды В. оказали существенное

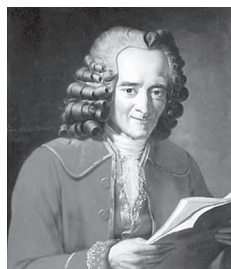
влияние на развитие русской академической школы. Они воплотились в произведениях ее воспитанников, где антикизация выступает как главный способ художественного обобщения, в полной мере адекватный характеру заказов и эстетических представлений эпохи. Не случайно еще в 1780 Совет Академии удостоил звания почетного члена «за экземпляр похвал в честь покойного Винкельмана, сочинения г-на надворного советника и геттингенского университета секретаря Христиан Готлиб Гейна».

Соч.: Избранные произведения и письма / Пер. А. А. Алявдиной. Репринт с изд. 1935. М., 1996; История искусства древности. Малые сочинения / Сост., пер. с нем., очерк жизни и творчества И. И. Винкельмана, коммент., прилож., указатель И. Е. Бабанова. СПб., 2000.

Лит.: *Reißelъ И.-Г.* Слово о художествах древних, в которых замысел и искусство художников похвалу заслуживают. [М.], 1770; Замечания о прелести в произведениях искусства, по руководству аббата Винкельмана // Чтение для вкуса, разума и чувствований. 1792. Ч. V. С. 261–272; Эстетика Винкельмана и современность. Сб. ст. / Под ред. В. В. Ванслово, В. П. Шестакова. М., 1994; *Мозговая Е. Б., Лаппо-Данилевский К. Ю.* Идеи И. И. Винкельмана и петербургская Академия художеств в XVIII столетии // XVIII век. Сб. 22. СПб., 2002; *Lappo-Danilevskij K. Yu.* Gefühl für das Schöne. J. J. Winkelmanns Einfluss auf Literatur und ästhetisches Denken in Russland. Köln; Weimar; Wien, 2007.

Е. Б. Мозговая, К. Ю. Лаппо-Данилевский

ВОЛЬТЕР (Voltaire), (Аруэ) Франсуа-Мари (21.11.1694, Париж — 30.05.1778, там же), поэт, прозаик, драматург, историк, философ, один из крупнейших мыслителей и деятелей французского Просвещения. Первое упоминание его имени в русской печати относится к 1735 («Эпистола от российския поэзии к Аполлину» В. К. Тредиаковского), наиболее ранний пер. датируется 1743 (А. Д. Кантемир). В дальней-

шем В. переводили М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, И. Ф. Богданович, В. И. Майков, М. М. Херасков, Я. Б. Княжнин, Н. М. Карамзин, а также множество писателей второго ряда и профессиональных переводчиков (С. И. Глебов, П. С. Потемкин, А. И. Голицын, А. Л. Дубровский, Е. И. Костров, М. И. Попов, П. М. Карабанов, С. С. Башилов, Ф. А. Полунин, Н. Е. Левицкий и др.); значительная часть пер. была опубл. анонимно. На русском языке увидели свет — отдельно и в журналах — произведения В. всех жанров, причем не-

которые из них неоднократно переиздавались; несколько пьес было с успехом поставлено на сцене, но в печати так и не появилось; публицистика антирелигиозного содержания распространялась по преимуществу в списках.

С нач. 1760-х и до кон. века на страницах русской печати постоянно встречаются цитаты из В. (в подлиннике и пер.), излагаются его мысли, фигурирует его имя (в т. ч. и как синоним великого поэта), сообщаются различные сведения о нем, характеризуется его творчество; изредка оценивается и деятельность его переводчиков. Наконец, под несомненным воздействием В. создаются некоторые русские соч., такие как «аллегория» Ф. И. Дмитриева-Мамонова «Дворянин-философ» (1769), повесть М. М. Хераскова «Золотой прут» (1782), трагедия Н. П. Николаева «Сорена и Замир» (1784), косвенное его влияние ощущается в десятках поэм, повестей, стихотворений.

Вершиной русского «вольтеризма» явилось «Полное собрание всех донныне переведенных на российский язык и в печать изданных сочинений г. Вольтера», предпринятое на рубеже 1780–1790-х И. Г. Рахманиновым, которому, однако, удалось осуществить свой грандиозный замысел лишь в самой малой степени: в 1793 издание было остановлено и запрещено по повелению Екатерины II, сильно охладевшей в связи с революционными событиями во Франции к просветительским идеям и бывшему кумиру. Впрочем, некоторый спад увлечения В. на исходе XVIII в. был обусловлен не только цензурными преследованиями: в большей мере ему способствовало также постепенное усиление в русской культуре преромантических тенденций и нарастание интереса к Ж.-Ж. Руссо, Оссиану, Шекспиру, Юнгу, Гете. Такое положение сохранялось вплоть до 1801, когда с наступлением нового периода в общественно-политической жизни России начался и новый — весьма насыщенный и плодотворный — этап в истории «русского Вольтера».

Л и т.: *Заборов П. Р.* Русская литература и Вольтер. XVIII — первая треть XIX века. Л., 1978; *Алексеев М. П.* Вольтер и русская культура XVIII века // Сравнительное литературоведение. Л., 1983; Вольтер в России. Библиографический указатель. 1735–1995. М., 1995; *Wilberger Carolyn H.* Voltaire's Russia: window on the East // *Studies on Voltaire and the Eighteenth Century*. V. 164. Oxford, 1976.

П. Р. Заборов

ГАЛИАНИ, ГАЛЪЯНИ (Galiani), Фердинандо, аббат (2.12.1728, Къети — 3.09.1787, Неаполь), итальянский политик и экономист, видный деятель просветительского движения XVIII в. В 1759–1769 — посол Неаполитанского королевства в Париже, где сблизился с философами-энциклопедистами, высоко оценившими труды Г. по экономике. Наибольшую известность в Европе получил трактат «О монете» (1750). Благодаря высоким оценкам, которые давали Г. Дидро, д'Аламбер и барон Гримм, с которым неаполитанский посол особенно близко сдружился, Екатерина II с большим вниманием относилась к соч. Г., уважительно прислушивалась к его суждениям о людях, политическим оценкам и прогнозам. Не будучи сторонницей идей итальянского экономиста, она все же учитывала некоторые его доводы в своих преобразованиях российского хозяйства. Г. в свою очередь с большим энтузиазмом приветствовал русскую политику, начиная с петровских реформ. По словам Гримма (письмо Екатерине II от 18 октября 1793), Г. считал, что со временем русский язык заменит французский в качестве средства международного общения, а сам Г. в письме госпоже д'Эпине от 12 октября 1778 заявлял о превосходстве русской нации по сравнению с др. европейскими и о великих преимуществах, которыми обладает Россия. Он полагал, что реформы Екатерины II способствуют претворению в жизнь просветительских идеалов, и энергично содействовал сближению России и Италии. Очевидно, благодаря влиянию Г. Неаполитанское королевство первым из итальянских государств установило дипломатические отношения с Россией; с учетом его рекомендаций в 1778 послом в России стал Серракаприола, много сделавший в области итало-русских культурных связей. Не будучи официальным представителем России в Неаполе, Г. выполнял иногда поручения, косвенно поступавшие от Екатерины II, им был составлен проект торгового договора двух держав (1783). Умирая, он завещал российской императрице свою шпагу. Соч. Г. были известны в России кон. XVIII — нач. XIX в. и повлияли на распространение прогрессивных экономических идей. Г. был знаком со многими русскими, посещавшими Францию и Италию. А. С. Пушкин, высоко ценивший Г., справедливо упоминает его в одном ряду с видными философами XVIII в. как одного из близких знакомых князя Н. Б. Юсупова («К вельможе», 1830).

Л и т.: *Берти Дж.* Россия и итальянские государства в период Риссорджименто. М., 1959.

Н. А. Гуськов

ГАЛЛЕР (Haller), Альбрехт, фон (17.10.1708, Берн — 12.12.1777, Рош), немецко-швейцарский поэт, крупный естествоиспытатель, врач; в 1736–1753 — профессор в Геттингене; почетный член многих учебных обществ, в т. ч. — Российской Академии наук. Среди русских читателей Г. был М. В. Ломоносов. Первый русский пер. из Г. — прозаический фрагмент «Разговор» (Сочинения и переводы. 1761. Ч. 13). Идеями патриотизма, «общего блага», самоценности личности вдохновлены как стихотворения Г., так и цикл его политических романов: «Узонг» («Usong», 1771, с привлечением сибирского этнографического материала), «Алфред, король англосаксов» («Alfred, König der Angelsachsen», 1773) (оба романа переведены Николаем Поливановым и опубл. в двух ч. под заглавием «Плоды трудов прозаических сочинений г-на барона Галлера». СПб., 1783–1784; 2-е издание под заглавием «Увенчанные подвиги людей мудрых и великих». 1793). Др. пер. «Альфреда» — Ефима Рунича (М., 1788). Третий роман цикла — «Фабий и Катон» («Fabius und Cato», 1774) переведен П. А. Полонским (СПб., 1793). Философски-описательная и нравоучительная поэзия Г. переводилась в «Приятном и полезном» (1796, 1798), «С.-Петербургском журнале» (1798), «Иппокрене» (1799) и т. д. Н. М. Карамзин перевел, вероятно, по инициативе Н. И. Новикова, прозой поэму Г. «О происхождении зла» («Über den Ursprung des Übels», 1734), где оправдывалась, хотя и непоследовательно, свобода воли (пер. опубл.: М., 1786; пер. в стихах — московского литератора П. И. Богданова — М., 1798). Карамзин с уважением упоминал о Г. в «Письмах русского путешественника» (1791–1794). Описательная поэма Г. «Альпы» («Die Alpen», 1729), прозаическое переложение которой появилось в «С.-Петербургском журнале» (1798. Ч. I), надолго определила отношение русских читателей к людям и природе Швейцарии.

Лит.: *Зиннер Э. П.* Сибирь в поэтическом творчестве Альбрехта Галлера // Русско-европейские литературные связи. М.; Л., 1966; *Тураев С. В.* Галлер и западноевропейское Просвещение // Литература Швейцарии. Л., 1969; *Данилевский Р. Ю.* Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII–XIX вв. Л., 1984.

Р. Ю. Данилевский

ГЕЛЛЕРТ (Gellert), Кристиан Фюрхтегот (4.07.1715, Хейни-хен — 13.11.1769, Лейпциг), поэт, драматург, педагог, один из популярнейших авторов немецкого Просвещения. С сер. 1740-х преподавал в Лейпцигском университете поэтику, риторiku, позже — этику (с 1751 — экстраординарный профессор.). Среди слушателей Г. — И. В. Гёте и А. Н. Радищев (об этом — в его «Житии Ф. К. Ушакова», 1789). Литературную известность принесли Г. «слезные» комедии, но прежде всего — «Басни и сказки» («Fabeln und Erzählungen»). 1746–1748. В 3 ч.), для которых поэт нашел ясный слог и новую форму — вольный ямб; несмотря на прямое морализирование, басни Г. стали народным чтением.

Первым пропагандировать творчество Г. в России начал журнал «Ежемесячные сочинения», в первой ч. которого (1756) было названо имя Г., а во второй ч. того же выпуска появился первый вольный пер., — по-видимому, с предисловием А. П. Сумаркова, — стихотворения Г. «Достойная любви» (оригинал — духовная ода «Борение добродетели» — «Der Kampf der Tugend», 1750-е). Прозаический пер. «Басен и сказок» в двух ч. (СПб., 1775; 2-е издание 1788) был сделан М. Матским. Он же перевел комедию Г. «Богомолка» (СПб., 1774) («Die Betschwester», 1745). Комедии Г. «Горячая любовь двух сестер» («Die zärtlichen Schwestern», 1747) и «Женская хворость» («Die kranke Frau», 1747) переведены С. Поручкиным (оба издания: СПб., 1775), который перевел для театра также пьесу Г. «Лотерейный билет» («Das Los in der Lotterie», 1756). На Г. ориентировалась в своей драматургии Екатерина II. «Духовные оды и песни» Г. («Geistliche Oden und Lieder», 1757) переводились Аполлосом Байбаковым в стихах (М., 1778; 2-е издание 1782) и Е. П. Демидовой в прозе (СПб., 1782; 2-е издание 1785). Пер. поэзии и моралистических статей Г. — главным образом из издания посмертного сб. университетских лекций «Moralische Vorlesungen» (1770) — опубл. в журналах «Утренний свет» (1780. Ч. 8), «С.-Петербургский вестник» (1780. Ч. 5, 6), «Московское ежемесячное издание» (1781. Ч. 2, 3) (в этом журнале — пер. А. М. Кутузова и И. П. Тургенева из Г.). Ряд соч. Г. моралистического характера был издан отдельно («Утешительные рассуждения». М., 1773; 2-е издание 1786; «О нравственном воспитании детей». М., 1787 и т. д.). В 1779 опубл. в русском пер. «Письма» Г. («Briefe», 1774). Дважды был переведен касавшийся темы Сибири роман Г. «Жизнь шведской графини фон Г***» («Das Leben der schwedischen Gräfin von G***», 1746) — И. Ф. Румянцевым (СПб., 1766) и П. Никифоровым

(Тамбов, 1792). Стилистика и сюжеты басен Г. отразились в басенном творчестве Сумарокова и особенно И. И. Хемницера, переложившего на русский язык ок. 20 басен немецкого поэта.

Л и т.: *Зиннер Э. П.* Немецкий писатель-просветитель о Сибири // Ученые записки Иркутского педагогического института. 1941. Вып. 7; *Brang P. A. M. Kutuzov als Vermittler des westeuropäischen Sentimentalismus in Rußland: (Zum Problem der Attributierung anonymer Werke des 18. Jhs) // Zeitschrift für slavische Philologie.* 1962. Bd. 30. Н. 1; *Lehmann U.* Die Fabel bei Chemnicer und Gellert // Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jhs. Berlin, 1968. Bd. 2.

Р. Ю. Данилевский

ГЕЛЬВЕЦИЙ (Helvétius), Клод Адриен (31.01.1715, Париж — 26.12.1771, Париж), французский философ-просветитель, материалист и атеист. Князь Д. А. Голицын, русский посол в Нидерландах, осуществил первое издание философского трактата Г. «О человеке, его умственных способностях и воспитании» («De l'homme, de ses facultés intellectuelles et de son éducation», 1772). Увлеченный материализмом Г., его отрицанием деспотизма, рабства и произвола, Голицын обратился к Екатерине II с просьбой поддержать затеянное им издание и разрешить посвятить ей книгу; не получив согласия, Голицын осуществил издание самостоятельно. Произведения Г. с интересом читались в России, ходили в списках, иногда попадали в печать. В журнале «Невинное упражнение» в 1763 (январь–июль) печатался под названием «Об источнике страстей» пер. глав IX–XIV из «Рассуждения III» книги Г. «Об уме» («De l'esprit», 1758), во Франции запрещенной. Пер. был сделан Е. Р. Дашковой, он без пропусков и точно передает смысл подлинника. В «Собрании новостей» (1776. Апрель) был напечатан отрывок из той же книги Г. в пер., возможно, принадлежавшем И. Ф. Богдановичу (фрагмент «Рассуждения I» — «О неправильном употреблении слов», где разъясняется смысл слова «свобода»). Отрывки из трудов Г. печатались также в журналах «Опыт трудов Вольного российского собрания», «Зеркало света», «Санктпетербургский журнал». А. Н. Радищев познакомился с трудами Г. еще в Лейпцигском университете. М. М. Щербатов в «Неизданных сочинениях», в согласии с мыслью Г. об эгоизме как о силе, скрепляющей общество, истолковывает учение Руссо в духе Г. В книге Я. Козельского «Философические предложения» часто упоминается Г.: автор сближает системы Руссо и Г., считая

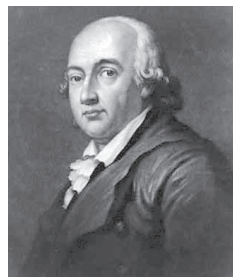

идеалом государство, построенное на общем благе, а «в рассуждении человеческих пороков жаловаться надо не на злость человеческую, а на слабость законодатцев». Д. И. Фонвизин с уважением цитировал книгу Г. «Об уме» (1783). С трудами Г. были знакомы архиепископ Платон и митрополит Евгений (Болховитинов). Екатерина II была согласна с государственной концепцией Г. (человек вступает в союз с др. ради собственной пользы, его разумно понятый эгоизм регулируется самим человеком и самодержавием как наиболее либеральной политической системой). Мысль Г. о дозволенности самоубийства осуждалась в масонских изданиях (Утренний свет. 1778. Июнь). А. Т. Болотов видел в «Гельфеции» одного из «извергов и развратителей человеческого рода».

Л и т.: Эпоха Просвещения: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967; XVIII век: Сб. 12: А. Н. Радищев и литература его времени. Л., 1977; *Кучеренко Г. С.* Сочинение Гельвеция «Об уме» в переводе Е. Р. Дашковой // XVIII век. Сб. 21. СПб., 1999. С. 215–227.

М. В. Разумовская

ГЕРДЕР (Herder), Иоганн Готфрид (25.08.1744, Морав / Морунген — 18.12.1803, Веймар), великий немецкий мыслитель, филолог, поэт позднего Просвещения и эпохи «бури и натиска». Идеи Г. оказали влияние на историческую и гуманитарную мысль европейских стран, способствовали возрождению славянских культур, которыми интересовался Г. Служа пастором в Риге в 1764–1769, Г. с сочувствием следил за реформами Екатерины II, русской политической и культурной жизнью, намеревался написать труд о просвещении России; Г. собирал лит. о ее истории и о населяющих страну народах (всего в его собрании свыше 5000 названий). В 1767 Г. был приглашен в Петербург руководить немецким училищем Петершуле, но поездка не осуществилась. Соч. Г. начали проникать в Россию с 1790-х, однако особенно интенсивно усваивались в XIX в. (в таких областях, как философия истории, языковедение, литературоведение, фольклористика).

Самое раннее свидетельство внимания к произведениям Г. в России — цитата о цензуре в главе «Торжок» книги А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790) из ст. Г. «О влиянии правительства на науки и наук на правительство» («Vom Einfluß der Regierung auf die Wissenschaften und der Wissenschaften auf die Regierung», 1780). Отчасти к Г. восходят суждения Радищева о на-

родных песнях, национальном характере, о роли языка, содержащиеся в его книге (главы «София», «Зайцово», «Крестьяцы», «Черная Грязь»), а также в его трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии» (1792). Основной источник — «Идеи к философии истории человечества» («Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit», 1784–1791) Г. Переосмысление Радищевым в этом трактате идеи бессмертия человека как духовной преемственности поколений близко «палингенезии» Г. («Идеи». Кн. 4, 11; «О переселении душ» — «Über die Seelenwanderung», 1781; трактат «Бог» — «Gott», 1787). Вариации этой темы — в оде «Бог» (1784) и в стихотворении «Бессмертие души» (1797) Г. Р. Державина, который опирался на Г. также в позднейших рассуждениях о национальной поэзии. В многочисленных переложениях антологических стихотворений в 1770–1810-х Державин пользовался немецким пер. Г. из его сб. «Разрозненные листки» («Zerstreute Blätter», 1785–1797, вып. 1, 2, 7–10). Возможно, натурфилософская гипотеза Б. Спинозы — Г. (из «Идей») о мыслящей Вселенной отразилась в стихотворении сибирского поэта П. А. Словцова «Материя» (Муза. 1796. Ч. 1).

В «Письмах русского путешественника» (1791–1794) Н. М. Карамзин описал две встречи с Г. в Веймаре в июле 1789; в их беседах упоминались соч. Г. о Библии — «Древнейший памятник человеческого рода» («Die älteste Urkunde des Menschengeschlechts», 1770), «Бог», «Парамифии» («Paramythien») — прозаические имитации предполагаемой первобытной поэзии из первого вып. «Разрозненных листков»; Карамзин перевел две из них — «Лилия и роза», «День и ночь» (Московский журнал. 1791. Ч. 1). Очевидно, им же сделан первый русский пер. из книги Г. «Письма для поощрения гуманности» («Briefe zu Beförderung der Humanität», 1794–1797) — письмо 26-е «Разговор о невидимо-видимом обществе» (Вестник Европы. 1802. Ч. 6) на тему братства «всех мыслящих людей на земном шаре».

Лит.: *Макогоненко Г. П.* А. Н. Радищев и проблема историзма // *Wissenschaftliche Zeitschrift, K.-Marx-Universität Leipzig, Gesellsch. und sprachwiss. Reihe.* 1977. Н. 4; *Данилевский Р. Ю.* Гердер и сравнительное изучение литератур в России // *Русская культура XVIII в. и западноевропейские литературы.* Л., 1980; XVIII век. Сб. 13. Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII — начало XIX в. Л., 1981; *Bittner K.* 1) J. G. Herder und A. N. Radišev // *Zeitschrift für slavische Philologie.* 1956. Bd. 25 Н. 1; 2) J. G. Herder und G. R. Deržavin // *Beiträge zur Einheit von Bildung und Sprache im geistigen Sein: Festschrift für E. Otto.* Berlin, 1957; 3) *Der junge N. M. Karamzin und Deutschland // Herder-Studien.* Würzburg, 1960; *Gesemann W.* Herder's Russia // *Journal of the History of Ideas.* 1965. V. 26. N. 3.

Р. Ю. Данилевский

ГЕРМАНО-РУССКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ. Основы общекультурных взаимоотношений между Россией и Германией закладывались в XV–XVII вв., но особенно интенсивно — в петровское время. Потребности торгово-хозяйственного развития, морского и горного дела в новой империи предопределили прежде всего взаимное знакомство русских и немцев с языком друг друга. Появляются «Русская грамматика» («Grammatica Russica», 1696) Г. В. Лудольфа (Ludolf), практическое пособие П. Я. Марпергера (Marperger) «Московитский купец» («Moscovitischer Kaufmann», 1705), со временем в Германии создаются обобщающие труды — «Преображенная Россия» («Das veränderte Rußland», 1721) Х. Ф. Вебера (Weber), «Сравнение между прежней и новой Россией» («Vergleichung des älteren und neuern Rußlands», 1798) К. Мейнерса (Meiners, 1747–1810) и т. д. Очень многое для взаимного знакомства двух народов сделали немецкие ученые, служившие в Петербургской Академии наук или в Московском университете, такие как Я. Штелин, Г. Ф. Миллер, А. Л. Шлёцер, профессор И. Г. Фромман (Frommann, 1729–1775) и др. Из немецкоязычных журналов, в которых отражались русские дела, назовем «Русскую библиотеку» («Die russische Bibliothek», 1772–1789) Г. Л. Х. Бакмейстера (Bacmeister, 1730–1806), «Новейшее приращение немецкого, иностранного и всеобщего языкознания» («Neuester Zuwachs der deutschen, fremden und allgemeinen Sprachkunde», 1793) И. К. К. Рюдигера (Rüdiger, 1751–1822), петербургский журнал «Прогулки» («Spaziergänge», 1772) И. Г. Вилламова (Willamow, 1736–1777) и вообще немецкую прессу, издававшуюся в российской столице: «С.-Петербургскую газету» («Sankt-Petersburgische Zeitung», 1717–1902), «С.-Петербургский журнал» («Sankt-Petersburgisches Journal», 1776–1784), «Русские театралии» («Russische Theatralien», 1784) и т. д. Россией интересовались влиятельные деятели немецкой культуры XVIII в., такие как И. К. Готшед, И. Г. Гердер, географ А. Ф. Бюшинг (Büsching, 1724–1793). Свидетельством такого интереса стало «Известие о некоторых русских писателях» («Nachricht von einigen russischen Schriftstellern») в журнале Х. Ф. Вейссе (Weiße) «Новая библиотека изящных наук и свободных художеств» («Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und freien Künste». 1768. № 7), составленное анонимным русским автором, — возможно, И. А. Дмитриевским, а также первый немецкий сводный труд, в котором рассматривалась и русская литература — «Руководство по всеобщей истории литературной культуры» («Handbuch der allgemeinen Geschichte der litterarischen

Kultur». Marburg, 1804–1805) И. Ф. Л. Вахлера (Wachler). В 1760-х немецкие читатели располагали сведениями о творчестве А. Д. Кантемира, сатиры которого переводили Готшед и Г. Э. Шпилькер (Spilcker) в 1751–1752, А. П. Сумарокова, о котором писали «Новости» («Das Neueste») Готшеда в 1750-х, М. В. Ломоносова, В. К. Тредиаковского, М. М. Хераскова, В. И. Майкова и др. В немецких университетах, особенно во второй половине XVIII в., появляются русские студенты.

Немецкая культура начинает проникать в петровскую Россию вместе с философией Г. В. Лейбница и его ученика Х. Вольфа, а также благодаря энергичной просветительской деятельности пиетистского центра в Галле, возглавляемого А. Г. Франке (Francke, 1663–1727); в рамках этого духовно-просветительского течения работали такие первопроходцы русско-немецкого культурного общения, как пастор Э. Глюк и московский педагог И. В. Паус. Идеи Лейбница, усилия переводчиков-пиетистов во многом отвечали идеологии петровских преобразований, подразумевавшей распространение достижений естественных наук и внедрение их в практику, педагогическое просвещение (устройство школ, училищ и т. п.), религиозную терпимость, формирование идеала деятельного гражданина огромного обновляющегося государства. Соответственно в 1720–1740-х среди пер. с немецкого преобладали всевозможные пособия и руководства нравственного или чисто прикладного характера вроде популярной «Флориновой экономии» (1738; 5-е изд. 1794, пер. С. С. Волчкова), оригинал которой назывался «Хозяин разумный и рачительный» («Oeconomus prudens et legalis», 1702), а составителем был немецкий пастор Ф. Ф. Флорини (Florini, ум. 1699). Одним из самых ярких немецких трудов, переведенных по инициативе Петра I Иваном Кречетовским, явился труд С. Пуфендорфа (Pufendorf, 1631–1694) «О должности человека и гражданина» («De officio hominis et civis», 1673), первые главы которого были отредактированы Петром I; книга, познакомившая русских с концепцией естественного права, издавалась с 1726 по 1794 пять раз. Пользовались вниманием также исторические труды, напр., «Описание жития и дел принца Эвгеня, герцога Савойского» (1740, пер. И. К. Тауберта) («Des großen Feld-Herrns Eugenii Hertzog von Savoyen... Helden-Thaten», год издания неизвестен).

Первый русский журнал «Примечания к Вестным делам» (1728–1742) издавался параллельно в немецком варианте («Anmerckungen bei den Zeitungen»), в пер. материалов с немецкого на русский язык принима-

ли участие Ломоносов и др. переводчики — М. И. Шваневец (Шванвич), М. Алексеев, И. Петров. О необходимости для «шляхетства» знания немецкого языка, «для того что оно много в России подданных також соседственные нам прусы, Германия и прочие государства оной употребляют», — писал в 1733 В. Н. Татищев.

Первым русским автором, который начал творчески осваивать достижения немецкой лит., был, по-видимому, Ломоносов, всесторонне познакомившийся с культурой Германии в годы учения в Марбурге и Фрейберге. Свою оду «На взятие Хотина» (1739) он построил по примеру оды выдающегося немецкого лирика позднего барокко Иоганна Христиана Гюнтера (Günther, 1695–1723) «На мир, заключенный между императором и Портою в 1718 году» («Auf den zwischen dem Keiser und der Pforte 1718 geschloßnen Frieden»). Возможен также интерес Ломоносова к стилистике М. Лютера. В елизаветинское время Ломоносов много занимался пер. немецких стихотворений на случай, вырабатывая свои переводческие принципы.

В 1730–1740-х в российскую столицу проникал немецкий театральный репертуар — с труппами, приезжавшими из Германии под управлением Петра Гильфердинга, К. Э. Аккермана и др., продолжавших традицию, заложенную при Петре и Алексее Михайловиче «компаниями» Иоганна Кунста и начинаниями пастора И. Г. Грегори. В 1740 в Петербурге гастролировала со своей труппой великая немецкая актриса классического репертуара, соратница Готшета Каролина Нейбер (Neuber, 1697–1760), которая, между прочим, познакомила русскую публику с пьесами основоположника датской лит. Л. Хольберга в немецкой интерпретации. При дворе Анны Иоанновны играли интермедии, для которых Тредиаковский перевел немало текстов с немецкого на русский язык.

О степени владения немецким литературным материалом в 1730-х свидетельствует, напр., «Эпистола от российския поэзии к Аполлину» Тредиаковского, где названы имена В. Х. Брокеса, М. Опица, Гюнтера и др. поэтов. Авторитетна поэтика Готшета, на которую отчасти ориентируются Ломоносов и его современники в разработке вопросов русской грамматики и стилистики. В «Ежемесячных сочинениях», образцом для которых послужили основателям Ломоносову и Г. Ф. Миллеру английские и немецкие ученые и моралистические журналы, появляются с 1755 литературные пер. — сонеты П. Флеминга в пер. Сумарокова и его же переложение оды Х. Ф. Геллерта, публицистическая ст. К. Милиуса «Автор» («Der Autor») в вольном

пер. И. П. Елагина из журнала Готшеда «Увеселения разума и духа» («Belustigungen des Verstandes und Witzes») и т. д.

С 1750-х происходит новый подъем интереса к немецкой культуре, расцветает искусство пер. За все екатерининское время с немецкого было переведено 107 романов (с французского — 350, с остальных языков — единицы). Ведущие писатели российского Просвещения хорошо владели немецким языком. В творчестве Сумарокова, напр., очевиден интерес к поэзии И. В. Л. Глейма, А. Л. Каршин, Ф. Г. Клопштока. Басни И. И. Хемницера связаны с родственными им баснями Х. Ф. Геллерта, комедии которого принимала во внимание Екатерина II в своей драматургии. К нач. 1760-х особенную популярность в России приобретает Г. В. Рабенер, чья добродушная сатира бичевала нравы, не задевая конкретных лиц (пер. в «Сочинениях и переводах», «Трудолюбивой пчеле»); слог Рабенера помог читателям воспринять стилистику Дж. Свифта, которому отчасти подражал Рабенер. В 1764 появился первый сб. пер. из Рабенера — «Сатиры». Через год впервые переводится на русский произведение Г. Э. Лессинга, творчество которого знаменовало собой высшую точку немецкого Просвещения. Знакомство с Лессингом началось в России, правда, с его ранней комедии и прозаических басен, лишь к кон. 1770-х и в последующее время были переведены его трагедии, одну из которых — «Эмилию Галотти» — перевел молодой Н. М. Карамзин.

Наиболее крупной литературной фигурой Германии после Геллерта (который также интенсивно переводился в это время) в русском восприятии 1770–1780-х являлся К. М. Виланд. Этот поэт и писатель прошел в своем творчестве все этапы немецкого Просвещения — от швейцарско-немецкого пиетизма и нравоучительной поэзии 1740-х до усвоения преромантических тенденций 1780-х; поэтому в русских пер. его образ изменчив: сначала это — философствующий сатирик, затем переводятся его более ранние образцы религиозной лирики, потом он предстает перед читателем как автор сказочной поэмы «Оберон» и одновременно как писатель-романист, и уже в 1790-е — вновь как сатирик, создатель социально-критического романа «История абдеритов». Эволюция восприятия Виланда видна и в отзывах о нем Карамзина. В 1780-е впервые переводится (не полностью) «Мессиада» Клопштока, слава которого в Германии приходится на 1760–1770-е. Лирический пафос этого поэта стал больше занимать русских поэтов с развитием сентименталистских тенденций. В эти годы появляются первые пер. из И. В. Гёте, в Риге ставится первый в пределах

Российской империи спектакль по Ф. Шиллеру — «Дон Карлос». В отношении литературных пер. с немецкого этот период русского Просвещения наиболее плодотворен: в московской университетской типографии Н. И. Новикова напечатано ок. 500 соч., среди которых много пер. с немецкого (образец: «Библиотека немецких романов» в 3 ч. в пер. В. А. Лёвшина, 1780). Пользуются вниманием также швейцарские авторы, писавшие по-немецки, — А. Галлер, И. К. Лафатер, С. Геснер, И. Г. Циммерман.

К 1790-м интерес к немецким просветителям несколько спадает, однако происходит первое знакомство русских читателей с И. Г. Гердером, оказавшим впоследствии заметное влияние на русскую гуманитарную мысль. Первыми читателями Гердера были А. Н. Радищев и Г. Р. Державин, первым переводчиком — Карамзин, беседовавший с немецким мыслителем в Веймаре во время своего европейского путешествия. Примечательно, что Карамзин тогда (1789) предпочел старших писателей Гёте, который лишь постепенно оттеснял на второй план в русском восприятии таких авторов, как Геснер и Виланд, хотя «Вертер» был уже переведен (1-е изд. 1781) и вызвал, как и на Западе, целую серию лит. пер. и подражаний — русскую «вертериану». Пер. из Шиллера отстали почти на десятилетие, и главным приверженцем и распространителем творчества немецкого поэта явился Карамзин, в поэзии и драматургии которого в 1790-е встречаются очевидные реминисценции из произведений Шиллера. Первым посредником в знакомстве русских с Шиллером стал «Московский журнал». Поэтом интересовались Державин и Радищев, им стало увлекаться младшее поколение русских литераторов — братья Тургеневы, В. А. Жуковский. С пер. «Разбойников» (1793) драматургия Шиллера вошла в русский театральный репертуар, заложив основу «романтического» направления на русской сцене. Немецкие современники, со своей стороны, также получили определенное представление о русской лит., хотя и не столь широкое, как представление читателей России, следивших за литературной обстановкой в Германии. В 1787 был переведен на немецкий язык «Недоросль» Д. И. Фонвизина, в 1793 — стихотворение Державина, в 1799 — «Письма русского путешественника» Карамзина. С 1780-х в России жили и писали деятели немецкой лит. «бури и натиска» Ф. М. Клингер и Я. Ленц.

Восприятие немецкой лит. в России на исходе эпохи Просвещения, в кон. XVIII — нач. XIX в., характеризовалось пестротой впечатлений и вместе с тем определенной их общностью. «Мессиада», «Вертер», «Абдериты», «Разбойники» совмещали в себе просветительскую

традицию воспитания читателя с повышенной эмоциональностью сентиментализма и элементами романтического бунтарства — так же, как это было в русской лит. рубежа XVIII–XIX вв. Для этого времени показательно творчество А. Коцебу, немецкого драматурга и беллетриста, тесно связанного с Россией; открытия, сделанные Лессингом, Гёте, Шиллером, он превращал в броскую, но неглубокую, часто пошлую продукцию для чтения и для сцены. О том, насколько верно, однако, угадывал Коцебу потребности публики, свидетельствовал успех его драмы «Ненависть к людям и раскаяние», обошедшей все театры Европы, включая Петербург и Москву. С 1780-х соч. Коцебу переводились в России во множестве; поначалу их высоко ценил даже Карамзин.

Карамзин являлся, несомненно, главным действующим лицом, сознательно и целенаправленно развивавшим русско-немецкие литературные связи со стороны России в эту переходную эпоху. Если «свое европейское распространение немецкая литература, как и немецкий язык, начала с России» (П. Н. Берков), то немецкая классика начала его именно с творческого посредничества Карамзина.

Л и т.: *Данилевский П. Ю.* Немецкие журналы Петербурга в 1770–1810-х гг. // Русские источники для истории зарубежных литератур. Л., 1980; *Берков П. Н.* Немецкая литература в России XVIII в. // *Берков П. Н.* Проблемы исторического развития литератур. Л., 1981; *Данилевский П. Ю.* Забытые эпизоды русско-немецкого общения // XVIII век. Сб. 21. СПб., 1999; Русские и немцы в XVIII веке: Встреча культур. М., 2000; *Deutsch-russische Wechselseitigkeit in sieben Jahrhunderten.* Berlin, 1956; *Raab H.* Deutsch-russische Wechselbeziehungen von der Aufklärung bis zur Romantik // *Neue deutsche Literatur.* 1957. H. 1; *Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts.* Bd. 1–4. Berlin, 1963–1970; *Berkov P. N.* Literarische Wechselbeziehungen zwischen Rußland und Westeuropa im 18. Jahrhundert. Berlin, 1968; *Begegnung und Bündnis.* Berlin, 1972; *Matthes E.* Das veränderte Rußland: Studien zum deutschen Rußlandverständnis im 18. Jahrhundert zwischen 1725 und 1762. Frankfurt a. M., 1981; *Grabosch U.* Studien und Quellen zur deutsch-russischen und russisch-westeuropäischen Kommunikation / Hrsg. von H. Graßhoff. Berlin, 1986; *Dieckmann E.* Deutsch-russische Literatur- und Kulturbeziehungen von der Aufklärung bis zum Beginn des 20. Jahrhunderts // *Zeitschrift für Slawistik.* 1989. Bd. 34. H. 4; *Boden D.* Deutsche Bezüge im Werk N. Novikovs und A. Radiščevs // *Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht: 18. Jahrhundert: Aufklärung* / Hrsg. von D. Herrmann. München, 1992; *Deutsch-russische Begegnungen im Zeitalter der Aufklärung (18. Jahrhundert): Dokumentation* / Hrsg. von L. Kopelew, K.-H. Korn, R. Sprung. Köln, 1997; *Deutsch-russische Beziehungen im 18. Jahrhundert: Kultur, Wissenschaft und Diplomatie* / Hrsg. von C. Grau, S. Karp, J. Voss. Wiesbaden, 1997.

П. Ю. Данилевский

ГЕСНЕР (Geßner), Саломон (1.04.1730, Цюрих — 2.03.1788, там же), немецко-швейцарский поэт, прозаик, художник, издатель. Разрабатывал жанр прозаической идиллии, внося в него черты сельского быта Швейцарии и элементы сентиментального психологизма. Автор сб. «Идиллий» («Idyllen», 1756, 1772). Лирический пейзаж и прозрачная ритмизованная проза явились существенным вкладом Г. в лит. Европы XVIII–XIX вв. Г. также заложил основы крестьянской тематики в европейской лит.

В России Г. был наиболее популярен в 1770–1790-х, переводился до 1820-х, много подражаний (среди них «Идиллия» Г. Р. Державина, 1778), приписываемых Г. соч. В дар от Екатерины II Г. получил две медали. Первые пер. — в еженедельнике «Вечера» (1772), часто переводился в «С.-Петербургском вестнике» в 1778–1781 (идиллии и пасторальная драма «Евандр и Алцимна») («Evander und Alcimne»), где среди переводчиков — Я. Б. Княжин; в «Приятном и полезном» (1794–1797) и т. д. Соч. Г. переводили М. Н. Муравьев, Н. М. Карамзин («Деревянная нога», 1783) («Das hölzerne Bein»). Из наиболее частых пер.: поэма «Смерть Авелия» («Der Tod Abels», 1758) (семь пер. полностью и в отрывках, среди переводчиков — Д. И. Фонвизин), «Дафнис» («Daphnis», 1754) (шесть пер., среди переводчиков — А. С. Шишков), «Утренняя песнь» («Morgenlied») (пять пер., среди переводчиков — Г. П. Каменев), «Первый мореплаватель» («Der erste Schiffer», 1762) (среди переводчиков — Д. С. Болтин). В кон. XVIII в. стала популярной патриотическая «Песня одного швейцарца на вооруженную свою девушку» («Lied eines Schweizers an sein bewaffnetes Mädchen», 1751) (первый пер. в «С.-Петербургском Меркурии», 1793). Некролог — «Геснерова смерть» Карамзина («Детское чтение». 1789. Ч. 10, частично переведено с французского).

С о ч.: Идиллии и пастушьи поэмы / Пер. В. А. Лёвшина. М., 1787; Полное собр. соч. / Пер. И. Ф. Тимковского М., 1802–1803. В 4 ч.

Л и т.: *Гуковский Г. А.* Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII в. Л., 1938; *Виноградов В. В.* О языке карамзинского перевода идиллии Геснера «Деревянная нога» // Проблемы теории и истории литературы. М., 1971; *Данилевский Р. Ю.* Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII–XIX вв. Л., 1984.

Р. Ю. Данилевский

ГЁТЕ (Goethe), Иоганн Вольфганг (28.08.1749, Франкфурт-на-Майне — 22.03.1832, Веймар), великий немецкий поэт, прозаик, драматург, мыслитель. Происходил из высшего слоя франкфуртского бюргерства, получил юридическое образование (лицензиат прав) в университетах Лейпцига и Страсбурга. 1770–1771 — знакомство в Страсбурге с И. Г. Гердером, чьи гуманистически-просветительские взгляды на искусство, политику, фольклор, историю глубоко повлияли на Г.; создание, совместно с Гердером, Я. Ленцем, Ф. М. Клингером, сентименталистски-преромантического литературного течения «Буря и натиск» («Sturm und Drang»). В первой половине 1770-х — «штюрмерская» лирика, драмы «Гётц фон Берлихинген» («Götz von Berlichingen») и «Клавиго» («Clavigo»), работа над «Пра-Фаустом» («Urfaust»), роман в письмах «Страдания молодого Вертера» («Die Leiden des jungen Werther», 1774), принесший Г. славу и ознаменовавший собой новый этап развития европейского романа. 1775 — после поездки в Швейцарию переезд в Веймар по приглашению правящей герцогской семьи. Г. деятельно участвует в управлении герцогством, занимается финансами, горным делом, естественными науками. 1786–1788 и 1790 — два путешествия в Италию ради художественного образования и обретения творческой свободы; драмы «Ифигения в Тавриде» («Iphigenie auf Tauris», 1786), «Торквато Тассо» («Torquato Tasso», 1789), трагедия «Эгмонт» («Egmont», 1787), «Римские элегии» («Römische Elegien», 1789). 1791–1816 — руководство веймарским театром и всей культурной и научной жизнью Веймара, ставшего благодаря деятельности Г., К. М. Виланда, Гердера и др. столицей немецкой культуры. 1792–1793 — участие в походе армий европейской коалиции против Французской республики. 1796 — воспитательный роман «Годы учения Вильгельма Мейстера» («Wilhelm Meisters Lehrjahre»). С 1794 дружба и творческий союз с Ф. Шиллером; участие в издании журнала «Оры» («Horen», 1795–1797), в «Альманахе муз» («Musenalmanach», 1795–1800). 1797 — год создания баллад. 1806 — завершение первой части «Фауста» («Faust»). Последний этап творчества Г. приходится на XIX в. В это время были написаны, в частности, мемуары «Поэзия и правда» («Dichtung und Wahrheit», 1811–1831), стихотворный цикл «Западно-восточный диван» («West-östlicher Divan», 1819), «Годы странствий Вильгельма Мейстера» («Wilhelm Meisters Wanderjahre», 1829); в 1831 закончена вторая часть «Фауста».

Первый русский пер. произведений Г. — «Клавиго» (1780, премьера состоялась в Москве 16 ноября 1782) (рецензии: С.-Петербургский вестник. 1780. Ч. 6; Московские ведомости. 1782. № 92). Эмоциональный слог пьесы был воспринят как параллель к «Вертеру», упоминаемому в предисловии переводчика — О. П. Козодавлева (1754–1819), будущего сенатора и министра внутренних дел; оба произведения получили высокую оценку в «Драматическом словаре» (М., 1787), где отмечалось, что Г. подражал «единой Натуре», не следуя «правилам». В пер. предисловия к народному роману о чернокнижнике Фаусте упоминался «Гетенсов Фауст, еще рукописный» (Библиотека немецких романов. М., 1780. Ч. 1). Но основным произведением Г., которое вызвало интерес в России кон. XVIII в., остается «Вертер». Роман был переведен Ф. А. Галченковым (1757–1758 — кон. 1780-х) (М., 1781) и, несмотря на недостатки пер., переиздан в 1794 и 1796 (рецензия Г. Л. Брайко: С.-Петербургский вестник. 1781. Ч. 1). О значении этого пер. писал М. Н. Муравьев сестре ок. 1781 (РО ИРЛИ. Р. П. Оп. 1. Д. 262. Лл. 51–52). 1798 — новая публикация того же пер., отредактированного И. И. Виноградовым (1765–1801) и дополненного пер. «Писем Шарлоты к Каролине». В 1798–1799 над пер. романа Г. работали молодые московские литераторы А. И. Тургенев (1781–1803), А. Ф. Мерзляков (1778–1830), будущий профессор Московского университета, и В. А. Жуковский (1783–1854) — участники Дружеского литературного общества; был опубл. лишь фрагмент пер. (Письмо к другу / Пер. с нем. А. Тургенева // Приятное и полезное. 1798. Ч. 19). Тема романа Г. — в стихотворении (Баранов Дм. Шарлота при гробе Вертера // Зеркало света. 1787. Ч. 6; Вельяшев-Волынцев Д. И. Стихи на гроб Вертера // Полезное упражнение юношества. М., 1789; С. Шарлота на Вертеровой гробнице / Пер. с франц. // Московский журнал. 1792. Ч. 6). В архиве Жуковского сохранилась анонимная рукописная поэма «Письмо Вертера к Шарлотте» (Отчет ГПБ за 1884. СПб., 1887). Из прозаической русской «вертерианы»: повесть А. И. Клушина (1763–1804) «Несчастный М-в» (С.-Петербургский Меркурий. 1793. Ч. 1; отдельное издание: Вертеровы чувствования, или Несчастный М. СПб., 1802); «отрывок» Аркадия Стольпина «Отчаянная любовь» (Приятное и полезное. 1795. Ч. 7) и т. д. В 1792 написана повесть М. В. Сушкова (1775–1792) «Российский Вертер», опубл. после самоубийства автора (СПб., 1801). В «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищев упоминает «Вертера» в главе «Клин» (1790). Роман Г. наряду с «Новой Элоизой» Ж.-Ж. Руссо повлиял на замысел «Бедной Лизы» Н. М. Карамзина (1792). В «Письмах русского путешественника» (1791–1792) автор утверждал,

что в «Вертере» «более Натуры», нежели в романе Руссо, однако отдавал предпочтение последнему, сдержанно относясь к бурному сентиментализму молодого Г. В «Московском журнале» Карамзин поместил оригинал и свой пер. стихотворения Г. «На Саконталу» («Sakontala», 1791), отклик на «Новые сочинения» Г. («Neue Schriften», 1792–1800) и пер. «Письма из Рима», взятого из кн. К. Ф. Морица (Moritz) «Путешествие немца по Италии в 1786–1788 гг.» («Reise eines Deutschen in Italien in den Jahren 1786–1788»). Berlin, 1792–1793), где речь шла о Г. (Московский журнал. 1792. Ч. 6–8).

Первый (вольный) пер. из лирики Г. — стихотворение И. И. Дмитриева «На случай грома» (Приятное и полезное. 1795. Ч. 8) (оригинал: «Границы человечества» — «Grenzen der Menschheit», 1789) с примеч.: «Вот поэзия во всей своей силе и славе, наперсница богов, одаренная бессмертною красою!» При Павле I соч. Г. подверглись цензурному запрещению. В нач. XIX в. Г. продолжает восприниматься русскими поэтами и переводчиками как сентименталист (Художник и крестьянка // Иппокрена. 1800. Ч. 6 — прозаический пер. К. Ф. С. стихотворения «Странник» — «Der Wanderer», 1772; пер. И. М. Борна в московском альманахе «Свиток муз», 1802; «Цепочка» — стихотворение Г. Р. Державина, 1807, — переложение раннего стиха Г. «При золотой цепочке» — «Mit einem goldnen Halskettchen», 1775, и т. д.). Эта традиция отношения к Г. как к автору идиллий и элегий, поддержанная талантливыми переложениями В. А. Жуковского, сохранилась в России в 1810–1820-е, пока ее не нарушил А. С. Пушкин своим обращением к проблематике «Фауста» и к опыту драматургии Г. и Шиллера.

Л и т.: *Житомирская З. В.* (сост.) Иоганн Вольфганг Гёте: Библиографический указатель переводов и критической литературы на русском языке, 1780–1971. М., 1972; *Жирмунский В. М.* Гёте в русской литературе. Изд. 2-е. Л., 1981; *Бент М.* Русские пути «Вертера» // *Бент М.* «Вертер, мученик мятежный...»: Биография одной книги. Челябинск, 1997; Гёте в русской поэзии: век XVIII — век XX / Сост. Н. И. Лопатина. М., 1999; *Топоров В. Н.* Из ранней русской «вертерианы»: об одном опыте перевода «Die Leiden des jungen Werthers» // Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения акад. В. М. Жирмунского. СПб., 2001; *Стадников Г. В.* О русском вертеризме: от сентименталистов до А. С. Пушкина // Вожди умов и моды: Чужое имя как наследуемая модель жизни / Отв. ред. В. Е. Багно. СПб., 2003; *Eggeling W., Schneider M.* Der russische Werther: Analysen und Materialien zu einem Kapitel deutsch-russischer Literaturbeziehungen. München, 1988; *Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht: 18. Jahrhundert: Aufklärung / Hrsg. von D. Herrman.* München, 1992.

Р. Ю. Данилевский

ГОЛДСМИТ (Goldsmith), Оливер (10.11.1728, дер. Паллас, Ирландия — 4.04.1774, Лондон), английский писатель, творивший в разных жанрах. Первым произведением Г., опубликованным в русской печати, явилась «Китайская повесть» (Ежемесячные сочинения. 1763. Окт.) — пер. «письма XVIII» из сатирических очерков «Гражданин мира, или Письма китайского философа...» («The Citizen of the World, or Letters from a Chinese Philosopher...», 1762); пер., в котором в России сер. XVIII в. проявился интерес к китайской тематике, был сделан с оригинала с некоторыми сокращениями сразу же после выхода английского издания, имя автора не было указано. Зато авторство отмечалось в публикациях фрагментов из компилятивного естественно-научного труда Г. «История земли и одушевленной природы» («A History of the Earth and Animated Nature», 1774; опубликовано посмертно): «Натуральная история о рыбах вообще» (Академические известия. 1780. Ч. 6. Сент. Окт.), «О крокодиле» (Новые ежемесячные сочинения. 1888. Дек. Ч. 30), «О красном гусе» (Там же. 1789. Окт. Ч. 40). В основном произведении Г.-прозаика — романе «Векфильдский священник» («The Vicar of Wakefield», 1766) — рассказано о жизни семьи сельского пастора, которую преследует местный помещик. Критика социальных противоречий сочетается у Г. с идеализацией патриархального уклада, и роман написан в духе сентиментализма. В России о нем знали еще в 1770-х, и в одной рецензии критик, выражая желание, «чтобы преимущественно переводимы были на наш язык больше хорошие и полезные романы», в числе др. английских романистов назвал и Г. (С.-Петербургский вестник. 1778. Ч. 1. С. 319). Русский пер. «Вакефильдской священник, история» был выполнен, видимо, по французскому пер. Н. И. Страховым и издан Н. И. Новиковым «изданием Типографической компании» (1786). В предисловии переводчик писал: «Сей роман служит образцом сочинений сего рода. Живейшая чувствования, дела, собственно изображаемая так, как оныя производятся в общежитии; особенно находящиеся в нем здравыя рассуждения, достойны похвал каждого, чувствующаго цену изящественнаго умопроизведения». Пер. сопровождался многими примеч., разъяснял русскому читателю английские реалии и обычаи. Стихотворные вставки в роман — «Баллада» («A Ballad», ch. 8) и «Элегия на смерть бешеной собаки» («An Elegy on the Death of a Mad Dog», ch. 24) — переведены прозой, стихами была передана лишь небольшая песня, которую поет

Оливия (сн. 24; в пер. — ч. 2, гл. 5). Вообще стихотворные произведения Г. в России XVIII в. не переводились. Своеобр. свидетельством популярности и нравственного влияния романа Г. в России служит письмо М. Н. Муравьева 6 февраля 1791 к родственникам, в имени которых Никольском сгорела рига. Изложив утешающие доводы, он заключил: «Ето философия Вакефилдскаго священника, который получил право гражданства в Никольском» (ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 65. Л. 10). Роман неоднократно упоминался в русской печати кон. XVIII — нач. XIX в.

Из произведений Г. на русский язык была переведена с французского пер. «Повесть о скифе Аземе, удалившемся от сообщества человеков» (Новые ежемесячные сочинения. 1788. Февр.; оригинал — «Azem, the Man-Hater», 1759) и два очерка из периодических листков Г. «Пчела» («The Bee», 1759): «Как не завидно величие людей!» (Пантеон иностранной словесности. 1798. Кн. 3. — «The Bee». N. 6. «On Instability of Worldly Grandeur»), «Алкандр и Септимий» (Новости. 1799. Кн. 1. Май. — «The Bee». N. 1. «Story of Alcander and Septimius»). Первый пер. был выполнен Н. М. Карамзиным, очевидно с оригинала, второй с французского пер. Карамзин был почитателем Г. Во время европейского путешествия он в Лейпциге «купил себе на дорогу <...> Visar of Wakefield», а посетив в Лондоне усыпальницу в Вестминстерском аббатстве, переписал текст на памятнике Г., заметив: «Автор *Вакефильдского Священника, Запустевшей деревни и Путешественника*, Голдсмит расхвален до крайности» (Карамзин Н. М. Письма русского путешественника Л., 1984. С. 68, 375). В своем журнале Карамзин поместил заметку из «The British Mercury» о бедности писателей, где много говорилось о Г.: «Доктор Голдсмит, который в своем *Гражданине мира* рассказывает разные анекдоты о бедности великих писателей, был сам примечания достойным примером сей бедности» и т. д. (Московский журнал. 1791. Ч. 2. С. 61–62). Косвенным образом Г. попал и в русский театр кон. XVIII в. Изданная и поставленная на сцене комедия И. М. Муравьева-Апостола «Ошибки, или Утро вечера мудренее» (1794) является переделкой комедии Г. «Она смиряется, чтобы победить, или Ошибки одной ночи» («She Stoops to Conquer, or the Mistakes of a Night», 1773), подвергшейся т. н. «склонению на русские нравы».

Л и т.: Бродавко Р. И. О. Голдсмит в русской критике и переводах // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1979. № 5; Топоров В. Н. Пушкин и Голдсмит в контексте русской Goldsmithiana'ы (к постановке вопроса). Wien, 1992 (Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 29); Левин Ю. Д. К истории восприятия в России Оливера Голдсмита // Русская литература. 1994. № 2; Мораччи Дж. Английская драматургия на русской сцене: пьесы И. М. Муравьева-Апостола // Н. А. Львов и его современники: литераторы, люди искусства. СПб., 2002.

Ю. Д. Левин

ГОЛЬБЕРГ (Holberg), Людвиг (3.12.1684, Берген — 28.01.1754, Копенгаген), датско-норвежский комедиограф, историк, моралист. В 1718 — профессор метафизики Копенгагенского университета, в 1730 — профессор истории и географии. В России переводчиками его соч. (с немецкого) были Д. Фонвизин, А. Нартов, Я. Козельский, И. Барков. Отдельные «рассуждения» Гольберга переводились в 1750-х и печатались в журналах: в феврале 1757 в «Ежемесячных сочинениях» были опубл. «Рассуждения о китайском языке», а в марте 1758 — пер. фрагмента «Нравоучительных рассуждений» — «О правильном употреблении хвалы и хуления». Вместе с помещенными в том же 1758 нравоучительными рассуждениями Ю. Оксеншерны максимы Г. составляли корпус сентенций северных авторов. Отдельными изданиями пер. соч. Г. выходили в 1760-х. Одним из первых стал пер. Д. И. Фонвизина «Басен нравоучительных с изъяснениями барона Голберга» (М., 1761), написанных прозой и представляющих собой короткие истории, подчас весьма фривольные: «Несколько молодых телят смеялись оленю, для чего он с рогами? Олень, обернувшись, сказал одному из них, которой стоял подле него: “Разве забыл ты, что у батюшки твоего были такие же рога, как и у меня, да и сам ты в скором времени носить их будешь”». Мораль может показаться неожиданной: «баснь доказует, сколь безрассудно смеяться над тем, кто имеет неверную жену» (№ 70 «Телята и олень»). Правда, наиболее натуралистические детали Фонвизин заменяет более благопристойными, иногда же опускает отдельные басни. Пьесы Г., «датского Мольера», переводились особенно интенсивно в 1760-е и в 1780-е (и не только пьесы: те же «Басни нравоучительные» переиздавались в 1765 и 1787). Большая часть его соч. — комедии положений, основная идея которых нередко формулируется в финальной реплике героя. Так, в «Превращенном мужике» (СПб., 1765) Барон, заставляющий героя комедии осознавать себя то вельможей, то бедняком, подытоживает действие следующим образом: «Итак, ежели мужику дать жезл правления, так скоро будет он превращен бичом и вместо благодетеля зделается ужаснейшим тираном» (С. 72). Самая известная комедия Г. «Jean de France» на русский язык не переведена, а переделана И. П. Елагиным (под названием «Жан де Моле, или Русский — француз»; эта комедия Г. легко «склонялась на русские нравы»). «Jean de France» стал одним из источников комедии Д. И. Фонвизина «Бригадир». В 1762 вышел пер. сатирической утопии Г. «Подземное путешествие Нильса Климма», герой которой, берген-

ский студент, подобно Гулливеру, попадает в чужие страны и встречается с необычными народами (русский пер. «Путешествий Гулливеровых» был издан через 10 лет после романа Г.). Между тем основной своей сферой Г. считал историю и этику. В России переводились его «История датская» и «Универсальная история». Издавались его работы, посвященные частным, но близким русскому читателю вопросам, например, сопоставлению Карла XII с Александром Македонским («Письмо барона Гольберга к приятелю о сравнении Александра Великого с Карлом XII, королем Шведским» (1788)). По мысли Г., и Карла, и Александра превосходит Петр I (эта фигура привлекала его внимание достаточно часто: в «Сравнении жития и дел разных, а особливо восточных и индийских героев и знаменитых мужей» (СПб., 1766)). Петр как восточный правитель сопоставляется с Акебаром, подобно ему он сделал «к воинским действиям не столько приобыкший народ непобедимым» (С. 159). Однако история воспринималась Г. как собрание пьес нравоучительного содержания: о датской королеве Сигбриге «можно бы было весьма пространно говорить, ежели бы она представляла себя на другом театре, нежели в северной стране» («История разных героинь...» СПб., 1767. С. 355), шведская королева Христина, «оставив шведский престол, имела различную судьбину. Ибо как она должна была представлять в себе трагическую героиню, то вся ея жизнь была одно театральное позорище, наполненное романтическими и художественными или преестественными явлениями» (Там же. С. 169). Правда, подобные «театральные» аналогии можно найти в сочинениях др. авторов, например, в «Анекдотах о Екатерине II и Павле I» (Стокгольм, 1798) русская императрица характеризуется как шекспировская героиня. Нравоучительные произведения Г. бытовали в России не только в виде журнальных публикаций, в сб. иностранных писателей-моралистов содержатся статьи, вне всякого сомнения, принадлежащие Г. Так, в «Нравоучительные и полезные рассуждения, выбранные из разных авторов» (М., 1761, пер. Ивана Приклонского) входит эпиграмма «Нет разных степеней благополучия», принадлежащая автору «подземного путешествия», т. е. «Подземного путешествия Нильса Клима».

Л и т.: *Чернявский Е. М.* Людвиг Хольберг: Библиографический указатель. М., 1970; *Шарыткин Д. М.* Скандинавская литература в России. Л., 1980; *Стричек А.* Денис Фонвизин. М., 1994; История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. I. Проза. СПб., 1995; *Dansk litteratur historie.* København, 1971; *Rosenfeldt N. E.* Holbergs Danmarks historie i Russland. København, 1973; *Billeskov J.* Holberg og hans tid. København, 1980.

М. Ю. Люстров

ГОЛЬДОНИ (Goldoni), Карло (25.02.1707, Венеция — 6.02.1793, Париж), итальянский писатель, драматург, теоретик и реформатор театра. Как либреттист и как комедиограф Г. был популярен в России в течение всего XVIII в., хотя до нач. 1770-х само имя писателя не было известно русской публике, т. к. его произведения издавались и ставились на сцене анонимно.

Сохранилось 18 российских изданий соч. Г., выпущенных с 1758 по 1795 на итальянском, французском и русском языках, имеются также сведения о постановках и пер. еще целого ряда др. пьес.

Либретто опер-буффа Г. появились на русской сцене с 173? («Поларина»), они составили основу репертуара Дж. Б. Локателли. В кон. 1750-х появляются первые пер. опер Г. на русский язык («Граф Карамелли», «Сердечный магнит», «Обращенный мир», 1759). В кон. века под влиянием теории «склонения на русские нравы» оперы Г. начинают русифицироваться («Добрая девка», 1782, музыка Пиччини, переработка И. Дмитриевского). Либретто начинают восприниматься как самостоятельные художественные тексты и переделываются как не связанные с музыкальным оформлением комедии («Аптекарь», 1789, пер. Ф. Розанова — первый строгий, не «склоненный» пер. текста Г. на русский язык). Опера-буффа Г., в которой соединились лиризм и комизм, увлекательный сюжет, остроумные тексты и музыка талантливых итальянских композиторов (Галуппи, Паизиелло, Сарти, Пиччини, Каннобьё и пр.), всегда входила в репертуар главных оперных трупп в России XVIII в., пользуясь успехом у зрителя, оказывая значительное воздействие на развитие русской комической оперы и возникновение водевиля.

Комедиография Г. приобрела известность в России лишь в последний, французский период творчества писателя (1762–1793), когда он становится одним из признанных вождей европейского Просвещения. Интерес к драматургии Г. связан с высокими оценками его пьес, данными Вольтером, Метастазियो, Лессингом, и огромным успехом в Париже написанной по-французски комедии «Благодетельный грубиян» (1771, русский пер. М. Храповицкого, 1772). На протяжении последней трети XVIII в. (отчасти по инициативе Собрания, стареющего о пер. иностранных книг) комедии Г. усиленно переводятся и переделываются. Русского читателя привлекали преимущественно остро-комические бытовые пьесы, связанные с традициями Мольера и *commedia*

dell'arte, — «Домашние несогласия» (пер. 1773), «Лжец» (пер. 1774), «Хитрая вдова» (пер. Княжнина), «Слуга двух господ» (1796, пер. Р. Левшина) и пр. Психологическая комедия характеров и нравов, явившаяся результатом реформы Г. («Трактирщица», «Кфейная», «дачная» трилогия и пр.), не вызывали интереса. В кон. века приобрели популярность сентиментальные пьесы («Истинный друг», пер. П. Титова, 1793).

В качестве источников пьес Г. русские переводчики XVIII в. использовали как итальянские оригиналы, так и немецкие («Поскорее пока не проведали, или Станный случай», пер. Матинского, 1796) или французские («Слуга двух господ», пер. М. Поморского и пр.) пер. и переделки. Большинство пер. подвергалось «склонению на русские нравы», нередко изменениям в тексте реплик персонажей, иногда — в системе героев и в сюжете.

Соч. Г. переводились многими значительными представителями русской комедиографии и сатирической лит. XVIII в. — Княжниным, Матинским, Копьевым, Левшиным и пр. Созданные ими переработки итальянских пьес встали в ряд русских комедий демократического толка, пропагандирующих идеи Просвещения. Знакомство с творчеством Г. сыграло определенную роль в возникновении в кон. XVIII в. у читающей публики интереса к жизни купеческого сословия. В произведениях ряда драматургов екатерининской эпохи (напр., Княжнина) наблюдается активное использование мотивов, тем, сюжетных положений, заимствованных у Г. Особенно велико влияние Г. на форму комедий русских писателей кон. XVIII в. Оно сказалось в более искусном сочетании серьезно-нравственной, лирической, сатирической и фарсово-комической линий пьесы, в усилении динамизма, более сложном, изощренном и умелом построении интриги, исключительном богатстве и обилии комических приемов при наличии поучительного или чувствительного сюжета, активном введении юмора и расширении жанровых границ. Подобные признаки можно наблюдать в произведениях Веревкина, Княжнина и их последователей (Ефимьева, Крылова и пр.). «Склонения» произведений Г. на русские нравы оказали некоторое воздействие также на творчество Островского. Постановка пьес Г. стала школой игры для многих актеров XVIII в. (Сандуковых, Крутицкого).

Л и т.: *Стронская Е.* Гольдони на русской и советской сцене // *Гольдони К.* Комедии. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 662–667; *Горохова Р. М.* Драматургия Гольдони в России XVIII века // *Эпоха Просвещения. Из истории международных связей русской литературы.* Л., 1967. С. 307–352.

Н. А. Гуськов

ГОТШЕД (Gottsched), Иоганн Кристоф (2.02.1700, Юдитген — 12.12.1766, Лейпциг), немецкий эстетик, критик, реформатор театра, ведущий деятель раннего немецкого Просвещения. С 1720-х работал в Лейпциге (1734 — ординарный профессор университета), основал Немецкое литературное общество, издавал моралистические и литературно-критические журналы, труды по поэтике, переводил и пропагандировал драматургов французского классицизма, которым следовал в собственном творчестве (наиболее известна трагедия «Умиравший Катон» — «*Sterbender Sato*», 1732). Союзница Г. великая немецкая актриса Каролина Нейбер (Neuber, 1697–1760) гастролировала со своей труппой в Петербурге в 1740. Побужденный в борьбе с противниками французского классицизма (И. Я. Бодмер, Г. Э. Лессинг), к сер. XVIII в. утратил влияние в лит.

Г. и его последователи уделяли много внимания России; приверженцами эстетики Г. являлись, напр., российские академики-литераторы Я. Штелин, Г. Ф. Миллер, который как издатель «Ежемесячных сочинений» ориентировался на Г. и его школу. Готшедианец И. Г. Рейхель (Reichel, 1727–1778) был учителем Д. И. Фонвизина в Московской академической гимназии; принадлежавший к кругу Г. московский профессор Х. Г. Кёльнер (Köllner, 1729–1760) переводил А. П. Сумарокова на немецкий язык. В таких журналах Г., как «Увеселения разума и духа» («*Belustigungen des Verstandes und Witzes*», 1741–1745), «Новости изящной учености» («*Das Neueste aus der anmutigen Gelehrsamkeit*», 1751–1762), было немало известий о России и пер. с русского. Из журналов Г., в свою очередь, черпали материал русские периодические издания («Ежемесячные сочинения», «Утренний свет»). Готшедианцы ценили научную и литературную деятельность М. В. Ломоносова, который и сам изучал литературно-теоретические труды Г. Сумароков и И. П. Елагин состояли почетными членами Немецкого литературного общества Г. Особенный интерес проявляли в России к работам Г. по грамматике и стилистике. «Подробное красноречие» («*Ausführliche Redekunst*», 1728) и «Основания немецкой грамматики» («*Grundlegung einer deutschen Sprachkunst*», 1748) питали идеями труды Ломоносова, Сумарокова, В. К. Тредиаковского. «Немецкую грамматику» Г. переработал для российского учебного процесса И. М. Греч и перевел Е. С. Харламов (СПб., 1760; 2-е изд. 1769; 3-е изд. 1791). Литературные произведения Г. почти не переводились на русский. Предполагаемый

пер. из Г.: «Речь скифского посла к Александру Великому» (Полезное увеселение. 1761. Т. 3. № 5) в пер. А. А. Нартова; др. пер. в журнале «Утра» (1782. Л. 3).

Л и т.: *Берков П. Н.* Немецкая литература в России в XVIII в. // *Берков П. Н.* Проблемы исторического развития литератур. Л., 1981; *Lehmann U.* Der Gottschedkreis und Rußland. Berlin, 1966; *Mühlpfordt O.* Leipzig als Brennpunkt der internationalen Wirkung Lomonosovs // *Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jhs.* Berlin, 1968. Bd. 3; *Graßhoff H.* Gottsched als Popularisator und Übersetzer russischer Literatur // *Zeitschrift für Slawistik.* 1970. Bd. 15. H. 2.

Р. Ю. Данилевский

ГРАФИНИИ (Graffigny), Франсуаза д'Иссамбур д'Аппонкур (11.02.1695, Нанси — 12.12.1758, Париж), французская писательница, хозяйка известного литературного салона в Париже, сыгравшего существенную роль в истории французского Просвещения. В ее романе «Письма перуанки» («Lettres d'une Péruvienne», 1747), который отличается тонкостью психологического анализа и увлекательным сюжетом, «естественные порядки» в Перу были противопоставлены уродливым законам феодальной Франции. Этот роман был известен русскому читателю: в 1791 он увидел свет в полном и точном пер. Евграфа Каменского. Многочисленные переиздания «Писем перуанки» в Европе отличались количеством писем, в также наличием или отсутствием двух предисловий (одно выдавало роман за подлинный документ, во втором кратко излагалась история правления инков, мудрые законы Перу, упоминалось о варварстве колонизаторов-испанцев). Русский пер. восходил к изданию со вторым предисловием без ряда обличительных писем: о нравственной деградации французов, обусловленной неразумной экономической политикой правительства, о зависимом положении женщины, о воспитании, об институте брака, неравенстве и т. д., что объяснялось цензурными условиями. Более ранний пер., выполненный Е. Савиным, остался в рукописи (Собрание П. Н. Тихонова. Ф. 8. 340 л.). В Российской Национальной библиотеке хранится 12 различных изданий романа мадам де Г. на языке оригинала. Если судить по экслибрисам, то три из них (1748, 1752, 1768) входили в состав Эрмитажной библиотеки Екатерины II, а одно (1768) принадлежало ее фавориту А. Д. Ланскому.

Л и т.: *Разумовская М. В.* К вопросу о переводе «Писем перуанки» на русский язык // *Международный фактор в литературном процессе.* Л., 1989. С. 193–202.

М. В. Разумовская

ГРЕЙ, ГРАЙ, ГРЕ (Gray), Томас (26.12.1716, Лондон — 30.07.1771, Кембридж), английский поэт. Из стихотворного наследия Г. наиболее известна «Элегия, написанная на сельском кладбище» («Elegy written in a country churchyard», 1750), в которой получила законченное выражение сентименталистская «кладбищенская лирика», объединившая темы смерти и природы, сочетающая сочувствие крестьянину с прославлением миротворной деревенской жизни. Первые пер. появились в издаваемом Н. И. Новиковым журнале Московского университета: стихотворный пер. заключительного фрагмента (The epitaph) «Эпитафия господина Грея самому себе» и полный прозаический пер. с оригинала «Кладбище. Элегия Греева» (Покойщийся трудолюбец. 1784. Ч. 1; 1785. Ч. 4). Др. полный прозаический пер. «Элегия. На сельское кладбище» (Беседующий гражданин. 1789. Ч. 3) был сделан с французского пер. П. Летуэрнера (Letourneur) «Élégie sur un cimetière de campagne» (1770). По пер. Летуэрнера создавались вольные прозаические пер. Ф. Сибирским «Элегия» (Приятное и полезное. 1796. Ч. 9) и П. Б. Козловским (1783–1840) «Сын Меланхолии. Элегия Греева, написанная на деревенском кладбище» (Иппокрена. 1799. Ч. 2). Видимо, с оригинала был создан анонимный полный прозаический пер. «Элегия, писанная на сельском кладбище» (там же. 1800. Ч. 6). Решающее значение в истории восприятия Г. имел пер. В. А. Жуковского «Сельское кладбище» (Вестник Европы. 1802. Ч. 6), которое впоследствии В. С. Соловьев назвал «началом истинно человеческой поэзии в России» (Соловьев Вл. Стих. Изд. 5. М., б. г. С. 144). Из др. стихотворений Г. русских литераторов привлекал «Гимн Несчастью» («Hymn to Adversity», 1742), прославлявший Божество, которое уравнивает людей и испытывает добродетель; до кон. XVIII в. появились два прозаических пер.: «Ода Нещастие» (Чтение для вкуса. 1792. Ч. 5; подпись: М.) и «Напасть» (Иппокрена. 1800. Ч. 6; пер. П. Ю. Львова). В нач. XIX в. были изданы «Стихотворения Грея. С аглинского языка переведенные П. И. Голенищевым-Кутузовым; с присовокуплением краткого известия о жизни и творениях Грея и многих исторических и баснословных примечаний» (М., 1803), содержавшие 17 посредственных стихотворных пер.

Л и т.: *Топоров В. Н.* «Сельское кладбище» Жуковского: к истокам русской поэзии // *Russian literature*. 1981. V. 10; *Левин Ю. Д.* Английская поэзия и литература русского сентиментализма // *Левин Ю. Д.* Восприятие английской литературы в России. Л., 1990.

Ю. Д. Левин

ГРИММ (Grimm), Фридрих Мельхиор, барон фон (26.09.1723, Ратисбонна (Регенсбург), Германия — 19.12.1807, Гота), французский публицист и критик немецкого происхождения, дипломат. Сын лютеранского пастора, учился в Лейпциге. В 1748 приехал в Париж, вскоре получил место чтеца и секретаря герцога Орлеанского. Благодаря хорошему знанию языков, живому уму и прекрасным манерам свел

знакомство с ведущими деятелями французского Просвещения: Ж. Л. Д'Аламбером, П. А. Гольбахом, Вольтером; близко сошелся с Д. Дидро, писал статьи для его Энциклопедии. Известность среди парижской публики получил после публикации «Письма М. Гримма об Омфале, лирической трагедии» («Lettre de M. Grimm sur Omphale, tragedie lyrique», 1752), посвященного критическому анализу современной французской музыки. Широкий круг знакомств и хорошее знание культурной жизни Парижа позволили ему начать в 1753 выпуск «Литературной корреспонденции» («Correspondance litteraire, philosophique et critique, adreesee a un Souverain d'Allemagne»), просуществовавшей до 1792. Она относилась к распространенному во Франции того времени типу рукописных информационных изданий, распространявшихся по подписке, однако уникален круг подписчиков: Фридрих II Прусский, польский король Станислав-Август Понятовский, Екатерина II (с 1764) и др. Для каждого из них изготавливался экземпляр на особом сорте бумаги, не менявшемся от номера к номеру; «Корреспонденция» имела характер частной переписки и не предназначалась для чтения посторонними. До 1773 Г. сам руководил изданием, а во время отъездов его заменяли Дидро, г-жа д'Эпине и др.; с 1774 ред. стал Г. Мейстер. Первые номера «Корреспонденции» содержали литературные портреты, критические статьи, заметки и анекдоты, но со временем Г. все большее внимание стал уделять политической и социальной жизни Франции. Опубликованная в 1812 «Корреспонденция» стала ценным источником сведений по истории французской культуры второй половины XVIII в.

В Париже Г. выполнял дипломатические поручения различных германских правительств. В 1772 в Вене получил титул барона Священной Римской империи по ходатайству ландграфини Гессен-Дармштадтской. Впервые он появился в Петербурге в составе свиты ландграфини, приехавшей на бракосочетание своей дочери с Павлом

Петровичем; понравился Екатерине II, получил предложение остаться при русском Дворе, но отказался. Сопровождал в поездке по Европе сыновей графа Румянцева. По просьбе Екатерины II составил «Опыт об образовании в России» («Essais sur les études en Russie», 1775), высоко оцененный императрицей. По личному ее приглашению приехал в Петербург в 1776, где пробыл ок. года; подолгу беседовал с Екатериной II наедине; вновь получил предложение остаться и принять участие в организации школ и вновь отказался, тем не менее получил чин коллежского советника с жалованьем в 2000 рублей. Будучи в Париже, продолжал активную переписку с русской императрицей (велась с 1764), стал ее официальным комиссионером: участвовал в покупке произведений искусства, книг, подыскивал мастеров (Кваренги, Паизиелло). Именно он вел переговоры о приобретении библиотеки Вольтера. Его рекомендации имели большой вес в Петербурге. В 1792 он был назначен русским резидентом в Готу, позднее — в Гамбург. Павел I продолжал пользоваться услугами Г.

В истории за Г. закрепилась репутация угодливого льстеца. Этому во многом способствовала публикация Я. К. Гротом в кон. XIX в. переписки Г. и Екатерины II: послания Г. изобилуют восхвалениями императрицы. Однако издаваемую им «Литературную корреспонденцию», напротив, отличала широта взглядов и свобода оценок.

Лит.: Письма Ф.-М. Гримма к Екатерине II // СБРИО. Т. 33, 44; Письма Екатерины II к Ф.-М. Гримму // СБРИО. Т. 23; *Капн С. Я.* Французские просветители и Россия. М., 1998; *Строев А.* Те, кто поправляет фортуны. Авантюристы Просвещения. М., 1998; *Lanson G.* Histoire de la littérature française. Paris: Hachette, 1912. P. 221, 224.

С. В. Кузнецов

ГЮНТЕР (Günther), Иоганн Христиан (8.04.1695, Силезия — 15.03.1723, Иена), выдающийся немецкий поэт раннего Просвещения. Учился в Виттенбергском университете, затем вел скитальческую жизнь, не желая угождать влиятельным покровителям. Просветительский оптимизм, воспринятый из философии Г. В. Лейбница и Х. Вольфа, сменился у Г. трагическим разочарованием, способствовавшим его ранней смерти. В первой половине XVIII в. Г. — самый читаемый немецкий лирик; первый сб. его соч. издан посмертно (1724). Новаторски преобразуя традиции поэзии барокко (т. н. «силезской школы»), внося в немецкую лирику личные, исповедальные мотивы, Г. стоял у истоков немецкой религиозной и любовной лирики, студенческой песни, лирической оды XVIII в.; в поэзии он — предшественник Г. Э. Лессинга и

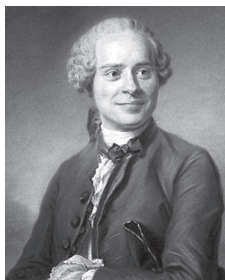
«бури и натиска». Поэзия Г. богата строфическими формами (97 вариантов) и вместе с тем искренна и задушевна, передавая внутренний мир человека, борющегося с судьбой. Ее ценили И. К. Готшед, впоследствии — И. В. Гёте, отмечая, впрочем, ее неровность.

Творчество Г. интересовало в России В. К. Тредиаковского («Епистола от российския поэзии к Аполлину», 1735), А. П. Сумарокова (примеч. к «Епистолам», 1748) и особенно М. В. Ломоносова, который построил свою «Оду блаженныя памяти имп. Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 г.», опираясь на поэтику самой знаменитой тогда оды Г. «На мир, заключенный его имп. велич. и Портою в 1718 г.» («Auf den zwischen Ihre Kaiserlicher Majestät und der Pforte Anno 1718 geschlossenen Frieden»), написанной в честь австрийского полководца принца Евгения Савойского. Выразительность картин и патриотический пафос оды Г., достоинства ее просодии и метрики помогли Ломоносову создать первое значительное русское стихотворение, основанное на новой силлабо-тонической системе стихосложения (четырёхстопный ямб и схема рифм в строфе ababccdeed соответствовали строфе в оде Г.), хотя ода Ломоносова не являлась ни переложением, ни полным подражанием оде Г. Ломоносову или Сумарокову приписывается стихотворная сатира на Тредиаковского «Ода Тресотину» (не ранее 13 октября 1755), строфы которой построены по аналогии со строфами одной из студенческих песен Г. «Усталое сердце...» («Müdes Herz...», ок. 1718); некоторое сходство есть и в содержании обоих стихов. Можно предположить, что стихотворная техника Г. принималась во внимание Сумароковым в его одах и переложениях псалмов. Поэзия и мировосприятие Г. были типологически близкими ведущим деятелям русской лит. первой половины XVIII в., поэтому Г., несмотря на все отличия его творческих задач от проблематики русской поэзии, воспринимался русскими поэтами как союзник.

Л и т.: *Берков П. Н.* Ломоносов и литературная полемика его времени: 1750–1765. М.; Л., 1936; *Данько Е. Я.* Из неизданных материалов о Ломоносове // XVIII век. М.; Л., 1940. Сб. 2; *Тарановский К. Ф.* Ранние русские ямбы и их немецкие образцы // Русская литература XVIII в. и ее международные связи (XVIII век. Сб. 5). Л., 1975; *Пумпянский Л. В.* Ломоносов и немецкая школа разума // Русская литература XVIII — начала XIX в. в общественно-культурном контексте (XVIII век. Сб. 14). Л., 1983; *Kopp A.* Bibliographisch-kritische Studien über J. Chr. Günther // Euphorion. 1894. Bd. 1; 1895. Bd. 2; *Dahlke H. J.* Chr. Günther: Seine dichterische Entwicklung (Neue Beitr. zur Literaturwissenschaft. Bd. 10). Berlin, 1960; *Kirchner P.* Lomonosov und J. Chr. Günther // Zeitschrift für Slawistik. 1961. Bd. 6. Н. 4.

Р. Ю. Данилевский

ДАЛАМБЕР (D'Alembert), Жан Лерон (16.11.1717, Париж — 29.10.1783, Париж), французский математик и философ, член Парижской и Петербургской Академий наук; вместе с Дидро издавал «Энциклопедию», автор вступительной статьи к первому тому («Очерк происхождения и развития наук»). Его труды оказали воздействие на развитие русской философской и общественной мысли, некоторые из них были изданы на русском языке: в 1774 — «Mémoires et réflexions sur Christine, reine de Suède» (1751–1760) в пер. М. Ковалевского; в 1784 — «Mélanges de littérature, d'histoire et de philosophie» (1759) в пер. И. Г. Харламова (этот пер. был сделан в 1779 и представлен для напечатания в Академическую типографию доктором медицины Н. П. Соколовым); в 1790 — «Eléments de philosophie» (1759), первая часть («Дух философии») переведена Харламовым. В «Оставшихся творениях Фридриха Второго короля прусского» (СПб., 1789–1791) в т. 7 и 8 публиковались письма Фридриха II к Д. Статьи Д. для «Энциклопедии» печатались в «Опыте трудов Вольного Российского собрания при Императорском Московском университете» (М., 1774–1783), «Санкт-Петербургском Меркурии» (СПб., 1793–1794), «Собрании новостей» (СПб., 1775–1776). Пер. из Д. публиковала и «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная...» (1793–1794). М. Н. Муравьев в ст. «Краткое начертание Российской истории» (кон. 1780-х — нач. 1790-х, опубликована в 1810) противопоставляет своих предшественников (В. Татищева, Щербакова, Болтина) французским просветителям, в т. ч. и Д. (Сочинения М. П. Муравьева: В 2 т. СПб., 1847. Т. 2. С. 110). Екатерина II переписывалась с Д., приглашала его в качестве воспитателя наследника престола Павла Петровича. Русские путешественники в Париже считали необходимым повидать Д. Граф В. Г. Орлов записал в дневнике в 1771: «Прибыл в Париж еще в мае <...> посещал также <...> и Даламбера» (Русский Архив. 1908. Кн. II. С. 468). В «Письмах русского путешественника» Карамзин многократно и с похвалой вспоминает имя Д., в отличие, например, от Д. И. Фонвизина, отзывавшегося о нем в письмах из Франции без всякого пиетета.

Л и т.: *Морлей Д.* Дидро и энциклопедисты. М., 1882; *Литвинова Е. Ф.* Даламбер, его жизнь и научная деятельность. СПб., 1891.

М. В. Разумовская

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ, ДАНТ; ЛЕДАНТ

(Dante Alighieri) (май 1265, Флоренция — 14.09.1321, Равенна), итальянский поэт и прозаик, считается одним из величайших поэтов мира. Главное соч. Д. — «Комедия», названная впоследствии «Божественной» («*Divina commedia*»). В Европе XVIII в. произведения Д., как и др. писателей раннего Возрождения, казались слишком грубыми, несоответствующими правилам искусства и нормам вкуса, содержащими лишь отдельные удачные эпизоды, и в целом отвергались авторами трудов по эстетике (прежде всего Вольтером, особенно после появления в 1760-х резко отрицательных оценок творчества Д. в статьях С. Беттинелли). Следуя европейским вкусам, русские литераторы XVIII в. не считали Д. образцовым автором, его произведения не были распространены в России до эпохи романтизма. Однако имя Д. стало известно русской публике уже в нач. XVIII в. по упоминаниям в популярном в ученых кругах памфлете Т. Боккалини «Парнасские ведомости» (имелось два рукописных пер.). Соч. Д. были в библиотеке, собранной в Хлынове (Вятке) Л. Горкой. В 1757 в Венеции граф К. де Сапата де Сисероз издал «Божественную комедию» с посвящением императрице Елизавете Петровне, ее портретом и обращением к ней сонетом, причем, по мнению М. П. Алексеева, подобные издания в XVIII в. выходили лишь с согласия августейшего адресата. Д. И. Фонвизин в одном из писем сестре упоминает имя Д. без дополнительных пояснений, полагая, очевидно, что оно известно адресату. Оценки европейской критики отразились на характеристиках Д. в русских ст. XVIII в. («Опыт о стихотворстве» (1762), приписываемый С. Г. Домашневу; «Рассуждение о народном просвещении в Европе» (1785) О. П. Козодавлева). М. П. Алексеев отмечал следы знакомства с Д. в «Пересмешнике» (1766) М. Д. Чулкова (гл. 11–12), где мотивы и образы «Ада» трактованы отчасти в духе отечественной апокрифической традиции. Распространение преромантизма вызвало интерес к творчеству Д. В. Л. Пушкин в стихотворении «Суйда» (1797) использовал мотивы «Божественной комедии» и поставил эпитафию из «Чистилища» (песнь 24; стихи 52–54) на итальянском языке. Первый русский пер. из Д., вышедший под заголовком «Мир осуждения», — прозаическое переложение песни 28 «Чистилища» (Приятное и полезное препровождение времени. 1798).

Л и т.: *Алексеев М. П.* Первое знакомство с Данте в России // От классицизма к романтизму: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1970.

Н. А. Гуськов

ДЕТУШ (Destouches), Филипп Нерико (9.04.1680, Тур — 4.07.1754, Париж), французский драматург, создатель жанра «серьезной комедии». В центре комедий Д. — проблемы морали, добродетели, порока. Жанр этот популяризуется в России в 1760-е, прежде всего В. И. Лукиным, испытавшим на себе значительное влияние Д. Опираясь на творчество Д., Лукин утверждает, что первая задача комедии — исправлять порок, лишь вторая — смешить. Как достойного подражания рекомендует Д. своим соотечественникам А. П. Сумароков в «Двух эпистолах»:

«Женатый философ», «Тщеславный» воссияли
И честь Детушеву в бессмертие вписали

и в «Эпистоле о стихотворстве»: «Детуш, знатный французский комик. Комедии его “Тщеславный”, “Женатый философ” безмерно хороши». В 1764 в пер. А. А. Нартова издаются две комедии Д. — «Притворная Агнеса» («*La Fausse Agnès, ou le Poète campagnard*», 1736) и «Ночной барабан» («*Le tambour nocturne, ou Le mari devin*», 1719), в русском пер. «Привидение с барабаном, или пророчествующий женатый». К сер. 1760-х, по сообщению «Известия о некоторых русских писателях», И. П. Елагиным были переведены «почти все драматические сочинения Детуша». Эти пер., которые, согласно тому же источнику, «несомненно, могут по чистоте языка и текучести языка считаться образцовыми», не сохранились. В кон. 1760-х князь Н. Н. Трубецкой перевел самую известную комедию Д. «Мот» («*Le dissipateur, ou L’Honnôte friponne*», 1753), но и его пер. до нас не дошел. Позднее эту комедию перевел с ее польского переложения А. И. Апухтин («Мот, или Расточитель», 1778), а в 1789 вышел ее пер. под названием «Мот, или Добродетельная обманщица». Годом раньше увидели свет в русском пер. и две ранние комедии Д. — «Бесстыднолюбопытный» («*Le Curieux impertinent*», 1710) и «Неблагодарность» («*L’Ingrat*», 1712). В дальнейшем появляется комедия «Троякая женитьба» («*Le Triple mariage*», 1716) в пер. И. И. Акимовича (1778). В 1760-е осуществляются также театральные постановки пьес Д., при этом предпочтение отдается его «забавным», а не «серьезным комедиям». В «Реестре трагедиям и комедиям, которые на Российском театре были уже представлены» упоминаются «Привидение с барабаном» и «Троякая женитьба».

Соч.: *Oeuvres dramatiques*. V. 1–10. Paris, 1755–1758.

Лит.: Берков П. Н. История русской комедии XVIII в. Л., 1977; История переводной художественной литературы. СПб., 1996. Т. 2.

И. В. Лукьянец

ДЕФО (Defoe), Даниэль (ок. 1660, Крипгейт — 26.04.1731, Мурфилдс), английский писатель, основоположник европейского романа нового времени. Основное произведение Д. «Life and strange surprising adventures of Robinson Crusoe, of York, mariner» (1719) было первым английским романом, переведенным на русский язык: «Жизнь и приключения Робинзона Круза природного англичанина» (СПб., 1762–1764. Ч. 1, 2). Переводчик Я. И. Трусов (ум. после 1793) пользовался французским пер.; в русском пер. опущены многие подробности, некоторые главы пересказаны, особенно сокращена вторая часть, кроме того содержатся разные добавления — разъяснения мест, непонятных русскому читателю, морализаторские сентенции. Пер. имел большой успех; уже первая часть «была принята от публики с великим удовольствием, потому что она (...) всяким читателям по мудрому ее сочинению безвинное увеселение доставляет» (Ежемесячные сочинения. 1764. Май. С. 453). Пер. переиздавался четыре раза (1775, 1787, 1797, 1814) и, имея широкое распространение, упомянут среди книг, которые «в каждой деревенской библиотеке непременно уже находились» (Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С. 47). Имя героя стало нарицательным, однако автор оставался неизвестным: имя его не указано на титульном листе пер. и не встречается в русских текстах XVIII в. А при публикации истории А. Селькирка — прототипа Робинзона (Достопамятная повесть о некотором шотландце, жившем несколько лет на пустом острове // Детское чтение. 1786. Ч. 7) роман Д. не упоминался. Зато неоднократно переводились европейские т. н. «робинзонады», наиболее значительным из которых был роман немецкого педагога И.-Г. Кампе «Новый Робинзон, служащий к увеселению и наставлению детей» (М., 1792. Ч. 1, 2 — оригинал: «Robinson der Jüngere», 1779–1780), впоследствии переиздававшийся. Появилась и русская версия: «Робинзон на пустом острове» В. Полякова (Иппокрена. 1800. Ч. 7). Пер. романа Д. способствовал утверждению авторитета английской просветительской лит. в русском обществе. Об интересе

Д. к России свидетельствует его соч. «Беспристрастная история жизни и деяний Петра Алексеевича» (1723).

Лит.: *Пиривалова Е. П.* «Робинзон Крузо» в детской и педагогической литературе // Книжки детям. 1929. № 2–3; *Алексеев М. П.* «Робинзон Крузо» в русских переводах // Международные связи русской литературы. М.; Л., 1963; *Вадуйская Л. А.* Первый русский перевод и переработка романа Д. Дефо «Робинзон Крузо» (1762–1840 гг.) // Вопросы сопоставительной типологии иностранных языков. Душанбе, 1976; *Громов С. В.* Сочинение Дефо о Петре I // Вопросы истории. 1983. № 5; *Новосельцева Л. А.* Даниэль Дефо о России // Проблема литературных контактов. Сб. статей. Душанбе, 1985; «Робинзон Крузо» в России / Сост. К. Н. Атарова // *Дефо Д.* Робинзон Крузо. М., 1990.

Ю. Д. Левин

ДИДРО (Diderot), Дени (5.10.1713, Лангр — 31.07.1784, Париж), французский просветитель, философ-материалист, писатель, художественный критик, главный редактор и сотрудник знаменитой «Энциклопедии, или Словаря наук, искусств и ремесел» («Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers», 1751–1780, 35 т.). В 1767 в Москве были изданы три тома «Переводов из Энциклопедии». Организатором издания, печатавшегося при Московском университете, был директор университета М. М. Херасков, а участниками и переводчиками — А. П. Шувалов, А. И. Бибииков, С. М. Козьмин, А. А. Ржевский, А. В. и С. В. Нарышкины, С. Г. Домашнев и др. Первоначально предполагалось издать целую серию таких сб., но дело ограничилось тремя. Публикация включала в себя статьи нейтрального характера («Словопроизведения», «Наррация», «Одежды римлян», «Гамак», «Баня», «Желчь» и т. п.) и философского («Право естественное», «Экономия», «Нравоучение»). Позднее были изданы: «О ласкательстве из Энциклопедии» (1769) в пер. С. С. Башилова, «Статьи о философии и частях ее из Энциклопедии» в пер. Я. П. Козельского (в первый том входили статьи философского характера — «Философия», «Философский разум», «Логика», «Диалектика», «Метафизика», «Богословие» и др.; второй том включал в себя статьи на юридические и политические темы); «О государственном правлении и разных родах оногo, из Энциклопедии» в пер. Ивана Туманского («Демократия», «Деспотическое правление», «Монархия»,

«Олигархия», «Самодержавство», «Самодержец», «Тиранство», «Тиран» и пр.); «Статьи из Энциклопедии о любопытстве и гадании» (1770); «Статьи из Энциклопедии о клевете, презрении и несчастьи» (1771) в пер. И. У. Ванслова; «Статьи о времени и разных счислениях оного, из Энциклопедии» (1771) в пер. В. В. Тузова. В «Словаре коммерческом, содержащем познание о товарах всех стран, и названия вещей главных и новейших...» (Ч. 1–7. М., 1787–1792) наряду со ст. из «Всеобщего коммерческого словаря» Ж. Савари де Брюлона печатались и ст. из «Энциклопедии» Д. и Даламбера (пер. В. А. Лёвшина). Особый интерес к кон. XVIII в. вызывали ст. из Энциклопедии, которые соответствовали идеям сентиментализма. Так, переводчик ст. «О стихотворстве» В. Поленов выделял те фрагменты, где в процессе творчества подчеркивалась роль воображения, задача же поэта виделась в воздействии на чувства читателя (Новые ежемесячные сочинения. 1792. Июнь. С. 43–49).

Существенное воздействие на русскую драматургию оказали теоретические воззрения Д. — реформатора драматического искусства и его драматургия. Из драм Д. на русском языке были изданы: в пер. Е. С. Харламова — «Побочный сын или искушение добродетели» («*Le Fils naturel, ou les Epreuves de la vertu*», 1755) (СПб., ок. 1764; второе издание — М., 1788); в пер. С. И. Глебова — «Побочный сын, или Опыт добродетели» (СПб., 1766); в пер. Ивана Яковлева — «Побочный сын, или Испытания добродетели» (М., 1788); в пер. Глебова — «Чадолубивый отец» («*Le père de famille*», 1756) (СПб., 1765, второе издание — М., 1788). Ок. 1764 С. В. Нарышкин сочинил комедию «Истинное дружество» «во вкусе дидеротовом», до нас не дошедшую. Известно также, что Б. Е. Ельчанинов перевел «Побочного сына» и «Отца семейства» Д. и его трактат «О драматической поэзии» («*Discours sur la poésie dramatique*», 1758), тоже до нас не дошедшие. О постановке драм Д. на русской сцене сведений не существует.

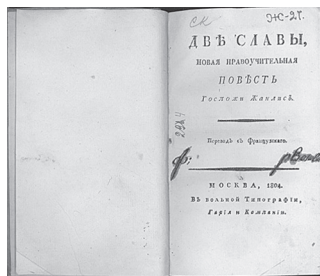
В России получили известность эстетические теории Д., выраженные, в частности, в его статье «Прекрасное» («*Beau*») во втором томе Энциклопедии (1752) и «Опыте о живописи» («*Essai sur la peinture*», 1765). Усвоению их способствовал трактат князя Д. А. Голицына «Письмо о пользе, славе и пр. художеств», присланный им из Парижа в 1766 в Академию художеств. Многие идеи Голицына близки «Опыту о живописи» Д.: не возвеличивать природу, а «учиться у нее», познавая в искусстве естественные законы, красота в искусстве — соответствие образу предмета, воспринять которую помогает эмоциональное отношение читателя и зрителя к изображаемому. Трактат Голицына не был

напечатан, но он послужил новым представлением о месте искусства в общественной жизни и характере его отношений с остальными родами человеческой деятельности. Анонимная ст. «Письмо к одному из издателей Вестника», интерпретирующая живопись Ж.-В. Грёза (Санкт-Петербургский вестник. 1779. Ч. 2. Ноябрь. С. 356–359), близка к концепции Д. Многие русские люди были близко знакомы с Д.: среди них Д. А. Голицын, Е. Р. Дашкова, вспоминая в своих «Записках» об их встречах и долгих беседах. В 1767 Д. был избран членом Академии художеств, в 1773 — Академии наук.

Л и т.: *Бильбасов В.* Дидро в Петербурге. СПб., 1884; *Штранге М. М.* «Энциклопедия» Дидро и ее русские переводчики // Французский ежегодник. 1959. М.; Л., 1961; *Берков П. Н.* История русской комедии XVIII века. Л., 1977; *Алексеев М. П.* Дидро о русской литературе // Русская литература и романский мир. Л., 1985. С. 338–372; *Моисеева Г. Н.* Дени Дидро и Е. Р. Дашкова // XVIII век: Сб. 15: Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л., 1986. С. 197–204; Эстетика Дидро и современность. М., 1989; *Berkov P. N.* Histoire de l'Encyclopédie dans la Russie du XVIIIe siècle // Revue des études slaves. 1965. Т. 44; *Zaborov P.* Théâtre de Diderot en Russie au XVIIIe siècle // Colloque international Diderot. Paris, 1985. P. 493–501.

М. В. Разумовская

ЖАНЛИС (Genlis), Стефани Фелисите, де (25.01.1746, Шансери — 31.10.1830, Париж), французская писательница, драматург, педагог. Приближенная герцогини Орлеанской, воспитательница дочерей герцога и его сына, будущего короля Луи-Филиппа. Разработала оригинальную систему воспитания. Считала целью воспитания нравственное

совершенствование, просвещение ума и тренировку тела. Педагогические идеи Ж. воплотились в ее творчестве. На русский язык в XVIII в. переводятся многие ее нравоучительные произведения. Например, в 1791 появились в пер. П. И. Сумарокова первые 32 письма ее книги «Adèle et Théodore, ou Lettres sur l'éducation» (1782). Полные пер. этой книги выходят в 1792, 1794, 1796. Переводятся также драматические произведения Ж. из сб. «Театр для юношества» (1786) и «Театр воспитания» (1799) («Théâtre à l'usage des jeunes personnes», «Théâtre de l'éducation»): «Зелия, или Искренность» (1789), «Иосиф, угнанный братьями своими» (1796), «Добрая мать» (1796) и др.

Произведения Ж. в пер. Н. М. Карамзина часто печатались в журнале «Детское чтение для сердца и разума» и пользовались большой популярностью среди детей и воспитателей. Комедию «Голубок» перевел с французского «лейб-гвардии Преображенского полку сержант 12-ти лет от рождения Сергеем Тишевским» (1789). Перу Ж. принадлежали и романы, на русский язык не переводившиеся, но широко известные в России: «Chevalier de Cygne», 1795; «Petits emidrés», 1798; «Mademoiselle de Clermont», 1802.

С о ч.: Oeuvres. Paris, 1805.

Л и т.: *Кафанова О. Б.* Н. М. Карамзин — переводчик Жанлис (Французская «нравоучительная сказка» и пути формирования русской сентиментальной повести // *Художественное творчество и литературный процесс.* Томск, 1982. Вып. 4; *Niklibork A.* L'oeuvre de M-me de Genlis. Wrocław, 1969.

И. В. Лукьянец

ИСПАНО-РУССКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ. В первой половине XVIII в. в России об испанской лит. было известно мало, как, впрочем, и о самой Испании. Первые попытки дипломатических контактов между двумя странами относятся еще к XVI в. (русские посольства 1523 и 1525), а начало регулярных официальных отношений — к первой четверти XVIII в. (в 1718 между испанским и российским Двором началась регулярная переписка о заключении союза против Англии), однако в 1730–1760 в дипломатических отношениях Испании и России наступил перерыв. Российские путешественники и коммерсанты бывали в Испании редко и описаний этой страны не оставляли.

К печатным источникам, в которых в первой половине XVIII в. упоминается Испания, относятся переводные космографии и учебники (Пуфендорф С. Введение в историю европейскую. СПб., 1718; География, или Краткое земного круга описание. СПб., 4-е изд. в 1710–1716; Гюбнер И. Земноводного круга краткое описание из старья и новья географии. СПб., 1719). «Гишпанцы» являлись также персонажами многих рукописных повестей (например, «История о гишпанском шляхтиче Долторне», «История Альфонза Арагонского и Еввалии», «История о королевиче Цылдоне италиянском и о баронской дочери Цыцylie гишпанской» и др.) и пьес («Шутовская комедия», «Действие в персонах о короле Гишпанском»). Такие условно «испанские» произведения лишены национальной специфики, герои могли бы быть родом из любой др. страны. Первое в русской лит. упоминание о «Дон Кихоте» зафиксировано в коммент. к переводной книге «Рассуждения о оказательствах к миру» (СПб., 1720). Из литераторов этого времени испанским языком владел А. Д. Кантемир:

в его парижской библиотеке довольно много книг испанских авторов и книг об Испании, в т. ч. и на испанском языке.

Еще с XVII в. в России был известен политический трактат Д. Сааведры Фахардо «*Idea de un príncipe político-cristiano*» (1640). Его немецкие и латинские издания, богато иллюстрированные гравюрами, находились во многих частных библиотеках, в кон. XVII в. появился русский пер. с немецкого. Ок. 1710 книгу Фахардо по указанию Петра I перевел Феофан Прокопович, она должна была послужить пособием при воспитании царевича Алексея. Пер., озаглавленный «Изображение христиано-политического властелина, символами объясненное от Дидака Сааведры Факсарда, ныне же с латинского на диалект русский переведенное», напечатан не был. В предисловии Феофана содержится анализ художественных достоинств книги Фахардо, это первый в русской лит. критический этюд об испанском писателе. Фахардо, по Феофану, «быстр и пространен во учении политическом», однако «самый творца книги сея вид слова и образ писания <...> трудный, необычный, темный, не что тонкий, стропотный [т. е. неровный и лукавый] и нескороразумительный». Феофану кажется странным, что Фахардо «не обычные употребляет наречия», пользуется частыми и неясными аллегориями. В своем пер. Феофан стремился «темноту и стропотность прогнати». В 1774 в Петербурге был опубликован пер. др. соч. Фахардо (оригинал — 1655), выполненный с немецкого М. Матинским: «Республика ученых, или Аллегорическое и критическое описание художеств и наук, сочиненное дон Диегом Саведром Фаярдом, кавалером ордена св. Иакова».

В 1702–1706 в Москве действовал публичный театр (труппа И. Кунста — О. Фюрста), две пьесы из репертуара которого — испанского происхождения. «Тюрьмовой заключник, или Принц Пикельгяринг» опосредованно восходит к комедии П. Кальдерона «*El alcaide de sí mismo*» (1650); пьеса «Дон Педро, почитанной шляхта, и Амарилис, дочь его» (сохранилось только одно действие) — к комедии Тирсо де Молины «*El burlador de Sevilla y convidado de piedra*» (1630). На русский язык обе пьесы переведены с немецкого, а на немецкий — с французской и итальянской переделок, поэтому ни имена авторов, ни своеобразие оригиналов до русских зрителей не дошли. «Принц Пикельгяринг» был также в репертуаре театра царевны Натальи Алексеевны (1707–1711).

В 1731 труппа итальянца Томмазо Ристори поставила в Москве несколько комедий, в т. ч. «*Le festin de Pierre*» и «*La dame démon* et

la servante diable» — сохранились лишь названия, без указания имен авторов, однако очевидно, что первая пьеса восходит к «Севильскому озорнику» Тирсо (французское название, как и русское «Дон Педро», представляет собой неправильный перевод итальянского «Il convitato di pietra»), вторая — к «La dama duende» Кальдерона де ла Барка (1629, опублик. 1636). В 1735 в репертуаре др. итальянской труппы (игравшей в Петербурге под руководством К. А. Бертинацци) было две пьесы, опосредованно восходящие к комедиям Лопе де Веги: «Честное убожество Ренота древнего кавалера Гальского во время Карла Великого» (оригинал — «Las pobeças de Reynaldos», 1599; это известный сюжет о рыцаре Рейнальдо Монтальбанском) и «Наивысшая слава государю чтоб побеждать самого себя» (оригинал — «La mayor virtud de un Rey»), опублик. 1625).

В 1734 был переведен и вскоре опубликован сборник афоризмов и наставлений Б. Грасиана «Oráculo manual y Arte de la prudencia» (1647): «Балтазара Грациана Придворной человек...» (СПб., 1741, пер. С. С. Волчкова; изд. 2-е: СПб., 1760). Сложное для пер. и понимания название было изменено уже во французском пер.-посреднике, выполненном А.-Н. Амело де ла Уссэ («Homme de cour», 1684). Издание 1741 включает в себя также подстрочные примечания автора («Грациановы ремарки») и «рекапитуляцию, или краткое повторение глав». В «рекапитуляции», в числе «славных древних и новых государей», примеры из жизни которых заслуживают особого внимания, упомянуты и испанцы: Альфонс Арагонский, Филипп II, Фердинанд и Изабелла. Др. труд Грасиана, трактат «El Héroe» (1637), был издан в кон. века: «Ирой Валтазара Грациана, с критическими, историческими и нравоучительными примечаниями г. Кубервиля» (М., 1792, пер. Я. И. Трусова).

Интересный феномен русской культуры представляет собой увлечение образованных представителей третьего сословия, главным образом старообрядцев, идеями мальоркинского философа-мистика и богослова Раймунда Люллия (1232–1316), начавшееся в кон. XVII и продолжавшееся в XVIII в. Известно 80 списков четырех «люллианских сочинений» на русском языке. Установлено (А. Х. Горфункель), что «Великая наука» и «Риторика» — это самостоятельные соч. А. Х. Белобоцкого, «Краткая наука» — довольно точный пер. «Ars brevis» Люллия, выполненный им же, «Малая книга» — сокращенный вариант «Великой науки», созданный Андреем Денисовым. «Люллианские книги» ценились русскими книжниками в основном

благодаря форме изложения и могли служить пособием по риторике или оригинальным учебником философии, представлявшим универсальный и легкодоступный метод усвоения всех наук. Ни одна из этих книг в XVIII в. не была напечатана.

Испано-русские политические и культурные связи упрочиваются во второй половине XVIII в. Это связано как с прямыми контактами (восстановление дипломатических представительств в 1760 (Россия) и 1761 (Испания), открытие испанских купеческих контор в Петербурге, общее увеличение числа испанцев в России), так и с возросшей ролью Франции в культурной жизни обеих стран; французская лит. приобретает роль посредника между испанской и русской лит.

Важную роль в русской культуре начинают играть французские (а в кон. века — и немецкие) произведения на испанские темы. Входит в моду галантно-героический роман «испано-мавританского» жанра, появляются жанровые определения «гишпанский роман», «гишпанская повесть», «гишпанская новость». Приведем лишь несколько примеров: «Заида, гишпанская повесть» г-жи де Лафайет (М., 1765, указан автор Г. Дезегре; пер. с немецкого), «Любовь без успеха, или Инеса Кордуанская» г-жи К. Бернар (СПб., 1764), новеллы г-жи де Гомец (СПб., 1764; СПб., 1765–1768, М., 1791), роман Ж. П. Флориана «Гонзальв Кордуанский» (СПб., 1783, пер. Н. П. Осипова; СПб., 1793, пер. Г. И. Шиповского; в обоих изданиях приводится также «историческое сокращение» Флориана о гишпанских маврах), его же пересказ гранадской легенды о Селестине (СПб., 1788; М., 1789). К этому ряду примыкает и «Горестная любовь маркиза де Толедо. Переведена с гишпанскаго на российский язык Федором Эмином» (СПб., 1764). Есть основания предполагать (М. П. Алексеев), что эта галантная повесть — собственное соч. Эмина.

Наряду с большим числом псевдоиспанских повестей на русском языке появлялись и произведения испанцев: роман Х. де Контрераса «Дон Луцман», новеллы М. де Сайяс-и-Сотомайор, М. Алемана, К. Солорсано, Х. Переса де Монтальваны, выходившие как отдельными изданиями, так и в виде вставных новелл, без указания на испанские первоисточники, и, очевидно, воспринимавшиеся как псевдоиспанские.

Большой известностью пользовались произведения Сервантеса. Еще до выхода в свет на русском языке «Дон Кихот» был знаком российским читателям по французским и немецким пер. О нем упоминает В. К. Тредиаковский («Разговор между чужестранным человеком и

русский об орфографии старинной и новой и о всем, что принадлежит к сей материи», 1747); А. П. Сумароков в «Письме о чтении романов» (1759) относит роман Сервантеса к малому числу «достойных» произведений этого жанра. М. В. Ломоносов был знаком с «Дон Кихотом» по немецкому изданию, приобретенному им в 1761.

Впервые «Дон Кихот» был напечатан по-русски в 1769 («История о славном Ла-Манхском рыцаре Дон Кишоте». Т. 1–2, СПб.); это пер. с французского шеститомного пер. Фийо де Сен-Мартена (первое изд.: 1678), выполненный И. А. Тейльсом. Русский текст обрывается на главе XXVII. В 1791 вышел в свет второй русский пер.: «Неслыханный чудодей, или необычайная и удивительнейшая подвиги и приключения храброго и знаменитого странствующаго рыцаря Дон Кишота» (СПб.). Пер. сделан Н. П. Осиповым по сокращенному французскому пер.-переработке 1746 и был переиздан в 1812 под названием «Дон Кишот Ла Манхский» (М.).

В кон. XVIII в. «Дон Кихот» прочно вошел в русский литературный обиход: нередко упоминания о героях Сервантеса в журналах; в 1782 пер. романа К.-М. Виланда был озаглавлен «Новый Дон Кишот, или Чудные похождения Дона Сильвио де Розальвы»; неоднократно и в разных контекстах сопоставлял себя с Дон Кихотом Карамзин; появились неологизмы «донкишотствовать» (в 1782 использован Г. Р. Державиным в «Оде к Фелице») и «донкишотство» (1782). Санчо Панса был известен своей привычкой изъясняться пословицами, а также как справедливый и мудрый правитель из народа; этот образ повлиял на творчество В. А. Левшина.

Кроме «Дон Кихота» в XVIII в. в России издавались и др. произведения Сервантеса. Первое из них по времени публикации — одна из «Назидательных новелл», «Las dos doncellas»: «Две любовницы. Гишпанская повесть Мих. Цервантеса Сааведры, авктора [sic!] Дон Кишота» (М., 1763; переизд. М., 1769). Упоминание «Дон Кишота» на титульном листе свидетельствует о достаточной известности этого романа, в то время еще не переведенного на русский язык. Выходили также (отдельными изданиями и в журналах) «La fuerza de la sangre» (М., 1764; М., 1794; СПб., 1794), «El celoso extremeño» (1781), «La Gitanilla» (1795), отрывки из «Дон Кихота» (СПб., 1779 — пер. новеллы, добавленной Фийо де Сен-Мартеном; СПб., 1781), две вставные новеллы из «Los trabajos de Persiles y Sigismunda» (СПб., 1781), роман «Galatea» — в отрывках и полностью, по пер.-перделке Флориана (М., 1790; М., 1795; М., 1796; СПб., 1799; М., 1800). Не-

сколько раз, отдельно (Санкт-Петербургский Меркурий. 1793. Ч. II) и в качестве введения к «Галатее» издавались флориановы «Жизнь Серванта» и «О сочинениях Серванта».

Все указанные пер. выполнены с французского в Петербурге и Москве, кроме: «Прекрасная цыганка. Испанская повесть. Сочинения г. Сервантеса, автора Дон Кихота» (Смоленск, 1795) — пер. с французского пер. Лефевра де Вилльбрюна (1775). Следует также отметить стихотворные пер. поэтических фрагментов в «Прекрасной цыганке», в «Дон Кихоте» у Н. П. Осипова, в «Галатее» у А. И. Ханенко (1796, 1799) и А. Кандорского (1800) — в др. случаях стихи либо опускались, либо пересказывались прозой.

Драматические произведения Сервантеса в XVIII в. не переводились, но переработки и подражания «Дон Кихоту» находили свое воплощение на русской сцене. В 1765 в Петербурге была представлена пьеса Ф. Детуша «Безстыдно-любопытный» (опубл. М., 1788) — переделка вставной новеллы из романа; в 1785 и 1787 в Москве ставилась комическая опера «Санхо Панса губернатором в острове Баратарии» (текст А. Пуансине, пер. В. А. Левшина). Отдельные черты Дон Кихота присущи и заглавному герою комической оперы Екатерины II «Горобогатырь Косометович» (СПб., 1789), которую несколько раз ставили на придворной сцене.

Пользовался популярностью и испанский плутовской роман. Первый образец этого жанра, «La vida de Lazarillo de Tormes y de sus fortunas y adversidades» (1554; продолжение Х. де Луны — 1620) издавался четырежды в пер. с французского В. Г. Вороблевского (М., 1777; М., 1792 — дважды; М., 1794). Существует и более ранний рукописный пер. (1766). Переводились переделки и собственные плутовские романы на испанскую тему А. Р. Лесажа: «Le diable boiteux» (СПб., 1763; СПб., 1774–1775; СПб., 1791), «Les aventures de Guzman d'Alfarache» (М., 1787), «Gil Blas de Santillane» (СПб., 1754; девять переизданий в 1761–1822), «Le bachelier de Salamanque» (СПб., 1763; СПб., 1784), «Estebanille Gonzalès» (СПб., 1765–1766). В 1796 (М.) были напечатаны «Странные приключения Дмитрия Магушкина, Российского дворянина, описанные им самим на испанском языке, с коего переведены на немецкий, а с сего на русский» — немецкое соч. в подражание испанским плутовским романам.

Об испанской поэзии и испанской драматургии сведений было мало. Третьяковский (в «Эпистоле от российской поэзии к Аполлину»,

1735) и Сумароков (в «Эпистоле II», 1747) упоминают Лопе де Вегу (в форме «Лоп») в числе прославленных европейских стихотворцев. В «Примечаниях» к «Эпистоле» Сумароков дает такое пояснение: «Лоп — славный испанский комик. Умер августа 24 дня в 1635 году на 72 века своего. Был кавалер Малтийского ордена. Сочинил триста комедий».

Эти же сведения о Лопе де Веге приводятся в разделе «Стихотворство Гишпанское» ст. С. Г. Домашнева «О стихотворстве» («Полезное увеселение», май–июнь 1762). Из др. испанских поэтов в этой ст. назван лишь «Дон Алонзо д'Ерцилла, творец Епической поэмы Араукана» (имеется в виду А. де Эрсилья-и-Суньига). В целом испанская поэзия характеризуется так: «В Гишпании стихотворство никогда не процветало и не было в почтении. Пустая пышность и один звук слов занимают у них место истинной приятности. Оно было туда введено арапами после того как Муска, полководец Сирского Калифы, покорил сие королевство. <...> Гишпанцы упражнялись более в драматическом стихотворстве, но никогда в том не успели: их лучшие трагедии очень схожи на романы». Замечания о «пышном и метафорическом слоге испанцев», об их «высокопарных речах» есть в пер. глав из «*Essai sur la poésie épique*» Вольтера (1762), выполненных в 1763 и 1781.

Карамзин создал первый в русской лит. пер. испанского народного романа («Граф Гваринос, древняя гишпанская историческая песня» — 1789, опубл. 1792) — с немецкого стихотворного пер. Ф. Ю. Бертуха. В европейской лит. кон. XVIII в. пора увлечения испанскими романами еще не наступила, «Граф Гваринос» — один из ранних пер. этого жанра. Еще один испанский пер. Карамзина, выполненный с немецкого, — «Мысли Антония Переца, гишпанскаго писателя» (Пантеон иностранной словесности. 1798, кн. 2; первое издание оригинала — 1595). Он же является автором «испанской повести» «Сиерра-Морена» («Аглая», 1795), источником для которой послужил «рассказ сицилийца» из романа Шиллера «Духовидец» (1787–1789).

В журнале «Утренние часы» (октябрь, декабрь 1788) были опубликованы четыре басни Т. Ириарте (оригинал — 1782), переведенные, возможно, П. А. Озеровым с французского языка (текст-посредник не установлен).

В 1792 в журнале «Чтение для вкуса, разума и чувствований» (ч. 5) появилась статья Ф. Арно «О гишпанском театре», взятая из «*Variétés*

littéraires» (1770) и содержащая некоторые сведения, в основном анекдотического характера, об особенностях испанской драматургии: «В драматических авторах Гишпанского народа более всего удивляет нас чрезвычайная некоторых плодовитость». Так, «Лопец Вега» написал 1800 комедий, причем сочинять ему их было не сложно, т. к. чаще всего, как это принято у испанцев, он придавал форму пьесы уже существующему литературному материалу. Автору статьи кажется необычным, «что в Гишпанских комедиях самые важные сцены перемешаны с шутками. <...> Но еще и более того удивительнее в Гишпанском театре беспрестанное превращение в шутку важнейших вещей», — например, пародирование церковных текстов и даже насмешки над инквизицией. Основную часть ст. составляют пересказ и обширные цитаты из пьесы Лопе де Веги «Бенавидцы» («Los Benavides», 1600) и Агустина Морето «El valiente justiciero y Ricohombre Alcalá» (1657; в ст. название пьесы не приводится, о Морето сказано, что он — «из славнейших в Испании»). Др. драматургии в ст. не упомянуты.

Перу Екатерины II принадлежит рукописный отрывок «вольного переложения» комедии Кальдерона «El escondido y la tapada» (опубл. 1682), выполненный ею с французского и озаглавленный «Чулан». В 1790–1791 в Петербурге игралась пьеса «Домовой» (опубликована без указания имен автора и переводчика: СПб., 1780, 1783) — еще одна переработка комедии Кальдерона «La dama duende». При этом имя Кальдерона имело в России некоторую известность. Впервые он упомянут в пер. из Вольтера (О эпическом стихотворстве. СПб., 1781). В 1794 Я. П. Чаадаев приписал перу Кальдерона свою сатирическую комедию, изобличавшую злоупотребления чиновника П. И. Прокудина: «Калдерон де ла Барка. Дон Педро Прокодуранте, или Наказанной бездельник» (М.). (Большую часть тиража через посредников скупил и уничтожил сам Прокудин.) С французской переделки С. Ленге была переведена и представлена на московской сцене пьеса Х. Матоса-Фрагосо «El sabio en su retiro y el villano en su rincón» («Сельской мудрец», 1790; оригинал — 1658).

В России XVIII в. читали также и труды испанских гуманистов эпохи Возрождения — правда, не всегда зная их имена. Так, в 1759–1764 под разными названиями в журналах было опубликовано 17 извлечений из трактата А. де Гевары «El Relox de Príncipes y el libro aureo de Marco Aurelio» (1529) — в пер. с латыни. Почти все они выполнены московскими студентами; В. Д. Рак высказывает предположение, что

в Московском университете латинский пер. соч. Гевары использовался в качестве учебного пособия и печатные пер. выросли из наиболее удачных учебных упражнений. В 1786 (СПб.) и 1789 (М.) на материале этих пер. отдельными изданиями были опубликованы два сборника — без указания имен переводчиков и автора. Полный перевод трактата Гевары был выполнен, тоже с латыни, А. Львовым: «Золотые часы государей, по образу жития Марка Аврелия Севера... от Антония Гевара епископа Аквитанского, бывшего при Карле V императоре проповедником, советником и историком составленные» (Ч. 1–6. СПб., 1773–1780; 2-е изд.: Ч. 1–2. М., 1781–1782). Трижды издавался трактат другого испанского гуманиста, Х. Л. Вивеса «Introducción a la sabiduría» (1524), также в пер. с латыни: «Еразма Роттердамского Молодым детям наука..., и Иоанна Лудовика Руководство к мудрости» (два издания: М., 1788); «Путеводитель к премудрости. Сочинение Лудовика Вивеса» (СПб., 1768).

Российские читатели имели достаточно источников для знакомства с историей Испании. Несколько раз переиздавалась переведенная с французского «История о гишпанском принце, Дон Карлосе сыне гишпанского короля Филиппа II» (журнал «Праздное время...», 1759–1760; отдельные издания: СПб., 1760, 1762); появлялись жизнеописания, любовные истории, анекдоты и о др. испанских монархах. «Всеобщая история Испании, сочиненная о. Иоанном Марианом из общества езуитов» (Т. 1. Ч. 1–2. СПб., 1779–1782) — это знаменитый труд Хуана де Марианы «Historia general de España» (1596). «Историческое сокращение» Флориана о гишпанских маврах также основано на трудах Марианы и др. испанских историков. Книга Уильяма Робертсона «История о государствовании императора Карла Пятого...» (Т. 1–2, СПб., 1775–1778) упомянута Карамзиным в предисловии к «Истории государства российского»: «...и кто читал единственно Робертсоново Введение в Историю Карла V, тот еще не имеет основательного, истинного понимания о Европе средних веков». Важным источником сведений по испанской истории явилась также драма Шиллера «Дон Карлос» (см., например, письмо 141 в «Письмах русского путешественника» Карамзина, в котором речь идет о гибели «Непобедимой армады»).

Открытие Америки и завоевание испанцами Нового Света стало источником для многих пер. и самостоятельных произведений. Первые сообщения об Испанской и Португальской Америке появились в печати в 1729 и 1735 в журнале «Исторические, Генеалогические и

Географические примечания в Ведомостях». В «Письме о пользе стекла» (1752) Ломоносов обличает европейских завоевателей Америки; воин, разбогатевший за счет местного золота, получает здесь национальную принадлежность «Кастиллан». В 1759 написано небольшое стихотворение Сумарокова «О Америке», в котором поэт также осуждает жестокость испанских и португальских конкистадоров; он же перевел «Разговор в царстве мертвых: Кортес и Мотецума» (опубл. 1781), изобилующий мексиканскими именами и топонимами.

Позднее «американская» тема нашла отражение в переводных соч. по истории и географии. Вот некоторые из них: «История о покорении Мексики» А. Солиса-и-Рибаденейры (пер. с немецкого — СПб., 1765; СПб., 1789, оригинал — 1684; Солис также упомянут в пер. из Вольтера «О эпическом стихотворстве»); «История Америки» У. Робертсона (пер. с французского: «Академические известия», 1779–1780; пер. с английского: Ч. 1. СПб., 1784); И. Г. Кампе «Открытие Америки, приятное и полезное чтение для детей и молодых людей» (Ч. 1–3. М., 1787–1788); Ф. Х. Клавихеро «Сокращение Мексиканской истории, выбранное из Испанской и Мексиканской истории и древней Индийской летописи» (Новые ежемесячные сочинения. Ч. XX. 1788, оригинал — 1780–1781); Ж. де ла Порт «Всемирный путешественник, или Познание Старого и Нового Света» (пер. с французского: Т. 1–27. СПб., 1778–1794; Т. 1–11. СПб., 1780–1786; Т. 1–27. СПб., 1799–1816); Ж. Б. Боссю «Новые путешествия в Западную Индию, содержащие в себе описания разных народов» (Ч. 1–2. М., 1783); «Описание острова Санкт-Доминго» (М., 1793).

Приключенческие повести и романы об Америке приходили из Франции и Германии: Ж. Ф. Мармонтель «Инки, или разрушение Перуанской империи» — М., 1778; М., 1782; «Гуртадо и Миранда, или Первые испанские поселяне в Парагвае» — СПб., 1788, и др. Переводились и драматические произведения, например: Л.-С. Мерсье. «Гваделупский житель. Комедия в трех действиях» (М., 1788); дважды издавался пер. трагедии Вольтера «Альзира или Американцы» (СПб., 1786; СПб., 1798; рукописный пер. Д. И. Фонвизина был сделан в 1762); в 1800 опубликована созданная по мотивам «Альзиры» комическая опера И. А. Крылова «Американцы» в переработке А. И. Клушина; по свидетельству Клушина, текст Крылова был написан в 1788, однако оперу 12 лет не играли. Все персонажи носят «испанские» и «американские» (т. е. индейские) имена, написание которых в тексте не упорядочено (Эльвира / Ельвира и т. п.). Следует также отметить

сокращенный пер. поэмы М. А. Лепаж дю Бокаж «La Colombiade» («Колумб в Америке», Калуга, 1786, оригинал — 1756).

Известия о современной Испании регулярно появлялись в газетах; жанр путевых заметок об Испании получит свое распространение только в XIX в., самым известным источником такого рода в XVIII в. было «Путешествие в Испанию» Бомарше (Санкт-Петербургский вестник.1778. Июль–август). Вероятно, одно из первых упоминаний об испанской корриде принадлежит Н. А. Львову, побывавшему в Испании в 1777; в примечаниях к своей книге пер. «Стихотворение Анакреона Тийского» (СПб., 1794) Львов пишет: «... в бытность мою еще в Испании посылали оных <почтовых голубей> из Мадритского амфитеатра с уведомлением в уезд, быка ли убил Торер, или бык Ишпанца, где сельские Донкишоты за искусство быка и человека равные держат заклады».

Пер. книги Дж. М. К. Денины «Ответ на вопрос, чем мы должны Гишпанию? Речь, читанная в Берлинской академии» (М., 1786), по мнению М. П. Алексеева, представляет собой один из документов борьбы русского правительства с «франкоманией» накануне революции 1789. Денина отстаивает приоритет испанцев в большинстве областей науки и искусства; в этой небольшой книжке перечислены десятки испанских ученых, литераторов, художников, в частности, Сварез и Васкез — как схоластики, Грациан — как законник, Раймунд Лулль — как химик, Сервантес и Лоп — как литераторы и авторы поэтик, Арагонские и Гаталанские пииты (имеются в виду трубадуры), Хуан де Мена, Хуан Боскан, Гарсиласо, Лудовик Велец Гуэварский, Калдерон, Гюиллен де Кастро, Лоп де Руеда. Большинство этих имен упоминается на русском языке впервые.

Идею исторического приоритета испанцев отстаивал и Флориан. Так, во вступлении к «испанской новости» «Селестина» (пер. 1789) он пишет: «Испанцы были некогда нашими учителями в науках, а теперь мы оными сделались; но не должно никогда того позабывать, что они были нашими руководителями. Задолго еще прежде нас имели они театр и хороших стихотворцев. Лоп де Вега, Гарсиласо, Михайло Сервант писали еще прежде Ротру и Корнелла». В целом специфика испанской лит., по Флориану, состоит в том, что «отменные приключения, притворства, поединки, которыми наполнены их книги, хотя иногда и не нравятся, но никогда не наскучивают».

Несколько раз в XVIII в. делались попытки дать россиянам представление об испанском языке. К 1745 относится первое упоминание о рукописном варианте «Лексикона российского двенадцатязычно-

го... по образцу Целлариеву и Фаброву», составленного лексикографом К. А. Кондратовичем; среди иностранных языков, представленных в «Лексиконе», есть и «гишпанский». Опубликован «Лексикон» не был, хотя Кондратович продолжал работать над ним и позднее.

В «Сравнительных словарях всех языков и наречий», составленных П. С. Палласом и Ф. Я. Янковичем де Мириево (СПб., 1787–1789; СПб., 1790–1791), есть примеры из испанского, басконского, валлезианского, аравакского и канарского языков. При этом правила произношения испанских слов соблюдены неточно. Отдельные испанские фразы и слова (как правило, записанные с ошибками) встречаются в изданных в XVIII в. переводных произведениях, таких как «О эпическом стихотворстве» Вольтера, «Селестина» и «О сочинениях Серванта» Флориана, «Мысли Антония Переца». В рукописной рабочей тетради Н. А. Львова есть пометы, сделанные по-испански, с ошибками (обнаружено К. Ю. Лаппо-Данилевским).

Практика непрямого пер. испанских текстов привела к ставшему привычным и не полностью изжитому по сей день искажению испанских слов в русской печати. С этой традицией пытался бороться Ф. В. Каржавин. В небольшом трактате «Примечания словопроизводные» (М., 1791) он отстаивает фонетический принцип транскрипции иностранных, в т. ч. испанских, слов и приводит примеры правильного произношения: «За Пиренейскими горами... есть Государство, называемое Спаня или Эспаня на тамошнем языке. Мужчина в нем называется un hombre Espannol — ун омбре Эспаньоль, а женщина — una donna Espannola — уна донна Эспаньола; король тоя страны пишется el Rey de Espanna — эль Рей де Эспаня» и т. д. В развлекательной книжке «Новоявленный ведун...», изданной в 1795 (СПб.), Каржавин помещает написанный по-испански абзац научного текста, а ниже — его транскрипцию русскими буквами и пер. на русский язык. И транскрипция, и пер. выполнены с незначительными погрешностями.

В целом можно сказать, что в XVIII в. русские только начинали знакомиться с испанской лит. и, шире, с испанской культурой. Единственной книгой, действительно укоренившейся в российском культурном обиходе, стал «Дон Кихот». Первая волна интереса к Испании в России относится уже к нач. XIX в.

Л и т.: Крылова Т. К. Отношения России и Испании в первой четверти XVIII века // Культура Испании. М., 1940. С. 327–353; Умикян А. Д. Ранние русские переводы Сервантеса (1763–1831) // Сервантес: Статьи и материалы. Л., 1948. С. 214–239; Макеева В. Н. Русская лексикография 40–50-х годов XVIII в. и Ломоносов // Ломоносов: Сборник статей и материалов. М.; Л., 1960. Сб. 4. С. 180–205; Шур Л. А. Испанская и Португальская Америка в русской печати XVIII — первой четверти XIX в. // Латинская Америка в про-

шлом и настоящем. М., 1960. С. 340–369; *Горфункель А. Х.* «Великая наука Раймунда Люллия» и ее читатели // XVIII век. Л., 1962. Сб. 5. С. 337–348; *Алексеев М. П.* Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI–XIX вв. Л., 1964; *Рак В. Д.* 1) Испанские и лсевдоиспанские повести в русских переводах XVIII века // Материалы научно-методической конференции кафедры иностранных языков. Л., 1968. С. 76–81; 2) «Часы правителей» в русских переводах XVIII в. // Сервантесовские чтения. Л., 1985. С. 15–19; Россия и Испания: Документы и материалы: В 2 т. М., 1991. Т. 1; *Багно В. Е.* Русское люллианство как феномен культуры // *Льюль Р.* Книга о любящем и возлюбленном. СПб., 1997. С. 250–265; *Вацуро В. Э.* «Сиера-Морена» Н. М. Карамзина и литературная традиция // XVIII век. Сб. 21. СПб., 1999. С. 327–336; *Кульматов В. А.* От «Ars magna» Р. Луллия к «Великой науке» А. Х. Белобоцкого // *Verbum.* СПб., 2001. Вып. 5; *Демин А. О.* Трагедия Г. Р. Державина «Атабалибо, или Разрушение Перуанской империи» и «Всемирный путешественник» Ж. Ла Порты // XVIII век. Сб. 23. СПб., 2004. С. 134–148; *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Комедия «Дон Педро Прокодуранте и ее автор» // Основание национального театра и судьбы русской драматургии. СПб., 2006. С. 119–131; *Weiner J.* Mantillas in Muscovy. The Spanish golden age theatre in tsarist Russia (1672–1917). Lawrence, 1970 (Trad.: *Weiner J.* Mantillas en Moscovia. El teatro del Siglo de Oro español en la Rusia de los zares (1672–1917). Barcelona, 1988); *Ferrazzi M.* Commedie e comici dell'arte italiani alla corte russa (1731–1738). Roma, 2000.

К. С. Корконосенко

ИТАЛЬЯНСКО-РУССКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ.

В XVIII в. возобновились и становились все более прочными и разнообразными политические, экономические и культурные связи между Россией и итальянскими государствами, довольно плодотворные в XV–XVI вв. и почти прекратившиеся в течение XVII в. Сближение России и Италии шло медленно и непросто, однако к кон. XVIII в. оно стало оказывать заметное влияние на культуру обеих стран.

Представления итальянцев о России к нач. XVIII в. были смутными и мало достоверными, она казалась варварской страной, населенной дикарями, едва ли не кочевниками. Распространение идей французских просветителей, высоко ценивших политику Петра I, а затем и Екатерины II, появление в Италии просвещенных русских вельмож, а также талантливых живописцев, музыкантов, архитекторов, стремящихся усовершенствовать свое мастерство за границей, рассказы непредвзято настроенных путешественников, побывавших в России и встретивших там (особенно это касается деятелей различных видов искусства) хороший прием, стали пробуждать у итальянцев симпатии к России.

В XVIII в. русская лит. была неведома Италии, но книги о России справочного и информативного характера, а также экономические и

политические трактаты периодически выходили: «Географическое и историко-политическое описание Московии» (2-е изд.: Милан, 1713), «Очерк о размерах, производимых товарах и торговле Российской империи» (Кремона, 1799) неизвестных авторов; «Жизнь Петра Великого» (Венеция, 1736) А. Катифоро, выдержавшая за 70 лет восемь изданий (русская переделка С. И. Писарева — 1743, поднесена Елизавете Петровне; отредактированный вариант — 1772, 1788); «История Крыма» (Венеция, 1785) Беккатины; «Политические размышления о богатстве России» (Неаполь, 1795) Л. Персоне. Наиболее замечателен экономический трактат Васко и Ф. Далмаццо, которые приняли участие в объявленной Вольным экономическим обществом дискуссии о крепостном праве в России и получили за свою записку золотую медаль. Издавалось много пер. французских и др. иноземных книг о России: трактаты о правлении Петра I и Екатерины I (1730, 1756); «Жизнь и подвиги Екатерины II» (Флоренция, 1769; Венеция, 1797–1799), «История России» (Милан, 1784) Левека. Выходили также французские издания: в Тоскане было перепечатано известное соч. А. Гудара «Соображения о причинах слабости и силы России», в Ливорно Д. Блекфорд опубликовал, возможно, по инициативе С. Г. Домашнева, французский пер. (1771) статьи «Очерк русской литературы» неизвестного русского автора, вышедшей в Лейпциге в 1767 на немецком языке (в статье имелись характеристики М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, М. М. Хераскова и др. известных поэтов). Иногда в журналах появлялись рецензии на книги русских авторов и на соч. о России (Литературная Европа / Изд. Д. и Э. Камиер, А. Форτισ. Венеция, 1769–1771), сведения о деятельности Петербургской Академии наук (Журнал иностранной литературы. Мантуя, 1793). «Литературная газета» (Милан, 1776) поместила рецензию на сб. законопроектов Екатерины II, составленный И. И. Бецким и изданный во французском пер. под редакцией Д. Дидро в Амстердаме. Некоторая информация о русском театре и о творчестве А. П. Сумарокова содержалась в «Краткой истории древних и современных театров» (Неаполь, 1787–1790) П. П. Синьорелли. Одну из первых попыток переложить на итальянский язык русское художественное произведение предпринял неаполитанский посол в России А. М. ди Серракаприола (пер. посвящения, исторического предисловия и начальных строк «Россияды» М. М. Хераскова, 1788).

Для русских в XVIII в. Италия представляла несомненный интерес уже потому, что являлась европейской страной, однако гораздо мень-

ше привлекала, чем Франция, Голландия, Англия и даже Германия. Круг устойчивых представлений об Италии сложился быстро и долго почти не менялся и не дополнялся: край, где некогда процветала Римская республика и империя, центр католической церкви, средоточие изящных искусств, прежде всего изобразительных, музыки и архитектуры, теплые и плодородные земли, разнообразная, порой экзотическая природа. Италия как наследница Рима, образцовой державы для правителей XVIII в., могла приобрести исключительное значение в русской культуре, но отсутствие на Апеннинском полуострове не только единой, но и сколько-нибудь сильной монархии или прогрессивной в политическом или экономическом плане республики вызывало в России, как и в Европе, явное пренебрежение к Италии. Обилие в XVIII в. жителей этой страны, отправлявшихся в чужие края в поисках счастья, создавало у иностранцев представление об отсутствии у итальянцев национальной гордости, их «космополитизм» не мог вызывать симпатий в России в период создания и возвышения империи, несмотря на популярность идей европейского Просвещения. Сложное отношение к католицизму русских властей и значительной части образованного общества в XVIII в. усугубилось влиянием просветительства с его критикой папства, монашества и инквизиции, поэтому церковная Италия тоже вызывала в России не слишком большой интерес. Екатерина II покровительствовала ордену иезуитов, император Павел I задумывался об объединении церквей, но оба не скрывали иронии по отношению к папским нунциям, прибывавшим в Россию (Аркетти, 1784; Литта, 1798), и назначали российскими представителями в Риме лиц, имеющих в России и Европе сомнительную репутацию. Достоинства итальянской природы высоко оценили в России лишь в эпоху сентиментализма, отчасти благодаря популярности «Писем об Италии в 1785 году» Ш. М. дю Пати (русские пер. отрывков — А. И. Леванды, 1796; А. Л. и Н. Л. Магницких, 1797–1798; А. И. Тургенева в кон. 1790-х; полный пер. — И. И. Мартынова, 1800–1801), а позднее — произведений И. В. Гёте и др. На рубеже XVIII–XIX вв. стало формироваться представление о типично итальянском пейзаже, идиллическом и экзотическом в одно и то же время, культ такого пейзажа утвердили романтики. Наибольшее внимание привлекала Италия как обиталище гениальных мастеров во всех областях искусств, однако многие эстетические принципы итальянской живописи и скульптуры, особенно эпохи высокого Возрождения, усваивались русскими не сразу, в частности и потому,

что даже европейская рационалистическая и просветительская критика не все принимала в итальянской художественной традиции. Пренебрежительное отношение к современной Италии образованная русская публика XVIII в. порой черпала в соч. философов-просветителей: Вольтер, например, в одном из писем Фридриху II заявил: «Итальянцы — просто ничто», аналогичные мысли он высказал и в письме к А. П. Сумарокову (1769).

Изменение характера русско-итальянских связей отчасти обусловлено судьбами западного и петербургского барокко. На рубеже XVII–XVIII вв. интерес к Италии был очень велик в кругах русских деятелей барочной культуры, особенно выходцев из Польши и Украины, где итальянское искусство в XVII в. было популярно и авторитетно. Даже Петр I с его явным тяготением к германским странам не мог противиться общей тенденции времени и с уважением относился к малопонятым для него итальянским художествам. «Италофильские» настроения образованного круга в нач. XVIII в. привели к тому, что число приглашаемых в Россию итальянских мастеров постоянно росло. В первой трети XVIII в. интерес к Италии был показателем учености и элитарности россиянина. Среди просвещенного духовенства «итальянистские» настроения были сильны не только у «латинствующих» (С. Яворский и др.), но и у их противников. Было немало «италофилов» и среди просвещенных вельмож первой трети XVIII в., преимущественно консервативно настроенных. В сер. XVIII в. влияние итальянской культуры на русскую оказалось настолько велико, что в некоторых областях искусства (например, в архитектуре) оно продлило эпоху барокко на очень значительный срок, по сравнению с др. европейскими странами. Однако зависимое положение итальянцев при Дворе и падение их некогда могущественных покровителей, с одной стороны, распространение рационалистических и просветительских идей, с другой, привело к тому, что итальянское искусство стало восприниматься лишь как декоративное и развлекательное. В эпоху Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны абсолютное господство итальянского искусства при Дворе совмещалось с отношением к нему как к производству изящных предметов роскоши и шутовству со стороны значительнейших представителей русской культуры — прежде всего, теоретиков русской нормативной эстетики А. П. Сумарокова (несмотря на его уважительные оценки Тассо и Метастазियो, на подражания *commedia dell'arte*) и особенно М. В. Ломоносова. Эффект *commedia dell'arte* в России был столь

велик, что в 1730-е при Дворе итальянцы, видимо, ассоциировались прежде всего с буффонадой, поэтому не случайно князь М. А. Голицын, женившийся в Италии на итальянке и принявший католицизм, в наказание был определен Анной Иоанновной именно на должность шута.

Вместе с тем и во второй половине XVIII в. увлечение Италией по-прежнему могло встречаться у представителей интеллектуальной элиты общества, но совмещалось либо с наклонностью к мистицизму, либо с дилетантизмом в духе рококо — распространение во второй половине XVIII в. данного стиля поддерживает интерес к итальянскому искусству, восходящему к барочной традиции, но лишь к наиболее умеренным и «космополитическим» его формам, соответствующим общеевропейскому вкусу. Важная роль итальянцев в оккультнистских кругах XVIII в. привела к тому, что русские масоны, в частности И. П. Елагин, Н. И. Новиков и особенно М. М. Херасков, а вслед за ними и русские сентименталисты, в частности Н. М. Карамзин, проявляли серьезное внимание к итальянской культуре. Один из руководителей русского масонства — П. И. Мелиссино — итальянец по происхождению, прекрасно знавший язык и искусство своей нации. Наряду с масонами любителями Италии были просвещенные русские вельможи-меценаты: графы Разумовские, Панины, Воронцовы, И. И. Бецкой и их окружение, в т. ч. и многие известные литераторы. Отношение к итальянской культуре в салонах просвещенной аристократии определило характер ее усвоения русскими преромантиками и романтиками, когда на рубеже XVIII–XIX вв. были предприняты попытки осмысления чужой культуры, исходя из критериев народности и историзма, что привело к глубокому и плодотворному восприятию итальянского искусства в России.

Культурные контакты между Италией и Россией в XVIII в., как и в XIX в. осуществлялись в первую очередь благодаря художникам, музыкантам и архитекторам. Именно из Италии прибыло в XVIII в. большинство иностранцев, принесших на север современные эстетические вкусы и заложивших основы русского искусства нового времени. Среди них следует отметить (в скобках указаны годы пребывания в России) композиторов и музыкантов (многие из которых на русской службе составили также руководства по теории музыки): Л. Мадонис (1723–1739, 1740–1777), Дж. Верокаи (1731–1738), А. Мадонис (1733–1746), Дж. Пьянтанида (вместе со своей супругой певицей К. Пьянтанида, 1735–1737), Ф. Арайя (1735–1759; 1762), Доменико

и Джузеппе Даль Ольо (1735–1764), Дж. М. Рутини (1757–1762), В. Манфредини (1758–1769, 1798–1799), Б. Галуппи (1765–1768), Т. М. Ф. С. Траэтта (1768–1775), А. Лолли (1774–1776, 1780–1783), Дж. Паизиелло (1776–1783), К. Каноббио (1779–1822), А. Прати (1783), Ж. Астаритта (1784(?)-1789, 1794–1803), Дж. Сарти (1784–1802), Д. Чимароза (1787–1791); испанского композитора, жившего и прославившегося в Италии, Мартин-и-Солера (1788–1806); балетмейстера и композитора Д. М. Г. Анджелини (1766–1772, 1776–1779, 1782–1786); танцовщика А. Ринальди (1735–1758); скульптора Б. Растрелли (1716–1744); семейство швейцарских лепщиков итальянского происхождения Дж. Ф. Росси (1696–1717, 1722–1725), Дж. Дж. Росси (1704–1768), И. Л. Росси (1705–1780); архитекторов Д. Трезини (1703–1734), Ф. Б. Растрелли (1716–1771), Н. Микетти (1718–1723), Г. Киавери (1718–1727), К. Дж. Трезини (1722–1768), П. А. Трезини (1726–1751, 1760-е), А. Ринальди (1752–1786), Дж. Кваренги (1779–1825), семейство Висконти: П. Висконти (1784–1800), П. С. Висконти (1787–1800), Д. Висконти (1787–1838), К. Д. Висконти (1895–1809), П. Висконти (1797–1800, 1802–1843), В. Бренна (1784–1802); штукатурных дел мастера Дж. Джанни (1746–1772); штукатурка и литейщика А. Мартелли (1733–1775); рисовальщика Ф. Гандини (1762 — после 1778); декораторов Б. Тарсия (1722–1765), Дж. Валериани (1743–1762), П. Градицци (1752–1762), Ф. Градицци (1752–1793), семейство Скотти: Джозуэ (1784–1785), Карло (1785–1801), Джермано (1794), П. ди Готтардо Гонзаго (1792–1831); живописцев А. А. Перезипотти (1750–1760-е), П. Ротари (1756–1762), Ф. Фонтебассо (1760–1762), С. Торелли (1762–1780), Дж. А. Мартинелли (1766–1796), И. Б. Лампи (1792–1799), С. (Н. И.) Тончи (1790-е — 1844) и многих др. Среди перечисленных деятелей искусства были люди, приехавшие в Россию самовольно, в поисках удачи, однако большинство из них были приглашены правительством. Многие из них были уже прославлены в Европе, их суждения считались авторитетными, поэтому, несомненно, рассказы о России тех из них, кто вернулся на родину, оказали определенное воздействие на артистические круги Италии. Вместе с тем они весьма плодотворно сотрудничали с русскими деятелями искусства, в т. ч. писателями (создание музыки для опер и музыкальных драм А. П. Сумарокова и Я. Б. Княжнина, работа Тончи над известным портретом Г. Р. Державина и ответное послание поэта «Тончию» и т. д.).

Помимо деятелей искусства, немногочисленные итальянцы в России XVIII в. — это прежде всего купцы и разного рода авантю-

ристы, которые пробовали вмешиваться в придворные интриги и иногда играли в них существенную роль, но не добились для себя ощутимых выгод. Группа итальянцев (ювелир Бернади, музыканты Даль Ольо, прожектор и экономический деятель Дж. М. Одар и др.) принимала живое участие в подготовке и осуществлении переворота, возведшего Екатерину II на престол, но после этого была вынуждена прервать свою службу в России. Не имели большого успеха в Петербурге и самые прославленные авантюристы XVIII в.: Казанова и Калиостро. Однако, несмотря на неудачи, Россия влекла итальянцев, представляясь абсолютно свободным пространством, открытым любым формам деятельности, удобным для самореализации одаренной личности и требующим культуртрегерских усилий. Дипломатические представители итальянских государств поселились в России лишь при Екатерине II: в 1770-х в Петербурге появился тайный агент Сардинского королевства кавалер Трикетти, затем прибыли посланники Неаполя — М. да Гаэта герцог ди Сан Никола (1778–1779), герцог А. М. ди Серракаприола (1779), Сардинии — маркиз де Парелла ди Сан-Мартино (1783–1787), Дзаппата де Понши (1787–1790), барон де ла Тюрби (1790–1796), Венеции — Ф. Фоскари (1783–1790), Дз. Гримани (1790–1793), Генуи — маркиз С. ди Риварола (1783), Тосканы — барон Зедделер (прибыл в 1785). Донесения этих послов, например сардинских, часто содержали весьма фантастические сведения о России, но и в тех случаях, когда дипломаты сообщали на родину разумную и ценную информацию, как, например, Риварола, итальянских правителей мало занимало своеобразие русской жизни. Наибольший интерес представляет попытка итальянских посланников включиться в русскую культурную жизнь. Особенно это удалось А. М. ди Серракаприоле, чей салон стал одним из наиболее интересных центров светского Петербурга. Некоторые итальянские дипломаты, напротив, оказались втянутыми в крупные светские скандалы: Г. Р. Державин, по распоряжению Екатерины II, успешно уладил шумный судебный процесс, возбужденный Моцениго (Мочениго), венецианцем, посланником Флоренции в России (1792); император Павел I выслал из Петербурга пьемонтского поверенного К. Босси графа Сант'Агата за насмешки над царским указом о запрещении круглых шляп как вольнодумных.

Среди итальянцев, побывавших в XVIII в. в России, были значительные авторы: Ф. Альгаротти (1759), создавший позднее «Путешествие

по России», Казанова, посвятивший Петербургу и Москве несколько глав в «Истории моей жизни», В. Альфьери, давший краткое, но эффективное описание своего визита в Россию («Жизнь и приключения Витторио Альфьери из Асти, им самим написанные»). Впечатления итальянцев от северной страны почти совпадают: их озадачивает и раздражает природа (особенно белые ночи), изумляет контраст между утопической попыткой создать идеальное государство путем мудрых реформ и сохранением рабской униженности народа и деспотизма властей и т. д. Однако оценки русской жизни различны — от почти апологетической у Альгаротти до резко отрицательной у Альфьери.

Русские деятели искусства петровской и особенно екатерининской эпохи посылались для обучения (пенсионерства) в Италию. Вероятно, они по возвращении существенно расширили круг представлений своих соотечественников об Италии. Среди посетивших итальянские города пенсионеров (в скобках указаны годы пребывания в Италии) многие выдающиеся архитекторы (П. М. Еропкин (1716–1724), И. Е. Старов (кон. 1760-х), В. И. Баженов (1762–1765, Рим), Ф. И. Волков (1773–1776, Венеция)), скульпторы (Ф. И. Шубин (1770–1773), Ф. Ф. Щедрин (1773–1775), М. И. Козловский и И. П. Мартос (оба 1773–1778, Рим), А. М. Иванов (1770-е)), живописцы (И. Н. Никитин (1716–1719, Флоренция), М. А. Захаров (1716–1723, Флоренция), М. И. Пучинов (1750-е, Рим), А. П. Лосенко (1765–1769), С. Ф. Щедрин (1769–1776, Рим), И. А. Акимов, П. И. Соколов (оба 1773–1778, Рим), Ф. Я. Алексеев (1773–1779, Венеция), Ф. М. Матвеев (1779, 1826)) и композиторы (М. С. Березовский (1763–1779, Болонья, Пиза, Ливорно), Д. С. Бортнянский (1768–1779, Венеция, Модена), П. А. Скоков (1779–1789), Е. И. Фомин (1782–1785, Болонья)). При всей оригинальности творчества перечисленных художников и музыкантов, в их произведениях до известной степени сказывается итальянское влияние. Кроме пенсионеров, русские цари и вельможи посылали в Италию специальных художественных агентов, которые оценивали, выбирали и закупали предметы роскоши и произведения искусства и вербовали художников и музыкантов для службы в России. Среди первых посланников такого рода в 1710–1720-х — С. Л. Рагузинский (1716–1722, Венеция) и Ю. И. Кологривов, сперва обучавшийся в Италии архитектору, а затем выполнявший личные заказы Петра I.

Кроме деятелей искусства, большую роль во взаимодействии русской и итальянской культур сыграли путешественники: в первую

очередь, дипломаты, выполняющие официальные и неофициальные поручения, курьеры и частные лица, зачастую авантюристы, ищущие в далекой стране новых впечатлений, славы или выгод. Для России наибольший интерес в политическом отношении представляли Венецианская республика, затем шли по значимости Неаполитанское и Сардинское королевства и завершали список Генуэзская республика, Великое герцогство Тосканское (находившееся в подчинении у Австрийской империи) и папский Рим. Петр I не успел во время Великого посольства (1697–1699) посетить Италию, т. к. вынужден был вернуться в Москву в связи с нач. стрелецкого бунта, но направил в Италию многих приближенных: князей И. Д. Велико-Гатоса, П. А., Ф. А., А. Б., Д. М. Голицыных, В. М. и Р. Ф. Долгоруковых, Б. И. Куракина, Я. И. Лобанова-Ростовского, А. Репнина, Ю. Ю. Трубецкого, Н. И. Урусова, А. Я. и Ю. Я. Хилковых, Д. Г. и А. М. Черкасских; 25 стольников (Бутурлиных, Глебова, Измайловых, Ладьженского, Лопухина, Матюшкина, Милославских, Ртищева, Соковниных-Вневских, Толочанова, Толстого, Чирикова, Шереметевых); Ф. Плещеева, И. М. и И. А. Головиных, С. Г. Нарышкина. Знакомство с итальянской культурой представителей столь многих аристократических династий, игравших значительную роль в русской общественной жизни XVIII в., покровительствовавших наукам и искусствам, имело ощутимые последствия. Посланцы Петра I должны были изучать в Венеции морское дело, вербовать там специалистов по судостроению, знакомиться с европейским этикетом, отыскивать различные диковины, вырабатывать изящный вкус и закупать для России произведения искусства, а также попытаться установить дипломатические отношения с итальянскими государствами. В 1711 Петр I направил в Венецию, которую рассматривал в качестве потенциального союзника России против Турции, консула Д. Боциса, а затем специальных агентов каноника М. Каретту (1712–1716) и П. И. Беклемишева (1716–1720). Они, в первую очередь Каретта, энергично, но не слишком успешно стремились склонить Венецию, Геную и Пьемонт к установлению политических и торговых соглашений с Россией (впрочем, Венеция первой из европейских стран уже в 1721 признала Петра I императором). Аналогичные и безрезультатные попытки предпринимал Б. И. Куракин в 1707 в Риме при папском дворе (побывал также в Венеции и Флоренции). В 1748 (по инициативе русского посла в Вене М. И. Воронцова и венецианского посланника Н. Фоскарини) и 1761 Россия и Венеция вновь безуспешно пробовали установить договор.

В целом, при Анне Иоанновне и Елизавете Петровне Италия оказалась вне интересов русских политиков и даже путешественников, особенно высокопоставленных. Важным исключением была поездка по Италии А. С. Строганова (1754–1755; Турин, Милан, Верона, Болонья, Венеция, Рим), который, будучи поклонником итальянского искусства, не только начал собирать великолепную коллекцию, но за свои литературные опыты удостоился избрания в знаменитую поэтическую академию «Аркадия».

Екатерина II, не дожидаясь заключения официальных соглашений, направила в Венецию посланником П. Маруцци (1768–1786), а графы А. Г. и Ф. Г. Орловы по приказанию императрицы совершили инкогнито путешествие по Италии (1767; Мессина, Неаполь, Рим, Пиза, Ливорно, Сиена, Флоренция), чтобы выяснить политическую обстановку и распропагандировать местное население в пользу России. Аналогичный пропагандистский характер имела поездка по Италии барона М. Гримма, русского агента во Франции (1776), сопровождавшего в вояже по Европе Н. П. и С. П. Румянцевых, сыновей полководца, ставших видными деятелями русской культуры, и путешествие «графов Северных» (великого князя Павла Петровича и великой княгини Марии Федоровны, 1782; Турин, Флоренция, Болонья, Рим, Неаполь, Венеция), приведшее к дружественному сближению русского великокняжеского и пьемонтского дворов, которые вступили в регулярную переписку. Пребывание русского флота под командованием графа А. Г. Орлова в Генуе, Ливорно и др. средиземноморских портах во время войны с Турцией (1769–1774), операция по проведению военных кораблей под видом торговых из Балтийского моря в Черное (1776–1779), итальянский поход А. В. Суворова (1799) и действия адмирала Ф. Ф. Ушакова против французских судов у неаполитанских берегов (1798–1800) дали возможность посетить Италию представителям русского офицерства, в среде которого были в XVIII в. и культурные деятели: В. Н. Зинovieв, учившийся вместе с А. Н. Радищевым в Лейпцигском университете, посланный курьером к А. Г. Орлову с сообщением о Кючук-Кайнарджийском мире, позднее президент медицинской коллегии и сенатор, оставивший мемуары и интересный дневник путешествия по Европе, в т. ч. и по Италии (1783–1788; Венеция, Пиза, Рим, Неаполь и др.); А. С. Шишков, побывавший в Италии во время плавания военных судов по Средиземному морю в 1776–1779 и в нач. XIX в. переводивший итальянских поэтов; адъютанты генерал-поручика И. А. Заборовского: М. С. Бенедиктов,

посланный в 1788–1789 в Рим, Флоренцию, Венецию с особой миссией по случаю турецкой войны, позднее переводчик философской лит., и И. Воскресенский, позднее автор нескольких од. Изданием пропагандистской лит. при А. Г. Орлове в нач. 1770-х в Ливорно заведовал С. Г. Домашнев, позднее президент Академии наук и известный литератор. Возможно, при его содействии итальянский офицер, состоявший на русской службе, граф А. Джика (Гика) напечатал во флорентийской газете «Мировые новости» обращение «Желание греков, к Европе христианской» (1771, тогда же русский пер. Булгариса) с призывом к русскому флоту о поддержке греческого восстания против Турции. Это соч. перевел в годы обучения в Лейпциге А. Н. Радищев. В 1770 с пропагандистскими целями в распоряжение А. Г. Орлова в Пизу прибыл Ю. В. Долгорукий, пытавшийся перед тем возглавить антитурецкий мятеж в соседних с Италией славянских странах.

После установления дипломатических отношений между Россией и итальянскими государствами на службу в Италию были переведены многие просвещенные вельможи, живо интересовавшиеся местной культурой и способствовавшие ее популярности у себя на родине (даже в тех частых случаях, когда были недовольны назначением, поскольку место при посольстве в Италии не казалось престижным). Особенно следует отметить деятельность посла в Неаполе гр. А. К. Разумовского (1777–1784), секретаря посольства А. Я. Италинского, которому дал высокую оценку барон Гримм в рекомендации аббату Ф. Галиани; послов в Турине князя Н. Б. Юсупова (1783–1788) и князя А. М. Белосельского-Белозерского (1789–1794). Юсупов как полномочный представитель России выезжал из Пьемонта в Венецию, Неаполь, Рим, слушал лекции в Туринском университете, начал собирать свою богатейшую коллекцию произведений итальянского искусства, был знаком с известными деятелями итальянской культуры, в частности с аббатом Галиани, и дружен с графом В. Альфьери. Белосельский-Белозерский, один из лучших русских знатоков итальянской культуры, еще в молодости совершил путешествие по Италии (1775–1778) и после этого опубликовал на французском языке книгу «О музыке в Италии» (Гаага, 1778), где, включаясь в спор между сторонниками итальянской и французской оперы, отстаивал достоинства последней. Находясь в Турине в годы Великой французской революции, Белосельский-Белозерский давал эффектную и проницательную характеристику происходящим событиям и вследствие чрезмерной

смелости высказываний в дипломатических отчетах был отозван из Пьемонта. Плодотворным было и общение русских и итальянских дипломатов в иных странах Европы, в частности общение представителей Венеции в Константинополе с русским посланником и известным литератором Я. И. Булгаковым.

С сер. столетия просвещенные вельможи начинают все чаще посещать Италию не только как официальные представители России, но и как частные лица. В кон. 1750-х Турин и Неаполь посетил И. И. Бецкой; тогда же в Италии побывали братья Александр, Павел и Петр Григорьевичи Демидовы, племянники П. А. Демидова, известного мецената, с которым Бецкой позднее сблизился в связи с организацией Воспитательного дома. Н. А. Демидов, позднее основавший знаменитый Демидовский лицей, также в 1772–1773 ездил в Рим и Неаполь, а в 1786 издал свой путевой журнал. Сменив уехавшего в Рим графа И. И. Шувалова на должности президента Академии художеств (1763–1791), Бецкой оказался прочно связан с итальянским искусством даже служебными обязанностями. В 1790–1791, направляясь из Парижа в Россию, проехал по Италии Б. В. Голицын, известный в кругах философов-просветителей русский литератор, писавший по-французски. Особенно важным было пребывание в Италии, начиная с 1760-х, опальных аристократов: граф И. И. Шувалов долго жил в Риме (1763–1777), во время заграничного путешествия (1765–1767) Италию посетил граф К. Г. Разумовский, отдалившийся от Двора после упразднения гетманства, Италия вызывала интерес панинской партии, проводившей антиавстрийскую политику: по Италии путешествовала княгиня Е. Р. Дашкова с сыном (1781–1782; Турин, Флоренция, Пиза, Ливорно, Рим, Неаполь, Венеция), подробно описавшая свою поездку и встречи с видными государственными деятелями (кардиналом Берни, неаполитанским королем и др.) в своих мемуарах; ее привлекала, в отличие от многих путешественников, научная жизнь страны: она осмотрела раскопки Помпеи, устройство карантина в Ливорно и подробно описала его в письме к Екатерине II, пополнила свою геологическую коллекцию. А. Р. Воронцов, также побывавший в Италии еще в 1760, интересовался современным состоянием общественной мысли в Италии, изучал труды Беккарии, Галиани и др. просветителей, по его распоряжению, русский посланник М. Крюденер составил записку «Об управлении Венецией» (1785). Эти увлечения Воронцова должны были оказать определенное влияние на его близкого помощника А. Н. Радищева. В Италию ездил и близкий Паниным

Д. И. Фонвизин — покупать произведения искусства и, возможно, с секретными дипломатическими поручениями. Он посетил и родину предков Паниных, о чем сообщал в письмах сестре (1784—1785; Верона, Модена, Болонья, Флоренция, Пиза, Ливорно, Сиена, Рим, Неаполь, Перуджа, Милан, Парма, Венеция).

Гораздо чаще, чем из личных наблюдений, сведения друг о друге русские и итальянцы в XVIII в. черпали из иностранных источников, поскольку значительной преградой для культурного общения оказалось недостаточное знание чужого языка и необходимость использования языка-посредника (французского, реже немецкого и др.). Русский язык выучивали (в очень небольшой степени) обычно лишь итальянцы, поступившие на царскую службу или женившиеся на русских (Серракаприола; Казанова, чьей любовницей в России стала купленная им крестьянка, но приводимые им для эффекта в мемуарах отдельные слова показывают очень низкую степень владения языком). Хотя в России итальянский язык изучался не так активно, как немецкий и французский, у представителей образованной части населения его знание в XVIII в. не было редкостью. Во время пребывания Петра I в Париже его свите легче было объясняться по-итальянски, чем по-французски. Периодически выходили грамматики и словари итальянского языка («Новая итальянская грамматика, выбранная из разных авторов и переведенная на российский язык» Е. Булатницкого (1759; анонимное переиздание — 1774); «Азбука итальянская с словарем и разговорами, также и с некоторыми нравоучительными правилами к употреблению итальянских школ, иждивением Х. Л. Вевера» (М., 1773; 1783) и др.). Венецианец Г. Ф. Дандоло, живший в России с 1738 до 1780-х, представил на рассмотрение Академии наук текст русско-латинско-французско-итальянского «Лексикона» (отрицательные рецензии от 1748 и 1750). Итальянский язык преподавался в некоторых учебных заведениях, в частности в Академии художеств, Сухопутном шляхетном кадетском корпусе (некоторое время занятия вел писатель Ф. А. Эмин). Однако владение языком не было основным, поэтому во время пребывания русских путешественников в Италии непонимание местным населением любой чужестранной речи и необходимость изъясняться по-итальянски доставляли немало трудностей (см. жалобы Д. И. Фонвизина в письмах сестре). Итальянская лит. чаще всего переводилась в России не с оригинала, еще в большей степени это относится к пер. русских книг в Италии. Однако среди русских общественных и культурных деятелей XVIII в. многие

хорошо понимали по-итальянски, и это дало возможность им приобщиться к итальянской культуре и испытать ее заметное влияние. Помимо художников, музыкантов, учившихся в Италии, и послов в государствах Апеннинского полуострова, это князь А. Д. Кантемир, В. К. Тредиаковский, Г. Н. Теплов, Ф. А. Эмин, княгиня Е. Р. Дашкова, Я. Б. Княжнин, Н. А. Львов, М. Н. Муравьев, Н. М. Карамзин (некоторые из этих литераторов много переводили итальянских авторов), переводчики М. С. Бенедиктов, А. Васильев, П. С. Железников, архитектор М. Г. Земцов, многие артисты, в т. ч. Ф. Г. Волков, И. А. Дмитриевский, В. М. Черников, Е. С. Сандунова. Вельможи А. М. Белосельский-Белозерский, В. Н. Зиновьев, А. М. Дмитриев-Мамонов, Н. Б. Юсупов прославились не только как ценители итальянского искусства, но и как знатоки итальянской словесности. Однако некоторые писатели (М. В. Ломоносов, Д. И. Фонвизин), видимо, владели итальянским языком в небольшой мере и не стремились усовершенствоваться в нем. Большую сложность при пер. итальянской поэзии составляли также принципы передачи романского силлабического стиха средствами русской метрики.

В русской художественной лит. XVIII в. итальянская тема почти не разрабатывалась: изображение Италии либо условно, оно не отличается от описания иных чужих земель (Флоренская земля в анонимной «Истории о Василии Кариотском», «Авзонских стран Венеция и Рим» в списке идеальных городов в «Похвале Ижорской земле» В. К. Тредиаковского и т. д.), либо обусловлено характером источника текста (например, сцена венецианского карнавала в «Притворно сумасшедшей» Я. Б. Княжнина). Еще реже встречается русская тема в итальянской поэзии XVIII в., за исключением сатирических произведений Дж. Касти. В отличие от художественной лит., и Россия, и Италия очень ярко изображены в произведениях документальных жанров (путевые заметки, дневники, переписка, мемуары). Русские путевые журналы (П. А. Толстого, Б. И. Куракина, Б. П. Шереметева, И. Л. и А. Л. Нарышкиных (1715–1716; Генуя, Флоренция, Рим, Неаполь, Венеция, Милан, Турин), Григоровича-Барского, Н. А. Демидова, Н. А. Львова, В. Н. Зиновьева, Д. И. Фонвизина и др.), записки Е. Р. Дашковой дают нам обширный и разнообразный, еще не обобщенный учеными материал о восприятии Италии русским человеком XVIII в. Среди общих мест итальянского дневника — отрицательное отношение к итальянской природе, невзирая на все ее красоты (обилие опасностей: горы, извержение вулкана, эпидемии малярии,

сильная жара и т. д.), и к особенностям национального характера, которому приписывается лживость, коварство, агрессивность, мстительность и т. п., ощущение контраста между великолепием итальянского искусства и убожеством, грязью, неустроенностью бытовой жизни, изумление перед необычностью местных обычаев, особенно во время празднеств и общественных собраний; русские путешественники петровской эпохи особенное внимание обращают на церковные церемонии, на убранство соборов, местные святыни, устройство парков, светский этикет и моды; в екатерининскую эпоху на первый план выходят произведения искусства, театральные представления, круг общения и бытовые впечатления.

Итальянская лит. усваивалась в России очень выборочно, исходя из общего круга представлений об Италии. Об итальянской лит. в России XVIII в. чаще всего судили по иностранным источникам: наиболее полный очерк ее истории в статье «Рассуждение о стихотворстве», приписываемой С. Г. Домашневу (Полезное увеселение. 1762. Май), представляет собой сокращенное переложение соответствующего отрывка из «Опыта о нравах» Вольтера. Восприятие итальянской лит. в России XVIII в. шло с явным опозданием: совершенно незнакомы русскому читателю остались главные писатели второй половины XVIII в. — не только К. Гоцци, мало известный за пределами Венеции и вскоре забытый даже на родине, но и В. Альфьери и Дж. Парини.

В целом культурное общение между Италией и Россией в XVIII в. во многом подготовило расцвет русского искусства в XIX в. и внесло свой вклад в формирование единой итальянской культуры в эпоху Рисорджименто.

Л и т.: Записки путешествия генерал-фельдмаршала российских войск графа А. П. Шереметева в европейские государства, в Краков, в Вену, в Рим и на Мальтийский остров. М., 1773; Журнал путешествия по Германии и Италии в 1697–1699 гг., веденный состоявшим при Великом посольстве русском к владетелям разных стран Европы // Русская старина. 1879. № 5; Барсуков Н. П. Жизнь и труды В. Г. Барского. СПб., 1885; Архив кн. Ф. А. Куракина. Кн. 1. СПб., 1890; Греков Ф. Жизнь и странствования Василия Григоровича-Барского. СПб., 1892; Ситовский В. В. Итальянский театр в Санкт-Петербурге при Анне Иоанновне. 1733–1735 гг. // Русская старина. 1900. № 6; Пумпянский Л. В. Кантемир и итальянская культура // XVIII век. Сб. 1. М.; Л., 1935; Крылова Т. К. Россия и Венеция на рубеже XVII и XVIII вв. // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1939. Т. 19; Берти Дж. Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М., 1959; Серман И. З. Ломоносов и придворные итальянские стихотворцы 1740-х гг. // Международные связи

русской литературы: Сб. статей / Под ред. М. П. Алексеева. М.; Л., 1963; *Пачини-Савой Л.* Итальянский дипломат XVIII в. — переводчик «Россиады» // XVIII век. Сб. 7. М.; Л., 1966; Россия и Италия: Из истории русско-итальянских культурных и общественных отношений. М., 1968; *Алексеев М. П.* Первое знакомство с Данте в России // От классицизма к романтизму: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1970; *Сибирева Г. А.* Неаполитанское королевство и Россия в последней четверти XVIII в. М., 1982; *Дашикова Е. Р.* Записки. М., 1990; Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1697–1699. М., 1992; *Неплюев И. И.* Записки. СПб., 1993; История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. 1–2. СПб., 1995; *Никитина А. Б.* Итальянский дневник. 1781 // Памятники культуры. Новые открытия. 1994. М., 1996; *Лапто-Данилевский К. Ю.* Итальянский маршрут Н. А. Львова в 1781 г. // XVIII век. Сб. 19. СПб., 1999; *Вильк Е. А.* Итальянский дневник Н. А. Львова // Русская литература. 2000. № 2; XVIII век: Сб. 23. СПб., 2004 (*Рак В. Д.* Итальянские впечатления Ферридата (Об одном источнике романа Ф. А. Эмина «Непостоянная фортуна, или Похождения Мирамонда»); *Космолинская Г. А.* Роман о Бертольдо в русских переводах XVIII века; *Лапто-Данилевский К. Ю.* К истории русских переводов «Писем об Италии в 1785 году» Ш. М. Дюпати); *Альгаротти Ф.* Итальянские путешествия / пер. с итал. предисл. и комм. М. Талалая. СПб., 2006.

Н. А. Гуськов

В описанном выше общекультурном контексте происходило знакомство русского общества XVIII в. с итальянской лит. Ее восприятие в Петровскую эпоху находилось в русле уже сложившихся культурных парадигм, в частности, заимствования из итальянской лит. не осознаются как таковые. Попадая в Россию через западнославянское, чаще всего через польское посредство, они, как и заимствования из др. лит., утрачивают национальное своеобразие. Это не значит, однако, что в России отсутствовали переводчики, владевшие итальянским языком. В 1710-е переводчики Посольского приказа даже перелагают стихами французский любовно-авантюрный роман XV в. «История о Париже и Вене» со стихотворного итальянского пер. Итальянским языком в той или иной степени овладели участники учебных и дипломатических поездок рубежа XVII–XVIII вв. и в особенности П. А. Толстой, изучавший в Италии в 1698–1699 морское дело и оставивший замечательный памятник русской путевой лит. об этой стране «Путешествие стольника П. А. Толстого». В 1702–1714 Толстой выполнил пер. с итальянского книги французского автора П. Рико «Монархия турецкая», который был издан в 1741 с поправками по польскому изданию 1678.

Книги на итальянском языке наличествовали в библиотеках Петра I и его сподвижников, в библиотеках духовных лиц, имелись в них

также книги итальянских авторов на латыни и в пер. на др. европейские языки. Среди них можно выделить, например, амстердамское издание 1699 «Князя» Н. Макиавелли и немецкий пер. книги Л. да Винчи «О живописном письме» Я. В. Брюса, имевшего 131 книгу на итальянском языке. Большая подборка итальянских книг политического содержания находилась в библиотеке Д. М. Голицина, среди которых — соч. Т. Боккалини и Н. Макиавелли, «Филиппики» Демосфена в итальянском пер., издание 1625 книги А. Поссевино «Московия», римское издание 1653 трактата Томази «Идея монархии» и др. Политическая лит., в которой итальянские мыслители позднего Возрождения занимали видное место, была важным чтением активных участников Петровских реформ. Они не ограничивались чтением и обсуждением этих книг, но также переводили их на русский язык или заказывали такие пер. Так появились русские версии сатирических соч. крупного политического писателя XVII в. Т. Боккалини «Парнасские ведомости» (выполнен переводчиком коллегии иностранных дел А. Васильевым) и «Камень опыта политического» (переводчик не установлен). Оба пер. остались неопубл. Вероятно, в этот период был переведен трактат Н. Макиавелли «Государь», имевший хождение в среде петровских сподвижников. Имя Макиавелли впервые появилось в русской печати в 1704. В «Преславном торжестве свободителя Ливонии» Иосифа Туробойского описана картина на триумфальных воротах: «Макиавель» стоит рядом с изображением Неправедного Властолюбия.

Петр I придает развитию переводной лит. новое направление. Равнодушный к художественным красотам беллетристики, он уделяет особое внимание практическим руководствам по военному делу, судостроению, архитектуре, политическим трактатам. Так, первая русская книга об архитектуре была пер. трактата знаменитого итальянского архитектора Дж. Б. де Виньола «Правила пяти ордеров архитектуры». Целногравированное издание «Правило о пяти чинех архитектуры Якова Бароция Девигнола» с приложением листа пер. архитектурных терминов на русский язык впервые вышло в Москве в 1709, а затем неоднократно переиздавалось (1712, 1720). Пер. был выполнен находившимся на русской службе итальянцем Марио Фонтаной. В целногравированной книге «Рассуждение о метании бомбов и стрельянии из пушек» (М., 1708) на втором листе в подписи к первой «фигуре» (иллюстрации) сообщалось: «Галилеас к книге своей о локалическом движении оказывает, что тяжелое тело в возду-

хе поверженное окружает кривою линию в движении своем». В пер. книги Л. Х. Штурма «Архитектура воинская» (М., 1709) наряду с прочими излагалась итальянская «манера» строительства крепостей. Энциклопедический характер носит книга урбинца Полидора Виргилия «О изобретателях вещей», впервые изданная в Венеции в 1499 и предложенная русской публике в пер. Феофилакта Лопатинского («Полидора Виргилия Урбинского осмь книг о изобретателех вещей. Переведены с латинскаго на славенороссийскій языкъ в Москвѣ и напечатаны повелением великаго государя царя и великаго князя Петра Перваго всероссийскаго императора в лето Господне 1720 мая в 5 день»). Она является одной из многих «энциклопедий», распространенных в гуманистическую эпоху. Помимо издания 1720 следует указать издание 1782 (на этот раз пер. выполнен И. Н. Третьяковым), выпущенное по инициативе Н. И. Новикова. Наконец, среди многочисленных соч. по древней и новой европейской истории, появившихся в Петровскую эпоху, следует назвать «Царство славян» Мауро Орбини, изданное в 1722 в сокращенном пер. Саввы Владиславича-Рагузинского под заглавием «Книга историография начатия, имене, славы и расширения народа славенского».

В исполнении приглашенной Петром I в 1702 труппы немецких актеров под руководством И. Кунста и О. Фюрста российские зрители могли видеть трагедию популярного в XVII в. итальянского драматурга Д. А. Чиконьини «Предательство из чести» («Il tradimento per l'onore» 1664), типичное явление итальянского сечентизма, ужасную историю убийств из ревности.

Формирование творческой индивидуальности крупнейшей фигуры в российской словесности первой четверти XVIII в. Феофана Прокоповича происходило не без влияния итальянской культуры, ставшего непосредственным в годы его обучения в Риме в иезуитской греческой коллегии св. Афанасия в 1698–1701. На эстетические и стилистические идеи Прокоповича, изложенные в курсах поэтики (1706) и риторики (1707), опираются в своих рассуждениях и практике выдающиеся представители русского классицизма А. Д. Кантемир, М. В. Ломоносов, В. К. Третьяковский (1703–1768). Он впервые ввел в русскую поэзию характерную для поэзии итальянской стихотворную форму октавы («Ее императорскому величеству на пришествие в село подмосковное Владыкино»), а также «К автору сатиры», 1730, адресованные А. Д. Кантемиру (1704–1744) после публикации его первой Сатиры).

В семье Кантемиров итальянский язык был привычным составным элементом личной культуры. Итальянский язык в числе прочих преподавал А. Д. Кантемиру священник А. Кондоиди. Уже в детские годы будущий сатирик читал и учил наизусть отрывки из «Неистового Роланда» Л. Ариосто. В 1722–1723 он обучался в астраханской школе итальянских монахов-капуцинов, где также учился В. К. Тредиаковский. Хотя в своей переводческой деятельности Кантемир ориентируется в большей степени на античную и современную французскую лит., однако в Лондоне основной круг его знакомых составляют итальянские дипломаты, художники и музыканты. Написанная в период 1735–1736 ода «В похвалу наук» является подражанием начальных строф поэмы Дж. Трессино «Италия от готы освобожденная». Пер. 55 стихотворений Анакреона, выполненные в 1736, сделаны с опорой на практику итальянских переводчиков белым стихом, впервые использованным в русской поэзии. В Лондоне он перевел книгу писателя-просветителя Ф. Альгаротти «Ньютоnianство для дам» (пер. не сохранился). В 1743, не видя возможности опубликовать свои сатиры в России, он перевел их на итальянский язык. В этой работе ему помогал его друг аббат О. Гуаско, который затем перевел Сатиры на французский и напечатал впервые в Голландии в 1749. Итальянский пер. Сатир не сохранился. Кантемир умер, готовясь к четырехмесячному путешествию для поправки здоровья в Италию.

В сфере словесного искусства наиболее значительным событием русско-итальянских связей середины XVIII в. было знакомство русского общества с итальянским оперным театром и импровизационной комедией. Новые пер. итальянских авторов почти целиком сосредоточиваются на опере и комедии дель арте. Исключение составляет компилятивная «Жизнь Петра Великого, императора России, извлеченная из разных записок, напечатанных во Франции» (1737) А. Катифоро, переведенная в 1743 С. И. Писаревым (1708–1775) с итальянского языка по устному повелению Елизаветы Петровны и тогда же поднесенная в рукописи императрице. Издан этот пер. был лишь в 1772 (второе издание 1788). Писарев значительно дополнил книгу Катифоро, в частности материалами по «делу царевича Алексея». Еще до издания пер. стал широко известен в рукописях, включался в сборники соч. о Петре I. Позднее Писарев перевел еще одно соч. Катифоро — «Священная история Нового и Ветхого завета» (1751, издано 1763).

В период 1730–1750 самыми распространенными были русские издания содержания («перечни») и пер. итальянских комедий и ин-

термедий, исполнявшихся в придворном театре. Эту работу в основной ее части было поручено выполнять В. К. Тредиаковскому. Немецкий текст готовил Я. Штелин, куплеты же печатались на итальянском с параллельным русским пер. Пер. оперных либретто выполнялись В. К. Тредиаковским, А. В. Олсуфьевым (1721–1784), И. С. Горлицким (1690–1777), А. П. Сумароковым (1717–1777). Пер. не всегда делались непосредственно с итальянского, иногда с немецкого или с французского пер. или подстрочника. С 1730 в придворном оперном театре регулярно ставятся оперы на тексты крупнейшего итальянского драматического поэта XVIII в. П. Метастазιο (1698–1782). Ко Дворам русских императриц XVIII в. (Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны и Екатерины II) приглашались не только театральные деятели, но и литераторы, авторы оперных либретто, балетных сценариев и придворные поэты-панегиристы. Чаще всего в России работали второстепенные итальянские литераторы и стихотворцы, хотя среди них встречаются исключения — выдающиеся поэты и драматурги. Джузеппе Аволио (Avoglio, Avolio), исполнитель комедии дель арте, постановщик и поэт, прибыл в Москву в 1731, поставил ок. 36 итальянских комедий и интермедий и две русские пьесы: «Комедию об Иосифе» (1734) и «Комедию о двух персонах философских» (1735) и участвовал в постановке первой оперы Ф. Арайи, написанной для России «Сила любви и ненависти» (1736). Он также написал стихи по случаю дня рождения императрицы Анны Иоанновны (1736). Текст был напечатан в оригинале, в немецком и русском пер. Аволио отбыл из России в 1736.

В 1742 на русскую службу поступил флорентинец Джузеппе Бонекки (Bonecchi, Bonechi; 1715–1785), ставший первым штатным стихотворцем в итальянской придворной оперной труппе (1742–1752). Он написал несколько либретто опер-серия для Ф. Арайи: «Селевк» (1744), «Сципион» (1745), «Митридат» (1747), «Евдоксия венчанная, или Феодосий II» (1751) и «Беллерофонт» (1753), стихи для праздничных театрализованных представлений «Союз любви и брака» (1745), «Прибежище мира» (1748) и текст серенады «Корона Александра Великого» (1750). В 1752 он был уволен со службы с условием присылать по два либретто в год. Оперные сценарии Бонекки отличает прямой и недвусмысленный панегиризм, автор подробно толкует свои музыкальные драмы в верноподданническом духе. Личная неприязнь М. В. Ломоносова к пронырливому интригану Бонекки сочеталась с действенно-критическим отношением к его творческим установкам

в период становления ломоносовского классицизма и отразилась на пафосе «Риторики» 1747, отвергающей излишнюю витиеватость барочного стиля придворных итальянских поэтов 1740-х. Ломоносов в годы своего пребывания в Германии изучал итальянскую грамматику Дж. Венерони с отрывками из «Неистового Роланда» Л. Ариосто.

Непосредственное знакомство А. П. Сумарокова в середине 1730-х — 1740-е с итальянской комедией масок помогло ему оформить жанровый канон русской прозаической комедии в произведениях 1750 — «Тресотиниус», «Чудовищи», «Пустая ссора». Впоследствии русская прозаическая комедия испытывала влияние модификации жанра комедии масок в сторону реалистической просветительской комедии, предпринятой К. Гольдони (1707–1793).

Восприятие оперной драматургии не оказало столь явного и широкого влияния на русскую драматическую лит.: засилье итальянского оперного театра препятствовало возникновению и развитию отечественной национальной героической оперы вплоть до первой трети XIX в. Однако по примеру итальянских либреттистов А. П. Сумароков написал для Фр. Арайи либретто «серьезной» оперы «Цефал и Прокрис», долгое время бывшее первым и единственным образцом этого жанра на русской почве. Итальянский оперный театр оказывал косвенное влияние на стилистику русской любовной лирики. Через непосредственное знакомство с образцами придворной панегирической итальянской поэзии и через их французское и немецкое преломление российские поэты знакомились с главной формой итальянской лирической поэзии — сонетом. В «Епистоле о стихотворстве» Сумароков упоминает Л. Ариосто, Т. Тассо среди величайших эпических поэтов.

Во второй половине XVIII в. в Петербурге трудятся итальянские либреттисты А. Денци, Дж. Б. Локателли (1713–1790), Л. Ладзарони, М. Кольтеллини (1719–1777), Дж. Касти (1724–1803), А. Ф. Моретти (?–1807), ставятся оперы на либретто П. Метастазιο. К пер. либретто привлекаются И. С. Барков, Я. Б. Княжнин. Опыт итальянских авторов, как классических, так и современных, учитывается в решении различных проблем создания национальной лит.

Я. Б. Княжнин, владевший итальянским языком и переведивший либретто придворных итальянских драматургов, сам учитывал и творчески воспринимал их опыт в своем оригинальном творчестве. По образцу итальянских музыкальных драм создана мелодрама «Орфей и Эвридика» (1763), которая пользовалась популярностью до кон. XVIII в. В первой трагедии Княжнина «Дидона» (1767 или 1769)

находятся следы подражания популярнейшей музыкальной драме П. Метастазιο «Покинутая Дидона». В 1769 он напечатал пер. с итальянского книги В. М. Коронелли «Записки исторические о Морее, о царстве Негропонтском и прочих близлежащих местах». Отданные в театр его пер. комедий К. Гольдони «Хитрая вдова», «Тщеславные женщины», «Светский человек» не обнаружены. В 1777, опираясь на либретто П. Метастазιο «Милосердие Тита», известное на русской сцене с 1750, он создал первую русскую музыкальную трагедию «Титово милосердие», которая неоднократно ставилась с 1779.

У истоков русского романа стоит пер.-пересказ романа Г. Мартиано «Бессчастный Флоридор, история о принце ракалмуцком», выполненный Федором Эминым и изданный в 1763. Отзвуки соч. «Пробный камень политики» (1614) и комментариев «Анналов» к «Истории» Корнелия Тацита итальянского политического публициста XVI в. Т. Боккалини (1556–1613) находятся и в его автобиографическом романе «Непостоянная фортуна, или Похождения Мрамонда». К развлекательной линии отечественной прозы присоединился пер. народного романа Д. Ч. Кроче (1550–1609) «Хитроумные проделки Бертольдо», выполненный М. Д. Чулковым (1778) и несколькими анонимными перелагателями, чей труд остался в рукописных сб. 1740-х.

Особенно важным кажется использование опыта классических итальянских поэтов — М. М. Боярдо, Л. Ариосто, Т. Тассо, Дж. Марино, Н. Фортегуерри в процессе возникновения российской национальной эпопеи и последовавшем за ним этапе создания преромантической волшебного-романтической поэмы. Восприятие итальянской волшебного-рыцарской поэмы в России XVIII в. не ограничилось классическими образцами Боярдо, Ариосто и Тассо. Я. Б. Княжнин по заказу Соборания, старающегося о пер. иностранных книг, перевел и издал в Москве в 1779 поэму ведущего поэта итальянского барокко Дж. Марино (1569–1625) «Избиение младенцев». В 1800–1801 Н. Н. Осипов перевел с немецкого переложения и выпустил в свет поэму Н. Фортегуерри (1674–1735) «Ричардетто», развивающую один из эпизодов «Неистового Роланда» в галантно-юмористическом ключе.

Большая критическая дискуссия, развернутая в Италии С. Беттинелли и во Франции Вольтером вокруг Данте, препятствовала его раннему и благоприятному восприятию в России. Первый пер. из «Божественной комедии» — прозаический отрывок из 28-й песни «Чистилища» с положительным отзывом о его авторе появился в России лишь в 1798.

Помимо художественной лит. большой интерес в образованном российском обществе второй половины XVIII в. вызывала итальянская общественно-политическая и экономическая мысль. Через французское и немецкое посредство, а также через знакомство с оригиналами становятся известны размышления передовых итальянских юристов и политэкономов А. Дженовези, Ф. Галиани, Л. Муратори П. Верри, Г. Филанджери. На официальном уровне обсуждается проблема политики макиавеллизма, запрещенная в царствование Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны.

Значительное влияние на русскую юридическую мысль XVIII в. оказала книга миланского публициста Ч. Беккариа (1738–1794) «О преступлениях и наказаниях» (1764), написанная в рамках кампании Вольтера против осуждения Жана Каласа. Соч. Беккариа было высоко оценено энциклопедистами, переведено на ряд европейских языков и оказало влияние на судебную практику и законодательство некоторых государств. Однако реакция на Великую французскую революцию заставила европейские правительства отказаться от многих идей Беккариа по смягчению телесных наказаний. Трактат Беккариа явился одним из источников российского законодательства. Десятая глава Наказа Екатерины II, данного комиссии для соч. проекта нового Уложения (ПСЗ, № 12949), является пер. из трактата Беккариа, выполненным по указанию императрицы Г. В. Козицким. Пер. был выполнен, очевидно, с французского пер. Ф. Морелле (1767), одобренного и принятого автором. Заимствования из Беккариа встречаются в 5-й, 6-й и 9-й главах Наказа.

Интересен эпизод истории восприятия итальянской духовной лит. в России XVIII в. В результате первого раздела Польши в 1772 Россия приобрела часть Белоруссии, где находилось 200 иезуитов. В 1773 императрица оказала покровительство ордену, воспрепятствовав опубликованию буллы Климента XIV о роспуске Общества Иисусова. В 1784 она остановила печатание «Истории ордена иезуитов» в журнале Н. И. Новикова «Прибавления к Московским ведомостям». В условиях правительственного благоволения Обществу Иисусову публикуются пер. соч. итальянских католических духовных авторов Дж. Бона, Л. Скуполи и особенно генерала ордена иезуитов католического кардинала Р. Беллармино (1542–1621). В 1783–1795 были изданы пер. книг Беллармино «Наука благополучно умирать», «Руководство к богопознанию по лестнице сотворенных вещей» (два варианта), «О вечном блаженстве святых», «О воздыхании голубицы, или О пользе слез», «О семи изречениях от Христа на кресте провещан-

ных». Сочинения Беллармино издавались частными и государственными типографиями, с посвящениями иерархам православной церкви. В типографии Новикова в 1783 вышли «Наука благополучно умирать» и «Руководство к богопознанию по лестнице сотворенных вещей». Публикация соч. Беллармино и нач. печатания «Истории ордена иезуитов» находятся в непосредственной хронологической близости.

Опыт итальянской лит. присутствует во всех слоях российской словесности XVIII в.: в народной лубочной книге, в развлекательной прозе, в театре, в политической и экономической, исторической, искусствоведческой лит. Широкое восприятие итальянской словесной культуры в России XVIII в. подготовило широкое взаимодействие русской и итальянской лит. в романтическую эпоху первой трети XIX в., художественные открытия К. Н. Батюшкова, П. А. Катенина и А. С. Пушкина.

Лит.: *Горохова Р. М.* Драматургия Гольдони в России XVIII века // Эпоха Просвещения. Из истории международных связей русской литературы. Сб. ст. Л., 1967. С. 307–352; *Берков П. Н.* Книга Чезаре Беккарии «О преступлениях и наказаниях» в России // Россия и Италия: Из истории русско-итальянских культурных и общественных отношений. М., 1968. С. 57–76; *Вентури Ф.* Итало-русские отношения с 1750 до 1825 г. // Россия и Италия: Из истории русско-итальянских культурных и общественных отношений. М., 1968. С. 25–50; *Рутенбург В. И.* Культурные и общественные связи России и Италии (XVIII и XIX века) // Россия и Италия: Из истории русско-итальянских культурных и общественных отношений. М., 1968. С. 5–24; *Горохова Р. М.* Торквато Тассо в России XVIII века: (Материалы к истории восприятия) // Россия и Запад: из истории литературных отношений. Л., 1973. С. 105–163; *Шаркова И. С.* Россия и Италия: торговые отношения XV — первой четверти XVIII в. Л., 1981; *Горохова Р. М.* Ариосто в России // *Ариосто Л.* Неистовый Роланд. М., 1993. Т. 2. С. 457–480; *Юсим М. А.* Макиавелли в России: Мораль и политика на протяжении пяти столетий. М., 1998; *Гардзонио С.* Итальянские поэты в России XVIII века // Всемирное слово. № 16. СПб., 2003. С. 107–112; *Рак В. Д.* Итальянские впечатления Феридата: (Об одном источнике романа Ф. А. Эмина «Непостоянная фортуна», или Похождение Мирамонда) // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23. С. 80–103; *Cronia A.* La conoscenza del mondo slavo in Italia: Bilancio storico-bibliografico di un millenio. Padova, 1958; *Garzonio S.* La poesia italiana in Russia: materiali bibliografici. Firenze, 1984; *Pesenti M. C.* Arlecchino e Gaer nel teatro dilettantesco russo del Settecento. Milano, 1996; *Ferrazzi M.* 1) L'Italia nella vita e nelle opere di Fedor Emin. Roma, 1989; 2) Commedie e comici dell'arte italiani alla corte russa (1731–1738). Roma, Bulzoni, 2000.

А. О. Дёмин

КАЗАНОВА (Casanova), Джакомо Джироламо (2.04.1725, Венеция — 4.06.1798, замок Дукс в Богемии), писатель, автор ряда пьес, романа «Икозамерон» (5 т., 1788), научных трактатов, памфлетов. Гораздо больший интерес, чем эти соч., написанные на итальянском и французском языках, у современников и последующих поколений вызвала личность К., одного из прославленных авантюристов XVIII в. Главным произведением К. считается незаконченная «История моей жизни» (10 т., 1789–1793), доведенная до 1772 и опубликованная посмертно (сокращенный и переработанный вариант в немецком пер. — 1822–1828, полный текст — 1960–1962). Несмотря на неточности, элементы вымысла и субъективность оценок, свойственные мемуарному жанру, книга К. выделяется большой степенью откровенности в изложении обстоятельств жизни автора, вплоть до самых интимных или недостойных, а также замечательна наблюдательностью путешественника, дающего живые зарисовки быта и нравов разных европейских стран (преимущественно светской, придворной среды). У современников большим успехом пользовались устные рассказы К., неоднократно воспроизводившиеся как поэтическое произведение особого жанра; некоторые из них были опубликованы автором при жизни. Судьба К. послужила материалом для соч. А. Шницлера, С. Цвейга, М. И. Цветаевой, кинофильма Ф. Феллини и др.

К. род. в семье актеров, гастролировавших за пределами Венеции, воспитывался бабушкой; до восьми лет был слабоумен и не говорил, исцелен знахаркой. Учился в Падуе в пансионе и в университете, где в 1742 защитил диссертацию по юриспруденции. В 1741 К. принял постриг, но очень скоро покинул монастырь, а затем и семинарию, из которой в 1743 был уже через месяц после поступления исключен и посажен в крепость. Аскетическое существование было чуждо К., прославившемуся впоследствии страстью к наслаждениям и увлекательнейшими любовными похождениями; список его сердечных побед включает 122 женщины. В 1740 — нач. 1750-х К. часто менял род занятий (служил у адвокатов, был военным, состоял при кардинале Аквавива и сенаторе М. Брагадине, начал писать пьесы) и много путешествовал как по своей воле, так и спасаясь от преследования властей (дважды посетил Корфу и Константинополь, ездил по Италии, Франции, Германии, Австрии). В сер. 1740-х К. начал заниматься магией, позднее в Лионе был принят в масонскую ложу. В 1749 и 1755 в Венеции был обвинен в мошенничестве и колдовстве, в первый раз ему удалось скрыться, во второй раз он был посажен в страшную

тюрьму Пьомби, из которой через полтора года сумел бежать. С 1756 по 1774 К. ездил по Франции, Голландии, Германии, Швейцарии, Англии, Испании, Польше, России, Италии, участвуя в сомнительных финансовых предприятиях, оккультных экспериментах, завязывая скандальные поединки и любовные интриги, встречаясь с правителями (Фридрих II, Екатерина II) и литераторами (Вольтер, маркиз д'Аржанс и др.); преследовался в разных странах (вплоть до высылки за границу) за мошенничество, шулерство, дуэли, но получил от папы Климента III звание папского протонотария и орден Золотой шпоры (1760) и был принят в академии «Аркадия» и «Инфеконди» (1771). В 1774–1783 жил в Венеции, получив прощение властей, состоял осведомителем Государственной инквизиции, выступал под псевдонимом Антонио Праголини, держал театральную антрепризу, издавал сборники «Литературная смесь» (7 вып., 1780), журналы «Вестник Талии» (10 вып.) и «Талия» (1780–1781). Вновь попал в опалу, К. отправился странствовать по Европе, служил секретарем венецианского посла в Вене (1784–1785), а после его смерти стал библиотекарем графа Вальдштейна в замке Дукс, где провел последние свои годы в научных и литературных занятиях, сочиняя мемуары и памфлеты против якобинцев.

Жизнь К. связана со многими странами, в т. ч. с Россией. В 1735 его мать в составе итальянской труппы гастролировала в Петербурге. Сам К. побывал в России с декабря 1764 по октябрь 1765, посетил Ригу, Санкт-Петербург и Москву, однако значительных выгод для себя не добился. Представляя собой едва ли не идеальный тип западноевропейского авантюриста XVIII в., К., как и большинство людей этого склада, оказался малопригодным для России екатерининской эпохи. В 1770 в Ливорно, где находилась эскадра под командованием графа А. Г. Орлова, К. вновь безуспешно пытался поступить на русскую службу. Несмотря на кратковременность знакомства К. с русской жизнью, его впечатления, подробно изложенные в «Истории моей жизни» (т. 10, гл. 5–7), представляют несомненный интерес для историка культуры.

В мемуарах К. упоминаются, кратко и иногда довольно метко характеризуются известные государственные деятели, с которыми он встречался в России: А. Г. и Г. Г. Орловы, Н. И. Панин, П. И. Меллиссино, И. В. Олсуфьев (у К. — Алсуфьев), Е. Р. Дашкова (у К. — д'Ашкова), Г. Н. Теплов, И. П. Елагин (у К. — Гелагин), И. И. Бецкой и др. В первую очередь описывается их бытовое поведение и интим-

ная сторона их жизни. К. создает колоритные зарисовки русского светского и простонародного быта (маскарад, военный смотр, сопровождающийся придворным празднеством, поведение вельмож на обедах, крещение младенцев на святки в Неве (эпизод заимствован из книги Х. Ф. Швана «Русские анекдоты», 1764), покупка иностранцем крестьянки). К. сопоставляет Петербург и Москву, причем предпочитает последнюю как более оригинальный и органичный для национальной жизни город. Немало места в мемуарах уделено рассуждениям о русском характере, который представляется К. очень противоречивым, но многими чертами вызывает явную симпатию, причем постоянно оговаривается прогресс русской жизни к кон. века по сравнению со временем пребывания К. в Петербурге. Как для всех иностранцев в России кон. XVIII в., для К. важнейшее событие — встреча с императрицей. К. очень высоко оценивает государственный и практический ум и личное обаяние Екатерины II. Помимо собственного разговора с ней, касавшегося преимущественно проблемы введения в России григорианского календаря, К. сочиняет воображаемую беседу с царицей, которая могла бы произойти после ее смерти, и в этой беседе высказывает свою оценку политики Екатерины II. В целом, несмотря на замечания К. о некоторой его неприязни к русской жизни, мемуары показывают, что Россия его всегда притягивала, а русские впечатления в какой-то степени повлияли на его судьбу.

Соч.: История моей жизни / Сост., вступит. статья, комментарий, указ. имен, хронология А. Ф. Строева. М., 1991.

Лит.: Строев А. Ф. «Те, кто поправляет Фортуну...»: Авантюристы Просвещения. М., 1998.

Н. А. Гуськов

КАЛИОСТРО (Cagliostro), Алессандро, граф (настоящее имя Бальзамо Джузеппе; был известен также под рядом вымышленных имен — маркиз Пеллегрини, граф Феникс и др.; 8.07.1743, Палермо — 26.08.1795, Рим), оккультист и литератор; известен как один из славнейших авантюристов XVIII в. Сведения о его жизни противоречивы и недостаточно достоверны.

Род. в семье набожных торговцев. Учился в семинарии, из которой вскоре бежал, затем был помещен в монастырь, где учился у аптекаря, но затем вновь бежал и занялся в Палермо различными мошенничествами. Переехав в Мессину, он избрал для себя фамилию тет-

ки — К., присоединив к ней графский титул, которому впоследствии приписывал таинственный символический смысл. Познакомившись с оккультистом Альютотасом (Кольмером), начал совершать мистические опыты, ездил в Египет, на Родос и Мальту, расставшись со своим наставником, жил, занимаясь алхимией и промышляя плутовством, в Неаполе и Риме, где приобрел поддельный патент на звание полковника испанской армии и женился на Лоренце Феличиани (Феликиани), ставшей его помощницей во всех последующих предприятиях (действовала чаще под именем Серафимы). Опасаясь ареста, К. бежал из Рима, скрывался в Италии под видом паломника к святым местам, странствовал по Испании, Португалии, Англии, Франции, Фландрии, Германии, Сицилии, Мальте, устраивал разнообразные мошеннические проделки, несколько раз преследовался властями и даже подвергался аресту и заключению, донес на жену, которая намеревалась обобрать его и покинуть, и некоторое время продержал ее в тюрьме. Одновременно начал пользоваться известностью как алхимик.

Вступив в масонскую ложу, К. сумел сблизиться с влиятельными кругами европейского общества. Сначала в Лондоне, где основал ложу египетских масонов, затем в Венеции, Вене, Германии, Курляндии К. имел большой успех как оккультист. Посетив Россию и не добившись для себя больших выгод, К. через Польшу и Германию приехал во Францию, где достиг наибольшей славы. основав в Париже ложу египетских масонов, он проник в высший светский круг, приобрел богатство и славу прорицателя, ученого и целителя. Участие в мошеннической покупке богатого ожерелья якобы для королевы Марии-Антуанетты привело к тому, что К., хотя и был оправдан судом, покинул Францию, а затем и Англию, где его таинственные опыты были разоблачены как шарлатанство. В последний период жизни К. без прежнего успеха путешествовал по Голландии, Германии, Швейцарии, Италии. Остановившись в Риме, некоторое время воздерживался от мошенничества, затем возобновил оккультистские занятия, был выдан инквизиции (по некоторым сведениям, женой), приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением. Скончался в тюремном замке св. Ангела.

Хотя К. выступал как литератор, в частности напечатал в Англии памфлет, обличающий французский Двор, с предсказанием революции и разрушения Бастилии (1787), интерес представляют не соч. или оккультистские опыты К., а сама его личность. Судя по воспоминани-

ям современников, это был человек незаурядных дарований, обладавший способностью сильно воздействовать на окружающих.

В России К. жил с лета 1779 по апрель 1780, посетив лишь Петербург. Достоверных известий о его пребывании в столице почти нет. В Курляндии, направляясь в Россию, К. намекал на наличие у него тайных дипломатических поручений от европейских масонских лож или правительств. В Петербурге К. вошел в доверие к Г. А. Потемкину, А. С. Строганову и особенно И. П. Елагину, в доме которого даже остановился, однако не сумел добиться аудиенции у Екатерины II. Согласно молве, наряду с отрицательным отношением императрицы к любым формам оккультизма, неприязнь ее к К. обусловлена сближением его с женой Потемкина. Первое время пребывания в Петербурге К. не принимал денег за свои опыты, занимался благотворительностью, старался установить хорошие отношения с местными медиками. Вскоре он стал известен как ученый-затворник и великий врачеватель, однако скандальная история (согласно преданию, он обещал вылечить у какого-то вельможи неизлечимо больного ребенка — мальчика или девочку — и подменил младенца, что и обнаружила мать) вынудила К. спешно покинуть Россию. Посещение К. России не только не принесло ему большой славы, но и мало затронуло русское общество, московские масоны вообще не проявили к его деятельности интереса. Однако это путешествие К., его судьба и личность в целом заметно повлияли на путь развития русской культуры кон. XVIII в.

Цикл текстов, разоблачающих К.: «Известия о графе Калиостро из рукописей его беглого камердинера» (Берлин, 1786); «Калиостро, разоблаченный в Варшаве» (1786); «Описание пребывания в Митаве известного Калиостро на 1779 год и произведенных им там магических действий» Ш.-Е.-К. фон дер Рекке (Берлин, 1787, в русском пер. Т. Захарьина: СПб., 1787) и др., — возник в сер. 1780-х во время процесса об ожерелье Марии-Антуанетты. В антикалиостровской лит. граф выведен в облике опасного и беспринципного афериста, легко обманывающего людей. Разоблачение К. послужило для Екатерины II сигналом и отчасти поводом для активной борьбы с приверженцами мистических учений, прежде всего с масонами. Не видя разницы в деятельности разных организаций, занимающихся тайными знаниями, императрица, поклонница рационалистической и просветительской философии, искренне или притворно, считала или, по крайней мере, объявляла в своих соч. К. наиболее типичным представителем масонства, а потому признавала все масонские ложи источником об-

мана и порока. Екатерина II, еще во время пребывания К. в Петербурге написавшая антимазонский памфлет «Тайна противонелепого общества» (выходные данные мистифицированы: Кельн, 1750), осмелилась высказать неприязнь непосредственно по отношению к К., лишь убедившись в том, что и в Европе его репутация пошатнулась: 14 января 1786 была поставлена ее комедия «Обманщик», где в лице Калифалкжерстона (искаженная анаграмма сочетания «граф Калиостр») она создала узнаваемую карикатуру на конкретное лицо и сатирический образ масона, алхимика, оккультиста вообще. После выхода еще двух антимазонских пьес «Обольщенный» и «Шаман Сибирский» (обе — 1786), прямо не высмеивающих К., но продолжающих общую тенденцию «Обманщика», гонению подверглись московские масоны, не связанные с К. (1787).

В кон. XIX — нач. XX в. возобновление в России интереса к оккультизму и масонству вызвало появление обширной научной лит. об антикалиостровских соч. Екатерины II, ряда научно-популярных и художественных (М. А. Кузмин, А. Н. Толстой) соч. о К. и его путешествии в Россию.

Л и т.: *Зотов В.* Калиостро, его жизнь и пребывание в России // Русская старина. 1875. Т. 12. № 1; *Карнович Е. П.* Калиостро // *Карнович Е. П.* Замечательные и загадочные личности XVIII и XIX столетий. Л., 1990; *Строев А. Ф.* «Те, кто поправляет Фортуну...»: Авантюристы Просвещения. М., 1998.

Н. А. Гуськов

КАЛЬДЕРОН ДЕ ЛА БАРКА (Calderón de la Barca), Педро (17.01.1600, Мадрид — 25.05.1681, там же), крупнейший драматург испанского барокко, автор более сотни комедий, религиозно-философских драм и ауто. Впервые упомянут в российской печати в анонимном пер. из Вольтера («О эпическом стихотворстве», СПб., 1781): «Оставим спорить об именах. Могу ли я не назвать комедиями сочинений Конгревовых или Калдероновых для того только, что они не по нашему нраву и вкусу писаны?» Однако переработки пьес К. (без указания имени автора) игрались на российской сцене еще с нач. XVIII в.

В 1702–1706 в Москве действовал публичный театр (труппа И. Кунста — О. Фюрста), пьеса из репертуара которого «Тюрьмовой заключник, или Принц Пикельгяринг» опосредованно восходит к комедии К. «El alcaide de sí mismo» (1650, опублик. 1684). На русский

язык она переведена с немецкого, а на немецкий — с французской переделки Т. Корнеля «Le Geôlier de soi-même» (1655). «Принц Пикельгяринг» был также в репертуаре театра царевны Натальи Алексеевны (1707–1711).

В 1731 труппа итальянца Томмазо Ристори поставила в Москве несколько комедий, в т. ч. «La dame démon et la servante diable» — сохранилось лишь название, без указания имени автора, однако очевидно, что эта пьеса, игравшаяся в жанре, близком к *commedia del'arte*, имеет своим первоисточником «La dama duende» К. (1629, опублик. 1636). Текстом-посредником явилась комедия А. Дувилля «L'Esprit follet ou la Dame invisible» (представлена в 1639, опублик. 1642).

Перу Екатерины II принадлежит рукописный отрывок «вольного переложения» комедии К. «El escondido y la tapada» (опублик. 1682), выполненный ею с французского и озаглавленный «Чулан». Источником, вероятно, послужило известное в России издание «Théâtre espagnol, traduit en prose par Linguet» (Paris, 1770), в котором эта комедия названа «Le Cloison». Текст значительно русифицирован, однако в именах большинства действующих лиц остался след испанских имен: Don Cezar — Севин, Mosquito — Моисей, Otañez — Отанов, Don Diego — Диегин, Don Felix — Фелов. Примечательно также, что в пер.-переделке Екатерины II упомянут российский топоним (реплика Серафимы: «Ты поехал, братец, на Кавказскую линию, чтоб ознаменовать себя храбростию...»).

В 1790–1791 в Петербурге игралась пьеса «Домовой, или Женская хитрость, комедия в четырех действиях», впоследствии дважды опублик. без указания имен автора и переводчика (СПб., 1780, 1783); это еще одна переработка комедии К. «La dama duende». По предположению И. С. Христенко, непосредственным источником русского пер. явилась написанная по-немецки комедия Ф. В. Готтера «Der Kobold» (1778), основанная (как сообщается в заглавии) на пьесах Ш. Колле («L'Esprit follet», опублик. 1770) и Н. Отроша («La Dame invisible», представлена в 1684, опублик. 1678).

В кон. XVIII в. имя К. имело в России некоторую известность. В 1794 Я. П. Чаадаев приписал перу К. свою сатирическую комедию, изобличавшую злоупотребления чиновника П. И. Прокудина: «Калдерон де ла Барка. Дон Педро Прокодуранте, или Наказанной бездельник» (М.). (Большую часть тиража через посредников скупил и уничтожил сам Прокудин; после публикации пьесы ему пришлось уйти в отставку.) «Дон Педро Прокодуранте» является

собственным произведением Чаадаева; заявлено, что действие происходит в «Барселоне», однако описание городских реалий (ярмарка на песчаном берегу) скорее подходит для Нижнего Новгорода, где и служил Прокудин.

Лит.: *Алексеев М. П.* Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI–XIX вв. Л., 1964; *Петров А. Ф.* Забытая комедия XVIII века и ее автор (Я. П. Чаадаев «Дон Педро Прокодуранте») // Литературные связи и проблема влияния. Горький, 1980. С. 91–96; *Христенко И. С.* «Дама-невидимка» Кальдерона и другие «домовые духи» в России XVIII века // XVIII век. Сб. 23. СПб., 2004. С. 273–292; *Weiner J.* Mantillas in Muscovy. The Spanish golden age theatre in tsarist Russia (1672–1917). Lawrence, 1970 (Trad.: *Weiner J.* Mantillas en Moscovia. El teatro del Siglo de Oro español en la Rusia de los zares (1672–1917). Barcelona, 1988); *Ferrazzi M.* Commedie e comici dell'arte italiani alla corte russa (1731–1738). Roma, 2000.

К. С. Корконосенко

КАМОЭНС, КАМОИИШ (Camões), Луиш Важ, ди (1524 или 1525, Лиссабон или Коимбра — 10.06.1580, похоронен в Лиссабоне), крупнейший португальский поэт, автор национальной эпической поэмы «Лузиады» («Os Lusíadas», опублик. 1572), многих сонетов и др. стихотворных произведений в итальянской ренессансной (петраркистской) манере. Единственный португальский автор, имя которого было известно русским читателям XVIII в.

Сведения о нем проникали в Россию при помощи культуры — посредницы, прежде всего, через французскую лит., в частности, Вольтера, который неоднократно упоминал имя К. в своих соч. А. П. Сумароков называет К. в «Эпистоле о стихотворстве» среди самых авторитетных в XVIII в. европейских эпических поэтов («Там Тасс и Ариост, там Камоенс и Лоп»), дав ему в примечаниях краткую характеристику («Камоенс, славный стихотворец португальский, или Виргилий тамошний, творец эпической поэмы “Лусияды”. Умер в 1579 году, за 50 лет века своего»). Из произведений К. на русский язык в XVIII в. была переведена только поэма «Лузиады», др. соч. К. оценивались как незначительные. Прозаический пер. «Лузиады» был выполнен А. И. Дмитриевым — «Лузияда, Ироическая поэма Лудовика Камоенса. Переведена с французского де-ла Гарпова переводу Александ-

ром Дмитриевым» (М., 1788). Пер., как указано в заглавии, сделан с французского пер. Ж.-Фр. де Лагарпа (1776) и сопровождается обширными примеч., отсутствующими в оригинале и принадлежащими французскому переводчику. По аналогии с европейской литературной традицией заглавие в пер. подверглось трансформации — оно дано в единственном («Луизияда»), а не во множественном («Луизиады») числе. Тексту поэмы предпослана биография К., также основанная, по-видимому, на биографии, составленной Лагарпом.

А. В. Родосский

КАСТИ (Casti), Джан Баттиста, аббат (29.08.1724, Аквапенденте — 5.02.1803, Париж), итальянский поэт, наиболее известен сатирическими произведениями, член академии «Аркадия». Странствовал по Европе, состоял придворным поэтом во Флоренции при герцоге Леопольде I, сопровождал сына австрийского министра Кауница в путешествии по Европе. В 1778 посетил Россию и несколько лет жил при Дворе Екатерины II, которой поднес панегирическую канцону, составленную из традиционных одических формул. Императрица была равнодушна к примитивно построенным хвалебным стихам, и К. не удалось добиться успеха в Петербурге и стать придворным поэтом. Вернувшись в Вену, где после смерти Метастазии (1782) К. предполагал занять место придворного поэта, он выразил свое отношение к России и одновременно досаду на Екатерину II и ее приближенных в «Татарской поэме» («Il poema tartaro», издана в Италии, 1797; полный вариант: Филадельфия, 1803), а позднее в драме «Хубилай». «Татарская поэма» быстро распространилась в рукописях, Иосиф II, ознакомившись с ее текстом, счел необходимым удалить К. от Двора и отправить его в Константинополь. После смерти Иосифа II К. все же удалось получить в Австрии должность придворного поэта.

«Татарская поэма» сочетает черты классической эпопеи (12 песен, октавы, традиционный набор мотивов и амплуа персонажей героической поэмы и т. д.) и просветительского романа (приключения героя-наблюдателя как основа сюжета, политическая проблематика, сатирическая тенденциозность и т. д.). За авантурной фабулой поэмы скрывается политический подтекст, большинство героев — карикатуры на исторических лиц. К. изображает

пребывание ирландского путешественника XII в. Томаса Скардассала в Каракоре (Петербурге), столице Монголии / Татарии (России), при Дворе Турракины или Каттуны, под которой подразумевается Екатерина II. В поэме упомянуты или описаны также Петр I (Чингис-хан), Петр III (Оттаи), Г. Г. Орлов (Казлукко), Г. А. Потемкин (Тото), Вольтер (де ла Винь) и др. Русская жизнь представлена К. как апофеоз варварства, жестокости, невежества, рабства, замаскированных под внешним просвещением, позаимствованным у соседей. Царица не только преступница, захватившая престол в результате убийства мужа, но и одержимая страстями женщина: она окружает себя толпами бездарных и тщеславных фаворитов, творящих в стране произвол и борющихся за власть, она стремится любыми путями достичь славы и преклонения со стороны соседей и сама себя обманывает, возмечтав преобразовать страну, создав мудрое законодательство. Политика царицы безнадежна не только из-за недостатка у нее способностей к правлению, но и потому что варварский народ невозможно преобразовать в краткое время. К. признавал величие гения Петра I и благие намерения в некоторых реформах Екатерины II, но считал бессмысленной и вредной их деятельность, крайне отрицательно оценивая русский национальный характер. Несмотря на пристрастность оценок и упрощение изображаемых фактов и характеров, поэма К. отличается изяществом и остротой слога, содержит много метких наблюдений и суждений, что обеспечило ей успех, во многом, однако, скандальный.

К. считался остроумцем и острословом, мастером шуточного и фривольного повествования, воспринимался, несмотря на должность придворного поэта, как сторонник просветительских идей. Хотя его антирусские произведения в России не переводились и не издавались, они были довольно известны и вызвали интерес в XVIII и нач. XIX в. (А. С. Пушкин в обращенном к князю Н. Б. Юсупову послании «К вельможе» (1830) упоминает К. среди «Энциклопедии скептического причета» как одного из знакомцев пожилого адресата; легкой поэзии К. подражал К. Н. Батюшков).

Лит.: *Гливенко И.* Россия времен Екатерины II в «Il poema tartaro» G. Casti // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. Киев, 1898. Кн. 12.

Н. А. Гуськов

КЛОПШТОК (Klopstock), Фридрих Готлиб (2.07.1724, Кведлинбург — 14.03.1803, Гамбург), выдающийся немецкий поэт, реформатор стиха. Воздействие выразительного эмоционального стиля К. на поэтов и драматургов «бури и натиска» в Германии, а также на лит. сентиментализма и романтизма в России выразилось в патетической стилистике лирического экстаза и в поисках соответственных стихотворных форм (обновление гекзаметра, «полиметрия»). К. интересовался Россией и стремился распространять там и свои соч. (Библиотека АН в Петербурге располагала ими с 1780-х). Большинство русских пер. К. относится к нач. XIX в. До этого самый значительный пер. — изданные Н. И. Новиковым 10 песен (из 20) религиозно-лирического эпоса «Мессиада» («Messias», 1748–1787) в пер. А. М. Кутузова (Мессия. М., 1785–1787), посвященного Екатерине II. Кутузов познакомился с поэзией К. в 1760-х в Лейпциге, где учился вместе с А. Н. Радищевым, Ф. В. Ушаковым и др. Прозаический пер. сохранил основные особенности стиля К.; 2-е издание пер. (М., 1820–1821) было, вероятно, закончено Н. М. Карамзиным. Радищев высоко ценил К. и его стихотворное новаторство (см.: «Памятник дактило-хореическому витязю», 1801). Свободное обращение с религиозными канонами и политическое вольнодумство К. (поддержавшего французскую революцию) привели к внесению пер. «Мессиады» в число запрещенных книг, в печатании которых был обвинен Новиков. Поэтический опыт К. отразился в религиозно-философской тематике М. М. Хераскова, Г. Р. Державина («Весенний праздник», проза, рукопись — РНБ, фонд Державина. Т. 4. Л. 103–105 об.) (оригинал: «Весенний праздник» — «Frühlingsfeier», 1768). Др. ранние пер.: ода «Бог в буре», переводчик — Петр Победоносцев, посвящена Хераскову (сб. «Новая наука наслаждаться жизнью». М., 1799); «Аббадона из Мессиады» («Сокращенная библиотека». СПб., 1800. Ч. 1). В юности Карамзин также переводил К. (см.: Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. СПб., 1866. С. 43), писал о нем и о пер. Кутузова в «Письмах русского путешественника» (1791–1794). В авторских примеч. к «Посланию к женщинам» (1795) Карамзина упомянуто об интересе К. к нему. Панегирик К. — в стихотворении Карамзина «Поэзия» (1789). «Жизнь Клопштока» в пер. Карамзина (из книги Л. Мейстера «Характеристика немецких поэтов» — L. Meister,

«Charakteristik deutscher Dichter», 1789) — в «Московском журнале» (1792. Ч. 6. Кн. 1). Некрологи: «Погребение Клопштоково» (Вестник Европы. 1803. Ч. 8. № 7), «Архенгольд о Клопштоке» (Вестник Европы. 1803. Ч. 9. № 11) с примеч. издателя.

Л и т.: *Гуковский Г. А.* Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII в. Л., 1938; *Ботникова А. Б.* Восприятие творчества Клопштока в русской литературе его времени // Типология и взаимосвязи в русской и зарубежной литературе. Красноярск, 1978. Вып. 3; *Freydank D.* 1) Klopstock und der russische Hexameter // F. G. Klopstock: Werk und Wirkung. Berlin, 1978; 2) Zur Wirkung Klopstocks // *Freydank D.* Die poety-radiščevcy und die deutsche Literatur // Literaturbeziehungen im 18. Jh. Berlin, 1986.

Р. Ю. Данилевский

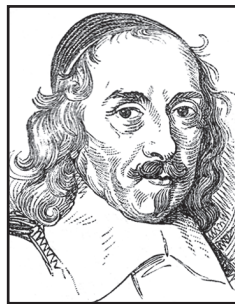
КОНДИЛЬЯК (Condillac), Этьенн Бонно, де (30.09.1715, Гренобль — 3.08.1780, Божанси), французский философ-сенсуалист. Русский читатель XVIII в. мог познакомиться с его трудом «La Logique, ou Les premiers développements de l'art de penser» (1780) в пер. Александра Гронского (СПб., 1792). Известно, что еще в 1770-е М. Н. Муравьев собирался прочесть соч. К., в котором видел одного из людей «верховного достоинства» (Сочинения М. Н. Муравьева. СПб., 1847. Т. 1. С. 309). Н. М. Карамзин вспоминает К. в «Письмах русского путешественника». Произведения К. он любил за ясность и простоту изложения мысли и часто на него ссылался.

Л и т.: *Фоменко И. Ю.* Исторические взгляды М. Н. Муравьева // XVIII век: Сб. 13: Проблемы историзма в русской литературе: конец XVIII — начало XIX в. Л., 1981. С. 167–184.

М. В. Разумовская

КОРНЕЛЬ (Corneille), Пьер (6.06.1606, Руан — 1.10.1684, Париж), французский драматург. В 1775 на русском языке увидели свет три его трагедии — «Сид», «Смерть Помпея» и «Цинна» («Cid», 1673; «La mort de Pompée», 1644; «Cinna, ou la Clemence d'Auguste», 1643) в пер. Я. Б. Княжнина, которые должны были составить первую часть неосуществленного издания «Корнелиевых трагедий». Трагедии эти, изданные отдельно, тиражом 600 экземпляров

каждая, были переведены для Собрания, старающегося о пер. иностранных книг. По поручению Собрания в нач. 1770-х Княжнин сделал также прозаический пер. комедии К. «Лгун» («Le menteur», 1644), но постановка этой комедии состоялась лишь 18 мая 1796 в петербургском Каменном театре. В 1788 в пер. Княжнина была издана «Родогуна» («Rodogune, princesse des Parthes», 1647).

Однако Княжнин был не единственным русским переводчиком К. Еще в 1758 Н. Хрущев отважился перевести его «христианскую трагедию» «Полиевкт-мученик» («Polyeucte martyr», 1643), которая уже в нач. следующего года шла на сцене. Образ христианского мученика, фанатично преданного новой религии, жертвующего жизнью во имя «истинного» бога, был воплощен М. М. Херасковым в облике Позведа, одного из героев его трагедии «Пламена» (1762). Признается в своих заимствованиях из трагедий К. и А. П. Сумароков: «Я и сам из сочинений г. Вольтера, г. Расина и г. Корнеля не таясь заимствовал». В «Мнении во сновидении о французских трагедиях», написанном в форме послания к Вольтеру, Сумароков дает разбор шести величайших французских трагедий XVII в., среди которых «Цинна» и «Родогуна» К., а в «Московском журнале» за 1791 (ч. III) помещена рецензия на трагедию в стихах «Сид, подражание французскому “Сиду”, сочиненному П. Корнелем».

Л и т.: Эпоха Просвещения: Из истории международных связей русской литературы. Л.: Наука, 1967. С. 131, 330; История русской драматургии XVII — первой половины XIX в. Л.: Наука, 1982. С. 91, 244.

В. Д. Алташина

КОЦЕБУ (Kotzebue), Август (3.05.1761, Веймар — 23.03.1819, Мангейм), немецкий драматург, беллетрист, журналист, один из зачинателей тривиальной, или «массовой», лит. С 1780-х с небольшими перерывами — на российской службе (последний чин — статский советник). Екатерина II относилась к К. с недоверием, считая его либералом; в 1800 К. был сослан в Тобольск, откуда освобожден Павлом I. Беспринципный в политике, К. в кон. жизни — воинственный консерватор; был убит К. Зандом, членом немецкого молодежного патриотического союза как агент Александра I. Европейскую известность принесла К. пьеса «Ненависть в людям и раскаяние» («Menschenhaß und Reue», премьера

в Ревеле, 1788). Первым драматургическим опытом К. была трагедия «Димитрий Иванович» («Demetrius Iwannowitsch», 1782), написанная в подражание «Димитрию Самозванцу» А. П. Сумарокова и открывшая собой список немецких пьес о Лжедмитрии. К. был автором более 200 пьес, множества повестей, памфлетов, мемуарных соч., перевел на немецкий язык стихотворения Г. Р. Державина (1793). Умея создать занимательную интригу и характерные типажи, заимствуя в упрощенном виде проблематику Г. Э. Лессинга, И. В. Гёте, Ф. Шиллера, К. обрел широкую аудиторию в эпохи сентиментализма, а затем и романтизма.

Первый русский пер. из К. — повесть «Нешастия, претерпенные Ортенбергскою фамилиею» («Die Leiden der Ortenbergischen Familie», 1783) в «С.-Петербургской вивлиофике журналов» (1783. Июнь), которую тогда редактировал сам автор. Его творчество было сочувственно воспринято Н. М. Карамзиным, сказавшим в 1792 о К.: «Он имеет жени <гений>, дух и силу» (Письма Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1966. С. 26). В «Московском журнале» — несколько пер. из К., отзывы о нем (1791. Ч. 2, 4; 1792. Ч. 6, 7), а также в «Приятном и полезном», «Музе», «Вестнике Европы» Карамзина и др. журналах. К 1800 переведены на русский 33 пьесы К., в т. ч. «Ненависть к людям...» (СПб., 1792; М., 1796, несколько переизданий, премьеры — в Москве 23 апреля 1791, в Петербурге 16 сентября 1797), «Дева солнца» (М., 1794) («Die Sonnenjungfrau», 1791), «Сын любви» (М., 1795) («Das Kind der Liebe», 1791), «Старый лейб-кучер Петра Третьего» (СПб., 1800, пер. Н. С. Краснопольского) («Der alte Leibkutscher Peters des Dritten», 1799) и т. д. Соч. К. переводили Карамзин, А. А. Петров, М. С. Кайсаров, А. И. Тургенев, А. Ф. Малиновский и др. В 1801–1806 был издан в Москве «Театр Коцебу» в 16 ч. Пьесы К. оказали воздействие на русскую мелодраму и соответствующую манеру актерской игры.

Л и т.: История русского драматического театра. М., 1977. Т. 1; *Giesemann G. Kotzebue in Rußland*. Frankfurt a. M., 1971; *Keller F. A. Von Kotzebues Deržavin-Ausgabe // Zeitschrift für slavische Philologie*. 1983. Bd. 43. H. 1; *Keller M. «Agent des Zaren»: A. von Kotzebue // Russen und Russland aus deutscher Sicht: 19. Jh. Von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung (1800–1871) / Hrsg. von M. Keller*. München, 1992 (West-östliche Spiegelungen / Unter der Leitung von L. Kopelew. Reihe A. Bd. 3).

Р. Ю. Данилевский

КРЕБИЙОН-сын (Crébillon-fils), Клод-Проспер (14.02.1707, Париж — 12.04.1777, Париж), французский романист, сын драматурга Проспера Жюлио де Кребийона. Творчество К.-сына примечательно постоянным жанровым поиском. Среди его романов — романы-мемуары («Заблуждения сердца и ума», 1736), романы-дневники («Счастливые сироты», 1754), романы-диалоги («Случай у камина», 1751), «Ночь и момент» (1755), эротическая сказка в духе волшебных сказок «Танзай и Неадарн» (1734), восточная сказка «Софа» (1742), эпистолярные романы «Письма маркизы де М*** графу де Р***» (1732), «Письма герцогини» (1768). Романы К. посвящены исследованию человеческой природы, его особенно интересует вопрос о соотношении разума, сердца и инстинкта. Приходя к выводу о ведущей роли инстинкта в природе человека, он обращает внимание на сложность проявления инстинктивного нач. в социальной жизни человека, которая в свою очередь определяет его поведение и душевное состояние. Метод исследования психологии в романах К. — романтический анализ, что роднит его романы с философской прозой эпохи. Восприятие творчества К. у современников было сложным: одни видели в нем автора фривольных романов, развращающих нравы, др. — автора тонких психологических романов-исследований.

Восприятие творчества К. в России XVIII в. связано с традицией критического отношения к его творчеству во Франции, о чем свидетельствует, например, отзыв И. Г. Рейхеля в «Собрании лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия» (1762): «Нынешние французские романы разделяются на три класса, и всякий имеет особый вкус <...> К третьему классу подал пример Кребийонов сын. Сии романы невероятны, чрезвычайны, против благопристойности и нравочения, хотя и увлекают они большую часть читателей и находят своих любителей. Штиль в них принужденной и шуточной. А лучшее и смешное состоит часто в чрезвычайном и необыкновенном. Романы сего третьего класса не служат ни хорошему вкусу, ни исправлению нравов, а менее всего способны к наставлению ума». Таким образом, как и французских критиков, российских читателей К. отталкивает причудливое и безнравственное. На русский язык романы К. в XVIII в. не переводились; появлялись лишь романы, ошибочно ему в России приписываемые.

С о ч.: Oeuvres complètes. Londres (Paris), 1777. Т. 1–14.

Лит.: *Funke H. H. Crébillon fils als Moralist und Gesellschaftskritiker.* Heidelberg, 1972.

И. В. Лукьянец

ЛАРОШФУКО (La Rochefoucauld), Франсуа, де (15.12.1613, Париж — 17.03.1680, Париж), французский писатель-моралист. Первым известным русским пер. его «Réflexions, ou Sentences et Maximes morales» (1665) стали «Рассуждения господина де ла Рошиефоко», переведенные А. Малиновским («Московское ежемесячное издание <...> служащее продолжением “Утреннего света”»). 1781. Ч.

1. Апрель. С. 241–264). Указание на то, что пер. сделан с итальянского языка, вряд ли соответствует действительности. Скорее всего, афоризмы Л. привлекли Малиновского отточенностью стиля и краткостью, что могло показаться удобным для пер. Однако ему не удалось передать стилистический уровень подлинника: в его пер. встречаются искажающие смысл ошибки; многие мысли остались ему непонятными ввиду малого знакомства с той средой, о которой в них шла речь. Все же труд Малиновского не только ценное напоминание о творчестве французского моралиста, но и попытка использовать его опыт для обогащения русской речевой культуры. Вслед за этим пер. появился «Дух изящнейших мнений, избранных большею частью из Сочинений г. Рошефокольда и прочих лучших писателей» (М., 1788). Переводчик (скорее всего, Н. И. Страхов) выбирал моралистические сентенции из соч. французских авторов XVII–XVIII вв., отдавая предпочтение «Максимумам» Л. В 1798 вышли «Нравоучительные мысли Герцога де-ла Рошефоко» в пер. юной Е. Татищевой. Всего ею было переведено 250 максим, причем заканчивалась книга пер. большой по объему максимы о презрении к смерти. Из наследия Л. юная переводчица выбирала максимы самого общего характера, почти полностью исключая все афоризмы, посвященные любви. В предисловии она отметила: «Г. Рошефоко снискал себе вечную славу своим сочинением».

Л и т.: *Разумовская М. В.* Ларошфуко, автор «Максим». Л., 1971; *Шредер Х.* Ларошфуко в России // XVIII век: Сб. 10. Русская литература XVIII века и ее международные связи. Л., 1975. С. 184–189.

М. В. Разумовская

ЛАФАТЕР (Lavater), Иоганн Каспар (15.11.1741, Цюрих — 2.01.1801, там же), немецко-швейцарский писатель-моралист, проповедник, поэт. Самое известное соч. Л. — «Физиогномические фрагменты для поощрения познания человека и любви к нему» («*Physiognomische Fragmente zur Beförderung der Menschenkenntnis und Menschenliebe*», 1775–1778. В 4 тт.; сокращенное издание 1783–1786; русское сокращенное издание «Новейший полный и любопытный способ как узнавать каждого человека свойства...» СПб., 1817).

Несмотря на неопределенность научных оснований, это собрание гравированных портретов с психологическими их характеристиками значительно повлияло на изображение человеческой личности в европейских лит. последней трети XVIII и всего XIX в., включая русскую лит. Мастер моралистической проповеди и эпистолярного жанра, Л. оказал личное воздействие на широкий круг современников.

Связи Л. с Россией изучены не полностью; возможно, он приезжал в Петербург в кон. 1773 — нач. 1774. В сентябре 1782 его посетил в Цюрихе цесаревич Павел, путешествовавший по Европе, в сопровождении Г. М. Клингера и Л. Г. Николаи. В 1780–1790-х Л. состоял в переписке с женой Павла Марией Федоровной и ее секретарем Николаи, посылая им продолжение «Фрагментов». Известно также письмо Павла I к Л. 1799, тем не менее соч. Л. в павловское время в России были запрещены. Не являясь масоном, Л. пользовался авторитетом среди русского масонства (например, в семье И. П. Тургенева). Духовные стихотворения Л., вероятно, не переводились; идеи Л. пропагандировал петербургский немецкий педагог Август Вицман (Witzmann), в пансионе которого обучались А. Н. Радищев и А. М. Кутузов, а затем сыновья Радищева. В «С.-Петербургских ежемесячных сочинениях» Вицмана были опубл. нравоучительные обращения Л. «К господам» и «К рабам» (1778. № 21–23); др. издание: «Учения, правила и нравоучительные изречения на немецком и русском языках» (СПб., 1798), «Нравоучительные наставления слугам» (СПб., 1799) (пер. из «Христианского руководства» — «*Christliches Handbüchlein*», 3-е изд. 1775, и из «Христианского руководства для детей» — «*Christliches Handbüchlein für Kinder*», 2-е изд. 1789). На Л. сослался А. А. Прокопович-Антонский в «Слове о воспитании» (М., 1799). Соч. Л. «Тайный дневник наблюдателя самого себя»

(«Geheimer Tagebuch von einem Beobachter seiner selbst», 1772) предположительно повлияло на «Дневник одной недели» Радищева. «Фрагменты» упоминаются в «Путешествии из Петербурга в Москву» (глава «Новгород», 1790) Радищева и в его трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии» (1796). В 1786–1790 с Л. переписывался Н. М. Карамзин, рассказавший также в «Письмах русского путешественника» (1791–1794) о своих встречах с Л. в Цюрихе. Под влиянием Л. у Карамзина возник замысел периодического издания — «Московского журнала». В этом издании и в «Вестнике Европы» в годы редакторства Карамзина имя Л. встречалось нередко (переводный некролог — «Вестник Европы». 1802. Ч. 2. № 6). Биографии Л. — по книге швейцарца Л. Мейстера «Характеристика немецких поэтов» (Meister L. «Charakteristik deutscher Dichter», 1789) — в «Северном вестнике» (1805. Ч. 7), «Вестнике Европы» (1808. Ч. 38. № 5). Педагоги, ученики Л. (И. фон Муральт и др.) работали в Петербурге.

Л и т.: Император Павел и Лафатер // Русский архив. 1900. Кн. 1. № 4; Лотман Ю. М. Черты реальной политики в позиции Карамзина 1790-х гг. // Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII — начало XIX в. (XVIII в., сб. 13). Л., 1981; Данилевский Р. Ю. Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII–XIX вв. Л., 1984; Переписка Карамзина с Лафатером // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984; Johann Caspar Lavaters Briefe an die Kaiserin Maria Feodorowna... über den Zustand der Seele nach dem Tode. Spb., 1858; Dickenmann E. Ein Brief Johann Turgenevs an Caspar Lavater // Festschrift für D. Cizevs'kyj zum 60. Geburtstag. Berlin, 1954; Heier E. Das Lavaterbild im geistigen Leben Rußlands des 18. Jhs // Kirche im Osten. 1977. Bd. 20.

Р. Ю. Данилевский

ЛАФОНТЕН (La Fontaine), Жан, де (8.07.1621, Шато-Тьерри, Шампань — 13.04.1695, Париж), французский писатель, поэт, автор знаменитых басен. Басни Л., печатавшиеся в журналах и сб., не были изданы отдельной книгой в России XVIII в., хотя к их пер. обращались такие поэты, как М. В. Ломоносов и А. П. Сумароков, занимавшие противоположные позиции и в своей поэтической практике, и в своих теоретических высказываниях. Принципы поэтики басни Сумароков, считавший Л. своим образцом, изложил в «Эпистоле о стихотворстве» (1747):

Склад басен должен быть шутлив, но благороден,
И низкий в оном дух к простым словам пригоден.
Как то де Лафонтен разумно показал
И басенным стихом пресловен в свете стал,
Наполнив с головы до ног все притчи шуткой...

Полемизируя с Сумароковым, указывавшим на Л. как на образцового баснописца, Ломоносов поместил в «Риторике» (1747) три своих пер. басен Л., в которых он доказывал, что басни последнего тоже можно превратить в нравоучительный жанр. В своих пер. Ломоносов сохранил только сюжет, совершенно не уделив внимания «смешному дурачеству», «игре», в которых Сумароков видел самую суть басни. Характерно для всех трех ломоносовских пер. басен то, что они сделаны равностопным стихом, прямая речь переведена в косвенную, сокращено количество реплик. В своем пер. басни «Мельник, его сын и осел» Ломоносов отбросил обрамление основного сюжета, укоротив басню Л.: в его пер. 18 стихов, в оригинале же только сюжетная часть занимает 54 строки. Ломоносов не только уменьшил количество эпизодов, он стремился исключить прямое авторское вмешательство в повествование. Пер. басен «Волк в пастушьем платье» и «Утонувшая женщина» ближе к оригиналу, но сильно отличается стилистически обилием бытовых подробностей, у Л. отсутствующих.

Позднее Сумароков напечатал свой пер. басни Л. «Волк в пастушьем платье» и ряд подражаний ему («Любовью ослепленный лев», «Члены и желудок», «Ворона и лисица»).

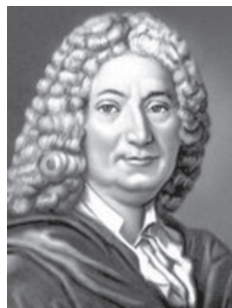
В 1769 появилась «Любовь Психеи и Купидона» в пер. Ф. И. Дмитриева-Мамонова («Les amours de Psyché et de Cupidon», 1669). Этот роман, написанный прозой и стихами, был использован в качестве сюжетной канвы для поэмы И. Ф. Богдановича «Душенька» (1783), а некоторые приключения из сказки Л. «На скупую женщину — галантный мошенник» («A femme avare galant escroc», 1665–1674) вошли в комедию О. П. Козодавлева «Нашла коса на камень» (СПб., 1781), о чем сообщалось на обороте титульного листа.

Кроме этого, была издана написанная Л. совместно с Шарлем Шевийе де Шанмеле (Champmeslé) комедия «Волшебной кубок» (1788).

Л и т.: *Серман И. З.* Русский классицизм. Поэзия. Драма. Сатира. Л.: Наука, 1973. С. 189–197.

В. Д. Алташина

ЛЕСАЖ (Lesage), Ален Рене (8.05.1668, Сарзо — 17.11.1747, Булонь-сюр-Мер), французский писатель, романист и драматург. В 1763 на русском языке появился пер. романа Л. «Le diable boiteux» (1707) — «Повесть о хромоногом бесе, сочиненная на французском языке господином Лесажем». Пер. был выполнен студентами Академии наук Д. Легким и Д. Мокеевым и переиздавался три раза: два — в 1774–1775 и один — в 1791. Из этого романа в «Адскую почту» Ф. А. Эмина пришли, правда, не прямым путем, два главных героя: хромоногий бес и кривой бес. Оба они являлись персонажами памфлетов французского писателя Эсташа Ленобля (Lenoble, 1643–1711), которые и послужили источником для Эмина. Ленобль же вдохновился романом Л.: «Хромой бес» вышел в нач. лета 1707, а уже в сентябре появились одна за др. несколько сатирических брошюр Ленобля, повторявших, в главном, композицию романа Л. (позднее Л. приписывали повесть Ленобля «Зулима»), русский пер. — СПб., 1768).

На долю самого удачного и популярного из романов Л. — «История Жиль Бласа из Сантьяны» («Histoire de Gil Blas de Santillane», 1715–1735) — в России выпал исключительный успех; его русский пер., сделанный переводчиком Академии наук В. Тепловым, выходил семь раз, начиная с 1754, и вызвал появление целой серии романов русских писателей от М. Д. Чулкова («Пригожая повариха»), М. Комарова («Несчастный Никанор») и В. Т. Нарезного («Похождения российского Жильбласа») до Г. Симоновского («Русский Жильблас»). По мотивам «Жиль Бласа» была написана комедия Н. Н. Сандунова «Капитан Хинхилла».

В 1757 А. Волков перевел пьесу Л. «Crispin rival de son maître» (1707). Комедия была издана в Москве в 1779 под названием «Криспин — соперник своему господину». Впрочем, сведений, подтверждающих, что этот пер. вышел из-под пера Волкова, не обнаружено. Комедия Л. «Криспин — слуга, драгун и нотариус» в анонимном пер. пользовалась большим успехом у зрителей с 1787. «Драмматический словарь» сообщал, что она «часто была представляема на театрах в Санктпетербурге и в Москве, завсегда не выходящая изо вкуса забавным и замысловатым слогом» (с. 20). Кроме этого, в 1763 в пер. А. А. Нартова был издан «Le Bachelier de Salamanque» (1736–1738); переиздан в 1784, а в 1765–1766 в пер. Я. И. Булгакова появилась «Histoire d'Estevanille Gonzalez, surnommé le garçon de bonne humeur» (1734–1741).

Л и т.: *Алексеев М. П.* Русская культура и романский мир. Л.: Наука, 1985. С. 63–72; *Рак В. Д.* «Адская почта» и ее французский источник // XVIII век. Сб. 15. Л.: Наука, 1986. С. 171–174.

В. Д. Алташина

ЛЕССИНГ (Lessing), Готхольд Эфраим

(22.01.1729, Каменц — 15.02.1781, Брауншвейг), великий немецкий просветитель, теоретик искусства, драматург, поэт. В качестве создателя литературной и театральной критики, эстетики немецкого Просвещения Л. стал известен в России преимущественно к нач. XIX в.; для русских читателей XVIII в. он — главным образом автор пьес и басен. Первый русский пер. из Л. — комедия «Молодой ученый» («Der junge Gelehrte», 1746), переводчик —

А. А. Нартов (СПб., 1765, тираж 600 экз., дата премьеры неизвестна). С 1769 переводились басни Л. (прозаические притчи в духе басен Эзопа) в журнале «Полезное с приятным» (10-й и 11-й полумесяцы), затем в «С.-Петербургском вестнике» (1778. Ч. 2; 1779. Ч. 2, 3; 1780. Ч. 6), в «Детском чтении» (1785. Ч. 2–4), «Чтении для вкуса, разума и чувствований» (1791. Ч. 3), «Прохладных часах» (1793. Ч. 2) и т. д. Из подражаний — например, анонимная прозаическая басня «Соловей и ворона» (Московский журнал. 1791. Ч. 3. Кн. 2). Пер. двух анакреонтических песен Л. — в журнале «Новости» (1799. Кн. 4).

В 1779 в Москве был издан пер. комедий Л. «Клад» («Der Schatz», 1750) (2-е изд. анонимного пер. 1788) и «Минна фон Барнхельм» («Minna von Barnhelm, oder das Soldatenglück», 1767) — под заглавием «Солдатское счастье» (пер. И. С. Захарова, премьера в первой половине 1780-х, затем, вероятно, цензурный запрет). Все пер. делались со «склонением» на русские нравы (отклики — в «С.-Петербургском вестнике». 1779. Ч. 3, 4). В. А. Левшин перевел в сер. 1780-х мещанскую трагедию Л. «Мисс Сара Сампсон» («Miß Sara Sampson», 1755); текст пер. утрачен; пьеса успешно ставилась в Москве с Н. Ф. Калиграфовой в главной роли (см.: Драматический словарь. М., 1787. С. 80–81). В 1784 в Петербурге опублик. пер. трагедии Л. «Эмилия Галотти» («Emilia Galotti», 1772); переводчик — Г. Апухтин или В. А. Петин. Тогда же трагедию перевел Н. М. Карамзин (премьера 22 ноября 1786), издав ее (М., 1788) с полемическим предисловием, в котором излагались новые принципы пер. Авторецензия — в «Московском журнале» (1791. Ч. 1. Кн. 1; Ч. 4. Кн. 2). Против Л. и всякой «немчизны» на сцене выступили журналы «Зритель» (1792. Ч. 3) и «С.-Петербургский Меркурий» (1793. Ч. 1). Напротив, Карамзин не раз подчеркивал значение Л. как драматурга и критика — в «Московском журнале», в «Письмах русского путешественника».

Осенью 1766, по пути из Парижа в Петербург, с Л. познакомился и беседовал в Берлине главный актер российского придворного театра И. А. Дмитриевский, о чем сохранилась запись Л. Влияние новой театральной эстетики, выработанной Л. и требовавшей от драматурга приближения к правде жизни, а от актера естественности и психологической убедительности, сказалось в развитии русского сценического искусства кон. XVIII и нач. XIX в.

Первые сведения о Л. в русской печати отрывочны. Например, в «Опыте трудов Вольного российского собрания» (1774. Ч. 2) упоминался издававшийся при активном участии Л. журнал «Письма о новейшей литературе» («Briefe die neueste Literatur betreffend», 1759–1765); о фрагменте неоконченной драмы Л. «Фауст» («Faust») говорилось в переводном предисловии к «Библиотеке немецких романов» (М., 1780); эстетический трактат Л. «Лаокоон, или о границах живописи и поэзии» («Laokoon, oder über die Grenzen der Malerei und Dichtung», 1766) и др. соч. Л. были с уважением перечислены в книге «Иерусалемово творение о немецком языке и учености» (СПб., 1783; пер. труда немецкого пастора и литератора И. Ф. В. Иерусалема «О немецком языке и литературе», написанного в ответ на уничижительный отзыв Фридриха II о немецкой национальной культуре) и т. д. Замечания о театрально-критическом журнале Л. «Гамбургская драматургия» («Hamburgische Dramaturgie», 1767–1769) и о трагедии «Эмилия Галотти» оставил М. Н. Муравьев. Через месяц после смерти немецкого писателя в «Московских ведомостях» (1781. № 21. 13 марта) появилось, в виде некролога, описание траурного чествования памяти Л. на сцене Берлинского театра.

Л и т.: *Сиповский В. В.* Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899; *Фридлиндер Г. Г. Э.* Лессинг. М., 1957; *Кряжмиская И. А.* Театрально-критические статьи Н. М. Карамзина в «Московском журнале» // XVIII век. М; Л, 1958. Вып. 3; *Данилевский Р. Ю.* Лессинг в русской литературе XVIII в. // Эпоха Просвещения: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967; *Филатова В. И.* Мещанские трагедии Г. Э. Лессинга в России XVIII в.: «Эмилия Галотти» // Немцы в России: Три века научного сотрудничества СПб., 1993; *Данилевский Р. Ю.* 1) И. А. Дмитриевский и Г. Э. Лессинг // XVIII век. Сб. 24. СПб., 2004; 2) Г. Э. Лессинг и Россия: Из истории русско-европейской культурной общности. СПб., 2006; *Turajew S.* Lessing und die Literatur der europäischen Aufklärung // Beiträge zur Lessing-Konferenz. Halle, 1979; *Kafanova O. B.* N. M. Karamzin // Wegbereiter der deutsch-slawischen Wechselseitigkeit. Berlin, 1983; *Lauer R.* Skizze der Lessing-Rezeption in Rußland // Nation und Gelehrtenrepublik: Lessing im europäischen Zusammenhang: Sonderband zum Lessing-Yearbook. München, 1984.

Р. Ю. Данилевский

МАБЛИ (Mably), Габриель Бонно, де (14.03.1709, Гренобль — 23.04.1785, Париж), французский философ-просветитель, в основе взглядов которого были теории «общественного договора» и «естественного права», а также убеждение, что частная собственность является источником всех несчастий человека. Чтение трудов М. своеобразно истолковывалось русскими просветителями и способствовало формированию их собственных воззрений.

В 1771 в Лейпциге группа русских студентов (А. Н. Радищев, Я. Рубановский, А. М. Кутузов) с увлечением слушали лекции профессора Шмидта, излагавшего идеи французских просветителей, особенно М.; особый интерес вызывал у них труд М. «Общественное право в Европе» («Le Droit publique de l'Europe», 1748). Вскоре после возвращения в Петербург Радищев перевел труд М. «Observations sur les Grecs» (1749), обративший на себя его внимание еще в годы учения в Лейпциге. Точно передав содержание книги М., Радищев прибавил к ее тексту семь примечаний, что позволяет понять не только причины его обращения к пер. этого соч., но и его собственные общественно-политические взгляды; в частности, Радищев отрицал идею М. о народном представительстве, отдавая явное предпочтение народоправству; суд народа над государем он воспринимал как своеобразный государственный институт, проявление народного суверенитета (Радищев А. Н. Полн. собр. соч.: В 3 т. М.; Л., 1938–1952. Т. 2. С. 282). В 1773 в пер. П. П. Курбатова вышли «Разговоры Фокиона об отношении морали к политике» («Entretiens de Phocion sur le rapport de la morale avec la politique», 1763). Знакомство русских людей с трактатом М. «О способе писать историю» («De la manière d'écrire l'histoire», 1783) произошло благодаря А. Р. Воронцову, через которого эта книга была передана Н. К. Хотинскому, русскому поверенному в делах в Париже, для отсылки ее в Петербург. Н. М. Муравьев, хорошо знавший сложные идеологические течения внутри французского Просвещения, сознательно выбирал традицию, которая оказала наибольшее влияние на его занятия историей. Он писал: «Славные историки, современники наши <...> Гюм, Робертсон, Гиббон, Монтескью, Мабли и сходствующий с ним одинаковостью вкусов, друг его и Жан-Жаков, Кондильяк, люди верховного достоинства, обратили философию на изучение человека в обществе» (Сочинения М. Н. Муравьева: В 2 т.

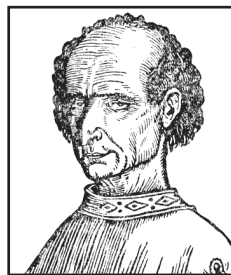
СПб., 1847. Т. 1. С. 309). В ст. Муравьева «Пользы и затруднения государственного знания» отчетливо проявилось влияние М., который равно опасался и неограниченного деспотизма, и прямого народовластия. Н. М. Карамзин признавался, что зачитывался книгами М.: «В Булонском лесу читал я Маблиеву Историю Французского Правления» (Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 321). В Московской Академической книжной лавке в 1758 продавался труд М. «Des principes des négociations, pour servir d'introduction au "Droit public de l'Europe fonde sur les traites"» (1757) («О принципах переговоров, чтобы служить введением к "Общественному праву в Европе, основанному на договорах"»).

Лит.: Лотман Ю. М. Радищев и Мабли // XVIII век: Сб. 3. М.; Л., 1956. С. 276–308; XVIII век: Сб. 12: А. Н. Радищев и литература его времени. Л., 1977.

М. В. Разумовская

МАКИАВЕЛЛИ, МАХИАВЕЛЬ, МАКИ-

АВЕЛЬ (Machiavelli), Никколо (3.05.1469, Флоренция — 22.06.1527, там же), итальянский политический деятель, писатель, историк. В 1498–1512, во время изгнания Медичи из Флоренции, М. был секретарем Совета десяти Флорентийской республики, затем был удален в свое поместье. Среди многочисленных соч. М., популярных в Европе XVI–XVIII вв., наиболее известны «История Флоренции» («Istorie florentine», 1521–1527; изд. 1532) и особенно трактат «Князь» (в др. пер. — «Государь»; «Il principe», 1513; изд. 1532), в котором сформулированы основные принципы политической теории М.: идеальный правитель — ловкий и целеустремленный политик, который во имя блага государства имеет право на любой, не допускаемый традиционной моралью поступок. Прямолинейная разработка этой теории последователями М. привела к тому, что термин «макиавеллизм» довольно быстро стал синонимом беспринципной политики, стремящейся к самоутверждению правителя. Наряду с этим многие видели в «Князе» не декларацию политического волюнтаризма, а его скрытое обличение, считая этот трактат вольнодумным и тираноборческим. Соч. М. оказали заметное влияние на творчество барона Ш. де Монтескье, П. Бейля и др. видных мыслителей XVII–XVIII вв.

Русская публика впервые основательно познакомилась с трудами М. в XVIII в., но воспринимала их чаще все же через посредничество др. источников и потому не слишком отличала идеи знаменитого политика от вульгарного макиавеллизма: М. В. Ломоносов употреблял имя М. как ругательное уподобление, упрощенную трактовку макиавеллизма с отрицательной оценкой такой политической доктрины излагал Я. П. Козельский. Уже в панегириках Иосифа Туробойского, описывающих изображения на триумфальных воротах в Москве, поставленных в 1704, упоминается «Махиавель» как аллегорическая фигура коварного властолюбца. Соч. М. на европейских языках или книги, в которых можно было найти сведения о М. («Парнасские ведомости» Т. Боккалини, «Всеобщий исторический словарь» И.-Ф. Будде и др.), имелись в библиотеках многих государственных и церковных деятелей петровской эпохи (князя Д. М. Голицына, П. П. Шафирова, Я. В. Брюса, Феофана Прокоповича, Феодосия Яновского, Феофилакта Лопатинского, Гавриила Бужинского и др.). В 1783 аббат Р. Танцини прислал в подарок Российской Академии наук подготовленное им собр. соч. М. Какие-то соч. М. были изъяты при описи библиотеки Н. И. Новикова. Первое справочное издание на русском языке, содержащее информацию о М., — «Словарь исторический» В. Окорокова (14 т., 1790–1798), являющийся пер. словарей Л. Шодона и Ж.-Б. Л'Адвока.

В первой половине XVIII в. появлялись первые рукописные пер. «Князя» М. Возможно, что с идеями этой книги был знаком и Петр I, во всяком случае она очень интересовала окружение первого российского императора в период резкого преобразования страны и появления ярких личностей, добивающихся самоутверждения на политическом поприще. Несмотря на притягательность идей М., они оценивались в высказываниях различных деятелей XVIII в. обычно отрицательно. Труды М. не были официально запрещены, но их хранение и обсуждение часто ставилось в вину во время политических судебных процессов. Возможно, это было связано с тем, что особенно велик был интерес к трактату «Князь» у противников деспотической формы правления (например, у А. П. Волынского и его окружения, как показало следствие по делу о заговоре 1739).

Во второй половине XVIII в. внешне интерес к М. ослабевает, но на самом деле спор о макиавеллизме перемещается в область литерату-

ры («Макиавель» (1802) Г. Р. Державина и иные его стихи, ратующие за прямодушие, в т. ч. и в политике; трагедии писателей сумароковской школы, направленные против беспринципных тиранов: «Дмитрий Самозванец» и «Мстислав» А. П. Сумарокова, «Борислав» М. М. Хераскова и др.). Внешне антимакиавеллистскую позицию старались декларировать и «просвещенные» монархи XVIII в.: Фридрих II написал трактат «Анти-Макиавелли» (русский пер. Я. Хорошкевича — 1779); Екатерина II в «Наказе», опираясь на высказывания Монтескье и Беккарии, объективно опровергала теорию М. В 1758 Г. Дандоло перевел на русский язык трактат Дж. Ботеро, критикующий идеи «Князя».

Л и т.: Юсим М. А. Макиавелли в России: Мораль и политика на протяжении пяти столетий. М., 1998.

Н. А. Гуськов

МАЛЕРЬ (Malherbes), Франсуа, де (ок. 1555, Кон — 16.10.1628, Париж), французский поэт, теоретик классицизма. С 1605, после написания «Молитвы о Генрихе Великом, отправляющиеся в Лимузен» — первый официальный поэт Франции. Основной жанр поэтического творчества — ода, в которой прославляется политический идеал единого отечества. Эстетические взгляды М. изложены не в теоретических трудах, а в стихотворных произведениях (например, в сонете «К г-ну Флурансу о его книге “Искусство украшать”», 1608). Решая вопрос о соотношении искусства и действительности, М. требует от художника пересоздания реальности в духе гармонии, завершенности.

В первом русском манифесте классицизма — книге В. К. Третьяковского «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» — М. назван среди наиславнейших авторов, кому надлежит подражать. О значении М. говорит и Сумароков. Напоминая этапы развития мировой литературы, он выделяет век Софокла и Еврипида, век Вергилия и Овидия, век Тассо и М. («Две эпистолы», 1748). Сумароков, говоря об отсталости силлабического стихосложения, призывает ориентироваться на Ломоносова: «Он наших стран Мальгерб, он Пиндару подобен». Основанием для сближения в сознании современников имен М. и Ломоносова была их историческая роль в истории поэзии. Как М. почти полностью побеждает в поэтическом искусстве господствовавший до

него ронсардизм, так и Ломоносов оттесняет в прошлое силлабическое стихосложение. Ломоносова приравнивали к М. также исходя из общности поэтических тем. Одна из них — титаны и их падение. С титанами М. сравнивает феодалов, вспоминая войну принцев в «Сонете королю Людовику XIII» («Sonnet au roi Louis XIII»); низвержение гигантов, Антея, исполина, дракона входит после Ломоносова и в обиход русской одической поэзии (например, в его оде на день восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны (1753)). С одической восточной темой, связанной у М. с внешней политикой Франции, переключается в поэзии Ломоносова сравнение турецкого султана с драконом ужасным («На рождение вел. кн. Павла Петровича»). Можно отметить также сходство поэтических приемов: например, столь характерный для Ломоносова прием, как «парение» восходит к М. и т. д. Родственный М. тематический комплекс у Ломоносова связан с идеей прославления государственности, военной славы нации.

С о ч.: Oeuvres poétiques. Т. 1–2. Paris, 1968.

Л и т.: *Серман И. З.* Русский классицизм. Л., 1973; *Brunot.* La doctrine de Malherbes. D'après son commentaire sur Desportes. Paris, 1969.

И. В. Лукьянец

МАРИВО (Marivaux), Пьер Карле де Шамблен (4.02.1688, Париж — 12.02.1763, Париж), французский романист, драматург, журналист. К нач. 1760-х для русской публики М. уже был известным драматургом. Об этом свидетельствуют «Записки» С. А. Порошина, где имя М. названо не раз: упоминаются его комедии «Игра любви и случая» («Le Jeu de l'amour et du hasard»,

1730), «Ложная предосторожность» («Les Fausses confidences», 1737), «Наследство» («Le Legs», 1736), которые ставила французская труппа. Комедию М. «Двойное непостоянство» («La Double inconstance», 1723) Порошин читал по-французски на занятиях со своим воспитанником цесаревичем Павлом. В. И. Лукин перевел комедию «La Seconde surprise de l'amour» (1727) под названием «Вторично вкравшаяся любовь»; этот пер. был напечатан в 1773, но сделан ранее: «Сию комедию перевел я назад тому несколько лет в угодность одного из моих друзей, — сообщил Лукин, — <...> может быть, некогда придет желание какой ни есть труппе оную представить, и для того сократил ее сколь возможно <...> перевод мой вышел уже не словесный, а вольный» (Лукин В. И., Ельчанинов Б. Е. Соч. и переводы.

СПб., 1868. С. 412). Данных о постановках на сцене этой комедии не сохранилось. Пер. самой известной комедии М. «Игра любви и случая» (1769) был анонимным; сделан он был весьма профессионально и использовался «на театре». Пер. комедии «Остров невольников» («L'Île des esclaves», 1725) был издан в 1786; пьеса по причине ее социальной направленности поставлена не была. Цензурная ведомость от 23 апреля 1786 связывает этот пер. с именем Павла Вырубова; что с уверенностью утверждать нельзя; пер. отличается большой точностью. В 1757–1758 А. Волков перевел комедию «Arliquin poli par l'amour» (1720; «Арликин, в любви вразумленной»), и в этом пер. пьеса ставилась на русской сцене. В кон. XVIII в. придворной французской труппой исполнялись комедии «Игра любви и случая», «Наследство», «Испытание» («L'Épreuve», 1740), «Ложные признания» («Les Serments Indiscrets», 1732), «Сюрприз любви» («La Surprise de l'amour», 1722), «Побежденный предрассудок» («Le Préjugé vaincu», 1746), «Школа матерей» («L'École des mères», 1732). Знакомство с творчеством М. способствовало становлению оригинальной русской драматургии и формированию эстетических вкусов авторов и публики. М. вызывал к себе интерес также как романист и журналист. В 1738 М. В. Ломоносов купил в Марбурге роман М. «Удачливый крестьянин» («Le Paysan parvenu», 1734–1735). Начиная с 1760-х, появляются пер. журналистики М. и его художественной прозы. Профессор Московского университета И. Г. Рейхель, поставив задачей издания «Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия» печатать «такие сочинения, которые доньше не были переведены, но притом изрядно написаны», обратился и к журналистике М. В первом же номере (январь, февраль, март 1762) он напечатал пер. части шестого листа журнала М. «Французский зритель» («Le Spectateur français», 1722) в пер. Артемия Воронцова, который опустил рассуждения о критике и о сущности спора «древних и новых», сохранив основную часть — о праве писателя на свой оригинальный стиль. В журнале И. Ф. Румянцева и И. А. Тейлса «Полезное с приятным» (1769. Осьмой полумесяца) был опубликован отрывок из шестнадцатого листа «Французского зрителя» о воспитании детей. И. Г. Рахманинов перевел и напечатал в собр. Марии Базилевич «Новые басни и повести» (М., 1799) сокращенное извлечение из журнала М. «Французский зритель» (№ 21–22, 24–25). Рейхель, говоря о разновидностях романа, писал: «Романы его [т. е. М.] не много содержат приключений; но они соединены со мно-

гими рассуждениями и нравочениями, которые хотя прекрасны, но употреблены чрезмерно много. Они содержат великую остроту ума; но штиль в них иногда принужденный. Такое свойство имеет напр.: “Paysan parvenu” (“Щастливый крестьянин”) и “Жизнь Марианны”» («Собрание лучших сочинений...» 1762. Ч. III. С. 99). «Удачливого крестьянина» Рейхель, видимо, читал в оригинале. Первые три части романа М. «Жизнь Марианны» («La Vie de Marianne», 1731–1741) были напечатаны по-русски в 1762 в пер. А. М. Салтыкова, который сумел передать многостильность романа М., перевести роман, а не «перелгать» его: французские реалии переводчик не заменял на русские, но пояснял их в подстрочных примечаниях. Этот пер. был единственным в XVIII в. С сер. этого столетия соч. М. появляются в русских библиотеках, в т. ч. в собр. книг Екатерины II.

Л и т.: *Михайлов А. Д.* Мариво в русских переводах и на русской сцене // *Мариво. Удачливый крестьянин, или Мемуары г-на* ^{xxx}. М., 1970. С. 343–367; *Разумовская М. В.* Становление нового романа во Франции и запрет на роман 1730-х годов. Л., 1981.

М. В. Разумовская

МАРМОНТЕЛЬ (Marmontel), Жан-Франсуа (11.07.1723, Бор — 31.12.1799, Аблевиль), французский просветитель, автор философских романов, нравоучительных повестей, трагедий, статей для «Энциклопедии» Дидро и Даламбера, член Французской Академии. Обращение к его соч. русских переводчиков было вызвано их актуальностью. Так, его роман «Велизарий» («Bélisaire», 1766) был осужден во Франции за проповедь веротерпимости. М. через И. И. Бецкого переслал «Велизария» Екатерине II, которая в письме к автору романа сообщала, что ее приближенные «были так восхищены чтением этой книги, что согласились употреблять свои часы досуга на перевод Велисария по-русски». Этот коллективный пер. был осуществлен во время путешествия Екатерины II со свитой по Волге в 1767 и в следующем году издан: «Велизер, сочинение господина Мармонтеля, члена Французской академии, переведен на Волге» (переиздания — СПб., 1773; Вена, 1777; М., 1785). Екатерина II писала М. 7 мая 1768: «Велисарий утвердил меня во мнении, что нет прямой славы, кроме той, которая исходит от начал, Велисарием приятно и основательно изъясненных». Императрица самолично перевела девятую главу, где речь идет о силе закона, имеющего неограниченную власть, о нераздельной связи государя и народа; по словам Д. А. Голицына, она хотела ознакомить с романом, который воспринимался как «урок государю», всех своих подданных. Через год вышел др. пер. этого же романа, выполненный П. П. Курба-

товым: «Велисарий, сочинение г. Мармонтеля, академика французского» (СПб., 1769; переиздания — 1786, 1791 и 1796). «Велисария» не только читали и перечитывали в России, у него были и подражатели: М. Прокудин в предисловии к своему роману «Валерия, или Действие души великой и благородной» признавал, что подражал М. Др. роман М. «Les Incas, ou la Description de l'empire du Pérou» (1777) был также переведен на русский язык: «Инки, или разрушение Перуанской Империи соч. г. Мармонтеля пер. с фр. Марья Сушкова» (М., 1778, второе издание — 1782). Этот роман пользовался широкой популярностью у русского читателя и был одним из источников поздней трагедии Г. Р. Державина «Атабалибо, или Разрушение Перуанской империи». А. И. Бухарский опубликовал в 1793 героиду «Кора к Алонзу» на сюжет «Инков» М. Излюбленным чтением русских людей были «Нравственные повести» М. («Contes moraux», 1761, в 3 т.; «Nouveaux contes moraux», 1763, в 3 т.), их русские пер.: «Нравоучительные сказки г. Мармонтеля пер. с фр. Павел фон Визин» (М., 1764, переиздания — М., 1787, 1788); «Лаурус и Лидия» (Свободные часы. 1763. № 6; Еженедельник. 1792. № 3); «Счастливое семейство, нравоучительная сказка г. Мармонтеля» (М., 1769; др. издание — «Щастливое семейство, нравоучительная история, соч. на фр. яз. г. Мармонтеlem, с польского Андрей Крассовский», М., 1791); «Счастливый развод, нравоучительная сказка г. Мармонтеля» (СПб., 1769; др. издание — «Щастливый развод, или примиренное соединение супругов; нравоучительная сказка г. Мармонтеля», СПб., 1773); «Испытанное дружество, соч. г. Мармонтеля пер. с фр. М. К.» (СПб., 1771); «Способ, изведанный опытом, превратить ветреную и упрямую жену в постоянную и послушную, или Добрый муж. Соч. г. Мармонтеля пер. с фр. яз. Ал. Пр.» (СПб., 1773, переиздания — СПб., 1775, 1777); «Удивления достойная деревенская красотка, прекрасная Лауретта, из соч. г. Мармонтеля» (СПб., 1774; др. издание — «Сельская добродетель, нравоучительная сказка из соч. г. Мармонтеля пер. с фр. Павел Бабушкин», М., 1788); «Алцест, излечившийся от своенравия, нравоучительная сказка г. Мармонтеля» (СПб., 1777); «Счастливый солдат, или Приключение г. де Верваля, именуемого Беллероз, соч. г. Мармонтеля» (СПб., 1778); «Вечера пер. из Мармонтеля» Н. М. Карамзиным (Московский журнал. 1791. Ч. 1. № 3; Ч. 2. № 5; Ч. 3. № 9; Ч. 4. № 11; 1792. Ч. 5. № 2); «Заблуждение добродушного отца из соч. Мармонтеля пер. с фр. А. П.» (М., 1792; то же — в «Чтении для вкуса, развлечения и чувства», 1792. Ч. 6); «Ларчик, нравоучительная сказка из Мармонтеля» (Московский журнал. 1792. Ч. 8. № 12); «Еленин треножник, нравоучительная сказка, из соч. Мармонтеля» (Чтение для вкуса, развлечения и чувства. 1792. Ч. 7; др. название —

«Мои переводы: Еленин треножник: нравоучительная сказка Мармонтеля» в пер. А. Витовтова, СПб., 1797); «Новые Мармонтелевы повести» в пер. Н. М. Карамзина (М., 1794–1798); «Новые Мармонтелевы повести в дополнение к изданным Н. Карамзиным» (СПб., 1800). Н. М. Карамзин писал о М.: «Талант, слог, вкус и критика его давно награждены всеобщим уважением <...> Я видел Автора прекрасных сказок, который в самом, кажется, легком, в самом обыкновенном роде сочинений, умеет быть единственным, неподражаемым: Мармонтеля» (Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 255). Карамзин видит в лице М. «ту тонкость, то нежное выражение чувств, которое заставляет любить его “Нравственные сказки”» («Письмо в “Зритель” о русской литературе». 1797. Там же. С. 454). В. А. Лёвшин перевел лирическую комедию Мармонтеля «Сильван» (М., 1788). Комическая опера Шарля Симона Фавара «Аннетта и Любен» на сюжет самой популярной из повестей М. шла в России в 1791–1800. Н. А. Львов использовал сюжет из М. для своей комической оперы «Сильф, или Мечта молодой женщины». Н. И. Новиков многократно переводил и публиковал соч. М., давая им в высшей степени похвальные характеристики за их направленность против предрассудков и невежества, за раскрепощение человеческой мысли и сочувствие научному прогрессу. Взгляды А. Н. Радищева имели аналогии и параллели с произведениями М. Радищеву был известен трактат М. «Рассуждения в защиту крестьян Севера» («Discours en faveur des paysans du Nord», 1769), который не был переведен, ибо не понравился Екатерине II. В «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищев использовал роман М. «Велизарий» как одно из средств литературной полемики против самодержавия: скрытые, переиначенные цитаты из М. служили целям сатирическим, пародийно-полемическим, что порождало определенные политические ассоциации (в частности, уподобление Екатериной II себя Тиверию, клявшемуся в верности заветам Велизария, а потом забывшему свои клятвы). М. писал о России в «Истории регентства герцога Орлеанского» («Histoire de la régence de Philippe d’Orléans», 1788), где в главе VIII упомянуто о путешествии Петра I в Париж.

Лит.: *Шарыткин Д. М.* Радищев и Мармонтель // XVIII век: Сб. 12: А. Н. Радищев и литература его времени. Л., 1976. С. 166–182; *Кафанова О. Б.* Н. М. Карамзин — переводчик Мармонтеля // Проблемы метода и жанра. Вып. 6. Томск, 1979. С. 157–176; *Кужушкина Е. Д.* Комическая опера Н. А. Львова «Сильф, или Мечта молодой женщины» (К вопросу о методе Львова-драматурга) // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Вып. 4. Л., 1981. С. 48–53.

М. В. Разумовская

МЕРСЬЕ (Mercier), Луи-Себастьян (6.06.1740, Париж — 25.04.1814, Париж), французский поэт, прозаик, драматург, публицист, историк, переводчик. В России его творчество стало известным с кон. 1770-х. Из М.-прозаика были переведены: «*Songes philosophiques*» (1768), пер. князя И. И. Долгорукова (М., 1780); фрагменты сб. «Нравоучительные сказки» («*Les Contes moraux*», 1769) — «Таков ныне свет», пер. Я. Нарцискина (СПб., 1784); «Симпатия» (СПб., М., 1787); «Скупой, исправленный любовью» (Городская и деревенская библиотека. 1782. Ч. 1); «Философ, живущий у хлебного рынка» (1786, 1787, 1792); «О любви», пер. Н. П. Осипова (Чтение для вкуса, развлечения и чувства. 1792. VII); «Абезайд», пер. К. П. Свинойной (Приятное и полезное препровождение времени. 1795. V); «Птица истины» в пер. К. П. Свинойной (Приятное и полезное препровождение времени. 1795. VIII); «Изотим» (Приятное и полезное препровождение времени. 1796. X). Но М. привлекал внимание русского читателя и как автор книг, отличавшихся «большой возбужденностью в вопросах социального переустройства». Так, «Мой спальный колпак» («*Mon bonnet de nuit*», 1784–1786, 4 тт.) впервые был частично переведен (в общей сложности 12 глав) и напечатан в Ярославском журнале «Уединенный пошехонец» (1786. Февраль), возможно, переводчиком был издатель журнала В. Д. Санковский; П. П. Бырдин перевел главу сатирического характера «Баснь», где речь идет о двух типах художника — подражающих природе и желающих всякому похвалиться; И. Г. Рахманинов перевел ряд глав для своего журнала «Утренние часы» (1788–1789), а затем издал отдельной книгой главы философско-нравоучительного характера («Спальный колпак», 1788, второе издание — 1789). В пер. А. А. Нартова была издана первая часть «*Tableau de Paris*» (1782–1789, 12 тт.), знаменитого памятника урбанистической лит. «Картина Парижа» (СПб., 1786). Утопический роман М. «Год две тысячи четырехста сороковой» («*L'An deux mille quatre cent quarante*», 1771) был упомянут в издании «Утра» (1782. Л. 4. С. 160) в анонимной ст. «Нечто о переводах», где шла речь о пользе чтения иностранных книг, а «упражняющимся в переводах» был дан совет прочесть некоторые «остроумные романы», в их числе назван и роман М. В сер. 1780-х этот роман выписал Г. С. Винский, который, прочтя его, «полюбил сего смелого сочинителя». Историк И. Н. Болтин использовал некоторые фрагменты

романа как источник достоверных сведений о современной Франции в полемике с Н.-Г. Леклерком («Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка», СПб., 1788. Т. 1. С. 236–237). В журналах «От всего помаленьку» (1786. № 2) и «Утренние часы» (1788. Ч. 2. Неделя 26. С. 193–199; Ч. 3. Неделя 28. С. 17–31) было напечатано несколько фрагментов из романа-утопии М. «Версаль», «Надгробная речь одному крестьянину» и «Лунное затмение».

Особое внимание в России было уделено драматургии М., который предпочитал «третьесловную» драму как жанр «полезный и живописный». Из 30 пьес М. на русский язык было переведено 11, напечатано 10, представлено на сцене семь. «Jenneval, ou Le Barnevelt français» (1769) — «Женневаль, или Французский Барневель» (1778): переводчик И. В. «прелагал» французский текст с большими ошибками; второй пер. «Женневаля» (М., 1783) был более удачным, хотя его автором был 10-летний А. М. Пушкин; по его признанию, труд его был «исправлен от более знающих российский язык». «Le Faux ami» (1772) — «Ложный друг» (1779): анонимный «прелагатель» сам считал свой пер. «подражанием» и по незнанию даже перепутал имя М. (у него — Мерси); драма была написана против «великосветских негодяев, которые вносят разлад и уныние в самые согласные семьи». «Olinde et Sophronie» (1771) — «Оленд и Софрония» в пер. княгини Е. А. Меншиковой (1780): сюжет о ревности к христианской вере переводчица передала более возвышенным, чем у М., стилем. Эти драмы не были поставлены на сцене. «Le Déserteur» (1770) — «Беглец», пер. М. В. Сушковой (М., 1784); драма была издана у Н. И. Новикова, а «сочинение» переводчицы оценивалось как «интересное материю и штилем». Эта пьеса, «изобилующая примерами добродетели», вызывавшая слезы умиления и восторга у зрителя, была представлена на русской сцене 30 марта 1782. «L'Indigent» (1772) — «Неимуший» был переведен Д. Кошелевым и представлен в Москве в 1784 «с похвалою», поскольку целью пьесы было «усовершенствование человечества»; в печати пер. неизвестен, сохранился лишь театральный список. «La Brouette du vinaigre» (1775) — «Укусник», пер. К. Н. Г. (М., 1785). Пер. пьесы в целом был точен; пьеса ставилась на Петровском театре. «Zoé» (1782) — «Зоа» (1786): в Москве с 1786 драма шла, «принятая от публики с чрезвычайным удовольствием»; пер. был сделан А. Ф. Малиновским безупречно. «Le Juge» (1774) — «Судья» (М., 1788): пьеса была представлена на сцене и переведена дважды, до нас дошел пер. А. Ф. Лабзина, который в предисловии назвал М. «лучшим из французских писателей». «Les Tombeaux de Véronne» (1782) — «Ро-

мео и Юлия» (М., 1795): пер. пьесы, «весьма пристойный», хоть и не без погрешностей, был сделан либо В. П. Померанцевым, либо Малиновским (впервые в «Собрании некоторых театральных сочинений, с успехом представленных на Московском публичном театре»). На сцену пер. попал в 1795, когда было выпущено титульное издание драмы; в том и др. пер. название подчеркивало связь пьесы с Шекспиром. «Natalie» (1775) — «Наталия», пер. Сергея Каргопольского (М., 1794): пер. был выполнен в основном без искажений и изъятий. «L’Habitant de la Guadeloupe» (1782) — как сообщали «Московские ведомости» в сентябре 1785, комедия «Гваделупский житель» «почти уже переведена и скоро отдается на здешний Петровский театр», однако пер. появился только в 1800 (его автор — Н. П. Брусилов).

Л и т.: *Кочеткова Н. Д.* О первых русских переводах книги Л. С. Мерсье «Мой спальный колпак» // XVIII век: Сб. 11: Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. Л., 1976. С. 247–249; *Заборов П. Р.* 1) Утопический роман Мерсье // *Мерсье Л.-С.* Год две тысячи четыреста сороковой. Л., 1977. С. 189–208; 2) Театр Л.-С. Мерсье в России // *Русская культура XVIII века и западноевропейские литературы.* Л., 1980. С. 63–82.

М. В. Разумовская

МЕТАСТАЗИО, МЕТАСТАЗИЙ (Metastasio),

Пьетро-Антонио-Доменико, аббат (настоящая фамилия Трапасси; 3.01.1698, Рим — 12.04.1782, Вена), итальянский поэт и драматург, большую часть жизни провел в Вене, где состоял придворным поэтом, особенно прославился как автор оперных либретто. Русская образованная публика познакомилась с соч. М. очень рано, их издания были уже в библиотеке князя А. Д. Кантемира; первые постановки опер М. состоялись во время гастролей итальянских актеров при Дворе Анны Иоанновны. Произведения М. пользовались огромной популярностью в России XVIII в., постоянно находились в театральном репертуаре, исполнялись на итальянском, французском и русском языках, издавались в оригинале и в пер. на русский, немецкий и французский языки. Наиболее известными в России XVIII в. были следующие соч. М.: «серьезные» оперы — 1) «Оставленная Дидона» («*Didone abbandonata*», 1724; музыка Б. Галуппи, постановка и издание в Петербурге — 1766); 2) «Александр в Индии» («*Alessandro nell’Indie*», 1729; музыка Ф. Арайи, пер. А. В. Олсуфьева, постановка и издание в Петербурге — 1755); 3) «Притворный

Нин, или Узнанная Семирамида» («Il finto Nino», 1729; русский пер. П. Медведева — 1737; постановка и издание в Петербурге — 1760); 4) «Димитрий» («Demetrio», 1731; русский пер.: СПб., 1779); 5) «Титово милосердие» («La lemenza di Tito», 1734; музыка Гассе, постановка в Москве — 1742); 6) «Ахилл на Скиросе» («L'Achille in Sciro», 1736; музыка Кальдара; в репертуаре итальянской труппы, гастролировавшей в Петербурге в 1735–1739; под названием «Ахилл во Сцире», музыка Дж. Паизиелло, постановка и издание в Петербурге — 1778); 7) «Олимпиада» («L'Olimpiade», 1738; музыка В. Манфредини, постановка в России на итальянском языке — 1762; музыка Т. Траэтты, постановка на французском языке — 1769; издание: М., 1762; СПб., 1769); 8) «Антигон» («Antigono», 1745; музыка Т. Траэтты, постановка и издание в Петербурге — 1770); 9) «Нитета» («Nitteti», 1756; музыка Дж. Паизиелло; издание: СПб., 1777; СПб., 1780); 10) «Алкид на распутье» («Alcide al bivio», 1760; музыка Дж. Паизиелло, постановка и издание — 1780); 11) «Китайки» («Le Cinesi»; музыка К. В. Глюка, постановка труппы Локателли — 1761); комические оперы — «Остров необитаемый» («L'Isola diabitata», 1753; музыка Т. Траэтты, постановка итальянской труппы на придворном театре — 1769; вольный пер. В. И. Лукина — СПб., 1769; М., 1788); приписываемая М. «Подрячик оперы в острова Канарийские» (музыка Сарро, постановка в Петербурге — 1733); пастораль «Галатя» («La Galatea»; музыка Ф. Цопписа; репертуар труппы Локателли); оратория «Страсти Иисуса Христа» («La passione di Geesu Christo», 1746; издана с параллельным русским пер. — 1782, с приложением русского и немецкого подстрочного пер. — 1783). Довольно популярны были также лирические тексты М., особенно кантата «Скромная любовь» («Amor timido»), песенки «Отъезд» и «Свобода». Русские композиторы писали музыку на либретто М.: Березовский поставил в 1773 в Италии оперу «Демофонт» («Demofonte», 1733).

М. — единственный итальянский поэт и один из немногих современных иностранных писателей, который считался в России XVIII в. непрекаемым авторитетом, его имя постоянно ставится рядом с Вольтером и с образцовыми поэтами прошлых веков — Расином, Тассо и др. А. П. Сумароков в октябре 1767 в письме Екатерине II назвал М. наряду с Вольтером единственным в современном мире достойным его «совместником». В 1781 Н. А. Львов посетил в Вене М. и охарактеризовал его в дневнике как великого поэта. Журнал «Санкт-Петербургский вестник» печатал благосклонные рецензии

на постановки и издания опер М. Имя М. с благоговением упоминалось в соч. М. Н. Муравьева и с уважением называлось А. Н. Радищевым. Н. М. Карамзин в письме И. И. Дмитриеву от 16 ноября 1797 выразил восторженное отношение к лирике М. Однако при общей высокой оценке восприятие отдельных текстов М. менялось. Для В. К. Тредиаковского, А. П. Сумарокова и его учеников М. был образцовым поэтом прежде всего благодаря его «серьезным» операм, воспринимавшимся как своего рода музыкальная трагедия. У сентименталистов кон. века, напротив, ценилась преимущественно любовная лирика М. С этим, видимо, связана зафиксированная в мемуарах С. П. Жихарева ироничная реакция И. И. Дмитриева на сообщение о том, что Г. Р. Державин пишет оперу «вроде Метастазия»: «Разве вроде безобразия». Лишь некоторые лирические оперы, особенно «Оставленная Дидона», получили неизменное признание со стороны представителей разных эстетических направлений. Первые критические замечания о М. появились в кон. XVIII в. в окружении П. А. Плавильщикова и И. А. Крылова и связаны с неприятием литераторами этой группы самого жанра оперы и с их общей полемикой против львовского кружка, Я. Б. Княжнина и московских сентименталистов, бывших поклонниками М. (см. например, приписываемое Плавильщикову «Рассуждение о зрелищах» // Утра. 1782. Август).

Произведения М. переводили многие видные поэты XVIII в.: И. Ф. Богданович («Стихи. Подражание италиянским», 1773), И. А. Крылов («Мой отъезд», 1793; с элементами «склонения» на русские нравы), П. И. Голенищев-Кутузов («Разлука», три вольных пер. песенки «Отъезд»); Г. Р. Державин с подстрочников Н. А. Львова («Скромность», 1795; «Тит»; «Фемистокл»; был также приготовлен подстрочник для предполагаемого пер. оперы «Аттилий Регул»), А. А. Ржевский, М. Н. Муравьев (неоконченные наброски). Были распространены также подражания М. и переработки его соч. («Ниса» (1792) Ю. А. Нелединского-Мелецкого; «Титово милосердие» (1777) Я. Б. Княжнина и др.).

«Серьезные» оперы М., наряду с операми Кино, послужили образцом для первых русских опер XVIII в. (отчасти для либретто А. П. Сумарокова и особенно либреттистов екатерининской эпохи) и существенно повлияли на русскую трагедию. Мотивы и приемы пьес М. воспроизведены в «Деидами» (1750) Тредиаковского (ср. «Ахилл на Скиросе» М.), «Дидоне» (1769) Княжнина и др. В русском теат-

ре возникла восходящая отчасти и к творчеству М. линия любовной («лирической») трагедии, противостоящей сугубо политической. Влияние оперы на трагедию привело к композиционному новаторству (замена пятиактной структуры на трехактную, введение хоров, нарушение единства места действия и т. д.), например в «Титовом милосердии» Княжнина.

Популярность лирики М. способствовала укреплению в России системы топосов ранней сентиментальной поэзии; В. Н. Топоров полагал, что именно к М. восходит популярное в XVIII в. условное имя лирической героини — Ниса. Цитаты, устойчивые мотивы, почерпнутые из песенок М., встречаются в ряде стихотворений М. И. Попова, М. Н. Муравьева, Н. М. Карамзина, Г. А. Хованского, Н. Ф. Остолопова и др.

Л и т.: *Ливанова Т. Н.* Русская музыкальная культура XVIII в. в ее связях с литературой и искусством. Т. 1–2. М., 1952–1953; *Гардзонио С. 1)* Об авторстве одной песни XVIII в. // XVIII век. Сб. 18. СПб., 1993; 2) *Метастазио в русской поэзии конца XVIII — начала XIX в.: кантата «Amor Timido» // Поэтика. История литературы. Лингвистика: Сб. к 70-летию Вяч. Вс. Иванова. М., 1999; Топоров В. Н.* «Нисин» текст Муравьева — образ Nice у Метастазио: О «метастазиевом» слое в русской поэзии 70–80-х гг. XVIII в. // *Топоров В. Н.* Из истории русской литературы. Т. 2. Русская литература второй половины XVIII в. Кн. 2. М., 2003.

Н. А. Гуськов

МИЛЬТОН, МИЛТОН (Milton), Джон (9.12.1608, Лондон — 8.11.1674, там же), английский поэт, участник английской революции XVII в.; основные его произведения — поэмы на библейской основе «Потерянный рай» («Paradise lost», 1667) и «Возвращенный рай» («Paradise regained», 1671). М. был первым английским писателем, упомянутым в русской печати. В. К. Третьяковский в трактате о стихосложении, перечисляя важнейшие эпические поэмы, писал и о «Милтоновой поэме о потере Рая», а во включенной в трактат «Эпистоле от российских поэзии к Апполину» как заслугу бога искусств отмечал: «Ты вознес в Милтоне толь и сестру британску» (Третьяковский В. Новый и краткий способ к сложению российских стихов... СПб., 1735. С. 1, 40). С поэмой М. познакомился А. Д. Кантемир сперва по итальянскому пер. («Il Paradiso Perduto»

(1735) П. Ролли, с которым он был близок. Влияние М. проявилось в «песне» Кантемира «Противу безбожных» (1731; опубл. 1762). Позднее, овладев английским языком, Кантемир читал М. в оригинале; в его библиотеке были английские издания обеих поэм (см.: Александренко В. Н. К биографии кн. А. Д. Кантемира. Варшава, 1896. С. 35. № 495, 496). Возможно, пример М. способствовал введению Кантемиром в русское стихосложение белого стиха. Знакомился Кантемир и с публицистическими латинскими соч. М. (см.: Александренко В. Н. Указ. соч. С. 18, 42, 85, 738).

Первый русский пер. «Потерянного рая» был создан в 1745 на основании французского пер. Н.-Ф. Дюпре де Сен-Мора «Le paradis perdu» (1729) бароном А. Г. Строгановым (1698–1754), происходившим из рода солепромышленников, и озаглавлен «Погубленный рай». В пер. Строганов широко использовал славянизмы, т. к. поэма, как писал он в предисловии, «имеет основание на священном писании», «которое на славянском языке обретается», и она «для преславной своей материи, также за высокий слог и вымысел автора и привод речей древних стихотворцов (...) весьма похвалы достойная» (цит. по: Пыпин А. Н. Для любителей книжной старины. М., 1888. С. 50). Поэме предпослано «Житие Иоанна Милтона вкратце». Пер. Строганова не был издан, видимо, из-за запрета Синода, нашедшего в нем несоответствия православию, но широко распространялся в списках; по рукописи Строганова была позднее напечатана «Жизнь Г. Милтона» (С.-Петербургский вестник. 1780. Ч. 5. С. 454–463). Сумароков в «Эпистоле о стихотворстве» упомянул М. в числе великих поэтов, обитающих на Геликоне, указав в примеч.: «Мильтон, преславный Аглинский стихотворец, творец эпической поэмы Потерянного Рая» (Сумароков А. Две эпистолы. СПб., 1748. С. 9, 25). Более пространный отзыв о М. появился в продолжении ст. Е. Р. Дашковой «О эпическом стихотворстве» (Невинное упражнение. 1763. Апрель) — вольном сокращенном пер. «Essai sur la poésie épique» Вольтера.

Интерес к М. особенно усилился в России в последней четверти XVIII в. в русле преромантических и сентименталистских идей. Тогда впервые в русской печати появился «Потерянный рай» (СПб., 1777), переведенный прозой с оригинала В. П. Петровым в Англии, куда он был послан в 1772. В посвящении книги П. И. Репнину Петров писал: «Где пристойнее могу я утопить все суеты мира, бременящие меня яко смертного, как не в Мильтоновом аде?» Петров опубл.

лишь «песни» 1–3, т. к. считалось, что в «песни» 4-й М. противоречил Библии. Вскоре был издан полный прозаический пер. «Потерянного рая» (М., 1780; переиздания 1785, 1795), созданный префектом Московской академии Амвросием (А. С. Серебrenниковым, 1745–1792) по французскому пер. Дюпре де Сен-Мора. В «Предуведомлении» говорилось о М.: «...исполнен он красот неподражаемых, которые, сколь ни кажутся быть стихотворческие, однако почерпнуты из слова божия (...) Рассуждения его глубоки, мысли остры, подобия велики, страсти пылки, описания живы». При этом указывалось на содержащиеся «в некоторых местах излишества и погрешности», которые, заверял Амвросий, в его пер. «переменены». Показательно, что пер. Амвросия был издан лишь после публикации сокращенного прозаического пер., более близкого к ортодоксальному христианству «Возвращенного рая» (М., 1778; переиздания 1785, 1787), выполненного стилистически небрежно по французскому пер. П. Марейя «Le paradis reconquis» (1730) Иваном Грешищевым, учителем риторики и пиитики Троицкой духовной семинарии. В нач. XIX в. пер. Амвросия и Грешищева были объединены в переиздание (1803, 1810, 1820). В кон. XVIII в. появилось иллюстрированное издание прозаического пер. «Потерянного рая» (М., 1795. Т. 1, 2); переводчик Ф. А. Загорский объявил на титульном листе, что поэма «переведена с английского подлинника», однако он во многом использовал пер. Амвросия.

Привлекли русских литераторов и «поэмы-близнецы», отразившие эмоциональную противоречивость мировосприятия М., «L'allegro» («Жизнерадостный») и «Il penseroso» («Задумчивый», 1632), причем преимущественное внимание уделялось последней. П. П. Бекетов (1761–1836), тогда еще гвардейский офицер, перевел прозой с французского пер. «Иль Пенсеро, или Мысли Милтоновы» (С.-Петербургский вестник. 1780. Ч. 6); позднее печатались сокращенные прозаические пер. той же поэмы (Цветы, собранные из сочинений разных писателей. Ярославль, 1785; Иппокрена. 1800. Ч. 7). Лишь П. Ю. Львов перевел прозой обе поэмы под заглавием «Меланхолия» и «Веселие» (Новости. 1799. Кн. 2). П. А. Плавильщиков, доказывая необходимость пер. для освоения мировой лит., особо отмечал: «...многие из нас (...) не разумея аглинского, удивляются пылкому воображению Мильтона» («Нечто о переводах» // Утра. Июль. Л. 4. С. 58).

В это время М. неоднократно упоминался в различных ст., оригинальных и переводных, а также в стихотворениях русских поэтов; М. Н. Муравьев назвал его «чувствительным» («Зрение», 1780-е) и подчеркивал идиллическую сторону его поэзии, сравнивая встречу земледельца с супругой с Адамом и Евой у М. («Роща», 1777); Н. П. Николев в «Лиро-дидактическом послании» Е. Р. Дашковой (1791) отмечал «лирный тон» М.; эмоциональную сложность его поэм характеризовал Н. М. Карамзин («Поэзия», 1787). Впоследствии он писал: «Самым же лучшим цветком Британской Поэзии считается Мильтоново описание Адама и Евы» (Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 368). Радищев назвал М. среди поэтов, «которые читаны будут, доколь не истребится род человеческий» (Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 353). Влияние поэзии М. обнаруживается в анонимной масонской поэме «Истинный свет» (М., 1780), изданной Н. И. Новиковым, и поэме М. М. Хераскова «Вселенная, мир духовный» (1790). Примечательно, что бесталанный поэт И. А. Владыкин, создавая религиозную поэму, не имеющую отношения к М., назвал ее, чтобы придать значимость, «Потерянный и приобретенный рай» (СПб., 1776). Биография М. содержалась в «Словаре историческом» (М., 1792. Ч. 9).

Л и т.: Лимонов Ю. А. «Потерянный рай» Джона Мильтона в русской рукописной традиции как памятник культурных связей Англии и России в XVIII веке // Вспомогательные исторические дисциплины. 1983. Т. XIV; Левин Ю. Д. Английская поэзия и литература русского сентиментализма // Восприятие английской литературы в России. Л., 1990; Ермоленко Г. Н. Наследие Д. Мильтона и эволюция жанра поэмы в творчестве М. М. Хераскова // Русская филология. Уч. зап. Смоленского гос. пед. ин-та (Каф. истории и теории лит-ры). 1996; История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. 2. Драматургия. Поэзия. СПб., 1996; Кочеткова Н. Д. Радищев и Милтон // А. Н. Радищев: русское и европейское Просвещение. СПб., 2003; Топоров В. Н. Из истории русской литературы. Т. 2: Русская литература второй пол. XVIII в. М. Н. Муравьев: введение в творческое наследие. М., 2003. Кн. 2; Manning C. A. A Russian translation of «Paradise lost» // Slavonic and East European review. 1934. V. 13; Boss V. Milton and the Rise of Russian Satanism. Toronto, Buffalo, London, 1991.

Ю. Д. Левин

МОЛЬЕР (Molière), Жан-Батист Поклен (15.01.1622, Париж — 17.02.1673, Париж), французский драматург, создатель национальной комедии. Русскому зрителю уже в нач. XVIII в. были известны переделки комедий М.: «Le Médecin malgré lui» (1666) — «Доктор принужденный» или «О докторе битом»; «Amphitryon» (1668) — «Порода Геркулесова, в ней же первая персона Юпитер»; «Les Précieuses ridicules» (1659) — «Драгие смянные»; «Georges Dandin, ou le Mari confondu» (1668) — «Бедный Юрка». В этих переделках был сохранен лишь сюжет, который воплощался в незатейливых грубых шутках и интермедиях, понятных неискушенному зрителю; язык переделок отличался неуклюжестью и множественностью чуждых русскому языку оборотов. Это были комедии, близкие к народному фарсу, что объясняется их связью с глубокими традициями смеховой зрелищной культуры; театр же воспринимался как средство развлечения и забавы. Сумароков с похвалой упоминал М. в своих «эпистолах» и подражал ему в своих ранних драматических опытах: так, его комедия «Тресотиниус» восходила к комедии М. «Ученые женщины» («Les Femmes savantes», 1672); однако влияние на него М. ощущается и позднее: «Рогоносец по воображению» построен на мотиве комедии М. «Sganarel, ou le Cocu imaginaire» (1660). М. был переведен в России почти полностью, хотя образованный зритель мог видеть и постановки его комедий на языке оригинала труппой Шарля де Сериньи. Из знаменитых пер. комедий М. на русский язык следует назвать: «Скапиновы обманы» («Les Fourberies de Scapin», 1671) и «Принужденная женитьба» («Le Mariage forcé», 1664) в пер. В. Теплова (эти пьесы игрались в 1752 и 1757, «Принужденная женитьба» была издана дважды — в 1770 и 1777); «Скупой» («L'Avare», 1668), «Школа мужей» («L'Ecole des maris», 1661), «Школа жен» («L'Ecole des Femmes», 1662), «Тартюф» («Le Tartuffe, ou L'Imposteur», 1669) в пер. И. И. Кропотова (напечатаны в Москве без даты, но, по-видимому, в 1759); «Жорж Данден, или в Смятение приведенный муж» в пер. И. П. Чаадаева (период 1757–1761); «Амфитрион» (СПб., 1761), «Лекарь поневоле» («Le Médecin malgré lui», 1666), «Мещанин во дворянстве» («Le Bourgeois-gentilhomme», 1670) в пер. П. С. Свистунова; «Мизантроп, или Нелюдим» («Le Misanthrope», 1666) в пер. И. П. Елагина; «Сицилианец, или Любовь-живописец» («Le Sicilien, ou l'Amour-peintre», 1666), «Больной мнением» («Le Malade imaginaire», 1673) в пер.

А. А. Волкова; в «Реестре Российского театра» упомянуты две комедии М. — «Жеманные щеголихи» и «Докучливые» («Les Fâcheux», 1661) без указания имени переводчика. В 1788 Н. И. Новиков большую часть этих пер. переиздал, присовокупив к ним ряд ранее не печатавшихся. Сравнение пер. с оригиналами показывает, что переводчики 1750-х чрезвычайно точно придерживались текста переводимого произведения; незначительные отклонения вызывались причинами эстетического порядка, в частности, они несколько русифицировали текст, заменяя французские обороты русскими. Их совместные труды были коллективным опытом в создании комедийного языка, которым пользовались авторы оригинальных комедий. Во второй половине XVIII в., когда главной задачей русских драматургов стало создание национальной комедии, а театр из средства развлечения стал превращаться в воспитательное учреждение, театральные-эстетические взгляды кружка И. П. Елагина выразил В. И. Лукин: он отрицал комедии бессодержательные и смешные (в т. ч. и «Принужденную женитьбу» М.) и зрителей, желающих лишь того, «чтобы им посмеяться». Поскольку причиной успеха комедии у зрителей становится национальная основа, П. А. Плавильщиков резюмирует: «Отчего опера “Мельник” (“Мельник — колдун, обманщик и сват” А. О. Аблесимова. — М. Р.) <...> всегда с удовольствием принимается, а “Нелюдим”, славная Мольеровская комедия, иногда полного собрания не имела? Для того, что “Мельник” наш, а “Нелюдим” чужой. Между переводом и сочинением такая же разница, как между естампом и картиною, если не более» (Зритель. 1792. Ч. II. С. 131). В полемике, которая развернулась в сатирических журналах 1760–1770-х по поводу общественно-воспитательной значимости театра и роли сатиры, Н. И. Новиков, споря с журналом Екатерины II «Всякая всячина», ставит в один ряд Сумарокова и М., но считает, что «Лихоимца» Сумарокова «не все скупые смотреть будут», а «Скупого» М. «почти всякий скупой в театр смотреть ездит» (Трутень. 1769. 13 октября. XXV л.). В XVIII в. «высокие» комедии М., лишённые внешнего комизма, не привлекали внимания ни драматургов, ни зрителя, но значение М. было общепризнанным. Недаром Н. Ф. Эмин в комедии «Смешное с полезным, или День рождения стихотворца» признает: «Знаю, друг мой, что надобно быть Менандром или Мольером, чтоб желать править полтора часа вниманием просвещенной публики».

Л и т.: *Патуйе Ж.* Мольер в России. Берлин, 1924; *Берков П. Н.* История русской комедии XVIII в. Л., 1977.

М. В. Разумовская

МОНТЕСКЬЁ (Montesquieu), Шарль Луи де Секонда, барон де (18.01.1689, замок Ла Бред близ Бордо — 10.02.1755, Париж), французский историк, социолог, писатель, один из зачинателей европейского Просвещения. Его творчество было хорошо известно русскому читателю и оказало влияние на формирование просветительских взглядов в России. А. Д. Кантемир, находясь во Франции, был близко знаком с М.; он перевел на русский язык вышедшие незадолго до того «Персидские письма», философский роман-трактат (текст пер. до нас не дошел); можно также полагать, что Кантемиру были известны идеи «Духа законов». Русский читатель мог познакомиться с «Персидскими письмами» («Lettres persanes», 1721) в пер. Ф. Т. Пospelова (СПб., 1789), Е. В. Рознотовского (СПб., 1792). Кроме того, фрагмент «Персидских писем», т. н. сказание о троглодитах, в пер. Е. С. Харламова был напечатан в «Новой сельской библиотеке» (СПб., 1779. Т. I. С. 301–313) в пер. И. Чашникова — в книге «Избранное чтение, или собрание чувствительных и ко внушению добродетели способствующих повестей» (СПб., 1786. С. 88–114); интерес масонов к утопическим учениям стал причиной пер. этого фрагмента в журнале «Утренний свет» (1778. Ноябрь). Отрывки из «Персидских писем» печатались в др. русских журналах, например, «Письмо Узбека к Мирзе в Испогань» (Утра. 1782). Из трактатов М. были известны: «Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence» (1734) — «Размышления о причинах величества римского народа и его упадка» (СПб., 1769) в пер. А. Я. Поленова; «De l'Esprit des lois» (1748) в пер. Василия Крамаренкова (1775; на с. XII–XXIV была напечатана ст. «Разрешение разума законов, сочиненное г. Даламбертом служащее к продолжению похвалы г. Монтескию»). В Университетской типографии у Н. И. Новикова были изданы «Рассуждения на Монтескиеву книгу о разуме законов или уроки всеобщей юриспруденции, преподаваемые в императорском московском университете» Д. И. Шнейдера (М., 1782). Галантная поэма в прозе «Le Temple de Gnide» (1724) вышла в свет в пер. И. Сичкарева (СПб., 1770). Повесть «Arsace et Isménie, histoire orientale» (писалась в пер. Н. И. Стрехова (М., 1787)). В 1769 в пер. О. С. Василовой был издан сб. соч. М., куда вошли «Лисимах», «Разговора Суллы с Евкратом» и «Опыт о вкусе в делах естества и искусства»; последний в пер. князя Ф. Н. Голицына был также опубл. в «Опыте трудов Вольного Россий-

ского собрания при Московском университете» (1783. Ч. VI). Орывки из соч. М. печатались в русских изданиях: «Детское чтение или Отборные небольшие повести удобные увеселить детей и наставить их любить добродетель. Переведены <...> Капитаном Бочарниковым» (СПб., 1779); «Московский журнал» (М., 1791–1792. Ч. 1–8); «Пантеон иностранной словесности» (М., 1798. Кн. 1–3). Для Н. М. Карамзина М. был автором «бессмертной книги о законах». Екатерина II и многие русские политические деятели изучали труды М. и использовали их (в частности, многие идеи «Духа законов» для «Наказа» членам комиссии по составлению нового Уложения Русского государства: географизм, поддержка промышленности и торговли, веротерпимость, просвещение). Внимательное отношение к трудам М. свойственно И. Н. Болтину, который положительно оценивал стремление французского просветителя найти в развитии общества объективные закономерности, и А. Н. Радищеву, который ссылается на М. в «Путешествии из Петербурга в Москву». Сам М. проявлял интерес к России, упоминания о которой содержатся и в «Персидских письмах», и в «Духе законов». М. осуждал неограниченную власть русского государя над жизнью и имуществом подданных, писал о патриотизме русских, о противоречиях деспотического режима в России, о прогрессивности развития русской экономики, о поощрении там третьего сословия, о реформаторской деятельности Петра I. Желая помочь аббату О. Гуаско, М. принимал участие во французском издании произведений А. Д. Кантемира; можно предположить, что он был одним из инициаторов издания 1750 и автором аннотации, помещенной в «Journal de Trévoux» (1750. Апрель), где речь шла о структуре книги и о заслугах Кантемира как дипломата и писателя.

Лит.: *Алексеев М. П.* Монтескье и Кантемир // Вестник ЛГУ. 1955, № 6. С. 55–78; *Гершкович З. И.* Идеиные связи русских и французских просветителей XVIII века (Кантемир и Монтескье) // Вестник истории мировой культуры. 1959. № 4. С. 120–129; *Плавинская Н. Ю.* 1) Переводы сочинений Монтескье в России в XVIII в. // Культура эпохи Просвещения. М., 1993; 2) Как переводили Монтескье в России? // Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004.

М. В. Разумовская

ОКСЕНШЕРНА (Oxienstierna), Юхан Турессон (14.01.1666, Стокгольм — 16.02.1733, там же), шведский писатель, автор афоризмов и морально-философских статей. Писал на французском языке. Начав путешествие по Европе под руководством Н. Бергиуса (впоследствии суперинтенданта и автора соч. о московской церкви, предисловием к которому стали русские стихи И. Г. Спарвенфельда), остался в Гер-

мании и в течение 40 лет вел жизнь авантюриста. Как автор максим остроумен, тонок, циничен, парадоксален, но неоригинален. Приобрел известность в Европе (получил имя «Северный Монтень»), но мало известен в Швеции. В России издавались его «Размышления и нравоучительные правила» (СПб., 1771). Из предисловия к книге следует, что главная задача переводчика состояла в проверке и демонстрации знаний французского языка. В то же время свой выбор переводчик объясняет несомненным талантом шведского автора, «который острым, важным и сладким слогом в сочинениях своих не последнюю между знатными писателями заслужил честь». В 1758 в «Сочинениях и переводах, к пользе и увеселению служащих» появились ст. «О деньгах», «О уединении» и «О философии» с подписью: «переведено из Мнений графа Оксенштерна». В кон. столетия вышел полный пер. «Мнений нравоучительных на разные случаи с правилами и рассуждениями господина графа Оксенштирна» (М., 1792). Здесь приводятся факты биографии О., в частности, говорится о его переходе в католичество (он был мальтийским кавалером, по возвращении в Швецию вновь обратившимся в лютеранство). Вместе с тем в различных научных изданиях авторство «Размышлений» и «Мнений» приписывается разным Оксеншернам. Во французских справочниках и энциклопедиях (например, в «Grand dictionnaire universel du XIX siècle») автором «Pensees de M. Le Comte d'Oxenstirn sur divers sujets...» («Мнений нравоучительных») назван Габриель-Турелон Оксеншерна, в шведских (в «Svenskt biografiskt handlexikon» или в «Svenskt litteraturlexikon») — Юхон Туппелсон (хотя и в шведских изданиях встречаются разночтения: в частности, в них по-разному решается вопрос, является ли «Betraktelser i ensligheten» («Размышления в одиночестве», Stockholm, 1731) единственным соч. О. на шведском языке или пер. «Pensees de M. Le Comte d'Oxenstirn...»). В русских научных изданиях автором «Мнений гр. Оксеншерны» называют канцлера Акселя Оксеншерну, который никогда не был католиком и не мог знать о польском короле Яне Собесском (История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. 1. Проза. СПб., 1995. С. 135).

Лит.: *Larousse P.* Grand dictionnaire universel du XIX siècle. Paris, 1866; *Hofberg H.* Svenskt biografiskt handlexikon. 1906; *Svenskt litteraturlexikon.* Lund, 1964; *Algulin I.* A history of Swedish literature. Uddevalla, 1989.

М. Ю. Люстров

ОССИАН (Ossian), легендарный гэльский (кельтский) воин и бард, живший, по преданиям, в III в. в Ирландии и воспевавший подвиги своего отца вождя Финна (Фингала) и его дружинников-фениев. Приписываемые О. сказания распространялись в устном предании в Ирландии и Шотландии. Шотландский учитель Дж. Макферсон (Macpherson, 1736–1796) на основании собранного им гэльского фольклора, обработанного в предромантическом духе с разной степенью приближения к источникам, написал ритмизованной английской прозой и опубликовал сперва «Отрывки старинных стихотворений, собранные в горной Шотландии» («Fragments of ancient poetry, collected in the Highlands», 1760), а затем два сб., открывавшиеся героическими эпическими поэмами «Фингал» («Fingal», 1762) и «Темора» («Temora», 1763), к которым добавил последовательно 15 и пять малых поэм; все это Макферсон выдавал за пер. подлинных поэм О. Потом он объединил оба сб. в «Сочинения Оссиана, сына Фингала» («The works of Ossian, the son of Fingal», 1765. V. 1, 2), а после новой стилистической обработки выпустил «Поэмы Оссиана» («The poems of Ossian», 1773. V. 1, 2), которые неоднократно были переизданы. Войны и любовь — основные темы поэм. Соединение в них героизма и лиризма, меланхолический колорит, поэтические пейзажи, а также их фольклорный характер, соответствуя предромантическим тенденциям и поэтике, обеспечили им всевропейский успех и вызвали множество пер. и подражаний.

В России книга, содержащая «предание некоторого предревнего героя Фингала», была упомянута в примеч. к «Слову о происхождении и учреждении университетов в Европе на государственных издательствах» (М., 1768) И. А. Третьякова (1735–1776), ранее обучавшегося в Шотландии. Рассуждения об О. и отрывки из его поэм впервые появились по-русски благодаря пер. романа И. В. Гёте «Страсти молодого Вертера» (СПб., 1781. Ч. 2. С. 174–176, 223–225). Европейская слава О. и пер. его поэм способствовали распространению его известности среди русских литераторов-сентименталистов, нередко воспринимавших его в сочетании с Э. Юнгом и Дж. Томсоном. С кон. 1780-х начали появляться первые прозаические пер. малых поэм О. А. И. Дмитриев (1759–1798), брат И. И. Дмитриева, выпустил сб. «Поэмы древних бардов» (СПб., 1788), содержащий 10 пер. из французского сб. «Избранные эрзийские сказки и стихотворения»

(«Choix de contes et de poésies erses», 1772), где на основе вольного переложения малых поэм О. были созданы чувствительные рассказы, в которых действие разворачивалось на фоне поэтического шотландского пейзажа. Вскоре появились отдельные пер.: Н. М. Карамзина «Картон» («Carthon») и «Сельские песни» («The songs of Selma» — Московский журнал. 1791. Ч. 2, 3), В. С. Подшивалова «Дартула» («Darthula» — Чтение для вкуса. 1792. Ч. 5), И. С. Захарова (1754–1816) «Ойна-Моруль» («Oina-morul») и «Дартула» (Зритель. 1782. Ч. 2). Тогда же вышел полный пер. Е. И. Кострова «Оссиан, сын Фингалов, бард третьего века: Гальские стихотворения» (М., 1792. Ч. 1, 2; переиздание: 1818), выполненный с французского пер. П. Летурнера (Leturneur, 1736–1788) «Ossian, fils de Fingal du troisième siècle. Poesies galliques» (Paris, 1777. Т. 1, 2). Летурнер, ревностный пропагандист английской лит. во Франции, стремился приспособить оссиановский стиль Макферсона к господствовавшему литературному вкусу, и эта компромиссность способствовала распространению его пер. Костров, следуя за французским текстом, в то же время старался придать своему пер. эпическую возвышенность за счет архаичных славянизмов. Его пер., посвященный А. В. Суворову, пользовался большим успехом, сделал поэмы О. широко известными в России и явился основной базой русского оссианизма; после его публикации русские прозаические пер. поэм О. почти прекратились.

В русском восприятии поэм О. наметились два направления. Г. Р. Державин впоследствии в «Рассуждении о лирической поэзии» признавал, что они «мрачными картинами и мужеством (...) возбуждают к героизму» (Чтения в беседе любителей русского слова. 1815. Чт. 14. С. 20), и соответствующая образность была воплощена в его одах: «На взятие Измаила» (1790), «Водопад» (1794), «На взятие Варшавы» (1795), «На победы в Италии» (1799) и «На переход Альпийских гор» (1800), где русский полководец сравнивается с вождем из поэм О. Некоторые русские литераторы соотносили с О. самого Державина (см.: Ф. Ф. Тень Оссиана // Муза. 1796. Ч. 2. С. 167; Б-ий (Богословский) А. Лире русского Оссиана // Северный Меркурий. 1810. Ч. 5).

Лиризм поэм О., присущая им меланхолия, «радость скорби» (joy of grief) привлекали к ним Н. М. Карамзина; в программном стихотворении «Поэзия» (1787) он писал: «...песни Оссиана, / Нежнейшую

тоску вливая в томный дух, / Настраи́вают нас к печальным представ-
леньям; / Но скорбь сия мила и сладостна душе. / Велик ты, Оссиан,
велик, неподражаем!» Подобное эмоциональное восприятие О. выра-
жалось в произведениях и др. русских сентименталистов. Возникла
тема воображаемых полетов в дикую Шотландию на поиски О. и
его воинов (см., например: Хва-а (Хвостова) А-а. Камин // Приятное
и полезное. 1795. Ч. 6; Ш-в (Шаликов) К. П. К другу // Иппокрена.
1799. Ч. I). Героический аспект оссианизма при этом нередко отсту-
пал, вытесняемый меланхолической чувствительностью. Сентимен-
талистская направленность присуща и наиболее значительным про-
изведениям русского оссианизма — трагедии В. А. Озерова (1769–
1816) «Фингал» (1805), построенной на сюжет вставного эпизода
из кн. III «Фингала» О.; в ней основное место заняли лирические
излияния героев, а также изображения дикой природы и характеров,
что придавало, по словам А. Ф. Мерзлякова, «пиеесе этой какую-то
меланхолическую занимательность» (Вестник Европы. 1817. Ч. 92.
№ 9. С. 47).

Как и в др. европейских странах, в России создавались стихотвор-
ные переложения поэм О. Нач. положил И. И. Дмитриев, создавший
патетическое и чувствительное стихотворение «Любовь и дружество»
(1788; опубл.: Московский журнал. 1791. Ч. 3) на сюжет одного
из первоначальных «Отрывков» Макферсона о трагической гибели
Оскара и Дермида, друзей-воинов, и их общей возлюбленной, ис-
пользував французский пер. «L'amour et l'amitié» из сб. «Choix de
contes», который переводил его брат, и добавив сентиментальную
концовку. До кон. XVIII в. были опубл. немногие стихотворные
отрывки из поэм О.: «Колма» В. Л. Пушкина (Приятное и полез-
ное. 1795. Ч. 6 — из «Сельмских песен»), «К луне» П. С. Кайсарова
(Аониды. 1797. Кн. 2 — нач. «Дартулы»), «Минвана» М. М. Вышес-
лавцева (там же. 1798–1799. Кн. 3 — приложение к «Берратону»).
Русские стихотворные переложения поэм О., многие из которых
опирались на пер. Кострова, появились в основном в нач. XIX в.
и осмыслились в русле предромантического фольклоризма как
воплощение народной поэзии Севера, близкой русским. Возникло
стремление воспроизводить их в формах русской народной поэзии.
Еще в сер. 1790-х В. В. Капнист стал перелагать поэму «Картон»
различными стихотворными размерами, как он писал впоследствии
в предисловии, «вникая в коренное народное русское стихосложе-

ние» (Капнист В. В. Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 7); но он решился опубл. только заключительный «Гимн к солнцу слепого старца Оссиана» (Аонида. 1796. Кн. I), а позднее включил отрывок в ст. «Краткое изыскание о гипербореанах и о коренном русском стихосложении» (Чтения в Беседе любителей русского слова. 1815. Чт. 18. С. 40–41); полностью «Картон» был опубл. лишь в его «Избранных сочинениях» (Л., 1941. «Библиотека поэта»). Сентименталистским опытом сближения лит. с фольклором была и незавершенная «богатырская сказка» Карамзина «Илья Муромец» (1794), написанная белым 4-стопным хореем с дактилической клаузулой; этот размер, названный «русским складом», был признан народным, получил широкое распространение, и русские поэты, начиная с Н. И. Гнедича, нередко перелагали им поэмы О.

Осмысление поэм О. как северного фольклора вызвало сопоставление с ними «Слова о полку Игореве», найденного в 1790-е А. И. Мусиным-Пушкиным, который в предисловии к публикации писал, что в этом древнем русском соч. «виден дух Оссианов» (Ироическая песнь о походе на половцев удельного кн. Новгорода-Северского Игоря Святославича... М., 1800. С. VI). На рубеже XVIII–XIX вв. русскими писателями широко использовалась оссианическая образность, нередко почерпнутая из пер. Кострова, в исторических повествованиях, например, в поэмах В. Т. Нарезного (1780–1825) «Освобожденная Москва» (Приятное и полезное. 1798. Ч. 19) и А. Ф. Воейкова (1779–1839) «Светослав» (Иппокрена. 1800. Ч. 6), анонимной поэме в прозе «Ольга на гробнице Игоревой» (там же), в повестях Г. П. Каменева (1772–1803) «Громобой» (Муза. 1796. Ч. 2), Н. С. Арцыбашева (1773–1841) «Рогнеда, или Разорение Полоцка» (Северный вестник. 1804. Ч. 2), М. Н. Муравьева «Оскольд» (не завершена, отрывок: Вестник Европы. 1810. Ч. 50) и др.

Л и т.: *Введенский Д. Н.* Этюды о влиянии оссиановской поэзии в русской литературе. Нежин, 1918; *Маслов В. И.* 1) Оссианизм Карамзина. Прилуки, 1928; 2) Оссиан в России: (Библиография). Л., 1928; *Иезуитова Р. В.* Поэзия русского оссианизма // Русская литература. 1965. № 3; *Кафанова О. Б.* О статье Н. М. Карамзина «Оссиан» // Русская литература. 1980. № 3; *Левин Ю. Д.* 1) Оссиан в русской литературе: Конец XVIII — первая треть XIX в. Л., 1980; 2) Поэма Оссиана «Картон» в переложении В. В. Капниста // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1980. Т. 39. № 5; *Dukes P.* Ossian and Russia // Scottish literary news. 1973. V. 3. No. 3.

Ю. Д. Левин

ПАУЗЕ (ПАУС) (Pause), Иоганн Вернер (1670, Зальцунген (Саксония) — 1735, Петербург), немецкий ученый и просветитель, последние годы жизни которого связаны с Петербургом. В 1702 П. был направлен пиетистами в Москву в качестве миссионера, где вскоре был арестован по подозрению в шпионаже, но спасен заступничеством царского лейб-медика Л. Блюментроста. С 1704 преподавал в немецкой школе пастора Э. Глюка (риторика, философия, физика, логика, этика), с 1705 — ее директор. Изучал русский язык и в 1705–1706 подготовил сравнительную русско-немецкую грамматику, приступил к переводам на русский язык. Среди них педагогические труды Я. А. Коменского и «De civitate morum» Эразма Роттердамского («Книжица золотая о гоении нравов»). В мае 1706 постоянные конфликты П. с учителями и учениками привели к его увольнению из школы. С 1707 служил воспитателем в русских семьях, рекомендован бароном Г. фон Гюйссеном в учителя царевичу Алексею (география и история). Одновременно с этим выполнил пер. на русский язык книг, чаще всего по выбору самого Петра I. П. имел, по-видимому, отношение к пер. основополагающего труда Х. Гюйгенса, излагающего в популярной форме учение Коперника («Cosmotheores»; вышел под заглавием «Книга мирозрения» в 1717). Под руководством Я. В. Брюса участвует в подготовке книги «Юности честное зерцало» (1719; первый раздел книги скомпилирован П. из пер. и русских пословиц). В пер. П. вышел труд Л. Блюментроста «Объявление о лечительных водах, сысканных на Олонце» (1719).

По мере овладения русским языком П., как и его предшественник Глюк, много времени отводит опытам в области русской версификации, пытаясь приспособить немецкую тоническую систему стихосложения к русскому языку. Большую часть его стихотворного наследия составляют переведенные на русский язык лютеранские гимны, молитвы, чин лютеранской службы, катехизис, направленные на распространение пиетизма в России. Наряду с этим П. регулярно составляет похвальные стихи по случаю русских побед, бракосочетания царевича Алексея и др. событий придворной жизни. В архивах (БАН, ПФ АРАН) сохранились тетради П. со стихами на немецком, латинском и русском языках, религиозного, похвального, любовного и фривольного содержания.

При воздействии барона Гюйссена П. постепенно втягивается в занятие русской историей. В 1724 он был приглашен президен-

том Л. Блюментростом (домашним воспитателем которого П. был в 1702–1704) в Академию наук в качестве переводчика на немецкий язык русских летописей и документов и зачислен в штат переводчиков. Здесь он сблизился с З. Т. Байером, на которого, по словам самого П., оказал большое влияние, состоявшее в привлечении академика к изучению русской истории, в т. ч. в ознакомлении его с летописями, и в учении о норманском происхождении россов, основателем которого П. называл себя (затем оно было изложено З. Т. Байером, позднее разработано Г. Ф. Миллером). Существенную помощь в изучении русского языка и в начальных занятиях русской историей П. оказал Миллеру, издававшему в редактируемом им «Sammlung russischer Geschichte» немецкие пер. П. т. н. «Несторовой летописи», «Новоторгового устава» 1667 и ряда др. документов эпохи царствования Алексея Михайловича.

Однако главной сферой интересов П. оставалась филология. В годы службы в Академии он подготовил к печати свою «Славяно-русскую грамматику» (над которой трудился в продолжение двух десятков лет), а также русско-немецкий словарь, продолжал заниматься собиранием и систематизацией русских пословиц и поговорок, рукописное собрание которых (подготовленное им к печати) не утратило своего значения и по сей день. Однако эти работы, как и ряд других филологических трудов и пер. П., изданы не были. Объяснению неудач при многочисленных попытках их издания, перечислению обид на академических коллег (главным образом на И. Д. Шумахера), повинных, по словам П., в этих неудачах, обвинению в плагиате В. Е. Адодурова и Миллера, а также изложению собственных заслуг перед русской наукой и взглядов на русский язык и лит. посвящены «Observationes, inventiones et experimenta circa literaturam et historiam rassicam...» («Наблюдения, мысли и опыты касательно русской литературы и истории...»), поданные на немецком языке президенту Блюментросту в 1732. Из «Наблюдений» (как и из частной переписки П.) встает образ крайне неуживчивого и даже склочного, раздираемого разного рода противоречиями, но преданного науке ученого.

Л и т.: *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 2; *Перетц В. Н.* Историко-литературные исследования и материалы. СПб., 1902. Т. 3; *Винтер Э. И. В.* Паус о своей деятельности // XVIII век. М.; Л., 1959. Сб. 4; *Моисеева Г. Н.* Неизвестные стихотворения Иоганна Вернера Паузе // Сравнительное изучение литератур. Сб. статей к 80-летию академика М. П. Алексева. Л., 1976.

Н. Ю. Алексева

ПЕТРАРКА, ПЕТРАРК, ПЕТРАРХ (Petrarca),

Франческо (20.07.1304, Ареццо — 19.07.1374, Аркуа, близ Падуи), итальянский поэт и прозаик, один из величайших деятелей раннего Возрождения, писал на латинском и итальянском языках, особенно широкой известностью пользовался его итальянский лирический сборник «Книга песен» («Canzoniere»). Соч. П., как и большинства великих итальянских писателей раннего Возрождения, были мало известны в России XVIII в., и П. не причислялся к числу образцовых авторов. Однако имя его мог слышать уже князь А. Д. Кантемир от своих близких знакомых лондонского периода — П. Ролли, одного из главных поэтов «Аркадии», развивавшей традиции П., и Ф. Альгаротти, автора труда о творчестве П. В XVII и нач. XVIII в. П. был известен (видимо, в результате влияния польского барокко) на Украине, где делались попытки переводить его стихи. Высокая оценка П., заимствованная из «Опыта о нравах» Вольтера, содержится в ст. «Опыт о стихотворстве», приписываемой С. Г. Домашневу (Полезное увеселение. 1762. Май). Популярности П. в Европе и России содействовало появление книги Н. А. Роме «Письмо Петрарки» (Париж, 1765; русский пер. А. В. Тинькова с посвящением Л. А. Нарышкину: СПб., 1768), где в духе сентиментализма разрабатывается псевдобιοграфический сюжет о разлуке П., ставшего якобы послом при кастильском Дворе, и его платонической возлюбленной Лауры (в русских пер. — Лоры). К книге приложен прозаический пер. нескольких сонетов и канцоны П. Отчасти благодаря этому изданию, отчасти в результате усвоения общей репутации П. в европейской лит. XVIII в., соч. итальянского писателя в России относили обычно не к «ученой», а к «легкой» поэзии: сонеты П. рассматривали в контексте анакреонтики и гораціанской лит. Н. А. Львов в поздний период творчества усматривал в П. одного из изысканных подражателей Анакреона, лишивших свой источник первоизданной простоты.

Во второй половине XVIII — нач. XIX в. постепенно появляются пер. сонетов П. (И. И. Виноградов, П. С. Железников, М. С. Кайсаров и др.). Большинство переводчиков не соблюдало строгой формы итальянского сонета, некоторые, как А. В. Тиньков, пользовались французским посредником. Имя П. упоминается в произведениях сентименталистов, прежде всего Н. М. Карамзина. Из видных поэтов П. переводили И. А. Крылов («Сонет к Нине», 1790-е; вольный пере-

вод сонета СXXXIV), И. И. Дмитриев («Подражание Петрарку», 1797; вольное переложение сонета XVII) и поэты львовского кружка, на чье творчество П. оказал особенно заметное влияние. Н. А. Львов перевел два сонета (XXVIII, XC) и канцону СXXVI с французского подстрочника Роме (1774), причем явно старался передать языковую игру, хотя и не был, видимо, знаком с итальянским оригиналом. В 1776 Н. А. Львов и М. Н. Муравьев совместно изучали итальянский язык, возможно, благодаря увлечению творчеством П. Имя П. упоминали М. Н. Муравьев («Успехи человеческого разума» и др.) и Г. Р. Державин («Рассуждение о лирической поэзии»), последний вольно перевел сонеты IX («Посылка плодов»), XVII («Прогулка») и XXVIII («Задумчивость»). Вопрос о причинах интереса поэтов львовского кружка к произведениям П. нуждается в серьезном изучении, но очевидно, что основные творческие тенденции львовского кружка находят типологические аналогии в стремлении П. согласовать следование требованиям долга христианина и гражданина с жадной личной славой и земной любви; в желании горацанского уединения на лоне природы (Воклюз П., Званка Державина, Обуховка Капниста); в попытках построения поэтической автобиографии и формирования условных, но четко заявленных образов лирического героя и героини. Вообще, свойственная XVIII в. интерпретация творчества П. как совмещения анакреонтической и горацанской линий поэзии явно выглядела привлекательной для Г. Р. Державина, И. И. Дмитриева, Н. А. Львова, а позднее и для К. Н. Батюшкова, пропагандиста П. в России.

Л и т.: *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Из истории знакомства с Петраркой в России // Русская литература. 1991. № 3.

Н. А. Гуськов

ПОЛЬСКО-РУССКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ, которые принесли обильные плоды во второй половине XVII в., не только не угасли в нач. XVIII в., но и продолжали активно развиваться. Постепенно связи изменили свой характер: с переориентацией русской лит. на западноевропейские лит. польская лит. стала утрачивать роль лит.-посредницы, но зато приобрела самостоятельное значение для русской культуры. На смену польским обработкам западноевропейской средневековой массовой беллетристики пришли пер. оригинальных произведений польских писателей и мыслителей Возрождения, барокко, а затем и Просвещения.

В первой четверти XVIII в. книги на польском языке продолжают сохранять одно из ведущих мест в иностранном репертуаре русских

частных библиотек (Феофана Прокоповича, Дмитрия Ростовского, Стефана Яворского, Феофилакта Лопатинского, Гавриила Бужинского, Ф. Поликарпова и др.). Литераторы того времени не только читали на польском языке, но и создавали на нем литературные произведения (например, одна из версий панегирика Феофана Прокоповича «Епипикион» в честь Полтавского сражения была написана на польском и опубликована в 1709).

На протяжении первой половины XVIII в. в значительной степени сохранился корпус пер. с польского, сделанных во второй половине XVII в. и продолжавших активную жизнь в рукописной традиции: соч. переписывались, создавались новые редакции развлекательных книг (фацеции), авантюрно-рыцарских повестей («История о Мелюзине», «История о Петре Златых ключей», «История об Аполлонии Тирском»), сб. нравоучительной новеллистики («История о семи мудрецах», «Римские деяния», «Великое зеркало») и др.

В 1700 И. Ф. Копиевич (1651–1714) сделал сокращенный пер. книги Шимона Старовольского (Starowolski; 1588–1656) по военному искусству «*Institutorum rei militaris libri VIII*» и включил его в свое амстердамское издание «Краткое собрание Льва Миротворца». Была переведена обширная историографическая компиляция «Вертоград королевский» Бартоша Папроцкого (Paprocki; ок. 1543–1614).

На рубеже XVII–XVIII вв. на русский язык три раза был переведен сб. изречений античных философов «Апофегмы» в обработке Беняша Будного (Budny; нач. XVII в.). В 1711 один из пер. был издан в Москве (это первый пер. с польского, появившийся в русской печати) и затем девять раз переиздавался в XVIII в., а большая подборка афоризмов из сб. вошла в неоднократно переиздававшийся до нач. XIX в. «Письмовник» Н. Г. Курганова.

В нач. 1710-х появилась пьеса в стихах «Дафнис, гонением любовного Аполлона в древо лавровое превращенная» — пер.-перделка буколической поэмы Самуэля Твардовского (Twardowski; 1600–1661), которая стала широко известна в театральных кругах и оказала влияние на формирование поэтического языка русской любовно-авантюрной драматургии первой половины XVIII в. Драматурги той поры заимствовали из пер. поэтические формулы, к сер. XVIII в. ставшие штампами драматических соч. В драматургии примечателен и «Диалог о Гофреде, победившем сарацины» (1722), написанный по мотивам «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо в польском пер. Петра Кохановского (Kochanowski; 1566–1620).

Помимо пер. исторических трудов Петр I и его окружение проявляли живой интерес к польской политической лит. Интерес сотрудников Петра I к польской общественной мысли объясняется тем, что Польша тогда была единственной, кроме России, славянской страной, сохранившей свою независимость. И ее политический опыт при создании новой государственной системы было необходимо учесть.

В 1720–1730 появились пер. политического трактата «Наказание нравоучительное или моральное, как подобает жить с немногим народом без повреждения его силы, и любви, и чести» («*Monita politico-moralia*») Анджея Максимилиана Фредро (Fredro; ок. 1620–1679), сделанный Германом Копцевичем по поручению киевского губернатора Д. М. Голицына; философские «Беседы двух мудрых персон» («*Rozmowy Artaxessa i Ewandra*») и «Притчи нравоучительные о добродетели и фортуне» («*Adverbia moralia*») Станислава Хераклиуша Любомирского (Lubomirski; 1642–1702). В описи библиотеки Д. М. Голицына среди рукописей на русском языке упомянуто «Станислава Ореховского Увещание наказательное или Наставление властелину», этот пер. крупнейшего польского публициста XVI в. Станислава Ожеховского (Orzechowski; 1513–1566) не сохранился.

Появляются новые памятники сатиры и юмористики: своеобразный диптих на тему «злых жен» из анонимного «Златого ига супружества» и «Науки разных философов о обирании жены, како младым еди ни присуждают, друзии жениться отсуждают ради разных причин» Б. Папроцкого, развлекательная гадательная книга в стихах «Фортуна, или Счастье» Яна Гавиньского (Gawiński; 1622/1626 — ок. 1684), а также пер. нескольких рукописных сатир: «Всей Европы монархов карт игранье», «смехотворные басни» в форме юмористических газетных новостей, «Краткое начертание, как ныне возмущенны дела в Европе», «Глас в бездну низверженной вольности польской со землянином, сии есть со благородно сановитым мужем». Возможно, к кон. первой четверти XVIII в. относится «История о пане Твердовском и о его славных действиях» — редкий пример новых пер. польской беллетристики в ту эпоху.

Кроме публицистики и словесности продолжают переводиться по традиции XVII в. соч. по земледелию и скотоводству, лечебники, календари. В Супрасле в 1722 выходит печатный славяно-польский словарь; а «*Thesaurus latino-polono-graecus*» (1621) Григория Кнапского (Knapski; 1564–1639) не выпускали из рук русские лексикогра-

фы — его использовали в своих трудах Ф. Поликарпов, И. П. Максимович, К. А. Кондратович.

Несмотря на появление большого числа пер. с западноевропейских языков, польская лит. продолжала выполнять и роль лит.-посредницы. Из античных авторов с польского языка в петровскую эпоху были переведены «Метаморфозы» Овидия (дважды), «О начале римского народа» Ливия Юлия Флора, «О замечательных деяниях и изречениях» Валерия Максима, а также «История церковная» Цезаря Барония, «Монархия турецкая» Поля Рико, «Книги о воспитании и наказании всякого начальника» Рейнгарда Лоррихия и др.

Хотя почти все эти пер. сохранились в немногочисленных рукописях, можно полагать, что польская лит. в первой трети XVIII в. являлась наиболее представленной в русских пер. европейской национальной лит. Причина такого положения очевидна — в России было много деятелей просвещения полонифильской ориентации, хорошо знавших польскую словесность и потому чутко и скоро откликнувшихся на изменения в культурной политике Петра I. Др. сторона этого процесса — значительно более элитарный характер переводной лит., недаром почти все названные памятники сохранились в библиотеках аристократии (Петр I, Д. М. Голицын, А. П. Волынский и др.). Однако ни идеология сарматизма, ни разнообразные польские теории «исправления республики» не захватили Петра I, увлеченного др. политическими теориями и созданием абсолютной монархии. Может быть, это стало особенно очевидно для него в ходе Северной войны.

Во второй трети XVIII в. польская лит. перестает играть существенную роль в русском литературном процессе. С одной стороны, в литературной жизни утратило прежнее первостепенное значение поколение деятелей культуры, получивших образование в Киево-Могилянской академии, а ему на смену пришли выученики Академии наук и европейских университетов, ориентированные в своих вкусах и пристрастиях на лит. Франции и Германии. С другой стороны, польская лит. в первой половине XVIII в. переживала очевидный упадок (характерно, что при Петре I переводили произведения XVI–XVII вв., а современная лит. была почти неизвестна); раннее же польское Просвещение, решавшее свои внутренние задачи, не могло вызвать повышенного интереса русских просветителей. Только в многочисленных русских духовных училищах (Москва, Тверь, Смоленск, Вятка и др.) продолжали изучать польский язык, а на лекциях по поэтике разбирались и переводились в учебных целях стихи Я. Кохановского, С. Твар-

довского, М. К. Сарбевского и др. польских поэтов. Однако при этом сохранился интерес русских историков (М. В. Ломоносов, В. Н. Татищев, В. К. Тредиаковский) к польской историографии XVI–XVII вв. (М. Стрыйковский, А. Гваньини, М. Бельский, П. Пясецкий), а в 1735 К. А. Кондратович (1703–1788) по поручению Татищева перевел с латыни труд Мартина Кромера (Kromer; 1512–1589) «О происхождении и деяниях поляков» («De origine et rebus gestis Polonorum»), сохранившийся в рукописи. Из памятников польской историографии русские историки черпали сведения по древнейшей русской истории и подвергали их критическому анализу.

В 1760-е появился русский пер. польской народной книги XVII в. о проделках Уленшпигеля — «Похождении нового увеселительного шута и великого в делах любовных плута Совест-Драла, Большого Носа», выдержавший до кон. века шесть изданий.

Оживление литературных контактов пришлось на 1770-е, оно было связано как с изменениями политических отношений между Россией и Польшей, так и с новыми процессами в лит. польского классицизма. Начинается знакомство русского читателя с польской просветительской драматургией. Переводчик-дилетант А. И. Апухтин (1724–1798) перевел пьесы «отца польской комедии» Франтишека Богомольца (Bohomolec; 1720–1784) «Мот или расточитель» (1778), «Брак по календарю» (1779) и «Из одной чрезвычайности в другую» (1792). Др. переводчик-любитель, Г. И. Калиновский (1758 — после 1799), перевел комедию Войцеха Богуславского (Bogusławski; 1757–1829) «Пропадный кот» (1791). Пропагандистами и переводчиками польской лит. в этот период были либо любители, либо лица, получившие образование в Киево-Могилянской академии и связанные с польской культурной традицией. В. Г. Анастасевич (1775–1845) переводил не только польские пьесы, но и стихи классициста Адама Нарушевича (Naruszewicz; 1733–1796) и сентименталиста Францишека Карпиньского (Karpiński; 1741–1825), которые вошли в его рукописный сб. «Чужая муза» (1802). Г. К. Зельницкий (1762–1828) издал в 1794 в Калуге свой пер. сатирической повести Игнация Красицкого (Krasicki; 1735–1801) «Странствование неумирающего человека по знатнейшим государствам» («Historia na dwie księgi podzielona»), в которой отразились историософские взгляды польского Просвещения.

В 1780-е, на волне интереса к восточной теме в эпоху русско-турецких войн, русские издатели обратились к древнепольской лит., посвященной турецкой тематике. Н. И. Новиков в 1787 издал «Скиф-

скую историю» А. Лызлова (1692), куда вошел его пер. 1686 книги Ш. Старовольского «Двор цесаря турецкаго и жителство его в Константинограде», а в 1789 в Петербурге вышло «Предсказание о падении Турецкого царства аравийским звездословом Муста-Эддыном» К. Даминеуса (Daminaeus; XVI в.), переведенное также в XVII в. В 1785 был опубликован еще один пер. XVII в. — «Псовый охотник» Яна Остроорога (Ostrogóg; 1565–1622), а также появился новый русский пер. «Путешествия по Святым местам и в Египет князя Николая Христофора Радзивила» (СПб., 1787), которое было известно русским читателям еще в XVII в. Восточной теме посвящен и пер. книги А. Нарушевича «Таврикия, или Известия древнейшие и новейшие о состоянии Крыма и его жителях до наших времен» (Киев, 1788).

Помимо пер. с печатных изданий в последней четверти XVIII в. появляются рукописные пер. польской общественно-политической сатиры — откликов на разделы Польши: «Десять заповедей», «Символ польския веры», «Молитва Торговицкая для вседневнога отправления, всем верным России преданным изданная».

В последней трети XVIII в. изменился и сам характер литературных связей, они начали развиваться в обоих направлениях: появились пер. на польский язык стихотворений А. Д. Кантемира и Ю. А. Нелединского-Мелецкого, трагедий и комедий М. М. Хераскова, А. П. Сумарокова, Екатерины II и др. Оживление П.-р. л. с. в кон. XVIII в., проявившееся в появлении словаря (Кондратович К. А. Польский общий словарь и библейный. СПб., 1775) и учебников польского языка (Семигиновский М. Грамматика польская для пользы и употребления российского юношества. Киев, 1791; Благодаров Я. И. Краткие правила польского языка с присовокуплением к ним употребительнейших слов, разговоров и примеров для чтения. М., 1796; Буквар для обучения юношества чтению по российску и по польску. Бердичев, 1796), а также в формировании польской темы в русской лит. (что было обусловлено в т. ч. и вхождением в состав Российской империи значительной части Польши), способствовало их быстрому развитию в первой четверти XIX в.

Польская лит. в XVIII в. оказалась единственной славянской лит., внесшей существенный вклад в русский литературный процесс.

Лит.: Берков П. Н. Русско-польские литературные связи в XVIII в. М., 1958; Моисеева Г. Н. Русская историческая проза первой половины XVIII в. и польские историки // Польско-русские литературные связи. М., 1970. С. 83–106; Лужный Р. Древнепольская традиция в литературе русского Про-

свещения // Русская литература XVIII в. и ее международные связи. Л., 1975. С. 176–183; *Николаев С. И.* 1) Польская поэзия в русских переводах: Вторая половина XVII — первая треть XVIII в. Л., 1989; 2) *Polsko-rosyjskie związki literackie w eposie Stanisława Augusta Poniatowskiego* // *Ruch Literacki*. 2003. N 1. S. 1–8; 3) От Кохановского до Мицкевича: Разыскания по истории польско-русских литературных связей XVII — первой трети XIX в. СПб., 2004; *Łuźny R.* 1) *Bohomolec i Bogusławski w Rosji. (Z dziejów powiázania literackich polsko-rosyjskich doby Oświecenia)* // *Slavia Orientalis*. 1961. N 2. S. 147–157; 2) *Literatura polska w Rosji w wieku XVII i XVIII. Problematyka, stan i potrzeby badań* // *O wzajemnych powiázaniach literackich polsko-rosyjskich*. Wrocław, 1969. S. 36–64; *Lewin P.* *Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722–1774) a tradycje polskie*. Wrocław, 1972; *Malek E.* *Narracje staropolskie w Rosji XVII i XVIII wieku*. Łódź, 1988.

С. И. Николаев

ПОП, ПОПЕ, ПОПИЙ (Pope), Александр

(20.05.1688, Лондон — 30.05.1744, там же), английский поэт-классицист. Впервые в русской печати А. П. Сумароков в «Эпистоле о стихотворстве» (1748), перечисляя великих поэтов прошлого, обитающих на Геликоне, упомянул: «там остроумный Поп», а в примеч. указал: «Поп, остроумный английский писатель, стихотворец последнего времени» (Сумароков А. П. Избр. произв. Л., 1957. С. 117, 128). И. П. Елагин (1725–1793), последователь Сумарокова, в сатирической «Эпистоле» к нему (1753) подхватил эпитет и писал: «Ты остроумный Поп, любимец Аполлонов, / Честь аглицких стихов, поборник их законов» (Поэты XVIII в. Л., 1972. Т. 2. С. 374). И. В. Шишкин (1722–1750/51), переведя в 1749 прозой ироико-комическую поэму П. «Похищение локона» («The rape of the lock», 1712) по французскому пер. М. М. де Кейлюс (Caylus) «La bucle de cheveux enlevée» (1728) под заглавием «Букля власов похищенных» (рукопись в РНБ), утверждал в предисловии: «Господин Поп, знаменитый стихотворец аглинской, всем любителям чтения знаком довольно» (цит. по: Пыпин А. Н. Для любителей книжной старины. М., 1888. С. 9). Анонимный прозаический пер. той же поэмы, выполненный по тому же французскому пер. в 1748, удалось опубликовать позднее: «Похищенный локон волос» (М., 1761; переиздание — 1788).

Особенный интерес у деятелей русского Просвещения вызывала дидактическая философская поэма П. «Опыт о человеке» («Essay on

man», 1732–1734), утверждавшая разумность миропорядка. Сподвижник М. В. Ломоносова академик физик Г. В. Рихман по прозаическому французскому пер. Э. Силуэтта (Silhouette) «Essai sur l'homme» сделал немецкий пер. (1741; рукопись в библиотеке Московского университета). Видимо, Ломоносов побудил своего ученика Н. Н. Поповского создать в 1753–1754 по тому же французскому пер. русский стихотворный пер., который, однако, был задержан цензурой Синода, т. к. в поэме П. указывалось на гелиоцентрическое строение вселенной. Только после соответствующих изменений, внесенных в пер. епископом Амвросием (А. С. Зертис-Каменским), пер. Поповского был издан (Опыт о человеке. Господина Попе. М., 1757; переиздание: 1763, 1787; Яссы, 1791; М., 1802) и пользовался большим успехом. Др. ученик Ломоносова И. Федоровский тогда же перевел поэму прозой: «Рассуждение о человеке» (рукопись в БАН). В ст. «О стихотворстве» отмечался «*Опыт о человеке* г. *Попе*, стихотворца последнего времени», как «наилучшее сочинение», проникнутое присущими английской поэзии «важностью и глубиной нравоучения» (Полезное увеселение. 1762. Июнь. С. 232–33). «Опыт» был популярен в русском образованном обществе: на него ссылались при утверждении теодицеи, из него заимствовались цитаты. М. Н. Муравьев в стихотворении «Успех британской музыки» (1778) писал о П.: «...пиит-мудрец природу испытует / И цепи зрит существ несчетные звена. / Все благо то, что есть...» Н. М. Карамзин назвал П. «Философ и Стихотворец» (Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 378). Герой повести В. В. Измайлова (1773–1830) «Ростовское озеро» признается, что, научившись у П. «познавать <...> моральную натуру человека», он «скоро образовал себе систему всей жизни» (Приятное и полезное. 1795. Ч. 6. С. 295). В нач. XIX в. были изданы два прозаических пер. «Опыта о человеке» с оригинала: предположительно, Ф. А. Загорского (М., 1801) и Е. А. Болховитинова (М., 1806). Последний пер. был создан в 1790-е. В «Предупреждении» Болховитинов указывал, что «Опыт» «состоит в числе книг чувствительной философии» (с. V), и предпосылал пер. биографию П., разбор поэмы и отзывы о ней, а также снабдил его «историческими и философскими примечаниями».

М. М. Херасков, осваивая опыт создания дидактической поэмы, обратился к П. и перевел «Храм славы» (М., 1761; оригинал: «Temple

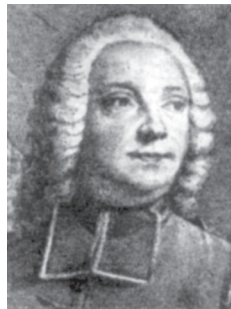
of Fame», 1711). В кон. XVIII в. из поэзии П. извлекалось лишь то, что могло соответствовать новым сентименталистским веяниям. Проникнутое патетическим лиризмом «Epistle of Eloisa to Abelard» (1717), появившееся в стихотворном пер. М. М. Хераскова «Эпистола Элоизы к Обеларду» в книге «Сто новых новостей соч. г-жи Голец» (СПб., 1765. Т. I), до кон. века переиздавалось четыре раза, и в это же время появились три новых пер. По несколько раз переводились религиозные стихотворения П.: «Мессия, священная эклога» («Messiah. A sacred eclogue», 1712), «Всеобщая молитва» («The universal prayer»), «Умиравший христианин к своей душе» («The dying Christian to his soul», 1712). Интерес к идилической поэзии вызвал появление прозаического пер. «Пасторалей» («Pastorals») П. Карамзин в «Письмах русского путешественника» привел стихотворный пер. мифологического фрагмента о превращении нимфы в реку из поэмы П. «Виндзорский лес» («Windsor forest», 1713). Такая избирательность в пер. сужала представление русских читателей о П. Особо выделяется стихотворный пер. И. И. Дмитриева «Послание от английского стихотворца Попа к доктору Арбутноту» (1803; оригинал «Epistle to Dr. Arbuthnot; or Prologue to the Satires», 1735) — сатира на литературную жизнь Англии. Биография П. включена в «Словарь исторический» (М., 1793. Ч. II).

Лит.: *Тихонравов Н. С.* История издания «Опыта о человеке» в переводе Поповского // *Тихонравов Н. С.* Сочинения. М., 1898. Т. 3. Ч. I; *Гирфанова З. А.* Формирование норм русского литературного языка середины XVIII в. (на материале поэмы «Опыт о человеке» А. Попа в переводе Н. Поповского). Казань, 1986; *Шайтанов И. О.* Мыслящая муза: «Открытие природы» в поэзии XVIII в. М., 1989. С. 197–204; *Левин Ю. Д.* Английская поэзия и литература русского сентиментализма // *Левин Ю. Д.* Восприятие английской литературы в России. Л., 1990; *Кочеткова Н. Д.* К истории перевода Н. Н. Поповского поэмы А. Попа «Опыт о человеке». (Ранняя редакция) // XVIII век. Сб. 24. СПб., 2004; *Arinstein L. M.* Pope in Russian translations of the eighteenth century // *Studies in bibliography.* 1971. V. 24; *Keipert H.* Pope, Popovskij und die Popen. Zur Entstehungsgeschichte der russischen Übersetzung des «Essay on man» von 1757. Göttingen, 2001; *Rizzi D.* Chersakov traduttore di Pope: un manoscritto russo a Venezia et la nascita del sentimentalismo // *Archivo russo-italiano.* Русско-итальянский архив. Salerno, 2005. Т. 4.

Ю. Д. Левин

ПОРТУГАЛЬСКО-РУССКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ.
См. КАМОЭНС.

ПРЕВО (Prévost), Антуан-Франсуа, аббат (1.04.1697, Эден — 25.11.1763, Шантийи), французский писатель, романист, переводчик, журналист. Пер. первого романа аббата П., озаглавленный «Приключения маркиза Г***, или Жизнь благородного человека, оставившего свет» («Mémoires et aventures d'un homme de qualité...»), 1728–1731), который выходил в 1756–1765, был одним из первых образцов литературной прозы на русском языке и имел огромный успех, а

переводчик первых четырех частей И. П. Елагин снискал себе славу талантливого прозаика (труд его был продолжен В. И. Лукиным). Однако ошибочным было бы приписывать необычайную популярность этого произведения лишь его авантюрно-замысловатому сюжету. Достаточно внимательно прочитать посвящение и предисловие Елагина, которые он предпослал пер., чтобы понять, какими соображениями он руководствовался. Маркиз Г***, в понимании автора пер., — это человек, олицетворяющий «великодушные несказанное и терпение непоколебимое». «Сии люди называются людьми великими, — пояснил переводчик, — ничто не сводит их с пути, ведущего к добродетели». Цель автора — сообщить читателю, «столько смешанного с разными приключениями сего Маркиза нравочениями, сколько может так много в свете искусившийся разумный и ученый человек, каков оный Маркиз, для наставления другим дать» (См.: «Приписание графу А. Г. Разумовскому»). В какой-то мере этот труд, в представлении Елагина, сближается по своему воспитательному значению с «Похождениями Телемака» Фенелона. «Я могу осмелиться, — пишет в конце своего обращения к читателю переводчик, — уподобить его [Маркиза Г***. — В. А.] божественному Мантору, вымышленному господином Фенелоном; и не погрешу, есть ли его назову Мантором благородному человеку» («К читателю»). В свое время пер. Елагина считался «образцовым», за его автором утвердилась слава мастера необыкновенно «текущего слога». Содержание романа П. передано Елагиным (1–4 части) и Лукиным (5–6 части) добросовестно и возможно точно. Этот роман, полюбившийся русскому читателю, издавался полностью в XVIII в. еще дважды (1780–1790, 1793), причем тт. 7 и 8 этих изданий содержали также «Историю кавалера де Грие и Манон Леско». И. И. Дмитриев в своих записках «Взгляд на мою жизнь» причисляет тт. 7 и 8 также к пер. Лукина.

В 1765–1781 был опублик. еще один роман П. «Le Doyen de Killerine» (1735–1740). Пер. составил шесть томов. Заглавия 3-го, 5-го и 6-го томов были изменены: так, т. 3 назывался «Настоятель Килеринской, нравоучительная история, сочинена из похождения одной знатной фамилии в Ирландии, и украшена всем тем, что может чтение оной сделать полезным и приятным. Издателем Похождениев маркиза Г***, или Жизнь благородного человека, оставившего след: Переведен с французского языка», а в т. 5 автором ошибочно был назван маркиз д'Аржанс.

Начиная с 1760 в пер. С. А. Порошина издавался «Le Philosophe anglais, ou Histoire de Cleveland...», 1731–1739) — «Философ аглинский, или Житие Клевеланда, побочного сына Кромвелева, самим им писанное и с аглинскаго на французской, а с французского на российский язык переведенное» (переиздано в 1791). В предисловии к пер. этого романа Порошин оценил произведение, которое отлично «от враков» и «связно, приятно и остроумно вводит приключения» (Предисловие. С. 3). Здесь же Порошин дает развернутое толкование формулы Горация «мешать приятное с полезным» применительно к вызывавшему особое сопротивление жанру романа. Его соображения не оригинальны, свою аргументацию он черпает из западноевропейских источников, но для России она была нова. Порошин называет два способа «проповедания» добродетели. Один, «яко законодавцы», прямое поучение читателя, и другой, более «приманчивый», когда нравоучение преподносится в «блистании прелестных одежды», что-бы «возбудить охоту и внимание в читателях» (С. 2–3).

Ряд др. художественных произведений аббата П. вошел в «Собрание трогательных повестей, любопытных анекдотов, примечательных историй и деяний, и странных приключений, в пользу и удовольствие любителей приятного и занимательного чтения» (1798); кроме того, в «Городской и деревенской библиотеке» (Ч. 6, 1783) была напечатана «Повесть о донне Марии и молодом принце Юстиниани».

Однако аббат П. был известен в России как автор не только авантюрно-психологических романов и трогательных историй, но и как автор «Всеобщей истории путешествий», неоднократно выходившей во второй половине XVIII в. как в полном, так и в сокращенном варианте («Histoire générale des voyages <...>»: In 76 t., 1746–1770). Пер. ее первых четырех томов осуществил М. И. Веревкин, но издание, выходившее в 1771–1781, было прекращено на четвертом томе, т. к. в 1782 Веревкин приступил к пер. появившегося в Париже в 1780

нового издания «Всеобщей истории путешествий», переработанной Ж. Ф. Лагарпом. «Всеобщая история путешествий» П. явилась также одним из основных источников «Собрания любопытных и соответственно юношескому возрасту сочиненных путешествий, изданное И. Г. Кампе», переведенного с немецкого языка и изданного в 1795–1798.

По пер. аббата П. русский читатель познакомился и с «Клариссой Гарлоу» С. Ричардсона. «Достопамятная жизнь девицы Клариссы Гарлов, истинная повесть...» представляет собой пер. первых 205 писем из 375, сделанный с французского Н. П. Осиповым и П. Кильдюшевским («Lettres anglaises, ou Histoire de miss Clarisse Harlove», 1751). Это был первый и единственный в XVIII в. пер. на русский язык знаменитого английского романа.

Л и т.: XVIII век. Сб. 4. М.; Л., 1959. С. 66–84; Сб. 11. Л., 1976. С. 128; Русская литература XVIII — нач. XIX в. в общественно-культурном контексте. Л.: Наука, 1983. С. 126.

В. Д. Алташина

РАБЕНЕР (Rabener), Готлиб Вильгельм (17.09.1714, Вахау — 22.03.1771, Дрезден), немецкий сатирик раннего Просвещения. Видел свою задачу в осмеянии нравов, «не касаясь какой-либо особы» («Сатиры». СПб., 1764. Ч. I. Предупреждение), следовал манере и отчасти развивал темы Дж. Свифта, но в смягченной, юмористической форме. Первые русские пер. из «Собрания сатирических сочинений» Р. («Sammlung satirischer Schriften», 1751–1753, позднее название: «Сатиры» — «Satiren», 6-е изд. 1761): «Опыт немецкого словаря» («Versuch eines deutschen Wörterbuchs») в «Трудолюбивой пчеле» (1759, апрель) и «Немецкая пословица: Платье делает людьми» («Kleider machen Leute») — в «Сочинениях и переводах, к пользе и увеселению служащих» (1759, июль) сделаны А. А. Нартовым. В 1764 начат полный пер. всех четырех частей «Сатир», но вышла лишь 1-я ч., содержащая 15 произведений и в т. ч. пародийную хронику «Сокращение, учиненное из летописи деревни Кверлеквич» («Auszug aus der Chronik des Dörfleins Querlequitsch»). Переводчиком считается Я. И. Трусов (1730-е — после 1798). В 1792–1794 в Москве был издан новый русский пер. «Собраний сочинений» Р. в восьми частях с биографией автора, написанной Х. Ф. Вейссе; пе-

речень подписчиков свидетельствует об интересе читателей к Р. Этот пер. приписывается также Я. Трусову.

В XIX в. интерес в России к Р. угасает. Однако русские писатели новой эпохи обращались к жанру пародийной хроники, созданному Р. («История села Горюхина» А. С. Пушкина, «История одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина).

Лит.: *Сиповский В. В.* К литературной истории «Истории села Горюхина» // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1906. Вып. 4; *Салтыков-Щедрин М. Е.* Сочинения. М.; Л., 1926. Т. 1 (комментарий Р. В. Иванова-Разумника).

Р. Ю. Данилевский

РАСИН (Racine), Жан (21.12.1639, Ферте-Милон — 21.04.1699, Париж), французский драматург, создатель любовно-психологической трагедии. На русский язык произведения Р. переводили сравнительно мало: в 1783 увидела свет «Эсфирь» («Esther», 1689), в 1784 — «Гофолия» («Athalie», 1690), в 1790 и 1791 — «Андромаха» («Andromaque», 1667), в 1796 — «Ифигения в Авлиде» (1674). Однако в сознании русских писателей они были образцами классической трагедии.

А. П. Сумароков следовал урокам Р., когда уделял в своих пьесах повышенное внимание любовной коллизии. В элегии «К г. Дмитревскому на смерть г. Волкова» Сумароков заявил: «Расинов я театр явил, о россы, вам». Через несколько лет в 1772 Иван Рудаков, старший наборщик академической типографии, набирая «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова, написал к этой книге «Стихи», где выразил распространенное мнение, назвав Сумарокова «северным Расином, писателей примером», хотя в комедии Н. П. Николева «Самолюбивый стихотворец» высмеивается Сумароков-Надмен, равняющий себя с Р. Повидимому, М. В. Ломоносов следовал Р., который снабжал свои трагедии программными, часто полемическими предисловиями; его трагедия «Демофонт» (завершена к 1751, но на сцене не ставилась) была навязана сюжетами не только двух античных мифов, но и «Андромахой» (параллелизм в расстановке действующих лиц). В. К. Тредиаковский в трагедии «Деидамия» использовал некоторые мотивы «Ифигении»: пророчество жрицы, наличие соперницы у главной героини, благополучное разрешение конфликта для главных героев. Несмотря на сатиру М. М. Щербатова «Защитение петимтра», где автор призывал: «По одной наслышке ты

Расина не хвали <...> Не занимай ты слов плачевных у Расина», влияние творчества французского трагика на русских писателей было весьма устойчивым. Я. Б. Княжнин, кумиром которого был Р., не раз прибегал к заимствованиям из его соч., что отметил И. А. Крылов в своих «Проказниках», где драматург Рифмокраг (злая карикатура на Княжнина) признается: «Сочинять стихи, и особливо трагедии, есть вещь довольно трудная <...> с помощью Расина и прочих пишу не хуже других». Хотя Княжнин как драматург тяготел скорее к Вольтеру, чувствительность отдельных сцен и монологов, вызывавшая слезы у зрителей, явно была навеяна глубоким психологизмом Р. Княжнин, будучи учителем словесности в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, где в основе воспитания были французский язык и культура, читал на уроках «российского штиля» французские стихи — монологи Агамемнона, Тезея, Александра, трогательные любовные тирады из трагедий Р. В театре Шляхетного сухопутного кадетского корпуса ставили французские трагедии; это оказало воздействие на В. А. Озерова, который уже в первой своей трагедии «Ярополк и Олег» широко использовал сюжетную коллизию «Гофолии»: отношения жреца и властиительницы иудейской, пер. некоторых стихов, психологизм и т. д.

Л и т.: *Сигал Н. А.* Из истории русских переводов «Федры» Расина // Русско-европейские литературные связи: Сб. статей к 70-летию со дня рождения акад. М. П. Алексеева. М.; Л., 1966. С. 454–462; *Мультатули В. М.* Расин в России. СПб., 2000; *Gukovskij Gr.* Racine en Russie // *Revue des études slaves*. 1927. Т. VII. Fasc. 1–2.

М. В. Разумовская

РЕЙНАЛЬ (Reynal), Гийом-Тома-Франсуа (11.04.1713, Сен-Женъе — 6.03.1796, Париж), французский историк и социолог, сотрудник «Энциклопедии» Дидро и Даламбера. Его главный труд — «Философская и политическая история учреждений и торговли европейцев в обеих Индиях» («Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes», 1770, 6 т.) переведен на русский язык в нач. XIX в., но он был хорошо известен русским читателям века Просвещения, внимание которых привлекала критика феодально-абсолютистских порядков, католической церкви, колониализма, интерес к истории Англии и Нидерландов, пропаганда опыта войны за независимость в Северной Америке. Во Франции книга была осуждена парижским парламентом (1781), Р. был вынужден покинуть родину, он побывал и в России, где встретил радушный прием у Екатерины II. Н. И. Новиков многократно переводил и публиковал соч. Р., давая ему в высшей степени похвальные характеристики как борцу против невежества и суеверий, за раскрепощение

человеческой мысли. Р. (совместно с Дидро) переработал свою книгу после событий «американской революции». В 1783 в «Примечаниях о некоторых славных людях нынешнего столетия, взятых из одного новейшего французского сочинения» Новиков, сообщая биографию Р., писал: «Он приобучил народы размышлять о своих важнейших интересах». Н. М. Карамзин хорошо знал и усвоил уроки Р., что сказало на его принципах понимания истории, прогресса, самобытности национальных культур, а некоторые строки «Писем русского путешественника» восходят непосредственно к «Истории обеих Индий». А. Н. Радищев использовал тот же фрагмент; кроме того, в «Путешествии из Петербурга в Москву» он цитирует эпизод из «Истории обеих Индий» о гибели пленных англичан в калькуттской «черной яме». В журнале «Приятное и полезное препровождение времени», ред. которого были В. С. Подшивалов и П. А. Сохацкий (оба в прошлом участники масонских журналов Новикова «Вечерняя заря» и «Покоящийся трудолюбец»), за подписью «Даур. Номох» был опубликован рассказ «Зара» (1795. Ч. V. С. 357–360), сюжет которого заимствован из «Истории обеих Индий»; его автором был Николай Смирнов, крепостной крестьянин, прекрасно образованный, которого «унижало имя холопа», «тяжелою цепью» угнетало рабство; вполне понятно, что его заинтересовала судьба карибской девушки, проданной в рабство. По поводу своего рассказа он так сообщал одному из своих друзей: «Это ни сочинение, ни перевод. Я читал Реналеву “Историю обеих Индий” и нашел в ней анекдот этот, в шести или семи строках замыкавшийся. Он столько поразил меня, что я, закрывши книгу, написал его по-русски, ничего не заимствуя от Ренала, кроме основы».

Л и т.: XVIII век: Сб. 13: Проблема историзма в русской литературе: конец XVIII — начало XIX в. Л., 1981.

М. В. Разумовская

РЕНЬЯР (Regnard), Жан-Франсуа (7.02.1655, Париж — 4.02.1709, замок Грийон близ Дурдана), французский комедиограф, наиболее талантливый преемник Мольера. В числе пьес, которыми располагала дирекция Российского театра в первые годы его существования, было шесть комедий Р.: «Тимон-Нелюдим» (пер. А. Волкова), «Арлекин дикой» (пер. Г. И. Теплова), «Богатство в тягость» (пер. А. Л. Дубровского), «Нечаянное возвращение» (пер.

А. Волкова), «Игрок» (без указания имени переводчика), «Задумчивый» (пер. А. А. Нартова). Для пер. отбирались пьесы, наиболее популярные в придворном кругу, знакомые, вероятно, по постановкам французской труппы Шарля де Серины. В течение некоторого времени переводные комедии удовлетворяли потребности русского зрителя, затем их стали «предлагать» на российские нравы. В. И. Лукин начал с пер. комедии Р. «Les Ménechmes, ou les Jumeaux» (1705) в прозе в нач. 1760-х (издана в 1763); как указано на титульном листе, комедия «представлена в первый раз на придворном театре в 1763 году декабря в 9 день». Комедия «Le Distrait» (1697) была переведена В. И. Лукиным ранее в обычной для нач. его деятельности манере 1757–1762 (пер. до нас не дошел), а затем «преложена на российские нравы» («Задумчивой», 1769). «Много раз представляемая на российских театрах и всегда уважаема от зрителей», она была, в частности, сыграна в Петербурге 27 декабря 1779 труппой Московского Воспитательного дома под руководством И. А. Дмитриевского. Петербургская премьера «Игрока» («Le Joueur», 1696) состоялась в 1764; в 1770-е в роли Валера блистал Дмитриевский, роль Эктора исполнял Я. Д. Шумский. Эта «пиеса часто представляемая на театрах повсюду, не выходящая никогда изо вкусу» (Драмматический словарь. М., 1787. С. 63), была сыграна 22 декабря 1779 также труппой Московского Воспитательного дома. Рукопись комедии «Игрок» в пер. И. И. Кропотова, в пяти действиях, находилась в библиотеке Д. Н. Шереметева. Дмитриевский, следуя принципам Лукина, переделал комедии Р. «Démocrite amoureux» (1700) и «Le Distrait». В «Опыте исторического словаря» сообщается, что он «склонил на наши нравы» комедию «Демокрит» и «другие некоторые» и что «они все были многократно представляемы на придворном российском театре и всегда принимаемы с великою похвалою» (Новиков Н. И. Избранные сочинения. М.; Л., 1951. С. 300).

С о ч.: Комедии. М.; Л., 1960. С. 619–624.

Л и т.: Берков П. Н. История русской комедии XVIII века. Л., 1977.

М. В. Разумовская

РЕТИФ ДЕ ЛА БРЕТОН (Rétif de La Bretonne),

Никола-Эдм (22.11.1734, Саси — 3.02.1806, Париж), французский писатель, автор ок. 200 томов соч., включающих в себя рассказы, новеллы, романы; за ним утвердилась слава одного из самых демократических, плебейских писателей XVIII в. Русские читатели познакомились с его творчеством еще при жизни Р., который замечал: «За свои сочинения я получал деньги из разных стран, вплоть до России» («Ночи Парижа», 1788–1789; «Господин Никола», 1794–1796), что может быть и мистификацией. Роман «Le Pied de Fanchette, ou l'Orpheline française» (1769) был переведен первым: «Ножка Фаншеттина, или Сирота французская. Полезная и нравоучительная повесть, в трех частях» (СПб., 1774), без указания имени автора на титульном листе. Переводчик А. С. Хвостов перевел роман полностью, сохранив дух и смысл подлинника, поскольку он был противником произвольного толкования текста и употребления архаичного, лишённого образов языка. В предисловии Хвостов писал: «Отважась перевести сию книжку, особливго рода слогом написанную, весьма несходным с обыкновенным текущим стилем повестей, отдаю ее на рассмотрение благосклонным читателям. Добрые примеры, а особливо множество хороших мыслей и отменным образом предлагаемых нравоучений, которые, от самых ненавистников морали, без скуки прочтутся, заставили меня избрать, а в праздные часы довольно подали времени перевести оную». Иван Морков перевел второй роман Р. «La Fille naturelle» (1769): «Обретенная дочь, или Отечественная склонность» (М., 1782); имя автора не названо, заглавие пер. как бы подчеркивало его сентиментальную направленность; др. русское издание этого произведения — «Найденная дочь, или Приключения девицы Артенай и ее приятельницы» (М., 1788, пер. с немецкого И. В.). Роман «L'Innocence en danger, ou les Evènements extraordinaires» — «Невинность в опасности, или Чрезвычайные приключения» (СПб., 1786) был переведен Евграфом Комаровским с восьмого издания 1779 (первоначальное название «Lucile, ou les Progrès de la vertu»); переводчик неоднократно сокращал или приблизительно воспроизводил текст оригинала. Самая своеобразная книга Р. «La Vie de mon père» (1779) была переведена под заглавием «Жизнь отца моего» (1795); имя переводчика не названо, но в примечании

сказано: «Надеясь, что ЖИЗНЬ ОТЦА Р. понравится нашей публике, посвящу я праздное мое время переводу и некоторых других творений сего сочинителя, между которыми не из последних будет собственная его *жизнь* и ШКОЛА ОТЦОВ. — Октября 15 дня 1795 года, на Днепре при Кайдацком пороге в слободе Чаплях. В Кр.» (Ч. II. С. 145). Судя по упоминаниям о др. соч. Р., можно заключить, что переводчик был его знатоком и ценителем; в самом пер., творческом и живом, встречается ряд сокращений (др. издание — «Жизнь отца моего, или кем случилось, что я родился. Пер. с нем. Матвей Алексеев»). М., 1798).

Ли т.: *Веселовский А.* Этюды и характеристики. М., 1912; *Буачидзе Г. С.* Ретиф де ла Бретонн в России. Тбилиси, 1972.

М. В. Разумовская

РИВАРОЛЬ (Rivarol), Антуан, граф де (26.06.1753, Лангедок — 13.04.1801, Берлин), французский писатель; известен прежде всего своими эпиграммами, остроумными замечаниями и ответами. Самое знаменитое его соч. предреволюционного времени — «Маленький альманах наших великих людей на 1788 г.» («Petit almanach de nos grands hommes pour 1788»). В 1789–1790 Р. издает «Национальную политическую газету» («Journal politique national»), затем — «Деяния апостолов» («Les Actes apôtres»). Из его политических эпиграмм был собран «Малый словарь великих деятелей Революции, составленный активным гражданином, ранее бывшим никем», 1790 («Petit Dictionnaire des grands hommes de la Révolution, par un citoyen actif, ci-devant rien»). 10 июля 1792 Р. покидает Францию, живет в Брюсселе, Англии, Германии. В России пер. из Р. публикуются главным образом в журналах. В 1798 в «Пантеоне иностранной словесности» Н. М. Карамзина появляется эссе Р. «О дружбе» («Sur l'amitié»).

С о ч.: *Oeuvres complètes.* Paris, 1808. V. 1–5.

И. В. Лукьянец

РИЧАРДСОН (Richardson), Самюэл (1689, Дербишир — 1761, Парсонс-Грин), английский писатель. Основал типографско-издательское дело, а в кон. жизни создал три эпистолярных романа, которые приобрели мировую известность. В романе «Памела, или Вознагражденная добродетель» («Pamela, or Virtue Rewarded», 1740–1741) девушка-служанка, отвергая домогательства хозяина

сквайра, в итоге выходит за него замуж; в романе «Кларисса, или История молодой дамы» («Clarissa, or the History of Young Lady», 1747–1748) героиня Кларисса Гарлоу из состоятельной семьи противится корыстным намерениям родни выдать ее замуж за богатого соседа-помещика и домогательствам развратного аристократа Ловласа, которого тайно любит, и в итоге она умирает; в последнем романе «История сэра Чарльза Грандисона» («The History of Sir Charles Grandison», 1754) Р. стремился показать образ абсолютно безупречного героя. Создатель семейно-бытового романа Р. сочетал чувствительность с религиозным морализаторством и оказал большое влияние на сентименталистов.

В России первый роман Р., сразу же переведенный на французский язык («Pamela, ou la Vertu recompensée», 1742), был вскоре замечен, и во второй половине 1740-х И. В. Шишкин по совету камергера графа П. С. Салтыкова создал пер. романа «Памела, или Награжденная добродетель», где из четырех томов французского издания были переведены первые два. Пер., однако, тогда не издавался и сохранился в списках: русская лит. еще не была готова к восприятию Р. Но в 1778 Р. был назван в русском библиографическом обзоре, где выражалось пожелание, «чтобы преимущественно переводимы были на наш язык больше хорошие и полезные романы» (С.-Петербургский вестник. 1778. Ч. 1. С. 319). И в 1787 пер. Шишкина, несколько обработанный И. П. Чертковым, был издан. Образ героини романа настолько вошел в сознание русского культурного общества, что П. Ю. Львов назвал свой вскоре изданный роман «Российская Памела, или История Марии, добродетельной поселянки» (1789). Влияние «Памелы» и, видимо, др. романов Р., не переведенных тогда еще на русский язык, обнаруживается в эпистолярных романах Н. Ф. Эмина «Роза» (1786) и «Игра судьбы» (1789).

В 1790-е издатель И. Я. Сытин выпустил в Петербурге многотомные романы Р.: «Достопамятная жизнь девицы Клариссы Гарлов, истинная повесть» (6 ч. 1791–1792; пер. Н. П. Осипова и П. Кильдюшевского) и «Аглинские письма, или История кавалера Грандиссона» (8 ч. 1793–1794; пер. А. А. Кондратовича); оба романа переводились с французского пер. Позднее Сытин уже в Смоленске издал новый пер. «Памелы» (1796). Слава романов Р. распространялась по России, и имена его героев становились нарицательными.

Еще с нач. 1780-х, т. е. до издания русских пер., Р. неоднократно упоминался в русской печати главным образом с указанием на нравственное значение его соч., изображение душевной жизни и чувствительность. Так, например, в пер. речи Х. Ф. Геллерта говорилось: «...не буду я удив-

ляться, есть ли *Кларисса* и *Грандизон* примечательному читателю более изрядных и благородных вольет чувствований, нежели полная библиотека нравоучительных сочинений принесет пользы ученому человеку...» (О действии наук над сердцем и нравом человеческим // Московское ежемесячное издание. 1781. Ч. 2. Август. С. 307–308). В переводной ст. «О симпатии» по поводу возбуждения этого чувства утверждалось: «На таковой конец Рихардсонова Кларисса весьма прекрасна» (С.-Петербургская вивлиофика журн... 1783. Июнь. С. 22). А в русской ст. автор, обозначенный Н. Д., писал: «Ришардзон пред всеми последователями разных учений имел лучшую способность истолковать человека самым естественным образом, потомство сожалеть будет долго, что сей славный муж вместо того, чтобы издать нетерпеливостью желанное повествование о *человеке*, написал только роман *Клариссы*» (Зеркало света. 1786. Ч. 3. № 41. С. 93).

На выход в свет ч. 1-й русского пер. «Клариссы» Н. М. Карамзин откликнулся рецензией, которую начинал: «Не одна Английская нация поднесла венец Ричардсону, как искусному живописцу моральной природы человека; не в одной Англии хвалили его сочинения на кафедрах и находили в них лучшую философию жизни, предложенную наиприятнейшим образом». Карамзин утверждал, что характеры героев романа, Клариссы и Ловеласа, «будут удивлением всех читателей и всех времен и останутся вечными памятниками творческой силы Ричардсонова духа». В то же время он выявлял недостатки пер. и заключал: «...кто так переводит, тот портит и безобразит книги и не достоин никакой пощадки со стороны критики» (Московский журнал. 1791. Ч. 4. Кн. 1. Октябрь. С. 108, 109, 115).

В 1793 была напечатана переведенная Ф. Пучковым французская биографическая ст. «О Ричардсоне», где, в частности, говорилось: «Одно из величайших достоинств сего славного писателя есть то, что он трудился для единой только добродетели, заставляя страсти действовать по ее единственно побуждению» (С.-Петербургский Меркурий. 1793. Ч. 4. Ноябрь. С. 163). В самом нач. XIX в. была издана, возможно Сыгиным, брошюра «Жизнь Самуила Ричардсона, знаменитого по своим сочинениям английского писателя, с приобщением похвального ему слова, писанного г. Дидеротом» (Смоленск, 1803).

Л и т.: *Ципельзон Э. Ф.* Рукопись XVIII в. // Вопросы литературы. 1969. № 1; *Костюкова В. В.* Роман Ричардсона «Памела» в переводе Ивана Шишкина // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18; *Ревелли Дж.* Образ «Марии, российской Памелы» П. Ю. Львова и его английский прототип // XVIII век. Сб. 21. СПб., 1999; *Костюкова В. В.* В. В. Измайлов и С. Ричардсон // XVIII век. Сб. 22. СПб., 2002; *Levin Ju. D.* The English Novel in 18th-Century Russia // Literature, Lives, and Legality in Catherine's Russia. Nottingham, 1994.

Ю. Д. Левин

РОЛЛЕН (Rollin), Шарль (30.01.1661, Париж — 14.09.1741, Париж), французский историк, автор трудов по эстетике. В. К. Тредиаковский, будучи в Париже, слушал лекции Р., слава которого была очень велика. Н. И. Новиков сообщал, что Тредиаковский «красноречию и истории учился у славного Роллена» (Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772. С. 217). Тредиаковского привлекали лекции Р. по риторике, которые он обобщил в трактате «О способе обучать и учиться словесным наукам в отношении ума и сердца» («De la manière d'enseigner et d'étudier les belles-lettres, par rapport à l'esprit et au coeur», 1726–1728, 4 т.): в творчестве Тредиаковского, где теоретическая и практическая риторика занимала существенное место, многие эстетические идеи были созвучны представлениям Р., особенно третьей книге его труда. Позднее трактат Р. был переведен Ив. Крюковым: «Способ, которым можно учить и обучаться словесным наукам» (СПб., 1774–1783, ч. 1–8; переиздание — СПб., 1783, ч. 1–2, СПб., 1789, ч. 1–8). Фрагмент трактата Р. был переведен студентами Троицкой семинарии при «смотре французского и немецкого языков учителя Александра Никольского: “Неподражаемое витийство священного писания, объясненное по некоторым местам рассуждением г. Роллена”» (М., 1780), это был пер. главы «О красноречии Священного Писания». На языке оригинала трактат Р. продавался в Москве в Академической Книжной лавке в 1752–1753. В 1787 в московских книжных лавках было конфисковано 52 экземпляра «Неподражаемого витийства...». На протяжении всей жизни Тредиаковский глубоко почитал Р. и в течение 30 лет переводил его соч. Это «Histoire ancienne...» (1730–1738, 13 т.) — «Древняя история об египтянах и карфагенянах, об ассирийцах, о вавилонянах, о мидянах, персах, о македонянах и о греках» (СПб., 1749–1762, 10 т.); «Histoire romaine, depuis la fondation de Rome jusqu'à la bataille d'Actium...» — «Римская история от создания Рима до битвы Актийския то есть по окончание Республики» (СПб., 1761–1767, 16 т.); этот труд был начат Р. (т. 1–9) и закончен после его смерти Ж.-Б.-Л. Кревье (т. 10–16); первые семь томов, а также т. 10–15 снабжены обширными «предупреждениями» от «трудившегося в переводе»; в т. 8 была напечатана «Похвала г. Ролленю, сочиненная г. де Бозом, бессменным секретарем Академии надписей и словесных наук» и «Предупреждение от издателя г. Кревиера»; в т. 10 напечатано «Предупреждение от издателя г. Кревиера» о смерти Р. В «Предупреждении» к «Римской истории» Тредиаковский говорит о биографии Р., называет его своим учителем,

приводит мнения о нем известных людей того времени, характеризует его окружение. По словам Тредиаковского, «Шарль Роллен есть другой Демосфен по греческому, а Цицерон другой по латинскому языку» (Т. II. С. II). В своих оригинальных соч. Тредиаковский много цитирует и славит Р. Пер. из Р. были также в изданиях: «История славных государей с рассуждениями о их поступках и делах, собранные г. Шофиним. Из сочинений Роллена, Кревиэра и других» (СПб., 1765, пер. Я. П. Козельским труда Д. Э. Шоффорена); «Прямая слава и истинное величество» (М., 1783) в пер. А. Никольского; «Собрание разных переводов и выписок содержащие в себе жизнь великих мужей натуральную историю и прочее» (СПб., 1785, ч. I).

Лит.: *Кибальник С. А.* Об одном французском источнике эстетических взглядов Тредиаковского // XVIII век: Сб. 13: Проблемы историзма в русской литературе: конец XVIII — начало XIX в. Л., 1981. С. 219–228.

М. В. Разумовская

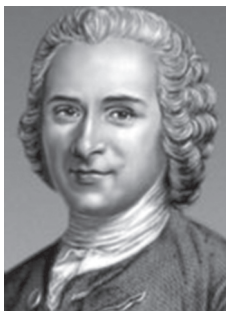
РУССО (Rousseau), Жан-Батист (6.04.1670 или 1671, Париж — 17.03.1741, Брюссель), французский поэт, обязанный своей поэтической славой прежде всего кантатам и псалмам. По эстетическим взглядам Р. — строгий классицист, выступавший за сужение значений употребляемых в поэзии слов. Русскими поэтами и критиками XVIII в. Р. ценился очень высоко. Так, например, в сатире Сумарокова «О худых рифмотворцах» (1771 или 1774) он упоминается как прирожденный поэт. Пер. Р. на русский язык появляются в основном в периодических изданиях: «Муза» (1796), «Утренняя заря» (1800). Выходит также в свет сб. соч. Р. и Тома: «Переводы из творений Жан Батиста Руссо и г. Томаса» (1774). Среди произведений, вошедших в сб., — два пер. оды Р. «К Фортуне» («A la Fortune»), принадлежавшие Ломоносову и Сумарокову. Оба пер. были напечатаны также в «Полезном увеселении» 1760. Переводил эту оду и Тредиаковский (1759). Пер. Ломоносова наиболее вольный; если Ломоносов усиливает звучание темы славы, то в пер. Тредиаковского, наиболее точном, сохраняется антивоенный пафос оригинала. Р. переводит также и Державин («Цирцея», «К старухе»). В «Рассуждении о лирической поэзии» он ссылается на кантату «Цирцея» («Circé») как на образ «кантаты, взятой из языческого баснословия». Свой вольный пер. баллады «К старухе» («A une veuve») Державин дает как образец правильной баллады, которая пишется тремя куплетами одинакового рода и меры стихами («К старухе»). Однако поэзия Р. вызывала в России не только сочувственные слова и подражания: А. Ф. Воейков, например, мимо-

ходом бросает ему обвинение в склонности к «предметам развратительным» по поводу публикации пер. кантаты «Цефал» («Céphale») в «Северном вестнике» (1805. Ч. 6. № 5). На русском языке также увидели свет две комедии Р. — в 1765 «Кафе» («Le Café», 1722) и в 1779 «Обвороженный пояс» («La Ceinture magique»).

Л и т.: *Grubbs H. A. J. B. Rousseau, His Life and Works. London, 1941.*

И. В. Лукьянец

РУССО (Rousseau), Жан-Жак (28.06.1712, Женева — 2.07.1778, Эрменонвиль близ Парижа), французский философ, писатель, композитор. Усвоение и интерпретация идей Р. в России определялись знакомством с его произведениями как на языке оригинала, так и в пер. Почти все основные соч. Р. в XVIII в. были переведены на русский язык. Его первый трактат «Рассуждения о науках и искусствах» («Discours sur les sciences et les arts», 1750) издавался трижды: в пер. П. С. Потемкина (1768, второе издание — 1787) и М. Юдина (1792). Вторым трактатом «Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes» (1755) в 1770 был переведен Потемкиным под названием «Рассуждение о начале и основании неравенства между людьми» (второе издание — 1782). В 1770 опять-таки в пер. Потемкина вышел «Discours sur cette question: quelle, est la vertu la plus nécessaire aux héros» (1770). Трактат Р. «Об общественном договоре» («Du contrat social», 1762) и его роман-трактат «Эмиль, или О воспитании» («Emile, ou de l'Education», 1762) не переводились по цензурным соображениям как «опасные»; французские издания «Эмиля» были изъяты из Академической книжной лавки, причиной чему послужил раздел романа под названием «Исповедание веры Савойского викария» (пропаганда «естественной религии» вне культовых форм и догм), что можно было воспринимать как запрет на пер. Прямого запрещения на печатание «Общественного договора» не было, однако Екатерина II возмущалась содержащимся в нем осуждением русской внешней политики. Русские читатели знакомились с опальными произведениями Р. на языке оригинала, делались попытки частичных пер. с измененными названиями; ок. 1770 появился пер. «Исповедания веры <...>» в виде брошюры без указания места и года издания и имени переводчика (им был С. Башилов), озаглавленный «Размышле-

ние о величестве божии, о его промысле и о человеке». Соч. это пользовалось известностью в среде масонов — в ряде масонских сборников печатались пер. и встречались цитаты из него (например, «Молитва и вера Ж.-Ж. Руссо» в сборнике «Орган духовный, колыбель мудрых и некоторые другие изящные назидательные вещи»). К частичным пер. из «Эмиля» следует отнести книгу «Эмиль и Софья, или Хорошо воспитанные любовники» (1779) в пер. П. И. Страхова; переработкой и продолжением этого пер. стала книга «Эмиль и София» (пер. И. И. Виноградова, 1799–1800). Особый интерес проявлялся к ст. Р. «Economie politique», написанной им для «Энциклопедии» Дидро и Даламбера, близкой по духу «Общественному договору»: существует два ее пер. — А. И. Лужкова («Статья о политической экономии или государственном благоучреждении», 1777) и В. Медведева по отдельному женеvскому изданию («Гражданин, или Рассуждение о политической экономии», 1787), а также отрывочные журнальные публикации: например, в «Сборнике разных сочинений и новостей» (1776, май) был напечатан частичный пер. ст. «Политическая экономия» под названием «О любви к отечеству». Эпистолярный роман Р. «Юлия, или Новая Элоиза» («Julie, ou La Nouvelle Héloïse», 1761) в русском пер. появился в 1769: первый том «Новой Элоизы» был переведен Потемкиным и издан в Москве; вторая часть в пер. П. С. Андреева вышла в 1792 в Санкт-Петербурге. В 1793 готовилось новое издание первой части в пер. Андреева (полный пер. «Новой Элоизы» в шести частях был сделан А. А. Палицыным и вышел в Петербурге в 1803–1804). И. Ф. Богданович отдельной книгой издал «Сокращение, сделанное Ж.-Ж. Руссо, женеvским гражданином из проекта о вечном мире, соч. г. аббатом де Сент-Пиером» (1771). На русский язык были переведены и письма Р.: к Вольтеру и четыре письма к Мальзербу, которые печатались отдельной книгой («Новые письма Ж.-Ж. Руссо», СПб., 1783) и в «Пантеоне иностранной словесности» Н. М. Карамзина. Из писем к Мальзербу русский читатель узнал о замысле и основном духе «Исповеди» («Les Confessions», 1766–1769, издана в 1782–1789). Первые известия об этом соч. Р. содержались в переводной брошюре «Выписки из уведомления о последнем времени жизни Жан-Жака Руссо, о приключении его смерти и какие по нем остались сочинения, написанного на французском языке г. Любег-Дюпрелем, доктором в Париже и цензором королевским в 1778 г. Переведено с прибавлением некоторых новейших примечаний, с описанием гробницы Жан-Жака и сочиненной ему эпитафии 1780 года,

сентября 10 дня. СПб., 1781». Русский переводчик, если судить по примечаниям, был прекрасно осведомлен о рукописном наследии Р., о его последних соч. и слухах о его смерти; кроме того, русский читатель мог прочесть в этой брошюре и программное предисловие к «Исповеди», сокращенный пер. которой, выполненный Д. С. Болтиным, появился в 1797: «Исповедание Ж.-Ж. Руссо, в котором описаны все приключения собственной его жизни» (М., 1797. Ч. I–II). Знали и о Р.-драматурге (оперы «Деревенский колдун» — «Le devin du village», 1752; «Пигмалион» — «Pygmalion», 1770), и о Р.-поэте: «Пигмалион, мелодрама из соч. Руссо, представлена российскими придворными актерами на Малом театре декабря 7 дня 1791 года. СПб., 1792»; в пер. В. И. Майкова — «Пигмалион, или Сила любви; драма с музыкою в одном действии» (М., 1779); «Колдун, ворожея и сваха, опера комическая в трех действиях» (СПб., 1789); в пер. С. А. Тучкова — «Философическая прогулка, из стихотворений женеvского гражданина Ж.-Ж. Руссо» (Беседующий гражданин. 1789. Июль. С. 270–275). Были и пер. второстепенных произведений Руссо, что говорит о его большой популярности у русского читателя.

Руссоизм как целостная идеологическая и культурная система был воспринят в России как противопоставление «естественного» и «нестественного», в основе чего лежал индивидуальный подход к человеку, как освобождение сущности вещей и отношений от лживых наслоений цивилизации, как стремление приблизить общество к природе с помощью пропаганды «естественной нравственности». По пер. можно судить о том, что из творческого наследия Р. и когда вызывало в России наибольший интерес. Обзоры соч. «славного Руссо» говорят о том, что его произведения использовались в зависимости от мировоззрения тех, кто знакомился с его творчеством, причем основными его соч. признавались трактаты о науках и искусствах, о неравенстве, «Новая Элоиза», «Эмилъ», «Общественный договор», что, в частности, отмечено в «Собрании лучших сочинений к распространению знаний и произведению удовольствия...» (1762. Ч. IV. С. 232). В 1789 вышли «Смерть и последние речи Жан-Жака Руссо с присовокуплением разговора его с Вольтером в царстве мертвых» в пер. Ив. Краснопольского; П. И. Богданович издает в 1787 «Слово похвальное Ж.-Ж. Руссо, соч. на французском языке а[двокатом] Делакура». Русский читатель был знаком и с антируссоистской лит.: «Речь г. Ворда о пользе наук и художества вопреки Ж.-Ж. Руссо» (1792) в пер. И. С. Рижского; «Рассуждение о начале и основании гражданских общежитий... Вопреки

Ж.-Ж. Руссо» (1787) в пер. А. Ф. Малиновского; «Анти-Эмиль, или Опровержение образа воспитания и мыслей Ж.-Ж. Руссо, соч. г. Фор-мея» (1796). Полемику вокруг соч. Р. отразил И.-Г. Рейхель (Собрание лучших сочинений к распространению знаний и произведению удовольствия. 1762. Ч. IV. С. 232).

В России хорошо знали не только о полемике вокруг произведений Р., но и о драматических событиях его жизни. Екатерина II приняла сторону энциклопедистов в их конфликте с Р., однако многие «оплакивали сего чувствительного и несчастного человека, сего несравненного писателя, сего друга людей», как писал переводчик «Выписок из уведомления о последнем времени Жан-Жака Руссо...» (С. 41–42, 50). Большую роль в известности Р. в России сыграли восторженные отзывы о нем его русских знакомых: графа А. А. Головкина, «большого друга Жан-Жака Руссо», графа В. Г. Орлова, которому Р. «много ласки» оказывал в Париже, законоведа Д. Поленова и др. Отношение к учению Р. определялось эволюцией общественной мысли в России. Первый трактат Р. «Рассуждение о науках и искусствах», где говорилось о пагубном воздействии на людей цивилизации, вызвал в России, где активно пропагандировалась наука, вера в прогресс разума и т. п., полемические отклики (В. К. Третьяковский, А. П. Сумароков, М. В. Ломоносов). Во второй половине 1760-х возникает дискуссия вокруг «Общественного договора», что было связано с полемикой по поводу «Наказа комиссии о составлении проекта нового Уложения» Екатерины II: явные симпатии к Р. со стороны И. И. Бецкого, Г. Г. Орлова, наследника престола Павла Петровича, хорошо знакомого с книгами Р., сочетались с отрицательным отношением императрицы, ее ироническими отзывами о нем, явным неприятием идей Р., о чем и свидетельствует «Наказ» (о роли России, о концепции деятельности Петра I, о реформах и социальных отношениях между помещиками и крестьянами). Такая противоречивость в отношении к Р. была признаком расхождения в общественных взглядах и стала причиной активной полемики по социальным вопросам. В последней трети XVIII в. в формировании русской демократической мысли большую роль играло отношение к основному философскому положению Р. «натура — общество». Противники принципов просветительского мироздания обвиняли Р. в индивидуализме и антиобщественном эгоизме. Массонские издания считали соч. Р. «вредными», поскольку масоны отвергали учение Р. о природной доброте человека, его естественной свободе, о народном суверенитете (Утренний свет. 1778.

Июль. С. 163). Хотя Н. И. Новиков, имея в виду Р., осуждает людей, «от природы великими способностями одаренных», но «по эгоизму своему и из-за ложной философии» стремящихся «быть отменными от других людей» (предисловие к «Московскому ежемесячному изданию». 1781. Ч. I. С. V–VI), он переиздал многие соч. Р., не только связанные с его религиозными воззрениями, которые масонам казались более «мирными» в сравнении с атеизмом Гельвеция: Новикова и масонов интересовали социально-нравственные аспекты учения Р. Д. И. Фонвизин, следуя традиции, восходящей к А. П. Сумарокову, испытывал интерес к политической проблематике «Общественного договора», особенно к рассуждениям о роли законов и обязательств между государем и подданными, желая использовать трактат Р. в борьбе с деспотизмом правительства; но Фонвизин опроверг мысль Р. о гибельности цивилизации, рассматривая руссоизм как разновидность невежества («Послание к Ямщкову», «Послание к слугам моим...»). Изменение отношения Фонвизина к Р. было вызвано чтением «Исповеди»: в отличие от др. философов, в которых «мало <...> человеческого», Р. привлек его нравственной высотой, совпадением жизни и проповеди. Фонвизин ценил то, что автор «Исповеди» «без малейшего притворства» обнажал «всю свою душу, как мерзка была она в некоторые моменты»; для него эта книга «есть не что иное, как исповедь всех его дел и помышлений». Свое автобиографическое соч. Фонвизин называет «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях», в нем он разделяет мысли Р. о достоинствах литературного произведения, которые зависят от искренности писателя, и о методах познания человека с помощью своего «я», хотя Фонвизин иначе, чем Р., трактует такие понятия, как зло, социальная структура и система запретов, порочность человеческой природы. Тем не менее, если в письмах к сестре в 1778 он писал «твой Руссо», то в 1784 в письме к родным Фонвизин пишет «наш любимый Руссо». Отношение А. Н. Радищева к Р. определялось его принятием отрицания феодального порядка, идеи прямого народоправства, мысли, что источник зла заключен не в «естестве», а в несправедливом общественном устройстве, вере в высокое предназначение природы человека. Однако Радищев не разделял мысли Р. о том, что человек по природе антиобщественен, видя в человеке социальное существо, поэтому Радищев иначе трактовал и теорию общественного договора в связи с др. пониманием природы человека.

Особое оживление интереса к личности и творчеству Р. было вызвано его смертью и событиями Французской революции. После смерти Р. в «Санкт-Петербургских ведомостях» появился некролог, где Р.-писатель противопоставляется Р.-философу, а его чувства — идеям в ущерб последним («“Новая Гелоиза” свернула много голов», но «еще несомненно более направила сердце»; «Читая его сочинения, нельзя не почувствовать себя добродетельным»). 1778. Июнь). Во времена революции стала очевидной связь теорий Р. с революционной практикой. Когда в 1790 во Франции отменили привилегии дворянства, в России «Политический журнал» опубликовал ст. «Руссово полуторжество в Париже. Халдейская комедия. Уничтожение дворянства» (1790. Июль. С. 1100–1101): «Так Руссовы бредни о равенстве людей сбылись на самом деле, — заявляет автор, который не сомневается в существовании связи идей Р. и событий во Франции. — А теперь управляет Руссо Францию!» Р. начинает восприниматься не как «мечтатель», а как «пророк», при этом прежде всего вспоминали о педагогическом романе-трактате «Эмиль», где сказано, что существующий общественный порядок подвержен неизбежным революциям.

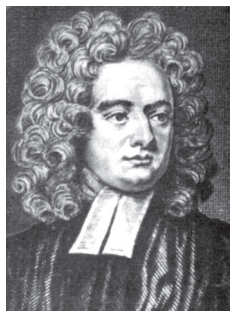
Произведения Р. оказали свое воздействие и на формирование русской лит. Глубокий читательский интерес проявляется к Р.-романисту уже в 1770-е. Р. зачитывались члены львовского кружка (Н. А. Львов, М. П. Муравьев, Г. Р. Державин, о чем свидетельствует лирика последнего). Творческое переосмысление литературных образов Р. есть в романе Н. Ф. Эмина «Игра судьбы». «Новая Элоиза» способствовала формированию в России типа философского романа чувствительного направления. Роман Р. был чрезвычайно популярен у русского читателя, который знакомился с ним по пер., в т. ч. и рукописным, и изданиям на языке оригинала. О нем часто упоминали в русских оригинальных романах XVIII в. Чтение «Исповеди» открыло русским читателям возможность понимать произведение через личность автора, поскольку каждая страница из Р. «жгла сердце». Сложное переплетение различных культурных воздействий Р. воплотилось в наибольшей мере в творчестве Н. М. Карамзина. Связанный в нач. своей литературной деятельности с масонством, он проявлял интерес к философии французских просветителей и следовал за Р. в решении проблемы о доброте и природной злобности человека. Уже во времена издания «Московского журнала» Карамзин был хорошо знаком с опубликованными тогда соч. Р., так же как и с лит. антируссоистского толка. Воздействие «Исповеди» сказалось на «Письмах русского путешественника»; размышлял Карамзин и над проблемами культурного прогресса и неравенства. Его больше интересовал Р.-психолог, социо-лог, а не политик. Поклонник художественного метода Р., Карамзин признается в любви к «Новой Элоизе» и ее «бессмертному» автору, «в самих заблуждениях» которого «сверкают искры страстного человеколюбия».

Принятие руссоизма, как и его преодоление, — процесс сложный и многосторонний: «русский Руссо» во многом предопределил отношение России к европейской просветительской мысли.

Л и т.: *Розанов М. Н.* Ж.-Ж. Руссо и литературное движение конца XVIII — начала XIX века. М., 1910; *Штрэнге М. М.* Жан-Жак Руссо и его русские современники // Международные связи России в XVI–XVIII вв. М., 1966; *Лотман Ю. М.* Руссо и русская культура XVIII века // Эпоха Просвещения: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967. С. 208–281; *Розова З. Г.* «Новая Элоиза» Руссо и «Бедная Лиза» Карамзина // XVIII век: Сб. 8: Державин и Карамзин в литературном движении XVIII — начала XIX века. Л., 1969. С. 259–268; *Златопольская А. А.* Жан-Жак Руссо в России XVIII — первой четверти XIX в. (Библиографический список произведений Жан-Жака Руссо и литературы о нем на русском языке // Петербург на философской карте мира. СПб., 2003. Вып. 2; Ж.-Ж. Руссо: pro et contra: Идеи Жан-Жака Руссо в восприятии и оценке русских мыслителей и исследователей (1752–1917). Антология. Сост. А. А. Златопольская. СПб., 2005.

М. В. Разумовская

СВИФТ (Swift), Джонатан (30.11.1667, Дублин — 19.10.1745, там же), английский писатель-сатирик, с 1714 — декан собора в Дублине. Еще при жизни он воспринимался в России как политический памфлетист. Его «Сказка бочки» («A tale of a tub», 1697, издание 1704), памфлет против религиозной нетерпимости и борьбы церкви за политическую власть, находилась в библиотеках Я. В. Брюса (в оригинале), А. П. Волынского, А. Ф. Хрушова, И. Эйхлера (во французском пер.). Творчеством С. интересовались А. Д. Кантемир, а затем М. В. Ломоносов, который во втором изд. «Риторики» в § 151 к числу «чистых» вымыслов, «составленных для нравоучения», относил «Гулливерово путешествие по неизвестным государствам» (Ломоносов. М.; Л., 1942. Т. 7. С. 222–223). Первые русские пер. произведений С. носили случайный характер и подчас связаны с недоразумениями. Так, не доказана принадлежность С. напечатанного под его именем антивоенного памфлета «Краткое изображение о естестве, пользе и необходимой потребности войны и ссор» (Трудолюбивая пчела. 1759. Сентябрь). Под неясным заглавием «Письмо» (Праздное время. 1759. Ч. 2) без указания автора был опублик. пер. памфлета «Исполнение первого из пророчеств м-ра Бикерстафа» («The accomplishment of the first of Mr. Bickerstaff's predictions», 1708) — пародии С. на астрологические альманахи. А под заглавием «Швифтовы размышления о разных

материях» (Сочинения и переводы. 1760. Апрель) печатались афоризмы Попа; новый пер. тех же афоризмов был озаглавлен «Разные мысли аглинского писателя г. Свифта» (Собрание новостей. 1775. Декабрь). Зато пер. подлинного памфлета С. «Размышление о венике» (оригинал: «A meditation upon a broomstick», 1710), пародирующего «Благочестивые размышления» английского химика и моралиста, был напечатан анонимно (Свободные часы. 1763. Март). Все пер. делались с французских или немецких пер.-посредников. Первая характеристика С. в русской печати содержалась в анонимной ст. «О стихотворстве», в разделе «Стихотворство аглинское», где сказано лишь, что он «писал многие сочинения, которым примеру в древности не находят» (Полезное увеселение. 1762. Июнь. С. 233).

Распространение известности С. в России относится к нач. 1770-х, когда были переведены «Путешествия в некоторые отдаленные страны света Лемюэля Гулливера» («Travels into several remote nations of the world by Lemuel Gulliver», 1726). Однако русскому Гулливеру предшествовал капитан Самуил Брунт — жалкое его подобие, которому приписывалось вышедшее в Англии после романа С. «Путешествие в Каклогаллинию» («A voyage to Sacklogalinia», 1727), где героем является сам капитан. И через немецкий пер. было сделано и приписано С. «Капитана Самуила Брунта путешествие в Каклогалинию или в Землю петухов, а оттуда в месяц» (СПб., 1770), переизданное Н. И. Новиковым в 1788. Лишь в 1772–1773 Собранием, старающимся о пер. иностранных книг, были изданы кн. 1–4 «Путешествий Гулливеровых», созданные переводчиком Коллегии иностранных дел Е. Н. Каржавиным; он опирался на весьма вольный и неточный французский пер. П.-Ф.-Г. Дефонтена, но несколько дополнял и выправлял свой пер. на основе более точного анонимного др. французского пер. В результате Каржавин сумел воссоздать спокойное, обстоятельное эпическое повествование о самых невероятных событиях — особенность сатирического гротеска С. Пер. имел успех, и Н. И. Новиков переиздал его в 1780. При Павле I роман С. был признан «неблагопристойным» и подвергался цензурным преследованиям. Из др. произведений С. было переведено «Предложение о исправлении, распространении и установлении Аглинского языка» («A proposal for correcting, improving and ascertaining the English tongue». — «Опыт тр. Вольного Рос. собрания». 1776. Ч. 3) — вклад С. в просветительскую борьбу за создание общенационального литературного языка. Переводчик М. И. Плещеев, член Вольного Российского собрания

при императорском Московском университете, снабдил пер. примеч., разъясняющими значение ст. для русского общества.

С кон. 1770-х имя С. изредка встречается в русской печати. Карамзин в рецензии на издание в Англии ранее не собранных произведений С. писал: «И в сих мелких сочинениях, из которых еще не одно напечатано не было, виден философический дух и остроумие известного Свифта, первого английского сатирика» (Московский журнал. 1791. Ч. 2. С. 207). В русских журналах и сб. рубежа XVIII–XIX вв. печатались анекдоты о С. Впервые биография С. на русском была помещена в «Словаре историческом» (М., 1793. Ч. II. С. 471–476), составленном на основании французских словарей.

Л и т.: *Муравьев В. С.* Свифт в России // Труды Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы. М., 1973. Т. 2; *Левин Ю. Д.* Раннее восприятие творчества Д. Свифта // Восприятие английской литературы в России. Л., 1990; *Кочеткова Н. Д.* Первый русский стихотворный перевод из Свифта // *Res traductoria*. Перевод и сравнительное изучение литератур. СПб., 2000; *Arinshtein L. M.* Swift's literary reputation in Russia // *University review*. Dublin, 1967. V. 4. N. 1.

Ю. Д. Левин

СЕН-ЛАМБЕР (Saint-Lambert), Жан-Франсуа (26.12.1716, Нанси — 9.02.1803, Париж), французский писатель. Получив образование в школе иезуитов, поступил на военную службу; с 1748 служил при находившемся в Лотарингии Дворе польского короля в изгнании Станислава Лещинского, но проводил много времени в Париже. В этот период установились его связи с Вольтером, Дидро, Ж.-Ж. Руссо и др. писателями и деятелями французского Просвещения; его «легкая» поэзия имела успех в светских салонах. После участия в военной кампании 1756–1757 здоровье С.-Л. резко ухудшилось, он вышел в отставку и посвятил себя литературным занятиям, сотрудничая в «Энциклопедии» и в периодических изданиях. Свои ранее написанные стихи он издал отдельным сб. («Recueil de poésies», 1759). Самым значительным соч., принесшим С.-Л. широкую известность и открывшим перед ним двери Французской Академии, стала его описательная поэма «Времена года» («Les Saisons», 1769), признанная Вольтером «единственным произведением нашего века, которое дойдет до потомства». В отличие от английских «Времен года» Д. Томсона («The Seasons», 1726–1730), где главную роль играли собственно описания природы, в поэме С.-Л. на первый план выступает морализация в форме нравоучительных сентенций и философских тирад, сближающих это произведение с дидактической поэмой.

В России в XVIII в. печатных пер. поэзии С.-Л. не появилось. Сравнивая творения Томсона и С.-Л., Карамзин отдавал предпочтение английскому поэту, французский представлялся ему «парижским щеголем, который, выехав в загородный дом, смотрит из окна на сельские картины и описывает их в хороших стихах»; в восприятии Карамзина С.-Л. был «приятным гостем Натуры», а Томсон — «ее родным и домашним» (Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Изд. подгот. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко [И. Паперно], Б. А. Успенский. Л., 1984. С. 368).

Большую популярность имели в России прозаические рассказы С.-Л., публиковавшиеся первоначально в «Европейской литературной газете» («Gazette littéraire de l'Europe»), и прозаические «Восточные басни» («Fables orientales»), напечатанные в 1769 в качестве приложения к «Временам года» и в 1772 изданные отдельно в дополненном составе. Первые переложения нескольких «басен» появились уже в 1769 в журнале «Всякая всячина» (ст. № 69 и 101); отдельные «басни» и небольшие их подборки входили в различные сб., преимущественно для детского чтения (Детское чтение, или Отборные небольшие повести. СПб., 1779; Благодаров Я. И. Полезное и увеселительное чтение для юношества и для всякого возраста. М., 1788; Беранже Л.-П. Нравоучение, представленное на самом деле. М., 1790; Плоды свободного времени / [Пер. Г. Бажанов]. СПб., 1795; Детская книга, или Собрание нравоучительных повестей. М., 1796; Чувствительные анекдоты, посвященные душам благородномыслящим. М., 1798; [Зимон Э. Г.]. Новые басни и повести. М., 1799). «Басни» «Добрый министр» («La retraite») и «Сон злого человека» («Le sommeil du méchant») были переведены в «Санктпетербургском вестнике» (1780. Ч. 5. Март), «Разговор о пользе просвещения» («Les lumières») — в журнале «Утренние часы» (1788. Нед. 37); четырежды переводилась в журналах (Детское чтение. 1785. Ч. 1. № 12; Уединенный пошехонец. 1786. Ч. 2. Декабрь; Новые ежемесячные сочинения. 1792. Ч. 73; Приятное и полезное препровождение времени. 1798. Ч. 18. № 31) «басня» «О нужде любить» («Le besoin d'aimer»); полный пер. всего цикла выполнил П. Попов (Басни восточные г. Сенть-Ламберта. СПб., 1779). Многие «басни» были включены на языке подлинника в хрестоматию для изучающих французский язык (Amusemens philologiques... [St. Petersburg], 1777. Т. 3; переиздание 1794–1796).

Среди др. прозаических соч. С.-Л. наибольшее внимание в России привлек рассказ «Абенаки» («L'Abenaki»), ставший одним из хресто-

матийных произведений сентиментализма и многократно переведившийся в журналах и сборниках (Ни то ни сию. 1769. Л. 14; Санктпетербургский вестник. 1778. Ч. 1. Май; [Ардт Б. Ф.]. Трязычная книга. СПб., 1779; Утренний свет. 1780. Ч. 8. Февраль; Дворяшев С. А. Веселая книжка для путешествующих людей. М., 1790; Чтение для вкуса, разума и чувствований. 1793. Ч. 12. № 103; Небылицы в лицах. М., 1793; Приятное и полезное препровождение времени. 1798. Ч. 19. № 62; Чувствительные анекдоты. М., 1798; Нравственные картины. М., 1800; Благонамеренный. 1822. Ч. 17, № 13). Отдельными изданиями и в журналах появились пер. и др. рассказов С.-Л.: «Зимео» (М., 1781; М., 1789; Прохладные часы. 1793. Ч. 2. Октябрь) и «Сара Т***» (СПб., 1779; Магазин общепользных знаний. 1795. Ч. 1. Апрель). Рассказы С.-Л., получившие широкую популярность в лит. сентиментализма, приходили в Россию в различных анонимных перепечатках, и поэтому их пер. во многих случаях не связывались с именем автора.

Дошли до русских читателей в пер. также энциклопедические ст. С.-Л.: О роскоши: Статья, переведенная из Ен்கклопедии. СПб., 1775 (подлинник: «Luxe»); Творческий дух // Новые ежемесячные сочинения. 1796. Ч. 121. (подлинник: «Génie (Philosophie & Littér)»); их авторство, в «Энциклопедии» не обозначенное, также оставалось, по видимому, для русских переводчиков и читателей неизвестным.

Л и т.: *Рак В. Д.* 1) Библиографические заметки // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19. С. 191, 195, 197; 2) Библиографические заметки // XVIII век. СПб., 1996. Сб. 20. С. 176, 180, 182, 185, 195–197, 199; *Imendörffer H.* Die Geschichte der russischen Fabel im 18. Jahrhundert: Poetik, Rezeption und Funktion eines literarischen Genres. Wiesbaden, 1998. Bd. 2. S. 581–589; *Popovs Saint-Lambert-Übersetzung* (1779).

В. Д. Рак

СЕН-МАРТЕН (Saint-Martin), Луи-Клод (18.01.1743, Амбуз — 13.10.1803, Оне близ Парижа), французский философ, один из столпов европейского масонства; разделял идею о всеобщем братстве людей, духовном единении просвещенного человечества, воспринимал революцию как законное сопротивление народа тирании, препятствующей духовному прогрессу. С.-М. был высшим авторитетом для русских масонов, от его имени они и получили название «мартинистов». С.-М. был тесно связан с русскими, которые составляли его ближайшее окружение. В соч. дневникового характера, изданном после его смерти, «Мой исторический и философский портрет» (1789–1803) С.-М. писал о «главных русских», которых он «знал лично, исклю-

чая князя Репнина», с которым был «знаком лишь по переписке» (Saint-Martin L.-C. *Mon portrait historique et philosophique*. Paris, 1961. P. 129). Это — вельможа Р. А. Кошелев, дом которого за границей был местом сбора русских масонов; В. Н. Зиновьев, однокашник А. Н. Радищева по Лейпцигскому университету, много беседовавший с С.-М.; граф С. Р. Воронцов, который был его преданным учеником, обладавшим всеми качествами для того, чтобы стать в точном смысле «взыскуемым человеком», т. е., по мнению С.-М., человеком утопического будущего мира; князь А. И. Голицын, писатель и переводчик; великая княгиня Мария Федоровна, в доме матери которой С.-М., Кошелев, Зиновьев часто и подолгу гостили; А. Машков, первый секретарь русского посольства в Париже, с которым встречался во время путешествия Н. М. Карамзин. Русские масоны проявляли особый интерес к личности наследника Павла Петровича и возлагали на него большие надежды. Между тем Екатерина II опасалась чуждых ей идей и учения мистического гуманизма С.-М. и подозревала их сторонников в покушениях на ее власть. Она не допускала сближения общественных групп с находящимся под неусыпным надзором Павлом и жестоко наказала Н. И. Новикова и его друзей за попытку связи с наследником. Указ от 23 декабря 1785 был первым, направленным против Новикова и масонского книгоиздания в целом. Выполняя распоряжение императрицы, московский архиепископ Платон после осмотра изданий, обнаруженных в типографии и книжной лавке Новикова, в числе «сомнительных» назвал произведение С.-М. «*Des erreurs et de la vérité*» (1775), в русском пер. П. И. Страхова — «О заблуждениях и истинне, или Воззвание человеческого рода ко всеобщему началу знания. Сочинение, в котором открывается примечательная сомнительность изысканий их и непрестанные их погрешности, и вместе указывается путь, по которому должно бы им шествовать к приобретению физической очевидности о происхождении добра и зла, о человеке, о натуре вещественной и о натуре священной, об основании политических правлений, о власти государей, о правосудии гражданском и уголовном, о науках, языках и художествах. Философа не известного» (М., 1785). Особое примечание Платона гласит: «Книга странная, в некоторых местах для закона и правления предосудительная, и яко исполненная по-видимому нарочной темноты, могущая служить к разным вольных людей мудрованиям: а потому к заблуждениям и разгорячению энтузиазма» (РГИА. Ф. 796. Оп. 67. № 110/47. Л. 11). По указу от 27 марта 1786 эта книга была запреще-

на и изъята из продажи в числе книг масонского содержания. Возражения на книгу С.-М. опубликовал П. С. Батурич — «Исследование книги О заблуждениях и истинне» (Тула, 1790). Это было нач. гонений на русских мартинистов.

Л и т.: *Сакулин П. Н.* Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель. М., 1913. Т. 1. Ч. 1; *Западов В. А.* К истории правительственных преследований Н. И. Новикова // XVIII век: Сб. 11: Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. Л., 1976. С. 37–48; *Лотман Ю. М.* Черты реальной политики в поэзии Карамзина 1790-х гг. (к генезису исторической концепции Карамзина) // XVIII век: Сб. 13: Проблемы историзма в русской литературе: конец XVIII — начало XIX в. Л., 1981. С. 102–131.

М. В. Разумовская

СЕН-ФУА (Saint-Foix), Жермен-Франсуа Пуллен, де (5.02.1698, Ренн — 25.08.1776, Париж), французский писатель, романист и драматург. Русские переводчики обратились к драматургии С.-Ф., комедии которого первоначально воспринимались как развлекательные и, как правило, не переводились, а «перелагались на русские нравы». С кон. 1750-х до кон. 1780-х в России были изданы: «Оракул комедия» в пер. П. С. Свистунова (СПб., 1759); «Грации, комедия в одном действии <...> В первый раз представлена была на Императорском Российском театре 22 декабря 1757 года» в пер. А. А. Нартова (М., 1760); «Государственный откупщик, комедия в одном действии» в пер. с немецкого Якова Дашкова (М., 1764); «Недоверчивый. Комедия в пяти действиях. Барона Кроника <...> и при ней малая комедия Девкалион и Пирра г. Сеньфуа» в пер. с немецкого М. И. Попова (СПб., 1765); «Арлекин в серале, комедия в одном действии. Переведена с французского К. Г. Г.» (М., 1769); «Притворный соперник. Комедия в одном действии», «с французского вольно переведенная» В. И. Лукиным (СПб., 1772); «Две турецкие вдовы <...> в одном действии сочинена по турецкому вкусу, представлена приватно в месяце мае в 1742 году. А комедиантами в первый раз 21 августа 1747 году в Париже» в пер. А. Я. Протасова (СПб., 1774, второе издание — СПб., 1775); «Зелоида. Трагедия. В одном действии» (М., 1780); «Силф, комедия в одном действии» в пер. Д. И. Вельяшева-Волынцева (М., 1782); «Июлия или Щастливое испытание. Комедия в одном действии. Переведена с французского К. П. Щ.» (М., 1788). Н. П. Николаев в стремлении сочетать развлекательность и сатиричность начал с подражания французским авторам: его первая пьеса «Попытка не шутка, или Удачный опыт» была переделкой комедии С.-Ф. «Юлия». На основе комедии «Сильф» (1743) в 1778 Н. А. Львов написал «ко-

медию с песнями» — «Сильф, или Мечта молодой женщины» на музыку Н. П. Яхонтова. Его «Исторические очерки о Париже» («Essais historiques de Paris», 1755–1757, 3 т.) были хорошо известны Н. М. Карамзину, который, по-видимому, изучал их перед путешествием и затем посещал места, заранее известные ему по книгам. В «Письмах русского путешественника» (Л., 1984. С. 218, 260, 640) он часто ссылается на С.-Ф., не скрывая этого от читателя; ссылки предваряют целый ряд описаний парижских достопримечательностей, прямо заимствованных из «Исторических очерков о Париже»; труд С.-Ф. служил Карамзину своего рода гидом.

Л и т.: *Берков П. Н.* История русской комедии XVIII в. Л., 1977; *Кукушкина Е. Д.* Комическая опера Н. А. Львова «Сильф, или Мечта молодой женщины» (К вопросу о методе Львова-драматурга) // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Вып. 4. Л., 1981. С. 48–53.

М. В. Разумовская

СЕРВАНТЕС Сааведра (Cervantes Saavedra), Мигель, де (крещен 9.10.1547, Алькала де Энарес — 23.04.1616, Мадрид), испанский писатель, драматург, поэт, автор всемирно известного романа «Дон Кихот». Поскольку знание испанского языка в России XVIII в. было редкостью, с творчеством С. знакомились, как правило, через французское или немецкое посредничество. Первое в русской лит. упоминание о

«Дон Кихоте» зафиксировано в пояснении к тексту переводной книги «Рассуждения о оказательствах к миру» (СПб., 1720): «В книге, называемой “Донкисхот”, описано фабульное житие гишпанского кавалера, Донкисхот называемого, который будто, езда по всему свету, многие смеху достойные и фантастические дела делал и за всякого человека, которого он обижен быть почитал, вступался и один воевал. О нем же в той же книге описано, что он с ветряными мельницами, почитая оные за великих богатырей, дирился». Далее поясняется, что такое «кавалеры заблудящие»: «шевальеры эрранты или заблудящие кавалеры называются все те, которые, езда по всему свету, без всякого рассуждения в чужие дела вмешиваются и храбрость свою показывают». Среди «Рассказов Нартова о Петре Великом» есть такой: «Государь, отъезжая к Дюрнкирхену и увидя великое множество ветряных мельниц, рассмеявшись, Павлу Ивановичу Ягужинскому сказал: “То-то бы для Дон-Кишотов было здесь работы!”». В париж-

ской библиотеке А. Д. Кантемира, знавшего испанский, находились «*Novelas exemplares*» С. издания 1739.

Произведения С. начали издаваться в России в 1760-е. Однако еще до выхода в свет на русском языке «Дон Кихот» был известен в России по французским и немецким пер. О нем упоминает В. К. Третьяковский: «...разговору должно быть натуральну, а именно такому, какой был при всех удивительных похождениях между скитающимся рыцарем Донкишотом и стремянным его Саншею Пансою» («Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и о всем, что принадлежит к сей материи», 1747); А. П. Сумароков в «Письме о чтении романов» (1759) относит роман С. к малому числу «достойных» произведений этого жанра, главная ценность его в том, что «Донкишот — сатира на романы». М. В. Ломоносов был знаком с «Дон Кихотом» по немецкому изданию 1734, приобретенному им в 1761.

Впервые «Дон Кихот» был напечатан по-русски в 1769 («История о славном Ла-Манхском рыцаре Дон Кишоте», т. 1–2, СПб.); это пер. с французского 6-томного пер. Фийо де Сен-Мартена (первое издание: 1678), выполненный И. А. Тейльсом. Русский текст обрывается на главе XXVII, т. е. содержит в себе три первых книги Сен-Мартена. В 1791 вышел в свет второй русский пер.: «Неслыханный чудодей, или необычайная и удивительнейшая подвиги и приключения храброго и знаменитаго странствующаго рыцаря Дон Кишота» (СПб.). Пер. сделан Н. П. Осиповым по сокращенному французскому пер.-переработке 1746 и был переиздан в 1812 под названием «Дон Кишот Ла Манхский» (М.).

В кон. XVIII в. «Дон Кихот» прочно вошел в русский литературный обиход. Нередки упоминания о героях С. в журналах; появились неологизмы «донкишотствовать» (в 1782 использован Г. Р. Державиным в «Оде к Фелице») и «донкишотство» (1782). В 1782 пер. романа К.-М. Виланда был озаглавлен «Новый Дон Кишот, или Чудные похождения Дона Сильвио де Розальвы»; в кон. XVIII в. была создана рукописная повесть «Анисимыч, Нового рода Дон-Кишот. Истинная быль с прибавочкою и прикрасочкою, или Превращение раскольника в ромонического любовника, выдавшего на яву чертей. Росикское сочинение 1793 года». Несколько раз ссылается на роман С. И. А. Крылов; в его журнале «С.-Петербургский Меркурий» (1793) была напечатана «Жизнь славного Серванта» Ж. П. Флориана. Дон Кихот упоминается в «Житии Федора Васильевича Ушакова» (1789)

и «Путешествии из Петербурга в Москву» (1790) А. Н. Радищева; в поэме «Бова» есть строки:

Были рыцари не хуже
Славна в свете Дон Кишота.
В рог охотничий, в валторну
Всем трубили громко в уши:
Дульцинея Тобозийска
Всех прекраснее на свете.

Санчо Панса был известен своей привычкой изъясняться пословицами, а также как справедливый и мудрый правитель из народа; этот образ повлиял на творчество В. А. Левшина.

Неоднократно и в разных контекстах сопоставлял себя с Дон Кихотом Н. М. Карамзин. В «Письмах русского путешественника» он называет себя «рыцарем веселого образа» (письмо 6), вспоминает, что вера в сказки делала его «в ребячестве маленьким Дон-Кихотом» (письмо 75); в письме 1793 к И. И. Дмитриеву он пишет: «Назови меня Дон-Кихотом, но сей славный рыцарь не мог любить Дульцинею так страстно, как я люблю — человечество!» По предположению Ю. М. Лотмана, «когда Карамзин называл сборник своих произведений “Мои безделки”, он, конечно, помнил беседу Дон Кихота в барселонской типографии» о книге с названием «Le Bagatelle» («Безделки»).

В 1800 в журнале Н. П. Осипова «Что-нибудь от безделья на досуге» (Ч. X) помещено «Послание Серванта Сааведры (сочинителя славного Дон Кишота) к университетскому студенту» и указан переводчик — Н. О. По мнению М. П. Алексеева, это литературная мистификация, автор «Послания» — по-видимому, сам Осипов — использовал известное читателям имя, чтобы выступить с критикой состояния просвещения и науки в кон. XVIII в.

Драматические произведения С. в XVIII в. не переводились, но переработки и подражания «Дон Кихоту» находили свое воплощение на русской сцене. В 1765 в Петербурге была представлена пьеса Ф. Детуша «Безстыдно-любопытный» (опубл. М., 1788) — переделка вставной новеллы из романа; в 1785 и 1787 в Москве ставилась комическая опера «Санхо Панса губернатором в острове Баратарии» (текст А. Пуансине, пер. В. Левшина). Отдельные (комические) черты Дон Кихота присущи и заглавному герою написанной Екатериной II «Сказки о горобогатыре Косометовиче» и созданной на ее основе комической оперы «Горобогатырь Косометович» (СПб., 1789), которую несколько раз ставили на придворной сцене. Косометович

(в его образе высмеивается шведский король Густав III, начавший неудачную войну с Россией) выбирает себе коня и доспехи и решает стать странствующим рыцарем:

Геройством надуваясь,
И славою прельщаясь,
Лоб спрячу под шишак,
Надену рыцарски доспехи,
И сильной мой кулак
В бою доставит мне успехи.

Предприятие Косометовича оканчивается, разумеется, побоями. С Дон Кихотом (безрассудным и смешным) в последние годы XVIII в. традиционно отождествляли и Павла I. В анонимном стихотворении 1799 говорилось:

Нет, Павлуша, не тягайся
Ты за Фридрихом Вторым:
Как ты хочешь, умудряйся —
Дон-Кишот лишь перед ним.

Кроме «Дон Кихота» в XVIII в. в России издавались и др. произведения. Первое из них по времени публикации — одна из «Назидательных новелл», «Las dos doncellas»: «Две любовницы. Гишпанская повесть Мих. Цервантеса Сааведры, авктора [sic!] Дон Кишота» (М., 1763; переиздание: М., 1769). Упоминание «Дон Кишота» на титульном листе свидетельствует о достаточной известности этого романа, в то время еще не переведенного на русский язык. Выходили также (отдельными изданиями и в журналах) «La fuerza de la sangre» (М., 1764; М., 1794; СПб., 1794), «El celoso extremeco» (1781), «La Gitanilla» (1795), отрывки из «Дон Кихота» (СПб., 1779 — пер. новеллы, добавленной Фийо де Сен-Мартеном; СПб., 1781), две вставные новеллы из «Los trabajos de Persiles y Sigismunda» (СПб., 1781), роман «Galatea» — в отрывках и полностью, по пер.-переделке Флориана (М., 1790; М., 1795; М., 1796; СПб., 1799; М., 1800).

Все указанные пер. выполнены с французского, в Петербурге и Москве, кроме: «Прекрасная цыганка. Испанская повесть. Сочинения г. Сервантеса, автора Дон Кишота» (Смоленск, 1795) — пер. с французского пер. Лефевра де Вилльбрюна (1775).

Следует также отметить стихотворные пер. поэтических фрагментов в «Дон Кихоте» у Н. П. Осипова, в «Прекрасной цыганке», в «Галатее» у А. И. Ханенко (1796, 1799) и А. Кандорского (1800) — в др. случаях стихи либо опускались, либо пересказывались прозой.

Флориановы «Жизнь Серванта» и «О сочинениях Серванта» издавались несколько раз, отдельно (1793) и в качестве введения к «Галатее» (1790, 1799). Помимо биографических сведений Флориан дает критический обзор творчества С. («новость “невольник” — наилучшая в “Дон Кишоте”», «новости Серванта во многом не стоят “Дон Кишота”», «Сервант заставляет своих пастухов умствовать, как будто бы они были на кафедре»), критикует французские пер. «Дон Кихота» за буквализм и объясняет свои принципы работы с текстом «Галатеи»: это не пер., а подражание, «я почти никогда не переводил, а особливо стихи, нимало не похожи на Гишпанские. Я взял только основания приключений...». Здесь же впервые приводится пер. посвящения графу де Лемос из «Странствий Персилеса и Сихизмунды». Флориан руководствовался заявленными принципами подхода к тексту С. и в собственном пер.-переделке «Дон Кихота», с которого в нач. XIX в. перевел роман С. на русский язык В. А. Жуковский (Ч. 1–6. М., 1804–1806).

Л и т.: Умикян А. Д. Ранние русские переводы Сервантеса (1763–1831) // Сервантес: Статьи и материалы. Л., 1948. С. 214–239; Алексеев М. П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI–XIX вв. Л., 1964; Багно В. Е. Дорогами «Дон Кихота». М., 1988; Сервантес в русской литературе: Писатели о писателях / Сост. В. Г. Гинько. М., 1988.

К. С. Корконосенко

СКАНДИНАВСКО-РУССКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ.

Существует мнение, что русско-скандинавские литературные контакты возникли лишь во второй половине XVIII в. (Некрасов Г. А. 1000 лет русско-шведско-финских культурных связей (X–XVIII вв.). М., 1993. С. 129). Однако уже в 1725 был опубликован шведский пер. «Слова на погребение Петра Великого» Феофана Прокоповича, а на рубеже XVII–XVIII вв. в Швеции издавались соч. на русском языке, принадлежащие шведским авторам: в 1697 — «плачевная речь» и вирши на смерть короля Карла XI шведского лингвиста Й. Г. Спарвенфельда, в 1704 — его же стихотворное предисловие к латинскому

трактату пастора Н. Бергиуса «Опыт о гражданском состоянии и религии московитов», в 1715 — стихотворное поздравление по случаю «высокорадостного бракосочетания» шведской принцессы Ульрики Элеоноры и ландграфа Фридриха Гессенского бывшего переводчика Карла XII, а к моменту выхода панегирика сотрудника Государственного архива Э. Лиллиемарка. Кроме того, в Швеции издавались лютеранские молитвословия на русском языке. В 1701 в Нарве вышел «Катехизис Лютера» (Lutheri Catechismus), в котором, как и в стихотворном предисловии Спарвенфельда, русский текст набран латиницей, но готическим шрифтом. Лютеранские молитвы переводились и в России, правда, только в том случае, если они сопровождали шведские тексты (например, рукописные пер. «Воинских артикулов» Карла XI или «Основательного наставления, как минеральной воде на Медви в Остроготии наилучшее быть употребленной»).

Среди иностранных соч., переведенных в России в первой половине XVIII в., доля скандинавских произведений ничтожно мала. Практически неизвестна была скандинавская поэзия. В. К. Третьяковский не упоминает ни древних, ни современных датских и шведских авторов, игнорирует сам факт существования северной поэзии. Перечисляя в помещенной в «Новом и кратком способе» (СПб., 1735) «Эпистоле к Аполлину» посещенные Аполлоном страны, Третьяковский называет не только Францию, Англию, Германию, но и ближайших соседей России: Турцию и Польшу. «Соседственная» Швеция в этом списке отсутствует. Известно, что Третьяковский-реформатор русского стиха читал трактат пастора Бергиуса, но свое мнение о стихотворном творчестве Спарвенфельда не высказал.

Русские авторы XVIII в. скандинавскими языками интересовались крайне редко. Среди известных русских поэтов и переводчиков лишь И. С. Барков несомненно владел шведским: ему принадлежит пер. «Шведского Городского и Земского Устава общих судейских прав» 1709, входящего в книгу «Переводы с латинского и шведского языков. Случившиеся во времена императора Марка Аврелия римского и Каролуса XII Шведского» (СПб., 1786; в книге указано, что пер. был осуществлен в 1758), однако творчество шведских поэтов его не интересовало. Даже в 1820-х, незадолго до того, как знаменитый «посланец северной культуры в России» Я. Грот писал о «неслыханном богатстве шведского языка» (Николаева М. Когда Швеция завоевала Россию. Стокгольм, 1996. С. 97), русский автор анонимной журнальной ст. о Тегнере указывал, что «Шведский язык, <...> во многом беден и обра-

зован отчасти по французскому, отчего в нем и встречается много французских слов» (Московский вестник. 1828. № 14. С. 215). Характерно, что пренебрежительные отзывы о скандинавских языках принадлежат и скандинавским авторам: в 1788 датский сентименталист Й. Баггесен замечал, что «если бы с колыбели говорили по-немецки, а не по-датски, то писали бы теперь более красивые стихи» (Тиандер К. Ф. Датско-русские исследования. СПб., 1912. Вып. 1. С. 57).

Первой книгой на русском языке, содержащей сведения о шведской поэзии, был пер. «Всеобщего Швеции изображения» (СПб., 1797, глава «Науки и художества») Ж.-П. Като-Каллевиля. По мнению автора, долгое время шведская поэзия была несовершенной, сильно отставала от французской и поэтому не заслуживала внимания, однако «около половины сего века вкус к наукам в недрах государства водворился и с сего времени стихотворцы явились, которыми Швеция гордиться может» (С. 339). По Като-Каллевилю, первым достойным упоминания шведским поэтом является О. Далин, «творец стихотворства, он сочинил поэму под заглавием “Шведская вольность”, трагедию, оды и множество мелких стихотворений» (там же). Др. шведские авторы, его последователи, «отличные способности оказали: приятная и твердая философия отличает оды, послания, идиллии и сатиры графа Гилленборга» (С. 344), Х.-Ш. Норденфлюхт (в 1760 издавшая шведскую оду Павлу Петровичу) «нежна, жалобна, а иногда и слишком томна» (там же), «граф Оксенстирна, которого одно имя уважение заслуживает, выдал несколько отдельных сочинений, великую честь ему приносящих» (С. 345). И, наконец, «в сочинениях г. Килгерна виден вкус, разум и соображение в одах и сатирах; он хорошими стихами переложил многие театральные сочинения автора-венценосца (короля Густава III. — М. Л.). Гг. Клеберг, Леопольд, Лиднер и Слоберг занимают почтенное место Шведскаго парнаса» (там же). Однако со стихотворениями шведских авторов русский читатель познакомиться не мог, их начали переводить лишь в нач. XIX в., как правило, прозой. Со скандинавской историей, в т. ч. и фантастической, в России XVIII в. были знакомы значительно лучше, чем с поэзией.

В XVII в. в Упсале при активном участии коллеги О. Рудбека (знаменитого автора «Атлантики, или Манхейма», где утверждалось, что Эдем находился в Швеции, а имя Адам происходит от шведского *av damm*, т. е. «из праха») О. Верелия издавались старинные манускрипты, содержащие рассказы о баснословной истории скандинавов. В XVIII в. некоторые из этих соч. переводились на русский язык и, ве-

роятно, пополняли список русских авантюрных и приключенческих повестей: в «Повести Герварской или о походах (на древнем готфском языке)» герой, «раскаиваясь в братоубийстве, удалился в лес и, пристав к разбойникам, сделался над ними предводителем, а после того принял правление над народом», неверная жена «с притворною ласковостью неотступно просила» венценосного мужа открыть ей свою тайну и в конце концов погубила его; в «Истории о Гиалмаре, царе Биармландском и Тулемаркском» встречаются «драгоценные гусли, будущее предвозвещающие», ее герой читает убийственный для врагов «волшебный стих»; в «Повести о Геральде и Бозе» «рыцарствующие» герои побеждают многочисленных врагов, попадают в плен и, благодаря волшебству, избегают казни, спасают принцессу, побеждают чудовищного зверя, добывают золотое яйцо, в котором находилась страшная змея, никого не подпускающая к своей хозяйке, и т. д. При этом читателю предлагается не забывать, что перед ним исторический источник.

Русские пер. повестей включали стихотворные фрагменты: в «Истории Готриция и Ролфа, царей Вестроготфских» «Регнар, будучи весь покрыт ранами от змиев, при последнем издыхании воспел следующую песнь:

Оставим все теперь,
Меня зовут там девы,
Отверз где Один дверь,
Мне сладки их напевы.
Иду я пиво пить
В чертог с его друзьями.
Уж полно жизнь мне жить,
Я разлучаюсь с вами.

Знаменитый король Рагнар Лодброк (пленный во время неудачного похода в Англию, убитый по приказу английского короля Эллы и отощенный своими сыновьями) в самой «Истории Готриция и Рольфа» не упоминается; его предсмертная песнь читается в латинских комментариях к слову Вальгалла (в первой главе «Истории») и напечатана на исландском и латинском языках. Шведский текст песни в примечаниях отсутствует, и, следовательно, русский стихотворный пер. был сделан с латинского, а не со шведского пер. исландского оригинала.

Известно, что процитированная Верелием «Смертная песнь Рагнера Лодброга» является фрагментом баллады XII в. «Песнь Краки» («Krakimel»), авторство которой традиционно приписывается скальду Браги Бодвассону. Впервые эта состоящая из 29 строф баллада

была издана руническим шрифтом в сопровождении латинского пер. датским историком и антикварием О. Вормом в «Literatura runica» (1636, второе издание — 1651). Затем исландский оригинал и его стихотворный шведский и прозаический латинский пер. были приведены в книге исследователя шведских древностей Э. Бьернера «Северные боевые подвиги, собранные во множестве саг о древних королях и героях» (Стокгольм, 1737) в тексте «Саги о Рагнаре Лодброкке и его сыновьях».

Полный русский прозаический пер. этой баллады был опубликован в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» (№ 8, 1795, с немецкого, «из Казагартена»), а также во втором томе «Введения в историю Датскую» (СПб., 1785) швейцарского ученого П.-А. Малле (под названием «Песня короля Регнера Лодброга»). Кроме указанной песни, в книгу Малле входит пер. средневековой шведской «Истории о Карле и Гримере, королях шведских, и об Гиакмаре, сыне Гарека, короля Биармии», а также истории о Гаральде Сигурдарсоне, добывавшемся руки дочери Ярослава Мудрого (этот сюжет разрабатывался в русской поэзии рубежа XVIII–XIX вв.: Н. А. Львовым в «Песни норвежского витязя Гаральда Храброго» (1793) и И. Ф. Богдановичем в «Песни храброго шведскаго рыцаря Гаральда» (1810)). Основной частью второго тома «Введения в историю Датскую» является русский пер. французского пер. Эдды и комментариев, из которых русский читатель мог узнать, что «Едда была токмо наставлением в стихотворстве и употреблению молодым Исландцам, которые назначали себя к тому, чтобы быть Скальдами или стихотворцами», а само это слово «происходит от одного знаменования на древнем Готфском языке, означющего прабабушку».

Если в кон. XVIII в. произведения древнескандинавской лит. воспринимались в России как исторические документы или авантурные повести, то в 1760-х русские переводчики предлагали интерпретировать эти сюжеты в духе морализаторских публикаций журнала «Полезное увеселение». Замечание Л. Гольберга (Истории Датская. СПб., 1765–1766), что пиратство «в тогдашнее время у Северных королей в обыкновении было, и они возвращались домой с великою добычей» (С. 128–129), сопровождается следующим коммент. Я. Козельского: «Сему странному и вредному обычаю не надлежит удивляться. Он был не в одне сии древняя и отдаленная времена, а и ныне в силе. Нынешней свет как ни хвастает себя политичным, однако он неважное перед прежними временами получил, да и получил ли приращение в добро-

детели; а разность только в том, что теперешние люди не так просто, как прежние, а искуснее обижают своих ближних» (там же).

В кон. XVIII в. в России появились соч. скандинавских авторов, посвященные римской лит. и истории: в 1783 вышел пер. «Созерцания превосходнейших писателей латинского языка в златом, серебряном и железном веке процветавших для пользы учащегося юношества» датского автора XVII в. О. Борка (с латинского оригинала), в 1792 — пер. «Краткого описания о жалостном разорении Иерусалима» (со шведского оригинала). Источником последнего пер. является вышедшая в Стокгольме в 1607 переработка книги Иосифа Флавия. Впоследствии это соч. было издано вместе с катехизисом Лютера и книгой псалмов (Стокгольм, 1627). Выбор издателем и переводчиком И. Зедербаном подчеркнуто «христианской» редакции XVII в. (а не «внеконфессиональных» историй о взятии римлянами Иерусалима, которые выходили в Швеции на протяжении всего XVIII в.) может объясняться композицией, включающей этот пер. книги: «христианский» текст соседствует здесь с «переведенной с турецкого» «мусульманской» сказкой («Ах, какая прекрасная сказка»).

К числу исторических соч. относится и изданный в Москве в 1788 «Монумент шведскому генералу Иоанну Банеру с историческим описанием бывшей войны между Густавом Адольфом, королем Шведским, и Сигизмундом, королем Польским, и с кратким известием начавшейся вскоре после того в Германии Тридцатилетней войны за веру» автора панегириков королю Густаву III К. Ингмана. Русский пер. сделан с немецкого пер., опубликованного в 1783 в Петербурге издателем К. Т. Дальгреном (большая часть произведений шведской тематики попадала в Россию через «шведских» издателей: в Петербурге находилась типография К. Дальгрена, в Москве — упоминавшегося И. Зедербана; иногда эти издатели публиковали пер. одних и тех же шведских текстов: сразу после покушения в 1792 на Густава III и Дальгреном, и Зедербаном было издано «Достоверное известие о происшедшем в ночи с 16 на 17 число марта 1792 г. злодейственном умысле на жизнь его величества короля швецкаго», а в Москве — еще и «Достоверное известие о убийстве его величества короля швецкаго... 10 апреля 1792 г.»). В «Монументе», как и в своих панегирических речах, Ингман проводит любимую королем мысль о преемственности трех шведских Густавов: Густава Вазы, Густава II Адольфа и нынешнего Густава III.

Русский пер. «Монумента» посвящен генералу П. И. Панину, спасшему, по словам переводчика Ивана Петровского, отечество от внеш-

них и внутренних врагов. Как следует из предисловия, главный герой «Монумента» шведский генерал Банер является лишь подобием русского полководца, а сам выбор «прототипа» русского генерала объясняется прошведской позицией братьев Паниных.

Во второй половине XVIII в. переводятся соч. нравоучительного содержания, например, написанные на французском языке «Размышления и нравоучительные правила» (СПб., 1771) графа Оксеншерны. Полностью и частично переводились т. н. «Мнения графа Оксеншерны» («*Pensées de monsieur le comte d'Oxenstiern sur divers sujet avec les réflexions morales*»): в «Сочинениях и переводах к пользе и увеселению служащих» содержатся некоторые главы этого произведения («О деньгах», «О уединении» — май 1758, «О философии» — июнь 1758), в 1792 отдельной книгой вышли «Мнения нравоучительные на разные случаи с правилами и рассуждениями господина графа Оксенштирна» (М., 1792).

В отличие от шведской лит., главные авторы которой не были известны в России очень долго, датская (точнее, датско-норвежская) лит. уже в 1750-х была представлена творчеством Л. Гольберга (его пьесы на немецком языке появились в России уже в 1740). Переводились драматические соч. Гольберга («Генрих и Пермилла» (1764), «Превращенный мужик» (1765), «Арабский порошок, или Мнимый Алхимист» (1781), «Гордость и бедность» (1788) и т. д.), басни («Нравоучительные басни» (1761) в пер. Д. И. Фонвизина), сатирическая утопия «Подземное путешествие Нильса Климма» (1762), «письма» нравоучительного содержания (публиковавшиеся в русских журналах: «Трудолюбивая пчела», «Ежемесячные сочинения»), соч., посвященные знаменитым историческим фигурам («Письмо барона Гольберга к приятелю о сравнении Александра Великого с Карлом XII, королем Шведским» (1788), напечатанное в «Ежемесячных сочинениях» (1757, март); «Сравнение жития и дел разных, а особливо восточных и индийских великих героев и знаменитых мужей, по примеру Плутархову» (1766) или «История разных героинь и других славных жен» (1767), где по образцу тех же «Сравнительных жизнеописаний» сопоставляются Агриппина и Екатерина Медичи, Клеопатра и Анна Болейн, Мария Стюарт и шведская королева Христина), а также произведения исторического содержания («История датская» (1765–1766) и «Универсальная история» (1766)). Пер. Гольберга не только знакомили русского читателя с творчеством знаменитого просветителя, но и формировали отношение к др. скандинавским стра-

нам, к Швеции, в частности. Так, непостоянство шведской королевы Христины проявляется в ее отношении к датскому королю, а ее отречение от престола рассматривается с точки зрения датских интересов («История разных героинь...»). В «Универсальной истории» на вопрос «Какое нынешнее состояние Дании?» следует ответ: «До последней войны с Швециею Дания в непрестанном страхе пребывала для возрастающей от дня в день силы шведской. Но по благополучном окончании войны и по стеснении Швеции почти в древних ее пределах, сей страх минул» (СПб., 1766. С. 249). С позицией знаменитого шведского поэта, издателя и историка О. Далина русский читатель мог познакомиться только в нач. XIX в. (хотя рукописный пер. его «Истории Шведского государства» был выполнен уже в XVIII в.), и поэтому долгое время на Швецию смотрели с датских позиций (правда, в России переводились французские соч. «прошведского» характера, например, «Геройский дух и любовные прохлады Густава Вазы, короля шведского» (СПб., 1764) Комона де ла Форса, где отрицательным героем является датский король).

В кон. столетия происходит личное знакомство русских и скандинавских авторов: во время своего путешествия по Европе Н. М. Карамзин дважды (в Цюрихе и Женеве) встречался с Й. Баггесеном. В «Письмах русского путешественника» Карамзина и в «Лабиринте» Баггесена описываются одни и те же места, события, люди, в «Письмах» же содержится короткий рассказ о Баггесене («сей последний сочинил на Датском языке две большие Оперы, которые отменно полюбились Копенгагенской публике» (Тиандер К. Ф. Датско-русские исследования... С. 9). Однако ни о каком литературном взаимовлиянии Карамзина и Баггесена речи быть не может.

Русско-скандинавские литературные контакты в XVIII в. нельзя назвать интенсивными, однако, несмотря на географическую близость стран (этим обстоятельством русский переводчик книги Като-Каллевиля объясняет отсутствие необходимых знаний о Швеции в России), они осуществлялись. Как правило, соч. скандинавских авторов переводились с немецкого и французского языков, а сами писатели (за исключением Гольберга) в России были неизвестны. В Скандинавии же русских писателей знали: в «Истории путешествий в Россию, Сибирь и Великую Татарию» (1730) Ф. Й. Страленберга упоминаются Симеон Полоцкий и Феофан Прокопович, а в предварявшем французский пер. «Чесменского боя» (1772) М. М. Хераскова и хорошо известном финско-шведскому филологу,

профессору риторики в университете Або Г. Г. Портану «Рассуждении о российском стихотворстве» содержится обстоятельный рассказ о Кантемире, Тредиаковском и Ломоносове.

Лит.: *Тиандер К. Ф.* Датско-русские исследования. Вып. 1. СПб., 1912; *Шарынкин Д. М.* Скандинавская литература в России. Л., 1980; *Некрасов Г. А.* 1000 лет русско-шведско-финских культурных связей (X–XVIII вв.) М., 1993; *Биргегорд У.* Плачевная речь по Карлу XI на русском языке // Подобаает память сътворити: Essays to the Memory of A. Sjöberg. Stockholm, 1995; *Кан А.* Шведско-русские культурные связи в XVII–XVIII вв. // Царь Петр и король Карл. Два правителя и их народы. М., 1999; *Möller B.* Svensk bokhistoria. Stockholm, 1931; *Stolpe S.* Svenska folkets litteraturhistoria. Boras, 1973; *Algulin I.* A history of Swedish literature. Uddevalla, 1989.

М. Ю. Люстров

СКАРРОН (Scarron), Поль (4.07.1610, Париж — 7.10.1660, Париж), французский поэт, романист, драматург. Имя С. было хорошо известно русскому читателю; его литературное влияние оказало воздействие на многих русских сочинителей. С.-поэт, противник эстетики классицизма, был создателем нового жанра — бурлеска, где античные боги и герои, наделенные человеческими слабостями и пороками, изображались в

будничной обстановке («Тифон, или Гигантомахия» — «Typhon, ou Gigantomachie», 1644; «Перелицованный Вергилий» — «Virgile travesti», 1648–1652); кроме того, эти поэмы пародировали и методы прециозной лит. Поэмы С. стали образцами широко известного в Европе жанра «низкого» бурлеска, в противовес которому Буало ввел в лит. вид «высокого» бурлеска. А. П. Сумароков, приверженец теории Буало, в своей «Эпистоле о стихотворстве» одобряет, однако, оба вида бурлеска. Русские поэты воспользовались уроками С. «Русским Скарроном» называли И. С. Баркова: Н. М. Карамзин в «Пантеоне российских авторов» отметил, что Барков «есть русский Скаррон и любил одни карикатуры», что одинаково неточно по отношению к тому и др. (Карамзин Н. М. Избранные сочинения: В 2 т. Л., 1964. Т. 2. С. 167); В. И. Майков, обращаясь в первой песни своей бурлескной поэмы «Елисей, или Раздраженный Вакх» к «возлюбленному Скаррону», тоже имел в виду Баркова. Н. П. Осипов создал, переводя австрийского поэта А. Блумауэра, поэму по образцу «низкого» бурлеска «Вергилиева Энейда, вывороченная наизнан-

ку», продолженную А. Котельницким. М. Д. Чулков в своих поэмах, напечатанных в его журнале «И то и сьо», использовал и «высокий» и «низкий» бурлеск. Русский читатель мог познакомиться и с др. соч. С.: его «Les Nouvelles tragicomiques» (1661) были переведены в Твери («Траги-комические новости г. Скаррона» (М., 1788)); «Мешенина катоноскарроническая, сочинение периодическое в стихах, выходящее в свет для забавы покровителей наук, знатоков и охотников» (СПб., 1773, январь), куда были включены отрывки из соч. С. Бытописательный роман С. «Le Roman comique» (1651–1657) был переведен с немецкого языка В. Е. Тепловым: «Господина Скаррона шутливая повесть» (СПб., 1763); в это издание были включены не только «Комический роман», но и «Господина Скаррона описание о самом себе» и «Известие о жизни и сочинениях господина Скаррона». Явные следы чтения произведений С. и его влияния ощутимы в прозаических и стихотворных соч. М. Д. Чулкова, который читал пер. Теплова. В эпиграмме Ф. А. Эмина о Чулкове сказано: «И вздумал о себе, как будто он Скаррон» (Трутень. 1769. 28 июля. Л. 14), но Чулков и не отрицал этого. В его «Пересмешнике, или Славенских сказках» есть ряд повестей, которые близки к прозе С., особенно к «Комическому роману» (вступительные главы, обрамляющие сб. повестей в целом, новеллы, рассказанные монахом в основном тексте произведения, текстуальные заимствования, названия 10-й и 11-й глав, имя персонажа Злобин [Rancune], ирония автора по отношению к собственному повествованию, авторские пояснения). Пародийное посвящение Чулкова, предпосланное его незавершенному роману «Пригожая повариха, или Похождение развратной женщины», напоминает посвящение «Комического романа»; один из героев С. Раготен послужил образцом для сходных образцов в произведениях Чулкова («Сказка о рождении тафтяной мушки», его журнал «Парнасский щепетильник»). И С., и Чулков создавали роман нового типа, отрицающая использование классической мифологии и штампы современного им романа (для С. — романа прециозного, для Чулкова — произведения Эмина); оба пытались ниспровергнуть иерархию литературных жанров и ввести современную жизнь в лит. своего времени.

Л и т.: *Гаррард Дж.* «Русский Скаррон» (М. Д. Чулков) // XVIII век: Сб. 11: Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. Л., 1976. С. 178–185.

М. В. Разумовская

СТЕРН (Sterne), Лоренс (24.11.1713, Клонмел, Ирландия — 18.03.1768, Лондон), английский писатель. Русские читатели начали знакомиться с творчеством С. преимущественно через французское, а также немецкое посредство. Книги С. находились в частных библиотеках не только столичных, но и провинциальных. Так, в семейном альбоме вологодских дворян Брянчаниновых есть запись С. А. Брянчаниновой: «Читавши

Стерна, мне так понравились два письма Елизы к Йорику, что я не могла отказать себе удовольствия их перевести. Пусть прочтет их мать моя и восхитится со мною вместе» (Мартынов И. Ф. Провинциальные книголюбы XVIII в. // Русские библиотеки и частные книжные собрания XVI–XIX вв. Л., 1979. С. 138). С творчеством С. была знакома Екатерина II. Е. Р. Дашковой «особенно нравилось» его «Сентиментальное путешествие» (Интимный дневник шеваляе де Корберона // Новый журнал литературы, искусства и науки. 1907. № 3. С. 30). Пер. из соч. С. стали появляться в русской периодике с кон. 1770: «Отрывок из аглин-ской книги <...> Йорикова чувственное путешествие чрез Францию и Италию» («A Sentimental Journey through France and Italy», 1768) был переведен с немецкого Б. Арндтом (С.-Петербургский вестник. 1779. Ч. 4. Июль). Др. отрывки из соч. С. печатались преимущественно в журналах 1790-х («Московский журнал», «Приятное и полезное препровождение времени», «Чтение для вкуса, разума и чувствований», «Муза», «Иппокрена, или Утехи любословия»). В журнале «Муза» (1796. Ч. 1) появились стихи «Надгробие Стерну. (Подражание Гаррику)». Отдельно дважды были опубликованы переведенные с французского «Письма Йорика к Элизе и Элизы к Йорику» («Letters of Yorick to Eliza and Letters from Eliza to Yorick», 1775) — в пер. Г. П. Апухтина в 1789 и в пер. Н. Г. Карина в 1795. Сообщая о последнем пер., «Московские ведомости» писали: «Имя автора, известного во всем ученом свете своими неподражаемыми сочинениями, ручается за достоинство сей небольшой его книжки» (1795. 6 июня. № 45). Еще один пер. «Писем», сделанный А. Колмаковым, вошел в 3-ю часть издания «Стерново путешествие по Франции и Италии под именем Йорика...» (СПб., 1793. Ч. 1–3). Это был первый полный, хотя и не очень удачный пер. «Сентиментального путешествия». На титуле указывалось, что пер. выполнен «с английского подлинника» А. В. Колмаковым, но, по свидетельству В. С. Сопикова, за счет которого была напечатана книга, ее перевел с французского «А. Л.» (Сопиков В. С. Опыт российской библиографии. СПб., 1905. Ч. 4. № 9242). В это издание был включен отрывок пер. Н. М. Карамзина, ранее опублик. в «Московском журнале» (1791.

Ч. 2). Я. А. Галинковский, печатая свои пер. с английского из «Сентиментального путешествия» и романа «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» («The Life and Opinions of Tristram Shandy, Gentleman», 1760–1767) в журнале «Иппокрена» (1800), называл их «изящнейшими произведениями пера сего автора, столь справедливо прославившегося отлично характеристическим и чувствительным слогом». Переводчик добавлял: «На русском языке до сих пор имеем мы только некоторые оттенки и больше переводы с переводов, а тем самым много теряем в познании истинных красот оригинала» (Иппокрена. 1800. Ч. 5. С. 193–194). В доработанном виде он издал свои пер. отдельно: «Красоты Стерна, или Собрание лучших его патетических повестей и отличнейших замечаний на жизнь. Для чувствительных сердец. Перевод с аглинского» (М., 1801). Одним из первых употребив слово «сентименталист», Галинковский разъяснял: «Сентиментальность значит: тонкая, нежная и подлинная чувствительность». В 1801 появился пер. П. Чичагова «Нравоучительные речи и некоторые нравственные мнения г. Стерна»; в 1803 пер. П. Домогацкого «Чувственное путешествие Стерна во Францию» (Ч. 1–2).

«Сентиментальное путешествие» С. оказало несомненное воздействие на развитие жанра литературного путешествия в России. При всей своей оригинальности «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790) А. Н. Радищева сохраняет некоторые следы влияния С. В своих показаниях на следствии, возбужденном в связи с публикацией его книги, стремясь отвести политические обвинения, Радищев ссылался на опыт С.: «Первая мысль написать книгу в сей форме пришла мне, читая путешествие Йорика; я так ее и начал» (Бабкин Д. С. Процесс А. Н. Радищева. М.; Л., 1952. С. 167).

Большой интерес к его творчеству проявил Карамзин, которого называли «нашим Стерном» (Приятное и полезное. 1794. Ч. 2. С. 230). Карамзину принадлежит пер. отрывка из «Сентиментального путешествия» «Мария» (Московский журнал. 1791. Ч. 2), а также сверка с английским оригиналом анонимного пер. отрывка из «Тристрама Шенди» «История Ле-Февра», примечания и послесловие к нему (там же. 1792. Ч. 5). Карамзин, в частности, здесь писал: «Стерн несравненный! В каком ученом университете научился ты столь нежно чувствовать? Какая риторика открыла тебе тайну двумя словами потрясать тончайшие фибры сердец наших? Какой музыкант так искусно звуками струн повелевает, как ты повелеваешь нашими

чувствами?» О превосходном знании соч. С. и высокой оценке его творчества свидетельствуют «Письма русского путешественника» Карамзина, в особенности письмо из Кале, наполненное цитатами и реминисценциями из «Сентиментального путешествия». Карамзина восхищала способность С., «оригинального живописца чувствительности», «трогать сердце». Вместе с тем «Жизнь и мнения Тристрама Шенди» русский писатель соотносил с традицией Ф. Рабле. Воздействие С. на творчество Карамзина было весьма значительно и проявилось не только в «Письмах русского путешественника», но и в повестях, где нашла отражение стернианская ирония, игра с текстом и т. п. («Наталья, боярская дочь», «Рыцарь нашего времени» и др.). Карамзин несомненно способствовал интересу к С. у русских читателей. П. А. Словцов в стихотворении «Китаец в Петербурге» писал о Карамзине: «...резвясь счастливо, / Движет Стернов клавесин» (Пантеон русской поэзии. СПб., 1814. Ч. 3. Кн. 6. С. 179).

М. Н. Муравьев, называя С. «славным англичанином», писал о его «Сентиментальном путешествии»: «Одно слово, молчание, взгляд, чувство, сокрытое в сердце, подавали материю для целой главы в его книге. Часто в сочинении его смех сатиры находится возле слез чувствительности» (Муравьев М. Н. Сочинения. СПб., 1856. Т. 2. С. 283).

Традиции С. прослеживаются в произведениях В. В. Измайлова, П. И. Макарова, П. И. Шаликова и др. русских писателей кон. XVIII — нач. XIX в. В мемуарах Г. С. Винского (Мое время. Зап. СПб., 1914), написанных в 1810-е, заметно влияние С., и одна из глав названа «Шандеизм».

Л и т.: *Маслов В.* Интерес к Стерну в русской литературе кон. XVIII-го и нач. XIX-го вв. // Историко-литературный сборник, посвященный В. И. Срезневскому. Л., 1924; *Медянцева И. П.* Лирический герой Радищева и Стерна // Проблемы русской литературы. Ярославль, 1968; *Канунова Ф. З.* 1) Карамзин и Стерн // Русская литература XVIII в. и ее международные связи. Л., 1975 (XVIII век. Сб. 10); 2) Об эволюции стернианства Карамзина // Проблемы метода и жанра. Томск, 1977. Вып. 4; *Атарова К. Н.* Лоренс Стерн и жанр путешествия в русской литературе конца XVIII в. (на материале творчества А. Радищева и Н. Карамзина) // Писатель и жизнь. Сборник историко-литературных, теоретических и критических статей. М., 1978; *Банах И. В.* Традиции Л. Стерна в сентиментальных путешествиях «малых стернианцев» кон. XVIII — нач. XIX в. // Третьи Майминские чтения. Псков, 2000; *Краснощечкова Е.* «Письма русского путешественника»: Проблематика жанра (Н. М. Карамзин и Лоренс Стерн) // Русская литература. 2003. № 2; *Вачева А.* «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» Л. Стерна и «Записки» Екатерины II // Художественный перевод и сравнительное изучение культур. Сб. памяти Ю. Д. Левина. (В печати).

Н. Д. Кочеткова

СТИЛЬ, СТИЛ (Steele), Ричард (16.03.1672, Дублин — 1.09.1729, Кармартен), английский писатель, драматург (ни одна из его комедий не переводилась в XVIII в. на русский язык) и журналист, основатель периодического листка «Болтун» («The Tatler», 12 April 1709 — 2 Jan. 1711, № 1–271), который положил нач. английской и за ней европейской сатирико-нравоучительной и моралистической журналистике, получившей в XVIII в. широчайшее распространение. К изданию «Болтуна» С. привлек Дж. Аддисона, в сотрудничестве с которым в следующие годы издавал периодические листки «Зритель» («The Spectator», 1 Mar. 1711 — 6 Dec. 1712, 18 June — 20 Dec. 1714, № 1–635) и «Опекун» («The Guardian», 12 Mar. — 1 Oct. 1713, № 1–175). На русский язык было переведено большое число его очерков из этих журналов, однако его авторство во многих случаях оставалось, по-видимому, неизвестным (подробнее см. статью «Аддисон»).

В. Д. Рак

ТАЛЬМАН (Talemant), Поль (18.06.1642, Париж — 30.07.1712, Париж), французский писатель, член Французской Академии. Его любовно-аллегорический роман «Путешествие на остров Любви» («Voyage de l'isle d'Amour», 1663) публиковался до 1729 шесть раз отдельными изданиями и в сб., что говорит о постоянном интересе к нему читателей. Перевел этот роман на русский язык «студент» В. К. Третьяковский, литературные взгляды которого сложились под влиянием французской лит. и эстетики: «Езда в остров Любви» (СПб., 1730, второе издание — СПб., 1778). Этот пер. был первой изданной по приезде из-за границы книгой Третьяковского и был осуществлен «простым русским словом, то есть каковым мы меж собой говорим». Выбор этого «несюжетного» произведения не случаен, он был плодом долгих поисков Третьяковского, что говорит о его литературно-поэтическом вкусе и о программности избранного соч.: «Думал я долго, что какую бы то книжку французскую начать переводить. Тогда впала мне на разум сия, которую я там [в Гамбурге. — М. Р.] не

без трудности сыскал» (Тредиаковский В. К. Сочинения: В 3 т. СПб., 1849. Т. 3. С. 648). Переводчика привлекла этико-эстетическая концепция романа Т.: в обращении «К читателю» он говорит, что «сия книга есть сладкая любви», «книга мирская», что подчеркивало ее светский характер и новизну ее содержания. До этого русская лит. не знала подобных произведений, которые воспитывали бы в молодых людях новое понимание любви, не как чувства греховного, но как чувства высокого, нежного и жертвенного. Особенности пер. не только учили русского читателя формулам любовных речей, они внушали ему понимание любви как душевной преданности любимой. Тредиаковский-переводчик чужд мелочному буквализму, он меняет строфику, по-своему сочетает разнотипные стихи, вносит также существенные изменения в трактовку любви и любовных отношений (отвлеченные и перифрастические обороты Т. заменены конкретными чертами и приметам при описании женской красоты, абстрактные описания подлинника превращаются в пер. в конкретные образы и эротические ситуации). Иногда краткое стихотворение превращается в распространенное, при сохранении смысла оригинала оно снабжается некоторыми уточнениями. Вторая часть романа в пер. раскрывает новую, по сравнению с первой частью, точку зрения на любовь как на смысл и основу жизни. Пер. Тредиаковским романа Т. имел шумный успех у русского читателя. «Я могу сказать по правде, — писал Тредиаковский И. Д. Шумахеру, — что моя книга входит здесь в моду и, к несчастью или к счастью, я также вместе с ней. Честное слово, мсьё, я не знаю, что делать: меня ищут со всех сторон, повсюду просят мою книгу» (письма к Шумахеру: Малейн А. Новые данные для биографии В. К. Тредиаковского // Сборник ОРЯС. 1928. Т. 61. № 3. С. 432). Но проявлялось и враждебное отношение, о чем Тредиаковский пишет в др. письме к Шумахеру: «Суждения о ней различны согласно различию лиц, их профессий и вкусов. Придворные ее вполне довольны. Среди принадлежащих к духовенству есть такие, кто благожелательны ко мне; другие обвиняют меня <...>; говорят, что я первый развратитель русской молодежи, тем более что до меня она совершенно не знала прелести и сладкой тирании, которую причиняет любовь» (Там же. С. 431).

Л и т.: *Берков П. Н.* Ломоносов и литературная полемика его времени. М.; Л., 1936. С. 10–20; *Серман И. З.* Русский классицизм: Поэзия, драма, сатира. Л., 1973; *Сорокин Ю. С.* Стилистическая теория и речевая практика молодого Тредиаковского. (Перевод романа П. Тальмана «Езда в остров Любви») // Венок Тредиаковскому. Волгоград, 1976; *Топоров В. Н.* У истоков русского поэтического перевода. («Езда в остров Любви» Тредиаковского и «Le voyage de l'isle d'Amour» Тальмана) // Из истории русской культуры. Т. 4 (XVIII — начало XIX в.). 2-е изд. М., 2000.

М. В. Разумовская

ТАССО, ТАСС (Tasso), Торквато (11.03.1544, Сорренто — 25.04.1595, Рим), итальянский поэт и драматург. В России XVIII в. были широко известны главные соч. Т. — поэма «Освобожденный Иерусалим» («Избавленный Иерусалим»; «La Gerusalemme liberata», 1580) и пасторальная драма «Аминта» («Aminta», 1573). Первые пер. «Освобожденного Иерусалима» сделаны на Украине и распространялись в рукописном виде:

«Действия Гоффрида, или Иерусалима освобожденного песнь первая» (анонимное коллективное переложение рубежа XVII и XVIII вв., выполненное монахами униатами-василианами); отрывки, приводимые в качестве примеров различных художественных приемов в поэтиках и риториках: из песни XVIII (октавы 92–93) в «Clavis poetica» (1732) Ф. Кветницкого; из песни I (октавы 1–2), IV (октавы 1–8), XV (часть октавы 20), XVIII (октавы 92–96) в «Idea artis poeseos» (1740) И. Е. Финицкого. Отрывки из «Освобожденного Иерусалима» помещались в качестве примеров и в анонимных поэтиках сер. XVIII в., выходивших в Москве (1748, 1754) и Тобольске (1761). В кон. XVIII в. пер. отдельных октав из поэмы Т. появляются в литературных сб.: из песни II, октавы 14–54 в прозаическом пер. Е. С. Харламова (Новая сельская библиотека. Т. 2. СПб., 1781); из песни XV (октавы 53–66) и XVI (октавы 1–27) в прозаическом (Пантеон иностранной словесности. Кн. 1. М., 1798) и из песни XII (часть октавы 90) в стихотворном пер. Н. М. Карамзина (Там же. Кн. 3); фрагменты из песни XII (Разные стихотворения. М., 1798) и песнь XVI (Продолжения разных стихотворений. М., 1799) в вольных стихотворных переложениях неизвестных авторов. Пер. 3-й октавы из песни I вставил в «Эмилиевы письма» (1790) М. Н. Муравьев, но широкой публике этот пер. стал известен лишь после издания 1815. Единственный полный пер. «Освобожденного Иерусалима» в России XVIII в. сделан в прозе М. И. Поповым (СПб., 1772; 2-е издание: М., 1787) с прибавлением пер. «Жизнеописания Тассо» Ж.-Б. Мирабо. Все перечисленные пер. выполнены с посредника (возможно, за исключением пер. М. Н. Муравьева): в нач. XVIII в. — с польского пер. П. Кохановского (1618), с сер. XVIII в. — с французского (преимущественно с прозаического переложения Ж.-Б. Мирабо).

Восприятие творчества Т. в России прошло четыре стадии: 1) к нач. XVIII в. Т. — иностранный автор текста на благочестивый религиозный сюжет; 2) на протяжении всего XVIII в. Т. — образ-

цовый эпический поэт и авторитетный писатель в жанре пасторали, признанный нормативной поэтикой; 3) во второй половине столетия Т. — автор галантной рыцарской поэмы с фантастическими эпизодами, отвечающей вкусам отчасти массового читателя, отчасти поклонников стиля рококо; 4) в самом кон. века, под влиянием преромантических идей начинает привлекать внимание судьба Т. — поэта-страдальца, средневековый и фантастический оттенок «Освобожденного Иерусалима».

Авторитет Т. был признан русскими барочными поэтиками (Ф. Прокоповича; Л. Горки; Ф. Кветницкого и др.) под польским влиянием, поскольку в Польше XVII в. Т. был довольно известен и популярен. В сер. XVIII в. решающим оказалось мнение Вольтера, ставившего «Освобожденный Иерусалим» наравне с античными эпопеями, а в некоторых аспектах и выше их («Опыт об эпической поэзии», 1728, и др.). Суждения Вольтера о Т. повторялись главными теоретиками русской эпопеи: В. К. Тредиаковским в ранний период творчества («Эпистола от российской поэзии к Аполлину», 1735), А. П. Сумароковым («Эпистола о стихотворстве», 1747), автором «Опыта о стихотворстве» (приписывается С. Г. Домашневу, 1762), М. М. Херасковым («Историческое предисловие» к «Россияде», 1779; «Взгляд на эпические поэмы», 1796, и др.). Лишь немногие, как Тредиаковский в поздних трудах («Предъизъяснение об исторической поэме», 1766), отказывались признавать «Освобожденный Иерусалим» образцовой эпопеей.

Многие русские писатели XVIII в. (А. Д. Кантемир, В. К. Тредиаковский, М. М. Херасков, М. Н. Муравьев и др.), видимо, были знакомы с текстом поэмы Т. В их соч. упоминается сам поэт, герои «Освобожденного Иерусалима» или обнаруживается некоторое влияние произведений итальянского поэта. По образцу «Освобожденного Иерусалима» создавалась национальная русская эпопея. В поэмах М. М. Хераскова «Россияда» (1790), «Пилигримы, или Искатели счастья» (1795), «Бахаряна» (1803), «Поэт» (1805) не только отдельные эпизоды и персонажи напоминают сцены и героев из поэмы Т., но и сюжетно-композиционная структура (особенно в «Россияде») моделирует «Освобожденный Иерусалим». Наиболее велик интерес к поэме Т. был в окружении Хераскова, где появляются оригинальные лирические соч., варьирующие эпизоды «Освобожденного Иерусалима» или содержащие цитаты и аллюзии на тексты Т. (героиды Хераскова «Армида», 1760; «Танкред, плачущий над телом Клоринды», 1779; многие стихотворения М. Н. Муравьева; «Дарования», «К неверной» (оба — 1796) Н. М. Карамзина и др.).

Популярность поэмы Т. была столь велика, что неизменным успехом пользовались постановки пьес на сюжеты из «Освобожденного Иерусалима»: драмы Л. С. Мерсье «Олинд и Софрония» (пер. Е. А. Меншиковой, 1771; 2-е издание 1780); опер «Армида» (либретто М. Кольтеллини, пер. И. А. Дмитриевского, музыка А. Сальери, постановка в Петербурге Т. Траэтты — 1774), «Армида и Ринальдо» (либретто М. Кольтеллини, музыка Дж. Сарти, постановка — 1785), «Армида» (либретто П. Кино, музыка К. В. Глюка, в репертуаре театра графов Шереметевых); балетов «Армида и Ренольд» (либретто Г. Анджолини, музыка Г. Ф. Рауфаха, 1769), «Танкред» (либретто Ш. ле Пика и Ф. Моретти, музыка И. Мартина-и-Солера, постановка — 1799). В 1788 в Неаполе в театре Сан-Карло была поставлена опера композитора П. А. Соколова «Il Rinaldo» на сюжет из Т. (позднее вошла в репертуар театра графов Шереметевых).

Некоторые эпизоды «Освобожденного Иерусалима» оказались особенно значимы для европейской и русской лит.: взаимоотношения Армиды и Ринальдо, описание волшебных садов Армиды, истории Танкреда и Кюринды, Олинды и Софронии. Сочетание лиризма (трогательного в первом, исполненного трагического и даже героического пафоса в последних двух эпизодах) с фантастикой (сказочной в первом, мистической в последнем эпизоде) особенно отвечало вкусу русской публики эпохи рококо и сентиментализма.

Лирика Т. в России XVIII в. не переводилась, но в 1788 С. Кондратьев издал сонет (Новые ежемесячные сочинения. 1788. Т. 5. Ч. 26), приписав его Т., хотя подобного текста у итальянского поэта не обнаружено. Большое воздействие на русскую идиллию и любовную лирику оказала «Аминта» Т., полностью в XVIII в. в России не переводившаяся (отрывки прозаического пер. неизвестного автора под псевдонимом Аркас напечатаны в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» (1794. № 102–104)). Использование мотивов этой пасторали отмечается во многих русских текстах XVIII в.: эклоге А. П. Сумарокова «Дафна» (1769), анонимных идиллиях «Климена», приписываемой Сумарокову, и «Аминт (подражание Гесснеру)» (Санкт-Петербургский вестник. 1778. Ч. 2. Июль), более, однако, близкой к «Аминте» Т., а не Гесснера. Освоение и осмысленные творчества Т. в России XVIII в. уже предсказывало расцвет его славы в эпоху романтизма в творчестве П. А. Катенина, К. Н. Батюшкова и др.

Л и т.: *Перетц В. Н.* «Освобожденный Иерусалим» Т. Тассо в украинском переводе конца XVII — начала XVIII в. // *Перетц В. Н.* Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVIII вв. Л., 1928; *Горохова Р. М.* 1) Торквато Тассо в России XVIII века (Материалы к истории восприятия) // Россия и Запад: из истории литературных отношений. Л., 1973; 2) Тассо в России конца XVIII века (материалы к истории восприятия) // Русская культура XVIII века и западноевропейские литературы. Л., 1980; *Дёмин А. О.* Поэма Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим» в переводе В. С. Лихачева // *Tasso T.* Освобожденный Иерусалим. СПб., 2007. С. 5–34.

Н. А. Гуськов

ТОМСОН (Thomson), Джеймс (11.09.1700, Эднам, графство Роксборо — 27.08.1748, Ричмонд), английский поэт. В основном своем произведении — поэме «Времена года» («The Seasons», 1726–1730), написанной белым стихом и разделенной на четыре соответствующие части, Т., используя жанр дидактической поэмы, создал новую его разновидность — описательную поэму, посвященную главным образом изображению природы и идеализированной сельской жизни, что согласовывалось с сентименталистской концепцией благой природы. В России «Времена года» первоначально воспринимались через прозаический французский пер. М.-Ж. Бонтан (Bontems) «Les saisons» (1759 и переиздания). В русском пер. сперва появились в составе переведенного и изданного Е. С. Харламовым (1734–1785) французского сб. «Новая сельская библиотека» (СПб., 1781. Ч. 2; оригинал: «Nouvelle bibliothèque de campagne», 1769) «Колосница» и «Умывальщица» — две из трех содержащихся во «Временах года» идиллических вставных новелл. Все три новеллы в дальнейшем неоднократно переводились независимо от целой поэмы. Сущность поэмы Т. более проявлялась в опубл. Н. И. Новиковым фрагментарных пер., выполненных по пер. Бонтан, «Имя всем временам года» и «Лето» (Покоящийся трудолюбец. 1784. Ч. 1, 2); там же (ч. 2) был напечатан прозаический пер. стихотворения Т. «Песнь уединению» («Hymn on Solitude»). Решающую роль в распространении известности Т. в России сыграл Н. М. Карамзин, который в программном стихотворении «Поэзия» (1787) утверждал: «Природу возлюбив, Природу рассмотрев / И вникнув в круг времен, в тончайшие их тени, / Нам Томсон возгласил Природы красоту, / Приятности времен». Впоследствии Карамзин писал об английской лит.: «Здесь отечество живописной Поэзии (...) По сие время ничто еще не может сравняться с Томсоновыми *Временами года*: их можно назвать зеркалом Натуры» (Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 368). Он же составил сокращенный пер.-пересказ всех частей поэмы: «Весна», «Лето», «Осень», «Зима» (Детское чтение. 1787. Ч. 9–12). Полный прозаический пер. «Четыре времени года» (М., 1798; переиздания: 1803, 1812) был осуществлен по немецкому пер. И. Тоблера Д. И. Дмитриевским (1758–1848), переводчиком религиозно-нравственных соч., ранее связанным с кружком Новикова. В предисловии к пер. он писал о Т.:

«Рожден будучи с наилучшими дарованиями сердца и ума, часто в юности своей беседовал он с Натурою в уединении и там, наблюдая все явления ее, описывал их возвышеннейшею кистию поэзии. Нет в ней для него ничего мертвого, ничего немого». И далее Дмитриевский выражал надежду, что его пер. «послужит руководством к просвещенному чтению великого творения Божия» (с. III, X). Особое внимание уделялось заключительному «Гимну» («Hymn») поэмы. Карамзин создал стихотворный его пер. (Детское чтение. 1789. Ч. 18). Дмитриевский в свой сб. «Чувствования любителя нравственной поэзии» (М., 1795) включил стихотворный пер. «Гимн на четыре времена года». Впоследствии В. А. Жуковский перевел «Гимн» (1808).

В кон. XVIII в. Т. как поэт природы неоднократно упоминался и цитировался в произведениях русских писателей. В журнале «Иппокрена» (1800. Ч. 7) вместе с новыми прозаическими пер. стихотворений Т. «Неподражаемый гимн: К четырем временам года» и «Гимн уединению» печатались пер., посвященные ему и его памяти стихотворения Р. Бернса, В. Коллинза и В. Томпсона. Освоение поэтики Т. способствовало обращению русских писателей к конкретному изображению природы вне аллегорий и условных классических пейзажей. Влияние Т. проявилось в прозаических лирических этюдах Карамзина «Прогулка» (1789) и «Деревня» (1792), П. И. Шаликова «Деревня» (Приятное и полезное. 1798. Ч. 20), П. Ю. Львова «Сельское препровождение времени» (Иппокрена. 1801. Ч. 9) и др., а также в стихотворениях Д. И. Вельяшева-Волынцева «Апрель» (Аониды. 1796. Кн. 1) и в «Весне», подписанной А. Т. (Иппокрена. 1799. Ч. 2). Дмитриевский, стремясь подражать Т., создал «Отрывки из первой песни поэмы “Майское утро”» («Чувствования любителя нравственной поэзии»). Отдаленными отголосками поэмы Т. являлись прозаическая «поэма» А. Н. Иванчикова «Четыре времени года» (СПб., 1795) и стихотворная поэма М. В. Храповицкого «Четыре времени года» (1777–1804; неопубл. рукопись в ГБР). Наиболее значительное русское произведение, созданное под влиянием Т., — поэма С. С. Боброва «Таврида» (Николаев, 1798; 2-я ред. — «Херсонида». СПб., 1804), которая построена по образцу второй части «Времен года» («Лето») как описание одного летнего дня и содержит многие реминисценции и цитаты из нее.

Л и т.: Левин Ю. Д. Английская поэзия и литература русского сентиментализма // Левин Ю. Д. Восприятие английской литературы в России. Л., 1990; Заборов П. Р. Поэма М. В. Храповицкого «Четыре времени года» [с публикацией текста] // XVIII век. Сб. 21. Памяти Павла Наумовича Беркова (1896 – 1969). СПб. 1999.

Ю. Д. Левин

ФЕНЕЛОН (Fénelon), Франсуа де Салиньяк де Ла Мот (6.08.1651, замок Фенелон в Перигоре — 7.01.1715, Камбре), французский церковный деятель, моралист, писатель, автор трактатов и речей, воспитатель дофина. Его знаменитый роман «Приключения Телемака, сына Улисса» («Les Aventures de Télémaque, fils d'Ulisse», 1699) знакомит читателя с разными формами государственного правления, обычаями и нравами многих стран. На протяжении всего XVIII в. соч. Ф. пользовались в России неизменным вниманием и почитанием и были хорошо известны как на языке оригинала, так и в пер. В июне 1750 В. Иванов в специальном доношении в Академию наук просил, чтобы в московскую Академическую Книжную лавку были присланы на французском языке книги для обучения детей, причем особенно «потребны» были «Телемаки». По воле Петра I «Приключения Телемака» должны были служить пособием при воспитании царевича Алексея. На русский язык переводились соч. Ф. различного содержания. Его философский роман был переведен А. Ф. Хрущевым в 1734, но издан этот пер. был лишь в 1747 (переиздания — 1767, 1782). В предисловии к пер. Хрущев отмечал, что Ф. писал «стилем приятным и вразумительным». В. К. Тредиаковский, оценивая пер. Хрущева, писал в «Предъязнении» к «Тилемахиде»: «Коль ни благоразумный и ни добронравный переводил его муж, и язык разумевший французский», однако «не обратившийся в словесных науках», он дал «токмо тень сочинения». Поскольку политический роман Ф. тяготел к «высокому», «благородному» слогу, что отмечал и сам его автор, Тредиаковский в своем пер. превратил роман Ф. в написанную гекзаметрами поэму: «Тилемахида или Странствование Тилемака сына Одиссеева описанное в составе ироическия пиимы Василием Тредиаковским <...> с французского нестихословныя речи сочиненныя Франциском де Салиньяком де-ла Мотом Фенелоном» (СПб., 1766). Сторонник новой реформы стихосложения, Тредиаковский в «Предисловии» к пер. пересказал со своими дополнениями трактат Рамзея о законах жанра эпической поэмы и, обсуждая вопрос об общественном назначении поэзии и ее нравственной пользе, заявлял, что цель искусства — «преподавать истину», возбуждать «преутаенные душевные пружины в подвижность», в чем Ф. добился необычайного успеха, соединив «самую совершенную политику с прекрасной добродетелию» (Тредиаковский В. К. Сочинения: В 3 т.

СПб., 1849. Т. II. С. 28); Третьяковский обнаруживает в романе Ф. «яркий пламень, кой единым подается естеством», так что «везде искусство становится природою» (там же. С. 27–28). Сходным образом оценивал произведения Ф. и М. В. Ломоносов, полагавший, что они «содержат в себе примеры и учения о политике и о добрых нравах» (Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: В 10 т. М., 1950–1959. Т. 7. С. 222); в немецко-студенческий период (1738–1739) Ломоносов перевел «Ode à l'abbé de Langeron» Ф. (1681). А. П. Сумароков противился отнесению «Телемака» к жанру эпической поэмы: «Телемака, Донкишота» он включал лишь в «малое число достойных романов». Помимо Хрущева и Третьяковского, «Телемака» переводили Ивано Захаров (СПб., 1786, второе издание — 1788); Ф. П. Лубяновский (М., 1797–1800); П. В. Железников (СПб., 1788–1789). Моральное соч. Ф. «Les Aventures d'Aristonoüs» (1699) было напечатано в пер. М. И. Попова в книге «Две повести» (М., 1766), в пер. Т. П. Кириака (СПб., 1779), в пер. П. А. Антоновича (М., 1797), а также в пер. с английского (СПб., 1782). Соч. Ф., написанные для обучения его воспитанника, — «Dialogues des morts» (1712) и прозаические «Fables» (1718), объединенные в издании «Nouveaux dialogues des morts, avec des Contes et fables, composés pour l'éducation d'un prince», были переведены: Ив. Остолоповым — «Новые разговоры мертвых, а также Повести и басни, сочиненные для воспитания молодого государя...» (СПб., 1766); М. И. Поповым — «Новые разговоры мертвых...» (в книге «Две повести». СПб., 1766). Особым вниманием пользовался педагогический трактат Ф. «De l'éducation des filles» (1687): в пер. Ив. Г. Туманского (СПб., 1763, переиздания — СПб., 1774 и М., 1788); в пер. Н. Н. Темниковской — «О воспитании девиц <...> с прибавлением письма его к одной знатной госпоже относительно до воспитания ея единокровной дочери» (Тамбов, 1794; «прибавление» является предуведомлением Ф. к его трактату «О воспитании девиц»). На русский язык были переведены также некоторые теологические и политические трактаты Ф.: например, «Démonstration de l'existence de Dieu» в пер. А. Павлова (М., 1778); в сокращенном пер. Н. Хлопова (М., 1766); в сокращенном же пер. Корнилия Нилова (Тамбов, 1793); в пер. М. М. Вышеславцева (Смоленск, 1798), в др. пер. в «Творениях Фенелона» (М., 1799. Ч. 2. С. 168–200); в пер. Е. Болховитинова (судя по «Предуведомлению», он переводил «не один») — «Abrégé des vies des anciens philosophes» (М., 1787) и «Examen de conscience sur les devoirs de la royauté» (СПб., 1773). В книге «Истинная политика знатных и благородных особ» (СПб.,

1787), опровергая существовавшие мнения, Третьяковский высказывает предположение о принадлежности книги «*La véritable politique des personnes de qualité*» Ф.; он также переводит стихотворение Ф. (в переработанном виде пер. включен во второй том его «Сочинений и переводов» (СПб., 1752. Т. 2. С. 318–319, переиздания — СПб., 1765, 1787)); это же стихотворение есть и в книге «Общие правила жизни, взятые из книги, называемой Истинная политика благородных людей» (М., 1779), заглавие и текст даны на французском, немецком и русском языках (эта книга приписывается иногда Н. Ремону де Куру или Шербоньеру). В 1799 увидела свет книга «Творения Фенелона, архиепископа Камбрийского, знаменитого автора Телемака, содержащие в себе многия важныя рассуждения и наставления» (М., 1799), куда был включен пер. четырех философских рассуждений Ф., выполненный Д. И. Дмитриевским. Существовал пер. «*Discours sur la roësie érique*» (М., 1787). Соч. Ф. часто печатались в русской периодике: «Невинное упражнение» (1763), «Новые ежемесячные сочинения» (1786–1797), «Приятное и полезное препровождение времени» (1794–1799). В журнале «Детское чтение для сердца и разума» «Приключения Телемака» горячо рекомендовались читателям и подробно рассказывалось о жизни и деятельности их прославленного творца (1786. Ч. VI. № 25. С. 177–190). Труды Ф. заслужили широкое признание в масонских кругах, что вызвало неудовольствие Екатерины II. М. Н. Муравьев, воспитатель ее внуков Александра и Константина, обращался к Ф. с педагогической целью (Сочинения М. Н. Муравьева: В 2 т. СПб., 1847. Т. 1. С. 173). В «Недоросле» Д. И. Фонвизина Софья читает трактат Ф. «О воспитании девиц», а Стародум хвалит ее: «Я не знаю твоей книжки, однако читай ее, читай. Кто написал Телемака, тот пером своим нравов развращать не станет». А. Т. Болотов во времена Семилетней войны брал с собой в поход любимый им роман Ф. В романе Ф. А. Эмина «Милые нежные сердца» (М., 1800. С. 7) рассказчик «под ветвистым кустом» читает Ф. Н. М. Карамзин указал на особенность философско-политического романа Ф.: «Кто не знает Телемака Гомерова и Телемака Фенелонова? Кто не чувствовал великой разности между ними?.. чадо Фенелонова воображения, которое есть не что иное, как идеальный образ Царевича французского, ведомого не греческой Минервою, а французской философию» (Московский журнал. 1791. Ч. 1. С. 99). Карамзин полагал, что современная жизнь в ее патриархальных проявлениях ближе к миру Гомера, чем создания французских романистов, что было связано с общей тенденцией критики Ф. и его традиции в русской лит. второй половины XVIII в.; при этом схема романа Ф. заметна в «Письмах русского путешественника» (путешествия от мудреца к мудрецу, от одной формы гражданского правления к др., размышления о свободе,

искусствах, торговле и т. д.). Можно отметить влияние произведений Ф. и на таких русских писателей, как П. М. Захарьин, П. Ю. Львов, М. М. Херасков, М. Д. Чулков, Ф. Эмин.

Лит.: Орлов А. С. «Телемахида» В. К. Тредиаковского // XVIII век: Сб. 1. М.; Л., 1935; Серман И. З. Тредиаковский и просветительство (1730-е годы) // XVIII век: Сб. 5. М.; Л., 1962. С. 205–222; Михайлов А. Д. Роман Фенелона «Приключения Телемака» // XVII век в мировом литературном развитии. М., 1969. С. 270–298; Смирнов А. А. Литературная теория русского классицизма. М., 1981; Дерюгин А. А. Тредиаковский-переводчик. Становление классицистического перевода в России. Саратов, 1985; Serman J. Fonvizin and Fénelon // Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter. 1977. № 5; Freydank D. Some remarks concerning Trediakovskij's «Tilemakhida» // Semiosis: Semiotics and the History of Culture. In Honorem Georgii Lotman. Ann Arbor, 1984; Круглов В. М. Ф. Фенелон: «Похождение Телемака» (к истории создания первого русского перевода) // Tusculum slavicum. Festschrift für Peter Thiergen. Zürich, 2005.

М. В. Разумовская

ФИЛДИНГ (Fielding), Генри (22.04.1707, Шарпем-Парк, Сомерсетшир — 8.10.1754, Лиссабон), английский драматург и романист-просветитель радикально-демократического направления. Драматургия его не получила в России распространения. Первым на русском языке появилось анонимно «Путешествие в другой свет» (СПб., 1766 — оригинал: «A journey from this world to the next», 1743) — фантастическая сатира, подражание Лукиану, описывающая загробный мир. В. Т. Золотницкий, ранее учитель немецкого языка в Сухопутном шляхетном корпусе, пользуясь довольно точным немецким пер., обращался с ним весьма вольно. Впрочем, в предисловии он указывал, что «сочинитель» имел «проницательный разум, ибо в вымышленной сей остроумной повести описал весьма разумно человеческое состояние и его страсти». Слава Ф. в России утвердилась после того, как была опубл. уже под его именем «Повесть о Томасе Ионесе, или Найденьш» (СПб., 1770–1771. Т. 1–4 — оригинал: «The history of Tom Jones, a foundling», 1749) — «комический эпос в прозе», по определению самого Ф., реалистический просветительский роман с широким охватом действительности. Переводчик Е. С. Харламов, преподаватель и директор типографии Сухопутного шляхетного корпуса, пользовался французским пер. П.-А. де Лапласа, который значительно сократил роман Ф. В предисловии к пер. Харламов заверял

читателей, что они найдут в романе «прекрасное изображение нравов человеческих и случаи во всем вероятные, украшенные некоторыми для юношества полезными наставлениями и нравоучениями». Одновременно тот же роман переводил кто-то, связанный с Собранием, старающимся о пер. иностранных книг, но прекратил работу по выходе в свет пер. Харламова. Однако успех «Повести о Томасе Ионесе» побудил переводчиков Собрания обратиться к др. романам Ф., и в 1772–1773 в Петербурге сразу вышли: «Приключения Иосифа Андревса и приятеля его Авраама Адамса» («The history of the adventures of Joseph Andrews and his friend Mr. Abraham Adams», 1742) — реалистическое изображение английской жизни по схеме плутовского романа; «Деяния господина Ионафана Вилда Великого» («The history of the life and death of Jonathan Wilde the Great», 1743) — сатирическое жизнеописание грабителя, обличающее буржуазное хищничество, и «Амелия» («Amelia», 1752) — драматическая история добродетельной девушки в современном буржуазном обществе. Первые два романа перевел с немецкого пер. И. Сытенский, третий — с французского пер. М.-Ж.-Л. Риккобони выпускник Московского университета П. И. фон Берг. Особенно сложный путь был у «Приключений Иосифа Андревса»: до русского пер. роман прошел последовательно через французский и немецкий пер. В таких опосредованных пер., конечно, многое утрачивалось, тем не менее силу и достоинство «комического эпоса» Ф. нельзя было уничтожить. И в 1780-е все четыре романа были переизданы; в этом отношении Ф. превзошел всех английских романистов, переводившихся тогда в России. В рецензии на второе издание «Повести о Томасе Ионесе» говорилось: «Сей прекрасный роман заслуживает внимания по многим красотам, коими он изобилует (Московские ведомости. 1788. 5 апреля. С. 275). А до этого появилось анонимное «Благодарение г. Фелдингу за Томаса Ионеса» (Зеркало света. 1786. Ч. 2), где Ф. назван «великим сочинителем, которого единая строка больше научает и трогает, нежели многие томы холодных нравоучений», «верным истолкователем человеческих сердец». Автором был А. М. Грибовский, в то время уволенный со службы и переведший «Приключения Перигрина Пикля» Т. Смоллетта. Косвенным свидетельством репутации Ф. является приписывание ему произведений (чему причиной иногда была ошибочная атрибуция английского оригинала или пер.-посредника). Но прямого влияния на русскую художественную прозу Ф. не оказал. Успех романа Ф. способствовал тому, что на русскую сцену попала французская комедия

А.-А. Пуанснета «Tom Jones» (см.: Драматический словарь. С. 140). Тома «Повести о Томасе Ионесе», выданные книгопродавцом, явились первым гонораром 17-летнего Карамзина за литературные труды (см.: Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. М., 1866. С. 40). Впоследствии Карамзин, посетив Англию, убедился в реалистичности Ф., которому, писал он, «оставалось не выдумывать характеры для своих романов, а только примечать и описывать»; «Ричардсон и Фильдинг выучили французов и немцев писать романы как *историю жизни...*» (Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 384, 369).

Лит.: *Суповский В. В.* Очерки из истории русского романа. СПб., 1909–1910. Т. 1, в. 1, 2 (указ.); *Левидова И. М.* Генри Фильдинг: Биобиблиографический указатель. М., 1957; *Левин Ю. Д.* Восприятие Фильдинга в России XVIII в. // *Res philologica: Филологические исследования.* М.; Л., 1990; *Simmons E. J.* English literature and culture in Russia: (1533–1840). Cambridge, Mass., 1935. P. 145–149; *Alexeyev M. P.* Fielding in Russian language // *VOKS bulletin.* 1954. N. 5; *Levin Ju. D.* Translations of Henry Fielding's works in eighteenth-century Russia // *The Slavonic and East European review.* 1990. April. V. 68. N. 2.

Ю. Д. Левин

ФЛОРИАН (Florian), Жан Пьер Клари, де (6.03.1755, замок Флориан, департамент Гар — 13.09.1794, Со, департамент Сена), французский писатель. Ф. был очень популярен в России XVIII в.: за 12 лет с 1788 по 1800 его произведения были изданы отдельными книгами 18 раз, часто публиковались в периодических изданиях и сб. «Нума Помпилий, второй царь римский» («Numa Pompilius», 1786) издавался три раза (два раза в 1788 и один в 1799) в пер. Г. И. Шиповского и П. Л. Вельяминова. Повести Ф. в разных сочетаниях были изданы пять раз в пер. Ник. Иванова, Алексея Свищева, Ник. Яценкова, Пав. Безака, Мих. Вышеславцева. Дважды в 1789 (один раз в Москве, др. — в Санкт-Петербурге) издавалась пастушеская повесть Ф. «Эстела» («Estelle», 1789), были изданы и две его комедии: «Добрый отец» (СПб., 1780) и «Добрый сын» (СПб., 1800). Но особый интерес представляет тот факт, что именно через Ф. Россия познакомилась с творчеством ряда испанских писателей: из «*Fabulas literarias*» Томаса де Ириарте Ф. заимствовал несколько стихотворных апологов; книга

Переса де Иты внушила ему испано-мавританский роман «Гонзальв Кордуанский» («Gonsalve de Cordoue», 1791) и основанную на той же «гранадской» экзотике повесть «Селестина» («Célestine»). Особенно Ф. был увлечен Сервантесом, из произведений которого он переделал «Галатею», несколько новелл («Разговор двух собак» — лишь приспособление для французских читателей одной из назидательных новелл Сервантеса, имеющей то же название, а «Леокадия» — приспособление др. — «Сила крови»). Почти все эти соч. выходили в свет в России многократно: «Гонзальв Кордуанский» в пер. Шиповского и Н. П. Осипова издавался несколько раз, начиная с 1793, «Селестину, испанскую повесть» перевели в первый раз в 1788, «Леокадию» — в 1794 перевел Пав. Львов. Даже «Сила крови» Сервантеса была у нас известна во флориановской редакции, хотя «Назидательные новеллы» в кон. XVIII и нач. XIX в. переводились и по др. французским текстам. Особенно большую известность приобрела у нас переделка «Галатеи» Сервантеса: пер. ее, сделанный Алексеем Печенеговым, появился в Москве в 1790, в 1794–1796 новый пер. книги Гр. Хованского и А. Хапенко был напечатан в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» (ч. 6, 8, 10–12, 14, 15), в 1799 вышел пер. одного А. Хапенко, а в 1800 ее перевел Александр Кандорский. Оригиналом этих пер. было издание «Galathee, roman pastoral, imité de Cervantes» (1783). В сущности, эта «Галатея» даже не подражание сервантесовской, а самостоятельное произведение, разработанное в сентиментально-буколическом стиле. Ф. значительно сократил объем, сделал некоторые вставки, дописал конец. Те же мотивы руководили Ф. и при переделке «Дон Кихота». Флориановскую переделку «Дон Кихота» еще в молодости перевел В. А. Жуковский. Его пер. был издан в 1804–1806, и до кон. 1830-х произведение Сервантеса было известно русским читателям исключительно по этому изданию. Кроме того, дважды под разными названиями в 1782 и в 1790 был издан «Опыт чувствительности, или Письма одного персиянина из Лондона к другу его, живущему в Испагане. Переведены с аглинского языка на французский г. Флорианом, а с оного на российский язык перевел князь Павел Гагарин».

Л и т.: *Алексеев М. П.* Русская культура и романский мир. Л.: Наука, 1985. С. 76–78; *Багно В. Е.* Жуковский — переводчик «Дон Кихота» // Жуковский и русская культура. Л., 1987. С. 293–311.

В. Д. Алташина

ФОНТЕНЕЛЬ (Fontenelle), Бернар Ле Бовье, де (11.02.1657, Руан — 9.01.1757, Париж), французский писатель, поэт и драматург, ученый, популяризатор науки. Его имя было хорошо известно русскому читателю. Соч. Ф. «Entretiens sur la pluralité des mondes» (1686) было переведено и «потребными примечаниями изъяснено» А. Д. Кантемиром («Разговоры о множестве миров г. Фонтенелла, Парижской академии наук секретаря», СПб., 1740; пер. был сделан в 1730; второе издание, предпринятое, возможно, по инициативе М. В. Ломоносова, — в 1761). В примеч. Кантемир выражал свое отношение к философии различных эпох, объяснял связанные с лит. понятия («романц», эпическое стихотворение, элегия, интрига, герой, излагал содержание «Федры», «Астреи» и «Принцессы де Клев», сообщал об Овидии, Вергилии, Ариосто, Мольере, о театре, опере, комедии). В этом труде Ф. в доступной форме изящным языком салонной беседы говорил об астрономии в связи с системой Коперника; его утверждение о существовании множества обитаемых миров опровергало религиозную теорию антропоцентризма. Поэтому Синод в 1756 в обращении к императрице Елизавете Петровне просил: «...дабы никто отнюдь ничего писать и печатать как о множестве миров, так и о всем другом, вере святой противном и с честными нравами не согласном, под жесточайшим за преступление наказанием, не отважился, а находящуюся бы ныне во многих руках книгу о множестве миров Фонтенеля, переведенную <...> князем Кантемиром <...> указать везде, отобрать и прислать в Синод». Обращение Синода осталось, вероятно, без последствий, поскольку весь тираж книги к тому времени уже разошелся. Обеспокоенность Синода была вызвана и публикацией в журнале «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» рассуждения «О различности животных и прочих тварей», где речь шла о многообразии животного мира, распространенного по всей вселенной и восходящего от простейших тварей до человека, который занимает среднее положение между низшими созданиями и Богом, и со ссылкой на «Беседы о множестве миров» Ф. высказывалась мысль, что жизнь существует и на др. планетах; кроме того, в журнале было опубликовано «Размышление о величестве Божиим, поколику оное прилежным рассмотрением и испытанием естества открывается»

(Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. 1756. Ноябрь. С. 407–438). Синод в специальном докладе императрице указывал, что в «Ежемесячных сочинениях...» «некоторые переводы и сочинения находятся, многие, а инде и бесчисленные миры быти утверждающе, что и Св. Писанию и вере христианской крайне противно есть и многим неутвержденным душам причину к натуралезму и безбожию подает» (Пекарский П. П. Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале 1755–1764 годов // Сборник статей, читанных в отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1867. Т. 11. № 4. С. 44); причем Синод требовал конфисковать журнал и пер., сделанный Кантемиром. Прозаический «Разговор в царстве мертвых, Кортец и Монтезума» А. П. Сумарокова восходит непосредственно к шестому «разговору» Ф. из его соч. «Dialogues des morts» (Fernand Cortès, Montezuma), 1683–1684). Этот диалог, как и «перуанская» страница в «Беседах о множестве миров», где осуждались алчность и жестокость испанцев по отношению к аборигенам американского континента, были известны М. В. Ломоносову. В. К. Третьяковский в предисловии к пер. «Слова о терпении и нетерпении» (Третьяковский В. К. Сочинения и переводы как стихами так и прозою. СПб., 1752. Т. 2), говоря о необходимости создания светской лит. на новых эстетических и стилистических основах, полагал, вслед за Ф., что норма языка должна быть обоснована разумом его носителей и «учтывим употреблением». В журнале «Трудолюбивый муравей» (СПб., 1771. № 2–6) был опубликован пер. «Похвального слова Петру I», произнесенного Фонтенелем в 1725 в Парижской Академии наук. Ряд пер. из Ф. вошел в издание «Разкащик забавных басен, служащих к чтению в скучное время, или когда кому делать нечево. Стихами и прозою» (М., 1781. Полугодие 1–2).

Л и т.: Эпоха Просвещения: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967; *Faisol A. Fontenelle*. Paris, 1961.

М. В. Разумовская

ФОРМЕЙ (Formey), Жан-Анри-Самюэль (31.05.1711, Берлин — 8.03.1797, Берлин), немецкий теолог и философ, по происхождению — французский гугенот, член Берлинской Академии наук и ее неперменный секретарь, почетный член Петербургской Академии наук, активный сотрудник «Энциклопедии» Дидро и Даламбера; слыл одним из просвещеннейших умов своего времени. Материалы о России, которые публиковались в журналах Ф., присылались ему Петербургской Академией наук, посредником между русской Академией и Ф. был Л. Эйлер; М. В. Ломоносов состоял с Ф. в пере-

писке. В последнее десятилетие своей жизни Ломоносов приобрел широкую известность за рубежом; отзывы о его трудах печатались и в знаменитом журнале Ф. «Nouvelle bibliothèque germanique ou histoire littéraire de l'Allemagne, de la Suisse et des pays du Nord», 1746–1760, 26 т.: в XIII т. этого журнала (Ч. 1. С. 1–16) был помещен отзыв Ф. о XIV т. «Комментариев» Петербургской Академии наук и рецензия на диссертацию Ломоносова «О металлическом блеске». Издаваемый Ф. берлинский литературный журнал «Abeille de Parnasse» (1750. 2 мая. С. 145–152) опубликовал подборку материалов об А. Д. Кантемире, куда входил небольшой обзор его произведений, краткое жизнеописание и французский пер. его шестой сатиры. Русский читатель мог познакомиться с некоторыми из соч. Ф. по следующим изданиям: «Краткое понятие о всех науках, для употребления юношества» (М., 1764); «Краткое понятие о всех науках, для употребления юношеству. Второе издание, исправлено и умножено прибавлением главы о музыке с нотами Лудвига Вевера» (М., 1774, третье издание — в 1788); «Сокращение всех наук для детей от шести до двенадцати лет» (СПб., 1769). Все они восходили к его «Abrégé de toutes les sciences à l'usage des enfants de six ans jusqu'à 12»: из 21 раздела были переведены только 12, причем они были значительно пополнены материалами о России. Кроме того, русский читатель мог ознакомиться с книгой Ф. «Сокращенное предложение королевского плана к поправлению правосудия» в пер. Ф. В. Кречетова (СПб., 1787) и с антирусоистским трактатом Ф. «Anti-Emile» (1763): «Анти-Эмиль г. Форма, или Опровержение Руссова образца воспитания и мыслей» в пер. Константина Енгальчева (М., 1797). О соч. Ф. упоминалось в русской периодике: «Смесь, новое еженедельное издание» (СПб., 1769. Апрель); «Собрание лучших сочинений к распространению знания и к производству удовольствия...» (1769. Ч. 1–4). Н. М. Карамзин во время путешествия посетил в Берлине Ф., который пригласил его на заседание Берлинской Академии наук (Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 43).

Л и т.: *Разумовская М. В.* Библиотека ученого и библиотека романиста в XVIII века // Альманах библиофила: Вып. IX. М., 1980. С. 206–222; *Копанев Н. А.* О первых изданиях сатир А. Кантемира // XVIII век: Сб. 15: Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л., 1986. С. 140–154.

М. В. Разумовская

ФРАНЦУЗСКО-РУССКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ.

В истории русской культуры XVIII в. Франция сыграла исключительно важную роль. При всей неровности на протяжении этого времени русско-французских политических и дипломатических отношений интерес к Франции — ее языку, государственному устройству, нравам, обычаям, искусству и лит. — в России постепенно нарастал и расширялся, проявляясь с большей или меньшей отчетливостью едва ли не во всех сферах общественной и культурной жизни.

Этот процесс восходил к эпохе Петра I, когда начались поездки во Францию русских людей с дипломатическими и учебными целями, когда в Россию стали ввозиться французские книги и появились первые пер. на русский язык французских соч.

Сильнейшим импульсом к сближению двух стран послужило пребывание в Париже весной 1717 царя-реформатора, который не остался равнодушным к достижениям Франции в ремеслах, инженерном деле, военном искусстве, в различных художествах и науках. Одним из самых значительных эпизодов «парижского визита» Петра было посещение им королевской Академии наук, членом которой он пожелал стать, что и было вскоре исполнено (первоначально он являлся ее «членом вне всяких степеней», а с 1720 — «иностранным членом»). В 1725 эта академия откликнулась на его смерть «Похвальным словом царю Петру I», автором которого был ее непреременный секретарь Фонтенель. Высокая оценка этим знаменитым ученым и писателем реформаторской деятельности российского монарха явилась в дальнейшем своеобразным камертоном для многих обращавшихся к «петровской теме» французских историков, писателей и публицистов.

Во второй четверти XVIII в. культурный обмен между Россией и Францией носил нестабильный характер, что было вызвано их серьезными расхождениями во внешней политике; сказывалось и немецкое засилье при Дворе Анны Иоанновны. В этот период стало существенно меньше число поездок русских людей во Францию, равно как и приглашений французов в качестве преподавателей русских учебных заведений, сократилось распространение в стране французского языка. Однако культурный обмен не прекращался: Россия по-прежнему привлекала многих французов возможностью применить свои способности и знания на русской службе; внедрялась французская система воспитания и образования, усваивались манеры и общий характер поведения французского дворянства, почти обязательным стало следование французской моде. В 1728–1729 в России гастро-

лировал французский ярмарочный театр; с 1738 Жан-Батист Ланде руководил «балетным классом» в Сухопутном кадетском шляхетном корпусе и т. п.

Французские ориентации Елизаветы Петровны способствовали значительному оживлению русско-французских культурных связей. В 1746 Петербургская Академия наук избрала своим почетным членом Вольтера, который тогда же выразил желание приняться за труд о Петре I; этот замысел был, однако, осуществлен (по предложению и, во всяком случае, с согласия русского Двора) лишь в 1757–1763 в виде двухтомной «Истории Российской империи при Петре Великом». В 1757 в Петербурге создается Академия художеств, и в Россию приглашаются Л. Токе, Н.-Ж. Жилле и Л.-Ж. Ле Лоррен; значительно возрастает количество пер. с французского, особенно романов; при Дворе постоянно выступает французская драматическая труппа во главе с Ш. де Сериньи, в репертуаре которой были комедии Мольера, Данкура, Детуша, Реньяра и Нивеля де Ла Шоссе, трагедии Корнеля, Расина и Вольтера.

Особой интенсивности русско-французские контакты достигли во время царствования Екатерины II, которая не только хорошо знала и ценила соч. французских просветителей, но и находилась с некоторыми из них в переписке, а иных щедро одаривала и принимала. В ее «Наказе» были широко использованы (причем нередко и текстуально) «Дух законов» Монтескье, статьи из «Энциклопедии», труды физиократов; она участвовала в коллективном пер. романа Мармонтеля «Велизарий»; Смольный институт был создан по образцу Сен-Сира; аналогом Французской академии являлась Российская академия, основанная в 1782, и т. д.

Примеру Екатерины следовало ее ближайшее окружение: многие русские аристократы (М. Л. и А. Р. Воронцовы, А. П. и И. И. Шуваловы, Н. П. и С. П. Румянцевы, Д. А. и Ф. Н. Голицыны, Г. Г. и В. Г. Орловы, А. М. Белосельский-Белозерский, Е. Р. Дашкова, К. Г. Разумовский, Н. Б. Юсупов и др.) состояли в личном и эпистолярном общении с французскими просветителями, а соч. последних беспрепятственно проникали в Россию, читались в оригинале и переводились, причем распространялись они отнюдь не только в столицах и крупных городах и не только в элитарной среде.

Огромный интерес в это время вызывает в России творчество Вольтера, самое имя которого становится синонимом великого мыслителя и поэта; на протяжении 15 лет Екатерина II ведет с ним

переписку, а после его смерти приобретает его библиотеку, знаменитую статую Вольтера работы Гудона и даже собирается воспроизвести в Царском Селе его фернейский замок.

Особые отношения связывали Россию с Дидро: на русский язык было переведено более 400 статей из его главного детища — «Энциклопедии», а также его театральные соч.; он способствовал приезду в страну многих талантливых людей (например, Фальконе) и приобретению Екатериной II произведений искусства для ее Эрмитажа; заметными событиями стали покупка Екатериной II его библиотеки и позднее его пребывание в течение почти пяти месяцев в Петербурге, где он постоянно встречался с ней, пытаясь внушить (правда, почти безрезультатно) смелые политические и философские идеи, включая отмену крепостного права.

Велико было увлечение в России творчеством Ж.-Ж. Руссо: его политические трактаты повлияли на русскую общественную мысль, роман «Юлия, или Новая Элоиза» содействовал становлению русской сентиментальной прозы, а роман-трактат «Эмиль, или О воспитании» сыграл немалую роль в обновлении принятой тогда системы воспитания.

Большим успехом пользовались в то время и некоторые французские писатели второго плана — романисты вроде Бакюлара д'Арно и Ретифа де Ла Бретона и поэты вроде Грессе, Дора и Колардо, которых читали в подлиннике и в переводах, появившихся в виде отдельных книг и журнальных публикаций.

С французской драматургией в России знакомились как в оригинальной версии, главным образом благодаря подвизавшимся в столицах французским труппам, так и в русских пер. и переделках, которые издавались, а нередко, кроме того, ставились на сцене. К числу последних относятся «Мизантроп», «Мещанин во дворянстве», «Лекарь поневоле» и «Сганарель» Мольера, «Счастливый волокита» М. Барона, «Альзира», «Магомет» и «Нанина» Вольтера, «Зоа», «Судья», «Веронские гробницы» и «Натали» Мерсье, «Евгения» и «Женитьба Фигаро» Бомарше, «Клементина и Дезорм» Буте де Монвеля и ряд др. Среди французских пьес, поднявшихся на театральные подмостки, были трагедии Корнеля, Расина, Кребийона, Лемьера, комедии Реньяра, Дюффрени, Детуша, Флориана, Дефоржа и т. д. и т. п. Несомненное воздействие оказала французская драматургия и на оригинальную русскую — А. П. Сумарокова, Я. Б. Княжнина, Н. П. Николаева.

Большое распространение получила в России этого периода французская комическая опера в разных ее формах. Множество ее образцов присутствовало в репертуаре французских театральных трупп, ряд пьес был переведен и исполнялся на русской сцене. В их числе — «Сильвен» Мармонтеля — Гретри, «Жюли» Буте де Монвеля — Дездеда, «Нина, или С ума сошедшая от любви» и «Два маленьких савойца» Марсоллье де Виветьера — Далеирака, «Аземия, или Дикие» Пуассон де Ла Шабосьера, «Беглец» Седена — Монсиньи (автором большинства пер. был В. А. Лёвшин). На французские либретто Лаферьера были написаны три оперы Д. С. Бортнянского («Празднество синьора», «Сокол», «Сын-соперник, или Современная Стратоника»).

Вообще социальная направленность и структура французских комических опер, состоявших из коротких разговорных и музыкально-вокальных сцен, сильно способствовали их успеху у русской публики разных социальных и культурных уровней: ими увлекались и малообразованные обыватели, и аристократы-меломаны, и, на первых порах, сама императрица, впрочем, по мере демократизации этого жанра все больше к нему охладевавшая, тем более что к музыке она вообще отнеслась весьма сдержанно, предпочитая ей др. искусства.

В Петербург из Франции приглашались архитекторы и художники; и хотя мастерство их служило эталоном для всех европейских стран, нигде, кроме России, им не было дано проявить себя с такой силой и блеском. Французская мебель, шпалеры, ткани, бронза, серебро и фарфор украшали царские дворцы и особняки русской знати.

Между прочим, огромное количество предметов французского декоративно-прикладного искусства было закуплено и отправлено в Россию в 1782, когда во Франции находились граф и графиня Северные (т. е. цесаревич Павел и его супруга). Великокняжеская чета присутствовала на балах и празднествах, устраивавшихся в ее честь в Версале и Шантийи, посещала академии, театры, музеи, библиотеки, королевские мануфактуры (в т. ч. знаменитую Севрскую), мастерские художников, у которых покупала и которым заказывала картины, встречалась с Даламбером, Мармонтеlem, Лагарпом, слушала авторское чтение «Женитьбы Фигаро».

С кон. 1780-х французское воздействие на русскую культуру, встречавшее некоторое сопротивление и раньше (в основном это были нападки на галломанию, прежде всего рабское следование французской моде и злоупотребление французским языком), стало восприниматься как источник вольномыслия и угроза существующим в стране по-

рядкам. Выходят соч., направленные против просветительских идей, отвергающие материализм и атеизм, обличающие Вольтера и Руссо.

С нач. Французской революции это сопротивление резко усилилось: отныне Екатерина II со все возрастающей энергией стремилась остановить проникновение в Россию «французской заразы», прибегая к запретительным мерам и репрессиям, причем ее новая политика вызывала сочувствие у значительной части русского общества. Прекращаются дипломатические и торговые связи с Францией. Вместе с тем Екатерина II оказывает гостеприимство и всяческое содействие сотням французских эмигрантов, лишившихся отечества и средств к существованию в результате падения «старого режима» (некоторым из них суждено было оставить заметный след в истории России и, в частности, в различных областях русской культуры).

Политика Екатерины II получает продолжение и дальнейшее развитие при Павле I, когда под запрет попадают не только французские философия и лит., но почти любое проявление симпатий к этой стране: «зловредные умствования» французских «бунтовщиков» заслоняют от российских властей едва ли не все достижения французской культуры, что не мешает широкому использованию французского языка, а также появлению в печати пер. с французского, правда, в сравнительно скромных масштабах.

Решительный сдвиг в этом направлении произошел лишь с воцарением Александра I (1801): теперь идейное и художественное наследие французского Просвещения на какое-то время вновь оказалось на первом плане русской общественной и умственной жизни, хотя это и не означало полного восстановления его былого престижа, который остался в прошлом вместе с ушедшим «осмнадцатым» веком.

Л и т.: Эпоха Просвещения: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967; Берков П. Н. История русской комедии. XVIII в. Л., 1977; Русская культура XVIII в. и западноевропейские литературы. Л., 1980; Русский и западноевропейский классицизм: Проза. М., 1982; Алексеев М. П. Русская культура и романский мир. Л., 1985; Французская книга в России в XVIII в.: Очерки истории. Л., 1986; Копанев Н. А. Французская книга и русская культура в середине XVIII века. Л., 1988; История русской переводной художественной литературы. СПб., 1995–1996. Т. 1–2; Капр С. Я. Французские просветители и Россия. М., 1998; Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения. М., 2001; Мир Просвещения: Исторический словарь. М., 2003.

П. Р. Заборов, М. В. Разумовская

ЦИММЕРМАН (Zimmermann), Иоганн Георг (8.12.1728, Бругг — 7.10.1795, там же), немецко-швейцарский моралист-просветитель, публицист, врач. Автор биографии А. Галлера (1756). Основные темы его соч. — демократический патриотизм, борьба против церковного обскурантизма, руссоистская защита прав личности. К кон. жизни — переход к консервативным взглядам. Круг общения и корреспондентов Ц.: ведущие швейцарские просветители И. Я. Бодмер и И. Я. Брейтингер, И. К. Лафатер, К. М. Виланд, И. В. Гете, Фридрих II Прусский, Екатерина II, стремившаяся привлечь Ц. в Петербург и наградившая его орденом Св. Владимира.

Русские пер. наиболее известных произведений Ц.: 1) «О национальной гордости» («Vom Nationalstolze», 1758, 2-я ред. 1760) — первый пер. Д. И. Фонвизина «Рассуждение о национальном любочестии» (СПб., 1785); др. пер. с сокращенного французского издания опубл. Н. И. Новиковым — «Народная гордость» (М., 1788); наиболее полный, но политически умеренный пер. — «Образ народного любочестия» (СПб., 1793); 2) «Об уединении» («Über die Einsamkeit», 1756, 2-е издание в четырех частях, 1784–1785) — первый пер. «О уединении» (СПб., 1791, переводчик И. Ф. Рюль), др. пер. — «О уединении относительно к разуму и сердцу» (СПб., 1796, переводчик Н. И. Анненский; издание 2-е — 1801; 3-е — 1822). «Философская и политическая переписка» Екатерины II с Ц. впервые была издана в пер. с французского в 1803.

Л и т.: *Брикнер А. Г.* Екатерина II в переписке с доктором Циммерманом (1784–1791) // *Русская старина*. 1887. Т. 54. № 5; *Данилевский Р. Ю.* Россия и Швейцария: литературные связи XVIII–XIX вв. Л., 1984; *Der Briefwechsel zwischen der Kaiserin Katharina II. von Rußland und J. G. Zimmermann / Hrsg. von E. Bodemann.* Hannover; Leipzig, 1906; *Röhling H.* Katharina II. und J. G. Zimmermann: Bemerkungen zu ihrem Briefwechsel // *Zeitschrift für slavische Philologie*. 1977. Bd. 40.

Р. Ю. Данилевский

ШАМФОР (Chamfort), Рок Никола-Себастьян (1740 — 13.04.1794, Париж), французский драматург, моралист, последователь Руссо. Основное произведение — собранные после его смерти «Максимы и мысли, характеры и анекдоты» («Maximes et réflexions caractères et anecdotes», 1798). До 1789 — секретарь герцога Конде, в 1792 — директор Национальной библиотеки. В 1793 арестован по доносу под-

чиненного, тюрьма произвела на Ш. столь сильное впечатление, что при попытке повторного ареста он выстрелил в себя и умер от раны через шесть месяцев. Драматургическое творчество Ш. вызывает интерес в России в 1770–1780-е, в 1774 переводится его пьеса «Молодая индианка» («La jeune indienne», 1764), в 1789 — «Смирнский купец» («Le marchand de Smyrne», 1770). Интересовались в России и «Максимами и мыслями <...>». В 1799 в журнале «Иппокрена» печатаются «Отборные анекдоты и острые мысли Шамфортовы». В 1806 пер. из Ш. помещает журнал «Минерва». В «Максимах и мыслях...» Ш. не раз вспоминает об обстоятельствах русской истории, в особенности эпохи Петра I, демонстрируя знакомство с французскими трудами о России. В переписке с Ш. состоял граф А. П. Шувалов. В России нашла отражение и деятельность Ш.-журналиста. В 1799 в «Московском журнале» Карамзин печатает «путешествие г. Ваяна во внутренность Африки через мыс Доброй Надежды в 1782, 83, 84 и 85 годы...» — пер. ст. Ш. из «Mercure de France» (1790. № 12).

С о ч.: Максими и мысли. Характеры и анекдоты. Л., 1966; Oeuvres. Т. 1–5. Paris, 1825.

И. В. Лукьянец

ШВЕЙЦАРСКО-РУССКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ.

Основы взаимоотношений России и Швейцарии были заложены в Петровскую эпоху, когда на российскую службу стали поступать уроженцы древней альпийской республики, такие как сподвижник Петра I Ф. П. Лефорт, ученые Л. Эйлер, братья Николай и Даниэль Бернулли и др. Франкоязычным швейцарцем был Фредерик-Сезар Лагарп (Laharpe, 1754–1838), воспитатель великого князя Александра Павловича и впоследствии один из основателей Гельветической республики. Швейцарцы начали свое знакомство с Россией, как и др. европейцы, с известий о петровских преобразованиях, а Женевская республика, родина Лефорта, поддерживала дружественные дипломатические связи с Петербургом до 1760-х. В 1799 произошло непосредственное знакомство жителей альпийских кантонов с русской армией А. В. Суворова.

Первым швейцарским автором, переведенным на русский язык, стал естествоиспытатель и поэт А. Галлер из Берна; его имя появилось в «Сочинениях и переводах» (1761). В 1780-х были изданы Н. И. Новиковым три его политических романа, посвященные разным типам государственного устройства. Вероятно, по инициативе Новикова, оценившего просветительский гуманизм Галлера,

молодой Н. М. Карамзин перевел его философскую поэму «О происхождении зла» (1786). В 1798 был опубликован пересказ поэмы Галлера «Альпы», ставшей одним из источников сведений о природе и людях Швейцарии для русских читателей. С нач. 1770-х во множестве переводятся прозаические идиллии С. Геснера, предшественника немецко-швейцарских новеллистов, сыгравших свою роль в развитии русской идиллии и повести на крестьянскую тему. Переводчиком последней идиллии Геснера «Деревянная нога» был Карамзин. Открытием Геснера явился лирический пейзаж, обогативший немецкую, французскую, русскую литературу.

Швейцарская публицистика была представлена в России произведениями И. Г. Циммермана. Этот известный врач был также блестящим полемистом, выразившим в своеобразных морально-сатирических очерках одну из главных идей формировавшегося в это время швейцарского национального самосознания — демократический патриотизм (книга Циммермана «О национальной гордости» трижды переводилась на русский язык). Циммерман состоял в переписке со многими крупными современниками, в т. ч. с Екатериной II, безуспешно стремившейся привлечь его к своему двору. В 1780-х в России становится знаменитым цюрихский пастор и философ-моралист И. К. Лафатер — прежде всего благодаря своему четырехтомному труду «Физиогномические фрагменты». В лит. и изобразительные искусства Европы Лафатер привнес идею «физиогномизма» — изучения отношений между внешним обликом и внутренней жизнью человека. Для его русских почитателей (Карамзин, А. Н. Радищев, масоны, императрица Мария Федоровна) Лафатер был также авторитетом в духовно-нравственных вопросах.

Швейцарские писатели и педагоги, следуя за своим гениальным соотечественником Ж.-Ж. Руссо, а в некоторых случаях опережая его (Галлер), несли в Россию идею «естественного человека» (по Лафатеру, человек есть «речь Природы»), задачи воспитания которого приводили педагогику к понятиям гармонической, внутренней свободы личности. На практике, например, в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, в гимназиях и пансионах, у семейных воспитателей, методика формирования совершенного человека превращалась в воспитание честного гражданина Отечества. Но и в такой форме швейцарская педагогика, передовая в Европе XVIII в., принесла России безмерную пользу (среди педагогов-практиков, которые придерживались швейцарской системы — А. Вицман (Witzmann, ум. после 1834) в Петербурге, И. К. Тоблер (Tobler, ум. после 1816) в Москве,

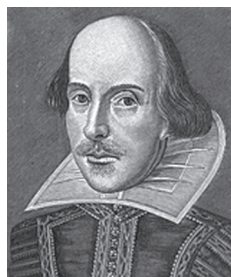
воспитатель в семействе И. П. Тургенева, и др.). Для русской педагогики кон. XVIII и всего XIX в. существенна деятельность педагога и писателя Генриха Песталоцци (Pestalozzi, 1746–1827), единомышленники и ученики которого работали в России.

В развитии русско-швейцарских литературных отношений XVIII в. решающая роль принадлежала Карамзину, посвятившему Швейцарии 39 глав в «Письмах русского путешественника». Помимо наблюдений над жизнью швейцарских кантонов в год нач. Великой французской революции, в этих главах присутствуют темы природы, истории, патриотизма, характерные для национальной культуры Швейцарии и вместе с тем — ведущие темы творчества самого автора. Первая же встреча со страной в Альпах побуждает русского путешественника с гордостью «помышлять о своем человечестве» («Письма...», глава 47). Переводчик Галлера и Геснера, корреспондент Лафатера, читатель и собеседник женевого натуралиста и философа Шарля Бонне (Bonnet, 1720–1793), мысли которого он переводил для «Детского чтения» и в «Московском журнале (1791. Ч. 2), — первый русский критик, обративший внимание на творчество швейцарского писателя-крестьянина У. Брекера (Bräker, 1735–1798), приведя известие о нем в том же «Московском журнале» (1791. Ч. 2), Карамзин, собственно, создал образ Швейцарии и представление о культуре страны в русской лит.

Лит.: Данилевский Р. Ю. Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII–XIX вв. Л., 1984; Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984; Данилевский Р. Ю. Литературные связи Петербурга и Швейцарии // Швейцарцы в Петербурге. Сб. статей. СПб., 2002; Schweiz — Russland: Россия — Швейцария: Beziehungen und Begegnungen. Zürich, (1989).

Р. Ю. Данилевский

ШЕКСПИР (Shakespeare), Вильям (23.04.1564, Стратфорд-он-Эйвон — 23.04.1616, там же), английский драматург и поэт. Восприятие Ш. в России XVIII в. происходило, как правило, через французское или немецкое посредничество. В 1731 появилось упоминание «преизрядных Гамлетовых и Отелоновых комедий» («Исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях». Ч. 78. С. 318) в ст. из английского журнала «Зритель» («The Spectator»), прошедшее через тройной пер., но эти названия, видимо, еще ничего не говорили русским читателям. Впервые Ш. был назван в России в «Эпистоле о сти-

хотворстве» А. П. Сумарокова среди великих поэтов прошлого, обитающих на Геликоне: «...Шекеспир, хотя непросвещенный» (т. е. не знающий классических правил); в примеч.: «Шекеспир, аглинский трагик и комик, в котором и очень хорова и чрезвычайно хорошева очень много» (Сумароков А. П. Две епистолы. СПб., 1748. С. 9, 28). В том же году был издан «Гамлет» Сумарокова — классическая трагедия, созданная по французскому переложению П.-А. Лапласа (1745), в которой герой в итоге побеждал противников и вступал на трон. На упрек В. К. Третьяковского, что этот «Гамлет» «переведен», Сумароков писал в «Ответе на критику»: «Гамлет мой, кроме монолога в окончании третьего действия и Клавдиева на колени падения, на Шекеспирову трагедию едва, едва походит» (Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. М., 1782. Ч. 10. С. 117). Трагедия эта вызывала политические ассоциации, сперва как оправдание переворота, который возвел на престол Елизавету Петровну, позднее как намек на убийство Петра III и отстранение от престола Павла I, из-за чего после 1762 она не ставилась на сцене. Следы влияния Ш. обнаруживаются в трагедиях Сумарокова «Синав и Трувор» и «Димитрий Самозванец».

Начиная с сер. XVIII в., отзывы о Ш., его пьесах, цитаты из них неоднократно появлялись в русской печати, главным образом в переводных произведениях. Взгляд на него с точки зрения классицизма сохранялся. Ф. А. Эмин, рассуждая о драматургии, писал: «Шекеспир, сей древний и ныне еще англичанами обожаемый трагик, весьма был высокомыслен, остроумен и учен, но упрям и нехорошего вкуса» (Адская почта. 1769. Ноябрь. С. 270). Позднее П. А. Плавильщиков в ст. «Театр» дал противоречивую оценку Ш., ссылаясь на «просвещенный вкус»: «Чексперовы красоты подобны молнии, блистающей в темноте ночной: всяк видит, сколь далеки они от блеску солнечного в середине ясного дня» (Зритель. 1792. Ч. 3. Сентябрь. С. 28). Однако М. И. Плещеев, в то время советник русского посольства в Англии и член Вольного Российского собрания, в «Письме Англомана» заявил, что в соч. Ш. «сила воображения, мыслей и выражений нечто отменное и превосходное в себе имеют» («Опыт трудов Вольного Российского собрания». 1775. Ч. 2. С. 257); там же (с. 260–261) помещен его достаточно верный пер. монолога Гамлета александрийским стихом.

К Ш. обратилась и Екатерина II; ею было создано «Вольное, но слабое переложение из Шакеспира, комедия Вот какво иметь корзину и белье» (СПб., 1786) — классическое переложение на русские нравы

«Виндзорских проказниц» («Merry wives of Windsor», 1598), сразу же поставленное на сцене. Тогда же она опубл. «Подражание Шекспиру, историческое представление без сохранения феатральных обыкновенных правил, из жизни Рюрика» (СПб., 1786), созданное по образцу исторических хроник Ш. с заимствованием отдельных ситуаций, и начала преобразовывать «Тимона Афинского» («Timon of Athens», 1608) в комедию «Расточитель», но не закончила ее.

В следующем году были изданы два прозаических пер. с указанием имени Ш., но без упоминания имен переводчиков: «Жизнь и смерть Ричарда III, короля аглинского» (СПб., 1787) и «Юлий Цезарь» (М., 1787). Первый был сделан с французского пер. в Нижнем Новгороде в 1783; второй принадлежал Н. М. Карамзину, который пользовался немецким пер. И. Эшенбурга и предпослал пер. декларативное предисловие, основанное на ст. К. М. Виланда «Дух Шекспира» (1773), где утверждал: «Немногие из писателей столь глубоко проникли в человеческое естество, как Шекспир; немногие столь хорошо знали все тайнейшие человеческие пружины, сокровеннейшие его побуждения, отличительность каждой страсти, каждого темперамента и каждого рода жизни, как удивительный сей живописец. Все великолепные картины его непосредственно Натуре подражают» (с. 4). В 1794 пер. «Юлия Цезаря» уничтожался как вредная книга, изданная Н. И. Новиковым. Карамзин неоднократно упоминал и цитировал Ш. в стихах («Поэзия», 1787 и др.) и путевых «Письмах»; там он, в частности, писал: «Величие, истина характеров, занимательность приключений, *откровение* человеческого сердца и великие мысли, рассеянные в драмах Британского Гения, будут всех магиею для людей с чувством» (Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 368). Эти восторженные оценки предвещали русское восприятие Ш. в XIX в. Творчество Ш. высоко ценили М. Н. Муравьев и А. Н. Радищев.

В 1790 появился пер. «Ромео и Юлия» (Собрание некоторых театральных сочинений, с успехом представленных на Московском Публичном театре. М., 1790. Т. 3; отдельное издание — М., 1795), созданный актером В. Померанцевым на основе французской переработки Л.-С. Мерсье «Веронские гробницы» («Les tombeaux de Vérone», 1782), однако об «успехе» этого пер. сведений нет.

Лит.: *Булгаков А. С.* Раннее знакомство с Шекспиром в России // Театральное наследие. Л., 1934. Сб. I; *Левидова И. М.* Шекспир: Библиография русской переводной и критической литературы на русском языке 1748–1962. М., 1964; *Левин Ю. Д.* О первом упоминании пьес Шекспира в русской пе-

чати // Русская литература. 1965. № 1; Шекспир и русская культура / Под ред. М. П. Алексеева. М.; Л., 1965; Орлов С. А. «Ричард III» Шекспира и его переводчик // Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск, 1974; Алексеев М. П. Державин и сонеты Шекспира // Русская литература XVIII в. и ее международные связи. Л., 1975 (XVIII век. Сб. 10); Левин Ю. Д. К истории восприятия Шекспира в России XVIII в. // Сравнительное изучение литератур. Л., 1976; Кафанова О. Б. «Юлий Цезарь» Шекспира в переводе Н. М. Карамзина // Русская литература. 1983. № 2; Скобло Н. В. Первый перевод трагедии В. Шекспира «Ричард III» в России // Литературные связи и проблема взаимовлияния. Горький, 1984; Лазарчук Р. М., Левин Ю. Д. «Гамлетов монолог» в переводе М. Н. Муравьева // XVIII век. Сб. 21. СПб., 1999; Lirondelle A. Shakespeare en Russie: 1784–1840. Paris, 1912; Simmons E. J. English literature and culture in Russia (1553–1840). Cambridge, Mass., 1935; Lang D. M. Sumarokov's Hamlet: A misjudged Russian tragedy of the eighteenth century // Modern language review. 1948. V. 43. N. 1; Alexejew M. P. Deutschlands Vermittlerrolle für die frühe Shakespeare-Rezeption in Russland // Shakespeare Jahrbuch. Weimar, 1971. Bd. 107.

Ю. Д. Левин

ШИЛЛЕР (Schiller), Фридрих (10.11.1759, Марбах-на-Неккаре — 9.05.1805, Веймар), великий немецкий поэт, драматург, прозаик, мыслитель. Сын военного хирурга, получил военно-медицинское образование; 1783–1785 — театальный драматург в Мангейме; 1785 — издатель журнала «Рейнская Талия» («Rheinische Thalia»), затем — «Новая Рейнская Талия» («Neue Rheinische Thalia», 1787); 1788 — знакомство с Гете, перешедшее впоследствии в тесную дружбу; с 1789 — профессор философии в Иенском университете; в кон. века издает журнал «Оры» («Horen», 1795–1797) и «Альманах муз» («Musenalmanach», 1796–1800); с 1799 постоянно живет в Веймаре.

Известность пришла к Ш. в 1780-х, после появления его первой драмы «Разбойники» («Die Räuber», премьера — 1782); французская переделка этой драмы — «Робер, атаман разбойников» («Rober, chef des brigands») послужила в 1792 основанием для присуждения Ш. диплома почетного гражданина Французской республики за подписью Ж. Дантона. За первой пьесой последовал ряд драм: «Заговор Фиеско в Генуе» («Die Verschwörung des Fiesco zu Genua», 1783), «Коварство и любовь» («Kabale und Liebe», 1784), «Дон Карлос» («Don Carlos», 1787) и таких шедевров лирики, как ода «К Радости» («An

die Freude», 1785), «Резиньяция» («Resignation», 1785), «Боги Греции» («Die Götter Griechenlands», 1788), «Художники» («Die Künstler», 1789), баллад 1797–1798. В 1780–1790 в творчестве Ш. и Гёте складывается особое направление — веймарский классицизм, соединяющий в себе ясность и меру как наследие античной классики с гуманистическими идеями немецкой классической философии. В эти годы Ш. создает исторические труды («История Тридцатилетней войны») («Die Geschichte des Dreißigjährigen Kriegs», 1792–1793), пишет исследования по эстетике и этике в духе близкого ему учения И. Канта («Письма об эстетическом воспитании человека»; «О наивной и сентиментальной поэзии» и т. д.) («Die Briefe über ästhetische Erziehung des Menschen», 1795; «Über naive und sentimentalische Dichtung», 1796), которые оказали влияние на западноевропейскую и русскую гуманитарную мысль XIX в. На рубеже веков Ш. пишет драматическую трилогию «Валленштейн» («Wallenstein», 1798–1800), трагедии «Орлеанская дева» («Die Jungfrau von Orleans», 1801), «Мария Стюарт» («Maria Stuart», 1801) и «Мессинская невеста» («Die Braut von Messina», 1803), народную драму «Вильгельм Телль» («Wilhelm Tell», 1804) и оставляет неоконченной трагедию на сюжет из истории Смутного времени в России — «Димитрий» («Demetrius», 1805).

В России имя Ш. стало известным, очевидно, со второй половины 1780-х. В декабре 1786 к нему обратился из Парижа с письмом молодой литератор князь Б. В. Голицын (1769–1813), предложив материал для «Талии». Знакомство с «Доном Карлосом», возможно, побудило любителей театра из круга цесаревича Павла обратиться к опере Д. С. Бортнянского «Сын-соперник» на аналогичный сюжет (поставлена в Гатчине, 1787), придавая спектаклю политический смысл (утеснение наследника престола). Впервые в пределах Российской империи «Дон Карлос» ставился на рижской сцене (1787). Выражение «гражданин будущих времен» — слова маркиза Позы из этой трагедии — встречается в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева (глава «Хотиллов», 1790). Екатерина II, относясь к Ш. с подозрением, как к вольнодумцу, не желала видеть его соч. на русской сцене (см.: Макаров М. Н. Федор Федорович Иванов // Репертуар и Пантеон. 1845. Т. 11. Кн. 8. С. 484).

Первое упоминание о Ш. в русской печати — в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина в связи с «Доном Карлосом» (Московский журнал. 1791. Ч. 2. Кн. 1). Журнал Карамзина первым

стал знакомить читателей с творчеством Ш.; там же в пер. издателя опубл. драма «Юлиана» («Juliane»), приписанная Ш., автором которой был друг Ш. — Ф. Губер (Huber). В поэзии Карамзина 1790-х встречаются мотивы оды Ш. «К Радости» («Песнь мира», «К милости» и т. д.), то же — в его очерке «Из записок одного молодого россиянина» (Московский журнал. 1792. Ч. 6. Кн. 1); мотив из стихотворения «Резиньяция» — в стихотворении Карамзина «Отставка». Карамзину были известны и др. соч. Ш., опубл. в немецкой печати 1780-х, в т. ч. «Боги Греции», роман «Духовидец» («Der Geisterseher», 1789). Впечатления от драматургии Ш. отразились в ранней прозе Карамзина — стилистике повести «Юлия», в сюжете «Бедной Лизы». Карамзин же, вероятно, изложил в «Московских ведомостях» (1795. № 34. 28 апреля) содержание объявления Ш. о предстоящем выходе в свет журнала «Оры». В редактируемом им журнале «Вестник Европы» (1802. Ч. 4. № 15) Карамзин перевел новеллу Ш. «Игра судьбы» («Spiel des Schicksals», 1789). Среди знакомых Карамзина — Вильгельм фон Вольцоген (Wolzogen, 1762–1809), друг юности Ш., впоследствии его свояк, дипломат. В 1790-х поэзией Ш. интересуется Г. Р. Державин: его ода «Любителю художеств» (первоначальное заглавие «Новый год» // Московский журнал. 1791. Ч. 1. Кн. 2) носит следы знакомства автора с одой «К Радости». В 1805 Державин перевел раннее стихотворение Ш. «Лаура за клавесином» («Laura am Klavier», 1782). Имя Ш. упоминалось в журнале В. С. Подшивалова «Чтение для вкуса, разума и чувствований» (1793. Ч. 11) при публикации пер. повести «Царица любви и черные сестры» («Die Minnekönigin und die schwarzen Schwestern»), заимствованной из журнала «Новая Рейнская Талия» и приписывавшейся Ш. В журнале «С.-Петербургский Меркурий» (1793. Ч. 1) появился критический отзыв А. И. Клушина о «Разбойниках», вызванный полемикой с «Московским журналом», защищавшим принципы драматургии Шекспира и Ш.

Первоначальный этап восприятия творчества Ш. в России завершился пер. «Разбойников» (М., 1793), сделанным драматургом Н. Н. Сандуновым по утраченной суфлерской рукописи, в которой оригинал был соединен с переработкой пьесы берлинским драматургом К. М. Плюмике (Plümicke) (1782). Пер. Сандунова был удачным и держался на сцене до нач. 1840-х, способствуя формированию у русской публики романтического образа Ш. Влияние «Разбойников» также — в трагедии В. Т. Нарезного «Димитрий Самозванец» (1800, опубл. 1804).

Ш. — свободолюбцем и театральным новатором увлекались молодые участники Дружеского литературного общества, образовавшегося в Москве на рубеже XVIII и XIX вв.: А. И. Тургенев (1781–1803), А. Ф. Мерзляков (1778–1830), впоследствии профессор Московского университета, и В. А. Жуковский (1783–1852), которые начали совместно переводить в 1799–1800 «Дона Карлоса» и «Коварство и любовь», запрещенные павловской цензурой, как и все соч. Ш.

В 1802 — в московских «Новостях русской литературы» (Ч. 1. № 3) первый русский пер. оды «К Радости» (И. А. Кованько, 1773/74 — после 1824); там же — первый пер. из публицистики Ш.: ст. «Зала антиков в Мангейме» (1802. Ч. 1. № 25) («Der Antikensaal zu Mannheim», 1787) и пер. ст. «Действие и всеобщее влияние хорошего театра» (1802. Ч. 2. № 27–29) (впоследствии озаглавленной автором «Театр, рассматриваемый как нравственное учреждение» — «Die Schaubühne, als eine moralische Anstalt betrachtet», 1784); др. пер. этой ст. — в московском издании «Отрывки из иностранной литературы» (1804. Ч. 1). В 1802 была переведена новелла Ш. «Преступник из-за потерянной чести» («Der Verbrecher aus verlorener Ehre», 1786) под ее первоначальным заглавием «Преступник от бесславия» (петербургский альманах «Пиеррида». 1802. Кн. 2). Н. И. Гнедич, будущий академик и переводчик «Илиады», переводит — в сотрудничестве с С. И. Аллером — «Заговор Фиеско в Генуе» (М., 1803). О Ш. пишут в нач. XIX в. русские журналы, перепечатывая в пер. отдельные материалы из «Талии» и все больше новых переводных произведений Ш. Смерть поэта вызвала отклики в «Вестнике Европы» (1805. Ч. 23. № 19) и «Северном Вестнике» (1805. Ч. 8), переведенные из французского источника («Archives littéraires». 1805. Т. 6), ст. Якова де Сангле-на в московском журнале «Аврора» (1805. Т. 1. № 1) и т. д. Молодые русские поэты — члены Вольного общества любителей словесности, наук и художеств А. П. Бенитцкий (1780–1809) и А. Х. Востоков (1781–1864), будущий академик, известный филолог-славист, в стихах оплакивали кончину Ш. как потерю для русской культуры.

Л и т.: *Морозов А. А.* Западные писатели в русской цензуре // Западный сборник. М.; Л., 1937; *Чижевский Д. И.* Шиллер в России // Новый журнал. 1956. Ч. 26. № 7; *Леман У. Н. М.* Карамзин и В. фон Вольцоген // Роль и значение литературы XVIII в. в истории русской культуры. М.; Л., 1966 (XVIII век. Сб. 7); *Данилевский Р. Ю.* Шиллер и становление русского романтизма // Ранние романтические веяния: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1972; *Neumann F. W.* Karamzins Verhältnis zu

Schiller // Zeitschrift für slavische Philologie. 1932. Bd. 9. H. 3–4; Peterson O. P. Schiller in Rußland, 1785–1805. New York, 1934. Bd. 1; Raab H. Die Lyrik Schillers in früher russischer Übersetzung // Zeitschrift für Slawistik. 1956. Bd. 1. H. 1; Lotman Ju. M. Materialien über die Beschäftigung mit Schiller in der russischen Literatur // Wissenschaftl. Zeitschrift der E.-M.-Arndt-Universität Greifswald, Gesellsch. und sprachwiss. Reihe. 1958–1959. Nr. 5–6; Harder H.-B. 1) Schiller in Rußland. Bad Homburg; Berlin; Zürich, 1969; 2) Zur Textvorlage der ersten russischen Übersetzung von «Räubern» // Festschrift für A. Rammelmeyer. München, 1975; 3) Prinz B. V. Golizyn als Verfasser eines Briefes an F. Schiller // Festschrift für W. Gesemann. München, 1986; Danilevskij R. Ju. Schiller in der russischen Literatur: 18. Jahrhundert — erste Hälfte 19. Jahrhundert. Dresden, 1998.

Р. Ю. Данилевский

ЮНГ, ИУНГ, ЙОНГ (Young), Эдуард (крещен 3.07.1683, деревня Апом, близ Уинчестера — 5.04.1765, Уэлин, Херфордшир), английский поэт. Его написанная белым стихом религиозно-дидактическая поэма в 9 книгах («ночах») «Жалобы, или Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии» («The Complaint, or Night thoughts on life, death and immortality», 1742–1745), содержащая скорбные сетования о горестях и бренности жизни, суетности и тщете человеческих стремлений, неизбежности смерти, ужас перед которой преодолевается мыслью о бессмертии души, была направлена против просветительского оптимизма и стала одним из основных произведений сентиментализма, положив нач. т. н. «кладбищенской поэзии». Для восприятия творчества Ю. в России имели большое значение немецкие и французские пер.-посредники, в частности, «Klagen, oder Nachtgedanken» (1751–1752) И.-А. Эберта (Ebert) и «Les nuits d'Young» (1769) П. Летурнера (Letourneur), композиционно перестроившего поэму Ю. На основании последнего пер. Ж. Карон (Caron) составила антологию избранных мыслей из Ю. «Раздумья о существовании, или Нравственный взгляд на ценность жизни» («L'existence réfléchie, ou Coup d'oeil moral sur le prix de la vie», 1784), также получившую известность в России. Впервые в русской печати появилась «Вторая Иунгова ночь о времени, смерти и дружбе» (Вечера. 1772. Ч. 1) в прозаическом пер. М. В. Сушковой (урожденной Храповицкой, 1752–1803). В кон. 1770-х поэма Ю. привлекла масонов, которым были близки религиозно-этические взгляды поэта. В жур-

нале Н. И. Новикова в течение полутора лет печатались I–VIII «нощи» (Утренний свет. 1778–1780. Ч. 4–8) в прозаическом пер. А. М. Кутузова с немецкого пер. Эберта. Впоследствии Кутузов опубликовал полный пер. «Плач Эдуарда Юнга, или Нощные размышления о жизни, смерти и бессмертии» (М., 1785. Ч. 1, 2; переиздание: 1799, 1812) с «присовокуплением» пер. еще двух поэм Ю.: «Страшный суд» («The last day», 1713) и «Торжество веры над любовью» («The force of religion, or Vanquished love», 1715); последний пер. был ранее опубликован под заглавием «Могущество веры, или Любовь побежденная» (Утренний свет. 1780. Ч. 8). Тогда же был опубликован др. пер. «Торжество веры над любовью» (М., 1780) масона И. В. Лопухина. Еще раньше издавался русский пер. упомянутой эсхатологической поэмы, обличавшей порочный век, «Страшный суд» (СПб., 1777), выполненный по итальянскому пер. Ф. Альберти «Il giudizio finale» (1770), по-видимому, М. М. Щербатовым, и этот пер. был переиздан Новиковым в 1787.

Ю. в значительной степени воспринимается как моралист, поэтому в «Утреннем свете» и др. изданиях печатались фрагменты из его трактатов «Защита Провидения, или Истинная оценка человеческой жизни» («A Vindication of Providence, or a True estimation of human life», 1728) и «Небаснословный кентавр» («The centaur not fabulous», 1755), переведенные с французского пер. Летуэрнера. И. Г. Рахманинов, опубликовав в «Утреннем свете» (1780. Ч. 8) два таких пер., составил антологию «Нощные мысли и другие некоторые сочинения г. Юнга» (СПб., 1780). Отрывки из произведений Ю. входили в моралистический сб. вологодского помещика, члена Вольного экономического общества А. В. Олешева (1724–1788) «Цветы любомудрия, или Философические рассуждения» (СПб., 1778) и «Вождь к истинному благоразумию и к совершенному щастию человеческому» (СПб., 1780).

Пер. Летуэрнера служил основным источником для русских переводчиков «Ночных размышлений» в XVIII в., но в самом кон. его вышел «Плач, или Нощные мысли о жизни, смерти и бессмертии <...> с присовокуплением двух поэм: 1) Страшный суд, 2) Торжество веры над любовью и 3) Вольного предложения из кн. Иова» (СПб., 1799), переведенный с английского оригинала, очевидно С. С. Джунковским (1762–1839), ученым агрономом, который в 1780-е обучался в Англии. Но этот пер. не имел успеха и не переиздавался. Преиму-

шественное внимание к Ю.-моралисту способствовало интересу к антологии Ж. Карон, первый русский пер. которой вышел анонимно: «Бытие разумное, или Нравственное воззрение на достоинство жизни» (М., 1787; переиздание 1812). К. В. Мисловский, сотрудник «Покоящегося трудолюбца», создал пер. «Разумное существо, или Нравоучительное рассуждение о цене жизни» (1790; неизданная рукопись в РГБ). Отрывки в пер. И. И. Дмитриева печатались в «Приятном и полезном» (1796. Ч. 9–11). Преподаватель инженерного корпуса А. Я. Андреев перевел антологию целиком под заглавием «Дух, или Нравственные мысли славного Юнга, извлеченные из Нощных его размышлений» (СПб., 1798) и добавил к ней подборку религиозно-дидактических стихотворений русских и иностранных поэтов. Тогда же вышел пер. Н. Морозова «Картина бытия, помышлением созерцаемая, или Умственное воззрение на драгоценность жизни» (М., 1798). Из стихотворных произведений Ю. также был переведен цикл сатирических поэм «Love of fame, the Universal passion» (1725–1728) с французского пер. Бертена (Bertin) «Satyres d'Young, ou l'Amour de renommée, passion universelle» (1788) А. Татариновым под заглавием «Юнговы сатиры, или Любовь к славе всеобщая страсть» (СПб., 1792).

Первые упоминания Ю. в русской печати содержались в переводных ст. Восприятие Ю. как мыслителя и моралиста отразилось в ст. П. А. Плавильщикова, где в перечислении писателей, «коих сочинения могут преимущественно пред другими быть переведены», он был назван рядом с Локком, Паскалем и Декартом (Нечто о переводах // Утра. 1782. Июль. Л. 4. С. 59). Но постепенно формировалось представление о Ю. — скорбном и трогательном поэте, питающем чувствительные сердца. Кутузов в примеч. к своему пер., хотя и подчеркивал дидактизм Ю., все же писал о нем: «Несчастный стихотворец, умевший столь хорошо переселить горесть свою в жалости исполненные стихи, а из сих в тронутую читателя душу, которую наполняют они сладостною горестию» (Плач Эдуарда Юнга. Ч. 1. С. 22). Сентименталистское понимание Ю.-поэта сформулировал Карамзин в программном стихотворении «Поэзия» (1787): «О Йонг, несчастных друг, несчастных утешитель! / Ты бальзам в сердце льешь, сушишь источник слез, / И с смертию дружа, дружишь ты нас и с жизнью!» Отклики на поэзию Ю. возникали в русской лит. кон. XVIII в., в т. ч. в повести Н. Ф. Эмина «Роза» (1786), в анонимной повести

«Флейта» (1799), очерке И. Ф. Тимковского «Взгляд на самого себя» (Приятное и полезное. 1796. Ч. 12), этюде П. И. Шаликова «Утешение в собственном сердце» (Иппокрена. 1800. Ч. 6), анонимном стихотворении «Мысли о смерти и бессмертии» (Чтение для вкуса. 1791. Ч. 3), стихотворении В. Л. Пушкина «Суйда» (1797) и др. В сентименталистских журналах неоднократно печатались за подписью или анонимно оригинальные или переводные лирические стихотворения или этюды типа стихотворений в прозе с заглавиями вроде «Ночь», «Ночные размышления», «Размышление о смерти», «Мысли при гробнице», «Надгробные стенания» и т. п., во многих содержатся ссылки на Ю. Влияние Ю. проявилось в одах Г. Р. Державина «На смерть кн. Мещерского» (1779), «Бог» (1784), «Водопад» (1791). С. С. Бобров, ориентируясь на лексику и стиль пер. Кутузова, осваивал отдельные мысли и образы Ю. в своей поэзии. Н. С. Смирнов, переводя с пер. Летуэрнера 4-ю «ночь» — «Смерть Нарциссы, дочери славного Юнга» (Иртыш. 1789. Ч. 1), в сетованиях о своей горькой участи цитировал «Ночные размышления» в лирических отрывках: «Вечер на горе Могое», «Прощальная слеза на гробе друга», «К смерти» (Приятное и полезное. 1794. Ч. 4; 1796. Ч. 9, II).

Биография Ю. помещена в «Словаре историческом» (М., 1798. Ч. 14).

Л и т.: *Заборов П. Р.* «Ночные размышления» Юнга в ранних русских переводах // Русская литература XVIII в.: Эпоха классицизма. М.; Л., 1964; *Зайонц Л. О.* Юнг в поэтическом мире С. Боброва // Проблемы типологии русской литературы. Тарту, 1985 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 645); *Ганин В. М.* Карамзин и Юнг // Межлитературные связи и проблема реализма. Горький, 1988; *Левин Ю. Д.* Английская поэзия и литература русского сентиментализма // *Левин Ю. Д.* Восприятие английской литературы в России. Л., 1990; *Forster H.* Some uncollected authors XLV: Edward Young in translation // The Book collector. 1970–1971. V. 19, 20.

Ю. Д. Левин

ЮНКЕР (Junker), Готлоб Вильгельм Фридрих (1.07.1703, Альтенбург (?) — 10.11.1746, Петербург), немецкий петербургский поэт. Прибыл в Петербург из Лейпцига осенью 1731 в надежде на место воспитателя в знатном русском семействе, но после представления И. Д. Шумахеру был привлечен к работе по подготовке иллюминации и фейерверка к торжественному въезду императрицы Анны Иоанновны в Петербург. Роскошная иллюминация и три фейерверка 17 января 1732 были выполнены

по проекту Ю., а подробное их описание, сопровождаемое стихами и стихотворными надписями, опубликовано в «Примечаниях к Ведомостям» (1732. Ч. 1–4); им же выполнялись проекты и описание иллюминации и фейерверка 28 января 1732, 3 февраля 1732 (не сохранились). Забытый с Петровского времени размах проектов Ю. привел в восхищение Шумахера, Б. К. Миниха и даже Двор. Этот успех, а также редкое, по отзывам современников, обаяние поэта обеспечили Ю. беспрецедентно быструю и легкую карьеру в Академии наук.

До 1734 Ю. готовил все проекты и описания придворных иллюминаций и фейерверков (сохранилось всего пять описаний), как правило, они открывались стихами, по существу своему небольшими одами. Написанные в соответствии с требованиями немецкого классицизма (в Лейпциге Ю. принадлежал к кружку И. К. Готшета), они сыграли важную роль в становлении русского классицизма, прежде всего в становлении жанра оды, а пер. их на русский язык, выполнявшийся В. К. Тредиаковским, оказал несомненное влияние на реформу русского стиха. В 1734 Ю. стал переводчиком на немецкий язык «Оды на сдачу города Гданска» Тредиаковского. Кроме того, Ю. писал подносные панегирические стихи: эпиграммическое стихотворение на брак свояченицы Бирона (1733), Брауншвейгскому герцогу Антону Ульриху (1733), принцессе Анне Леопольдовне (1733) и президенту Академии наук Г. К. Кайзерлингу (1733), выходявшие отдельными изданиями.

После поступления в 1735 в свиту Миниха Ю. еще трижды выступил как русский придворный поэт. В кон. 1735 им была написана ода на новый 1736, положившая наряду с одой Я. Я. Штелины (писались одновременно, очевидно, из чувства соревнования) нач. русской традиции подносных од на новый год и царские дни. В 1737 он подготовил проект и описание иллюминации на день рождения императрицы Анны Иоанновны (28 января). А в 1742 выступил с похвальным стихотворением на коронацию императрицы Елизаветы Петровны «Die gekronte Hoffnung», пользовавшимся у современников большим успехом (в русском пер. М. В. Ломоносова — «Венчанная надежда»).

В своих одах: польскому королю Августу III и императрице Анне (перезданы в: Die Deutschen Gesellschaft in Leipzig Oden und Cantaten. Leipzig, 1738) — Ю. неизменно прославлял Россию и пропагандировал ее политику.

В описаниях иллюминаций и фейерверков, в стихах к ним и в одах Ю. заложил основу русской одической топики, которая затем разрабатывалась сменившим его в роли придворного поэта Штелином. Перенесенная на русскую почву Ломоносовым и очищенная его гением, она осталась в русской политической поэзии и публицистике.

Л и т.: *Пекарский П. П.* История императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб., 1870. С. 479–493; *Алексеева Н. Ю.* 1) Петербургский немецкий поэт Г. В. Фр. Юнкер // XVIII век. Вып. 22. СПб., 2002; 2) Русская ода. Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб., 2005.

Н. Ю. Алексеева

СПИСОК ВОКАБУЛ:

Аддисон	Гольдони
Альгаротти	Готшед
Альфьери	Графиньи
Англо-русские литературные связи	Грей
Аржанс	Гримм
Ариосто	Гюнтер
Баттё	Даламбер
Беккариа	Данте
Боккалини	Детуш
Боккаччо	Дефо
Бомарше	Дидро
Боссюэ	Жанлис
Буало	Испанско-русские литературные связи
Бюффон	Итальянско-русские литературные связи
Виланд	Казанова
Винкельман	Калиостро
Вольтер	Кальдерон
Галиани	Камознс
Галлер	Касти
Геллерт	Клопшток
Гельвиций	Кондильяк
Гердер	Корнель
Германо-русские литературные связи	Коцебу
Геснер	Кребийон-сын
Гёте	Ларошфуко
Голдсмит	Лафатер
Гольберг	Лафонтен

Лесаж	Руссо Ж.-Б.
Лессинг	Руссо Ж.-Ж.
Мабли	Свифт
Макиавелли	Сен-Ламбер
Малерб	Сен-Мартен
Мариво	Сен-Фуа
Мармонтель	Сервантес
Мерсье	Скандинавско-русские литературные связи
Метастазио	Скаррон
Мильтон	Стерн
Мольер	Стиль
Монтескьё	Тальман
Оксеншерна	Тассо
Оссиан	Томсон
Паузе	Фенелон
Петрарка	Филдинг
Польско-русские литературные связи	Флориан
Поп	Фонтенель
Португальско-русские литературные связи	Формей
Прево	Французско-русские литературные связи
Рабенер	Циммерман
Расин	Шамфор
Рейналь	Швейцарско-русские литературные связи
Реньяр	Шекспир
Ретиф	Шиллер
Ривароль	Юнг
Ричардсон	Юнкер
Роллен	

Часть II

Приложения

Приложение 1

Античность в русской литературной культуре XVIII века

1.1. РЕЦЕПЦИЯ АНТИЧНОСТИ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ НАЧАЛА XVIII ВЕКА.

XVIII в. в России — век смены культурных парадигм. В средневековой Руси античное наследие имело религиозное значение, оно в большинстве случаев воспринималось как вредное языческое прошлое человечества, приравнивалось к вероотступничеству, а потому было в целом отвергнуто. Не поощрялись даже ссылки на античных авторов. XVIII в. стал веком восприятия и осмысления античного наследия. Уже в Петровскую эпоху изолированность древнерусской культуры, ее отказ от античного наследия, фундамента всей европейской культуры осознавались как невежество. Целью Петра было создать новое европейское государство, «присовокупиться к обществу политических народов», это означало изменить культурную ориентацию, приобщить Россию к тем основам, на которых выросла Европа, т. е. к античности. В России XVIII в. античность стала языком культуры, эстетическим идеалом, ориентиром, в сопоставлении с которым и в противопоставлении которому оттачивалась самобытность русской культуры, складывались новые культурные ценности.

В нач. XVIII в. восприятие античности задавалось «сверху»: именно с политикой Петра I, стремившегося привить в России европейские культурные парадигмы, и связано новое отношение к античному наследию. Концепция переноса (*translatio*), одна из фундаментальных категорий средневековой историософии, стала ключевой в петровских реформах. Необходимость этой концепции определялась культурным сознанием эпохи, отвергавшим предшествующую традицию как ис-

черпавшую себя и не имеющую исторического бытия. Элементы античной культуры, усвоенные европейской цивилизацией и в ходе ее многовековой истории подтвердившие свою непреходящую ценность, благодаря петровским «переносам» стали частью государственной политики России XVIII в., прочно вошли в культуру и быт страны.

Петр ориентировался на образ Римской империи как идеал государственной мощи. Его преобразования и нововведения, будучи спроецированными на модели жизни современной ему Европы, в то же время находят параллели в римской истории, созвучны реформам римских императоров. Образ российского монарха, единодержавного правителя, расширяющего пределы и полномочия своей власти, которая поддерживалась создаваемым им самим авторитетом, сознательно соотносился с образами первых римских цезарей-императоров: Гая Юлия Цезаря и его внучатого племянника Цезаря Августа. В 1721 Петр I официально принял императорский титул, отказавшись от титула царя, связанного с иной, уходящей в прошлое, культурной традицией, стал называться «Великим» и «Отцом отечества» («Отцом отечества» Петра I называл Феофан Прокопович еще до принятия им этого титула, в 1709, в своей посвященной Полтавской победе «Песни победной»). «Отец Отечества» — пер. почетного титула властелинов Рима «*Pater patriae*». Впервые он был присвоен сенатом Гаю Юлию Цезарю в 45 до н. э. После смерти (44 до н. э.) Цезарь был обожествлен: сенат и народ назвали его *Divus Julius* («Божественный Юлий»), а его преемник стал именоваться *Divi filius* («сын Бога»). Тем самым было положено нач. культу императора: император Цезарь Август (Гай Юлий Цезарь Октавиан) обожествлялся в народе. Титул «август» («высокий, священный, великий») был присвоен ему в 27 до н. э., с тех пор три имени — *Imperator Caesar Augustus* — составили основу титулатуры римских правителей. Титул «август» переносился и на российских монархов и монархинь. «Августейшим всероссийским императором» называл Петра I Гавриил Бужинский в предисловии к «Введению в историю европейскую» С. Пуфендорфа (СПб., 1718). Форма женского рода — «августа» — закрепилась за Екатериной I, Анной, Елизаветой, Екатериной II.

Титул «отец отечества» носили также вселенские патриархи — константинопольский и александрийский. Однако нововведение Петра было античным по природе и принципиально отличалось от христианской византийской традиции: титул монарха-императора исключил должность патриарха, что соответствовало входившим в официаль-

ный культ Римской империи представлениям об императоре как божестве. Патриаршество было заменено Синодом; в роли патриарха выступал сам император, параллель тому в истории — император Цезарь Август в 12 до н. э. официально возложил на себя полномочия Великого понтифика, подчинив, таким образом, государственную религию императорской власти. Монарх был объявлен Крайним Судией, тем самым на него возлагалась Высшая власть. Все это привело к его сакрализации: царь наделялся особой харизмой, был приравнен к Богу, Спасу, самому Христу (соответственно, в восприятии его противников, «ревнителей древнего благочестия»), к Антибогу — Антихристу), на него переносились литургические тексты. Петр I был сакрализован еще при жизни. «Но в жизнь его уже за Бога почитали», — писал М. В. Ломоносов. Культ царя-Бога получил дальнейшее развитие в культурном сознании XVIII и XIX вв.: преемники Петра тоже сакрализировывались, воспринимались как земной образ Бога. Достаточно примеров тому представлено в лит. В ломоносовской оде на день рождения Елизаветы (1757) «Бог» он говорит об императрице: «Я сам в лице Ея предстал». У Сумарокова в оде на тезоименитство Екатерины II (1766) Бог призывает императрицу: «...будь Мой Образ на земли». В. И. Майков писал о Екатерине II: «В ней Бог свой образ нам являет / И ею всех вас удивляет, / Каков премудр Он и велик». В стихотворениях В. П. Петрова Бог называет Павла I: «Мой образ истый». Г. Р. Державин обращался к Александру I: «Небес зеркало, в коем ясный / Мы видим отблеск Божества. / О ангел наших дней прекрасный, / Благаго образ Существа». В лит. осознавались античные, языческие корни обожествления и культового почитания императора, проводились параллели с римской историей, утверждалась уместность этого культа в христианстве. Так, авторы «Политиколепной апофеосис», преподаватели Московской Славяно-греко-латинской академии, восхваляя «доблестнейшую храбрость и прочия монаршеския добродетели» Петра-победителя «приравниванием» «до древних мир удививших кавалеров», объясняли, что слово «ἀλοθέωσις» (букв. «обоготворение») означает «между боги почтение. Сие же бываше у древних обычне убо храбрым, славным и добродетельным монархам и монархиням. И тако первыи всех Август Иулиа Кесаря. Тиверии же Августа посвятили, и иных между боги почли <...> и честь божию, храмы и служебники своя им постановляху»; кроме того, авторы утверждали, что «древнейшии повелители еще живи суще <...> имя сие Divus, Божествен, <...> не отрицаху» (Политиколепная апофеосис

достохвальная храбрости Всероссийского Геркулеса. М., 1709. Предисловие православному читателю. [Л. 3–4] Ненумер.).

Навязываемая Петром I культурная переориентация подкреплялись выдвинутой еще в XVI в. идеей о кровной связи российских монархов с римскими цезарями. Иваном Грозным была принята династическая легенда, согласно которой Рюриковичи объявлялись прямыми потомками Пруса, «родного брата» первого римского императора Августа. Эта генеалогия была поддержана Романовыми и в XVII, и в XVIII вв.: изображение Августа и трех его сыновей, восседающих на тронах, встречается среди росписей кремлевской Грановитой палаты, в т. ч. относящихся и к более позднему времени; Петр-«российский Август» прославляется в посвященных его победам панегириках, проповедях Стефана Яворского, произведениях Феофана Прокоповича и др. В контексте петровских реформ новое звучание получают переданные Светонием слова Августа «Urbem <...> excoluit adeo, ut jure sit gloriatus, *marmoream se relinquere, quam latericiam accepisset*» (С. Suetonius Tranquillus. De vita Caesarum. Augustus. 28, 3) — «Город <...> обиходил до того, что по праву хвалился, что *оставил мраморным [тот], который взял кирпичным*» (пер. наш; курсивом выделен сам афоризм. — И. П.). Еще в 1670-е этот афоризм переводил Николай Спафарий в своем трактате «Арифмология», предназначенном для чтения избранными, «преименитыми» читателями. Однако в петровское время афоризм Августа имеет уже конкретное, историческое значение, связан с реальной ситуацией. Более того, Феофан Прокопович использует его, чтобы превознести роль Петра I — строителя России по сравнению с ролью Августа — строителя Рима: «Август он римский император, яко превеликую о себе похвалу, умирая проглагола: кирпичный, рече, Рим обретох, а мраморный оставлю. Нашему же пресветлейшему монарху тщета была бы, а не похвала сие пригласити; исповести бо воистинну подобает, деревянную он обрете Россию, а сотвори златую» (Феофан Прокопович. Слова и речи. СПб., 1760. Ч. I. С. 113). Культурные реформы Петра I также ассоциировались с деятельностью Августа: «Подвигнется Европа; ученые, возвращаясь в отечество, станут сказывать: мы были во граде Петрове, <...> мы видели там Августово время, Меценатов» (Ломоносов М. В. Полное собр. соч. Т. VIII. М.; Л., 1952. С. 684).

Ориентируясь на образ Римской империи, Петр I переносил в Россию сложившиеся в Риме традиции и обычаи, утвердившиеся также и в европейских государствах. Так, составной частью его военной

политики стал институт триумфата — традиционное со времен античности (римляне заимствовали этот ритуал у этрусков) чествование полководца-победителя: одержавшие победу российские войска торжественно вступали в Москву, они проходили под триумфальными арками, декором которых была греко-римская символика, в их честь читались стихи, произносились похвальные слова, исполнялись канты, победам русских войск посвящались фейерверки, иллюминации, театральные представления. В глазах просвещенных людей того времени — например, преподавателей Московской славяно-греко-латинской академии, многие из которых получили «западное» образование, твердо усвоив основы античной риторики и философии, — именно опора на историческую традицию придавала авторитет петровским триумфам и легитимировала их необходимость: таковым «образом и обыкновением древних римлян», — объяснял префект Славяно-греко-латинской академии, преподаватель философии Иосиф Туробойский, — следует почитать «источающья отечеству своему отраду, здравие, свободу и славу от живья воды пота своего его царское пресветлое величество и всех его победоносных подвигоположников» (Предисловие к православному читателю в издании: Преславное торжество свободителя Ливонии и Ингерманляндии. М., 1704. Л. 8). И это не религиозный культ, а новая «гражданская похвала», во всех «политических, а не варварских народах установленная» (там же).

Непременным атрибутом устраиваемых Петром I торжеств стала мифология. На триумфальных арках, как это было принято в Западной Европе, император изображался в образах античных богов и героев: Петр I ассоциировался с Зевсом-Юпитером («Иовишем, начальником всем властем небесным и земным»); «Улиссом, единым от царей греческих»; воинственным Марсом; Геркулесом, освобождающим похищенные у него «кравы от Какуса»; Персеушем, «свобождающим Андромеду»; Александром Македонским, разрубающим гордиев узел; Язоном, добывающим «золотое руно». Победы Петра I аллегорически передавались через мифологические сюжеты или сюжеты, почерпнутые у древних авторов — Эзопа, Овидия, Вергилия, Фукидида, Тита Ливия и др. На триумфальных вратах 1703, воздвигнутых в честь взятия Конца, была представлена картина, на которой изображался миф о Фазтоне: «Четвертая тояжде страны картина изъявляет Фазтона, Фебусова сына, иже не могий управляти отеческаго яждения, обача дерзновен и великоумен, всед на колесницу солнечную, мир вожже, сего ради от Иовиша громом поражен, паде на

землю» (Торжественная врата, вводящая в храм бессмертных славы <...>. М., 1709. Л. 7 об.). Петр I задавал и единственно правильное понимание античных мифов: аллегории и эмблемы на триумфальных вратах сопровождалась объясняющими их надписями; кроме того, преподаватели Московской славяно-греко-латинской академии издавали подробные описания устраиваемых врат, в которых комментировались все изображения, а актуальные события российской истории соотносились с мифологическими сюжетами. Миф о Фазтоне, например, символизировал борьбу русских с дерзкими шведами, возомнившими себя непобедимыми: «изображает же швейскую силу, яже дерзаше толикожды возстати противу его царскаго пресветлаго величества мужеству и мняшесе онаго победити, и аки бы на полдень славы возшед, блистанием своим мир возжеши, обаче орла российскаго стрелы поражен и посрамлен, ниспаде» (Там же. Л. 7 об.). Героинка мифа служила государственным интересам — Персей, спасающий Андромеду от морского чудовища, — это Россия, освобождающая Ингерманландию от шведов.

Мифологические и исторические персонажи оживали в публичных зрелищах. На темы и сюжеты античной истории ставились театральные представления. В репертуар театра Кунста-Фюрста входили такие пьесы, как «О крепости Грубетоне, в ней же первая персона Александр Македонский», «Два завоеванные города, в ней же первая персона Иулий Цезарь», «Сципио Африкан, вождь римский, и погубление Софонизбы, королевы Нумидийския», «Постоянный Папинианус» (Эмилий Папиниан — известный римский законовед, который был казнен), «Порода Геркулесова, в ней же первая персона Юпитер». Театр был для Петра I одним из средств политической пропаганды, он позволял наглядно разъяснять государственную политику, показывать значение военных побед, выполнял дидактическую функцию. В честь Эрестферской победы, поколебавшей представление о непобедимости шведской армии, в школьном театре была поставлена пьеса «Страшное изображение втораго пришествия Господня на землю» (4 февраля 1702). В ней Марс Российский сообщал зрителям о том, что он победил «гордящихся» шведов, которые привыкли «сухищати царства». Фортуна возлагала венец на голову Марса. Действующие лица пьес школьного театра — аллегорические фигуры, библейские персонажи, наряду с ними фигурируют мифологические образы: Гнев Божий, Милосердие, Суд, Истина, Декрет, Смерть, Всемогущая сила, Любовь земная, Михаил архангел, Мир, пророк Даниил, Моисей,

Церковь, Фортуна, Вулкан, Беллона, Семь свободных наук. В пьесе «Божие уничижение гордых уничижение» (1710) в кон. спектакля на сцену выходили хромым Лев, символизирующий Карла XII, раненого в ногу во время Полтавского сражения, Гидра, олицетворяющая измену и предательство Мазепы, и Орел, символ Российского государства, с гордой надписью: «И хромым и не хромым, и лютым и не лютым смиряем». Боги-олимпийцы как персонажи пьес имели символическое значение: Юпитер был аллегорией государственной воли и энергии, Минерва представляла мудрость и бескорыстное служение науке, Гераклес передавал смелость и силу, Марс и Беллона выражали военную мощь государства и т. д. Нептун, Фортуна, Сатурн, Янус, Меркурий, Юпитер, Марс, Дедал и Икар и т. д. были также персонажами фейерверков и иллюминаций, сценически организованных действий, которые аллегорически представляли злободневные темы и прославляли победы Петра I. Мифологические сюжеты в публичных зрелищах символизировали политические и военные успехи российского государства.

Образы античной мифологии, параллели из античной истории и сюжеты «баснотворцев» проникли даже в церковную проповедь. К ним обращались Феофан Прокопович, Гавриил Бужинский, Феофилакт Лопатинский и др. авторы, чьи торжественные панегирики звучали в церквях. Петр I сравнивался в них с Гераклом, Марсом, Агамемноном, Юпитером. Герои языческих мифов переплетались с библейскими персонажами. В речи «В похвалу Санкт-Петербургу» Гавриил Бужинский, будущий обериреромонах Российского флота, уподобил поведение Софьи в 1692 поступкам Юноны, а судьбе Петра I противопоставил судьбу Ахиллеса, который по воле богов должен был умереть. Феофан Прокопович по случаю 27 июня, дня Полтавской битвы, сравнил Петра с Самсоном. Петра I уподобил Самсону и Стефан Яворский.

Петр I культивировал античность: он вводил ее в быт, оживлял в культуре, использовал античные мотивы в архитектуре и градостроительстве. Статуи античных богов украшали парки и усадьбы — скульптуры, фонтаны на мифологические сюжеты придали неповторимый облик парковому ансамблю Петергофа и Летнему саду: «Эвтерпа», «Нимфа воздуха», «Флора и Зефир», «Нарцисе, лежащей с другой стороны кладезя, осматривая в воду красоту Венерову, преобразается в цветок», мраморная лошадь, «которая репрезентует лошадь кампидольскую Марка Аврелия» и т. д. В 1716 в Летнем саду впервые была

выставлена античная статуя Венеры, купленная Петром I в Ватикане, большая часть других статуй представляла собой выполненные по специальному заказу венецианскими скульпторами-декораторами копии античных скульптур. «Нравоучительным украшением» Летнего сада стал лабиринт с фонтанами на темы эзоповских басен («О змие», «О горе, хотящей родити», «О кокошке и коршуне» и т. д.), причем возле каждого фонтана — их было более тридцати — Петр приказал поставить «столб с белою жестью, на которой четким руским письмом написана была каждая баснь с толкованием» (Анекдот «от тайного советника и главнаго директора над императорскими строениями и садами Александра Львовича Нарышкина». См.: Штелин Я. С. 208–210). Сюжетам любимых Петром I басен Эзопа были посвящены и фонтаны в Петергофе. В парках и садах возводились античные павильоны. Мифологические сюжеты были обязательной частью лепного декора и барельефов. На барельефах Зимнего дворца Петра I (1725) изображались Марс и Венера. Барельефы Петергофа представляли «Состязание Аполлона и Марсия», которое высмеивало безрассудство шведского короля Карла XII, осмелившегося воевать с Россией. Этой же теме был посвящен барельеф «Нарцисс» — аллегория самолюбия Карла XII: «Бедствовать будет тому, кто сам себя любит». Плафоны помещений Летнего дворца покрывала декоративная живопись на темы греко-римской мифологии: «Торжество Минервы» (в кабинете), «Торжество Морфея» (в спальне). На плафонах в Монплезире изображались Аполлон, Юнона, Нептун, Амфитрита, Вулкан, Вакх. В окружении мифологических образов Петр I и его сподвижники представали на гравированных портретах. Венера и Купидон украшали посох патриарха Всешутейшего собора (1699). Бесчисленные амурсы и купидоны смотрели с дверей и карнизов дворцовых окон. Мифологические персонажи изображались на фронтисписах и титульных листах книжных изданий. Некоторые номера петровских «Ведомостей», начиная с 1711, выходили с гравюрой, на которой был изображен Петербург, а над Невой летел Меркурий с трубой и кадучеем. Непосредственным воспроизведением античной реальности стали храмы Януса, построенные по случаю военных побед (22 октября 1721 в Петербурге, 22 января 1722 в Москве).

Скульптуры, художественные полотна сопровождалась надписями на латинском языке, многие из которых восходили к популярным тогда сборникам символов и эмблем или представляли собой цитаты

из древних авторов или парафразы известных афоризмов: под изображенными на арке у дома Меншикова Фортуной с Купидоном было написано «Fortuna fortes metuit», «судьба боится сильных» (ср. у Теренция, Цицерона, Плиния и др.: «fortes fortuna adjuvat» — «смелым (сама) судьба помогает»); у Тита Ливия: «fortuna erat potentioris» — «счастье благоприятствовало сильнейшему»); надпись на картине, изображающей сидящего на облаках Юпитера, который посылает Меркурия освободить Юнону, гласила: «Paratus et peritus» («готовый и искусный». — *И. П.*); на триумфальных вратах 1722 в Москве были изображены творения Петра I: с правой стороны — Кронслотская гавань, на которую смотрит Нептун, под ним надпись «Videt et stupescit» («видит и столбенеет». — *И. П.*), с левой — Санкт-Петербург, «Urbs ubi silva fuit» («город, где прежде был лес»). Латинские надписи-комментарии стали фактом руководимой Петром I литературной культуры, отражающей его государственную доктрину. Дополняющие аллегорическую композицию латинские легенды со ссылками на Вергилия и Овидия приводились на оборотных сторонах медалей, выполненных в Германии в мастерской Ф. Г. Мюллера по государственному заказу России или по собственной инициативе (например, серия медалей, посвященных событиям Северной войны). Так, на медали в честь взятия Дерпта (1721) «при осажденном городе представлен государь в римском одеянии, опершись на овальный щит, на котором означены сии слова: Portis hostilibus effractis («за изломанные вражеские врата». — *И. П.*); перед ним стоит женщина на коленях, подносящая ему градскую корону, с надписью: Accipit in medio. Ovid. («берет публично». — *И. П.*), внизу: Torpatum in fidem receptum 14 Iul. s. v.» («Дерпт принят под покровительство 14 июля <сего года?>»). — *И. П.*) (Голиков И. Т. 2. С. 95). По поводу победы над Левенгауптом (1708) была вылита медаль, на которой изображена Слава, держащая одной рукой «победный венец», а др. — трубу, «а под ногами пушки, знамена, штандарты и щит с надписью: Caput est a corpore longe. Ovid. («голова далеко от тела». — *И. П.*) (Голиков И. Т. 4. С. 21).

Латинская сентенция стала одной из граней восприятия античного наследия в России XVIII в. Сам Петр I украшал свои речи афоризмами древних мудрецов и классическими оборотами: в 1696, сообщая о делах под Азовом и прося «радети от всего сердца в защищение единоверных своих и себя», Петр I писал, что бегущую Фортуну надо хватать за волосы; в письме 1705 он сравнивал господина Леингопта с

Нарциссом, который, как «Эхо, от нас удаляется»; в указе 1711 «О поручении <...> Сенату попечения о правосудии» Петр I использовал известное тогда выражение «*nervus belli pecunia*», «деньги — нерв (движущая сила) войны» («понеже деньги суть артериею войны»), а в указе «О бережении земледельцев» он перефразировал этот афоризм, назвав земледельцев «артериями государства» (примеры цит. по: Николаев С. И. 1996. С. 36–37). Ганноверский резидент Х. Ф. Вебер передает анекдот о том, как «один иностранный генерал в русской службе хотел успокоить царя насчет неприятельского нападения и уверял, что он с своим отрядом отмстил бы за нападение и возвратил бы потерянное. — Не храбритесь, возразил Петр I: если неприятель далеко, то воображайте его слоном, а в рукопашной схватке считайте его не более мухи <...>» (Цит. по: Пекарский П. Т. I. С. 23); здесь явно перефразирована известная пословица «*elephantum ex musca facis*», «делаешь из мухи слона». Латинские афоризмы приводят политические деятели эпохи. П. И Шафиров пишет в отредактированном самим Петром I «Рассуждении, какие законные причины Петр Первый <...> к начатию войны против короля Карла XII шведского 1700 году имел» (СПб., 1717. С. 16): «<...> хотя по присловию латинскому, под звоном оружия права гражданские молчат <...>» — это пер. пословицы «*Inter arma silent leges*», «среди оружия законы безмолвствуют» (Цицерон. Речь в защиту Милона. IV. 10; др. авторы).

К латинским цитатам обращались литераторы петровской эпохи — просвещенное духовенство, барочные полигисторы, украшавшие свои соч., согласно законам поэтики и риторики, афоризмами древних. Стефан Яворский характеризовал словами Овидия «Летописец келейный» Дмитрия Ростовского, также завзятого латиниста: «<...> *opus <...> quod nec Jovis ira, nec ignes, nec poterit ferr[um] nec edax] abolere vetustas*» («<Вот завершился мой> труд, и его ни Юпитера злора / Не уничтожит, ни меч, ни огонь, ни алчная старость», — пер. С. Шервинского; *Metamorphoses*, 15, 871–872; Письма митрополита Стефана Яворского / Публикация Ф. А. Терновского // ТКДА. 1866. Т. I. № 4. С. 546). В том же письме Стефан Яворский приводил воспроизведенный Овидием (*Tristia*, III, 4, 25) завет Эпикура *λθε βίωσας* («Проживи незаметно»): «*Crede mihi: bene qui latuit, bene vixit*» — «Прожил, поверь, прекрасно, кто прожил свой век незаметно» (Письма митрополита Стефана Яворского. С. 546). Дмитрий Ростовский цитировал античных авторов в своих письмах (этого требовал хорошо знакомый ему эпистолярный канон).

Киевские ученые в России в нач. XVIII в. были практически единственными профессиональными знатоками античной лит. Они писали как на русском, так и на латинском языке. В их соч. обнаруживаются реминисценции из произведений древних греческих и римских авторов. Посылая свою библиотеку в Нежинский монастырь в 1721, Стефан Яворский написал «Элегию к библиотеке», в ней звучат мотивы из Овидиевых «Tristia» и «Epistulae ex Ponto», где римский поэт обращался к своим стихам, которым предстоял путь в далекий Рим. Феофилакт Лопатинский подражал в своих одах Горацию. Иосиф Туробойский стал в Москве признанным специалистом по части составления эмблем с мифологическими сюжетами и латинскими и русскими надписями-коммент. к ним. Латинскими цитатами, свидетельствующими о литературной эрудиции и начитанности, пересыпаны произведения Феофана Прокоповича.

Вызванные по указу Петра I киевские ученые преподавали в Московской Славяно-греко-латинской академии, открывали собственные школы (Иоанн Максимович — в Чернигове, митрополит Димитрий — в Ростове и др.). Школы становились культурными центрами России XVIII в., которые способствовали распространению античных знаний. Как это было принято в академии в Киеве, в Москве была заведена традиция по торжественным случаям составлять канты на латинском и русском языках. В 1721, после заключения Ништадтского мира, преподаватели и ученики встречали в Москве Петра I «Песнью торжественной», в которой звучали мотивы «Юбилейного гимна» Горация (в русском варианте канта некоторые латинские слова были не переведены, а транслитерированы: рог изобилия остался «корнукопия», заливы — «синусами»). Этот кант пели «при гласе трубном и мусикийском», на учениках были белые одеяния (Голиков И. Т. 8. С. 63). На первый план выдвинулось латинское образование. В обязательных школьных курсах поэтики и риторики не только упражнялись в написании произведений по заданным образцам, сориентированным на тексты древних авторов, но и разрабатывались собственные трактаты и учебные пособия по этим предметам. В 1705 Федор Поликарпов перевел на русский язык «Риторическую руку» Стефана Яворского. Феодор (Феофилакт) Кветницкий, воспитанник Московской академии, написал на латинском языке курс лекций по поэтике «Clavis poetica / Rossiacae juventuti janua / vivos ad Parnassis fontes / <...> aperiens / <...> non ferro Vulcani malleo // sed cerebellea Theodori Kwietniscii / incude / Mosquensi in academia / excusa» («Ключ

поэтический, российскому юношеству дверь к живым источникам Парнаса <...> открывающий <...> не при помощи железного молота Вулкана, но на мысленной наковальне Феодора Кветницкого в Московской академии выкованный». С разработанным еще в Киеве собственным курсом лекций по поэтике (*De arte Poetica. Libri III. 1705*) и риторике (*De arte Rhetorica. Libri X. 1706*) выступал в Славяно-греко-латинской академии Феофан Прокопович. Его «Десять книг об искусстве риторики» стали риторической энциклопедией, сводом всех риторических законов и правил. Хотя Феофану были так же хорошо известны трактат о поэтике Юлия Цезаря Скалигера, соч. и учебники Джованни Понтано, Якоба Мазена, Александра Доната, Фамиана Страды, Мельхиора Иуна, Николая Коссена и др., он в своей теории опирался прежде всего на античные источники: «Риторику» Аристотеля, трактаты Цицерона, «Риторические наставления» Квинтилиана, «Об искусстве поэзии» Горация. Феофан цитировал «Риторику к Герению» (приписываемую тогда Цицерону), диалоги Платона, «Прогимнасматы» Гермогена и Либания, соч. Светония, «О написании истории» Лукиана, «Римские древности» Дионисия Галикарнасского, восхвалял Горгия, называя его «ученый Горгий» (*doctus Gorgius*), в качестве образцов приводил эпиграммы Марциала, отрывки из Вергилия и Овидия, цитировал Плиния-панегириста, Саллюстия, Тацита, советовал проповедникам помимо Кассиана и Иоанна Лествичника читать Сенеку, Эпиктета и др. стоиков, которые, «если читать их с умеренностью, много могут принести пользы».

Вместе с киевской наукой в Москву переехали Афины. Славяно-греко-латинская академия, а за ней и вся Москва стала именоваться «Новосияющими славяно-латинскими Афинами». Название Афин было перенесено позже и на Санкт-Петербург, и на Москву с ее университетом: «И щедрости твои воздвигнут здесь Афины», — обращался Ломоносов к Елизавете Петровне в стихах, подготовленных к торжественному открытию университета (Ломоносов. Т. 8. С. 692). В Москву переселялись музы и науки. Петр I сам провозглашал идею о переселении наук в Россию. В упомянутой выше речи 1714 он заявлял: «Писатели поставляют древнее обиталище наук в Греции, но кои, судьбиною времен бывши из оныя изгнаны, скрылись в Италии, и потом рассеялись по Европе <...>. Теперь пришла и наша черед <...>. Науки коловращаются в свете на подобие крови в человеческом теле, и я надеюсь, что они скоро переселятся и к нам, и утвердя у нас владычество свое, возвратятся наконец и на прежнее свое жили-

ще в Грецию» (Голиков И. Т. 5. С. 262). Тема «странствующих муз», актуализированная петровскими преобразованиями, прочно вошла в обиход русской лит.: она звучит у Кантемира, Тредиаковского, Ломоносова, Сумарокова и многих др.

Важную роль в усвоении Россией античного наследия сыграли пер. Переводились как произведения собственно древних авторов, так и соч., систематизирующие и распространяющие сведения об античном мире, античной культуре. По приказу Петра I были изданы, например, «Притчи Эсоповы на латинском и русском языке <...> совокупно же Брань жаб и мышей, Гомером древле описана» (Амстердам, 1700); «Книга Квинта Курция о делах содеянных Александра Великого царя Македонского» (М., 1709); «Краткое описание о войнах из книг Цезариевых с некоторыми знатными приметы о тех войнах, со особливым о войне разговором» (М., 1711); Аполлодора грамматика афинейского Библиотеки, или О бгах» (М., 1725).

В целом, в петровскую эпоху произошло разностороннее усвоение античного наследия, которое начинает восприниматься как неотъемлемая часть создающейся новой русской культуры, как ее основание и исток. «Античные начала» государственной политики Петра I, его сознательная ориентация на деятельность римских императоров имели совершенно конкретную цель — включить Россию в ход общеевропейской истории. Античные мотивы стали символами Петровской эпохи, элементом политического и культурного сознания.

Л и т.: *Штелин Я.* Подлинные анекдоты о Петре Великом. М., 1820. Ч. 1; *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. М., 1838. Т. 2–8; *Пекарский П.* 1) Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1–2; 2) История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870–1873. Т. 1–2; *Черняев П. Н.* Следы знакомства русского общества с древнеклассической литературой в век Екатерины II // Филологические записки. 1904. Т. 44. Вып. 3–4. С. 1–64; Вып. 5–6. С. 65–128; 1905. Т. 45. Вып. 1–2. С. 129–160; Вып. 3–4. С. 161–232; *Соболевский А. И.* Из переводной литературы Петровской эпохи: Библиографические материалы. СПб., 1908; *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Париж, 1937; *Дубяго Т. Б.* Летний сад. М.; Л., 1951; Описание изданий, напечатанных кириллицей: 1689 — январь 1725 / Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.; Л., 1958 (Описание изданий, напечатанных при Петре I: Сводный каталог); *Щукина Е. С.* Медальерное искусство в России XVIII в. Л., 1962; *Робинсон А. Н.* Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский. М., 1963; *Фролов Э. Д.* Русская историография античности (до середины XIX в.). Л., 1967; *Баранкова Г. С.* Пьесы Славяно-греко-латинской академии о Северной войне (о некоторых художественных особенностях) // Проблемы лите-

ратурного развития в России первой трети XVIII века. Л., 1974. С. 270–278 (XVIII век. Сб. 9); *Серман И. З.* Литературно-исторические интересы и литературная политика Петра I // Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Л., 1974. С. 5–49 (XVIII век. Сб. 9); *Гребенюк В. П.* Панегирические произведения первой четверти XVIII в.: их связь с петровскими преобразованиями // Панегирическая литература петровского времени / Изд. подготовил В. П. Гребенюк. М., 1979. С. 5–38 (Рус. старопечат. лит. (XVI — перв. четв. XVIII в.); *Софронова Л. А.* Поэтика славянского театра XVII–XVIII веков. М., 1981; *Кибальник С. А.* О «Риторике» Феофана Прокоповича // XVIII в. Сб. 14. Л., 1983; *Панченко А. М.* Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984; *Дерюгин А. А.* В. К. Тредьяковский — переводчик. Саратов, 1985; *Стенник Ю. В.* Эстетическая мысль в России XVIII века // Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л., 1986. С. 37–51; *Николаев С. И.* Об атрибуции переводных памятников Петровской эпохи // Русская литература. 1988. № 1. С. 162–164; *Буланин Д. М.* Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. Мюнхен, 1991. (Slavistische Beiträge. Bd. 278); *Николаев С. И.* Симон Кохановский. Похвала истории / Подгот. текста, примеч. и послесл. С. И. Николаева // Литература и история. (Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII–XIX вв.). СПб., 1992. С. 281–284; *Буланин Д. М.* Translatio studii: Путь к русским Афинам // Пути и миражи русской культуры. СПб., 1994. С. 87–154; *Живов В. М., Успенский Б. А.* Царь и Бог: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // *Успенский Б. А.* Избр. тр. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. С. 110–218; *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Отзвуки концепции «Москва — Третий Рим» в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Там же. М., 1994. С. 60–74; *Успенский Б. А.* Historia sub specie semioticae // *Успенский Б. А.* Избр. тр. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. С. 50–59; История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век / Отв. ред. Ю. Д. Левин. СПб., 1995. Т. I–II; *Бухаркин П. Е.* Православная церковь и русская литература в XVIII–XIX веках: (Проблемы культурного диалога). СПб., 1996; *Живов В. М.* Культурные реформы в системе преобразований Петра I // Из истории русской культуры. Т. III (XVII — начало XVIII века). М., 1996. С. 528–583; *Живов В. М., Успенский Б. А.* Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII века // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII — начало XIX века). М., 1996. С. 449–535; *Николаев С. И.* Литературная культура петровской эпохи. СПб., 1996; *Панченко А. М.* Церковная реформа и культура петровской эпохи // Из истории русской культуры. Т. III (XVII — начало XVIII века). М., 1996. С. 486–502; *Софронова Л. А.* Старинный украинский театр. М., 1996; *Михайлов А. В.* 1) Античность как идеал и культурная реальность XVIII–XIX вв. // *Михайлов А. В.* Языки культуры. М., 1997. С. 509–521; 2) Идеал античности и изменчивость культуры. Рубеж XVIII–XIX вв. // Там же. С. 521–563; *Во-*

робьев Ю. К. Латинский язык в русской культуре XVII–XVIII вв. Саранск, 1999; *Кнабе Г. С.* Русская античность. М., 1999; *Либушкин Д. Л.* Русская новолатинская поэзия: Материалы к истории. XVII — первая половина XVIII века. М., 2000; *Воробьев Ю. К.* Греко-римская мифология в русской культуре XVIII века. Саранск, 2003; *Kahn A.* Reading of Imperial Rome from Lomonosov to Pushkin // *Slavic Review*. V. 52. N. 4. 1993. P. 745–768; *Kazoknieks M.* Studien zur Rezeption der Antike bei russischen Dichtern zu Beginn des XIX. Jahrhunderts. München, 1968; *Thomson F. J.* The Distorted Mediaeval Russian Perception of Classical Antiquity: The Causes and the Consequences // *Mediaeval Antiquity*. Leuven, 1995. P. 303–364; *Wortman R.* Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Princeton, 1995. V. 1.

И. А. Подтергева

1.2. АНТИЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА В КУЛЬТУРЕ XVIII ВЕКА.

Многие произведения античной лит. в цитатах, выдержках и пер. были известны в России допетровского периода (начиная со сборника «Пчела»), а знание греческого языка было распространено по крайней мере в среде образованного духовенства. Следы влияния латинской лит. ранее XVIII в. немногочисленны. Князь Андрей Курбский посылал письма Цицерона Ивану Грозному, но сам он изучил древние языки уже в изгнании. В XVII в. — в связи с проникновением западных, прежде всего польских мод — появляются и знатоки латыни, находящие себе поприще при Дворе и благодарных учеников (Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев). В описи книг последнего, составленной после его казни, были «книга Цицерон, опера Умния... книга Тертулиан; книга послание Кикеронию... книга Тита Ливия Пагавского о историях — латинская; послание Кикероново к домашним... книга Плаута комика — латинская». Знакомство с латинским языком ограничивалось несколькими центрами — Андреевский монастырь, затем Славяно-греко-латинская академия в Москве, а также в Киеве.

Начиная с Петровской эпохи происходит смена ориентации от богословской лит. на греческом языке к чтению произведений античных писателей дохристианского периода. Наряду со школьным чтением оригиналов с нач. XVIII в. входят в моду эпитафьи, девизы, экслибрисы, надписи, почерпнутые из латинских классиков (Вергилий, Гораций, Овидий, Лукан). М. Н. Лонгинов пишет: «Греки и римляне, вечные учителя и образователи человечества, были лучше знакомы нашим дедам, чем нам. Они могли уже тогда читать в русских переводах Гомера, Гезиода, Анакреона, Платона, Аристотеля, Плутарха, Ксенофонта,

Виргилия, Горация, Овидия, Цицерона, Тацита, Саллюстия и других древних авторов. Так как сочинения их раскупались, то нет сомнения, что пишущая братия того времени была просвещена и что не только она, но и вообще люди, имевшие склонность к образованию, читали иногда древних. Итак, XVIII век имел в этом отношении немалое преимущество перед нынешним временем». Приглашенные из Германии профессора — знатоки античных древностей; так, историк И. Г. Рейхель в своей речи «О том, как древние сообщали любовь к Отечеству» (1775) ссылается наряду с греками и новейшими авторами на Горация, Лактанция, Валерия Максима, Вергилия, математик Рост («О вечной славе царствующих, которую они могут снискать счастьем своих народов», 1776) — на Цицерона, Ювенала, Бозэция, Горация, Петронию, Сенеку, Кв. Курция, Вегеция, Лукана, Тацита, Проперция. К кон. третьей четверти столетия это культурное влияние достигает своего апогея. С. Н. Глинка в *Записках* вспоминает об увлечении Римом, которое переживала дворянская молодежь в Кадетском корпусе: «Древний Рим стал и моим кумиром. Не знал я, под каким живу правлением, но знал, что вольность была душою римлян... читал, что в Риме и диктаторов выбирали от сохи и плуга. Не понимал я различия русских сословий, но знал, что имя римского гражданина стояло почти на чреде полубогов. исполинский призрак Древнего Рима заслонял от нас родную страну». Петербург становится одним из важнейших центров переводческой и издательской деятельности в России XVIII в.

Совершенно неожиданным кажется подбор авторов, среди которых Арриан, Аполлодор, Эпиктет оказываются намного более востребованными, чем Фукидид, Софокл, Эсхил и даже Еврипид. Совершенно отсутствуют пер. греческой комедии, даже Аристофан остается неизвестным. Любопытна оценка римской комедии. Феофан Прокопович часто ссылается на Плавта в лекционном курсе *De arte poetica*, советуя в писании комедий подражать Плавту и Теренцию. Попечитель Московского учебного округа М. Н. Муравьев пишет будущему профессору, а тогда студенту Р. Ф. Тимковскому: «Внушите в слушателей ваших тоже страстное удивление к благородной простоте Корнелия [Непота] и Теренция, к величественному изобилию Цицерона и Тита Ливия, к щастливой дерзости Горация, к неподражаемой избранности Вергилия». Знаменитый М. М. Сперанский в своем юношеском учебнике (Правила высшего красноречия. СПб., 1844) дал Теренцию

следующую характеристику: «Теренций, один из наилучших образов в слове простом, — писатель... который наилучше умел входить в характеры людей и рисовать нравы каждого тончайшими чертами». Плавта он считает автором «низкого» слога, в противоположность «естественному» Теренция. Д. И. Хвостов соглашался с версией, что пьесы Теренция писаны Сципионом Африканским (которую он приводит в примечании к нижепротитированному месту), и ставил их ниже мольеровских:

Он слога чистоту и плавность наблюдал,
Но сердце смертного один Мольер читал.

Такая же выборочность наблюдается и в др. жанрах, например, среди римских эллигов, которым следует подражать. Феофан Прокопович в курсе поэтики упоминает Проперция и Овидия, но не Тибулла. Затем, однако, Тибулл привлекает внимание русских читателей: вероятно, к началу 1, 10 восходят стихи М. М. Хераскова в «Плодах наук» (нач. 3-й песни), И. И. Дмитриеву Тибулл достаточно близок, Д. И. Хвостов пишет в примечаниях к своему пер. Боало: «Слог в них (элегиях. — *Н. К., А. Л.*) чист, стопосложение нежно, а выражение — язык чувства и страсти, хотя укоряют, что в некоторых местах заменял нежность затейливостию ума».

Следует иметь в виду, что многие пер. античных текстов делались не с языка оригинала, а с немецкого или с французского языка.

Ниже в алфавитном порядке приводятся данные о писателях и поэтах, популярных в России XVIII в.

Анакреонт — греческий лирик VI в. до н. э., в новой европейской лит. известный как автор любовных произведений, значительная часть которых ему была приписана в поздней греческой лит. Популярен в России XVIII в. благодаря пер. Антиоха Кантимира (Анакреонта Тиейца песни с греческого переведены и потребными историческими примечаниями изъяснены трудами князя Антиоха Кантимира), М. В. Ломоносова (пять од), М. Хераскова (1755), И. Богдановича (1761), И. И. Дмитриева (1792), Н. А. Львова (1794), П. Андреева (1798), Н. Ф. Эмина (1795), а также переводчика П. в разделе «Барышек “Всякия Всячины”» (1770). Традиции русской анакреонтики в нач. XIX в. были продолжены пер. Г. Р. Державина (1804),

И. И. Маргынова (1801), Д. Хвостова (1805), Н. И. Гнедича (1832), Елизаветы Кульман (1833), А. С. Пушкина, Н. Ф. Щербины, Л. А. Мея. Применительно к русской культуре есть смысл говорить об «анакреонтическом сплаве», особенности которого замечательно сформулировал В. Ходасевич: «Совмещение остатков античности с наслоениями последующих столетий составляет не только признак анакреонтического сплава, но и его своеобразную прелесть. Анакреон беседует с Хлоями и Калистами, в которых приятно узнавать милых модниц на французских остреньких каблучках; эллинские Эроты и латинские Купидоны целят своими стрелами в их сердца; Сатиры и Фавны пляшут среди выпцветающих декораций пастушеского балета. Державин еще усложнил эти изящные несоответствия, придав им неожиданный третий слой; Анакреона он несколько обрусил, но с тончайшим вкусом, не во всем и не сплошь, но как раз настолько, чтобы все три слоя слегка просвечивали». Державин ставил себе в заслугу создание русского анакреонтизма (рисунок, заказанный Державиным, — «многокрылый Эрот привязан к простой русской пряслице, на коей видна кудель»).

Антифонт — древнегреческий оратор V в. до н. э. Дошедшие фрагменты изданы по-гречески в Петербурге В. Ернштедтом (*Antiphontis orationes edidit Victor Jernshtedt. Petropoli, 1880*); наиболее обстоятельное исследование: С. Я. Лурье. Антифонт — творец древнейшей анархической системы. М., 1925. В периодике XVIII в. ему посвящена ст., подписанная инициалами Д. С., в «Новых ежемесячных сочинениях» (1793. Ч. 99. Ноябрь).

Марк Аврелий — римский император II в., оставивший соч. «К себе самому». Последний русский пер. (А. К. Гаврилов) в серии «Литературные памятники» снабжен подробной историей бытования данного текста в России. Первый пер. С. Волчкова был сделан с немецкого языка (СПб., 1740).

Аполлодор — греческий грамматик II в. до н. э., составивший свод древнегреческой мифологии. Первый пер. (А. Барсов) «напечатан по повелению Императорского величества» (1725). До издания библиотеки Аполлодора, подготовленной В. Г. Боруховичем для

серии «Литературные памятники», на русском языке было издание В. С. Подшивалова (М., 1787).

Апулей (род. ок. 124 н. э.) — римский писатель, автор «Метаморфоз» («Золотой Осел»). Сказку об Амуре и Психее использует — по-видимому, в большей степени косвенно, через Лафонтена, — И. Ф. Богданович для своей «Душеньки». Первый пер. «Метаморфоз» (М., 1780) принадлежит перу одного из крупнейших поэтов столетия — Е. И. Кострову.

Аристотель — греческий философ (384–322 до н. э.), труды которого в европейских университетах были положены в основу философского образования; в России XVIII в. публиковались в переводе с латинского языка (М. А. Рассуждения Аристотелевы о добродетели и пороках. СПб, 1787), а также «Описание человеческих нравов из 2 книги Аристотелевой *Риторики*» (Ежемесячные сочинения к пользе и увеселениям служащие. 1757. Т. VI. С. 431–445) и там же пер. Г. Полетики «Аристотеля о гражданском учреждении книга II» (СПб., 1757. Июнь. С. 483–557). На протяжении XIX в. появилось немало пер., до сих пор не утративших научного значения (например Э. Л. Радлова). За пределами специальных исследований к Аристотелю обращалась мысль славянофилов (А. С. Хомяков «Аристотель и всемирная выставка»).

Аристофан — греческий комедиограф (446–387 до н. э.), в русскую культуру входит сравнительно поздно. До сер. XIX в. кроме обзоров Лагарпа (О комедии греческой. 1811) Аристофан фактически не привлекает к себе внимания.

Арифрон Сикионский — древнегреческий архаический поэт, пеан которого в честь Гигии перевел Г. Р. Державин («Богине здравия»).

Арриан — II в. н. э. Был известен больше своими записями бесед Эпиктета (Парнасская пчела. 1750. Сочинения и переводы. Сентябрь. 1759. С. 243 сл.); пер. «Походов Александра» (СПб., 1837) и приписываемого ему «Перипла понта Евксинского» (А. Фабра — Одесса, 1836) появились позже.

Архимед — греческий механик и математик (287–212 до н. э.). Изложение теорем Архимеда впервые появляются в пер. хирурга Ив. Сатарова с латинского языка (СПб., 1745); в нач. XIX в. появляются пер. Ф. Петрушевского трактатов «О шаре и цилиндре» (СПб., 1823) и «Об исчислении песчинок» (СПб., 1824).

Афинагор — II в. н. э. Был известен по пер. И. Красовского «Ходатайство за христиан» (Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1790. Ч. 46 сл.) и по пер. М. Протопопова «Рассуждения о воскресении мертвых» (СПб., 1791).

Бион — буколический поэт II в. до н. э. В XVIII в. известен в пер. Г. Козицкого под именем Виона. «Смерть Адониса» в пер. П. Львова (Иппокрена Х. М., 1801), П. Г. Кутузова (1804) и А. Ф. Мерзлякова (М., 1828).

Валерий Флакк — римский эпический поэт (I в. н. э.), которым в связи со своими занятиями древнейшей историей России интересовался В. Н. Татищев, ссылающийся на него в «Истории Российской» (главы 19, 2 и 20, 2) и включивший его — единственного из латинских поэтов — в «Дополнку росписи лексикона гражданского».

Веллей Патеркул — римский историк I в. н. э., переведен Федором Моисеенковым (Веллея Патеркула сокращение Греческия и Рим-ския истории. В Санктпетербурге при Императорской Академии Наук 1774 г.). В «Предуведомлении» переводчик дает следующую развернутую характеристику писателя: «В ласкательстве доходил до подлости похваляя сверх меры Августа, который имел гораздо большие пороки нежели добродетели, и Тиверия... молчит он и утаевает сии ужасные и бесчестные дела... Он не стыдится теми же красками описывать божественного Катона и ту Ливию, кою история по правде попрекает в честолюбии, коварстве и презрении благопристойности своего пола... То же самое случается с живописью Патеркула, что и с его рассуждениями, из коих, сказать правду, великое число, тонки, остроумны и кстати, но некоторые из них излишны, и не очень естественны, запутаны и возвышенны; при том бывает он очень часто против себя суров». Он упоминается в одном из писем А. Ф. Бригена, который хвалит его за лаконичность: «За исключением Саллюстия,

Тацита и то не везде, и еще Патеркула, древние скорее плодovitы, нежели краткоречивы».

Вергилий — римский поэт (70–19 до н. э.), автор *Энеиды*, *Георгик*, *Буколик*. Феофан Прокопович в своем курсе поэтики приводит бесчисленные примеры из Вергилия, советует подражать ему в соч. героического эпоса и цитирует его в речах. А. Д. Кантемир цитирует Вергилия в *Сатире 2*, 157 сл. В «Письмах о природе и человеке» он ссылается на *Георгики*: «Сия философия хотя и ложна, но разумна, которую Вергилий изъясняет в стихах своих о пчелах». Пчелиная метафора Вергилия — сравнение с государством — находит отклик у Ломоносова («Ода на день восшествия на престол Императрицы Елисаветы Петровны». 1748) и И. Ф. Богдановича в «*Душеньке*» (кн. 2). Ломоносов, признавшийся в нач. «*Петра Великого*» — «...вслед иду Вергилию, Гомеру», в композиции эпоса следовал вергилиевской схеме. Стих 1-й песни — «В сердцах великий страх сугубят скрипом снасти» — является соревнованием аллитераций со знаменитым *Aen.*, 1, 87. А. П. Сумароков в *Эпистоле II* называет Вергилия «несравненным». М. М. Херасков в предисловии к *Россиаде* также называет *Энеиду* несравненной и активно использует в своем эпосе. Императрица Екатерина II в 1770 побуждает В. П. Петрова предпринять пер. *Энеиды* и участвует в работе (законченной и полностью напечатанной только к 1786). М. Н. Муравьев пишет в своем дневнике: «Какая свежесть смешения красок! Какие подобию, разверзающие сердце, из сельской жизни столь изобильно заимствованные!.. Хладно ли прейдут то в Вергилии, чему удивляются в Гомере?» Он подражает в «*Эклоге к его превосходительству Алексею Васильевичу Олешеву*» буколическому сборнику нашего поэта и переводит отрывки из него. Тонко чувствует драматическое мастерство эпика М. М. Сперанский: «Вот истинный язык страсти; но кто научит ему, ежели не научит сердце?» Для поэзии буколического жанра XVIII в. — и русской, и латиноязычной — характерно сильнейшее влияние мантуанца. Н. М. Карамзин в стихотворении «*Поэзия*» дает такую характеристику Вергилию: «Как Сириус блестит светлее прочих звезд, / Так Августов поэт, так пастырь Мантуанский / Сиял в тебе, о Рим! среди твоих певцов». Подробнее см.: Дерюгин А. А. «*Энеида*» Вергилия в русских переводах конца XVIII — начала XIX веков // *Материалы X конференции литературоведов Поволжья*. Ульяновск, 1969.

Геродиан — позднеримский историк (170–241), писавший на греческом языке. В России был известен в пер. Космы Озерецковского (СПб., 1774), а затем в пер. Вас. Оболенского (М., 1829).

Геродот — древнегреческий историк (480–425 до н. э.). Первый пер. с немецкого был выполнен Андреем Нартовым (СПб., 1763–1764), затем до пер. Ф. Г. Мищенко выходила отдельно только посвященная Скифии IV книга «Истории» в пер. А. Огинского.

Гесиод — греческий эпический поэт VIII в. до н. э., появляется в пер. А. Фрязиновского (Исиода Аскрейского творения. СПб., 1779). Последующее издание принадлежит П. Голенищеву-Кутузову (Творения Гезиода. М., 1807).

Гиперид — оратор IV в. до н. э., представитель аттического красноречия. Был известен до исследований М. М. Стасюлевича (Современник. 1850) только по краткому изложению в «Новых ежемесячных сочинениях», ч. 88 (1793).

Гиппарх — философ-пифагореец III в. до н. э. Принадлежащее ему «Слово о спокойствии души» опубликовано в 1760.

Гиппократ — греческий врач (460–356 до н. э.), «отец медицины», под именем которого дошел т. н. «Гиппократов корпус». Первый пер. «Главнейших и подлинных книг» доктора С. Вольского (СПб., 1840); в XVIII в. в «Новом Санкт-Петербургском вестнике», кн. 2 (1786) публикуется соч. «О Иппократе и его правилах для сохранения здоровья». Гиппократова клятва и рассуждения о врачебной этике рассматривались М. Я. Мудровым (М., 1814).

Гомер — крупнейший греческий эпический поэт VIII в. до н. э., под именем которого до нас дошли «Илиада», «Одиссея», эпиграммы и т. н. «Гомеровы гимны», был известен в России в отрывках, вошедших в сборник «Пчела». В XVIII в. первые попытки стихотворных пер. Гомера предпринимали М. В. Ломоносов, Е. И. Костров, Н. М. Карамзин, А. Ф. Мерзляков, Капнист, А. С. Шишков и, наконец, — пер. Н. И. Гнедича (первое полное издание 1829). «Одиссея» появляется в прозаическом анонимном переводе (М., 1788). До пер. Жуковского (первое издание — 1848) были только стихотворные пер.

отрывков (А. Ф. Мерзляков, И. А. Крылов, Н. И. Гнедич). Более подробно см.: Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. М., 2001 (Л., 1964).

Гораций — римский поэт (65–8 до н. э.), один из тех, кто оказал наибольшее влияние на русскую лит. Феофан Прокопович в курсе поэтики советует при писании лирических стихов подражать одному только Горацию, в курсе поэтики приводит большое количество примеров из него и использует в речах скрытые реминисценции из римского поэта. Еще в 1700 была подготовлена книга «Гораций Флякус о добродетели, стихами поетыцкими, русский» И. Копиевского, но она так и не вышла в свет, и сам пер. не сохранился. Большим любителем его творчества и одним из первых переводчиков был великий поэт XVIII в. Антиох Кантемир, так оценивавший своего кумира: «Между всеми латинскими стихотворцами я чаю Гораций одержит первейшее место. Удачлив в составе речений, искусен в выборе прилагательных, смел в вымыслах, изображает оные с силою и сладостию. В сочинениях его делу слог соответствует, забавен и прост в сатирах и письмах своих, высок и приятен в своих песнях; всегда сочен и так наставлениями, как примерами, к исправлению жизни полезен». Третьяковский также закладывал горацианское наследие в основу своей теории стихотворства: он предлагает для русской поэзии две разновидности лирических строф — сафическую и горацианскую (т. е. алкееву), демонстрируя их на примере двух вариаций на темы од Горация (3, 3, 1–4 и 2, 9, 1–8). Во второй половине XVIII в. Гораций — один из самых читаемых авторов. Многообразно и значительно его влияние на Г. Р. Державина. Как пишет А. А. Веселовский, «конец XVIII-го века и начало XIX-го усмотрело в нем “веселого любомудра”, оценило его житейские назидания». «Сафические строфы» А. Н. Радищева представляют собой вариацию на тему 15 эпода. Обильную дань отдал римскому поэту и В. Капнист, не знавший латинского языка и пользовавшийся в своих пер. подстрочниками. Отрывок *Поэтического искусства* использует в своем стихотворении «О красоте российского языка» (1803) Д. И. Хвостов: «Гораций — славный Муз любимец и любитель, / Совместник Пиндара, Поэтов просветитель». Тонкая оценка Горация принадлежит перу П. А. Вяземского. В стихотворении «Библиотека» он пишет: «Гораций, всех веков по духу современник, / Поэт всех возрастов, всех наций соплеменник... И жизнь исправил ты, и встретил

смерть с улыбкой; / Мудрец незыблемый и царедворец гибкий, / Ты льстил не приторно, учил не свысока». Множество горацанских реминисценций можно обнаружить у В. С. Филимонова. В. Л. Пушкин, дядя великого поэта, знал и читал наизусть оды Горация. И. И. Дмитриев в сатире *Чужой толк* дает следующую характеристику своему жанровому образцу: «Гораций, например, восторгом грудь питая, / Чего желал? О! он — он брал не с высока, / В веках бессмертия, а в Риме лишь венка».

Демосфен — греческий оратор (384–322 до н. э.). Отдельные речи Демосфена переводились многими, начиная с Ломоносова (отрывки из «Филиппик»), потом полностью была переведена «Первая Демосфенова речь против Филиппа» (СПб., 1776), затем в пер. Е. Пономарева появилась «Речь о венце» (М., 1774) и в пер. епископа Евгения (Болховитинова) — «Надгробное слово афинянам» (СПб., 1807).

Диодор Сицилийский — греческий историк I в. до н. э. Был известен благодаря пер. Ивана Алексеева (6 частей. СПб., 1774–1775).

Евклид — греческий математик IV–III вв. до н. э. Первый пер. с латинского Ивана Астарова был сделан как выборка «Из 12 Невтоновых книг» (СПб., 1739), затем пер. Н. Курганова книги Кенига с французского (СПб., 1769) и только в 1789 появляется пер. П. Суворова и В. Никитина «Евклидовых стихий» с греческого, но в стиле А. С. Шишкова и в полном отрыве от текста оригинала. Затем «Евклидовы начала» переводит Ф. Петрушевский (СПб., 1819 и 1875).

Еврипид — греческий трагический поэт (485–406 до н. э.). На русском языке впервые появился в пер. А. Мерзлякова в нач. XIX в.

Исократ — древнегреческий оратор (436–338 до н. э.), пользовался успехом в XVIII в.: уже тогда помимо отдельных отрывков из речей, публиковавшихся в периодике, появились пер. И. Дмитриевского (СПб., 1789).

Иосиф Флавий — историк (37–100), автор книг «Иудейские древности» и «Иудейская война», книг, которые были известны в России достаточно рано (см.: Мещерский Н. А. Значение древнеславянских

переводов для восстановления их архетипов. На материале древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия. М., 1958). В XVIII в. были сделаны два пер. с латинского языка — М. Самуйлов (СПб., 1779), М. Алексеев (СПб., 1786-1787).

Каллимах — греческий ученый и крупнейший александрийский поэт (310–235 до н. э.), в русских пер. появляется только в нач. XIX в. — стихотворные пер. Кюхельбекера, И. И. Мартынова, А. Ф. Мерзлякова.

Катулл — римский поэт (первая половина I в. до н. э.). Знакомство с ним русского читающего общества приходится в основном на кон. XVIII в. Феофан Прокопович переделывает *сarm.* 5 в сапфическую и алкееву строфу. Он же хвалит гекзаметрический стих 64, 15 и находит многочисленные недостатки в элегических дистихах веронца. А. Д. Кантемир использует катулловский пример для того, чтобы продемонстрировать возможность фалекейского стиха на русском языке. Влияние *сarm.* 5; 7 сказывается в стихотворении И. И. Дмитриева *Счет поцелуев*. Сатирические мотивы Катулла также находят свой отклик: его (*сarm.* 95, 8) и гораціанский (*epist.* II, 1, 267 слл.) образ дурных стихов, идущих на обертки пищевых продуктов и иных товаров, мы обнаруживаем у И. И. Дмитриева — в сатире *Чужой толк* и у Д. И. Хвостова, причем Дмитриев использует этот образ с катулловским ехидством, а Хвостов — с гораціанской самоиронией. Подробнее см.: Кибальник С. А. Катулл в русской поэзии XVIII — первой половины XIX века // Взаимосвязи русской и зарубежной литератур. Л., 1983.

Квинтилиан — римский теоретик ораторского искусства (ок. 30–96 н. э.), автор трактата «Обучение оратора». В поэтиках, используемых духовными учебными заведениями, фигурируют три квинтилиановских совета (с добавлением одного гораціанского). Приведем их по курсу Феофана Прокоповича: «Первое. Не писать слишком поспешно. “При быстром писании, — говорит он, — выходит не хорошо, а если пишем хорошо, то выходит быстро”... Второе. Добиваться лучшего, а не довольствоваться первым, что представится... Третье. Если мы пишем что-либо довольно длинное, то для большего успеха следует... чаще перечитывать последние строки из уже написанного». Эти тезисы фигурировали в большинстве риторических руководств, использовавшихся в семинариях.

Кебет — греческий философ I в. н. э. Неоднократно в течение XVIII в. издавался в России в пер. с французского, немецкого и греческого языков. Первый пер. — Антиоха Кантемира (М., 1729).

Клеанф — стоический философ IV–III в. до н. э. «Гимн Зевсу» на русский язык переводили Г. Р. Державин, И. И. Мартынов, А. Ф. Мерзляков.

Ксенофонт — греческий историк (430–350 до н. э.), ученик Сократа, прошедший через всю Малую Азию с наемной греческой армией. Уже в XVIII в. были выпущены пер. «Анабасиса» Вас. Теплова (с французского: СПб., 1762), «Киропедия» (с латыни: СПб., 1759), «Воспоминания о Сократе» Г. Полетики (с греческого: СПб., 1762).

Ливий — римский историк (59–17 до н. э.). В качестве примера оформления одного и того же материала историком и поэтом Феофан Прокопович приводит в своем поэтическом курсе самоубийство Лукреции (в качестве параллели привлекая *Фасты* Овидия). Возможно, сравнение Северной войны со Второй Пунической вдохновлено ливиевским введением к описанию последней: «Ибо и подобную име вину свою, и тако сильный бяше супостат и исперва велик и страшен показася, и на долгое время протяжеса брань...» Талантливый поэт Н. Н. Поповский перевел значительную часть соч. Ливия, но за несколько дней до смерти сжег свой пер. А. Н. Радищев ссылается на Тита Ливия (40, 29) в «Кратком повествовании о происхождении цензуры». М. Сперанский в уже известном читателю курсе приводит в качестве образца Муция (2, 12). Это был один из любимейших писателей героя наполеоновских и кавказских войн А. П. Ермолова. Во время костромской ссылки, при Павле I, он будил протоиерея Егора Арсеньевича Груздева словами «Пора вставать, Тит Ливий ждет уж давно».

Лукан — римский поэт (39–65 н. э.), автор эпической поэмы о гражданской войне «Фарсалия», о вступлении к которой Феофан Прокопович отозвался резко: «Розги цензоров достойно, конечно, и известное, чрезвычайно напыщенное вступление Лукана... К чему эти внезапные выкрики?» По мнению В. К. Тредьяковского, Лукан «есть токмо Стихотворец, даром что он пел стихами», но сочувственно ссылается

на него: «О! Священный, и великий всех Пиитов труд». Более всего его читали во второй половине XVIII в. в московских университетских кругах. М. М. Херасков в предисловии к «Россиаде» дает такую оценку римского поэта: «*Фарзалию* многие нарицают Газетами, пышным слогом воспетыми; но сии Газеты преисполнены высокими мыслями, одушевленными картинами, поразительными описаниями и сильными выражениями...» Он активно использовал лукановские достижения в *Россиаде*. М. Н. Муравьев (высоко ценивший Лукана наряду с др. эпиками; см. раздел о Вергилии) пишет стихотворение «Фарсальская битва», обильно насыщенное лукановскими реминисценциями. Из наставников духовного звания с наибольшим сочувствием отзываясь о нем М. М. Сперанский. Затем, — по-видимому, с чужих слов — встречаются более уничижительные оценки. Характерный пример мы встречаем в учебнике Я. Толмачева: «Он более хотел удивить силою и гигантским величием мыслей. — Вся Эпопея его состоит в подробности и картинах описательных, а целое и план поэмы очень слаб».

Лукиан — греческий писатель (125–192 н. э.). Его «Диалоги» переводили М. В. Ломоносов, Г. Козицкий, Я. Булгаков, В. Рубан, И. Сидоровский, М. Пахомов. Последние подготовили трехтомное издание (СПб., 1775–1784).

Лукреций — римский поэт (ок. 98–55 до н. э.), автор поэмы «О природе вещей», последователь Эпикура. М. М. Херасков пишет дидактический эпос «Плоды наук», в некоторых пунктах (прежде всего религиозным пафосом) полемизирующий с *De rerum natura*, в некоторых вторящий последнему. Увлечение Лукрецием чуть не стоило карьеры магистру Д. С. Аничкову, представившему на соискание звания ординарного профессора диссертацию из натурального Богословия «О начале и происшествии натурального богопочитания». Но в заседании конференции 24 августа 1769 большинство профессоров резко выступили против мнений, изложенных в работе. Московский архиепископ Амвросий доносил Синоду, что Аничков «опровергает Священное Писание, и в нем Богознамения и чудеса... во утверждение того атеистического мнения приводит безбожного Епикурова последователя Лукреция, да всескверного

Петрония». Ситуация меняется довольно скоро: в кон. столетия М. М. Сперанский в своем учебнике приводит 1, 64–75 в качестве образца высокого слога: «Что может быть великолепно, как сие изображение суеврия в Лукреции?»

Марциал — римский поэт (I в. н. э.), автор 12 книг эпиграмм. Феофан Прокопович советует подражать в эпиграммах только Марциалу и опирается на него в разделе курса поэтики, посвященном этому жанру. П. А. Вяземский в стихотворении «Библиотека» признается в духовной близости к римскому поэту: «Кипящий Марциал, дурачеств римских бич! / Где ни подметил их, спешил стихом настичь».

Мосх — греческий буколический поэт III в. до н. э. Его «Идиллии» на русский язык переводили Г. Козицкий, П. Г. Кутузов, А. Ф. Мерзляков, А. С. Пушкин.

Овидий — римский элегический поэт (43–18 до н. э.), наряду с Горацием оказавший наибольшее влияние на русскую поэзию. Весьма рано было оценено его значение для изобразительных искусств: среди рукописей Ростовского музея церковных древностей имелись «Предивного римского стихотворца Публия Овидия Назона Метаморфозеон, или пятнадцать книг превращения, а чрез славнаго Вилгелма Бауера на меди вырезана, ныне же ради лутчего разумения сия книга с латинского на немецкой переведена к пользе всех малеров, рещиков, золотых мастеров и статуй делателей...». Феофан Прокопович пишет о нем так: «Овидий, по дарованию равный Марону, но уступающий ему в смысле вкуса». Он приводит в курсе поэтики бесчисленные примеры из Овидия и пишет пародию на *trist.* 1, 3. Овидия использует в сатирах А. Д. Кантемир. «Русским Овидием» почитали еще Тредиаковского: «сам признаюсь, что еще больше я отстою от красоты слога, тонкости мыслей, и способно текущего Стиха Овидиева, нежели сам Овидий отстоит от меня древностию времени, в которое он свои Элегии писал». Ломоносов в «Демофонте» использует сюжет, почерпнутый из *Героид.* Довольно активно к овидиевским образам в своей «Россиаде» прибегает М. М. Херасков. Многих персонажей *Метаморфоз* упоминает в своей *Душеньке* И. Ф. Богданович, дающий поэту проницательную характеристику: «Овидий, в самой

лжи правдивых муз приятель». В 1760-х в поэзии входит в моду жанр превращений. Так, И. Ф. Богданович пишет «Превращение пастуха в реку и происхождение болота», «Превращение Купидона в бабочку», а М. М. Херасков — «Превращение Милона в розу», «Превращение Целандра в карманные часы» и др. Молодые князья Куракины, оказавшись в Лейденском университете в 1770, чувствуют непреодолимое отвращение к наукам; тем не менее, занимаясь новыми языками, танцами, фехтованием и игрой на скрипке, они изучают латинский язык и читают только *Метаморфозы*: было бы стыдно, прогуливаясь с дамой в картинной галерее, отговориться незнанием в ответ на вопрос о сюжете тех или иных картин. А. Н. Радищев в *Бове* пишет: «На могиле древней мшистой / Мы несчастного Назона / Слезу жаркую изроним». Он же использует мотивы *Метаморфоз* для описания амфитеатра. И. А. Крылов в 1793 пишет на овидиевский сюжет трагедию «Филомела». В 1791 по яскому договору к России среди прочего отходит укрепление Хаджи-дере, которое в 1793 по воле Екатерины II переименовывают в Овидиополь (предполагали, что на этом месте располагались Томи, что впоследствии не подтвердилось). Наряду с Вергилием только Овидия включает в свой избранный перечень Карамзин. Овидиевские реминисценции есть у Д. И. Хвостова.

Орфей — мифический певец, которому приписывалось собрание гимнов. Орфические гимны появились в прозаическом пер. Л. Сичкарева (*Растущий виноград*. 1786), П. Львова, затем Н. И. Надеждина (*Русский зритель*. 1829. Ч. 5. С. 143 сл.).

Павсаний — греческий писатель II в. Его «Описание Эллады» в пер. И. Сидоровского и М. Пахомова появилось в СПб. в 1788–1789.

Петроний — автор «Сатирикона» (I в. н. э.). Д. С. Аничков в своей диссертации ссылался на Петрония, fig. 27; благородный М. Н. Муравьев, интересуясь гражданской войной и Луканом, переводит антилукановский фрагмент из *Сатирикона* (первое издание — февраль 1774. СПб.).

Пиндар — греческий поэт (ок. 521–441 до н. э.), писавший оды, эпиникии. Его поэзия стала эталоном высокой поэзии вообще. Первые пер. на русский язык П. Львова (прозаические) и Г. Р. Державина, П. Голенищева-Кутузова, А. Ф. Мерзлякова появлялись в периодической печати.

Платон — древнегреческий философ (427–347 до н. э.), ученик Сократа. Пер. его «Диалогов» на русский язык появляются в кон. XVIII в., в частности с греческого языка перевели «Творения велемудрого Платона» И. Сидоровский и М. Пахомов. Затем, в сер. XIX в., появляются пер. В. Н. Карпова (СПб., 1841–1842), переиздававшиеся до нач. XX в.

Плиний Младший — римский государственный деятель и оратор (61 — ок. 114 н. э.). Из его наследия сохранился только «Панегирик императору Траяну» и «Письма». В XVIII в. *Панегирик* был популярнее, нежели письма. В его традиции написан *Panegyricus Elisabetae* М. В. Ломоносова. Пер. *Панегирика* дает возможность А. А. Нартову (1737–1813) сравнить Екатерину II с Траяном и отдать ей предпочтение. Это соч. — руководство для монархов. Г. Р. Державин для 2-го тома своих соч., посвященного Александру I, взял эпиграф из *Панегирика*. Возможно, к этому же источнику восходят его прекрасные стихи 1777 *На рождение в Севере порфирородного отрока* (*Paneg.* 2, 4). По оценке М. М. Сперанского, *Панегирик* «всегда будет образцом мыслей тонких, выражений остроумных, слога чистого, но вкуса повреждающегося».

Плиний Старший — римский ученый (23–79 н. э.), автор компилятивной «Естественной истории». Ссылки на «Плиния естествописателя» неоднократно встречаются у Стефана Яворского: «Повествует историограф и естествописатель Плиний: что Кней Помпей, егда третий раз торжествоваше, победивши морских разбойников, и их весьма из Азии и из Понта изгнавши, во время торжества своего толика показал богатства, елика никогда же в Риме купно видени быша... Но между всеми краснейший бысть престол из маргарит, на котором образ Кнея Помпея дивным художеством изваян бяше. Аз же реку: елико тот образ между прочими маргариты, толико вера во время торжества небеснаго дражайшая покажется». Неоднократно ссылается на «славного филозофа» Плиния В. Н. Татищев. В «Истории Российской» он посвящает целую 14-ю главу его свидетельствам («Сказание Плиния Секунда Старейшаго»), пользуясь при этом пер. К. А. Кондратовича (1735). Среди читателей Плиния был и Н. М. Карамзин.

Плутарх — автор «Сравнительных жизнеописаний» и многочисленных трактатов (*Moralia*) (46–120). Его произведения пользовались особым уважением и популярностью и неоднократно переводились с французского — С. Глебов (СПб., 1765), с греческого — Степан Писарев (пер. отрывков из «Моралей». СПб., 1771–1774). Полные «Плутарховы сравнительные жизнеописания» С. Дестуниса (СПб., 1814–1821) вызвали значительное число подражаний, в частности появление издания «Плутарх для юношества», в котором заключались биографии знаменитых людей нового времени.

Полибий — греческий историк II в. до н. э. На протяжении долгого времени в России был известен в пер. С. Волчкова, сделанном с французского языка (СПб., 1756).

Саллюстий — римский историк (ок. 86–35 до н. э.), автор книг «Югуртинская война» и «Заговор Катилины». Знаменитую реплику Мария *Iug.* 85, 16 цитирует бывший ректор гимназий при Московском университете И. М. Шаден в речи «О воспитании благородного юношества» (1781). Велик интерес к Саллюстию среди поколения декабристов. А. Ф. Бриген, завершив пер. *Катилины*, пишет В. А. Жуковскому: «Лаконизм и обороты его совершенно не свойственны нашему языку. Язык его не язык природы, но чисто искусственный, и, читая его, можно вполне убедиться, что Гете говорил правду, сказав, что писать и говорить — две разные вещи... Мыслящий читатель найдет в Саллюстии сокровища политической мудрости».

Сафо — греческая поэтесса VII–VI вв. до н. э., автор лирических произведений, оказавших влияние на всю европейскую лирику. В русской традиции пер. ее поэзии (стихотворная обработка Сумароковым пер. Козицкого, пер. Г. Р. Державина, Д. Хвостова, П. Голенищева-Кутузова, В. Жуковского [Вестник Европы. 1807. Ч. 32. С. 44]) сделали популярной малую сапфическую строфу, которая вошла первой из мелических размеров в русскую силлабо-тоническую поэзию.

Сенека Младший — римский писатель (ум. в 65 н. э.), воспитатель Нерона, стоик. Сохранились его трактаты, письма и трагедии, рассчитанные на декламацию. В собрании князя Д. М. Голицына имелась «Книга, титулованная Разум Сенекин, или Лутчия речения сего

философа» (пер. не сохранился). С монологом тени Тантала в *Фиесте* сходен монолог тени Ярополка в школьной трагедии Феофана Прокоповича «Владимир». А. Д. Кантемир в *Сатирах VI*, 87 слл. использует Сенеку. Отрывок из *Фиеста* переводит В. К. Тредьяковский. В философском опыте «О человеке, его смертности и бессмертии» А. Н. Радищев цитирует *Троянок* (397 слл.). М. М. Сперанский считает, что он «обширные дарования, блистательный ум, глубокие сведения, — все затъмил, везде ища тонкости, везде отступая от природы... Сии пороки тем опаснее, чем более они в нем прелестны». Д. И. Хвостов судит строго: «Между стихами Вергилия и Сенеки оказалась почти такая же разница, как и между веков Августа и Нерона».

Софокл — древнегреческий трагик (496–406 до н. э.). Первые пер. на русский язык появляются только в XIX в., причем особой популярностью пользуется «Антигона». Пер. П. Львова (1801), А. Ф. Мерзлякова (1825), И. И. Мартынова, Ап. Григорьева.

Тацит — римский историк (ок. 55–120 н. э.). Неоднократно упоминает Тацита В. Н. Татищев в *Истории Российской*. На этого автора среди прочих ссылается Радищев в «Песни исторической» (*hist.* 1, 1): «Тацит, сей достойный / Муж дней Рима непорочных...» Там же широко используются тацитовские картины из *Анналов*. Г. Р. Державин взял к первому тому своих соч., посвященному Екатерине II, эпитафию из Тацита (*hist.* 1, 1). Пик популярности Тацита приходится на поколение декабристов и XIX в. (до 1860–1870-х).

Федр — римский баснописец, выпустивший в 20-х годах I в. н. э. «Эсоповы басни», переведенные И. Барковым (1764; 2-е издание: СПб., 1787). Д. И. Хвостов в послании «О притчах» дает развернутую — хотя вряд ли самостоятельную — похвалу баснописцу: «Не столько как Эзоп, он краток был и силен, / Но плавлен, нежен, чист и мыслями обилен. / Не редко вмешивал прелестные цветы, / И рода басенок он помнил красоты».

Феокрит — греческий буколический поэт III в. до н. э., неоднократно переводился на русский с разных языков, начиная с В. Приклонского (1760). Стихотворные пер. А. Востокова, П. Голенищева-Кутузова, Д. Хвостова, А. Ф. Мерзлякова, Н. И. Гнедича, Л. Мея.

Феофраст — философ-перипатетик (374–284 до н. э.), ученик Аристотеля. Особой популярностью пользовались «Характеры», переведенные А. Протасовым с латинского (СПб., 1772), в журнале *Библиотека ученая...* Тобольск, 1794.

Филон Александрийский — еврейско-эллинистический философ (I в. н. э.), автор трактатов «О жизни созерцательной», «О пьянстве», «О жизни Моисея» и др., в России XVIII в. был известен в пер. с греческого, опубликованных иеромонахом Гедеоном (М., 1783).

Флор — римский историк (I в. н. э.), составивший сокращенную историю Рима. В. Н. Татищев считает Флора (наряду с Цицероном, Т. Ливием и Тацитом) среди «необходимо нуждных имянуемых авторов классических», упрекая московскую Спасскую школу за то, что там их не читают. М. М. Сперанский дает тонкие наблюдения над стилем Флора.

Фукидид — греческий историк V в. до н. э., впервые на русском языке появился в пер. с французского Р. М. Зотова (СПб., 1837), так что фактически первым оригинальным пер. на русский язык является пер. Ф. Г. Мищенко (1887).

Харитон — автор популярного греческого романа «О любви Херея и Каллирои» (II–III вв. н. э.). В России XVIII в. этот роман (один из самых ранних) был известен в пер. с немецкого И. Акимова (выпущен в СПб., 1766).

Цезарь — римский государственный деятель и писатель (100–44 до н. э.). Первый пер. появляется относительно рано — *Краткое описание о войнах из книг Цезариевых с некоторыми знатными приметы о тех войнах, со особливим о войне разговором* (М., 1711). По поручению Петра I Ф. Л. Анохин в 1724 готовит «Юлия Кесаря дел описание»; пер. не сохранился. Цезаря с увлечением читал А. В. Суворов. Восторженным поклонником и переводчиком Цезаря был участник декабрьского восстания А. Ф. фон дер Бриген. Его характеристика стиля Цезаря такова: «Мой герой в иных местах до крайности многоречив и словоохотлив». Кроме Бригена, читали Цезаря П. И. Пестель, Н. М. Муравьев и Ф. Н. Глинка. Муравьев даже

«заставлял жену ежедневно читать ему два часа Цезаря». По слухам, *Записки* собирался переводить А.П. Ермолов.

Цицерон—римский оратор и политический деятель (106–43 до н. э.). К Цицерону неоднократно обращается Феофан Прокопович в *De arte poetica*. В библиотеке А. А. Матвеева имелись «Епистолии Цицерона». А. Д. Кантемир неоднократно опирается на него в «Письмах о природе и человеке». В. Н. Татищев в одном из трактатов ссылается на *Leg.* II, 8, 8. *Lucull.* 124; *Tusc.* 1, 24; 51. В. К. Тредиаковский оценивает Цицерона так: «Читая сего Римского Оратора не токмо слова, которые нарочно красноречиво сочинены, но и все его философские, дидактические, и епистолярные книги, невозможно не иметь такова об его красноречия мнения, что бог нарочно восхотел и благоволил поставить в Цицероне меру человеческого красноречия». *За Архия* цитируют Тредиаковский в прозе и Ломоносов в стихах. Д. И. Фонвизин в «Чистосердечном признании» описывает круг чтения своего отца, который «был человек большого здравого рассудка, но не имел случая, по тогдашнему образу воспитания, просветить себя учением. По крайней мере читал он все русские книги, из коих любил отменно древнюю и римскую историю, мнения цицероновы» (*Pensées de Cicéron traduites pour servir à l'éducation de la jeunesse par Mr. l'Abbé d'Olivet*. Мнения Цицероновы из разных его сочинений, собранные для наставления юношества Аббатом Оливетом. СПб., 1752 (только на русском языке), 1767 (с параллельным французским текстом). Пер. И. В. Шишкина). Экстраординарный профессор Бодуэн включил в свою парадную речь похвалу великому оратору с мыслями, которые по тому времени могли показаться дерзкими: «Самый совершенный писатель древности, одновременно оратор и философ, жил при той форме правления, которая наиболее благоприятна для гения...» Радищев под влиянием Монтескье не слишком высоко ставит нравственные качества Цицерона: «муж качеств дивных, / Но вторым быть, а не первым / Был удобен; ум прекрасный, / Но душа нередко низка...» Вероятно, к цицероновским мыслям, изложенным в *De amicitia*, восходят карамзинское стихотворение «Счастье истинно хранится...» и «Строфы на дружбу» Ю. А. Нелединского-Мелецкого, а также — более отчетливо — «Рассуждении о дружестве» И. А. Крылова (1792). Цицерон (наряду с Горацием и Квинтилианом) положен в основу риторического курса М. М. Сперанского. Большим поклонником Цицерона был

швейцарец Ф.-Ц. Лагарп, заслуживший расположение Екатерины II и ставший воспитателем ее внука великого князя Александра Павловича. Лагарп много раз перечитывал со своим учеником *De officiis* на французском языке. Д. И. Хвостов относился к числу поклонников оратора: «Внемли во древности защитника закона, / Врага мятежников, витию Цицерона».

Эзоп — с его именем связаны «Эзоповы басни» и «Жизнеописание Эзопа» — образчики народной лит., ядро которых восходит к VI в. до н. э. Особой популярностью пользовались «Басни»: первый пер. на русский язык был выполнен Ф. К. Гозвинским в 1609 в Москве; этот, а также пер. П. Каминского известен только в рукописях. Печатный пер. Капиевского вышел в Амстердаме в 1700, затем в Москве в 1712 и в Петербурге в 1713, перепечатано в 1717. Эзоп неоднократно переводился на русский язык с французского (С. Волчков. СПб., 1747 [вышло несколько изданий], пер. Д. Т. М. — 1792, В. Федоров — 1796, П. Петров — 1812). Делались попытки перевести басни Эзопа стихами, что несомненно оказало влияние на развитие басни в русской лит.

Элиан — автор «Пестрых историй» и «Рассказов о животных» (II–III вв. н. э.). Отрывки Элиана переводил М. В. Ломоносов, а также публиковались анонимные пер. (Барышек всякие всячины. 1770); полный пер. И. Алексеева (СПб., 1773).

Эпиктет — греческий стоический философ I–II в. н. э. Переводился на русский язык с греческого Г. Полетикой (СПб., 1759, переиздание 1767).

Эпикур — греческий философ IV–III вв. до н. э., до кон. XIX в. в России был известен в пересказах с современных языков (см. специальное исследование: Шахнович М. М. Философия религии Эпикура и эпикурейская традиция в истории европейской мысли. СПб., 2000). В XVIII в. ему посвящен обзор книги П. Шаликова (Приятное и полезное препровождение времени. 1796. Ч. 12. С. 369–361).

Эсхил — древнегреческий трагик (524–457 до н. э.). Первые пер. на русский язык принадлежат А. Мерзлякову (1806).

Эсхин — греческий оратор IV в. до н. э. До кон. XIX в. не привлекал к себе внимания переводчиков.

Ювенал — римский поэт (50–60-е — 127 н. э.), автор «Сатир». Петр I, увидев сатиры Ювенала у одного немца, сказал, что они были бы в России запрещены под страхом жестокого наказания, но, по разъяснении и прочтении места из 10-й сатиры о здоровом теле и здоровом духе, царю очень понравился отрывок, и он выписал себе Ювенала в голландском пер. II сатира Кантемира по своему содержанию восходит к *sat.* 8 нашего поэта; в VII сатире о воспитании сын молдавского господаря подражал ювеналовской *sat.* 14. Использовал Ювенала и В. К. Третьяковский. В «Слове о витийстве» он ссылается на 6-ю сатиру. Место из *sat.* 15, 10–11, где речь шла о суевериях, переводится на русский язык Ломоносовым. На него же и на Ломоносова ссылается в своей уже упомянутой нами диссертации Д. С. Аничков. В течение практически всего кон. XVIII в. русское общество не интересуется Ювеналом; под влиянием причуд Павла I внимание к сатирику пробуждается. А. И. Малеин характеризует эту волну интереса так: «Тогда переводить сатирика начинают видные представители бюрократии, не мало пострадавшей от высочайшего самодурства, в виде лишения мест и высылки из столицы» (Малеин А. И. Ювенал в русской литературе // Сб. статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934).

Лит.: *Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1; *Пытин А. Н.* Для любителей книжной старины. Библиографический список рукописных романов, повестей, сказок, поэм и проч., в особенности из первой половины XVIII века // Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 год. М., 1891; *Черняев П. Н.* Следы знакомства русского общества с древне-классической литературой в век Екатерины II. Филологические записки. Вып. 1–2. Воронеж, 1905; *Савельева Л. И.* Античность в русской поэзии конца XVIII — начала XIX века. Казань: Изд-во Казанского

университета, 1980; *Дерюгин А. А.* В. К. Третьяковский — переводчик. Саратов, 1985; *Николаев С. И.* Литературная культура петровской эпохи. СПб., 1996; *Свиясов Е. В.* Античная поэзия в русских переводах. XVIII–XX вв. Институт русской литературы (Пушкинский дом). Библиотека. СПб., 1998; *Воробьев Ю. К.* Латинский язык в русской культуре XVII–XVIII веков. Саранск, 1999; *Либуркин Д. Л.* Русская новолатинская поэзия: материалы к истории. XVII — первая половина XVIII века. М.: Изд-во РГГУ, 2000; *Любнин А. И.* Римская литература в России в XVIII – начале XX века. М., 2007; *Busch W.* Horaz in Rußland. München, 1964.

Н. Н. Казанский, А. И. Любнин

Приложение 2

Художественный перевод в литературной культуре XVIII века

2.1. ОБ ЭВОЛЮЦИИ ПРИНЦИПОВ ПЕРЕВОДА. К XVIII в. относятся первые попытки сформулировать основные переводческие принципы. Правда, большинство «предисловий», «предуведомлений» и обращений «к читателю», открывавших переводные книги, посвящались главным образом обоснованию выбора произведений для пер. Сами же переводческие принципы формулировались весьма обобщенно. Слова М. Попова из предисловия к пер. «Освобожденного Иерусалима» могут служить типичным примером: «Главное мое попечение было выразить авторские мысли верно, ясно и чисто: слог старался я наблюдать таков, какового требовало вещество и положения сея поэмы, в которой царствуют повсюду великолепие, любовь и нежность...»¹.

Большое место в предисловиях и примеч. к пер. занимали вопросы лексики. Множество понятий, конкретных и абстрактных, которые переводчики обнаруживали в переводимых произведениях, не имели еще соответствий в русском языке. В одних случаях переводчик заимствовал иностранное слово, переносил его в русский язык, в др. — калькировал его, в третьих — передавал описательно, в четвертых — «склонял на русские нравы». Так, Кантемир, переводя Горация, снабжает выражение «среди лета толста шуба» следующим примечанием: «Penula solstitio. Епанча во время солнцестояния. Пенула епанча толстая, употребляемая в дождь и в студеное время, дорожная епанча. Я шубу в переводе употребил,

понеже нашему обычаю не меньше, чем намерению стихотворца соответствует»², и т. п. Пер. нередко снабжаются словарями «переведенных вновь речений», в которых указывается, как передано то или иное иностранное слово³.

Вопросы лексики, рассматриваемые лишь в аспекте семантики и носившие чисто практический характер, заслоняли для многих переводчиков общие теоретические вопросы. Более или менее последовательно теорию пер. разрабатывал лишь Третьяковский — первый русский ученый филолог и теоретик лит. Взгляды Третьяковского на проблему переводимости отличает оптимизм. Открывая собр. своих соч. предисловием «К читателю» (1751), он спорил с теми, кто считает, «что переводные стихи с стихов не могут быть хорошими», а также указывал, что возможен «прозаический перевод с прозы», который «не токмо не теряет ничего силы и красоты пред подлинником, но еще иногда несколько их подлиннику придает, а иногда и равняется с высотой оного»⁴.

Однако понятие «хорошего» пер. у Третьяковского не следует модернизировать. Оно может быть понято только в связи с эстетическими принципами XVIII в. Известны его слова из предисловия к пер. романа «Езда на остров любви» о равенстве переводчика творцу. Там же Третьяковский добавлял: «Еще донесу вам больше, ежели творец замысловат был, то переводчику замысловатее надлежит быть»⁵. Но это, как нам кажется, не было требованием передачи в пер. индивидуального стиля автора оригинала.

В своей работе «К вопросу о русском классицизме» Г. А. Гуковский показал возможность для XVIII в. «абсолютного эстетического бытия произведения в сознании эпохи, т. е. бытия произведения, не проецированного ни на какую индивидуальность...»⁶. Это имело непосредственное отношение к теории и практике пер. «Именно тем обстоятельством, что большинство переводимых пьес рассматривались как приближения к абсолютной ценности, следует связать пресловутое неуважение переводчиков к переводимому тексту <...> Важно ведь дать читателю хорошее произведение, по возможности близкое к идеальному, а вопросы о том, что хотел дать в своем произведении его первичный автор <...> не могут иметь существенного значения. Таким образом мысля (или м. б. ощущая) свою задачу, переводчики в стихах и в прозе с полным сознанием ответственности за свое дело и за методы своей работы, подчищали и исправляли переводимый текст согласно своим представлениям об эстетически-

должном прекрасном, выпускали то, что им казалось лишним или нехудожественным, неудачным, вставляли свои куски там, где находили неполноту, и т. д.»⁷.

Именно такой смысл свободы переводчика в развитии темы, заданной автором, думается, имеют слова Третьяковского о «замысловатости». Анализ др. его высказываний, а также переводческой практики подтверждает это толкование. Вспомним хотя бы, что Третьяковский считал возможным, чтобы пер. «придавал» подлиннику «силы и красоты»⁸.

Перевод с латинского политический роман И. Баркляя «Аргенида», Третьяковский отметил в «предупреждении от трудившегося в переводе», что, хотя «авторов стиль не токмо чрезвычайно высок <...> но притом чрезвычайно еще и витиеват, для того что ему быть такому надлежало по свойству политического содержания», сам же он этой витиеватости не следовал: «Старался я <...> чтоб переводу моему быть вразумительну и иметь бы ему довольную ясность к угодности читателей». Но чтобы не лишить пер. «ония политическия осанки», «то было во мне тщание, дабы и у меня ей быть рассеянной по всем периодам, только ж бы без вреда желаемой всеми ясности»⁹. Здесь мы видим вполне осознанное отступление от стиля подлинника, вызванное чисто просветительными целями.

Третьяковскому как переводчику XVIII в. был чужд историзм, стремление воспроизвести исторически определенный колорит подлинника, архаичность и т. п. Стилистически пер. был ориентирован исключительно на современность. В том же «предупреждении» к «Аргениде» Третьяковский писал: «Хотя же впрочем латинский язык и не может употреблять в единственном числе, во втором лице, множественного *вы* вместо *ты*: однако я везде, где или знатных людей между собою производятся разговоры, или с ними кто из нижайшего состояния разговаривает, употребил оное нежное *Вы*, за важное *Ты*. Сим я последовал точно нынешнему нашему учтивейшему употреблению. Мне рассудилось, что я худо могу сделать, ежели инако сделаю. И поистине, перевода моего не будет уже читать грубых времен новгородка Марфа Посадница: он сделан для нынешнего учтвого и выщеченного, в которое наш язык не имеет уже ни *оже*, ни *аче*, ни других премногих архаизмов, то есть старины глубокия»¹⁰.

Классицистический принцип пер. получил наиболее полное воплощение в основном труде Третьяковского «Гилемахида». Писатель стремился не столько к точному воссозданию переводимого

произведения, сколько к созданию на основании оригинала нового произведения, по возможности приближающегося к эстетическому идеалу.

Как известно, источником «Тилемахиды» послужил прозаический роман Фенелона «Похождения Телемака»; Третьяковский же создал эпическую поэму. Детальному теоретическому обоснованию своего пер. Третьяковский посвятил обширное «Предъизъяснение об ироической пииме»; система доказательства здесь весьма последовательна и логична.

Третьяковский рассуждает: «“Телемак”, продолжающий “Одиссею”, является не “историей”, но “ироической пиимой”, а “ироическая”, инако эпическая пиима, и эпопия, есть крайний верх, венец и предел высоким произведениям разума человеческого»¹¹. Это произведение внеисторическое и вненациональное: «В Тилемахе <...> господствует всюду Разум и красуется Чувственность. От сего точно пиима сия есть пиима всех родов, племен, состояний и веков»¹². Идеальной формой для «ироической пиимы» является стих, который «Омир, зиждитель сея пиимы, употребил на повествование свое»¹³, — гекзаметр¹⁴. «Тилемах и есть эпическая пиима, которая требует Омирова или Маронова ристательного бега»¹⁵. То, что произведение Фенелона написано прозой, не останавливает Третьяковского: Фенелон был вынужден так писать «за неспособность французского языка к ироическому еллинолатинскому стиху <...> Что ж до нашего языка, то он столько ж благолепно воскриляется дактилем, сколько и сам еллинский и римский <...> Природа ему даровала все изобилие и сладость языка того еллинского, а всю важность и сановность латинского»¹⁶.

Так обосновывал Третьяковский свою гекзаметрическую «Тилемахиду»¹⁷. Пер. являлся одновременно и возведением к идеалу, каковым для Третьяковского служил эпос Гомера и Вергилия. (Следует ли упоминать, что этот идеал был в его глазах лишен каких-либо исторических и национальных черт.)

Л. В. Пумпянский показал, как в «Тилемахиде» «стиль эпигона Третьяковский систематически переводит на язык первоисточников»: вводит гомеровскую фразеологию, гомеровские составные эпитеты, вергилиевы обороты и т. д. «Это, — заключает исследователь, — систематически применяемый метод перевода французской прозы на русский гомеро-вергилианский язык»¹⁸.

Классицистическая эстетика не исключала возможности и точного пер., даже буквального: «...если текст представлялся переводчику абсолютно совершенным, достигшим степени единственно прекрасного разрешения данной эстетической задачи, — переводчик относился

к нему с величайшей бережностью, с несколько даже рабской покорностью следуя оригиналу; он усердно старался передать его слово в слово, если это были стихи — стих в стих»¹⁹. Так переводил Сумароков те отрывки из Расина, которые почитал совершенными; Херасков же, создавая в общем вольный пер. «Сида» Корнеля, отдельные места воспроизводил совершенно точно.

Опыт стихотворного эквилинеарного пер. находим мы и у Третьяковского; это — «Наука о стихотворении и поэзии с французских стихов Боало-Депреовых стихами ж», которой писатель открывал собр. своих соч. 1752. В предисловии «К читателю» он сообщал: «Не оставляю вам донести, благосклонный читатель, и сие, что каждый Боалов стих изображается каждым же моим одним; так что, сколько у Боало во всякой песни, и во всех четырех стихов, столько ж и у меня во всем том составе: сие подлинно весьма трудно, но сил человеческих не выше»²⁰.

И далее Третьяковский излагал «главнейшие критерии, то есть неложные знаки доброго перевода стихами с стихов». Эти «критерии» следующие: «(1) чтоб переводчик изобразил весь разум, содержащийся в каждом стихе; (2) чтоб не опустил силы, находящиеся в каждом же; (3) чтоб тож самое дал движение переводному своему, какое и в подлинном; (4) чтоб сочинил оный в подобной же ясности и способности; (5) чтоб слова были свойственны мыслям; (6) чтоб они не были барбаризмом опорочены; (7) чтоб грамматическое сочинение было исправное, без солецисмов и как между идеями, так и между словами без прекословию; (8) чтоб, наконец, состав стиха во всем был правилен, так называемых затычек или пустых бы добавок не было; (9) гладкость бы везде была; (10) вольностей бы мало было, ежели невозможно без них обойтись; (11) и сколько возможно чаще б богатая рифма звенела полубогатыя, без наималейшего повреждения смыслу; (12) и ежели находятя еще какие поспешествующие доброте перевода»²¹.

Бросается в глаза, что в этих «критериях» об отношении пер. и оригинала говорится лишь в первых четырех, т. е. меньше чем в половине. 5–7-й «критерии» представляют собой требования к языку, а 8–11-й — к стиху, уместные во всяком произведении, не обязательно переводном. Более того, последние требования считаются обязательными безотносительно к особенностям языка и стиха переводимого произведения. Такое соотношение общезыковых и стиховых требований к собственно переводческим отличает

сравнительно ранний этап становления и развития как пер., так и литературного языка; с кон. XVIII в. авторы, пишущие по вопросам пер., будут критиковать нарушения общих норм языка и стиха в конкретных переводных произведениях, не декларируя сами эти нормы, поскольку последние будут уже считаться общеизвестными и общепринятыми.

Что касается чисто переводческих «критериев» (1–4), то они требуют точного соответствия переведенного стиха оригинальному, но при этом мало конкретны. Вообще не следует преувеличивать значения этих «критериев» для переводческой практики самого Тредиаковского, не говоря уже о его современниках. Это был не что иное, как эксперимент, первая попытка сформулировать признаки «добраго перевода» стихов, причем самому Тредиаковскому не было еще ясно, насколько полны и исчерпывающи его «критерии» (на это указывает пункт 12). Экспериментальным был и эквилинеарный пер. Тредиаковский не только не считал такой пер. единственно правильным, он даже не утверждал, что стихи обязательно следует переводить стихами: он экспериментировал. В его соч. за пер. из Буало следовала «Эпистола к Пизонам о стихотворении и поэзии» Горация в прозаическом пер. Объясняя в предисловии «К читателю», почему одно стихотворное произведение переведено прозой, а др. стихами, Тредиаковский замечал: «Причина сему <...> токмо мое произволение: могла и Горациева также быть составлена стихами; могли и обе предложиться прозою»²².

Было бы неверным предположить, что Тредиаковский не отдавал себе отчета в эстетическом значении стихотворного пер. стихов. В предисловии к «Аргениде», объясняя, почему он перевел латинские стихи Баркляя русскими стихами, он указывал: «Ибо ежели б того не делать, то б вся экономия сея повести была разорена и премного б красоты пропало»²³. По-видимому, здесь Тредиаковский руководствовался стремлением передать эффект сочетания прозы и стиха, перехода с прозы на стих и обратно. Пример же с эпистолой Горация показывает тем не менее, что он был далек от того, чтобы считать стихотворный пер. стихов обязательным.

На экспериментальный характер пер. Тредиаковского из Буало указывает и то, что первая и третья песни были переведены шестистопным ямбом, а вторая и четвертая — шестистопным хореем, т. е. Тредиаковский еще не определил, какой русский размер больше подходит для передачи французского александрийского стиха²⁴.

По-видимому, опыты Тредиаковского не ограничивались эквилинеарностью; переводя стихи, он также пытался добиться того, «чтоб в переводе быть тем же самым словам и стольким же», но, убедившись в невозможности этого, указывал: «...сие многократно и почти всегда есть выше человеческих сил»²⁵.

Таким образом, можно утверждать, что деятельность первого русского теоретика пер., протекавшая в «опытный период», носила в основном также опытный характер. Следует только добавить, что его эксперименты проводились в пределах классицистической эстетики и поэтики.

Выше уже упоминалось о характерном для переводческой практики XVIII в. явлении — «склонении на наши нравы». У большинства переводчиков оно носило стихийный характер, вытекало из стремления сделать перевод понятным, доступным восприятию русского читателя²⁶.

Но в XVIII в. встречалось и вполне осознанное и намеренное «склонение на наши нравы». Теоретиком его выступил В. И. Лукин — автор нескольких русифицированных переделок французских пьес. Наиболее полно он изложил свои взгляды в предисловии к комедии «Награжденное постоянство» — переделке «L'amante amant» Кампистриона. «Мне всегда несвойственно, — писал Лукин, — казалось слышать чужестранные речения в таких сочинениях, которые должны изображением наших нравов исправлять не столько общие всего света, но более участные нашего народа пороки; и неоднократно слышал я от некоторых зрителей, что не только их рассудку, но и слуху противно бывает, ежели лица, хотя по несколько на наши нравы походящие, называются в представлении *Клитандром*, *Дорантом*, *Циталидою* и *Кладиною* и говорят речи, не наши поведения знаменующие <...> И если говорить истину, то всякий невычищенный, то есть на нравы того народа, пред коим он представляется, несклоненный в драме образец покажется на театре не что иное как смесь — иногда русский, иногда французский, а иногда обоих сих народов характеры вдруг на себе имеющий»²⁷.

Лукин формулирует принцип пер.-переделки, показывает его отличие от подражания. «Подражать и переделывать — великая разница. Подражать значит брать или характер, или некоторую часть содержания, или нечто весьма малое и отделенное и так несколько заимствовать; а переделывать значит нечто включить или исключить, а прочее, то есть главное, оставить и склонять на свои нравы»²⁸.

Приспосабливая иностранные произведения к привычкам и понятиям зрителей, Лукин не просто стремился достичь сценического правдоподобия; он преследовал вполне определенные нравственно-дидактические цели. «...многие зрители, — продолжал он, — от комедии в чужих нравах не получают никакого поправления. Они мыслят, что не их, а чужестранцев осмеивают. Тому причиною, что они слышат <...> *Париж, Версалию, Тюльерши* и прочие, для многих из них незнакомые речения; да и то им приметно, что осмеиваемые образцы не только несвойственно нашим нравам изъясняются, но что они и одеты в незнакомые им одежды <...> Что же к поправлению оного потребно? Мне кажется, переделывание или склонение на свои нравы для представления на театре. Тут надлежит не столько красоту и силу чужестранного писателя показывать, сколько исправлять пороки»²⁹.

Цель Лукина совершенно очевидна: в период становления русского национального театра он стремился с помощью переделок обеспечить этому театру национальный репертуар, подготовить создание оригинальной русской комедии. В меру своего таланта он сам шел этим путем: его комедия «Мот, любовь исправленный», хотя и использующая мотивы одной из комедий Дедуша, значительно более самостоятельна, чем др. произведения Лукина.

Было бы ошибкой оценивать теорию и практику Лукина с точки зрения сегодняшних переводческих принципов и осуждать его, совершенно игнорируя те задачи, которые ставила перед переводчиком его эпоха, и те возможности, которые она ему предоставляла³⁰. Напомним, что комедии Лукина появились в то время, когда еще не было «Бригадира» и «Недоросля», а их будущий автор сам занимался переделками³¹. Опыты Лукина оказали несомненное влияние на развитие русской национальной комедии.

Хотя в творчестве Лукина уже обнаруживаются определенные отступления от традиций классицизма, самый принцип «склонения на свои нравы» вполне укладывался в рамки классицистической эстетики. Г. А. Гуковский писал в цитированной ст. по этому поводу: «В переводах драматических произведений создалась, как известно, особая техника “склонений на наши нравы”, где переводчик повышал эстетическую действенность данной пьесы, так сказать, в ее относительности к материалу местного быта путем замены черт чужого местного колорита своим, замены чужих имен русскими и т. д.»³².

Принципиально не было отличия в том, как поступали Тредиаковский с романом Фенелона и Лукин с французскими комедиями.

Разница заключалась лишь в жанре и, соответственно, в том эстетическом идеале, которого стремился достичь переводчик-перелагатель. Не случайно противники Третьяковского и Лукина сравнивали их деятельность³³.

Переводческая мысль XVIII в. не выдвинула, да и не могла выдвинуть, в силу указанных выше причин, требования передать в пер. стиль автора. Только в кон. века у сентименталистов с присущим им интересом к внутреннему миру человека возникает понятие индивидуального стиля переводимого автора. Так, В. Подшивалов провозглашает: «Всякий почти различно мыслит, следовательно, всякий имеет и свой стиль»³⁴. Отсюда возникало требование к пер.: «...надлежит сколько возможно удерживать всю приятность, живость или нежность, слог, правильность и стройность своего подлинника, дабы чрез то переводимый автор всегда виден и познан быть мог»³⁵. Самое понятие стиля еще мало конкретно, причем Подшивалов тут же замечает, что, когда точная передача автора препятствует «ясности и вразумительности» пер., следует жертвовать точностью.

У самого Карамзина почти нет теоретических высказываний о пер. Он, правда, писал в предисловии к пер. «Юлия Цезаря» Шекспира: «Что касается до перевода моего, то я наиболее старался перевести верно, стараясь притом избежать и противных нашему языку выражений... Мыслей автора моего нигде не переменял я, почитая сие для переводчика непозволенным»³⁶. Но в этих словах Карамзина, которые являются в сущности единственной декларацией собственных переводческих принципов, он говорит о точном следовании мыслям автора, но не стилю.

О его внимании к стилю пер. можно лишь догадываться по его письму к И. И. Дмитриеву от 1 марта 1798: «Я также работаю, то есть перевожу лучшие места из лучших иностранных авторов, древних и новых; иное для идей, иное для слога <...> Посмотрим, каково будет Цицероново, Бюффоново, Жан-Жаково красноречие на русском языке! Между тем не все для слога; многое помещу в этом цветнике и для любопытства...»³⁷.

В пер. Карамзина действительно обнаруживается некоторое стремление к передаче индивидуального стиля автора³⁸. Однако значение этого не следует преувеличивать: это были не более как первые попытки, весьма еще непоследовательные. И если стиль пер. Карамзина сильно отличался от стиля пер. его предшественников, то причины следует искать не в его переводческих принципах, но в произведенной

им реформе литературного языка. Это был в большей мере стиль прозы самого Карамзина со всеми его особенностями, нежели переводимых авторов.

Характерно, что в многочисленных рецензиях на современные ему переводные произведения Карамзин обычно критиковал слог пер. не за несоответствие стилю подлинника, а только за отступление от норм литературного языка в его, Карамзина, понимании, за отсутствие «правильности», «чистоты» и «приятности», за наличие галлицизмов и славянизмов и т. д. Причем, если «приятность» вступала в противоречие с «верностью» пер., Карамзин обычно оказывал предпочтение первой.

Ю. Д. Левин

2.2. «СОБРАНИЕ, СТАРАЮЩЕЕСЯ О ПЕРЕВОДЕ ИНОСТРАННЫХ КНИГ» — литературное учреждение, существовавшее в Санкт-Петербурге в 1768–1783-х. Идея Собр. возникла у Екатерины II весной 1767 во время путешествия по Волге с придворными, когда совместно переводился роман Ж.-Ф. Мармонтеля «Велизарий». В октябре 1768 Екатерина II учредила Собр., назначив из личных средств 5000 руб. ежегодно для оплаты переводчиков. Возглавили Собр. Г. В. Козицкий, поэт А. П. Шувалов и В. Г. Орлов, тогда директор Академии наук, хотя Собр. формально ей не подчинялось; но, когда в 1775 Орлова сменил С. Г. Домашнев, в его ведение было передано и Собр., пер. которого печатались в основном в Академической типографии. Для Собр. работали свыше 100 переводчиков, в т. ч.: И. Ф. Богданович, П. Екимов, Я. Б. Княжнин, А. М. Кутузов, В. А. Левшин, М. И. Попов, А. Н. Радищев, В. Г. Рубан, Л. И. Сичкарев, Ф. О. Туманский. Переводились главным образом произведения европейских, преимущественно французских мыслителей: Вольтера, Монтескье, Д'Аламбера и др., в частности статьи из «Энциклопедии», а также древних классических авторов — поэтов, историков, политических деятелей. Из произведений писателей нового времени большей частью отбирались философские, юридические и политические труды. Из научных книг преимущественно уделялось внимание трудам по истории и географии, но также переводились математические, физические и естественнонаучные соч. и учебные пособия. Художественная лит. занимала в пер. Собр. незначительное место; были переведены романы Г. Фил-

динга и Д. Свифта, повести Вольтера, поэма Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим», трагедии П. Корнеля, комедии К. Гольдони и Х.-Ф. Геллерта, «Басни и сказки» Геллерта.

Управление Домашнева, который расстроил дела Академии наук, повлекло и упразднение Собр. в 1783, и передачу переводного дела Российской академии. Всего Собр. издало 112 соч. в 173 т. Неизданными остались 36 пер., часть которых была издана позднее, и 28 пьес, отданных в театры.

Л и т.: Семенников В. П. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II: 1768–1783 гг. СПб., 1813; *Либрович С. Ф.* Собрание переводчиков при Екатерине II // Известия книжных магазинов Товарищества М. О. Вольф по литературе, наукам и библиографии. 1914. № 12.

Ю. Д. Левин

2.3. ПЕРЕВОДЫ-ПОСРЕДНИКИ В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА. Наряду с прямым пер. на русский язык иностранной лит., важную роль в ее усвоении с давних пор играл пер. опосредствованный, т. е. выполненный не с языка оригинала. В основе этого явления лежало отсутствие на протяжении длительного времени в силу различных исторических причин сколько-нибудь прочных, а иногда и вообще каких-либо связей — политических, экономических, культурных — между Россией и теми или иными странами, причем отнюдь не всегда географически от нее удаленными: к их числу относились на разных этапах ее развития не только государства азиатские, африканские, латиноамериканские, не только Португалия, Испания, но и Англия, Италия, Скандинавия и Венгрия. Интерес русских людей к малодоступным и малоизвестным им культурам и невозможность удовлетворить в короткий срок этот интерес нередко заставляли их искать «обходные» пути, обращаясь для этого к культурам, с которыми они были знакомы хорошо или, по крайней мере, лучше, чем с др., а это, в свою очередь, было в большой степени обусловлено масштабами распространения того или иного языка в российском обиходе³⁹.

В отличие от Московского государства XVI–XVII вв., где значительную известность получили языки древние — греческий, латинский и еврейский, а из новых главным образом польский, — в России

XVIII в. с нач. Петровских реформ впервые стали сравнительно широко функционировать немецкий и французский. Тогда же оба они начали выполнять и посредническую роль: в 1704 с немецкого пер. был донесен до русского читателя выдающийся памятник средневековой персидской лит. «Гулистан» Саади, а в 1716 с французского (А. дю Рие) — Коран (пер. П. В. Постникова)⁴⁰.

Немецкие и французские пер. продолжали служить основными посредниками на протяжении всего XVIII в. — в процессе необычайно интенсивного и плодотворного, хотя и несколько хаотичного приобщения русской читающей публики к лит. Запада и Востока⁴¹.

Так, с обоих этих языков на русский переводили иногда античную и византийскую лит.; в частности, с немецкого были переведены «Похождения Кереа и Каллирои» (пер. И. И. Акимова, 1763), с французского — «Параллельные жизнеописания» Плутарха (пер. С. И. Глебова, 1765), «Любовь Исмены и Исмениаса» (1769), басни Эзопа (1792), «Метаморфозы» Овидия (пер. К. К. Рембовского, 1794; сделанный в самом нач. века пер. этого произведения с польского не увидел света). Немецкие и французские пер. лежали в основе многих русских пер. из Греческой антологии⁴².

С немецких пер. был осуществлен русский пер. ряда произведений английских писателей: к пер. Кристофа-Мартина Виланда и Иоганна-Иоахима Эшенбурга восходил, например, пер. трагедии Шекспира «Юлий Цезарь», принадлежавший Н. М. Карамзину (1787)⁴³, к пер. Иоганна-Арнольда Эберта — пер. «Ночных дум о жизни, смерти и бессмертии» Эдуарда Юнга, выполненный А. М. Кутузовым (1785), по всей вероятности, к пер. Иоганнеса Тоблера — пер. «Времен года» Джеймса Томсона, осуществленный Д. И. Дмитриевским (1798)⁴⁴. С немецких пер. И. Сытенским был сделан пер. романов Генри Филдинга «История приключений Джозефа Эндрьюса» (1772) и «Жизнь Джонатана Уайльда Великого», Н. И. Страховым — романа Оливера Голдсмита «Вексфильдский священник» (1786), И. С. Сахаровым — романа Тобайаса Смолетта «Путешествие Хамфри Клинкера» (1789). Тем же путем дошли до русского читателя трагедия Томаса Отвея «Спасенная Венеция» (пер. Я. П. Козельского, 1764), комедия Шарлотты Леннокс «Сестра» (пер. В. А. Лёвшина, 1788) и — первоначально — «Школа злословия» Ричарда Бринсли Шеридана (1791). Немецкий пер. лежал в основе русского издания обширного дидактического труда Роберта Додели «Наставник» (1789–1792). Наконец, благодаря немецкому посредничеству у нас получили известность почти все

соч. крупнейшего датского писателя XVIII в. Людвига Хольберга — в пер. Д. И. Фонвизина (1761)⁴⁵, А. А. Нартова (1764–1765), Я. П. Козельского (1765–1766) и В. Т. Золотницкого (1767–1768), А. И. Шурлина (1768), И. И. Кропотова (1774), М. П. Меньшина (1781).

Приведем также несколько примеров немецкого посредничества при пер. испанских и французских соч. — «Истории покорения Мексики» Антонио де Солиса-и-Рибаде-нейра (1765) и старинного испанского романа «*Mala la visteis, Franceses...*» в пер. Карамзина (1792), «Мемуаров шевалье де Кильпара» Луи-Лорана-Жозефа Ген де Монтаньяка (пер. И. Р., 1776), «Кремантины, царицы Санги» г-жи Гомес (1789) и «Путешествия по Египту и Сирии» Константена-Франсуа де Вольне (пер. Н. Маркова, 1791–1793).

Впрочем, немецкоязычных авторов в России читали иногда и в пер. с французского, например, Виланда («Испытание Авраама» в пер. Г. В. Медведева, 1780, и «Золотое зеркало» в пер. Ф. И. Сапожникова, 1781), Саломона Гесснера («Дафнис», 1783; сборник идиллий и пасторалей в пер. В. А. Лёвшина, 1787), Кристиана Фюрхтеготта Геллерта (фрагмент «Нравственных наставлений», 1787), Кристиана Феликса Вейсе («Братская любовь» в пер. Н. Перского, 1787), Кристиана Леберехта Гейне (Антон Валля) («Антония» и «Омар» в пер. И. М., 1793), Адольфа Франца Фридриха Книгге («История Петера Клаузенса» в пер. Н. И. Ильина, 1795–1797)⁴⁶.

Интерес к названным авторам в России был тогда весьма велик, и переводчики старались без промедления этим воспользоваться, проявляя подчас полное безразличие к языку воспроизводимого ими текста, тем более что на читательском успехе их пер. это почти не сказывалось. Однако, как правило, французское посредничество способствовало ознакомлению русского читателя с лит., ему недостаточно известными или не известными вовсе, — английской, итальянской, испанской, португальской, скандинавскими, восточными.

Так, с французского архиепископом Амвросием (1780) был переведен «Потерянный рай» Мильтона (более ранний пер. этого произведения, осуществленный А. Г. Строгановым, остался неопубликованным), а также «Возвращенный рай» (пер. И. Грешищева, 1785)⁴⁷. В пер. с французского были изданы «Ричард III» Шекспира (1787), «Опыт о человеке» Александра Попа (пер. Н. Поповского, 1757), его же «Похищение локона» (1761), басни Джона Гея (1783), «Поэмы Оссиана» Джеймса Макферсона (пер. Е. И. Кострова, 1792)⁴⁸,

«Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо» Даниэля Дефо (пер. Я. И. Трусова, 1762–1764)⁴⁹, «История Тома Джонса, найденщика» Филдинга (пер. Е. С. Харламова, 1770) и его же «Амелия» (пер. П. фон Берга, 1773)⁵⁰, «Путешествия Гулливера» Джонатана Свифта (пер. Е. Н. Каржавина, 1772–1773)⁵¹, «Приключения Родрика Рэндома» Смоллета (1788), три романа Сэмюэля Ричардсона — «Памела» (пер. И. Шишкина, 1787)⁵², и анонимный, 1796), «Кларисса» (пер. Н. П. Осипова и П. Кильдюшевского, 1791–1792), «История сэра Чарльза Грандисона» (пер. А. А. Кондратовича, 1793–1794), «Письма Йорика к Элизе» Лоренса Стерна (пер. Г. П. Апухтина, 1789, и Н. Г. Карина, 1795), «Старый английский барон» Клары Рив (пер. К. А. Лубьяновича, 1792)⁵³, «Мысли о воспитании» Джона Локка (пер. Н. Поповского, 1759), фрагмент эстетического трактата Хью Блэра (пер. книги Г. И. Гагарина и П. Лихачева, 1799) и многие др.

Правда, во второй половине столетия при переводе английской лит. посредники привлекались уже отнюдь не всегда: в образованной русской среде английский язык был теперь не редкостью, а в отдельных случаях с английских пер. даже осуществлялись пер. из лит. еще более «экзотических», чем английская: в их числе — отрывок древнеиндийского эпоса «Махабхарата» — поэма «Бхаватгита» (пер. А. А. Петрова, 1788) или Коран (третье по счету русское издание, пер. А. И. Колмакова, 1792). Английское посредничество имело место и при переводе на русский язык Карамзиным I и IV действий драмы Калидасы «Шакунтала» (1792), но Карамзин пользовался пер. английского пер. на немецкий (иными словами, посредничество оказывалось двойным — случай далеко не единственный в ту пору). Конечно, как посредник английский язык явно уступал тогда немецкому, не говоря уже о французском, роль которого в русской культурной жизни этого периода вообще трудно переоценить⁵⁴.

Хотя итальянским языком в XVIII в. владело немало русских людей и непосредственно с него (а иногда и через его посредство) было сделано довольно большое число пер., две величайшие итальянские поэмы эпохи Возрождения — «Освобожденный Иерусалим» Тассо и «Неистовый Роланд» Ариосто — увидели свет на русском языке в пер. с французского; первую в 1772 перевел М. И. Попов, вторую — в 1791 П. С. Молчанов, причем автором обоих французских пер. являлся Жан-Батист Мирабо.

К французским пер. восходили и самые ранние русские пер. из «Божественной Комедии» Данте; принадлежали они соответственно

В. С. Подшивалову (1798) и П. С. Железникову (1800)⁵⁵. С французского был также переведен «Бертольдо» Джулио Чезаре Кроче, вышедший на русском языке в течение четырех лет тремя изданиями (1778, 1781, 1782).

Языки народов Пиренейского полуострова в России того времени знали считанные люди. Отсюда первостепенная роль посредничества в ознакомлении русского читателя с лит. Испании и Португалии, более всего — французского, благодаря которому на русском языке смогли появиться такие соч., как «Карманный оракул» Бальтасара Грасиана-и-Моралеса (пер. С. С. Волчкова, 1739), «Жизнь Ласарильо-с-Тормеса» (пер. В. Г. Вороблевского, 1775) и «Всеобщая история Испании» Хуана де Марианы, написанная на латинском языке, а затем переведенная самим автором на испанский (1779–1782). К французским пер. — Фийо де Сен-Мартена и анонимному 1746 восходили и оба пер. «Дон Кихота» Сервантеса, изданные в двух разных пер. — И. А. Тейльса (1769) и Н. П. Осипова (1791). Аналогичным образом получили известность в русской читательской среде и др. его произведения — некоторые из «Назидательных новелл», пастушеская повесть «Галатейя» (1790, 1796, 1799, 1800) и отрывки из «Странствований Персилеса и Сихисмунды» (1781). Наконец, французский пер. Жана-Франсуа де Лагарпа лежал в основе пер. «Лусиад» Камозенса, сделанного А. И. Дмитриевым (1776)⁵⁶.

По преимуществу из «Введения в историю Дании» Поля-Анри Малле были извлечены немногие образцы древнеисландской и шведской лит., появившиеся в кон. столетия в пер. Ф. Моисеенко и Н. А. Львова⁵⁷. Через французское посредство пришли в Россию и некоторые восточные соч., среди которых — выдающийся памятник древнеиндийской лит. «Панчатантра» (пер. Б. А. Волкова, 1762) и собр. средневековых арабских сказок «Тысяча и одна ночь», переведенных А. Филатьевым со знаменитого французского пер. Антуана Галлана; их русский пер. выдержал два издания (в 12 т. каждое) — в 1763–1774 и в 1768–1789 (т. е. второе издание начало выходить еще до завершения первого)⁵⁸.

Таким образом, на протяжении XVIII в. русская переводная лит. пополнялась не только путем пер. иностранных авторов с языка оригинала, но и с помощью пер.-посредников, ошутимо способствовавших ее сближению с лит., ей более или менее далекими. При этом опосредствованный пер. использовался лишь на начальном этапе сближения этих лит. — как временное, но в высшей степени действенное

средство преодоления преград, их разделявших. Затем обычно наступал период сосуществования опосредствованных пер. с прямыми — период подчас весьма длительный и отнюдь не мирный, но в конце концов прямые пер. полностью вытесняли своих неполноценных прешествеников из культурного обихода.

Неполноценность эта была обусловлена в первую очередь тем, что посредничество означало участие в общении двух лит. какой-либо третьей (а иногда и четвертой, и даже пятой), неизбежно вносившей в переводимое произведение нечто свое, только ей присущее, и нередко чуждое как лит.-донору, так и лит.-рецептору, иными словами — русской, в результате чего иноязычное произведение приобретало новые черты и попадало к русскому читателю в несколько трансформированном, а подчас и совершенно искаженном виде. Сервантес или Шекспир, прошедшие через французское посредничество, лишь отдаленно напоминали подлинник, равно как Тассо или Ариосто, Камюэнс или Поп, Свифт или Стерн. Тексты сильно сокращались или, наоборот, непомерно увеличивались в объеме; блистательная поэзия превращалась в унылую прозу; действие перемещалось в иную страну, изменялись национальная принадлежность персонажей и соответственно их фамилии, имена и даже речь; наконец, придумывались новые заглавия произведений, не имевшие ничего общего с оригинальными.

Тем не менее историческая значимость таких пер. несомненна. Благодаря им в распоряжении русских людей оказывались, пусть и «в третьем отголоске» (согласно формуле В. Брюсова), величайшие художественные ценности, которые по тем или иным причинам оставались вне поля их зрения. В то же время русское посредничество способствовало духовному обогащению многих «малых» народов, а также обеспечило международную известность их собственным творческим достижениям — давним и современным.

Примечания

¹ Освобожденный Иерусалим. Ироническая поэма итальянского стихотворца Тасса, переведена с французского Михаилом Поповым. Ч. 1. СПб., 1772. С. 5–6.

² Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира / Редакция изд. П. А. Ефремова. Т. 1. СПб., 1867. С. 457.

³ См., например, словари, приложенные Поповым к пер. «На феатральное возглашение» (Досуги, или Собрание сочинений Михаила Попова. Ч. 1. СПб., 1772. С. 211–212) и «Освобожденный Иерусалим» (там же. С. ai–bi). См.: *Шаял И. В.* К вопросу о языко-

вых средствах переводчиков XVIII столетия (Тредиаковский как переводчик) // Труды Кубанского педагогического института. Т. II–III. Краснодар, 1929. С. 215–226.

⁴ Сочинения Тредьяковского. Т. I. СПб., 1849. С. VIII–XII.

⁵ Там же. Т. III. С. 649.

⁶ Сб. «Поэтика». IV. Л., 1928. С. 132–133.

⁷ Там же. С. 144–145.

⁸ Сумароков в «Епистоле о русском языке» (1748) наставлял переводчика в том же духе:

На что степень в степень последовать ему (автору. — Ю. Л.)?
Ступай лишь тем путем, и область дай уму.

(Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. Ч. 1. М., 1781. С. 331).

⁹ Аргенида, повесть героическая, сочиненная Иоанном Барклаием, а с латинского на славно-русский переведенная... от Василья Тредиаковского. Т. I. СПб., 1751. С. LX.

¹⁰ Там же. С. LXI–LXII.

¹¹ Сочинения Тредьяковского. Т. II. Отд. 1. СПб., 1849. С. III.

¹² Там же. С. LVI.

¹³ Там же. С. XLIII.

¹⁴ Мы не останавливаемся здесь на взглядах Тредиаковского на гекзаметр, изложенных в «предъязнении» и др. трудах, и на его практической деятельности по созданию русского гекзаметра. По этому вопросу см.: *Richard Burgi. A history of Russian Hexameter.* Hamden, 1954. P. 40–68.

¹⁵ Сочинения Тредьяковского. Т. II. Отд. 1. С. LIX.

¹⁶ Там же. С. LXIII.

¹⁷ Противник Тредиаковского Сумароков переложил также гекзаметром нач. «Похождений Телемака» (Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. Ч. 1. С. 311–312), не желая, по-видимому, уступать своему сопернику пальму первенства. Однако тем самым Сумароков продемонстрировал свое согласие с исходными принципами Тредиаковского.

¹⁸ История русской литературы. Т. III. М.; Л., 1941. С. 249.

¹⁹ *Гуковский Гр.К* вопросу о русском классицизме. (Состязания и переводы) // Поэтика. IV. С. 145.

²⁰ Сочинения Тредьяковского. Т. I. С. VII.

²¹ Там же. С. XIII. (Цифры в скобках мои. — Ю. Л.).

²² Сочинения Тредьяковского. Т. I. СПб., 1849. С. VI. — В 1757 Тредиаковский опубликовал ст. «О беспорочности и приятности деревенския жизни», к которой приложил три пер. оды Горация «*Beatus ille...*» (Эподы, II): прозаический, стихотворный точный и стихотворное переложение, предоставив читателям решить, «не лучше ль наши стихотворцы изобразили мысли римского пиита рифмами, нежели я свободным слогом» (там же. С. 734).

²³ Аргенида... сочиненная Иоанном Барклаием... Т. I. С. XIII.

²⁴ В романе «Аргенида» Тредиаковский переводил каждое из вставных стихотворений двояко: «по-римски», т. е. имитируя латинские размеры, и «по-нашему» — рифмованным ямбом или хореем и предлагал читателям решить, «кои роды стихов древнейшие ль греческие и римские или наши с рифмами новейших времен благороднее и осанитее» (Сочинения Тредьяковского. Т. I. С. 433).

²⁵ Там же. С. XIII–XIV.

²⁶ Ср. приведенный выше пример из примеч. Кантемира к пер. од Горация. Подобная же русификация обнаруживается в пер. из Горация Тредиаковского и Поповского

(*Берков П. Н.* Ранние русские переводчики Горация // *Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук.* 1935. № 10).

²⁷ Сочинения и переводы В. И. Лукина и Б. Е. Ельчиной / Ред. изд. П. А. Ефремова. СПб., 1868. С. 112.

²⁸ Там же. С. 115.

²⁹ Там же. С. 115–116.

³⁰ Так, например, поступает П. М. Топер в своей ст. «Традиции реализма» (Русские писатели XIX века о художественном переводе) // *Вопросы художественного перевода.* М., 1955. С. 51–52).

³¹ В 1764 Фонвизин написал комедию «Корион», представляющую собой переложение комедии Грессе «Сидней».

³² *Гуковский Гр.* К вопросу о русском классицизме. (Состязания и переводы). С. 145.

³³ См.: *Пытин А. Н. В. И. Лукин* // Сочинения и переводы В. И. Лукина и Б. Е. Ельчиной. С. XX.

³⁴ Сокращенный курс русского слога, изданный А. Скворцовым. М., 1796. С. 87.

³⁵ Там же. С. 39.

³⁶ Избранные сочинения Н. М. Карамзина, с биографическим очерком... Л. Поливанова. Ч. 1. М., 1884. С. 24.

³⁷ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, с примечаниями и указателем, составленными Я. К. Гротом и П. П. Пекарским. СПб., 1866. С. 92–93.

³⁸ Примеры этого приводит И. З. Серман в упоминавшейся выше ст. «Русская литература XVIII века и перевод».

³⁹ Об этом см. подробнее: *Заборов П. П.* «Литература-посредник» в истории русско-западных литературных связей XVIII–XIX вв. // *Международные связи русской литературы.* М.; Л., 1963. С. 64–85.

⁴⁰ См.: *Булич С. К.* Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904. Т. I. С. 184–203, 320–203, 339; *Аракин В. Д.* Иностранные языки в русском государстве XVI–XVIII вв. // *Учен. зап. Московского гор. института им. В. П. Потемкина,* 1958. Т. 80. Вып. 3. С. 241–273; *Николаев С. И.* Об атрибуции переводных памятников Петровской эпохи // *Русская литература.* 1988. № 1. С. 162–172.

⁴¹ Здесь и неоднократно далее использовано издание: *История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. I. Проза.* СПб., 1995; *Т. II. Драматургия. Поэзия.* СПб., 1996 / Отв. ред. Ю. Д. Левин; однако отсылки к ней даются лишь в исключительных случаях.

⁴² См.: *Егунов А. Н.* «Исмений и Исмена» А. П. Сумарокова // *Международные связи русской литературы.* С. 135–160; *Николаев С. И.* Польская поэзия в русских переводах. Вторая половина XVII–первая треть XVIII века. Л., 1989. С. 71–72, 144–148.

⁴³ См.: *Алексеев М. П.* Германия и раннее восприятие Шекспира в России // *Алексеев М. П.* Сравнительное литературоведение. Л., 1983. С. 254–264; *Кафанова О. Б.* «Юлий Цезарь» Шекспира в переводе Н. М. Карамзина // *Русская литература.* 1983. № 2. С. 158–163.

⁴⁴ См.: *Левин Ю. Д.* Восприятие английской литературы в России. Л., 1990. С. 134–230.

⁴⁵ См.: *Стричек А.* Денис Фонвизин. М., 1994. С. 44–50.

⁴⁶ См.: *Кочеткова Н. Д.* Карамзин и Антон Валь / XVIII век. Сб. 8. Л., 1969. С. 247–255.

⁴⁷ См.: *История русской переводной художественной литературы.* Т. II. С. 191–228.

⁴⁸ См.: *Левин Ю. Д.* Оссиан в русской литературе. Л., 1980. С. 24–32.

⁴⁹ См.: *Алексеев М. П.* «Робинзон Крузо» в русских переводах // *Алексеев М. П.* Сравнительное литературоведение. С. 83–84.

⁵⁰ См.: *Alexeyev M. P.* Fielding in the Russian language // VOKS bulletin. 1954. № 5 (88). P. 88–90.

⁵¹ См.: *Левин Ю. Д.* Восприятие английской литературы в России. С. 103–133.

⁵² См.: *Костюкова В. В.* Роман С. Ричардсона «Памела» в переводе Ивана Шишкина // XVIII век. Сб. 18. СПб., 1993. С. 322–334.

⁵³ См.: *Вацуро В. Э.* Роман Клары Рив в русском переводе // Россия и Запад. Из истории литературных отношений. Л., 1973. С. 164–183.

⁵⁴ См.: *Западов А. В.* Индия в русской литературе и журналистике XVIII века // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1956. Т. XV. Вып. 2. С. 110–121; *Гринцер П. А.* «Саконтала» Карамзина // полётролов. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М., 1998. С. 537–566.

⁵⁵ См.: *Горохова Р. М.* 1) Торквато Тассо в России XVIII века // Россия и Запад. С. 105–163; 2) Ариосто в России // Русская литература. 1974. № 4. С. 115–126; *Алексеев М. П.* Первое знакомство с Данте в России // *Алексеев М. П.* Сравнительное литературоведение. С. 193–196.

⁵⁶ См.: *Алексеев М. П.* Русская культура и романский мир. Л., 1985. С. 7–87.

⁵⁷ См.: *Шарыпкин Д. М.* Скандинавская литература в России. Л., 1980. С. 90–100.

⁵⁸ См.: *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики. М.; Л., 1950. С. 54.

П. Р. Заборов

Приложение 3

Иностранная литература в русских журналах XVIII века (Библиографический обзор)

Приступая к библиографическому обзору иностранной лит. в русских журналах XVIII в., необходимо уточнить значение ряда понятий применительно к тому контексту, в котором они будут далее употребляться. *Источником* будем называть конкретное издание (книгу, журнал, газету и др.), из которого заимствован материал (текст), публикуемый в русском журнале в виде точного пер. или какой-нибудь *трансформации* (вольное, свободное переложение, пересказ, компиляция, подражание и т. п.). Иначе говоря, источник — это издание, с которым работал над заимствуемым иностранным материалом сотрудник (корреспондент) или редактор журнала. В тех случаях, когда использованная книга, журнал, брошюра и пр. существовали в идентичных переизданиях и ни одно из них не может быть с определенностью выделено в качестве источника, этот термин относится условно в равной степени к каждому из них и ко всей их совокупности в хронологических рамках, нижняя (поздняя) граница которых устанавливается временем создания или выхода из печати русского текста.

Источник — конечное звено в последовательности состояний и превращений, через которые проходил иностранный текст на своем пути в русский журнал. Начальным звеном цепочки был печатный авторский текст, который будем называть *подлинником*, распространяя этот термин на все авторские изменения, редакции и не нарушающие авторской воли переиздания. Источник мог представлять

безвариантный (т. е. буквально совпадающий во всех изданиях) подлинник, один из вариантов подлинника (т. е. текст, претерпевший более позднее по сравнению с первым изданием авторское вмешательство) или некую трансформацию подлинника, каковой, кроме указанных выше, могло быть искаженное переиздание авторского текста и пер. на др. европейский язык, выступающий в качестве посредника. Во втором и третьем случаях появляется текст, отличный от первоизданного подлинника и требующий своего терминологического обозначения; его будем называть *оригиналом*.

Задача установления иностранных подлинников, оригиналов и источников русских журнальных публикаций XVIII в. — одна из самых насущных и самых сложных, без решения которой общая историко-литературная панорама этого массива печатной продукции той эпохи будет зиять огромными белыми пятнами, лишь местами слегка замаскированными. В настоящее время это, кажется, уже не подвергается сомнению, однако такое признание по ряду причин пришло с большой задержкой и при сильном противодействии. После кратковременной вспышки внимания к исследованиям подобного рода в кон. XIX — нач. XX в. (работы В. Ф. Солнцева и В. Ф. Лазурского) они были надолго оставлены, а во второй половине 1940–1950-х сформировалось и прочно укоренилось в сознании выросшего в то время поколения литературоведов представление о принципиальной допустимости рассматривать русские трансформации иностранных произведений в качестве лишь «фактов русской жизни», что создавало иллюзию возможности дать историко-литературную интерпретацию любой из них безотносительно подлинника и определить ее место в русском контексте, ничего не зная о происхождении соч. и его судьбе в др. странах, прежде чем оно достигло России. Эта концепция, рецидивы которой не изжиты поныне и долго будут давать о себе знать, проложила в научном мышлении глубокую пропасть между русским текстом иностранного происхождения и его подлинником, оригиналом, источником. Она стала индульгенцией, освобождающей от кропотливой черновой и не всегда кончающейся успехом подготовительной работы, навыки которой в отечественной науке почти отсутствовали и которая поэтому была особенно трудна. Конкретные применения этого методологического принципа засорили научную лит. множеством недоразумений, ошибок и нелепостей. Условия, при которых он был оспорен и доказательно опровергнут, появились лишь в 1960-е, и тогда в полемике с одной из его сторонниц было заявлено: «Конечно,

установление источников русских журнальных статей XVIII века — дело весьма трудное (хотя и не невозможное). Но это не основание для того, чтобы от него отказываться. Более того, пока это не будет сделано с достаточной мерой полноты, до тех пор наши исследования русской журналистики XVIII века будут лишены подлинной научной достоверности»¹. В 1960–1980-е в этой области были достигнуты весьма существенные успехи, однако та масса публикаций, в отношении которых еще предстоит совершить должные разыскания, много превосходит числом установленное, и к тому же введенные в научный оборот сведения об иностранных подлинниках, оригиналах и источниках ограничиваются преимущественно одним, реже двумя звеньями цепочки (обычно подлинником или / и оригиналом), а случаи, когда она прослежена от нач. и до кон., во всех подробностях, составляют пока еще относительно небольшую долю². Соответственно в предлагаемом обзоре неизбежна фрагментарность сведений и predeterminedены многочисленные большие лакуны.

В цепочке «подлинник — трансформация — оригинал — источник» самым трудным для определения звеном является обычно последнее, особенно конкретное издание, выступившее в этой роли. Как бы ни отличался конечный русский текст от подлинника, какие бы деформирующие и опосредующие трансформации ни прошел исходный авторский текст, как бы ни была слаба библиографическая база разысканий и как бы их ни затрудняли всевозможные привходящие обстоятельства (прежде всего лакуны в доступных исследователю библиотеках), настойчивость и упорство рано или поздно — иногда усилиями нескольких поколений ученых — дают искомый результат до оригинала включительно. В этих пределах задача теоретически представляется разрешимой для большинства опубликованных в XVIII в. русских текстов иностранного происхождения, допуская исключения лишь для случаев особо глубоких последовательных трансформаций подлинника, доводящих его на «выходе» цепочки до полной неузнаваемости.

Иначе обстоит дело с установлением источников.

Применительно к соч. больших жанров задача нахождения конкретного источника сплошь и рядом не имеет решения и к тому же для исследовательских целей далеко не всегда в нем нуждается. Действительно, при наличии нескольких изданий оригинала выделить то, которым пользовался русский литератор, возможно лишь в тех случаях, если существуют какие-нибудь мемуарные или др.

на него указания, либо текст в нем приобрел характерные индивидуальные признаки (например, купюры, смысловые опечатки и др.), отразившиеся в его русской версии. Когда же в процессе сопоставления всех изданий оригинала выясняется, что текст перепечатывался без изменений, выделение из них конкретного источника теряет, как правило, интерес для исследователя, приобретая сугубо вспомогательное значение.

С др. стороны, для соч. малых жанров, которыми преимущественно и наполнялись журналы, важно знать не только их авторов, подлинники, трансформации и оригиналы, но и окружение, в котором каждое из них дошло до переводчика и редактора, т. к. невозможно понять принципы отбора по составу лишь отобранного, а нужно сопоставление с тем, из чего производился выбор и что было по тем или иным причинам отвергнуто. Эту информацию дает источник (либо конкретный, либо существовавший в нескольких стереотипных переизданиях, из которых нет возможности опознать использованное русским литератором).

Решение эвристической задачи определения источника в рассматриваемом случае имеет свою специфику. Прежде чем попасть в русский журнал, иностранные статьи, заметки, повести, рассказы, стихотворения, анекдоты и др. проходили обычно сложный, зигзагообразный путь по страницам зарубежной периодической печати, антологий, учебных пособий и др., иногда самых неожиданных изданий. В процессе миграции часто возникали разные трансформации текста, и каждая из них оставалась, как правило, стабильной во всех ее многочисленных перепечатках. Таким образом, один и тот же вариант мог прийти в Россию в разных изданиях, которые, в свою очередь, могли стать источниками пер., вольных переложений, подражаний и т. п., отличающихся степенью верности оригиналу³. Поэтому для установления источников переводных соч. малых жанров недостаточно констатации того или иного (даже полного, буквального) соответствия русского текста иностранному; нужны специальные методики, которые учитывали бы др. разнообразные признаки, необходимые и в совокупности достаточные для надежной идентификации.

Переводная лит. всех родов, печатавшаяся в русских журналах, отражала в каждый хронологический период все характерные для него закономерности восприятия как целых пластов изящной словесности, научной, философской, религиозной, дидактической продукции др. народов, так и отдельных авторов либо сочинений. Существо

идеологических, творческих, нравственно-воспитательных и прочих соображений и критериев, через которые эти закономерности обретали реальность трудами переводчиков и редакторов, не затрагивалось выбором периодического (а не книжного) издания для продвижения к читателям отечественных версий иноязычных сочинений. Все, что в этом роде появлялось в журналах, органически принадлежало общей панораме развития переводной лит. Тем не менее периодические издания, служившие проводниками зарубежной мысли и художественного творчества в русскую читательскую среду, имели в XVIII в. некоторые специфические особенности, с течением времени, в следующем столетии, трансформировавшиеся или прекратившие существование под влиянием новых условий.

Издатели, редакторы, сотрудники, корреспонденты русских журналов предлагали вниманию своих читателей пер. и переработки тех иностранных соч., которые в силу каких-либо обстоятельств, складывавшихся из различных событий, движений, исканий национальной общественной жизни, обретали актуальность, широкую или окказиональную, устойчивую или мимолетную. Разнообразными были факторы, благодаря которым возникала и угасала актуальность всевозможных явлений переводной лит., но во всех случаях необходимость и своевременность каждого из них определялись комплексом иных представлений по сравнению с тем, что связывается с данными понятиями в наши дни.

Злободневная, событийная, хроникальная и литературная актуальность пер., которая подразумевала бы четко выраженное тяготение к новинкам зарубежной изящной словесности, публицистики, философской, научной и религиозной мысли, отличала немногие русские периодические издания XVIII в. Даже обе столичные газеты, по своему своему жанру предназначенные освещать текущие дела, откликались немедленно лишь на политические события, переводя из иностранной прессы по горячим следам сообщения корреспондентов, речи, манифесты и др. информационные материалы; пер. же другого, в частности художественно-литературного, характера появлялись, как правило, с немалым запозданием по отношению к подлиннику⁴ (например, выполненные Н. М. Карамзиным для отдела «Смесь» в «Московских ведомостях» — см.: *Кафанова* 1989. С. 330–331. № 90–115). Разумеется, в России очень внимательно следили за литературной продукцией Запада, но в русскую периодику она попадала, как правило, со значительным отставанием — от 10 лет и более. Понятие о журнале как

особом типе издания, призванном оперативно доводить до отечественного читателя все заслуживающее внимания, что выходило из печати в др. странах, формировалось в России постепенно, хотя начал им последовательно руководствоваться еще Г. Ф. Миллер в «Ежемесячных сочинениях, к пользе и увеселению служащих». Новинки читали в основном непосредственно на иностранных языках (преимущественно французском и немецком), а журналы повсеместно наполнялись произведениями более старыми, как «устоявшимися», занявшими в лит. определенное прочное место, так нередко и вышедшими уже из активного читательского оборота у себя на родине. Примечателен в этом отношении пример «Адской почты» (1769): в период работы над нею или в очень близкое время в руках Ф. А. Эмина побывали новейшие французские книги, но в основу своего журнала он взял полузабытые анонимные сатирические памфлеты неизвестного ему, по всей видимости, автора и нашел в них обильный материал, отвечавший его целям, поставленным русской жизнью кон. 1760-х (см.: *Рак* 1986; *Рак* 1998. С. 28–89). Точно так же Крылов обильно заимствовал для «Почты духов» (1789) из публицистических соч. маркиза д'Аржанса, вышедших еще в кон. 1730-х и за истекшие пять десятилетий утративших большую часть своей первоначальной острой злободневности (см.: *Разумовская*). Любопытная ситуация сложилась в Тобольске: сотрудники «Иртыша, превращающегося в Ипокрену» (1789–1791) переводили для него статьи из французского «Journal encyclopédique ou universel» за 1780–1785, хотя в городе, как известно из писем А. Н. Радищева к А. Р. Воронцову⁵, имелись выпуски за 1789 — октябрь 1790; даже в 1794, издавая уже «Библиотеку ученую, экономическую, нравоучительную, историческую и увеселительную в пользу и удовольствие всякого звания читателей», П. П. Сумароков обратился к «Journal encyclopédique ou universel» за 1783.

Перелом происходил медленно, на протяжении нескольких десятилетий. Уже в 1760-е в журналах появлялись эпизодически пер. с разрывом от первой публикации подлинника лишь в три–четыре года и даже менее. Приблизительно с кон. 1770-х это наблюдалось все чаще и чаще. Подобные свежие материалы печатались в «Санктпетербургском вестнике», «Модном ежемесячном издании», «Зеркале света», «Утренних часах», «Новых ежемесячных сочинениях», «Растущем винограде». Тенденция заполнять журнал новинками отчетливо видна в московских изданиях Н. М. Карамзина и В. С. Подшивалова, однако и в них старые, более пятилетней давности, соч. занимают

свыше половины объема — и подобное положение сохранялось еще долгие годы⁶.

Насмешка Чацкого над теми, кто «сужденья черпают из забытых газет», была бы в эпоху Просвещения невозможна. Просветительское представление о единстве человеческой природы во все времена и у всех народов сообщало одинаковую познавательную и воспитательную ценность наблюдениям над нею и выводам из этих наблюдений независимо от того, когда и где они были сделаны. Оно создавало потенциальные условия того, что старое соч. могло приобрести интерес и актуальность наряду с новейшими, оказавшись, с точки зрения переводчика и редактора журнала, в каких-то аспектах даже полезнее и удобнее последних для выполнения конкретных просветительских задач. На этой основе становилось возможным и воспринималось естественным соседство на страницах одного журнала произведений, отделенных одно от др. по времени написания десятилетиями, например: басни, переведенной из недавно вышедшего сборника Л.-С. Мерсье «Мой спальный колпак» («*Mon bonnet de nuit*», 1784–1786)⁷, и главы из французского сатирического романа кон. XVII в. (*Dufresny Ch. Amusemens sérieux et comiques, ou les Délassemens de l'esprit et du coeur*. 1699)⁸.

Потенциальные предпосылки, созданные генеральной философской концепцией, реализовывались в конкретных локальных и темпоральных обстоятельствах, создававших всевозможные актуализирующие факторы, которые побуждали русского литератора останавливать свой выбор на конкретном иностранном соч. и отдавать свой пер. в журнал для публикации. Таким фактором могло стать, например, переиздание подлинника, новый перевод на др. западноевропейский язык или перепечатка старого, включение подлинника или пер. в какой-нибудь сборник, антологию, хрестоматию, наконец, появление в одной из книжных лавок старого издания: то ли случайно обнаруженного залежавшимся где-то на полках или на складе и выставленного на видное место либо анонсированного в газете, то ли пришедшего из чьей-либо распроданной библиотеки, то ли попавшего на прилавок каким-нибудь иным путем. В далеком от столицы провинциальном городе или в дворянском поместье актуализирующим фактором могла быть скудость выбора иностранных книг, при которой лицо, занимавшееся пер., вынужденно приспособляло свои литературные упражнения к доступному кругу произведений. В подобном положении

находились сотрудники тобольского журнала «Иртыш, превращающийся в Ипокрену»: имея в своем распоряжении старые номера журнала «Mercure de France», они передавали их из рук в руки, пока не исчерпали полностью, переведя из них все, что через 20 лет после выхода еще сохраняло какое-нибудь художественное, познавательное или воспитательное значение. Если русский журнал издавался при учебном заведении, то актуализирующую функцию выполняло использование иностранного соч. (конкретного издания этого соч.) на занятиях в классе или для самостоятельных упражнений во внеучебное время; в этом случае мотивом публикации пер. могли быть не идеологические или литературные соображения редактора журнала, не художественные достоинства подлинника или пер., а необходимость поощрить ученика, добившегося больших по сравнению с одноклассниками успехов.

На основе таких представлений об актуальности формировалось отношение к печатной продукции. В частности, журнал издавался для долговременного активного пользования, предназначался для нескольких поколений читателей, предполагая даже возможность переиздания⁹. Соответственным был взгляд и на книги, выбиравшиеся в качестве источников переводных материалов. Если по своему содержанию и литературным достоинствам находящиеся в книге или периодическом издании художественные произведения, публицистические статьи, эссе либо ученые рассуждения казались русским литераторам достойными пер. и опубликования в журнале, то ни дата выхода книги (периодического издания), ни читательское назначение и характер, ни наличие ранее напечатанных пер. тех соч., которые включала эта книга (или периодическое издание), не были препятствием для того, чтобы взять из нее все, что было сочтено целесообразным. И словарь анекдотов, и хрестоматия для детского чтения, и цитатник были в этом аспекте совершенно равноправны, в глазах сотрудников, редакторов, издателей и читателей журнала, с самыми авторитетными, солидными книгами и периодическими изданиями.

Все эти обстоятельства существенно осложняли закономерную актуальность печатавшейся в журналах переводной лит., вытекавшую из основных условий общественной жизни и борьбы идей, множеством замысловато переплетенных между собой окказиональных, побочных факторов, которые в наше время, по прошествии двух-двух с половиною столетий, можно уловить лишь в тех случаях, когда установлен непосредственный источник пер.

Характерным для русской журналистики XVIII в. явлением были повторные, а нередко (особенно с учетом различных сб., антологий, хрестоматий) и многократные пер. одного и того же соч. Например, в восьми пер. был известен русскому читателю нравоучительный рассказ Ж.-Ф. Мармонтеля о крестьянине, спасшем во время разлива реки семейство, находившееся на готовом рухнуть мосту. Большое число повторных и многократных пер. было сделано из английской просветительской журналистики, в т. ч., например, семь — рассказа С. Джонсона об Обидаге и пустынноике, пять — «Видения мирзы» Дж. Аддисона¹⁰, четыре — его же рассуждения об употреблении времени, пять — рассказа Р. Стиля о двух великодушных врагах. Также пять раз (только в журналах) переводился рассказ Ж.-Ф. де Сен-Ламбера «Абенаки» («L'Abenaki»), четыре раза — его же притча «Нужно любить» («Le besoin d'aimer») и эссе аббата (позднее — кардинала) Ф.-И. де Берни «Размышления об удовольствиях сельской жизни» («Réflexions sur le goût de la campagne»), три раза — идиллия С. Геснера «Палемон» («Palemon»)¹¹. Нескольких (от трех до шести) пер. удостоились отдельные стихотворения А. фон Галлера (см.: *Drews*. S. 233–234. № 682).

Основные закономерности возникновения «переводной множественности», как предложено называть это явление, одинаковы во все эпохи и хронологические периоды¹². Одной из причин может стать потребность ввести в культурный оборот новый пер., чтобы вытеснить устаревший в контексте развития принципов переводческого искусства, не отвечающий изменившимся идеологическим и эстетическим критериям, иному звучанию самого произведения, приобретенному в ходе эволюции восприятия этого соч. либо всего творчества его автора или же лит., которую оно представляет. Может образоваться переводная множественность на почве неудовлетворенности пер. своих современников и даже более ранними собственными, полемики с ними на разных основаниях или соревнования с целью наиболее адекватной передачи иноязычного художественного текста. Одновременное появление нескольких пер. происходит и в тех ситуациях, когда разные люди спешат познакомить соотечественников с особо привлекающей внимание зарубежной новинкой. Возможны и др. причины, вызывающие сосуществование в узких временных пределах нескольких пер. одного и того же иностранного соч. В частности, многие повторные пер. коротких рассказов, заметок, анекдотов и др. мелких прозаических соч. в журналах и всевозможных сборниках

вызывались в XVIII в. к жизни неосведомленностью и отсутствием библиографической информации, или одновременностью выбора и работы, или намерением редактора журнала поощрить молодого человека, вступавшего на литературное поприще, или необходимостью либо ощущением внешней или внутренней потребности, чтобы иностранное соч. продолжало оставаться в поле зрения читателей, а перепечатывать старый пер. было по какой-либо причине нельзя (что естественно для журнала) или нерационально.

Одним из важных условий образования переводной множественности было функционирование произведений в составе учебных пособий и сборников для детского и юношеского чтения, переводившихся на русский язык полностью или выборочно. Подобные издания служили источниками обильного потока пер. в журналах, питавшегося трудами как учащейся молодежи, так и зрелых литераторов, искавших и находивших в такого рода книгах произведения, которые отвечали, как уже говорилось выше, серьезным просветительским целям и удовлетворяли читателей любого возраста.

Самыми примечательными и долговременными в этом отношении были, кажется, пособия для изучающих французский язык, составленные педагогом Давидом Этьеном Шоффеном: «Новая грамматика для дам и всех прочих, кто не знает латыни» (*Nouvelle grammaire à l'usage des dames, et des autres personnes qui ne savent pas de latin - Neue französische Grammatik zum Besten des Frauenzimmers, und anderer Personen die das Latein nicht verstehen*. Berlin, 1747. Т. 1–2; переиздания: 1755, 1776, 1782) и «Филологические развлечения» (*Amusemens philologiques; ou Mélange agréable de diverses pièces...* Halle, 1749–1761. Т. 1–3; многочисленные переиздания: 6 éd. 1785). По методическим правилам того времени в «Граматику» входил особым разделом материал для чтения — небольшие рассказы в жанре анекдотов, стихотворения, выдержки из нравоучительных трактатов, диалоги в царстве мертвых, письма французских авторов, признанные образцами эпистолярного стиля, и др.); а трехтомная хрестоматия включала несколько сотен небольших текстов разнообразного содержания. Уже в нач.–сер. 1750-х эти пособия проникли в Россию; в 1763 был издан отдельной книжкой первый пер. из них, а с марта 1769 различные выдержки из учебника и хрестоматии Шоффена появлялись время от времени в журналах («Поденщина», «Смесь», «Вечерняя заря», «Лечение от скуки и забот», «Растущий виноград», «Полезное упражнение юношества», «Новые ежемесячные сочинения», «Приятное

и полезное препровождение времени») и отдельными книжками на протяжении всего периода, пока «Грамматика» и «Филологические развлечения» находились в активном пользовании (оно продолжалось еще в нач. XIX в.)¹³.

Хрестоматия Шоффена была положена в основу изданного Сухопутным шляхетным корпусом аналогичного пособия под тем же заглавием и в том же количестве томов (*Amusemens philologiques, ou Mélange agréable de diverses pièces, concernant l'histoire des personnes célèbres, les événemens mémorables, les usages et les monumens des anciens, la morale, la mythologie, et l'histoire naturelle*. [St. Petersburg], 1776–1777. Т. 1–3). Под воздействием перемен, имевших место в литературном и культурном движении, ощущалась необходимость обновить содержание испытанного, но устаревшего пособия, которое, правда, и в прежнем виде продолжало функционировать и переиздавалось еще несколько десятилетий. Робкая попытка в этом направлении была сделана. Перепечатав почти целиком, за малыми исключениями, первый и выборочно, с большими пропусками, два др. тома оригинала, редактор петербургских «Филологических развлечений», следуя, очевидно, сложившемуся в учебной практике Сухопутного корпуса кругу материалов на французском языке для чтения и пер., включил в третий том ряд отсутствовавших у Шоффена статей и художественных произведений, среди них рассказы и притчи из сборника «Восточные басни» («*Fables orientales*», 1769) Ж.-Ф. де Сен-Ламбера, а также подборку заметок о пиратах. Позднее были изданы два дополнительных тома (*Suite des amusemens philologiques*. St. Petersburg, 1791–1792. Т. 1–2), в которых были перепечатаны материалы для чтения из «Новой грамматики» Шоффена; а затем петербургские «Amusemens» выходили еще дважды (Т. 1–4. 1794–1796; 2 éd. Т. 1–2. 1817). Пер. из этой антологии печатались в «Новых ежемесячных сочинениях» (см.: *Рак* 1995. С. 293, сноска 36).

Через пер., в т. ч. ученические, в журналах получили отражение и др. пособия, издававшиеся в России. Так, вскоре после выхода «Немецкой хрестоматии» М. Г. Гаврилова (*Deutsches Lesebuch zum Gebrauch der studierenden Jugend / Hrsg. von M. G. Moskau*, 1792) в «Новых ежемесячных сочинениях» были напечатаны три пер. из нее, выполненные 16-летним В. Г. Муратовым (см.: *Рак* 1995. С. 292, сноска 37). По наблюдению М. П. Алексеева, «ценным источником для профессиональных русских переводчиков, среди которых были и многие видные писатели Москвы и Петербурга», явилась издан-

ная В. С. Кряжевым хрестоматия «Избранные сочинения из лучших аглинских писателей прозою и стихами, для упражнения в чтении и переводе» (М., 1792)¹⁴. В частности, из этой книги, возможно, был переведен эстетический трактат Дж. Аддисона «О удовольствиях воображения»¹⁵.

В круг чтения изучавших иностранные языки включались и доступные зарубежные журналы. Например, в счете, представленном 3 апреля 1787 директором петербургской Учительской семинарии И. И. Кохом, значатся приобретенные для воспитанников «“Mannigfaltigkeiten”, ежемесячное сочинение, содержащее небольшие до физик<и>, истории и естественной истории сочинения, 1769–1784 год» и «“Unterhaltungen”, подобного содержания книги, 1784, 1785»¹⁶. В петербургской периодике пока выявлен (к тому же предположительно) лишь единичный пер. из этих журналов, но в московской они оставили заметный след. Неоднократное повторное обращение к их томам более чем 20-летней давности, не имевшим, на первый взгляд, явной насущной актуальности, могло быть вызвано как раз тем, что если не во всех, то по крайней мере в некоторых случаях ими пользовались в учебных целях как для упражнения в пер. с немецкого языка, так одновременно и для расширения кругозора в разных областях знания (см.: *Рак* 1995. С. 293–294, сноски 41–43). Это предположение тем более правомерно, что среди переводчиков были студенты Московского университета Степан Орлов (1787), ставший через год преподавателем немецкого этимологического класса в университетской гимназии, а также некто Д. Т.

Среди различных сборников для детского и отроческого чтения, служивших немаловажными источниками пер. в журналах, очень популярной была хрестоматия А. Беркена «Lectures pour les enfans». Содержавшая рассказы, притчи и анекдоты, написанные исконно для взрослых читателей, в т. ч. из журнала «Mercure de France», соч. Вольтера, Геснера, Летуэрнера, Мариво и др., она вышла в России за пределы детской лит. и приобрела более общее значение. Пер. из нее, легко опознаваемые по изменениям в заглавиях и в языке, а в отдельных произведениях и по сокращениям, которые производил Беркен, появились в «Санктпетербургском вестнике», «Уединенном пошехонце», «Утренних часах», «Приятном и полезном препровождении времени» (см.: *Рак* 1980. С. 112–114; *Рак* 1998. С. 185–188).

«Детская библиотека» немецкого педагога И. Г. Кампе (Kleine Kinderbibliothek. 1779–1784) обильно представлена, как и должно

было закономерно произойти, в «Детском чтении для сердца и разума» (см.: *Детское чтение*; *Drews*. № 451, 452, 460, 461, 492, 500, 506, 513, 534, 550, 581, 775, 790, 809, 810). Из нее же, вероятно, переводили несколькими годами позже для «Беседующего гражданина» И. П. Степанов и С. С. Пестов, остановившие свой выбор на вещах, с которыми уже познакомил русских читателей новиковский журнал (см.: *Пак* 1995. С. 294–295, сноски 45–46; *Drews*. № 460). Шесть пер., из которых пять принадлежали юной Е. И. Баскаковой, были напечатаны в «Иппокрене» (см.: *Drews*. № 466, 480, 499, 531, 535, 581, 861), по одному в «Утренних часах» (Там же. № 500) и «Чтении для вкуса, разума и чувствований» (см.: *Пак* 1993. № 27; *Drews*. № 581).

Большое число художественных произведений и статей различного содержания, извлеченных из др. иностранных детских изданий, печаталось в журналах московских сентименталистов. Например, в «Чтении для вкуса, разума и чувствований» появились, кроме указанной статьи из «Детской библиотеки» И. Г. Кампе, пер. из «Исторического магазина для сердца и разума» Г. К. Пфевфеля (*Magazin historique pour l'esprit et le coeur*. Strasbourg, 1764. Pt. 1–2; переиздания. То же на нем. яз.: *Historisches Magazin für den Verstand und das Herz*. Strassburg, 1764. Th. 1–2; переиздания) или какого-то сборника, содержавшего заимствования из него (см.: *Пак* 1993. № 58), «Подручной библиотеки для детей и юношества» Иоганна Дитриха Лейдинга (*Leyding J. D.*, 1721–1781. *Handbibliothek für Kinder und junge Leute*. Flensburg, 1769–1771) (см.: *Пак* 1993. № 124–128), «Собрания любопытных путешествий для юношества» И. Г. Кампе (*Sammlung merkwürdiger Reisebeschreibungen für die Jugend*, 1785–1793) (см.: *Пак* 1993. № 178, 223; *Drews*. № 580). Многие источники подобного рода остаются пока неустановленными.

Всевозможные иностранные сборники, включая учебные хрестоматии, сохраняли, видимо, свое место в формировании потока журнальной переводной лит. и в первые десятилетия XIX в. Русская периодика этого времени еще ожидает детального изучения под этим углом зрения, тем не менее уже имеющийся в распоряжении исследователей материал позволяет им сделать вывод о том, что нарисованная выше «общая картина существенно не изменилась, — менялись лишь источники, откуда компиляторы брали текст»¹⁷.

Очертив общие закономерности функционирования в русских журналах XVIII в. иностранных материалов и вопросы, связанные с установлением их подлинников, оригиналов и источников, можно перейти к рассмотрению накопленных в этой области сведений по отдельным журналам. В текстовом изложении обзор доходит до кон. 1769, далее наличествующие материалы представлены списком работ, опубликованных по данной теме.

«Примечания к ведомостям». Первый редактор академических журналов Г. Ф. Миллер был хорошо осведомлен о состоянии западноевропейской (немецкой, французской и английской) периодической печати и знал, если не все *de visu*, то, по крайней мере, по ссылкам, упоминаниям, отзывам и т. п., важнейшие и самые яркие издания этого рода, научные и литературные. В обращении к читателям «Примечаний к ведомостям», которым открывался первый номер за 1729, он назвал предшественниками своего новорожденного детища (имея в виду тип и форму издания, но не содержание) «моралические понедельные писма»: гамбургский «Der Patriot» (1724–1726), лейпцигские «Die vernünftigen Tadlerinnen» («Разумные порицательницы», у Миллера — «Хулительницы», 1725–1726) и «Der Biedermann» («Честный человек», 1727–1728), издававшиеся И. Х. Готшедом (Gottsched, 1700–1766), а также английский сатирико-нравоучительный листок Дж. Аддисона (Addison, 1672–1719) и Р. Стиля (Steele, 1672–1729) «The Spectator» («Зритель», у Миллера — «Аспектатор», 1711–1712, 1714), положивший нач. бурному развитию этого жанра во всей Европе и служивший непререкаемым авторитетом и совершенным образцом для всех многочисленных последователей. В 1731–1735 в «Примечаниях» были напечатаны 12 пер. из «The Spectator» и три из др. подобных листков тех же английских писателей — «The Tatler» («Болтун», 1709–1711) и «The Guardian» («Опекун», 1713)¹⁸. Оригиналы двух из этих пер. были определенно немецкие, возникшие при французском посредничестве, остальных — по всей вероятности тоже, но пока о них с уверенностью можно сказать лишь то, что «они ближе к французскому тексту, чем к английскому»¹⁹. Неясно также, что служило русским переводчикам источниками: комплектные ли немецкие пер. журналов Аддисона и Стиля или какие-то др. издания, содержавшие отдельные из них номера.

Помимо сведений об указанных выше ст., которые составляют лишь ничтожную часть материалов, опубликованных в «Примечаниях» за 13 лет их существования, известен подлинник переведенного сонета французского поэта Жака Валле де Барро (Des Vaugueux, 1602–1673), атеиста, который при малейшем недомогании обращал свои мысли к Богу и в один из таких моментов написал это свое знаменитое стихотворение, проникнутое религиозным чувством (см.: *Берков*. С. 66). В самих «Примечаниях» назван источник пер. из немецкого барочного поэта Бартольда Хинриха Брокеса (Brokes, 1680–1747) (см.: там же). В 1735 печатался (с указанием имени автора) пер. дидактического соч. французской писательницы Анны Терезы де Ламберт (Lambert, 1647–1733) «Avis d'une mère à son fils et à sa fille» («Совет матери сыну и дочери»; Paris, 1728; выдержки из письма к дочери были переведены в «Примечаниях», также с упоминанием автора, еще в 1732, они были присланы читателем, назвавшимся «Приятеlem юных», в качестве приложения к своему письму издателям журнала. Представлявший в российских условиях самую свежую новинку европейской лит., этот пер. был четверть века спустя переиздан отдельной книжкой (СК 3425). В 1741 была переведена и напечатана со вступительными пояснениями речь аббата Сен-Пьера (1658–1743) во Французской Академии на одну из живо обсуждавшихся в эпоху Просвещения тем «О разности великого человека и человека славного, знатного и сильного» («Discours sur le grand homme et l'homme illustre»; вероятный источник: *Saint-Pierre Ch.-I. Castel de. Ouvrages de morale et de politique*. Paris, 1740. Т. 14). Источниками большого числа заметок-комментариев, популярных статей научно-естественного, исторического, географического, гуманитарного и прочего содержания, описаний церемоний и торжеств, ряда стихотворений на официальные случаи были немецкие тексты, написанные Г. Ф. Миллером, академиками, Я. Я. Штелином и др. лицами, принимавшими участие в журнале. Огромный массив подобных материалов состоял не только из собственных работ этих сотрудников, но включал также пер. и рефераты трудов европейских авторов, выполненные из научных журналов, справочно-энциклопедических и др. разнообразных изданий²⁰. Библиографическая разработка этого вопроса давно ждет энтузиастов, которые бы ею занялись.

«Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих»²¹. Высказывая в письме к И. И. Шувалову от 3 января 1754 пожелание, чтобы «в Академии начались подобные <“Примечаниям к ведомостям”> периодические сочинения», М. В. Ломоносов предложил издавать этот новый журнал, в отличие от предыдущего, «не на таких бумажках по одному листу, но повсямесячно или по всякую четверть или треть года, дабы одна или две-три материи содержались в книжке и в меньшем формате, чему много имеем примеров в Европе, а из которых лучшим последовать или бы свой, применясь, выбрать можно»²². Ориентирование на западноевропейские образцы подразумевало, конечно, не только периодичность и полиграфическое оформление издания.

В первом номере (январь 1755) Г. Ф. Миллер назвал «иностранные журналы, равного с нашим намерения», обнаружив и на этот раз такую же хорошую осведомленность в делах европейской научной и литературной периодической печати. Ряд изданий, упомянутых в этом обширном перечне, явился источником статей в ЕС.

По наблюдению П. Н. Беркова, «в основном (в особенности в последние годы) “Ежемесячные сочинения” заполнялись переводными материалами, как по отделу наук, так и литературы» (Берков. С. 87). Список представленных в журнале иностранных авторов, древних, новых и новейших, писателей и ученых, внушительен как по составу имен, так и по их количеству²³. При этом отчетливо прослеживается намерение редакции регулярно знакомить читателей не только с последними достижениями европейской науки, что для академического журнала европейского класса было непременно и обязательным²⁴, тем более в отделе «Известия о ученых делах», но также с яркими, приобретшими широкую известность и вызвавшими сильный резонанс в предшествующие годы произведениями художественной лит. и соч. гуманитарного, философского, дидактического и т. п. содержания. При скудости российской печатной продукции в этих областях за первую половину XVIII в. отставание пер. от подлинника даже на 10–15 лет не мешало его восприятию как необходимого восполнения

лакуны в знакомстве русских людей с западноевропейскими новинками. В таком качестве печатался, например, с января по июнь 1759 пер. вольтеровского «Задига», вышедшего первым изданием в 1747; однако предшествовавшие ему пер. «Мемнона» (апрель 1756) и «Микромегаса» (январь 1756) появились с запозданием относительно подлинников лишь на (соответственно) 6 лет и 4 года. С малым, четырехлетним же отставанием был напечатан в мае 1755 первый в России пер. из № 102 (1751. March 9) нравоучительного журнала английского писателя Сэмюэла Джонсона (Johnson, 1709–1784) «The Rambler» («Скиталец»; 1751). В журнале содержатся и др. подобные примеры. Самую же быструю оперативность Г. Ф. Миллер проявил, когда поспешил удовлетворить свежей переводной статьей о землетрясениях²⁵ огромный интерес в обществе к этим природным явлениям, порожденный разрушением Лиссабона 1 ноября 1755, которое испугало и взволновало всю Европу, вызвав волну его осмысления в естественнонаучном, философском и религиозном планах. Вместе с тем, параллельно этой четкой ориентации на новейшие произведения европейской мысли и художественного творчества, в ЕС отводилось большое место соч., которые из этой категории уже вышли, будучи опубликованы в первые десятилетия XVIII в. и в предыдущем столетии (не говоря уже об античных), но в силу тех или иных обстоятельств и причин, общих и частных, окказиональных, оставались в активном читательском и зависевшем от него издательском обороте за рубежом. Эта их долговременная актуальность закономерно диктовала редактору и переводчикам ЕС мнение об их непреходящей общепросветительской, литературной, эстетической ценности с вытекавшим из этого желанием представить их на русском языке.

Как и полагалось научному, тем более академическому журналу, в тех случаях, когда переводчик знал, кому принадлежит переводимая статья, в ЕС указывалась фамилия автора; если соч. было анонимным, сообщалось его заглавие или название, чаще в русском пер., иностранного журнала, послужившего источником. При таком порядке, который, впрочем, отнюдь не всегда соблюдался, читатель ЕС получал, казалось бы, содержательную и достаточную информацию о том, что предлагалось его вниманию. По-видимому, человеку XVIII в. большего не требовалось; однако по прошествии двух с половиною столетий эти сведения оказываются недостаточными, особенно для научных целей, и вызывают, как правило, разные вопросы, требующие подчас непростых разысканий: не установлено ли авторство анонимного соч.? в каком номере

иностранный журнал и каком окружении находится переведенная ст.? была ли эта публикация первичной или перепечаткой, подлинником или оригиналом-посредником? какой раздел (фрагмент) извлечен из того или иного труда и помещен в ЕС в виде статьи? сделана ли эта выборка переводчиком или редактором ЕС либо где-то ими обнаружена и отсюда заимствована? каково в подлиннике название, переданное на русском языке очень неопределенно или даже причудливо? и др. Наиболее подробно (хотя и далеко не исчерпывающе) сведения об авторстве, подлинниках, оригиналах и источниках пер., напечатанных в ЕС, проработаны библиографически применительно к статьям английского и немецкого происхождения, преимущественно литературного (в понятиях XVIII в.) и общепознавательного, научно-популярного содержания; много скуднее сведения о французских материалах, они известны в основном о соч. самых выдающихся, знаменитых писателей и ученых²⁶.

Академический журнал должен был, казалось бы, проявлять особо пристальное внимание к периодическим и продолжающимся изданиям европейских академий и ученых обществ, однако дело обстояло иначе. Только на четвертом году существования ЕС появилась из них первая ст. с пометой: «Читай Комментарии Парижской Академии наук на 1738 год, на стран. 241 и на последующих»²⁷. Более этот авторитетный ученый журнал на страницах ЕС не фигурировал. Вторая, отделенная от этой полугодовым интервалом, была взята из «Philosophical Transactions of the Royal Society of London» («Философские труды Королевского Лондонского общества», 1665–1886)²⁸, но и в этом солидном научном органе для ЕС отобрана еще лишь одна ст.²⁹, при том что между Академией наук и Королевским обществом были установлены контакты, в организацию которых внес первоначальную лепту Г. Ф. Миллер³⁰. Положение изменилось в 1760, когда с апрельского номера в ЕС вырвался поток пер. из «Сочинений Шведской Академии наук» («Swenska wetenskaps academiens handlingar», 1739–1779). С этого времени и по сентябрь 1764 было напечатано 25 заимствованных из них ст. Самая первая имела непосредственное отношение к гуманитарным знаниям³¹, еще три касались их, по крайней мере, какой-то стороной³², все прочие были посвящены сугубо естествонаучным и практическим, «экономическим» («домостроительным»), предметам, как-то: «способу калить сталь для всякого употребления» (1760. Май), «натуральной истории вообще» (1760. Июнь), «виду и величине земли» (1760. Август), барометру и термометру (1760. Октябрь), «опыту, как высиживать цыплят в печи» (1760. Ноябрь), «барбарисовым деревьям, или кустам, которых плоды великую пользу в домостроительстве приносят за

малые деньги в рассуждении тех, которые из государства за лимоны и лимонный сок выходят» (1761. Январь), «строению деревянных домов» (1761. Апрель, май), приливам и отливам (1761. Июль, август), северному сиянию (1761. Октябрь; 1763. Сентябрь, ноябрь), строению погребов (1762. Февраль), «теории движения Юпитеровых спутников» (1763. Январь) и др.³³.

Шведские «Сочинения» явились среди изданий европейских научных обществ единственным столь обильным для ЕС источником пер. Кроме упомянутых выше парижских «Комментариев» и лондонских «Философических трудов», только в нескольких др. и в немногом числе были найдены материалы, с которыми сотрудники ЕС сочли полезным и необходимым познакомить своих читателей: два — в венецианском журнале «*Raccolta d'opuscoli scientifici e filologici*» («Собрание научных и филологических статей», 1728–1757)³⁴, два — из «Комментариев Бононской академии» («*De Bononiensi scientiarum et artium Instituto atque academia commentarii*», 1731–1791)³⁵, по одному — из «Сочинений» цюрихского Физического собрания (*Physikalische Gesellschaft zu Zürich*)³⁶ и «Астрономического Парижского календаря»³⁷.

Это малое использование ученой периодики было вызвано редакционной политикой ЕС, которые были основаны как журнал для широкого (в понятиях XVIII в. применительно к России) круга разных читателей, предлагающий им статьи научно-популярного характера и полезного прикладного содержания. «Сочинения» Шведской Академии наук удовлетворяли этим требованиям, и потому к ним обращались столь часто; подобные издания др. европейских ученых обществ этим условиям, видимо, не отвечали, а потому оставлялись для чтения в подлиннике теми, кому они предназначались — людям высокого образования, посвятившим себя науке или ею квалифицированно интересовавшимся. Источниками переводных ст. для ЕС избирались прежде всего и по необходимости журналы «равного намерения», в списке которых, составленном Г. Ф. Миллером, не значилось, к слову сказать, ни одного, выпускавшегося учеными «собраниями» и академиями. Характерно, что некоторые из докладов, прочитанных в ученых собраниях Европы (в т. ч. в лондонском Королевском обществе и римской *Academia degli Arcadi*), пришли в ЕС через посредство именно научно-популярного немецкого журнала (см. сноску 60).

Список немецких периодических изданий «равного намерения» с ЕС самый обширный³⁸. Он включает 34 названия (из общего количества 47), и если бы исследователи дали себе труд просмотреть эти журналы в сопоставлении с ЕС, то, без сомнения, в росписи содержания последнего появились бы сведения о подлинниках, оригиналах и источниках

большого числа ст., относительно которых сейчас известно лишь то, что они переводные. В частности, следовало бы проверить, не служил ли источником хотя бы некоторых «экономических» статей, заявленных переведенными со шведского языка, журнал, названный Г. Ф. Миллером в списке «Стокгольмским магазином, начатым печатанием в 1754 году, на немецком языке»³⁹. С др. стороны, в перечне фигурируют издания, к которым переводчики ЕС реально не обращались, и в то же время отсутствуют некоторые, ими использовавшиеся.

К настоящему времени библиографические разыскания проводились, как уже отмечалось, лишь в отношении ст. гуманитарного содержания и художественных произведений. Наибольшее число уточненных таким образом пер. в этих отделах ЕС было выполнено из выходявшего в г. Грейфсвальде (Greifswald) еженедельного листка «Beyträge zum Nutzen und Vergnügen» («Сочинения в пользу и удовольствие», 1753–1757). Располагая двумя томами за 1753–1754, сотрудники ЕС обратились к ним, вероятно, в кон. 1758 и с тех пор в течение более трех лет постоянно держали в поле зрения, публикуя регулярно по 3–4 пер. в год и отдавая преимущество второму. Выбирались статьи моралистического содержания⁴⁰. Вниманием ЕС пользовался и ставший к 1750-м уже классическим и образцовым, наряду с «The Spectator», в своем жанре нравоучительный гамбургский листок «Der Patriot» (см. с. 329), откуда в разное время, с большими разрывами и разными лицами были переведены, полностью или частично, восемь номеров (*Drewns.* № 517)⁴¹. Третьим по количеству заимствованных из него статей был литературно-моралистический еженедельник «Der Freund» («Друг», 1754–1756): из 78 вышедших за 3 года его номеров в ЕС попали семь (*Drewns.* № 472)⁴². Печатавшиеся в 1743–1744 в составе лейпцигских «Увеселений ума и остроумия» («Belustigungen des Verstandes und des Witzes», 1741–1745)⁴³ полемические «листки» Карла Христиана Гертнера (Gärtner, 1712–1791) «Der Autor» («Автор»), родившиеся в обстановке споров, на этом этапе существования журнала, учеников и последователей И. Х. Готшеда с «швейцарцами», противниками его ригористического классицизма, явились удобною основой для ответа И. П. Елагина в форме свободного пер., насыщенного «применениями» к русской литературной жизни, на «рассуждение» Г. Н. Теплова «О качествах стихотворца»⁴⁴. В отечественном литературоведении «полупамфлет», как его принято называть, Елагина традиционно рассматривается в полном отрыве от контекста литературной борьбы в Германии, отразившейся в его субстрате⁴⁵; между тем внимательный

сопоставительный анализ механизма приспособления рассыпанных в немецком тексте намеков и выпадов к российским литературным реалиям мог бы, по всей видимости, существенно подкорректировать как объяснения частных деталей ст. Елагина, так и ее общую интерпретацию. Два др. пер. Елагина: «Сказка» (1756. Январь; заглавие подлинника «Icus») Готлиба Вильгельма Рабенера (Rabener, 1714–1771) и «Аллегория о противуречиях в любви» (1756. Февраль) Иоганна Иоахима Крейцберга (Kreuzberg) — также восходят к «Belustigungen...» за 1742 (*Drews*. № 798, 740). В томах же за 1743 А. П. Сумароков выбрал стихотворение Х. Ф. Геллерта (Gellert, 1715–1769) «Die Liebenswürdige»⁴⁶. Еще раз академический журнал обратился к «Belustigungen...» почти через девять лет, напечатав за месяц до своего закрытия пер. произведения Иоганна Элиаса Шлегеля (Schlegel, 1719–1749) в жанре «разговора в царстве мертвых», содержащегося в первом томе (1741) лейпцигского ежемесячника⁴⁷.

В списке «журналов равного с нами намерения» за «Увеселениями разума» следуют «Бременские сочинения для увеселения разума в 1744 году 4 тома». Название «Bremer Beiträge» современники употребляли по отношению к издававшемуся в Бремене «младшими готшедианцами», отошедшими в 1744 вследствие разногласий от «Belustigungen...», журналу «Neue Beyträge zum Vergnügen des Verstandes und Witzes» (1744–1750)⁴⁸. Четыре ст. из т. 5 образовали подборку в апрельской книжке ЕС за 1760.⁴⁹ Активным источником «домостроительных», нравоучительных и др. ст. служил журнал, упомянутый Г. Ф. Миллером в списке под названием «Ганноверские показания», а при пер. обозначавшийся как «Ганноверские ученые сочинения» и «Ганноверские ученые известия» («Hannoversche gelehrte Anzeigen», 1750–1754); следили переводчики ЕС и за его продолжениями, выходившими под названиями «Nützliche Sammlungen» («Полезные собрания», 1755–1758) и «Hannoversche Beiträge zum Nutzen und Vergnügen» («Ганноверские сочинения в пользу и удовольствие», 1759–1763)⁵⁰. В частности, напечатанный в этом журнале (1759. № 70) под заглавием «Патриотические призывы к немцам сильнее уважать собственную нацию» («Patriotische Ermunterungen an die Deutschen ihre eigene Nation mehr zu achten») отрывок из предисловия швейцарского поэта и ученого Альбрехта фон Галлера (Haller, 1708–1777) к книге А. И. Рёзеля фон Розенгофа (Rösel von Rosenhof, 1705–1759) «Естественная история лягушек» («Historia naturalis ranarum», 1758) стал предположительно основой появившегося в ЕС «Перевода с немецкого первого разговору между юношею

российским, старающимся подражать людям и поведением французским, и между некоторым приезжим, остроумным и ученым швейцаром» (1761. Март)⁵¹. Нескольким литературным и моралистическим журналам явились источниками одиночных пер.: «Der Pilgrim» (1743–1744)⁵², «Gesellschaftliche Erzählungen für die Liebhaber der Naturlehre, der Haushaltungswissenschaft, der Arzeney-Kunst und der Sitten» (Th. 1–4. St. 1–104. Hamburg, 1753–1754)⁵³, «Hamburgische Beiträge zu den Werken des Witzes und der Sittenlehre» (1753–1754)⁵⁴, «Der Bewunderer» («Почитатель», 1741–1742)⁵⁵, «Der Einsiedler» («Отшельник», 1740–1741; 2. Aufl. 1757)⁵⁶, «Sammlung juristisch-, philosophisch- und critischer Abhandlungen» («Собрание юридических, философских и критических статей», 1742–1747)⁵⁷, еженедельный листок «Die Welt»⁵⁸, из которого ранее переводились ст. для «Праздного времени в пользу употребленного» (см. сноску 140). С кон. 1758 и до нач. 1760 источником «экономических» и домостроительных ст. часто служил издававшийся в Штутгарте «Phisikalisch-oekonomische Wochenschrift» (1755–1756; в ЕС название: «Студгардские физико-экономические еженедельные сочинения»)⁵⁹. Эпизодически выбирались материалы из ряда др. научных и научно-популярных журналов, как-то: «Hamburgisches Magazin» («Гамбургский журнал»)⁶⁰, «Dressdnische Gelehrte Anzeigen» («Дрезденские ученые ведомости», 1749–1801; в списке Г. Ф. Миллера: «Дрезденские показания»)⁶¹, гамбургский «Der physikalische und ökonomische Patriot» («Физический и экономический патриот», 1756–1758)⁶². Когда полезная в практическом отношении ст. попала на глаза в газете, она сразу же получила место в ЕС⁶³.

Представленное выше обозрение немецких журнальных источников ЕС, беглое и по необходимости заведомо еще неполное, убедительно показывает широкое и основательное знакомство в России, по крайней мере в столице, в сер. XVIII в. с германской литературной, моралистической и ученой периодикой 1740-х — сер. 1750-х и непрерывное внимание к новейшим явлениям в этой области. В то же время переводчики ЕС пользовались и книжными изданиями соч. разных немецких писателей, проявляя временами такую же оперативность. Едва в Германии вышли «Снь» («Träume», 1754) Иоганна Готлоба Крюгера (Krüger, 1715–1759), как А. А. Нартов познакомил соотечественников с двумя главами (18–19) этого соч.⁶⁴ Огромный успех в Германии и в др. странах Европы сатирических произведений Г. В. Рабенера, печатавшего их первоначально в «Belustigungen...» и «Bremer Beiträge», а в 1751–1755 издавшего их в четырех томах, что сильно способствовало этой популярности⁶⁵, побудил

опять же Нартова перевести одну из включенного в них собр. «пословиц» («Antons Panfa von Mancha Abhandlungen von Sprichwörten») ⁶⁶. Через несколько месяцев академический журнал предложил читателям две главы (28 и 34) из первого тома «Нравоучительных мыслей» («Moralische Gedanken», 1754–1758) Христиана Вильгельма Ёмлера (Oemler, 1728–1802) ⁶⁷, а еще годом с лишним позже большую выборку из первого тома «Собрания мелких сочинений» («Gesammelte kleine Schriften», 1749–1752) Иоганна Михеля фон Лоэна (Loën, 1694–1776), длившуюся печатанием с перерывами несколько лет ⁶⁸. Я. Измайлов перевел несколько разделов из педагогического трактата о воспитании детей ⁶⁹; в одном номере с первой из этих ст. была помещена в пер. Г. И. Полетики речь на педагогическую же тему, произнесенная немецким монахом Паулином из монастыря св. Иосифа ⁷⁰. Автор «Увещания умирающего отца к сыну» (1756. Апрель) был, возможно, знаком с анонимной дидактической брошюрой «Христианин на смертном одре, или Последние увещания умирающего отца своему единственному сыну» (Der Christ auf dem Tod-Bette, oder letzte Ermahnungen eines sterbenden Vaters an seinen einzigen Sohn: Wegen Seltenheit solcher Beyspiele in unsern Tagen durch den Druck gemein gemacht, und mit nützlichen Anmerkungen versehen. Frankfurt; Leipzig, 1752) ⁷¹. Это предположение подсказывают совпадение заглавий и отдельные текстуальные параллели; последние в общем незначительные, и ст. в ЕС была фактически самостоятельной, в ряде мест она имела смысл противоположный немецкому соч. Источником ст. о вулкане Везувии послужили путевые очерки в форме писем Иоганна Георга Кейслера (Keyssler, 1688–1743) «Neueste Reisen durch Deutschland, Böhmen, Ungarn, die Schweiz, Italien und Lothringen...» (Hannover, 1740; 2. Aufl. 1751. Т. 1–2; переизд.) ⁷².

Ст. и очерки (общим числом 49) из английских периодических изданий образуют в ЕС массив из 43 публикаций ⁷³, в котором на протяжении трех первых лет не прослеживается определенного интереса к какому-либо из них (до декабря 1757 включительно пять sporadически публиковавшихся пер. из четырех журналов) и лишь затем обозначается внимание к «The Universal Magazine» («Всеобщий журнал», в ЕС — «Универсальный Магазин») ⁷⁴, выразившееся пятью статьями из него за сравнительно короткий промежуток (август и сентябрь 1758, март и ноябрь 1759, февраль 1760).

Половина материалов английского происхождения взята из «The Spectator», причем все 24 выбранных листка были переложены

на русский язык с немецкого пер. «Der Zuschauer» (1739–1743) (Левин. С. 13, 33). В девяти томах ЕС за 1755 — первую половину 1759 был напечатан лишь один очерк из т. 2 (№ 159, пер. Г. А. Козицкий; ЕС. 1757. Апрель), а систематическую работу с немецким оригиналом-посредником по целенаправленному отбору материалов академический сотрудник В. И. Лебедев, которому принадлежало «наибольшее число переводов статей из английских журналов» (Левин. С. 33), начал, по-видимому, лишь во второй половине 1759. По какой-то причине первые четыре тома он первоначально не использовал, и публикации начались в октябрьской книжке с двух из последних номеров пятого тома (№ 392, 391)⁷⁵. Следующие четыре тома⁷⁶ читались, судя по распределению в ЕС пер. из них, один за др., номер за номером. Когда был достигнут конец «девятого»⁷⁷ (публикации пер. из «The Spectator» остановились в феврале 1762), таким же образом были пройдены оба тома «The Guardian» (также в немецком пер.) и результатом явилась подборка из пяти ст., печатавшихся в 1762 с мая по август⁷⁸. После этого пришла очередь первого тома «The Tatler»⁷⁹ и параллельно с ним первого же тома «The Spectator». Работать предполагалось, вероятно, так же систематически, как и раньше⁸⁰, однако вмешались, по-видимому, какие-то привходящие обстоятельства, так что после публикации, сразу же по окончании подборки из «The Guardian», по одному пер. из этих томов (сентябрь и ноябрь 1762) наступил годичный перерыв⁸¹, а потом, на исходе ЕС (в декабре 1763, январе и марте 1764) были помещены еще лишь три пер.: по одному из каждого журнала Аддисона и Стиля. Суммарное число листков (номеров), которые на основании реконструкции переводческого труда можно с уверенностью считать последовательно и целенаправленно прочитанными или по крайней мере просмотренными, составляет 588 (657, если учесть весь пятый том «The Spectator»). Пер. в этом процессе удостоился лишь 31 (5,3 или 4,7%), чему должны были быть, наверное, разные причины, среди которых немаловажную роль, как допустимо предположить, играли определенность критериев отбора и намерение редактора представить в академическом журнале возможно более широкий круг западноевропейских печатных источников.

Правоучительный листок «The Rambler», из которого были выбраны и одновременно опубликованы пять ст. (Левин. С. 78–79. № 16, 18, 24, 46)⁸², был известен сотрудникам ЕС в немецком пер.⁸³ Через посредствующие пер. пришли в ЕС и некоторые (если не все) ст. из английских ежемесячных журналов. Так, «The Gentleman's Magazine»

(«Журнал для дворянина»), хотя и был упомянут Миллером во вступительной информационной заметке об «иностранных журналах равного с нами намерения» («Магазин для дворянства с 1731 поныне»), на самом деле не входил в число известных сотрудникам ЕС de visu, а единственная из него статья была ими замечена в первом томе немецкого издания «Gesellschaftliche Erzählungen» (см. с. 337), что было указано в подзаголовке русской публикации (*Левин*. С. 28, сноска 67; с. 79. № 37)⁸⁴. Ст. из «The Universal Magazine» и «The General Magazine» («Общий журнал», в ЕС: «Генеральный Аглинский Магазин», «Общий Магазин Аглинский») обозначены как взятые непосредственно из самих журналов. Однако имеющее отсылку к «Универсальному Магазину» «Уведомление о растении пшеницы сарачинского» (декабрь 1761) было переведено А. А. Нартовым, не владевшим английским языком⁸⁵; не объявлялся посредствующий источник, а назывался только подлинник и в подзаголовках очерков из сатирико-нравоучительных журналов Аддисона и Стиля. Поэтому все указания на «The Universal Magazine» и «The General Magazine» нуждаются в тщательной проверке с целью либо подтвердить, что в работе у сотрудника ЕС находился сам английский журнал, либо установить действительный источник. Французский или немецкий пер. служил С. А. Порошину источником его вольной обработки статьи о музыке из английского журнала «The Universal Spectator, and Weekly Journal» («Всеобщий Зритель и Ежедневная газета», 1728–1746)⁸⁶. М. М. Щербатов, переведший, согласно помете в ЕС, «из Истории универсальной, сочиненной в Англии собранием ученых людей. Том IV. Стран. 8, 9, 17, 18, 524» выдержки, объединенные им в одну ст.⁸⁷, ознакомился с этим грандиозным трудом, потребовавшим трех десятилетий работы большого коллектива британских историков, по немецкому пер., о чем говорит приведенное им заглавие⁸⁸. Если в этом случае вопрос об источнике решается легко и однозначно, то применительно к ст., напечатанной в ЕС под заглавием «The British Merchant, т. е. Англинской купец» (1756. Март, апрель), приведенное в подлиннике название может вводить в заблуждение, поскольку русский перевод мог быть выполнен (что требует проверки сравнением текстов) с французского оригинала-посредника, где оно было воспроизведено в заглавии и откуда в этом случае перешло в русский журнал⁸⁹. С французского языка мог быть переведен и памфлет Томаса Калпепера (Culpeper, 1578–1662) против ростовщичества («A Tract against Usurie: Presented to the High Court of Parliament»,

1621), неоднократно переиздававшийся в подлиннике за истекшие со времени его выхода 130 лет, в т. ч. в 1740 (?) и 1751 и включенный во французское собрание трактатов английского экономиста Джона Чайлда (1631–1699)⁹⁰.

К числу французских и франкоязычных писателей и ученых (Вольтер, Н. Буало, Ж.-Л. Бюффон, Ж. Д'Аламбер и др.), названных в упоминавшемся выше репрезентативном списке (СК. Т. 4. С. 131) иностранных авторов, чьи соч. представлены в ЕС⁹¹, следует добавить не включенных в него прозаиков: иезуита, проповедника, ревнителя чистоты французского языка и вкуса Доминика Бугура (1628–1702)⁹², шотландца Эндрю Майкла Рамзая (Ramsay, 1686–1743)⁹³, Жакоба Верне (Vernet, 1698–1789), из «Сократических разговоров» которого (Dialogues socratiques, ou Instructions sur divers sujets de morale. Paris, 1746) были выбраны для ЕС первый и второй⁹⁴, Бернара Ле Бовье де Фонтенеля (Fontenelle, 1657–1757)⁹⁵, аббата Никола Жедуана (Gédoyn, 1667–1744) — писателя, переводчика, проповедника⁹⁶. Поэзия представлена сонетом де Барро, уже переведившимся в «Примечаниях к ведомостям» (см. с. 330), отдельными стихотворениями и отрывками Марка Антуана Мюре (Muret, 1526–1585), писавшего на латыни, Никола Буало, Антуанетты Дезульер (Deshoulières, 1637–1694), Жана Расина, Фонтенеля, короля прусского Фридриха II (1712–1786)⁹⁷. Появление в журнале каждого пер. из французских поэтов находит объяснение в литературных интересах, занятиях, взаимоотношениях, спорах и др. обстоятельствах жизни и творчества трудившихся над ними русских писателей (главным образом А. П. Сумарокова и А. И. Дубровского), но картина этого мощного слоя французской лит. создается лишь фрагментарная, никакой систематической программы в этой области ЕС не имели. Французских периодических изданий «равного намерения» Г. Ф. Миллер отметил только четыре, причем лишь два из них («Меркурий Французской, прежде называемой Меркурий Галант, в Париже с 1677 издается помесечно», «Журнал Экономической в Париже с 1751 году») были собственно таковыми, а два остальных издавались в др. странах («Пчела с Парнасса в Берлине в 1750 и 1751 году в 2 томах», «Меркурий Дацкой в Копенгагене с 1753 году сочинения господина Маллета»). «Mercure de France», один из старейших, самых долговечных (1672–1820) и самых известных в Европе журналов, не интересовал переводчиков ЕС ни помещавшимися в нем литературными произведениями, ни историческими, гуманитарными и т. п. ст.; из него были взяты одна заметка, касающаяся практической стороны жизни⁹⁸, и завершившие издание ЕС письма, которыми обмена-

лись анонимный французский корреспондент с И. И. Бецким по случаю основания Московского Воспитательного дома⁹⁹. Скучно были использованы десять томов еженедельной «Парнасской пчелы» («L'abeille du Parnasse», 1750–1754)¹⁰⁰. «Journal économique»¹⁰¹ дал несколько статей соответствующего содержания, и при каждой имелась на него ссылка. Круг французской литературной и ученой прессы, находившейся у сотрудников ЕС в обращении, не ограничивался этими журналами. Не прошли, например, мимо их внимания: «Le nouveau magasin françois ou Bibliothèque instructive et amusante» («Новый французский журнал или Назидательная и развлекательная библиотека», 1750–1752, 1755), который издавала в Лондоне Мари Лепренс де Бомон (Leprince de Beaumont, 1711–1780)¹⁰²; «Journal étranger» («Иностраннный журнал», 1754–1762), откуда Г. В. Козицкий перевел рецензию на выполненный А. Долгоруким французский пер. трагедии А. П. Сумарокова «Синав и Трувор», изданный в Петербурге в 1751¹⁰³. Подборкой были напечатаны три ст. из первого тома «Nouveau Spectateur François» («Новый Французский Зритель», 1725–1726), выпускавшегося в Голландии журналистом Юстусом ван Эффеном (Effen, 1684–1735)¹⁰⁴.

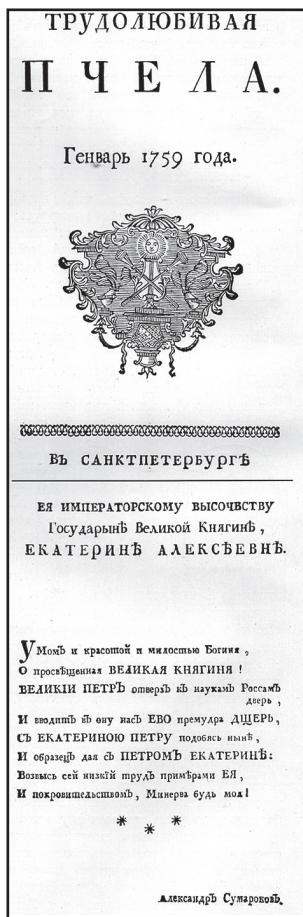
Др. лит. были представлены в ЕС главным образом выдержками из моралистических соч. графа Оксеншерны (Oxenstierna, 1666–1733) и Людвиг Гольберга (Holberg, 1684–1754) — шведского франкоязычного и датского писателей, чья общеевропейская известность достигла к этому времени России, где его соч., в частности, вошли в круг чтения кадетов Сухопутного шляхетного корпуса, сотрудничавших в академическом журнале¹⁰⁵.

В ЕС началась переводческая деятельность китаистов И. К. Россохина¹⁰⁶ и А. Л. Леонтьева¹⁰⁷.

Источники, по которым составлялся в своей иностранной части введенный с 1763 отдел «Известия о ученых делах», не выявлены. Примечательно, что с самого нач. Г. Ф. Миллер сделал попытку установить координацию между сообщениями о выходящих на Западе книгах и содержанием очередных номеров ЕС. Так, в январе 1763 журнал известил о подготовке к изданию собр. соч. епископа Валентина-Эспри Флешье (Fléchier, 1632–1710), прославившегося, в частности, как оратор своими «похвальными» речами, из которых посвященная маршалу Тюренну (Turenne, 1611–1675) была признана образцовой в этом жанре. Упомянутая в этом качестве в информационной заметке ЕС¹⁰⁸, в следующем номере была напечатана в пер.

А. А. Нартова, выпущенном тут же и отдельной книгой¹⁰⁹. Июльские (1763) «Известия о ученых делах» содержали обстоятельную справку о научной деятельности немецкого экономиста Иоганна Генриха Готлоба фон Юсти (Justi, 1720–1771) с обширным списком его трудов, одним из которых значилось «Сочинение о мануфактурах и фабриках» («Abhandlung von den Manufacturen und Fabriken», 1758); с того же месяца началась публикация его пер., продолжавшаяся до кон. года¹¹⁰.

«Трудолюбивая пчела»¹¹¹. Пер. в ТП, принадлежавшие в большинстве не самому Сумарокову, а др. сотрудникам, не имели той острой публицистической и оппозиционной направленности, какой отличались собственные произведения редактора-издателя и главного автора журнала. Однако вряд ли можно признать справедливым утверждение, что в них «совершенно нет откликов на современные события» (Берков. С. 121). Многие пер. той или иной своей стороной поддерживали главную общую линию, определенную для журнала редактором-издателем, и как это проявлялось, нуждается в историко-литературном анализе, который пока, к сожалению, не был проведен систематически, но лишь намечен в отношении ряда публикаций в виде разбросанных по разным работам замечаний и оценок. Примером может служить переведенный Сумароковым с французского языка очерк из «The Spectator» (№ 139)¹¹², в котором Р. Стиль воздавал хвалу деятельности Петра I (*Левин*. С. 80. № 59). В елизаветинской России тех лет выставление Петра I в качестве образцового правителя приобретало «учительный» и вместе с ним антиправительственный смысл, чем эта статья предвосхищала напечатанное через полгода, в октябрьской книжке,

сумароковское «Слово похвальное о Государе Императоре Петре Великом»¹¹³. В pendant, по-видимому, этому соч. Сумарокова в том же октябрьском номере было помещено в пер. с латыни студента Академического университета А. К. Лобысевича «Слово М. Туллия Цицерона за Кв. Лигария к К. Кесарю», имевшее откровенное «учительное» назначение из-за содержавшегося в нем призыва проявить терпимость к инакомыслящим и милосердие к виновным¹¹⁴. Приписываемое Д. Свифту как якобы принадлежащее «Сказке бочки», но не включенное автором в печатный текст «Отступление о природе, полезности и необходимости войн и ссор» («A Digression on the Nature, Usefulness and Necessity of Wars and Quarrels», опубл. 1720), напечатанное в ТП в пер. Г. В. Козицкого с немецкого языка¹¹⁵, было созвучно антивоенным выпадам Сумарокова, которые в обстановке Семилетней войны приобретали четко выраженный оппозиционный смысл. Такой же характер носило в этом контексте и «Рассуждение о войне» Цицерона¹¹⁶.

В отличие от «Ежемесячных сочинений», где произведения античной лит. появлялись эпизодически, в ТП пер. древних писателей (Сафо, Мосха, Биона, Овидия, Эхрина, Лукиана, Тита Ливия, Лукана и др.) и гуманистов эпохи Возрождения, пользовавшихся латынью (Марка Антуана Мюре (см. с. 341), Эразма Роттердамского), занимали большое место, чем журнал был обязан главным образом активному сотрудничеству Г. В. Козицкого и Н. Н. Мотониса¹¹⁷, преподававших греческий и латинский языки и все пер. выполнявших с подлинников. Поступали материалы этого рода и от др. лиц, причастных к литературному труду: два упомянутых выше отрывка из Цицерона — от А. К. Лобысевича, три из Овидия — от студента В. И. Крамаренкова¹¹⁸ и академического переводчика К. А. Кондратовича¹¹⁹, одна сатира Горация — от Ф. Я. Геннингера¹²⁰. Этими публикациями преследовалась цель внести существенную лепту в развитие отечественной светской культуры, освобожденной от влияния церкви и независимой от заказов правительства на воспевание всякого рода официальных событий. Приобщение русских читателей к великой античной культуре, пусть еще в отрывках, должно было, по мысли переводчиков и редактора, начать играть ту роль, какую она исполняла в Европе со времен Возрождения, а рассуждения гуманистов — убеждать в насущной необходимости и благотворности процветания «свободных наук»¹²¹. Единственный пер., сделанный не с греческого подлинника, а с французского языка, извлечение из трактата Псевдо-Лонгина «О возвышенном», принадлежал не владевшему древними языками Сумарокову¹²² и вписывался в его полемику с Ломоносовым¹²³.

Обилие в ТП соч. древних писателей резко контрастирует с малым числом произведений новой иностранной лит. Сумароков напечатал здесь (август 1759) свой пер. вольтеровского «Микромегаса», готовый, по его словам, еще до публикации этой повести в «Ежемесячных сочинениях» (январь 1756) и, как он намекал (вероятно, безосновательно), использованный переводчиком академического журнала. Значительно более сокращенный по отношению к подлиннику в сравнении с его печатным предшественником и уступающий ему в литературном достоинстве, текст Сумарокова сохранял тем не менее некоторые опущенные в «Ежемесячных сочинениях» места, которые в русском контексте могли восприниматься как злободневные намеки (см.: *Берков*. С. 118; *Заборов*. С. 14–16; *Вольтер в России*. № 5). Переведенный также Сумароковым монолог Полиевкта из одноименной трагедии П. Корнеля («Polyeucte», 1640, д. IV, явл. 2) содержал тирады против роскоши и тирании, характерные и для др. соч. редактора «Трудолюбивой пчелы», помещенных им в своем журнале, однако намерения, вызвавшие эту публикацию, вряд ли сводились к столь прямолинейной цели, а были, наверное, рождены более глубинными творческими процессами¹²⁴. Непосредственно за этим отрывком следовал в пер. Сумарокова с немецкого языка «Монолог из Китайской трагедии “Сирота”»¹²⁵. В февральской книжке появилась ст. «Достоинства меньше почитаются, нежели богатств-во», извлеченная А. А. Нартовым из моралистического еженедельного листка «Der Weltbürger» («Гражданин мира», 1741–1742)¹²⁶, а в апрельской — его же первый в России пер. из «Собрания сатирических сочинений» Г. В. Рабенера («Опыт немецкого словаря, расположенного по русскому алфавиту: Переведено из Сатирических сочинений Готлиба Вильгельма Рабенера»; *Drews*. № 798)¹²⁷. Актер И. А. Дмитриевский перевел с французского языка три выбранные Сумароковым «речи» Дж. Аддисона из «The Spectator» — два нравоучительных рассуждения, посвященных одно доказательству бессмертия души, др. — важной для редактора теме осуждения религиозного фанатизма, и сатирический очерк о женских юбках (*Левин*. С. 34–35; с. 80. № 58, 60–61). Еще два материала представляли выдержки из соч. графа Оксеншерны¹²⁸ и Л. Гольберга¹²⁹, обильно переводившихся также в «Ежемесячных сочинениях» (см. с. 342) и «Праздном времени, в пользу употребленном» (см. с. 350). Г. И. Полетика выбрал еще одну латинскую речь монаха Паулинуса, которая была напечатана в ТП ровно через год после публикации в ЕС предыдущей¹³⁰.

«Праздное время, в пользу употребленного»¹³¹. Подобно всем русским журналам и сб., издававшимся в XVIII в. при учебных заведениях, этот первый в их ряду журнал был связан с образовательно-воспитательным процессом в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, отражая в немалой, наверное, мере круг чтения кадетов и преподавателей в их языковых и литературных упражнениях и занятиях в классах и в «праздное время». По наблюдениям Г. А. Гуков-ского, журнал «состоял почти исключительно из прозаических переводных статей, главным образом на морально-философические темы; это — в первую очередь журнал учебный. Молодые дворяне упражняются на его страницах одновременно и в русском слого (и демонстрируют знание иностранных языков), и в морали, необходимой и подобающей “рыцарю” — русскому феодалу, и в познании “людских” бытовых правил, приличий, и в полезных для помещика или служащего дворянина практических науках; в журнале печатались и статьи по ботанике, сельскому хозяйству, военному делу и т. д.»¹³². Состав немецких источников ПВПУ включает большое число журналов и книг, уже служивших ими в предшествующие четыре года и продолжавших служить таковыми сотрудникам «Ежемесячных сочинений». Это совпадение возникало на почве общности литературных интересов образованных людей столицы, а в частности определялось и тем, что академический журнал предоставлял свои страницы пер., выходящим из стен Кадетского корпуса, о чем при некоторых публикациях делались соответствующие пометы¹³³.

Череду пер. из выявленных к настоящему времени в качестве источников ПВПУ немецких журналов открыл двумя ст., составившими целиком номер от 30 января 1759, гамбургский «Der Patriot» (ср. с. 329, 335); извлечения из него появлялись и далее с большими промежутками, всего было переведено (полностью и частично) восемь номеров¹³⁴. Примечательно, что в 1759–1760, когда выходило ПВПУ, пер. из «Der Patriot» в «Ежемесячных сочинениях» отсутствовали, а журнал Кадетского корпуса не повторил ни одного номера, представленного в академическом. Обращались участники ПВПУ также (в последовательности первых пер.) к упоминавшимся ранее в связи с «Примечаниями к ведомостям» и «Ежемесячными сочинениями» «Der Freund» (см. с. 335)¹³⁵, «Hamburgische Beiträge...» (см. с. 337)¹³⁶, «Belustigungen des Verstandes und des Witzes» (см. с. 335)¹³⁷, «Die vernünftigen Tadlerinnen» (см. с. 329)¹³⁸,

«Der Pilgrim» (см. с. 337)¹³⁹. Наибольшее число пер. (14) было сделано из выходявшего в Эрфурте моралистического еженедельника «Die Welt» («Мир», 1753. Т. 1–2)¹⁴⁰.

Среди немецких писателей сотрудники ПВПУ отдавали явное предпочтение Г. В. Рабенеру (ср. с. 336–338, 345), чьи соч. они в эти годы читали уже преимущественно в книжных изданиях (что не исключало знакомство с ними также и по журнальным публикациям). Журналу, преследовавшему в первую очередь морально-дидактические цели и ориентированному главным образом на немецкую лит., которая в то время чуждалась резкого обличения смехом, подходила во всех отношениях служившая задачам практической морали отвлеченно назидательная, обобщенная умеренная сатира на пороки в границах и формах, определенных ей Рабенером в своих программных статьях и разбросанных высказываниях о ее природе и специфике¹⁴¹. Если И. П. Елагин и А. А. Нартов пер. в «Ежемесячных сочинениях» и «Трудолюбивой пчеле» только приоткрыли дверь к знакомству русских читателей с творчеством немецкого сатирика, ПВПУ распахнуло ее широко, напечатав за один лишь 1769 уже 10 его произведений разных жанров и объема, в т. ч. программное «Письмо о позволении сатиры»¹⁴². Эти публикации, вероятно, подогрели интерес к такого рода соч. (имя автора в журнале не называлось), так что в 1764 был издан и распространялся не только книгою, но и оттисками из нее отдельных произведений первый том «Сатиры» Рабенера в пер. Я. И. Трусова (СК 5782–5793).

Существенно меньшее внимание уделил журнал Кадетского корпуса другу Рабенера — И. А. Крамеру, выбрав лишь две его нравоучительные ст.: одну из «Belustigungen...» (см. сноску 137) и др. из его авторского сборника (Vermischte Schriften. Kopenhagen; Leipzig, 1757)¹⁴³.

Английская лит. представлена в ПВПУ, за одним исключением¹⁴⁴, пер. из журналов. Установлены 20 пер. из «The Spectator», четыре — из «The Rambler», два — из «The Tatler» и по одному из «The Universal Magazine» и «The Gentleman's Magazine» (Левин. С. 80–81. № 62–80)¹⁴⁵. Большинство ст. из «The Spectator» было переведено с французского языка разными лицами (П. И. Пастуховым, И. Л. и, вероятно, др.), взброс, т. е. без определенного плана, по отношению к последовательности в подлиннике и оригинале, поступали они равномерно в течение всех двух лет существования ПВПУ¹⁴⁶. Выбирались дидактические рассуждения, однако к кон. издания предпочтение стали получать сюжетные и аллегорические очерки, нравоучительные рассказы. В августе 1759 были напечатаны пять очерков, переведенных

с немецкого языка кем-то, чье имя в журнале не раскрыто¹⁴⁷. Три ст. этой подборки образуют в подлиннике тематический цикл, в котором один предмет (честолюбие, жажда славы) рассмотрен с разных сторон. Из французского пер. «The Tatler» были взяты два исторических анекдота (по терминологии XVIII в.), иллюстрировавшие проявления великодушия среди военных людей и, как можно предположить, использовавшиеся на занятиях в Корпусе в качестве образцов профессиональной этики¹⁴⁸. «The Rambler» читался, по всей видимости, в том же немецком пер., которым пользовались и сотрудники «Ежемесячных сочинений»¹⁴⁹. Ст. из «The Gentleman's Magazine» имела, согласно помете при ее пер., не выявленный французский посредствующий оригинал (*Левин*. С. 80. № 68), как и несомненного английского происхождения «Сон», автор которого и стихотворный подлинник еще не установлены¹⁵⁰. Возможно, среди переведенных в ПВПУ с французского языка, а также напечатанных (преимущественно в первом полугодии) без указания языка источника нравоучительных и сатирических рассуждений, очерков и писем, о которых не собрано никаких библиографических сведений¹⁵¹, есть и др. материалы из английских периодических изданий. Ст. из «The Universal Magazine» единственная помечена как пер. непосредственно с английского подлинника (*Левин*. С. 81. № 72), но это указание нуждается в такой же проверке, что и аналогичные случаи в «Ежемесячных сочинениях» (см. с. 339–340).

Важнейшие французские и франкоязычные др. стран периодические издания были хорошо известны в Кадетском корпусе и рекомендовались для широкого чтения, что видно из объявления о дозволении гулять в его саду «по четверкам и воскресеньям всякого чина и достоинства людям, кроме господских служителей в ливрее, кои ни за господами, ни без оных, равным образом и одетые в гнусной платье в оной сад ни под каким видом впусканы не будут». Посетителям — «для чтения охотникам» были обещаны «в одной из находящихся в оном саду беседок разные ведомости, а именно: на российском языке Санктпетербургские и Московские, на немецком Санктпетербургские, Гамбургские и Берлинские, а на французском Гаагские, Утрехтские, Альтонские, Лейденские и Келнские, также книжки журнал де саван и журнал литтерер е экономик» (1760. [Ч. 3. № 21]. 20 мая. С. 315)¹⁵². Тем не менее французская периодика уступала, кажется, во внимании со стороны ПВПУ английской и особенно немецкой. Впрочем, делать решительные выводы на нынешнем этапе изучения журнала

еще рано ввиду отсутствия сведений о многих публикациях, в т. ч. и о заявленных как пер. с французского языка.

Единственным французским журналом, названным в ПВПУ в качестве источника, был «Le Nouvelliste économique et littéraire» («Экономический и литературный вестник»), откуда были переведены две ст. «домостроительного» содержания¹⁵³. Однако предлог «du» в подзаголовке и само заглавие, приведенное в его исконной форме (в отличие от др. подобных указаний в первых номерах ПВПУ¹⁵⁴), вызывают вопрос, действительно ли русский переводчик имел в своем распоряжении этот журнал и сам употребил французский предлог, или его источником была все же какая-то перепечатка, где имелся этот подзаголовок, а он его воспроизвел буквально. Нравоучительная ст. М. Лепренс де Бомон (см. с. 342) о надежде была переведена не с подлинника, а, согласно помещенному в кон. текста указанию, с немецкого оригинала-посредника¹⁵⁵. Во второй год, особенно в первой его половине, в ПВПУ печаталось немалое число переведенных с французского языка нравоучительных и сатирических материалов, и некоторые происходили, по всей видимости, из периодических изданий типа «The Spectator» и «The Tatler»¹⁵⁶.

Создается впечатление, которое, впрочем, без основательной библиографической проверки не может считаться полностью достоверным, что основным источником пер. с французского языка в ПВПУ были периодические издания (в т. ч., возможно, и в книжных перепечатках). За их рамками привлекли внимание и были допущены на страницы журнала Кадетского корпуса лишь три французских писателя, причем двое как авторы произведений в популярных (судя по многочисленным публикациям в журналах того времени, включая и ПВПУ¹⁵⁷) и входивших, наверное, в круг учебного чтения жанрах «разговоров богов» и «разговоров в царстве мертвых» по образцу диалогов Лукиана. Из книги Фонтенеля (см. с. 341) «Nouveaux dialogues des morts» («Новые диалоги мертвых», 1683) был выбран «Разговор между Геростратом и Дмитрием Фалером»¹⁵⁸, а «Nouveaux dialogues des Dieux, ou Réflexions sur les passions» («Новые разговоры богов, или Размышления о страстях», 1711) Туссена Ремона де Сен-Мара (Rémond de Saint-Mard, 1682–1757) переводились, как и ст. Лепренс де Бомон, не с подлинника, а с немецкого оригинала-посредника¹⁵⁹. Самым значительным произведением французской лит. в ПВПУ явилась галантно-историческая повесть аббата Сен-Реала (Saint-Réal, 1629–1692) «Dom Carlos, nouvelle historique» (1672), печатавшаяся в журнале в течение двух месяцев и сразу же выпущенная книгою¹⁶⁰.

Одна из самых популярных в своем жанре, широко читавшаяся во всей Европе на протяжении всего XVIII в. и ставшая источником сюжета великой трагедии Ф. Шиллера повесть о трагической судьбе испанского инфанта выполняла в ПВПУ важную роль. Главный герой, каким его представил французский автор в нарушение исторической правды, превосходно отвечал «полезному» направлению журнала, служа примером благородного, достойного поведения в сложных коллизиях, создаваемых его страстью и кознями придворных. Назидательный смысл нес и финал, в котором сообщалось о возмездии, постигшем всех, кто плел интриги против дона Карлоса, приведшие его к гибели. Вместе с тем, выбирая для публикации эту повесть, издатели ПВПУ без сомнения рассчитывали на то, что, будучи беллетристическим соч. с напряженным, занимательным сюжетом, она выполнит в журнале и развлекательную функцию, внесет разнообразие в сплошную до этого череду сугубо моралистических ст. и вызовет более охотное к нему обращение. Именно этой повестью в ПВПУ было осуществлено сопряжение «полезного» с «приятным», выразившееся далее в подборе сюжетных, беллетризованных материалов из английских сатирико-нравоучительных журналов (см. с. 347) и массивной публикации пер. сатир Рабенера.

Большое число небольших статей преимущественно в эпистолярном жанре, отвечавших моралистическим задачам ПВПУ, было найдено у датских писателей. Установлены девять пер. из «*Moraliske Tanker*» («Нравоучительные рассуждения», 1744) Л. Гольберга¹⁶¹, чьи мелкие нравоучительные этюды переводились в те же годы в «Ежемесячных сочинениях» и «Трудолюбивой пчеле» (см. с. 342, 345). Все девять были выполнены с немецкого оригинала-посредника (возможно: *Holberg L. Moralische Gedanken. Flensburg, 1744*), но до появления в свет первого из них (9 октября 1759) были напечатаны в ПВПУ 10 его же, по всей видимости, статей подобного же содержания, помеченных как пер. с датского языка; еще одна была включена в номер от 9 октября и последняя, 12-я, вышла 23 октября¹⁶².

Из сборника нравоучительных размышлений графа Оксеншерны (см. с. 342), также использованного и в «Ежемесячных сочинениях», и в «Трудолюбивой пчеле» (см. сноски 105, 128), были переведены (предположительно одним лицом) три главки, напечатанные уже перед самым закрытием журнала¹⁶³.

Первым в России ПВПУ начало публиковать извлечения из популярнейшей уже два века в Европе книги испанского писателя-гуманиста Антонио де Гевары (Guevara, 1480–1545) «*El Relox de Príncipes y el libro aureo*

de Marco Aurelio) («Часы государевы и Золотая книга Марка Аврелия», 1529), в частности знаменитую вымышленную речь дунайского крестьянина перед римским сенатом, получившую в европейских лит. множестве разнообразных откликов¹⁶⁴. Второй пер. помечен как выполненный с итальянского языка, и, возможно, тот же оригинал-посредник был источником и первого, при котором никаких указаний не дано. Зародившийся в ПВПУ ручеек превратится в следующие два года в сильный поток на страницах московских «Полезного увеселения» и «Доброго намерения».

Итальянской лит. была отведена в ПВПУ лишь одна публикация: переведенная С. А. Порошиным глава «Alessandro pentito» из пользовавшегося в Европе огромным и долговременным успехом сб. Джана Франческо Лоредано (Loredano, 1606–1661) «Scherzi geniali» («Приятные шутки», 1632)¹⁶⁵.

Античная лит. находилась на дальней периферии литературных интересов участников ПВПУ. Среди немногих из нее пер. нет ни одного с греческого или латинского подлинников; в трех случаях имелся французский, в одном — немецкий и еще в одном — даже русский посредник¹⁶⁶.

«Полезное увеселение»¹⁶⁷. Первый московский журнал, издававшийся М. М. Херасковым, в то время ассессором университета, наполнялся во многих номерах в основном поэтическими произведениями самого редактора и членов складывавшегося вокруг него литературного кружка. Этим ПУ сильно отличалось от предшествовавших ему петербургских журналов, где поэзия занимала более скромное место. Среди разнообразных по жанрам стихотворений были написанные на сюжеты, темы и мотивы мировой лит. (главным образом притчи и «сказки»), но представлявшие собою самостоятельные творения русских авторов. Потому они не подлежат рассмотрению в данном библиографическом обзоре. По этой же причине не входят в него и литературно-исторические и критические статьи, в которых положения, заимствуемые из западноевропейских работ, излагались не только пересказом, но и местами прямым пер. некоторых фрагментов¹⁶⁸.

Поместив в самом нач. издания ПУ рядом в одном и том же номере принадлежавшие М. В. Ломоносову и А. П. Сумарокову пер. оды Ж.-Б. Руссо (Rousseau, 1670–1741) «К фортуне» и обращая подзаголовком внимание читателя на их различие¹⁶⁹, Херасков заявил позицию журнала в борьбе этих двух поэтов, приняв сторону второго; эта линия выдерживалась и в дальнейшем (см.: Берков. С. 133–134). Сам Херасков перевел еще одно стихотворение того же Руссо («Stances»)¹⁷⁰, отвечавшее своим моралистическим содержанием главному направлению журнала. Из др. фран-

цузских поэтов названы в журнале по имени А. Дезульер (ср. с. 341)¹⁷¹ и Лафонтен¹⁷². Остальные переведенные с французского языка стихотворения напечатаны без указания авторов или подлинников¹⁷³, в т. ч. — героида Шарля Пьера де Колардо (Colardeau, 1732–1776) «*Armide à Renaud*» («Армида к Рено») ¹⁷⁴.

Пер. античных поэтов поступали в ПУ от И. Ф. Богдановича (одно стихотворение из Анакреонтики¹⁷⁵), Н. Н. Поповского, передавшего в журнал отрывок из Авсония¹⁷⁶ и шесть од Горация (кн. II, 3, 10, 14, 16, 18; кн. III, 1)¹⁷⁷, студентов В. Д. Санковского¹⁷⁸, В. А. Приклонского¹⁷⁹ и А. Г. Карина¹⁸⁰. Богданович умолчал о том, с какого языка он перевел, Поповский, Санковский и Приклонский работали с латинскими подлинниками, Карин — с французским оригиналом-посредником.

Английская поэзия была представлена в ПУ лишь двумя стихотворениями А. Попа (Pope, 1688–1744)¹⁸¹ в пер. некоего «А. Н.», не сообщившего ни свой источник, ни оригинал, ни имени поэта. В отличие от сотрудников предшествующих петербургских журналов участники ПУ не жаловали вниманием английские сатирико-нравоучительные и моралистические листки: были переведены только два очерка (оба С. Г. Домашневым) из «*The Spectator*» в изобретенном Дж. Аддисоном жанре сатирического анатомирования органов тела различных человеческих типов (*Левин*. С. 38; с. 81, № 81–82). Вместе с тем полного пер. удостоилось анонимное моралистическое соч. «*The Economy of Human Life*»¹⁸², авторство которого приписывалось первоначально Роберту Додсли (Dodsley, 1703–1764), но принадлежит, видимо, графу Честерфилду (Chesterfield, Philip Dormer Stanhope, earl of, 1694–1773); закономерность выбора этого произведения явствует из того обстоятельства, что за первым опытом его передачи на русском языке последовали до кон. XVIII в. еще три (Е. и П. П. Цициановы, С. П. Колосов, В. С. Подшивалов), выдержавшие в совокупности восемь изданий (СК 2923–2925, 2959–2960, 8584–8586).

Большое место в ПУ заняли пер. с латинского языка студентов И. Я. Соколова, Я. И. Булгакова и его друга, а позднее и родственника (мужа сестры) В. А. Приклонского. По окончании университета ни Булгаков, ни Приклонский не обращались к латыни, так что, по всей видимости, напечатанные Херасковым их пер. были плодами учебных занятий — возможно, того вида упражнений, который в наше время называется внеаудиторным (внеклассным, домашним) чтением. Среди их пер. были отрывки из хрестоматии, которая могла использоваться именно для учебных целей¹⁸³; ее же полностью

перевел Соколов и в 1764–1765 издал уже в Петербурге (СК 1195), поэтому также весьма вероятно, что этот его труд, если не полностью, то в какой-то части, был результатом его занятий в стенах учебного заведения. В университете Соколов читал Сенеку, Саллюстия, Эразма Роттердамского¹⁸⁴; Булгаков — Лукиана и Исократ¹⁸⁵; Приклонский — также Лукиана и «Часы государевы» А. де Гевары (см. с. 350–351)¹⁸⁶. Соч. испанского гуманиста читал и переводил в то же время и др. студент университета — Д. С. Аничков¹⁸⁷.

Большое число пер. соч. в жанрах «сократических диалогов» и «разговоров в царстве мертвых» в русских журналах XVIII в. было вызвано, как отмечалось ранее (см. с. 349 и сноску 157), в какой-то мере тем, что произведения этого рода считались текстами, хорошо подходящими для целей обучения иностранным языкам. Наличие подобных публикаций в ПУ может служить лишним аргументом в пользу этого предположения. Кроме помещенных в журнале упражнений Булгакова и Приклонского, выполненных в процессе явно целенаправленного учебного чтения «разговоров» Лукиана в латинском пер., был напечатан один «разговор» из популярнейших в то время «Dialogues des morts composez pour l'éducation d'un prince» («Разговоры мертвых, сочиненные для воспитания принца», 1712; доп. посмертное издание: «Dialogues des morts anciens et modernes, avec quelques fables, composez pour l'éducation d'un prince», 1718. 2 vol.) Фенелона¹⁸⁸, и два «сократовых разговора» из одноименной книги Ж. Верне¹⁸⁹, с которой русских читателей ранее познакомили «Ежемесячные сочинения» (см. с. 341).

На время сотрудничества в ПУ А. А. Нартова пришлось, видимо, его штудирование «Риторики» («Ausführliche Redekunst», 1736) И. Х. Готшета (см. с. 329), в частности раздела, посвященного пер. («Besonderer Theil. Das I. Hauptstücke: Von den Uebersetzungen»), откуда он перевел с французского и немецкого языков две речи¹⁹⁰.

Выполненный Д. И. Фонвизиним студенческий пер. рассказа из сборника нравоучительных повестей Иоганна Готлоба Бенямина Пфейля (Pfeil, 1732–1800)¹⁹¹ знаменовал начало длительной популярности этого немецкого писателя в России, притом что его имя ни разу не было названо¹⁹².

«Собрание лучших сочинений»¹⁹³. Излагая в «Предисловии» к первой части СЛС свои намерения и планы, связанные с предпринятым изданием этого первого в России ежеквартального журнала, его

ред.-издатель И. Г. Рейхель счел необходимым объяснить преимущества «еженедельных и ежемесячных сочинений», подтверждаемые их широким распространением «в сем веке в Англии, Франции, а наипаче в Германии», перед «большими книгами», требующими «довольно времени», а также терпения «к чтению» и «для выбора из них того, что есть лучшее». «Сей род малых сочинений, — писал Рейхель, — великую пользу произвел, ибо отчасти материями, к таковым сочинениям избираемыми, отчасти ж краткостию оных привлечены к чтению и такие люди, которые прежде никакого в том удовольствия не находили. <...> Краткость <...> седмичных листков и месячных сочинений нетерпеливым читателям не только сносною показалась, по причине разделения разных статей, но еще пременною и различностию материй великое удовольствие произвела и охоту к чтению подкрепила и умножила. Сочинители таковых периодических листков избирали к своему упражнению или физику и экономию, или нравоучение, или напоследок историю, и сочинения их тем лучше были приняты, чем ближе они своего намерения держались и чем вернее исполняли свое обещание». Определив на европейском опыте свою программу, Рейхель и выполнять ее решил через публикацию исключительно пер., пообещав «лучшие чужестранных писателей сочинения сообщать» «для споспешествования <...> ко удовольствию и к знанию» «всяких читателей, а особливо для тех, которые не имеют склонности к глубокомысленным рассуждениям».

По этой классификации литературные произведения относились к «нравоучению», представлявшему, по мнению Рейхеля, «самое плодотворнейшее поле, от которого периодические сочинения обогатились». Соответствующие пер. включались в каждую книжку журнала, но лишь в первой их оказалось несколько, в следующих ред. ограничивал их число двумя—тремя, устанавливая равновесие с др., условно говоря, отделами. Особым его вниманием пользовались «Träume» И. Г. Крюгера (см. с. 337), откуда Д. И. Фонвизин, его брат Павел и др. студенты перевели пять разделов¹⁹⁴. В числе источников «нравоучения» были также: немецкий пер. книги королевского капеллана аббата Жака-Филиппа де Варенна (Varennes, ум. 1745 (?)) «Les Hommes» («Люди», 1712; Nouv. éd., augm. 1727; 5me éd., rev. et corr. par l'auteur. 1751; Breslau, 1754)¹⁹⁵; журнал Пьера Карле де Мариво (Marivaux, 1688–1763) «Le Spectateur François» (1722. Т. 1–2)¹⁹⁶; немецкий (?) пер. «The Rambler» или, вероятнее, какое-то издание, содержащее извле-

чения из него¹⁹⁷; немецкий «нравоучительный еженедельник» «Das Reich der Natur und der Sitten: Ein moralische Wochenschrift» («Царство природы и нравов», 1757–1762. Т. 1–12), откуда был выбран рассказ «о суждех неиспытанных», которым Рейхель предварил свою прямую полемику с вольтеровской «Поэмой на разрушение Лиссабона» («Poème sur le désastre de Lisbonne», 1756)¹⁹⁸; журнал М. Лепренс де Бомон «Le Nouveau magasin françois» (см. с. 342)¹⁹⁹; «Satiren» («Сатиры») И. Г. Г. фон Юсти (см. с. 343)²⁰⁰; гамбургский «Der Patriot» (см. с. 329, 335, 346)²⁰¹. В ст. «Известие и опыт о российском переводе Сифа» (1762. Ч. 3) Рейхель изложил свои взгляды на роман и в числе тех произведений этого жанра, которые он признавал «полезными», выделил «Séthos» («Сиф», 1731) аббата Жана Террассона (Terrasson, 1670–1750), отозвавшись с похвалою о пер., над которым в это время трудился Д. И. Фонвизин, и приведя отрывок из романа²⁰². Свое неприятие философских идей, сформулированных в «Поэме на разрушение Лиссабона», Рейхель выразил переводом резкого письма Руссо к Вольтеру от 18 августа 1756 (опубл.: Lettre de J.-J.-R. à M. de Voltaire. S. I., 1759) и предпосланными ему собственными столь же критическими замечаниями²⁰³.

Источниками ст. исторического содержания служили «Сочинения» (точнее: «Histoire de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres depuis son établissement... avec les Mémoires de littérature...», 1663–1793) Академии надписей и изящной словесности²⁰⁴ и сб. французского юриста, сотрудника знаменитой «Энциклопедии», Антуана-Гаспара Буше д'Аржи (Boucher d'Argis, 1708–1791), составленный из его мелких работ, публиковавшихся в «Mercure de France» и др. журналах (Variétés historiques, physiques et littéraires, ou recherches d'un savant, contenant plusieurs pièces curieuses et intéressantes. Paris, 1752. Т. 1–3)²⁰⁵. В подзаголовке одной экономической ст. назван французский журнал, в котором она была обнаружена русским переводчиком²⁰⁶. Оставшиеся 13 разного содержания таких сведений не имеют, однако у пяти в заголовке указан автор, что позволит с большими или меньшими усилиями проследить при необходимости путь этих работ в СЛС (из них интерес для литературоведов могут представлять две как факт переводческой деятельности Д. И. Фонвизина и его брата)²⁰⁷. Из восьми ст., лишенных и этого библиографического ориентира и потому представляющих наиболее сложные эвристические задачи, четыре относятся, по классификации Рейхеля, к нраво-учению и истории²⁰⁸, а четыре др. — к экономии²⁰⁹.

«Свободные часы»²¹⁰. Второй журнал М. М. Хераскова, переводную часть которого его ред. наполнял, следуя практике, сложившейся в «Полезном увеселении», библиографически изучен очень слабо. Известны (в последовательности публикаций): пер. «A Meditation upon a Broomstick» («Размышление о палке от метлы», соч. 1704, опубл. 1711) Д. Свифта²¹¹; стихотворные пер. В. И. Майкова из поэмы Овидия «Метаморфозы»²¹²; «древняя история» Жана Франсуа Мармонтеля (Marmontel, 1723–1799) «Lausus et Lydia: Histoire ancienne», проложившая этим пер. дорогу в русскую лит. быстро набиравшему в Европе популярность жанру «нравоучительной повести»²¹³; два пер. из Вольтера²¹⁴; две героиды Овидия, переведенные, вероятно, с французских оригиналов²¹⁵; очерк из английского ежемесячного журнала «The Female Spectator» («Зрительница», 1744. Апрель — 1746. Март; переиздание в 4 т.: 1747), издававшегося писательницей Элизой Хейвуд (Haywood, 1693(?)–1756)²¹⁶; рассказ Фенелона «Les aventures d'Aristonoüs»²¹⁷. В. Д. Санковский продолжал переводить «Скорбные элегии» Овидия, добавив к ранее напечатанным в «Полезном увеселении» еще две²¹⁸; приверженность к этому жанру вызвала у него интерес к поэтическим произведениям немецкого юриста и дипломата Винценца Фабрициуса (Fabricius, настоящая фамилия Schmidt, 1612–1666), писавшего в молодости стихи на латинском языке²¹⁹. Тремя пер. с английских подлинников — по одному из «The Universal Magazine», «The Spectator» и «The Tatler» — началась в кон. года переводческая деятельность студента М. Пермского (*Левин*. С. 38–39; с. 81, № 84–86), широко развернувшаяся уже в «Добром намерении», пришедшем на смену СЧ. Немалое число художественных произведений и ст. в СЧ еще ждет тщательного библиографического изучения. Некоторые из них помечены в самом журнале как пер.²²⁰, др. не имеют подобных уточнений, но несут в себе признаки, выдающие их переводное происхождение²²¹, третьи, не обладающие подобными сигналами в явной форме, вызывают тем не менее предположение об этом (в их числе — пространный, печатавшийся в пяти выпусках, с января по май включительно, «Опыт о историках», который если даже и не был собственно пер., опирался, без сомнения, на какое-то западноевропейское соч. на эту тему). Нуждаются в библиографических разысканиях на предмет уточнения источников или возможных оригиналов-посредников многие перечисленные выше пер., авторство которых раскрыто в ЕС или установлено исследователями.

«Невинное упражнение»²²². Основанный Е. Р. Дашковой и руководимый И. Ф. Богдановичем журнал примечателен обостренным вниманием к двум величайшим писателям и философам Французского Просвещения — Вольтеру и Клоду Адриану Гельвецию (Helvétius, 1715–1771). Первая книжка (1763. Январь) открылась выполненным С. И. Глебовым стихотворным пер. вольтеровской «Речи о равенстве состояний» — первой в составе поэмы «Discours en vers sur l’homme» («Речи в стихах о человеке»), 1738) (Вольтер. № 14; Заборов. С. 52). Там же начался и продолжал печататься четыре месяца вольный сокращенный пер. «Essai sur la poésie épique» («Опыт об эпической поэзии»), 1726) в его первоначальной ред.²²³. В следующем номере тему «равенства состояний» продолжил в др. повороте принадлежавший И. Ф. Богдановичу пер. десятого из «Философских писем» («Lettres philosophiques», 1734)²²⁴, а еще через месяц редактор НУ вступил своим стихотворным пер. «Poème sur le désastre de Lisbonne» («Поэма на разрушение Лиссабона», 1756) в полемику с И. Г. Рейхелем, подвергшим в своем журнале критике это программное философское произведение Вольтера²²⁵. В последнем номере Богданович напечатал свой пер. стихотворения Вольтера «Inscription pour une statue de l’Amour dans les jardins de Maisons» («Надпись к статуе Амура», не позднее 1731), которое в том же месяце появилось и в «Свободных часах» в пер. А. А. Ржевского²²⁶.

Соч. Вольтера, выбранные для НУ²²⁷, имели давность в три и некоторые даже почти в четыре десятилетия. Философский труд Гельвеция «De l’esprit» («Об уме», 1758) был животрепещущей «крамольной» новинкой, подвергнутой во Франции запрещению и сожжению. Выборочный пер. из его третьего раздела (Рассуждение III. Гл. IX–XIV), приписываемый Е. Р. Дашковой, публиковался в каждом номере, с первого до последнего²²⁸.

Среди 16 др. публикаций в НУ, которые либо помечены в журнале как пер., либо допускают (с необходимою проверкою) предположение, что ими являются, выявлены: басня Фенелона²²⁹, стихотворное дидактическое послание кардинала Франсуа де Берни (Bernis, 1715–1794)²³⁰, два номера из аддисоновского «The Guardian», из которых один продолжал тему «равенства состояний»²³¹, письмо из голландского (издававшегося в Гааге) франкоязычного журнала «Le Philantrope» («Филантроп», 1738–1739. Т. 1–2)²³². В отношении остальных сведений пока не собрано²³³.

«Доброе намерение»²³⁴. Журнал издавался В. Д. Санковским, как и предшествующие херасковские «Полезное увеселение» и «Свободные часы», с участием студентов Московского университета, чьи упражнения по передаче на русском языке произведений иностранной лит. образовали две большие группы.

Одну составили извлечения из книги А. де Гевары «Часы государевы», с некоторыми главами которой, в т. ч. со знаменитой речью дунайского крестьянина, русских читателей уже знакомили в Петербурге «Праздное время, в пользу употребленное» (см. с. 350–351 и сноска 164), в Москве — «Полезное увеселение» (см. с. 353 и сноски 186, 187). В ДН были напечатаны 12 выдержек, для которых оригиналом служил латинский пер. этого трактата (*Рак*, 1985. № 7–17)²³⁵, и таким образом в общей сложности в двух журналах Московского университета оказались 16 публикаций восходящих к латинскому пер. соч. испанского гуманиста. Все они, кроме одного, подписаны студентами этого учебного заведения (Д. С. Аничков, С. Н. Веницеев, А. Вершницкий, М. Пермский, В. А. Приклонский, И. Слотвинский), и с большой уверенностью можно предположить, что единственный анонимный пер. (1764. Июнь) был выполнен в тех же стенах. Постоянство, с каким воспитанники Университета обращались в 1760–1764 к этому оригиналу, наличие повторных пер., а также то обстоятельство, что участие в публикации отрывков принимали шесть (а с учетом анонимной статьи, может быть, и семь) человек, принадлежавших к разным выпускам, — говорит о том, что латинский пер. «Часов государевых» использовался в качестве учебного текста. Хотя пер., о которых идет речь, выросли, вероятнее всего, из учебных упражнений (печатались, видимо, лишь самые успешные), в ДН угадывается зарождающаяся тенденция публиковать их не бессистемно, как в «Полезном увеселении», а сочетать их тематически с др. ст. журнала. Это хорошо видно в ноябрьском выпуске, где фрагмент «Верность жены своему мужу» противостоит переведенной студентом В. Пустовойтовым с немецкого языка притче «Обман и неверность жены к мужу» из турецкого сборника «Рассказы сорока визирей» (см. далее), а в рамках всего журнала — еще и новелле «Выдумка одной женщины, которая сыскала способ уйти своему любовнику, когда муж ее, будучи крив, думал ее с ним найти вместе» (Июль; см. далее). Отрывок из книги Гевары (кн. 2, гл. 4), напечатанный в ноябрьском номере в пер. А. Вершницкого под заглавием «О церемониях, которые в древние времена при бракосочетании употребляемы были», получил там же продолжение в пер. др. фрагмента из этого

трактата — «О свадебных пирах древних язычников» (см. сноску 235). Подобная композиция вызывает естественный вопрос, только ли целенаправленному подбору статей редактором журнала обязан своим возникновением этот тематический комплекс или же в нем отразились и какие-то внутренние взаимосвязи учебного процесса. К сожалению, вопрос можно только формулировать, а для ответа на него пока не имеется никаких материалов.

Вторая группа из 25 публикаций составила единоличными трудами М. Пермского, который в «Свободных часах» начал (см. с. 356) и в ДН продолжил переводить (с языка подлинника) статьи и очерки из английских журналов (*Левин*. С. 81–82. № 87–111; обзор пер.: Там же. С. 38–40)²³⁶. В поле зрения студента находились «The Spectator»²³⁷, «The Guardian», откуда было переведено лишь два номера, и «The Universal Magazine». Из последнего были взяты 10 ст., и, кроме того, по предположению Ю. Д. Левина, перепечатки в нем послужили Пермскому оригиналами пер., подлинники которых были опубл. в др. английских периодических изданиях и в книгах, в т. ч.: очерк из нравоучительного листка «The Adventurer» («Искатель приключений»), Sept. 7, 1752 — March 19, 1754)²³⁸, первый на русском языке из этого журнала, обогатившего в дальнейшем русскую переводную лит. еще целым рядом публикаций этого жанра; сокращенная версия (состоящая из изложения и отрывков авторского текста) философской повести Сэмюэла Джонсона (Johnson, 1709–1784) «Rasselas, the Prince of Abissinia» («Расселас, принц абиссинский», 1759)²³⁹; рассказ из сборника мелких нравоучительных соч. Джозефа Спенса (Spence, 1699–1768)²⁴⁰.

В. Д. Санковский, напечатавший в «Полезном увеселении» и «Свободных часах» немало своих стихотворных пер. из Овидия, продолжал неумоимо трудиться на этой ниве и передал в ДН отрывок из «Метаморфоз»²⁴¹, две «скорбные элегии»²⁴² и две героиды²⁴³. Энергичную переводческую активность проявлял студент П. И. Фонвизин, брат будущего великого драматурга; источники и подлинники большинства его стихотворных и прозаических пер. с французского и немецкого языков не установлены²⁴⁴. Анонимной подана басня Лафонтена «L'Amour et la Folie»²⁴⁵.

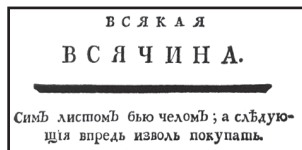
Определенное место в литературных интересах сотрудников ДН занимала европейская анекдотическая новелла эпохи Возрождения и похожие по тематике восточные «повести» в пер. Ангуана Галлана (Galland, 1646–1715) и Франсуа Пети де Ла Кроа (Pétis de La Croix, 1653–1713).

Две новеллы были переведены из «Гептамерона» («L'Heptaméron», первое издание 1558) Маргариты Наваррской (Marguerite de Navarre, 1492–1549)²⁴⁶, третья представляла собою переделку (трансформацию) пятой новеллы второго дня из «Декамерона» Дж. Боккаччо, входившую, по-видимому, в какой-то французский сб. рассказов подобного характера²⁴⁷. Санковский переложил в стихи (или перевел стихотворное же переложение) девятую новеллу пятого дня²⁴⁸. В. Пустовойтов читал на немецком языке сб. Шейха-Заде (Ахмед Мысыри, XV в.) «Рассказы сорока визирей», переведенный с арабского подлинника на турецкий язык («Kırk Wezir»), а в нач. XVIII в. — на французский, откуда позднее на немецкий; из этой книги в ДН были взяты два рассказа²⁴⁹.

В читательском и переводческом обороте тех, кто участвовал в ДН, находились также сборники коротких рассказов-анекдотов (в понимании XVIII в.) и фацеций²⁵⁰.

**«Всякая всячина», «Барышек
Всякой всячины»²⁵¹.**

Намеченная для журнала Екатериной II программа включала диалог с обществом с целью успокаивать брожение умов, вызванное реформаторскими мероприятиями правительства, создание подобия общественного мнения и внедрение через него мысли об исключительной компетенции верховной власти в постановке и решении государственных вопросов, проповедь социальной гармонии, сосредоточение внимания на частных пороках, слабостях и безрассудствах людей как главном источнике зла в жизни, их исправление средствами не задевающей личности обобщенной мягкой сатиры и снисходительной насмешки. Осуществлению этих целей наилучшим образом соответствовал опыт английского «Зрителя» («The Spectator»), демонстративно отстранившегося от бушевавшей в его время в Англии политической борьбы и переключившего внимание своих читателей на нравственно-этическую проб-лематику. Прославленный и пользовавшийся безграничным, непререкаемым авторитетом журнал Дж. Аддисона и Р. Стиля был принят за образец для ВсВ, где преобладающим жанром, перенятым у него, стал сатирический нравоописательный очерк, варьирувавшийся от пространной ст. до небольшой зарисовки какой-нибудь одной смешной или нелепой черты. По примеру «Зрителя» широко использовалась форма письма от читателя

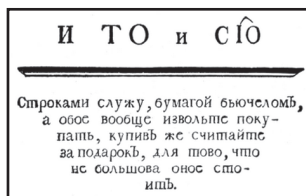
(действительного или вымышленного), сопровождаемого нравоучительным комментарием ред. Работали издатели ВсВ с французским пер. «Зрителя» («Le Spectateur»).

При всей целенаправленной и глубокой ориентировке ВсВ на «Зрителя» пер. из него составили относительно небольшое (24) число (*Левин*. С. 83. № 117–140), причем в соответствии с принятым редакцией правилом «говорить русским о русских, а не представлять им умоначертаний чужестранных» ([Л. 70 / Бар. 18]. Ст. 176) все заимствованные отсюда материалы подверглись основательной переработке, будучи применены к отечественным нравам²⁵². Др. иностранным источником стала литературная новинка — сборник «Fables orientales» («Восточные басни», 1769) французского писателя Ж.-Ф. де Сен-Ламбера (Saint-Lambert, 1716–1803), откуда были переведены несколько небольших рассказов²⁵³. Не исключена вероятность того, что использовались и др. иностранные книги или журналы. Один из корреспондентов предположил, что у ВсВ «надлежит быть великой вивлиоотеке», из которой «толь пространные и разные материи на листах изображает» ([Л. 20]. Ст. 60. Авт. А. П. Сумароков (?)). Др., видя во ВсВ «не что иное как повторение» западноевропейских сатирико-нравоучительных листков, назвал в одном ряду с «The Spectator», «The Guardian», «The Tatler», известными ему во французских пер., и аналогичный журнал Ю. ван Эффена (см. с. 342) «Le Misantrope» («Мизантроп», 1711–1712; *Nouv. éd., rev. et augm. de plusieurs Discours importants*. La Haye, 1726. Т. 1–2) ([Л. 14]. Ст. 37), который, кстати сказать, явился одним из основных источников «Смеси». Английское, по-видимому, происхождение имеет сатирический очерк в форме изложения книги о путешествии ее «сочинителя», встретившего в одном месте жителей, чей «выговор в речах был такий, как будто бы они что во рте при том держали», в др. — «народ, который терпеть не может противуречия», в третьем — «род философов, о коем в древности ни один писатель не упоминает» ([Л. 41]. Ст. 120)²⁵⁴. Сатирическая пословица «Седина в голову, а бес в ребро» ([Л. 46]. Ст. 134) явно имела образцом произведения этого жанра Г. В. Рабенера, приобретшие в России большую популярность (см. с. 336–338, 345, 347). Признаваясь в «списывании» пер., которые «легко узнать <...> можно», ВсВ обращала внимание читателей на то, что «почти все переводы, здесь внесенные, слабее настоящих сочинений» ([Л. 37]. Ст. 111. Нельзя на всех угодить).

«Барышек» предполагалось издавать в продолжение ВсВ, «пока запаса исписанных бумаг²⁵⁵ станет» ([Л. 54 / Бар. 2]), и, в отличие от

предшественницы, большое место в нем заняли прямые пер. Уже в первых двух номерах печатаются от имени якобы переведшей и приславшей их корреспондентки четыре небольших нравоучительных фрагмента, с которыми «повстречалась» она «в разных авторах»²⁵⁶. После этого еще некоторое время журнал наполнялся сатирическими очерками, но с л. [61 / Бар. 9] они вытесняются пер. Первой в их ряду была речь Монтескье, произнесенная по случаю его избрания в Французскую академию²⁵⁷; русским читателям она предлагалась, без сомнения, в качестве назидательного образца, как уважительно следует относиться к особе и деятельности монарха, и одними из главных адресатов этой публикации едва ли не были писатели, вступавшие в 1769 в резкую полемику со ВсВ. Затем последовал прозаический пер. с латинского подлинника фрагмента из «Метаморфоз» Овидия²⁵⁸, а за ним — большой массив пер. (также с подлинников) Г. В. Козицкого (под псевдонимом Гамалиил Коснодумов), начатый тремя стихотворениями из «Анакреонтики»²⁵⁹, но в основной части состоящий из фрагментов, служивших ходячими нравоучительными рассказами, которые включались в самые разнообразные сборники и приводились во множестве дидактических соч.²⁶⁰ Возможно, смена содержания была вызвана не только истощением прежнего редакционного портфеля, но и пробой иной программы, ранее предлагавшейся корреспондентами, рекомендовавшими воспитывать не сатирой, а положительными примерами ([Л. 28]. Ст. 81) и «через древних греческих, латинских и им подобных новейших образцов чтение» ([Л. 35]. Ст. 104; [Л. 38]. Ст. 110). Опыт оказался неудачным, о чем свидетельствовало резкое сокращение тиража последних листов. Прекращая издание, редакция предупредила, что «прочие переводы оставляются до удобного случая», но таковой не наступил.

«И то и сию»²⁶¹. Начиная издавать журнал, М. Д. Чулков не предполагал, по всей видимости, отводить в нем сколь-либо значительное место материалам, почерпнутым в соч. иностранных авторов и западноевропейской периодике. Первый пер. появился в ИТИС только на десятой неделе его существования, и это была небольшая статейка в жанре сатирического словаря, заимствованная из какого-то немецкого еженедельника²⁶². Прошло пять недель, прежде чем была напечатана опять же небольшая подборка предположительно переводных

изречений²⁶³, и еще через пять было помещено стихотворение немецкого поэта Даниэля Каспера фон Лознштейна (Lohenstein, 1635–1683) «Siegender Cupido» из его сб. «Blümen» («Цветы», 1680)²⁶⁴.

С этого момента пер. начали играть в ИТИС более заметную роль, однако и в этом ряду литературные соч. оставались редкими и единичными. С французских оригиналов-посредников были переведены басня Х. Ф. Геллерта (см. с. 336) «Die Nachtigall und die Lerche» («Соловей и Жаворонок»)²⁶⁵ и тематическая подборка описаний жилища Сна и Смерти у разных поэтов²⁶⁶. Иностранное происхождение, если не полное, то частичное, можно подозревать еще у двух ст. (на данной стадии изучения ИТИС возможно лишь предположение)²⁶⁷.

Основную массу пер., начиная с 21-й недели, составили мелкие рассказы в жанрах анекдота и фацеции. Сначала (Недели 21, 25) Чулков перелагал их стихами, и эти притчи, «хотя и не получившие широкой известности, стоят у истоков русского стихотворного рассказа»²⁶⁸. Затем он перешел к пер. их прозой и эту линию выдержал до кон. издания, включив последний в «Заклучение» журнала. Обилие в ИТИС подобных рассказов П. Н. Берков объяснил ориентацией Чулкова на «читателя из мещанских кругов», любившего такие «краткие замысловатые гистории» (*Берков*. С. 234). Эта точка зрения справедлива лишь частично, т. к. не учитывает того обстоятельства, что в 1760-е в европейской прессе получила широкое распространение публикация подборок нравоучительных и развлекательных анекдотов, и в эти рубрики включались не только свежие, недавно возникшие, но и старые анекдоты, имевшие долгую традицию бытования в разных сб., в т. ч. время от времени и откровенно фацецийные. Этой практике следовали самые разнообразные периодические издания, предназначенные для читателей различного культурного уровня и принадлежавших к разным социальным слоям. В России первым такую публикацию осуществил В. Г. Рубан (см. с. 367), опередивший Чулкова на четыре месяца (если говорить о прозаических пер.). Состав анекдотов в ИТИС, среди которых явно преобладают фацецийные коротенькие рассказы, ходившие еще в XVII в. и даже ранее, действительно создает впечатление их отбора с целью угодить вкусу мещанской среды, однако это впечатление в большой мере обманчивое, возникающее вследствие неосведомленности в том, какие книги служили Чулкову их источником.

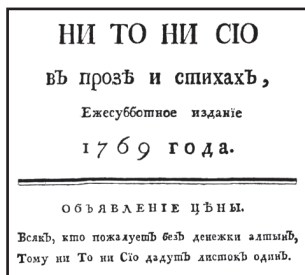
В полемике и литературной расправе с Чулковым Н. И. Новиков саркастически заметил в «Трутне»: «Видно, что соки его ума уже высохли, когда он басни о козленке и прочие из итальянской Венерониевой грамматики печатает»²⁶⁹. На самом деле такой «басни» нет ни в одном из многочисленных изданий учебника итальянского языка Жана Виньерона (Vignerón, 1642–1698; итальянизированная форма фамилии: Venegoni), но тем не менее Новиков был близок к истине. Из включенных в ИТИС 33 новелл подобного рода, стихотворных и прозаических, 30 представлены в отделе «Кратких замысловатых повестей», составляющем «Присовокупление II» в «Российской универсальной грамматике» Н. Г. Курганова, более известной под данным ей в переизданиях заглавием «Письмовник». Тексты одинаковых прозаических новелл в ИТИС и кургановском учебнике отличаются, но вместе с тем обнаруживают немалочисленные и существенные совпадения. «Грамматика» поступила в продажу 2 марта 1770 — через два месяца после того, как прекратилось издание ИТИС²⁷⁰. Следовательно, эти совпадения могли возникнуть лишь при непосредственном сотрудничестве в какой-то форме между Чулковым и Кургановым, при этом, однако, каждый работал самостоятельно, о чем свидетельствуют как расхождения пер., так и три рассказа, имеющиеся в ИТИС, но отсутствующие в «Российской универсальной грамматике». Установленный факт сотрудничества между журналистом и преподавателем Морского кадетского корпуса дает основание предположить, что они пользовались одними и теми же иностранными книгами. Источники «Кратких замысловатых повестей» установлены с большою полнотою²⁷¹, так что необходимая база для проверки этой гипотезы уже заложена²⁷². Курганов выбирал «повести» из популярнейших учебников, имевших долгое временное применение по всей Европе, включая Россию, и в учебных заведениях разных видов для учащихся разных сословий, и в домашнем обучении воспитанников из семей разного социального положения, в т. ч. дворянских и аристократических. Пользовался он и сборниками острых изречений, шуток, забавных и примечательных происшествий, адресованными широкому кругу читателей — и в первую очередь людям из светского общества. Таким образом, рассказы, переводимые и перелагаемые в стихи Чулковым для публикации в ИТИС, отнюдь не считались чтением, отвечавшим именно вкусам мещанской среды.

«Ни то ни сию в прозе и стихах»²⁷³.

В свое время, в сер. XIX в., Н. Н. Булич вынес журналу В. Г. Рубана строгий вердикт, заявив, что он «не имеет никакого характера и наполнен большей частью переводами»²⁷⁴. Спустя ровно столетие П. Н. Берков полностью согласился с этой суровой оценкой, назвав ее «правильной» и дополнив замечанием о том,

что «при этом переводы “Ни того ни сего”, в отличие от переводов “Всякой всячины”, “Смеси” и других журналов, не являются замечательной оригинальных произведений на ту же тему, а представляют материал, далекий от жизни, абстрактный или “забавный”, вроде “Блохи из Овидиевых фрагментов”»²⁷⁵ (Берков. С. 236). Под отсутствием у НТНС «характера» оба ученых, хотя и живших в разные эпохи, но державшихся близкого, традиционного для русского сознания взгляда на природу и задачи журналистики, подразумевали отстраненность журнала от общественной и политической злобы дня (кроме частной полемики со «Всякой всячиной») и сосредоточение на дидактических, нравственно-воспитательных задачах. Эта позиция Рубана, чуждая представлениям о журналистике, преобладавшим в России в XIX в. и тем более в советские времена, когда она клеймилась и запрещалась официально (что накладывало неизбежный отпечаток и на историко-литературные исследования), была в XVIII в. хорошо понимаемой и уважаемой, имея блестящий прецедент и образец в английском «The Spectator». По понятиям XVIII в., НТНС обладало «характером», но его проявление (т. е. исполнение) было слабым и неумелым, что и привело к быстрому прекращению издания.

В первом номере издатель представил, как полагалось, читателям свой журнал, а оставшееся место отвел наступавшей масленице. Со второго номера он приступил к выполнению намеченной программы и сделал его тематическим. Открыв его дидактическим стихотворением «Деньги», отвечавшим на вопрос «Можно ли нищенство *Деньгам* предпочесть?», он в pendant к нему поместил собственный пер. отрывка из оды Горация (кн. II, 2)²⁷⁶, сопроводив его ст. о том же предмете. Заданное таким образом сочетание «полезного» (открытое, прямое нравоучение) и «приятного» (поучение через художественное произведение) Рубан старался выдерживать в соответствующих его

представлениям пропорциях во все время существования журнала, но это ему не очень удавалось и подбор материалов часто грешил однообразием.

«Полезную» составляющую в самом ее прямом виде представляли в НТНС два пер. из Сенеки, занявшие целиком шесть номеров, т. е. немного менее трети (0,3) всего объема журнала²⁷⁷. «Выбрали мы из древних писателей такого, — пояснял Рубан, — которого мысли наиболее согласны с нынешним временем. В самом деле, не видели мы еще ни одного из языческих писателей, который бы столь беспристрастно говорил о суетах сего мира и столь ревностно старался о украшении своей души»²⁷⁸. Важным достоинством соч. Сенеки, делавшим извлечения из них, в глазах Рубана, пригодными для журнала, предназначенного для всякого рода читателей, был, конечно, их свободный, непринужденный стиль, близкий к разговорному. Немалое место в НТНС занимали и пер. Рубана с латыни художественных произведений, а именно элегий Овидия²⁷⁹, фрагмента из «Метаморфоз»²⁸⁰, его же (якобы) «Блохи»²⁸¹. Разумеется, в таком подборе материалов для публикации выразились личные классические интересы и пристрастия Рубана, однако у него были единомышленники, признававшие необходимым широкое и даже преимущественное использование произведений античных писателей как наиболее совершенных образцов, соответствующих и воспитательным, и «увеселительным» целям. В своем журнале Рубан осуществлял фактически программу, которую позже рекомендовал «Всякой всячине» один из ее читателей, предложивший воспитывать «через древних греческих, латинских и им подобных новейших образцов чтение» (см. с. 362).

Рубан также предлагал читателям «новейшие образцы», к числу которых в НТНС относятся два дидактических стихотворения²⁸² и нравоучительные повести С. Джонсона (см. с. 332)²⁸³ и Ж.-Ф. де Сен-Ламбера (см. с. 361)²⁸⁴, обе переведенные с немецкого языка. Занимательные рассказы, извлеченные из книги Адриена Рише (Richer, 1720–1796) «*Essai sur les grands événements par les petits causes, tiré d'histoire*» («Опыт о великих происшествиях от малых причин», 1758; ч. 2 под заглавием: «*Nouvel essai sur les grands événements par les petits causes, tiré d'histoire*», 1759)²⁸⁵, знакомили читателей НТНС с одним из глубоких вопросов философии истории, которому, например, уделял внимание немецкий философ Г. В. Лейбниц (Leibniz, 1646–1716), размышлявший в ст. «О роке» («*Von dem Verhängnisse*») о возможном влиянии на ход истории какой-нибудь мухи, обеспокоившей монарха.

Приобщению в легкой и занимательной форме к актуальным проблемам современной философии служил и пер. вольтеровских «Разговор дикого человека с бакалавром»²⁸⁶.

Сатирическую линию НТНС поддерживали переводные эпиграммы (выявлены по пометам латинские по одной М. А. Мюре (см. с. 341, 344) и Дж. Оуэна (см. сноску 23), а также три французские)²⁸⁷, письмо от читательницы Бедняшкиной и ответ на него, взятые из неустановленного немецкого журнала²⁸⁸, миниатюры в жанре газетных хроникальных сообщений и анекдотов, заимствованные из того же или др., но тоже немецкого источника²⁸⁹. Рубан первым из русских журналистов стал публиковать в НТНС анекдоты поучительного и забавного содержания, следуя здесь примеру западной периодики, где этот жанр с нач. 1760-х получил широчайшее распространение²⁹⁰.

«Полезное с приятным»²⁹¹. Издатель-ред. — преподаватели Сухопутного Шляхетного кадетского корпуса И. А. Тейльс и И. Ф. Румянцев — придали журналу отчетливое воспитательно-нравоучительное направление. Согласно указанию в «Предуведомлении», «главные материи <...> взяты из книги, называемой “Юношеская библиотека”, сочиненной одним славным аглинским писателем» (подлинник не установлен)²⁹²; др. источником переводных материалов служил немецкий моралистический журнал «Der Bienenstock» («Улей»)²⁹³; возможно, использовались и др. иностранные книги или периодические издания. Основную «полезную» функцию выполняли заимствованные, видимо, по преимуществу из «Юношеской библиотеки» дидактические ст. и эссе, как-то: «О воспитании», «О науках», «О обхождении и о избрании друзей», «О одежде», «О злословии» и т. п. Переводные произведения художественной лит., в которых «полезное» сочеталось с «приятным», представлены двумя баснями Х. Ф. Геллерта (см. с. 336)²⁹⁴, тремя баснями Ж. де Лафонтена²⁹⁵, двумя баснями и диалогом в царстве мертвых Фенелона²⁹⁶, пятью прозаическими баснями Г. Э. Лессинга (Lessing,

1729–1781)²⁹⁷ и тремя также прозаическими неустановленного автора²⁹⁸. Английские сатирико-нравоучительные журналы находились на периферии поля зрения ред.-издателей. Из «The Spectator» было переведено лишь одно письмо²⁹⁹, причем, несмотря на помету, отсылающую к самому журналу, нет уверенности в том, что пер. не был выполнен по какой-то вторичной, посредствующей перепечатке. Во всяком случае аллегорическое сновидение, в котором раскрывается, чем наполнено женское сердце, попало в ПсП из «The Guardian» (№ 106) через немецкий пер. в журнале И. Д. Лейдинга³⁰⁰. Помета «Взято из Аглинского Смотрителя» еще при одной статье³⁰¹, по-видимому, ложная: соответствующего письма в «The Spectator» не обнаружено (*Левин*. С. 83. № 142), а выпад М. Д. Чулкова против ПсП («Пожалуй, скажи, за что ты разгневался, что изволил написать сатиру на наши уборы? <...> Прощай, сударь, и впредь не обманывай нас переводами из Англиского Смотрителя, а лучше подписывай свое имя»³⁰²) подсказал П. Н. Беркову естественное предположение, что «в кадетском журнале <...> были и псевдопереводы» (*Берков*. С. 240)³⁰³. Если действительно имела место мистификация, то, вероятнее всего, в журнале она была единичной и была вызвана, может быть, сведением счетов в раздорах, связанных как-то с женщинами³⁰⁴. В случае справедливости этой догадки (что вряд ли доказуемо) оба письма и аллегорическое сновидение составляют единый тематический ряд, представляющий собою отзвук на этот гипотетический конфликт.

Один переводной рассказ принадлежал М. Лепренс де Бомон (см. с. 342)³⁰⁵ и еще один — Мариво³⁰⁶.

В последнем (12-м) «полумесяце» характер ПсП неожиданно претерпел резкое изменение, выразившееся в том, что, вслед за «Смесью», поместившей ранее пер. рассказа «Aventure indienne» из сборника Вольтера «Le philosophe ignorant» («Невежественный философ», 1766) (см. с. 372), ред.-издатели выбрали из этой новинки три мелких произведения (включая и этот рассказ), в которых было, видимо, легко усмотреть острые «применения» к российской действительности³⁰⁷. Тот факт, что именно на этой смене тона прекратилось издание журнала, позволяет допустить (с большой осторожностью), что он был остановлен не только по причине болезни (предполагаемой) Румянцева, но и в силу каких-то иных обстоятельств. Примечательно, что указание источника,

имеющееся при обоих пер. из сб. Вольтера в первом выпуске этого полумесяца, во втором (и вообще последнем) отсутствует («Индийская повесть»).

Отсутствие сведений о всех использованных иностранных источниках и содержании каждого из них препятствует выделить с полной уверенностью все оригинальные публикации.

«Поденьщина, или Ежедневные издания». По замыслу издателя В. В. Тузова, ежедневные листки, выпускаемые под маскою вымышленного лица — «маляра», т. е. художника, приехавшего из Алатора в столицу на заработки, предполагалось заполнять сатирическими зарисовками бытовых сценок и типов, которые доводится наблюдать самому «маляру» и рассказы о которых с попутными замечаниями записывал племянник этого неграмотного человека. Замысел выдерживался в нескольких первых номерах, где шла речь о встречах и происшествиях, случившихся на пути из Алатора в Москву и в начальные дни пребывания в Петербурге. Собственный творческий запас Тузова, видимо, быстро иссяк, и он, разрушив образ неграмотного «маляра», стал печатать в журнале переводные «выписки» различного содержания. Статьи о волшебстве и магии, «О живописстве», «О архитектуре», «О музыке» были взяты, вероятно, из какого-то справочного издания или учебного пособия. Ст. «О смехе» («из мнений графа Оксенштерна», ср. с. 342) и две басни Фенелона («Две лисицы», «Волк и барашек») были переведены, возможно, из грамматики французского языка Д.-Э. Шоффена (см. с. 325) (*Рак*, 1989. № 3, 4). Несколько номеров занял отрывок «Искусство украшать лицо» из соч. Овидия «Притирания для лица» («*Medicamina faciei*») (*Свясов.* № 9537). Первого апреля была, ради полагающейся в этот день шутки, напечатана арабским шрифтом подборка арабских, персидских и турецких слов, продолженная в следующие дни их пер. и этимологическими домыслами, по большей части курьезными и нелепыми, что могло быть намеренным приемом, употребленным для оживления в сознании читателей, перед окончательным с ними прощанием, образа невежественного, взявшегося не за свое дело провинциального «маляра», собравшегося домой.

«Смесь». Обстоятельное эвристическое изучение «Смеси» и сопоставление напечатанных в ней текстов с их выявленными подлинниками и оригиналами осуществил В. Ф. Солнцев еще в кон. XIX в. (Солнцев, 1893). Проведенные им разыскания показали, что издатель этого журнала «имел в своем распоряжении большое число иностранных, именно французских, пособий» и «пользовался не только французскими журналами, но и отдельными книжками и брошюрами на французском языке, наводнявшими собою в XVIII веке Францию и Голландию» (там же. С. 23). Результаты своей работы ученый представил в виде росписи переводных материалов по номерам с указанием для каждого французского источника. Собранные В. Ф. Солнцевым сведения были дополнены и уточнены позднейшими исследованиями³⁰⁸, однако предмет еще далеко не исчерпан.

По отношению к своим иностранным источникам «Смесь» полностью отвечала своему названию, так что вряд ли можно в каком-нибудь одном из них видеть главный составивший ее костяк; вместе с тем к некоторым из них издатель обращался чаще, чем к др. Наибольшее число заимствований он произвел из периодических изданий, выпускавшихся в Голландии в разные годы Ю. ван Эффеном (см. с. 342) и уже представленных один единичными извлечениями в «Ежемесячных сочинениях» (см. сноску 104), а др. — упоминанием во «Всякой всячине» (см. с. 361). Неизвестный русский литератор, по весьма правдоподобию предположению В. Ф. Солнцева, пользовался не самими журналами в первом издании или перепечатках, а собр. соч. голландского журналиста, включавшим все материалы в доработанном автором виде³⁰⁹. К «Le Misanthrope», который и был известен корреспонденту «Всякой всячины», восходят в «Смеси» 12 ст., сатирических очерков и подборок сатирических характеристик и портретов³¹⁰; к «La Bagatelle, ou Discours ironiques» («Безделица, или Иронические речи», 1718–1719 Т. 1–3; 2 éd. Amsterdam, 1722–1724.) — три³¹¹; к «Nouveau Spectateur François» (см. с. 342) — также

три, заимствованных в свою очередь ван Эффеном из журнала Мари-во «Le Spectateur François» (см. с. 354)³¹². Из др. периодических изданий подобного типа в «Смеси» нашел скромное отражение лишь первый том журнала «Le Nouveau Spectateur» (Amsterdam, 1758–1760. Т. 1–8), издававшегося французским писателем Жаном-Франсуа де Бастидом (Bastide, 1724–1798)³¹³.

Сатирические очерки для своего журнала издатель «Смеси» находил также в модных, имевших в Европе большой успех соч. маркиза Луи-Антуана Караччоли (Caraccioli, 1721–1803), писателя и путешественника, завоевывавшего расположение правителей посещенных им стран и получившего чины «полковника в службе короля прусского» и «полковника в службе короля польского», как он был представлен на титульных листах (см., например: СК 2828, 2829, 2832, 2834). Один заимствованный очерк представлял первую главу «Четырехцветной книги» (Le livre de quatre couleurs. Aux quatre éléments, de l'imprimerie des quatres saisons. 4444 [1757])³¹⁴, а два фрагмента из первого, напечатанного зеленой краской тома «Модной книги» (Le livre à la mode. A verte feuille, de l'imprimerie du Printemps, au Perroquet. L'année nouvelle [1759]) были преобразованы в письма от читателей и под первой корреспонденцией для актуализации содержащегося в ней материала поставлена дата, близко предшествующая выходу номера «Смеси»³¹⁵. Большое внимание издателя «Смеси» привлекли соч. аббата Габриэля-Франсуа Куайе (1707–1782), два из которых он переработал в «Речь о существе простого народа» (Л. 25)³¹⁶ и «Письмо настоящего камчадала» (Л. 27)³¹⁷.

«Смесь» явилась вторым, после «Поденщины», русским журналом, для наполнения которого пер. стали использоваться пособия Д.-Э. Шоффена (см. с. 325), из чьей грамматики французского языка и хрестоматии в нее вошли: сатирический очерк, состоящий из портретных зарисовок в жанре «характеров» Жана де Лабрюйера (La Bruyère, 1645–1696)³¹⁸; два «разговора в царстве мертвых» Фенелона, ошибочно приписанных в оглавлении секретарю Берлинской академии, автору многочисленных философских и иных работ Иоганну Генриху Самуэлю Формею (Formey, 1711–1797)³¹⁹; стихотворения французских поэтов Пьера Патри (Patris, 1583–1671)³²⁰ и Жана Омье де Гомбо (Gombaud, ок. 1570–1666), второе с применением к реальному лицу, служившему в то время объектом нападок столичных журналистов³²¹; басня неизвестного автора³²². Французскую поэзию представляли также знаменитый мадригал Вольтера «A Madame

la Princesse Ulrique de Prusse» (1743)³²³ и четыре стихотворения Антуана Удара де Ла Мота (Houdar de La Motte, 1672–1731), из которых три — в «анакреонтическом» роде³²⁴. Возможно, французское происхождение имеют и некоторые др. напечатанные в «Смеси» соч. этого жанра, а также, по предположению В. Ф. Солнцева, элегии (Солнцев, 1893. С. 41). Впрочем, из первых два возводят к «Анакреонтике»³²⁵, а в числе вторых была «скорбная элегия» Овидия (кн. I, 3), переведенная с подлинника, что можно понять из сопроводительного письма, с которым она была прислана, и полемически противопоставленная др. опытам в этой области, появлявшимся в печати³²⁶.

Не прошла мимо издателя «Смеси» вольтеровская новинка — сб. «Le philosophe ignorant» («Невежественный философ», 1766), откуда он первым перевел на русский язык рассказ «Aventure indienne»³²⁷. Еще одно опубликованное в журнале произведение В. Ф. Солнцева считал переделкой повести Вольтера «Les deux consolés» («Двое утешенных», 1756), однако эта его атрибуция современными специалистами по творчеству Вольтера не принята³²⁸.

«Трутень». Прямых пер. в «Трутень» выявлено два: басня Х. Ф. Геллерта (см. с. 336) «Das Schicksal», напечатанная в журнале через две недели после смерти прославленного немецкого писателя (ум. 13 декабря н. с.)³²⁹, и ст., извлеченная из соч. китайского философа Чен-цзы (XII в.)³³⁰. В сатирическом письме о похождениях червонца (1769. 30 июня. Л. 10) использован сюжет, введенный в европейскую лит. в сер. XVII в. французским писателем Самюэлем Изарном (Isarn, 1637–1762), получивший широкое распространение в виде очерка Дж. Аддисона в «The Tatler» (№ 249) и вызвавший множество больших и малых произведений, появляющихся вплоть до нашего времени³³¹. Вполне вероятно, что на некоторые малые сатирические жанры, примененные Н. И. Новиковым, он обратил внимание в каких-то попадавших в его поле зрения иностранных литературных произведениях и периодических изданиях, а оттуда перенес в «Трутень» с наполнением их своим оригинальным, сугубо русским

содержанием. Этот вопрос не подвергался обстоятельному изучению, но давно было высказано вполне убедительное предположение, что «словарь Рабенера оказал некоторое влияние и на сатирические словари Н. И. Новикова, который дважды указал на Рабенера как на своего предшественника»³³². Сатирические миниатюры, напечатанные в «Трутне» под рубриками «Ведомости»³³³ и «Отъезжающие»³³⁴, находят аналогии в рубановском «Ни то ни сию», где похожие зарисовки были переведены с немецкого языка³³⁵, а «Портреты» и «Картины» — например, в разделе «Tableaux et portraits» книги «Recueil d'instructions et d'amusemens littéraires. Par M. de M**[Massac, Pierre-Louis-Raymond de, 1728–1770]» (Amsterdam, 1765. P. 141–191), с которой, впрочем, в содержательном отношении «Трутенъ» не имеет никакой связи. Вообще жанр «портрета» активно разрабатывался в европейской лит. по стопам Ж. де Лабрюйера, и с его бесчисленными разнообразными вариациями Новиков должен был многократно сталкиваться в своем обширном круге чтения.

«Адская почта, или Переписки хромонокого беса с кривым»³³⁶.

Выбирая для своего ежемесячного журнала форму переписки между двумя бесами, Ф. А. Эмин взял, по-видимому, в качестве образца эпистолярно-философские произведения французского писателя и публициста Ж.-Б. де Буайе д'Аржанса (Argens, 1704–1771) «Еврейские письма» («Lettres juives», 1736), «Кабалистические письма» («Lettres cabalistiques», 1737–1738), «Китайские письма» («Lettres chinoises», 1739–1740). Приняв схему этих выходивших периодическими выпусками произведений, Эмин сосредоточил внимание на сатирическом изображении нравов и активном участии в журнальной полемике 1769, в частности по вопросу о сатире. Варьируя и сочетая в разных пропорциях обобщенную сатиру с насмешкой над реальными лицами и происшествиями, Эмин создавал «бесовские переписки» по принципу искусной контаминации своего, оригинального материала с заимствованным из подходящих по духу и тематике иностранных соч. и подаваемым в виде либо пер., либо вольного переложения, либо полной переделки, изменяющей отправной текст до неузнаваемости, оставляя от него лишь мелкие осколочные фрагменты. Эмин пользовался несколькими иностранными соч.

Главным источником АП были сатирические памфлеты французского писателя Эсташа Ленобля (Le Noble, 1643–1711) в форме разговоров между Хромым и Кривым бесами, гуляющими по Парижу и посещающими различные общественные места и учреждения³³⁷. Везде, куда посланникам ада случалось зайти, они становились в укромное место, откуда удобно наблюдать за людьми. На каждого попадающего в их поле зрения Кривой бес обращает свою едкую насмешку. Обычно это сатирический портрет, очерченный несколькими штрихами, и подчас довольно пространный; иногда — прозаическая эпиграмма в одну-две фразы или же, напротив, целая новелла, имеющая даже заглавие. Хромой бес не остается лишь слушателем, он вставляет ремарки и вопросы; а в нескольких выпусках к разговору присоединяется острый на язык поэт Дамон, который дополняет злословие Кривого беса язвительными замечаниями или же приличествующими случаю стихотворениями. Эта схема, повторяющая в главном композицию незадолго до того вышедшего «Хромого беса» А.-Р. Лесажа, проходит через все брошюры Ленобля, из которых каждая представляет как бы раздел единого произведения, наподобие глав в моментально ставшем знаменитым романе. В последних двух памфлетах разнообразие вносит магический лорнет, позволяющий обозревать в увеличении любого человека, на которого он направлен, а также видеть его прошлое и будущее. Сатирический портрет, фиксирующий ранее преимущественно только синхронное состояние, превращается в характеристику, охватывающую всю биографию персонажа. Из этого субстрата Эмин создает сложную амальгаму, сочетающую в разных комбинациях и пропорциях его собственный текст с переводимым и компилируемым путем контаминации разнородных отрывков, фраз, деталей, впечатлений и реминисценций французского материала. В результате перехода на страницы АП сатирические портреты и рассказы Ленобля и неизвестного автора двух последних памфлетов подвергались кардинальной переработке, утрачивая многие детали и эпизоды, а с др. стороны, обрастая новыми, настолько уводящими от подлинника, что он становился едва различим. Самую высокую степень близости русского текста к исходному представляет в АП вольное переключение с обильными изменениями, часто (но необязательно) со «склонением на русские нравы» и с отдельными фразовыми или небольшими сверхфразовыми фрагментами собственно перевода.

Наиболее удалены от подлинника те письма бесов, в которых под-сказанные им мотивы становятся импульсом для самостоятельного, от него не зависимого развития творческой мысли.

Др. важным источником служили Эмину «Философские письма» («Lettres philosophiques», 1734) и некоторые др. соч. Вольтера, использовавшиеся как для компрометации соч., идей и личности французского писателя, так и подкрепления его авторитетными суждениями собственных мыслей и аргументов.

В АП прослеживаются следы знакомства Эмина и с др. иностранными соч. на французском языке. В анонимной книге «Американский шпион в Европе, или Иллинойские письма» (*L'Espion américain en Europe, ou Lettres illinoises, qui renferment quantité d'anecdotes amusantes et instructives*. Londres [Stuttgart], 1766) его внимание привлекла резкая неблагоприятная характеристика Вольтера. Приведенный в письме «От Хромононого к Кривому» (№ 8) анекдот о католическом монахе³³⁸ был прочитан Эминым, возможно, в периодическом издании «L'Espion chinois en Europe» («Китайский шпион в Европе»), два тома которого выпустил в 1745 Виктор де Ла Кастань (*La Castagne, 1715(?)–1746*), принявший позднее фамилию Дюбур (*Dubourg*). Рассказ о девице, которая в юные годы приняла пострижение, а, придя в возраст, стала горько об этом сожалеть и находить утешение лишь в чтении любовных романов (письмо № 3 «От Хромононого к Кривому»)³³⁹, представляет параллель 63-й корреспонденции в «Еврейских письмах», где подобная история изложена более обстоятельно. Анекдот о враче, лечившем «испорченную бабу», у которой к носу приросла жареная колбаса (письмо № 13 «От Кривого к Хромононому»)³⁴⁰, был, возможно, принадлежавшей самому Эмину вольной обработкой эпизода либо из стихотворной сказки Ш. Перро «Les souhaits ridicules» («Нелепые желания»), либо из ее прозаического пересказа под заглавием «Contes des trios souhaits» («Сказка о трех желаниях») в книге М. Лепренс де Бомон (см. с. 342) «Magasin des enfans, ou Dialogues entre une sage gouvernante et plusieurs de ses élèves de la première distinction» (Детское училище, или Беседы разумной гувернантки со своими воспитанницами, 1756, многочисленные переиздания; 13 dialogue, 11e journée; русский пер.: СК 3624. Ч. 2. С. 120–125). Не исключена, однако, вероятность того, что анекдот был заимствован Эминым в готовом виде из др. иностранного источника, откуда в АП могли войти и др. материалы³⁴¹.

Лит.: *Берков П. Н.* История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952; *Вольтер в России*: Библиогр. указ., 1735–1995. Русские писатели о Вольтере: (Стихотворения, статьи, письма, воспоминания) / ВГБИЛ им. М. И. Рудомино; Фонд Вольтера (Оксфорд, Великобритания); Под общ. ред. В. Т. Данченко, Ю. Г. Фридштейна; Вступ. ст. П. Р. Заборова, Ю. Г. Фридштейна; Отв. ред. А. Д. Михайлов. М., 1995; *Данилевский Р. Ю.* 1) Лессинг в русской литературе XVIII века // Эпоха Просвещения: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967. С. 282–306; 2) Виланд в русской литературе // От классицизма к романтизму: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1970. С. 298–379; *Детское чтение для сердца и разума (1799–1804, 1819)*. [2-е изд.] // Сводный каталог сериальных изданий России (1801–1825). СПб., 2000. Т. 2: Журналы (Г–Ж). С росписью содержания. С. 57–75; *Заборов П. Р.* Русская литература и Вольтер: XVIII — первая треть XIX века. Л., 1978; *Кафанова О. Б.* 1) О статье Н. М. Карамзина «Оссиан» // Русская литература. 1980. № 3. С. 160–163; 2) Переводы Н. М. Карамзина в «Московском журнале» // Проблемы метода и жанра. Томск, 1985. Вып. 11. С. 58–75; 3) Переводы Н. М. Карамзина в «Московских ведомостях» // Проблемы метода и жанра. Томск, 1988. Вып. 14. С. 63–70 (с. 68–70: Список переводов, помещенных в «Московских ведомостях», и их источников); 4) Библиография переводов Н. М. Карамзина (1783–1800 гг.) // Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989. С. 319–337 (XVIII век. Сб. 16); *Кочеткова Н. Д.* 1) Карамзин и Антон Валль // Державин и Карамзин в литературном движении XVIII — начала XIX века. Л., 1969. С. 245–258 (XVIII век. Сб. 8); 2) И. Г. Рахманинов — переводчик немецких поэтов и творчество молодого Крылова // Русская литература XVIII века и ее международные связи. Л., 1975. С. 251–257 (XVIII век. Сб. 10); 3) Немецкие писатели в журнале Новикова «Утренний свет» // Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. Л., 1976. С. 113–124 (XVIII век. Сб. 11); 4) О первых русских переводах книги Л. С. Мерсье «Мой спальный колпак» [в журнале «Уединенный пошехонец»] // Там же. С. 247–249; *Лазурский В. Ф.* «Le Spectateur» и «Всякая всячина» // Русский библиофил. 1914. № 8. С. 23–27; *Левин Ю. Д.* Восприятие английской литературы в России: Исследования и материалы. Л., 1990. Из содержания: С. 5–102: Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII в. (с. 76–102: Прилож. Материалы к библиографии статей из английских журналов в русских переводах XVIII в.); С. 103–133: Раннее восприятие творчества Джонатана Свифта; С. 134–230: Английская поэзия и литература русского сентиментализма (с. 203–230: Прилож. Английская поэзия XVII–XVIII вв. в русских переводах, 1745–1812: Материалы для библиографии); *Неустров А. Н.* 1) Историческое розыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1802 гг., библиографически и в хронологическом порядке описанных. СПб., 1874; 2) Указатель к русским повременным изданиям и сборникам за 1703–1802 гг. и к Историческому

розысканию о них. СПб., 1898; *Песков А. М.* Буало в русской литературе XVIII — первой трети XIX века. М., 1979. Из содержания: С. 134–143: Прилож. 1. Опубликованные переводы и подражания Буало, XVIII — первая треть XIX века: Материалы к библиографии; *Привалова Е. В.* О сотрудниках журнала «Детское чтение для сердца и разума» // *Русская литература XVIII века: Эпоха классицизма.* М.; Л., 1964. С. 258–268 (XVIII век. Сб. 6); *Разумовская М. В.* «Почта духов» И. А. Крылова и романы маркиза д'Аржана // *Русская литература.* 1978. № 1. С. 103–115; *Рак В. Д.* 1) Переводные анонимные произведения в «Городской и деревенской библиотеке»: [Библиогр. список] // Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. Л., 1976. С. 125–130 (XVIII век. Сб. 11); 2) Переводы в первом сибирском журнале // *Очерки литературы и критики Сибири (XVII–XX вв.): (Материалы к «Истории русской литературы Сибири»).* Новосибирск, 1976. С. 31–66 (с. 58–66: Прилож.: Переводы и подражания в журнале «Иртыш, превращающийся в Ипокрену»: [Библиогр. список]); 3) *Тобольский журнал XVIII в. «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей»* // *Проблемы жанра в литературе Сибири.* Новосибирск, 1977. С. 5–28 (с. 24–28: Прилож.: [Библиогр. список переводов, для которых установлены источники]); 4) Об одной ошибочной атрибуции: [Источник ряда переводов в журнале «Приятное и полезное препровождение времени»] // А. Н. Радищев и литература его времени. Л., 1977. С. 251–253 (XVIII век. Сб. 12); 5) Переводческая деятельность И. Г. Рахманинова и журнал «Утренние часы» // *Русская культура XVIII века и западноевропейские литературы:* Сб. ст. Л., 1980. С. 83–126 (с. 118–126: Прилож.: Список переводов в «Утренних часах», для которых установлены авторы, оригиналы, источники); 6) Переводчик В. А. Приклонский: (материалы к истории тверского «культурного гнезда» в 1770–1780-е годы) // *Проблемы историзма в русской литературе: конец XVIII — начало XIX в.* Л., 1981. С. 244–261 (XVIII век. Сб. 13) (с. 250–252: источники переводов В. А. Приклонского в журнале «Утренний свет»); 7) «Часы правителей» в русских переводах XVIII века // *Сервантесовские чтения.* Л., 1985. С. 15–19; 8) «Адская почта» и ее французский источник // *Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой.* Л., 1986. С. 169–197 (XVIII век. Сб. 15); 9) Гипотезы об издателе журнала «Смесь» // *Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века.* Л., 1989. С. 76–103 (с. 100–103: Прилож.: Переводы из пособий Д.-Э. Шоффена: [Библиогр. список]) (XVIII век. Сб. 16); 10) Петер Хольстен, библиотекарь британской фактории, и цикл «Краткие исторические известия» в тобольском журнале // XVIII век. СПб., 1991. Сб. 17. С. 88–122 (с. 121–122: Дополнительный список переводов в «Иртыше, превращающемся в Ипокрену»); 11) Переводы в журнале «Чтение для вкуса, разума и чувствований»: [Библиогр. список] // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. С. 230–261; 12) Об одном раннем переводе Фонвизина [в журнале «Полезное увеселение»] // Там же. С. 398–399;

13) Переводная литература в периодических изданиях // История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век / Отв. ред. Ю. Д. Левин. СПб., 1995. Т. 1. Проза. С. 280–295; 14) Русские литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII века: Иностранные источники, состав, техника компиляции. СПб., 1998. Из содержания: Введение; Гл. 1. Работа Ф. Эмина-сатирика с произведениями иностранных писателей: («Адская почта» и ее французский источник); Гл. 3. «Волтеризм» и «антиволтеризм» И. Г. Рахманинова: (иностранные источники «Утренних часов» и сборников 1787–1789 гг.); Гл. 4. Распространение просветительских идей в Сибири: (источники переводов в тобольских изданиях 1789–1794 гг.); Прилож. 1. Источники русских переводов рассказа «Le sauvage»; Прилож. 3. Из содержания журнала «Детское чтение»: (к иллюстрации «гнездового» расположения переводных материалов); Прилож. 4. Примеры компиляций П. Хольстена, переведенных в «Иртыше, превращающемся в Ипокрену». В монографии не воспроизведены библиографические приложения, присутствующие в первых публикациях гл. 3 и 4; 15) Ф. А. Эмин и Вольтер // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21. С. 151–161; *Светлов Л. Б.* «Мнение о избрании писев в “Московские сочинения”» Д. И. Фонвизина // XVIII век. М.; Л., 1958. Сб. 3. С. 490–492; *Свиясов Е. В.* Античная поэзия в русских переводах XVIII–XX вв.: Библиографический указатель. СПб., 1998; *Солнцев В. Ф.* 1) «Всякая всячина» и «Спектатор» // Журнал Министерства народного просвещения. 1892. Ч. 279. № 1. Отд. 2. С. 125–156; 2) «Смесь»: (Сатирический журнал 1769 года) // Библиограф. 1893. № 1. С. 21–42 (Отдельное издание: СПб., 1893; обл.: 1894); *Сводный каталог* русской книги гражданской печати XVIII века, 1725–1800. М., 1962–1967. Т. 1–5. Ссылки на т. 1–3: СК с указанием номера; на т. 4 (Периодические и продолжающиеся издания): СК. Т. 4, с указанием номера или страницы; *Brang P. A. M.* Kutuzov als Vermittler des westeuropäischen Sentimentalismus in Russland: (Zum Problem der Attribuierung anonymer Werke des 18. Jahrhunderts) // *Zeitschrift für slavische Philologie.* 1962. Bd. 30. H. 1. S. 44–57; *Drews P.* Deutsch-slavische Literaturbeziehungen im 18. Jahrhundert. München, 1996 (Slavische Beiträge. Bd. 337). Из содерж.: S. 163–169: V. Auswahl-Bibliographie: Deutsch-russische Literaturbeziehungen; S. 217–267: VI. 1. Publikationen deutscher Belletristik in slavischen Sprachen im 18. Jahrhundert: Russisch; *Keipert H.* 1) Eine verkannte Wieland-Übersetzung in Novikovs «Utrennij svet» // *Zeitschrift für slavische Philologie.* 1981. Bd. 42. H. 2. S. 227–241; 2) German Writers in Novikov’s Journals *Utrennij svet* and *Moskovskoe ezhemesiachnoe izdanie: (The Moralische Briefe zur Bildung des Herzens by Johann Jakob Dusch)* // *Russia and the West in the Eighteenth Century / Ed. by A. G. Cross.* Newtonville, Mass., 1983. P. 79–91; 3) Neue Quellen zu Novikovs «Utrennij svet» // *Zeitschrift für slavische Philologie.* 1984. Bd. 44. H. 2. S. 269–302.

Примечания

¹ Левин Ю. Д. Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века // Эпоха Просвещения: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967. С. 7. Автор не проводил различия между разновидностями переводимых на русский язык текстов, обозначая их все определением «источник».

² Более подробный исторический экскурс и обзор состояния дел на кон. XX в. см. во «Введении» к кн.: Рак 1998. С. 7–27. (Работы, обозначаемые в тексте и в сносках в сокращенной форме, см. в приложенной к ст. библиографии.) К сожалению, в обозримом будущем сложившееся положение вряд ли изменится. Ученые, совершившие эвристический прорыв, о котором идет речь, уходят, оставляя эту, как теперь принято говорить, «нишу» пустой, потому что в нынешний век повсеместной литературоведческой концептуализации не находится последователей, готовых заняться очень трудоемкой и, главное, неброской работой.

³ Сказанное хорошо иллюстрирует анонимный рассказ «Дикий» («Le Sauvage»), переведившийся на русский язык семь раз в промежутке 1778–1799. См. подробно: Рак 1995. С. 291; Рак 1998. С. 91–92, 266–271.

⁴ После необходимых общих предварительных замечок, касающихся всех родов переводной лит., в дальнейшем изложении главное внимание будет сосредоточено, соответственно тематике данного энциклопедического тома, на художественной лит. Вместе с тем будут сообщаться имеющиеся сведения о генезисе журнальных публикаций, относящихся к др. областям знания и творческой деятельности.

⁵ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 3. С. 361, 366–367.

⁶ Многочисленные примеры публикации новинки художественной лит. в перечисленных выше журналах приведены в подстрочных примеч. в ст. автора этих строк, откуда здесь воспроизведены текстуально большие фрагменты (см.: Рак 1995. С. 281–282).

⁷ Историки: Баснь // Утренние часы. 1788. Сентябрь 21. Неделя 23. С. 159–160.

⁸ Забавный путешественник: Путешествие четвертое: Брак // Там же. Сентябрь 28. Неделя 24. С. 162–173.

⁹ Например, «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» были переизданы через 40 лет после своего прекращения (см.: СК. Т. 4. № 151). «Детское чтение для сердца и разума», выходявшее в Москве в 1785–1789, было выпущено через 10 лет вторым изданием во Владимире (1799–1803), а также перепечатывалось в Москве в 1801–1819 (см.: *Детское чтение*).

¹⁰ Речь идет о переводах этих двух рассказов, опубликованных только в журналах; общее же число переводов было больше (см.: Левин. С. 29, где приведены и др. примеры).

¹¹ См. подстрочные примеч. в: Рак 1995. С. 285–286. Там же — ссылки на составленную Ю. Д. Левиным библиографию статей из английских журналов XVIII в., в которой учтено большинство указанных повторных из них пер.

¹² Левин Ю. Д. К вопросу о переводной множественности // Классическое наследие и современность. Л., 1980. С. 365–372.

¹³ Библиографию пер. из пособий Д.-Э. Шюффена см.: Рак 1989. С. 100–102. Дополнения — в подстрочном примеч. в: Рак 1995. С. 292.

¹⁴ Алексеев М. П. Английская поэзия и русская литература // Английская поэзия в русских переводах XIV–XIX века / Сост. М. П. Алексеев, В. В. Захаров, Б. Б. Томашевский. М., 1981. С. 536–539.

¹⁵ Чтение для вкуса, разума и чувствований. 1793. Ч. 10. № 55–57. С. 484–507; Ч. 11. № 69–70. С. 183–199; Ч. 12. № 85–86, 97–99. С. 3–28, 207–226. Пер. за подписями: Б..., Б., Б**.

¹⁶ РГИА. Ф. 730. Оп. 1. Д. 65. Л. 37. Речь идет о журналах: «Mannigfaltigkeiten: Eine gemeinnützige Wochenschrift» (1769–1773. Bd. 1–4), «Neue Mannigfaltigkeiten...» (1774–1777. Bd. 1–4), «Neueste Mannigfaltigkeiten...» (1778–1781. Bd. 1–4), «Allerneueste Mannigfaltigkeiten...» (1782–1785. Bd. 1–4), «Unterhaltungen für Kinder und Kinderfreunde» (1778–1787; идентификация предположительная, без просмотра издания de visu).

¹⁷ Вацуро В. Э. Из историко-литературного комментария к стихотворениям Пушкина. 3. Пушкин — читатель «Собрания русских стихотворений» // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1986. Т. 12. С. 311–312.

¹⁸ Библиографию см.: Левин. С. 78. № 1–15. Анализ принципов отбора ст.: Там же. С. 20–23.

¹⁹ Там же. С. 23. О немецких пер. журналов Дж. Аддисона и Р. Стиля и о французских пер.-посредниках см.: Там же. С. 13.

²⁰ Такова, например, занявшая несколько номеров 1739 и 1742 реферативная ст. академика Г. Ф. Крафта о «различных машинах». Подробно о ней и ее источнике, в самих «Примечаниях» названном неточно, см.: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Л.: Наука, 1983. Т. 11: Дополнительный, справочный. С. 197–202.

²¹ Далее в пределах раздела, посвященного этому журналу, сокращенно: ЕС.

²² Там же. Т. 10. Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 498.

²³ В СК (Т. 4. С. 131) приведен достаточно представительный, но неполный список, в котором отсутствует много имен, в т. ч. названных в самом журнале, и среди них нет даже знаменитых авторов, например: Эпиктет, Ксенофонт, Тацит, Джон Оуэн (Owen, 1560–1622). Далее в тексте и библиографических сносках пер. соч. писателей, включенных в список, не указываются; для их выявления следует обращаться к справочникам: Неустроев 1874, Неустроев 1898, а также к персональным и тематическим библиографиям, если таковые имеются.

²⁴ Например, отмечено, что по отделу экономических наук (включавшему, по понятиям XVIII в., ст. по политической экономии, торговле, ремесленному и промышленному производству, сельскому хозяйству, домоводству) «Миллер знакомил своих читателей с произведениями знаменитейших тогдашних экономистов» (Д. Беллони, И. Г. Г. Юсти, А. Л. Шлецера и др., «особенно шведских писателей») и, «если по предмету политической экономии выходило новое и почему-либо замечательное сочинение, спешил знакомить с его содержанием своих читателей посредством подробных и по большей части искусно составленных извлечений» ([Милютин В. А.]. Очерки русской журналистики, преимущественно старой. 1. «Ежемесячные сочинения», журнал 1755–1764 годов: Ст. третья и последняя // Современник. 1851. Т. 26. № 3. Март. Отд. II. С. 15–16).

²⁵ Размышления о землетрясениях: Из Дрезденских ученых ведомостей под № 6, 1756 года // ЕС. 1756. Март. В следующем номере в ЕС появилось «Письмо о землетрясениях» некоего Г. В. Вегнера.

²⁶ Наиболее полный обзор отделов «стихотворного» и «изящной прозы», а также пер. разного содержания (включая литературные) содержится в ст.: Милютин В. А. Очерки русской журналистики... // Современник. 1851. Т. 25. № 1. Январь. Отд. II. С. 18–52; № 3. Март. Отд. II. С. 7–31. В библиографическом отношении эта работа безнадежно устарела.

²⁷ Легкий способ господина Бюффона, как придавать лемму большую плотность, крепость и прочность // 1759. Январь. Полное название журнала: *Histoire de l'Académie royale des sciences avec les mémoires de mathématique et de physique tirés des registres de cette Académie* (1666–1790).

²⁸ О различности цветов кожи на теле человеческом, рассуждение англичанина Иоанна Мизеля, взято из Философических трансакций королевского Аглинского наук собрания // ЕС. 1759. Август.

²⁹ Примечания о человеке, который по виду был мертв, и надуванием легкого оживлен: Из Сочинений Аглинского собрания наук, № 475, стр. 275 // ЕС. 1761. Июль.

³⁰ См.: *Радовский М. И.* Из истории англо-русских научных связей. М.; Л., 1961.

³¹ Фридерика Палмквиста история о мусике: Переведена из сочинений Шведской Академии наук. Том X. 1748 году. Стран. 163 // ЕС. 1760. Апрель.

³² История о географии: Переведенная из сочинений Королевской Шведской Академии наук на 1740 год // ЕС. 1760. Ноябрь. — Якова Фаггота, инспектора при землемерии в Швеции, Рассуждения о познании и описании отечества: Переведенные из сочинений Шведской Академии наук. Том III, стр. 3 // ЕС. 1761. Июнь. — О мудром попечительстве древних шведов для пресечения расширяющейся роскоши: Экстракт из речи, говоренной 29 генваря 1757 года... графом Генн. Адольф. Гилленборгом, в Стокгольмской Академии наук, при сложении президентства // ЕС. 1764. Сентябрь.

³³ Ст. из «Сочинений Шведской Академии наук» находятся также в следующих номерах: 1761. Май (две); 1762. Март, апрель, май, декабрь; 1764. Август.

³⁴ О свойстве и силе сахара // ЕС. 1760. Июнь. — Известие Доминика Марии Мани из Флоренции о изобретении очков // ЕС. 1763. Июнь. Здесь и далее в сносках о пер. из зарубежных журналов, печатавших исключительно или преимущественно статьи естественнонаучного, «экономического» и прикладного содержания, опускаются, как правило, приводимые в ЕС библиографические сведения об источнике публикации. Для журналов смешанного содержания и отдельных ст. гуманитарного содержания они сохраняются.

³⁵ О изобретателе магнитная стрелки: Сочинение господина Иоанна Хризостома Тромбелли // ЕС. 1762. Октябрь, ноябрь. — О изобретении магнитной стрелки: Сочинение Абундия Коллина // ЕС. 1762. Декабрь. В данном случае налицо тематическая подборка из разных томов и частей журнала, издававшегося в Болонье.

³⁶ Речь о пользе от испытанья природы, человеческому роду происходящая, читанная... доктором Гирцелем // ЕС. 1763. Март, апрель, май.

³⁷ Известие о новейших опытах, в Англии учиненных в рассуждении определения долготы места // ЕС. 1764. Апрель.

³⁸ Наличие этого большого списка позволяет заметить, что немецкий исследователь, назвавший в качестве импульса и образца для ЕС только издававшийся И. Х. Готшедом в Лейпциге ежемесячный журнал «*Das Neueste aus der anmuthigen Gelehrsamkeit*» (1751–1762) (см.: *Donnert E.* Zum russischen Buch-, Verlags- und Zeitschriftenwesen (1700–1783) // *Literaturbeziehungen im 18. Jahrhundert: Studien und Quellen zur deutsch-russischen und russisch-westeuropäischen Kommunikation* / Hrsg. Н. Graßhoff. Berlin, 1986. S. 252), сильно упростила и обеднила источниковедческий фон русского журнала. К слову сказать, этот журнал в списке Г. Ф. Миллера не значится и ссылок на него в ЕС при переводных ст. не имеется.

³⁹ Полное название: «*Stockholmsches Magazin, darinnen kleine schwedische Schriften, welche die Geschichte, Staatsklugheit und Naturforschung betreffen... mitgetheilet werden*» (Stockholm, 1754–1756). Издатель: Карл Эрнст Клайн (Klein, ранее 1741 — позднее 1757).

⁴⁰ Разные мысли и примечания, переведенные из Грейфсвальдских сочинений, к пользе и увеселению служащих: Из части первой, стр. 21 и 61 // ЕС. 1759. Январь. (*Drews.* № 544). — Рассуждение о вредности медной посуды, употребляемой к приуготовлению пищи: Переведено из Грейфсвальдских способов, к пользе и увеселению служащих, из части I, страница 69 // ЕС. 1759. Апрель. — Разговор о вреде обществу, от неискusstных учителей происходящем: Переведено из Грейфсвальдских сочинений 1754 году, стран. 5 // ЕС. 1759. Сентябрь. (*Drews.* № 485; Marcialis N. Caronte e Caterina: *Dialoghi dei morti nella letteratura russa del XVIII secolo.* Roma, 1989. S. 252). — О тщеславии // ЕС. 1759. Сентябрь. (*Drews.* № 465). — Рассуждение о благополучии, какое человек на земле иметь может: Переведено из Грейфсвальдских сочинений 1754 году, стран. 49 // ЕС. 1759. Ноябрь (*Drews.* № 476). — О благоразумии: Переведено из Грейфсвальдских сочинений 1754 году. Стран. 13 // ЕС. 1760. Февраль. (*Drews.* № 502). — Мысли и рассуждения // ЕС. 1760. Май (*Drews.* № 544). — Перевод из Грейфсвальдских сочинений к пользе и увеселению служащих 1753 году. Стр. 21 // ЕС. 1760. Июль (*Drews.* № 544). — О усмотренных маленьких животных, на море свет производящих: Переведено из Грейфсвальдских ученых сочинений, к пользе и удовольствию служащих. 1754. Стран. 17 // ЕС. 1760. Сентябрь. — О великой обширности учения: Из Грейфсвальдских сочинений, к пользе и увеселению служащих. Часть II. Стр. 41 // ЕС. 1761. Январь. (*Drews.* № 548). — Разговор о пользе, какую плохие мастера в художествах и науках своих приносят людям: Из Грейфсвальдских сочинений 1754 года, стр. 11 // ЕС. 1761. Апрель. (*Drews.* № 486). — Мысли о тленности: Из Грейфсвальдских сочинений, к пользе и увеселению служащих, часть II, лист 20 // ЕС. 1761. Июль (*Drews.* № 478). — Рассуждения о зависти: Из Грейфсвальдских сочинений, к пользе и увеселению служащих, часть II, нум. XXV // ЕС. 1761. Сентябрь. (*Drews.* № 547). — Разговор Сократов, что легче: добрым ли быть господином, или добрым служителем: Переведено из Грейфсвальдских сочинений, к пользе и увеселению служащих, 1754 году, лист 28 // ЕС. 1762. Март (*Drews.* № 530). — О настоящем разделении нашего времени: Переведено из Грейфсвальдских сочинений, к пользе и увеселению служащих, на 1754 год, лист 37 // ЕС. 1762. Апрель. (*Drews.* № 549). — Опыты о муравьях: Перевод из Грейфсвальдских сочинений, к пользе и удовольствию служащих, часть II. 1754, стр. 135 // ЕС. 1762. Август. Из этих 16 публикаций четыре восходят к т. 1 (1753) немецкого журнала (причем три представляют одну в нем подборку — *Drews.* № 544), а 12 — к т. 2 (1754). Издатель журнала — Иоганн Карл Денерт (*Dähnert*, после 1710 — 1785).

⁴¹ Правила воспитания детей из первой части Патриота, стран. 176 // ЕС. 1755. Май. (Перевел Ф. А. Полунин; об авторской рукописи пер. см.: *Берков.* С. 104, сноска 2). — Перевод из Гамбургского Патриота, лист 14 // ЕС. 1756. Октябрь. — О смерти: Пер. с нем. // ЕС. 1756. Декабрь. — Перевод из третьей части Гамбургского Патриота // ЕС. 1757. Окт. (Перевел В. И. Лебедев). — Об истинной долготе человеческой жизни // ЕС. 1757. Декабрь. (Перевел И. И. Голубцов). — О совести: Перевод из Гамбургского Патриота, часть 134 // ЕС. 1758. Январь. — Перевод из Гамбургского Патриота, лист 77 // ЕС. 1762. Ноябрь. — Описание прекрасной страны: Из Гамбургского Патриота, лист 23 // ЕС. 1764. Май (Перевел Ф. А. Полунин). Переведены соответственно № 18, 14, 11, 122, 52, 134, 77, 23.

⁴² Разговоры по подобию Лукиановых // ЕС. 1756. Апрель. (Перевел А. А. Нартов; см. также: Marcialis N. Caronte e Caterina. P. 251–252). — Письмо Ахмета сына Солиманова к молодому Али сыну Ибрагимову // ЕС. 1758. Январь. (Перевел А. А. Нартов;

о др. пер. см.: *Рак В. Д.* Библиографические заметки // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19. С. 189. № 572). — Письмо с предсказательствами: Переведено из книги *Der Freund*, часть I. Стран. 403 // ЕС. 1758. Июнь. — О истинном дружестве: Перевод из книги, называемой *der Freund* (Друг), часть I, стр. 385 // ЕС. 1758. Август. — О людях, обещаний своих не исполняющих: Переведено из книги, *der Freund* называемой // ЕС. 1759. Март. — Разные примечания: Из второй части книги, называемой *der Freund*, лист 32 // ЕС. 1759. Июнь. Переведены соответственно № 39, 4–5, 26, 25, 28, 32. Издатель-редактор немецкого журнала — Иоганн Фридрих фон Кронек (*Cronegk*, 1731–1758), чьи произведения неоднократно переводились на русский язык (*Drews*. № 595).

⁴³ Ред. журнала — Иоганн Иоахим Швабе (*Schwabe*, 1714–1784), последователь И. Х. Готшета. В списке Г. Ф. Миллера значится: «Увеселения разума, печатанные в Лейпциге, с 1741 по 1745 год вышло 8 томов»).

⁴⁴ Автор // ЕС. 1755. Июль–Декабрь. (*Drews*. № 630).

⁴⁵ См.: *Берков П. Н.* Ломоносов и литературная полемика его времени, 1750–1765. М.; Л., 1936. С. 171–175; *Модзалевский Л. Б.* Ломоносов и «О качествах стихотворца рассуждение»: (Из истории русской журналистики 1755 г.) // Литературное творчество Ломоносова: Исследования и материалы. М.; Л., 1962. С. 151–156; *Шастина Т. П.* Журнал «Ежемесячные сочинения» и проблема писателя // Русская литература. 1987. № 3. С. 131–140.

⁴⁶ Достойная любви // 1755. Август. (*Drews*. № 640).

⁴⁷ Демокрит: Разговор мертвых: Перевод из Лейпцигских ежемесячных сочинений к увеселению разума служащих [*Belustigungen des Verstandes und Witzes*]. Том I, стр. 101 // 1764. Ноябрь. См.: *Marcialis N. Caronte e Caterina*. P. 254.

⁴⁸ Редактор т. 1–4 (1744–1748) — К. Х. Гертнер, т. 5 (1748–1750) — Иоганн Маттиас Драйер (*Dreyer*, 1717–1769). Пятый том издавался как продолжение журнала без согласия его основателей, остановивших его на т. 4 (см.: *Wilke J.* *Literarische Zeitschriften des 18. Jahrhunderts* (1688–1789). Stuttgart, 1978. Т. 2: *Repertorium*. S. 55).

⁴⁹ Швифтовы размышления о разных материях: Переведено из Бременских сочинений, к увеселению разума служащих. Том V, стр. 114. — Флорио: Нравоучительная повесть: Переведенная из Бременских сочинений, к увеселению разума служащих. Том V, стран. 201. — О смерти Сократовой: Переведено из Бременских сочинений, к увеселению разума служащих. Том V, стр. 315. — О удовольствии: Фабула: Переведенная из Бременских сочинений, к увеселению разума служащих, том V, стр. 297. (*Drews*. № 470, 538, 551). Об ошибке немецкого и вслед за ним русского переводчиков, приписавших Швифту афоризмы А. Попа (*Pope*, 1688–1744), см.: *Левин*. С. 111.

⁵⁰ О варении мясной похлебки до тех пор, пока стугится, и о сушении оной плитками, которые употребить можно в кушанье // ЕС. 1756. Ноябрь. — Собрание некоторых наблюдений и примечаний о теплоте и стуже на свободном воздухе // ЕС. 1758. Март. — Дозволено ли и сходствует ли с натуральным правом и с здравым рассуждением употреблять шпионов на войне против неприятеля // ЕС. 1758. Май. — Письмо о плодоносии и неплодоносии овощных дерев // ЕС. 1758. Июнь. — О добром совете // ЕС. 1759. Сентябрь. — О воспитании детей, особливо как при хождении за малыми детьми поступать должно // ЕС. 1759. Сентябрь. — О людях, кои думают про себя, что они здоровы // ЕС. 1760. Март. — Дозволяется ли прививание воспы по христианскому закону и нравочению // ЕС. 1760. Июнь. — Письмо о воспитании малых детей // ЕС. 1760. Ноябрь. — Историческое и географическое описание города Пондишери // ЕС. 1761. Сентябрь, октябрь. — О наилучшем способе к сохранению здравия // ЕС. 1762. Апрель. — Лучше ли свет стал или хуже, в рассуждении обхождения человеческого и

переменяющихся мод? Разговор: Из Ганноверских Сочинений, к пользе и увеселению служащих. Лист 39. 1761 года // ЕС. 1764. Сентябрь. (Автор — Николаус Эренрайх Антон Шмид(т) (Schmid(t), 1717–1785. — *Drews*. № 817).

⁵¹ В ЕС автором разговора был назван А. фон Галлер, а источником пер. — издававшийся в Берне «Месячный мартовский журнал» за 1760 г. Эти сведения русскими учеными были приняты на веру (см., например: *Милютин В. А.* Очерки русской журналистики... // Современник. 1851. Т. 25. № 1. Январь. Отд. II. С. 42; *Данилевский Р. Ю.* Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII–XIX вв. Л., 1984. С. 50), но в последнее время немецкий исследователь подверг их сомнению, указав, что не существовало подобного журнала и среди соч. Галлера на русские темы нет такого «Разговора» (*Drews*. № 685); ему принадлежит предположение об источнике русской ст.

⁵² Размышления о бессмертии душ: Переведены из II части Пилигрима стран. 35 // 1755. Ноябрь. (Перевел Ф. А. Полуинин). Переведен № 57 (1744). (*Drews*. № 518).

⁵³ Храм природы и щастия: Сон // 1757. Апрель. (Перевел М. А. Красильников). Переведен: Th. 1. St. 3 (1753). Др. литературный пер. из этого журнала см. с. 340. Журнал служил также источником ст. «экономического» содержания: Полезные способы к охранению железа от ржавчины // ЕС. 1761. Март. — О новой и важной пользе в химии; Рассуждение о раках; О вредном обыкновении без ведома врачей употреблять лекарства // ЕС. 1761. Май. — О боязни непогоды // ЕС. 1761. Июнь. — Рассуждения врача об одежде // ЕС. 1762. Декабрь. Издатель журнала — Иоганн Август Унцер (Unzer, 1727–1799).

⁵⁴ Мысли о науке молчания: Из Гамбургских сочинений, к пользе и увеселению служащих, часть I, стр. 77 // ЕС. 1760. Декабрь. (*Drews*. № 477). — Защищение скупости против стихотворцев: Из Гамбургских нравоучительных сочинений, Том I, стр. 421 // ЕС. 1762. Июнь. (*Drews*. № 546). В списке Г. Ф. Миллера: «Гамбургские сочинения о делах остроумия и нравоучительной науки с 1753 году 2 тома». Оба пер. — из т. I (1753).

⁵⁵ О незнании будущего // ЕС. 1762. Сентябрь. Переведен № 4. (*Drews*. № 453).

⁵⁶ О моральном инвалидном доме: Из книги *Meisterstücke*, часть II, стр. 57 // ЕС. 1762. Ноябрь. Переведен № 24. Сведения о журнале, в котором была напечатана немецкая ст., не совпадающие с указанным в подзаголовке источником, приведены в: *Drews*. № 464. Издатель журнала: Фридрих Самуэль Бок (Bock, 1716–1786). Посредствующий журнал, в котором ст. была перепечатана: *Meisterstücke moralischer Abhandlungen englischer und deutscher Sittenlehrer*. Göttingen, 1750–1757. Samml. 1–5; 2. Aufl. 1754. Samml. 1; 3. Aufl. 1761. Издатель журнала: Генрих Эйльхард Шредер (Schröder, 1719–1753).

⁵⁷ Письмо о бытии божием: Из еженедельных листов, *Meisterstücke* называемых, часть II, лист 14 // ЕС. 1764. Август. Автор — Иоганн Христиан Клапрот (Claproth, 1715–1748), издатель журнала. Ст. находится в т. 4. (*Drews*. № 588), но переведена по перепечатке в периодическом издании, указанном в подзаголовке (см. сноску 56).

⁵⁸ О самопознании: Из еженедельных листов, *die Welt* называемых, часть I, стран. 187 // ЕС. 1763. Январь.

⁵⁹ Легкой способ, как всегда свежие цветки и плоды иметь можно; О поправлении красильного дела // ЕС. 1758. Ноябрь. — Средства от мозоли // ЕС. 1759. Май. — Краткое объявление о высоковознесшейся от купечества и мануфактур французской силе // ЕС. 1759. Октябрь. — Поощрение к опытам с замерзлыми людьми, чтоб их паки привести в чувство // ЕС. 1759. Ноябрь. — Средства против некоторых насекомых // ЕС. 1760. Февраль. Полное название журнала: «Phi[!]sikalisch-oekonomische Wochenschrift, welche als

eine Realzeitung das nützlichste und neueste aus der Natur- und Haushaltungswissenschaft enthält...». Ред. — Иоганн Эрнст Фридрих Бернгард (Bernhard, 1723–1798).

⁶⁰ О муравьях // ЕС. 1759. Август. — Господина де Соважа описание о шелковых червях и о надежнейшем средстве к их воспитанию // ЕС. 1761. Февраль. — О изобретении и древности подзорных трубок, и о великой пользе оных в астрономических наблюдениях: Королевскому собранию наук в Лондоне предложено Карлом Ламоттом, доктором богословия и придворным проповедником Принца Валлиса // ЕС. 1761. Апрель. — Похвала астрономии: Сочинение господина А. Г. Кестнера // ЕС. 1764. Февраль. — П. аббата Д. Диего Ревилласа Сочинение о происхождении камней из воды, читанное в Аркадском собрании 12 сентября 1737 года // ЕС. 1764. Апрель. Полное название журнала: «Hamburgisches Magazin, oder gesammelte Schriften, zum Unterrichts und Vergnügen aus der Naturforschung und den angenehmen Wissenschaften überhaupt» (1747–1767. Bd. 1–26).

⁶¹ См. сноску 25.

⁶² Наблюдения о действиях опиума: Перевод из Гамбургского Физического и Экономического Патриота, 25 часть 1756 года // ЕС. 1759. Октябрь. Полное название журнала: «Der physikalische und ökonomische Patriot oder Bemerkungen und Nachrichten aus der Naturhistorie, der allgemeinen Haushaltungskunst und der Handlungskunst». Издатель — И. А. Унцер (см. сноску 53).

⁶³ О способах от скотского падежа: Из немецких газет, Имперской почтарь называемых, № 20 и 22 сего года // ЕС. 1764. Март. Предполагаемый источник: «Staats- und Gelehrte Zeitung des hamburgischen unparteyischen Correspondenten».

⁶⁴ Сон // 1755. Август, ноябрь.

⁶⁵ См.: *Тронская М. Л.* Немецкая сатира эпохи Просвещения. Л., 1962. С. 32–33. В 1761 вышло 6-е издание, в 1771 — 10-е.

⁶⁶ Немецкая пословица: Платье делает людьми: Перевод из Рабенеровых сатирических сочинений // ЕС. 1759. Июль. (*Drews.* № 798). Этот пер. Нартова из «Sammlung satirischer Schriften» Рабенера был хронологически вторым; первый он отдал в «Трудолобивую пчелу» (см. с. 345).

⁶⁷ Похвала добродетели: Переведено из немецкой книги, называемой: Нравоучительные мысли, часть I, стран. 265; От чего рождается охота к спорам, и чтоб быть в них непобедимым?: Переведено из книги *Moralische Gedanken*, часть I, стран. 316 // ЕС. 1760. Март. (*Drews.* № 788).

⁶⁸ Изображение совершенного человека // ЕС. 1761. Август. — Своенравие и упрямство; Щедрость // ЕС. 1761. Октябрь. — Сребролюбивой // ЕС. 1761. Ноябрь. — Ленивой // ЕС. 1761. Декабрь. — Герой // ЕС. 1762. Июнь. — Пиита // ЕС. 1763. Июль. (*Drews.* № 761).

⁶⁹ О избирании учителей к детям на дом // ЕС. 1758. Февраль. — О воспитании детей у афинян // ЕС. 1758. Май. — О вреде, которой происходит от того, когда детей вдруг много принуждают учиться // ЕС. 1760. Январь. Автор назван: Маен, Маиен, Меиен. Подлежит проверке *de visu*, не эта ли же книга явилась источником напечатанной без указания автора и переводчика пространной ст.: О воспитании детей у римлян // ЕС. 1758. Июль, август, сентябрь, октябрь — или же в данном случае имеет место сознательная тематическая подборка материалов разного происхождения.

⁷⁰ Речь на полуученых, переведенная с латинского языка // ЕС. 1758. Февраль. Источник указан в ЕС: Paulini a S. Iosepho, Cler. reg. Scholarum piarum praepositi generalis, *Orationes XXIII. habitae in Archigymnasio Romanae Sapientiae. Ulmae, 1756. Oratio in Sciolos I. P. 135.*

⁷¹ Французский пер.: *Dernières paroles d'un père expirant a son fils.* Berlin, 1758. Переводчик: Иоганн Георг Мюхлер (Müchler, 1724–1819).

⁷² О горе Везувии из Кейзлера путешественного описания письмо 57, стран. 746 с след. // ЕС. 1756. Август.

⁷³ Библиографию см.: *Левин. С. 78–80. № 16–57; С. 25, сноска 63. Историко-литературный анализ: Там же. С. 23–33.*

⁷⁴ Полное название журнала: «The Universal Magazine of Knowledge and Pleasure» (1747–1814).

⁷⁵ Том начинается № 322 и оканчивается № 394.

⁷⁶ «The Spectator» Аддисона и Стиля составил 8 томов, а т. н. 9-й образовало продолжение, издававшееся в 1715 г. писателем Уильямом Бондом (Bond, ум. 1735).

⁷⁷ Последним переведенным из т. 9 был № 686, а кончается том № 696.

⁷⁸ До формирования этой систематической подборки был напечатан много ранее (октябрь 1755) лишь один пер. (The Guardian. № 61), выполненный бароном И. И. Черкасовым, который прислал его из Лондона (*Левин. С. 32; с. 78. № 17*).

⁷⁹ Ранее из этого журнала были с очень большим интервалом переведены и опубликованы (декабрь 1757, май и сентябрь 1761) два очерка, занимавшие три номера (см.: *Левин. С. 78–79. № 20, 43–44*). Переданное по-русски в двух вариантах название («из Аглинского Татлера», «из Аглинского Татлера» — см.: Там же. № 43–44, 53 и 56) свидетельствует о том, что В. И. Лебедеву и ред. ЕС не было известно значение английского слова «tattler» (болтун; в старом написании: «tatler») и они, совершая ошибку, вызываемую «ложным другом переводчика», принимали его за эквивалент немецкого существительного «Tadler» (порицатель, хулигатель), тем более что им был известен немецкий журнал И. Х. Готшеда «Die vernünftigen Tadelrinnen» (см. с. 329).

⁸⁰ Первый том «The Spectator», заключающий номера от 1-го до 80-го, был пройден, кажется, до кон. (в ЕС напечатаны пер. № 11 и 77 — *Левин. С. 80. № 54, 57*). Из «The Tatler» переведены близрасположенные № 23 и 25 (Там же. № 53, 56).

⁸¹ В промежутке, вне, по-видимому, этой последовательной работы с журналами, был напечатан пер., подлинник которого еще предстоит установить: О суетном желани старых людей: Из книги Sammlung moralischer und satyrischer Schriften // ЕС. 1763. Январь. Подлинником этого перевода была статья в английском журнале «The Universal Spectator, and Weekly Journal» («Всеобщий Зритель и Ежедневная газета», 1728–1746). Журнал был основан поэтом и естествоиспытателем Генри Бейкером (Baker, 1698–1774) с Даниэлем Дефо, написавшим полностью № 1, и издавался от имени вымышленного Г. Стоункаста. Вышло 907 номеров. Сразу по окончании было выпущено собрание избранных статей: The Universal Spectator / By Henry Stonecastle of Northumberland. London, 1747. Vol. 1–4; 3rd ed. London, 1756. Предполагаемый издатель — сотрудник журнала писатель Джон Келли (Kelly, 1680?–1751). Немецкий перевод издавался несколько раз (см.: Gesamtverzeichnis des deutschsprachigen Schrifttums (GV), 1700–1910. München e. a., 1979–1987. Bd. 122. S. 284; Bd. 140. S. 310; Bd. 160. S. 651): Der allgemeine Zuschauer, aus dem Englischen übersetzt. 2. – 3. Jahrgang. Zelle, 1742–1743 (продавалось в петербургской академической книжной лавке, см.: Erster Anhang zu dem Verzeichniß von alten und neuen Bücher die in dem Buchladen bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften zu haben sind. Spb., 1750. S. 128); Stonecastel H. Sammlung moralischer und satyrischer Schriften: Aus dem Englischen übersetzt. Zelle, 1743–1749. T. 1–4 (переиздания: Zelle, 1751–1756. T. 1–4; Cöln, 1893); Stonecastel H. Moralisch und satyrische Briefe: Aus dem Englischen übersetzt. Zelle, 1749 (продавалось в петербургской академической книжной лавке, см.: Erster Anhang zu dem Verzeichniß... S. 125) (переиздание: Zelle, 1756). См. также сноска 86, 198.

⁸² Не учтена ст.: Благополучие человеческое зависит не от места // ЕС. 1755. Ноябрь. (Перевел С. А. Порошин). Переведен: Т. 1. № 6.

⁸³ Der Schwärmer oder Herumstreifer: Eine Sittenschrift, aus dem Englischen. Leipzig, 1754–1755. Т. 1–4. Этот источник назван при пер., указанном в сноске 82. Переведенной ст. Элизабет Картер (Carter, 1717–1806) предшествовала в ЕС заметка об этой писательнице, в самом «The Rambler» отсутствовавшая (Левин. С. 79. № 24; с. 31, сноска 72). Очевидно, это сочетание было напечатано в посредствующем издании, откуда и перешло в русский журнал. Автору данной ст. не представилось возможности проверить, был ли этим посредником «Der Schwärmer» или какой-нибудь др. французский либо немецкий источник. Исследователям заметка о Картер известна только на французском языке в более поздней (1807) перепечатке (см.: Симмонс Д.-С.-Г. Сэмюэль Джонсон «на берегах Волги» // Международные связи русской литературы: Сб. ст. М.; Л., 1963. С. 164–165).

⁸⁴ См. также сноску 53.

⁸⁵ А. А. Нартов и С. А. Порошин переводили только с немецкого и французского языков (Лепехин М. П. Нартов А. А. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. С. 322; Степанов В. П. Порошин С. А. // Там же. С. 478).

⁸⁶ Письмо о производимом действии музыкою в сердце человека: Взято из собрания нравоучительных и сатирических сочинений господина Стонекастеля, часть IV, стран. 38 // ЕС. 1756. Июль. О журнале и немецком пер., которым пользовался С. А. Порошин, см. сноску 81.

⁸⁷ Нравоучительные мнения некоторых персидских царей по восточным писателям // ЕС. 1759. Июль. О пер. см.: Чечулин Н. Д. Хронология и список сочинений Кн. М. М. Щербатова. СПб., 1900. С. 17. № 2 (Отт. из: Журнал Министерства народно-го просвещения. 1900. № 8).

⁸⁸ Подлинник: An Universal History, from the earliest account of time to the present: compiled from original authors [by G. Sale, G. Psalmanazar, A. Bower, G. Shelvocke, J. Campbell, J. Swinton etc.] and illustrated with maps, cuts, notes, etc. London, 1736–1765. 23 vols; London, 1747–1766. 64 vols. Немецкий пер.: Die allgemeine Welthistorie, die in England durch eine Gesellschaft von Gelehrten ausgefertigt, nebst den Anmerkungen des holländischen Übersetzers, mit vielen Kupfern und Karten, genau durchsehen, mit häufigen Anmerkungen vermehrt und einer Vorrede herausgegeben von S. J. Baumgarten. Halle, 1746–1759. Th. 1–18 (издание имело продолжение). Информационное сообщение об этом труде появилось в ЕС много позже пер. М. М. Щербатова: 1763. Март. С. 281–283; 1764. Январь. С. 87.

⁸⁹ Речь идет о листке «The British Merchant; or Commerce preserv'd, in answer to the Mercator or Commerce Retriev'd», выпускавшемся дважды в неделю (1713. 7 Aug. — 1714. 30 July. № 1–103) при участии крупных лондонских коммерсантов для противодействия заключению торгового договора с Францией, который поддерживал, в частности, Д. Дефо в своем памфлете, указанном в названии листка. Журнал пользовался большим вниманием; в 1721 один из его сотрудников, служащий Казначейства Чарлз Кинг (King; см. о нем ст. в изд.: Dictionary of National Biography / Ed. by L. Stephen and S. Lee. London, 1921–1922. Vol. 11. P. 124–125), переиздал его в книжной форме в трех томах, и в этом виде «The British Merchant» перепечатывался еще дважды (1743, 1748), а незадолго до нач. ЕС был переведен на французский язык и вышел двумя изданиями (Négotiant anglois ou traduction libre du livre intitulé: The British Merchant, contenant divers mémoires sur le commerce de l'Angleterre avec la France, le Portugal &

l'Espagne: Publié pour la première fois en 1713 / [Adaption par François Véron Duverger de Forbonnais, 1722–1800]. Dresden; Paris, 1753; Amsterdam, 1755). С французского перевода был позднее сделан и немецкий: Der englische Kaufmann oder Grundsätze der englischen Handlung aus dem Buche The British Merchant gezogen... / Hrsg. von Johann Luder Albrecht. Leipzig, 1764. Издание 1755 г. в том же году поступило в петербургскую академическую книжную лавку, повторно в ее каталоге оно было объявлено в 1761 г. (см.: V. Suplement au Catalogue des livres françois anciens et nouveaux, qui se trouvent dans la librairie de l'Académie Impériale des Sciences à St. Pétersbourg. 1755. P. 30; X. Suplement... [1761]. P. 29).

⁹⁰ Сочинение англичанина Фомы Кулпепера, писанное в 1621 году против лихоимства, в котором в рассуждении торгов и земледелия следствия денежного роста рассматриваются // ЕС. 1758. Декабрь. Французский перевод: Traités sur le commerce et sur les avantages qui résultent de la réduction de l'intérêt de l'argent, par Josias Child,... avec un petit traité contre l'usure [par T. Culpeper] / [Trad. de l'anglais par Vincent de Gournay et Georges-Marie Butel-Dumont]. Amsterdam; Paris, 1753; Amsterdam, 1754. В 1753 г. было, кажется, два издания (в заглавии одного вместо слова réduction значится diminution). Издание, продававшееся в петербургской академической книжной лавке в один год с «Négotiant anglois» (см. сноску 89), значилось в каталоге вышедшим в Амстердаме в 1755 г. (см.: V. Suplement au Catalogue des livres françois... 1755. P. 32; X. Suplement... [1761]. P. 41).

⁹¹ Эти публикации отражены под фамилиями авторов в систематическом указателе: *Неустроев* 1898.

⁹² Разговор между Аристом и Евгеном о море // ЕС. 1757. Март. (Пер. Н. Г. Курганова; подлинник в кн.: *Bouhours D. Les entretiens d'Ariste et d'Eugène*. Paris, 1671 и переизд.).

⁹³ О клятвопреступлении // ЕС. 1756. Июнь. (Пер. С. А. Порошина из «Les Voyages de Sutus»).

⁹⁴ Разговор о должностях человека // ЕС. 1755. Март. — Разговор о необходимости, чтоб мысли свои обращать к Богу, и о происходящем от того веселии // ЕС. 1756. Март. В первом, который в подлиннике называется «Des devoirs de l'homme et du Prince», опущена часть, где говорится об обязанностях правителя.

⁹⁵ Перечень пер. в ЕС прозаических и поэтических произведений Фонтенеля см.: *Неустроев* 1898. С. 724.

⁹⁶ Оправдание переводов: Переведено с французского с Сочинений аббата Гедоина // ЕС. 1760. Июль. Перевел М. М. Щербатов (см.: *Чечулин Н. Д.* Хронология и список сочинений Кн. М. М. Щербатова. С. 18. № 7; там же в сноске 1 предположение об источнике). Попутно отметим, что в том же номере ЕС напечатан еще один пер. Щербатова, источник которого не установлен: «Слово о спокойствии души: Взятое из Иппарха, философа пифагорейского» (*Чечулин Н. Д.* Указ. соч. С. 17–18. № 6).

⁹⁷ Эпистола к Ротенбургу о путешествиях // ЕС. 1761. Апрель. — Письмо к Даржету о защищении королей: Из книги: Философ без попечения: С французского подлинника перевел А. Нартов // ЕС. 1764. Июль. (Согласно подзаголовку, источником явился том поэтических произведений Фридриха II в собрании его сочинений: *Oeuvres du philosophe de Sans-Souci* (первое изд.: [Berlin], 1750; несколько изданий: 1760). Вполне вероятно, что переводчик пользовался одним из изданий 1760 г.) (*Drews*. № 626).

⁹⁸ О критических или решительных днях при болезни: Из Французского Меркурия (*Mercure de France*) на месяц апрель 1756 года. Стр. 150 и след. // ЕС. 1759. Июль.

⁹⁹ Перевод из Меркурия Французского, месяца Июля 1764 году, стр. 204: Письмо к господину Де ла Пласу о важном происшествии // ЕС. 1764. Декабрь. Автор письма к редактору «Mercure de France», подписавшийся де-Бастис, сообщил ему письма, напечатанные в прибавлении к «Санктпетербургским ведомостям» от 21 мая 1764 г. (№ 41).

¹⁰⁰ Мысли о Фортуне, переведенные из французской книги, называемой Пчела Парнасская // ЕС. 1759. Март. — Нравоучительные рассуждения, выбранные из Эпиктета, Симплициуса и Арриана // ЕС. 1759. Сентябрь. (Пер. М. М. Щербатова; на рукописи помета: «Переведено из “Парнасской пчелы” 1750 г. лист 30»). — Рассуждения о нужде быть упражнену для избежания от скуки и о приятностях, которые страсти имеют для человека: Переведено из Парнасской пчелы 1750 году, лист XLVI // ЕС. 1760. Сентябрь. (Пер. М. М. Щербатова). См.: *Чечулин Н. Д.* Хронология и список сочинений Кн. М. М. Щербатова. С. 19–20. № 3, 8.

¹⁰¹ Полное название: *Journal économique, ou Mémoires, notes et avis sur les arts, l'agriculture, le commerce et tout ce qui peut avoir rapport à la santé, ainsi qu'à la conservation et augmentation des biens...* (1751–1772). Пер. из этого журнала см.: ЕС. 1758. Сентябрь, октябрь.

¹⁰² Рассуждение о том, что лучше предпочесть должно, разум ли без красоты, или красоту без разума? предложенное в письме одной дамы немецкой: Взято из Французского нового Магазейна Апреля 1750, стран. 123 // ЕС. 1757. Январь.

¹⁰³ Перевод с французского языка из чужестранного журнала, месяца апреля 1755 года, стр. 114 и след., напечатанного в Париже: Синав и Трувор, российская трагедия, сочиненная стихами господином Сумароковым // ЕС. 1758. Декабрь.

¹⁰⁴ О философии; Сон о роскоши; Откровенности сердца // ЕС. 1760. Декабрь. Переведены № 5, 13–14, 17. Полное название журнала: *Nouveau Spectateur François, ou Discours dans lesquels on voit un portrait naïf des moeurs de ce siècle.*

¹⁰⁵ Списки пер. из этих писателей в справочниках, указанных в сноске 23, неполные. В *Неустроев* 1898. С. 150 (Гольберг), 454 (Оксенштиерн, с неверным указанием имени и лет жизни, правильно — СК 4905) отсутствуют сведения о выдержках из «Голберговых нравоучительных рассуждений» в ЕС: 1758. Март (две; подпись «И. Б.» принадлежит, без сомнения, Ивану Борисову — ср. сноску 129), ноябрь; 1759. Апрель, октябрь; пропущен фрагмент Оксеншерны «Средства, к сохранению здравия служащие» (ЕС. 1757. Ноябрь). Пер. из Гольберга и Оксеншерны перечислены также в ст.: *Милютин В. А.* Очерки русской журналистики... // *Современник*. 1851. Т. 25. № 3. Март. Отд. II. С. 7 (сноски 4–5). Соч. Гольберга переводились с подлинника и с немецкого языка (см. сноску 129 и с. 350).

¹⁰⁶ Описание путешествия, коим ездили китайские посланники в Россию, бывшие в 1714 году у калмыцкого хана Аюки на Волге // ЕС. 1764. Июль–ноябрь.

¹⁰⁷ Переводы с китайского языка // ЕС. 1764. Декабрь.

¹⁰⁸ «Она и поныне от всех знающих за образец наилучшей похвальной речи почитается» (1763. Январь. С. 81).

¹⁰⁹ Господина Флешьера, бывшего епископа Нимесского, Слово похвальное королевскому французскому генералу фельдмаршалу графу Тюренну, говоренное в Париже генваря 10 дня 1676 года, о коем упоминается в Сочинениях прошедшего генваря на стр. 81 // ЕС. 1763. Февраль. Отдельное издание: СК 7804.

¹¹⁰ О нужности и пользе мануфактур и фабрик // ЕС. 1763. Июль. — О союзе мануфактур и фабрик с общим состоянием и свойством государства // ЕС. 1763. Сентябрь, октябрь. — О заведении и основании мануфактур и фабрик // ЕС. 1763. Декабрь. Общий подзаголовок всех публикаций: «Переведено из книги господина фон Юсти». Полугодом ранее в московском журнале был напечатан пер. сатиры Юсти (см. сноску 200).

¹¹¹ Далее в пределах раздела, посвященного этому журналу, сокращенно: ТП.

¹¹² О французском пер. «The Spectator» и более раннем, сер. 1720-х, русском пер. с него этого листка см.: *Левин*. С. 14–15.

¹¹³ См.: *Берков*. С. 118; *Шамрай Д. Д., Берков П. Н.* К цензурной истории «Трудолюбивой пчель» А. П. Сумарокова // XVIII век. М.; Л., 1962. Сб. 5. С. 404–405; *Левин*. С. 34.

¹¹⁴ Например: «О предивное милосердие и всякой похвалы, проповедывания и предания писанию и вечного воспоминования достойное! Марк Цицерон защищает пред тобою другого, что в тех не был мыслях, признаваясь, что он сам был в оных; ниже опасается сокровенных твоих помышлений; ниже ужасается того, что тебе в мысли приходит о нем самом, когда ты о другом слушаешь. зри, колико я не ужасаюся: зри, колико свет щедроты и премудрости твоей меня объемлет, меня сие тебе вещающа. Сколько возмогу, потщуся возвысити глас мой, да услышан буду от всего римского народа» (ТП. 1759. Октябрь. С. 609–610). Заключительные слова речи: «... ежели ты отсутствующему Лигарию дашь жизнь, то дашь оную всем здесь присутствующим» (Там же. С. 630–631), т. е. возведешь милосердие в принцип государственного правления. Публикации в ТП пер. А. К. Лобысевича могли также иметь подтекстом вызов М. В. Ломоносову, который составил об этом студенте неблагоприятное мнение и в конце концов исключил его из университета (см.: *Кулябко Е. С.* М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М.; Л., 1962. С. 170–171).

¹¹⁵ Краткое изображение о естестве, пользе, и необходимой потребности войны и ссор. Из книги славного аглинского сатирика Ионафана Свифта, называемой: сказка о бочке // ТП. 1759. Сентябрь. Подробно о подлиннике, немецком оригинале и русском пер. см.: *Левин*. С. 108–110.

¹¹⁶ Рассуждение о войне: Циц. Кн. I. О должностях // ТП. 1759. Август. (Пер. с лат. А. К. Лобысевича). Исходный тезис «Рассуждения»: «Войну начинать должно для того одного, чтоб без обиды жить в покое; а по одержании победы тех сохранять надлежит, которые во время брани не бесчеловечно и не зверски поступали» (с. 484).

¹¹⁷ Списки их пер. в ТП см.: *Кулябко Е. С.* Замечательные питомцы Академического университета. Л., 1977. С. 102, 136. Уточненные в отношении авторов и подлинников сведения: Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. С. 95, 304; *Свиясов*. № 1239, 1246, 1249, 1264 (все — Бюссон), 1725 (Мюссон), 1850, 1878 (оба — Сафрон), 9336 (Овидий).

¹¹⁸ Басня о Фаэтонте из Овидиевых превращений // ТП. 1759. Март. О пер. см.: *Кулябко Е. С.* Замечательные питомцы... С. 115.

¹¹⁹ Публия Овидия Насона Елегия [Tristia I,2]; Елегия Публия Овидия Насона [Tristia I,3] // ТП. 1759. Ноябрь. (*Свиясов*. № 9357, 9361).

¹²⁰ «По какой причине, Меценат...» [Сатиры I,1] // ТП. 1759. Ноябрь. (*Свиясов*. № 8284).

¹²¹ См.: *Штранге М. М.* Демократическая интеллигенция России в XVIII веке. М., 1965. С. 133–136; *Кулябко Е. С.* Замечательные питомцы... С. 99, 134–135.

¹²² Из трактата Лонгинова, о важности слова с перевода Боалова // ТП. 1759. Апрель. Переведена гл. 2.

¹²³ См.: *Гуковский Г. А.* Сумароков и его литературно-общественное окружение // История русской литературы / АН СССР. Ин-т литературы (Пушкинский Дом). М.; Л., 1941. Т. 3. С. 373–374; *Achinger G.* Der französische Anteil an der russischen Literaturkritik des 18. Jahrhunderts unter besonderer Berücksichtigung der Zeitschriften (1730–1780). Bad Homburg, 1970. S. 110. (Osteuropastudien der Hochschulen des Landes Hessen. Reihe 3. Frankfurter Abhandlung zur Slavistik. Bd. 15).

¹²⁴ ТП. 1759. Сентябрь. Об отношении Сумарокова к творчеству П. Корнеля и связи с «Полиевктом», в частности — с этим монологом, драмы «Пустынный» (1757) см.: *Сумароков А. П.* Драматические сочинения / Сост., автор вступ. ст. и примеч. Ю. В. Стенник. Л., 1990. С. 30, 475; *Гительман Л. И.* Мотивы трагедий П. Корнеля в творчестве А. П. Сумарокова // Сумароковские чтения: Юбилейные торжества к 275-летию со дня рождения А. П. Сумарокова: Материалы Всероссийской научно-методической конференции. СПб., 1993. С. 51–55. По-становку вопроса, не является ли монолог в «Грудолобивой пчеле» творческой обработкой пер. Н. Хрущева, см.: *Сумароков А. П.* Избр. произведения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. П. Н. Беркова. Л., 1957. С. 575 (Б-ка поэта. Большая сер. 2-е изд.).

¹²⁵ Классическая китайская трагедия «Сирота из дома Чао, блестяще за себя отмщающий» (XIV в.) стала известна в Европе в сокращенном французском пер. иезуита отца Жозефа-Анри де Премара (Prémare, 1666–1736), выполненном в 1731 и опубл. через несколько лет собратом по ордену отцом Жаном-Батистом Дюгальдом (1674–1743) в составе фундаментального труда о Китае: *Tchao chi sou ell, ou Le petit orphelin de la maison de Tchao: Tragédie chinoise // Du Halde J. B.* Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'Empire de la Chine et de la Tartarie chinoise. Paris, 1935. Т. 3. P. 339–378. Трагедия имела сильный и долговременный резонанс по всей Европе в форме пер. на др. языки, неоднократных повторных публикаций, драматических переработок, отражения в др. родах искусств и пр. Одним из самых значительных ее отзвуков была трагедия Вольтера «Китайский сирота» («L'Orphelin de la Chine», 1755), вызвавшая в свою очередь волну разнообразных реакций восприятия. Сумароков читал «Сироту из дома Чао» в немецком пер. (в кн.: *Du Halde J. B.* Ausführliche Beschreibung des chinesischen Reichs und der großen Tartarey. Rostok, 1749. Bd 3. S. 420–444) и весьма точно передал стихами из ч. 1 (т. е. действия 1), сц. 2 начало вступительного монолога Принцессы, матери сироты, в котором она представляется зрителям и объясняет положение, сложившееся после убийства ее мужа. См.: *Maggs B. W.* Russia and 'le rêve chinois': China in eighteenth-century Russian literature. Oxford, 1984. P. 92–94 (Studies on Voltaire and the eighteenth century. Vol. 224). О трагедии и ее восприятии в Европе см. также: *Gotō S.* «L'Orphelin de la Chine» et son original chinois // *Revue de littérature comparée.* 1932. An. 12. № 4. P. 712–728; *Алексеев М. П.* Пушкин и Китай // *Алексеев М. П.* Пушкин и мировая литература. Л., 1987. С. 314–350. В ст. М. П. Алексеева, опубл. впервые в 1937, упомянуты в разных местах многочисленные европейские и русские (в т. ч. пер. Сумарокова) отзвуки «Сироты из дома Чао», но с первоисточником они не ассоциированы, так что о нем идет речь только в связи с изданием французского пер., имевшимся в библиотеке Пушкина.

¹²⁶ В кон. помета: «Переведено из недельных сочинений, называемых Мещанин света: der Weltbürger wochentlich an das Licht gestellt in Berlin» (в подлиннике: ...ans Licht gestellt...). Издатель — Якоб Фридрих Лампрехт (Lamprecht, 1707–1744).

¹²⁷ Ср. с. 337–338 и сноску 66.

¹²⁸ Из мнений Оксенштирна // ТП. 1759. Сентябрь. (Пер. С. В. Нарышкина и С. И. Глебова).

¹²⁹ Из Голберговых писем // ТП. 1759. Декабрь. (Пер. с датского И. Борисова). Переводчик пользовался, видимо, изданием: Lud. Holbergs Epistler, Befattende adskillige historiske, politiske, metaphysiske, moralske, philosophiske, item skiemtsomme Materier. Kiøbenhavn, 1748–1754. Т. 1–5 (переиздание: 1758. Т. 1–2).

¹³⁰ Речь Павлина а Санкто Иозефо о том, что в учении спешить не должно // ТП. 1759. Февраль. См. сноску 70.

¹³¹ Далее в пределах раздела, посвященного этому журналу, сокращенно: ПВПУ.

¹³² *Гуковский Г. А.* Очерки по истории русской литературы XVIII века: Дворянская фронда в литературе 1750-х — 1760-х годов. М.; Л., 1936. С. 32.

¹³³ Например: Сон // ЕС. 1755. Август, Ноябрь. (Перевел А. А. Нартов). — Благополучие человеческое зависит не от места // ЕС. 1755. Август. (Перевел С. А. Порошин). — Размышления о бессмертии душ // ЕС. 1755. Ноябрь. (Перевел Ф. А. Полушин). — Желатели: Повесть восточная // ЕС. 1755. Декабрь. (Перевел Н. Н.); и др.

¹³⁴ О чести; О ревности // ПВПУ. 1759. [Ч. 1. № 4]. 30 января. — Разговор Александра Великого с Диогеном; О неудовольствии // ПВПУ. 1759. [Ч. 2. № 3–4]. 17, 24 июля. — Письмо // ПВПУ. 1759. [Ч. 2. № 19]. 6 ноября. — О беспокойствии // ПВПУ. 1760. [Ч. 3. № 7]. 12 февраля. — О властолюбивой жене // ПВПУ. 1760. [Ч. 3. № 18]. 29 апреля. (Перевел П. И. Пастухов). — О постоянстве в любви // ПВПУ. 1760. [Ч. 4. № 7]. 12 августа. (Перевел П. И. Пастухов). Переведены соответственно: № 120, 129; 12, 13; 22, 138, 124, 35. (*Drews.* № 517).

¹³⁵ О успокоении совести // ПВПУ. 1759. [Ч. 1. № 14]. 3 апреля. — О излишних желаниях // [№ 15]. 10 апреля. — Путешествие Аминтово // [№ 16, 17]. 17, 24 апреля. — Путешествие Оронтово // [№ 19, 20]. 8, 15 мая. Переведены соответственно № 31, 33, 43. (*Drews.* № 472). Эти пер. появились в двухмесячный промежуток между пер. из «Der Freund» в «Ежемесячных сочинениях» (см. сноску 42).

¹³⁶ Рассуждения о молчаливости // ПВПУ. 1759. [Ч. 1. № 25, 26]. 19, 26 июня. (*Drews.* № 477). Пер. из первого тома (1753). Повторный пер. в «Ежемесячных сочинениях» см.: сноска 54.

¹³⁷ Размышление о прибытках, получаемых нами от наших неприятелей // ПВПУ. 1759. [Ч. 2. № 2]. 10 июля. (*Drews.* № 479). — [*Краммер* (Cramer) Иоганн Андреас, 1723–1788]. О худых действиях злой и о прибытках доброй совести // [№ 13, 14]. 25 сентября, 2 октября. (*Drews.* № 593). — Разговор между Юлиено и Леонорою: Должно ли женщине скрывать от людей знакомство свое с мужчинами? // 1760. [Ч. 3. № 22]. 27 мая. (Перевел П. И. Пастухов) (*Drews.* № 489). Первые два пер. из тома за 1744, третий — за 1745.

¹³⁸ Разговор восточной императрицы Евдокии с царем Агасфером, когда увидела она его в Елисейских полях // ПВПУ. 1760. [Ч. 4. № 8]. 19 августа. (Перевел П. И. Пастухов). — О говорливости // [№ 12]. 16 сентября. (Перевел П. И. Пастухов). — О излишнем щегольстве // [№ 13]. 23 сентября. (Перевел П. И. Пастухов). — О притворстве // [№ 17]. 21 октября. (Перевел П. И. Пастухов). (*Drews.* № 545). Переведены соответственно № 44, 49, 18, 15, 32.

¹³⁹ Письма из царства мертвых: I. Письмо отца к беспутному своему сыну; II. Письмо сына к своей матери; III. Письмо слуги к своему господину. — Нравоучительные правила // ПВПУ. 1760. [Ч. 4. № 26]. 23 декабря. (Перевел П. И. Пастухов). Переведены соответственно № 93 (полностью), 60 (частично). (*Drews.* № 518).

¹⁴⁰ Человек есть намерением и способом // ПВПУ. 1759. [Ч. 2. № 14]. 2 октября. — О ненависти и вражде // [№ 16]. 16 октября. — О неблагодарности // [№ 17]. 23 октября. — Последняя речь, говоренная Османом I, основателем оттоманского государства, к сыну ево Орхану // [№ 22]. 27 ноября. — Письмо [о фишбинах женских]; Ответ // 1760. [Ч. 3. № 3]. 15 января. — Ложные правила при браке // [№ 16]. 15 апреля. (Перевел П. И. Пастухов). — Письмо [о причинах, отчего являются неприятели, завистники и гонители]; Ответ на прежнее письмо // [№ 17, 18]. 22, 29 апреля. (Перевел П. И. Пастухов). — О гордости и спеси // [№ 19]. 6 мая. — Похождение Филинды // 1760. [Ч. 4. № 2, 3]. 8, 15 июля. (Перевел П. И. Пастухов). — О худом употреблении настоящей жизни // [№ 7]. 12 августа. (Перевел И. Л.). — О презрении училищ; Ревнующий к собственной своей тени любовник // [№ 9]. 26 августа. (Перевел П. И. Пастухов). — О презрении рукоделий и художеств // [№ 10]. 2 сентября. (Перевел П. И. Пастухов). — Неистовые мнения о науках // [№ 16]. 14 октября. Переведены соответственно полностью и частично (римская цифра — том, арабская — номер): I, 3; I, 21; I, 14; II, 11; II, 4/6; I, 25; II, 13; II, 17; II, 2–3; I, 21; I, 7; II, 1; II, 13; I, 21. (*Drews*. № 553). Издатель журнала — Р. Ведекинд (Wedekind).

¹⁴¹ О взглядах Рабенера на сатиру см.: *Тронская М. Л.* Немецкая сатира эпохи Просвещения. С. 32–39, 54–55.

¹⁴² Басни: 1. Печальной вдовец; 2. Богатая вдова; 3. Я знавал одного человека // ПВПУ. 1760. [Ч. 3. № 1]. 1 января. (Пер. из «*Beitrag zu einem deutschen Wörterbuche*»: Fabeln 1–3). — Пословица: Каков в колыбельку, таков и в могилку // [№ 8–12]. 19, 26 февраля, 4, 11, 18 марта. (Перевел П. И. Пастухов). — Житие страдавшего за истину // [№ 13]. 25 марта. (Перевел П. И. Пастухов). — Письмо о позволении сатир // [№ 15]. 8 апреля. — Пословица: Богатство ум рождает // [№ 19]. 6 мая. (Перевел П. И. Пастухов). — Печальная речь, говоренная вдовцом на смерть жены своея, в собрании печальных мужей // [№ 20]. 13 мая. (Перевел П. И. Пастухов). — Письмо о наставлении юношества // [№ 21]. 20 мая. — Пословица: Старая любовь не скоро забывается // [№ 24–25]. 10, 17 июня. (Перевел П. И. Пастухов). — Пословица: Браки божиим промыслом устроятся: Увещание всем незамужним женщинам // [Ч. 4. № 4–6]. 22, 29 июля, 5 августа. (Перевел П. И. Пастухов). — Семья семь предвещаний // [№ 22–25]. 25 ноября, 2, 9, 16 декабря. (Перевел П. И. Пастухов, из «*Das Märchen vom ersten April*»). (*Drews*. № 798).

¹⁴³ Рассуждение о угождении // ПВПУ. 1760. [Ч. 4. № 18–19]. 28 октября, 4 ноября. (*Drews*. № 592).

¹⁴⁴ Письмо // ПВПУ. 1759. [Ч. 2. № 18]. 30 октября. Подлинник — памфлет Д. Свифта «Исполнение первого из пророчеств мистера Бикерстафа» («*The Accomplishment of the first of Mr Bickerstaff's Predictions*», 1708), оригинал-посредник — французский. (*Левин*. С. 110).

¹⁴⁵ Историко-литературный анализ см.: *Левин*. С. 35–38. Несколько пер. остались Ю. Д. Левину неизвестными, чем объясняется расхождение подсчетов в его монографии (*Левин*. С. 36) и в данной ст.

¹⁴⁶ В библиографии Ю. Д. Левина не учтены следующие два пер. из «*The Spectator*» с французского языка: Письмо о прихотях беременных женщин // ПВПУ. 1760. [Ч. 3. № 13]. 25 марта. — Письмо некоторого мужа о чрезвычайных расходах и не весьма пристойных упражнениях жены своей // [№ 17]. 22 апреля. (Перевел П. И. Пастухов). Подлинники соответственно: № 326, 328. Автор обоих писем — Р. Стиль.

¹⁴⁷ Счастье не от нас зависит; О честолюбии // ПВПУ. 1759. [Ч. 2. № 6]. 7 августа. — О порицании // [№ 8]. 21 августа. — Письмо; О славе // [№ 9.]. 28 августа. (*Drews*. № 975). Переведены соответственно: № 293, 255, 256, 307, 257. Автор № 307 — Юстас Баджелл (Budgell, 1686–1737), все др. принадлежат Дж. Аддисону.

¹⁴⁸ О великодушии, кое два неприятеля друг другу оказали // ПВПУ. 1759. [Ч. 2. № 18]. 30 октября. — Великодушие в любви // [№ 19]. 6 ноября. (Перевел В. Белосельский). Переведены соответственно № 5, 58 (автор обоих — Р. Стиль). (*Рак*, 1980. С. 112, сноска 101; *Рак*, 1995. С. 285 (сноска 22); *Рак*, 1998. С. 138 (сноска 123), 191 (сноска 149))

¹⁴⁹ См. сноску 83. В библиографии Ю. Д. Левина не учтены два пер.: О остроумии и учении; Письмо // ПВПУ. 1760. [Ч. 3. № 14]. 1 апреля. (Перевел оба П. И. Пастухов). Переведены соответственно № 22, 34 (автор обоих — Р. Стиль). (*Drews*. № 974).

¹⁵⁰ ПВПУ. 1759. [Ч. 1. № 24]. 12 июня. В подстрочном примечании на с. 368 сказано: «Сей сон писан поэмоу о состоянии Англии по смерти принца Георгия с 1708 году, до заключения Гаагских переговоров в 1709 году».

¹⁵¹ О подобных пер. с французского языка см. сноску 156.

¹⁵² Упомянуты журналы: «*Journal de savants*» (1665–1864), «*Le Nouvelliste économique et littéraire, ou choix de ce qui se trouve de plus curieux et de plus intéressant dans les journaux, ouvrages périodiques et littéraires, qui paraissent en France et ailleurs, principalement en ce qui concerne l'agriculture, l'économie des champs, l'histoire naturelle, et la mécanique pour la perfection des arts et des fabriques...*» (1754–1761).

¹⁵³ Наблюдения, касающиеся до произращений: (Du nouv. oecon. tom XIV, pag. 27) // ПВПУ. 1759. [Ч. 1. № 1]. 2 января. — Новой способ, как приготавливать конопле с меньшим обыкновенного трудом и убытком, и все годное к употреблению отделять от оною; сысканной французским дворянином господином Маркандьером: (Du nouv. oecon. tom XI, pag. 67) // [№ 2]. 9 января. Полное название журнала см. сноску 152. В кон. первого года была напечатана еще одна переведенная с французского языка ст. подобного содержания (О фарфоре // [Ч. 2. № 22]. 27 ноября); ее источник не указан и, очень вероятно, был иным.

¹⁵⁴ В нач. издания ПВПУ источники и оригиналы указывались (не при всех пер.) в подстрочных примечаниях и в русской форме: «Спект. часть II. Разс. V» (1759. [Ч. 1. № 3]. 16 января. С. 29); «Спект. Часть IV. Разс. LXXII» (Там же. С. 36); «Потриот <sic> часть III. стр. 142» ([№ 5]. 30 января. С. 61); «Патриот Часть III. Стр. 216» (Там же. С. 68). В дальнейшем подобные ссылки прекращаются, и материалы печатаются без сведений об их подлинниках, оригиналах, источниках.

¹⁵⁵ Рассуждение, в котором показывается, что надежда есть такое благополучие, которое не всем известно // ПВПУ. 1760. [Ч. 4. № 14]. 30 сентября. Подлинник: *Discours: Dans lequel on fait voir que l'espérance est un bien, don't on ne connoît pas assez la prix // Le nouveau magazin François, ou Bibliothèque instructive et amusante*. 1750. Oct. P. 390–391. (*Drews*. № 990). С подлинника ст. была переведена через два года (см. сноску 199). Третий пер.: Надежда есть такое благо, которого цена не довольно известна / Пер. с фр. П. Молчанов // *Распускающийся цветок...* М., 1787. С. 35–43.

¹⁵⁶ Например: Рассуждения о самом себе // ПВПУ. 1759. [Ч. 1. № 21, 22]. 22, 29 мая. — Лукавые и коварные люди суть язва обществу // [№ 22]. 29 мая. — Притворство супругов // 1759. [Ч. 2. № 5]. 31 июля. — О избрании сообщества; О пользе доброго сообщества; О противных доброму сообществу нравах // [№ 20]. 13 ноября. — О исправлении нравов // ПВПУ. 1760. [Ч. 3. № 1]. 1 января. — Письмо о увядающей красоте // [№ 2]. 8 января. (Перевел И. П). — О средствах набогатиться и о искусстве, которому научаемся нуждою // [№ 3]. 15 января. — Письмо о брачном дружелюбии // [№ 7]. 12 февраля. — О ненависти за красоту // [№ 12]. 18 марта. — О ненависти и мщении // [№ 16]. 15 апреля. — О печали // [№ 20]. 13 мая.

¹⁵⁷ См., например, упоминания в сносках 40, 42, 47, 138; *Неустроев* 1898. С. 353–354 (Лукиан), 558 (Разговор). Подробно (с обстоятельной библиографией): *Marcialis N. Caronte e Caterina*.

¹⁵⁸ ПВПУ. 1760. [Ч. 4. № 21]. 18 ноября. (Перевел П. И. Пастухов). См.: *Marcialis N. Caronte e Caterina*. P. 253–254.

¹⁵⁹ ПВПУ. 1759. [Ч. 2. № 10]. 4 сентября. (*Drews*. № 993).

¹⁶⁰ История о Дон Карлосе // ПВПУ. 1759. [Ч. 2. № 23–26]. 4, 11, 18, 25 декабря; 1760. [Ч. 3. № 3–6]. 15, 22, 29 января, 5 февраля. (Пер. Александра Семичева). См. также: СК 6427–6428; уточнение имени переводчика: Т. 5. С. 298.

¹⁶¹ О вкусе // ПВПУ. 1759. [Ч. 2. № 15]. 9 октября. — О благодеяниях // [№ 17]. 23 октября. — О примирении // [№ 18]. 30 октября. — О человеческой жизни; Запрещенное охотнее исполняют // [№ 21]. 20 ноября. — О хвале и хуле // 1760. [Ч. 3. № 2]. 8 января. — Эпистола // [№ 15]. 8 апреля. — О слабости человеческой // [№ 21]. 20 мая. (Перевел П. И. Пастухов). — Эпистола // [№ 23]. 3 июня. (Перевел П. И. Пастухов). (*Drews*. № 987).

¹⁶² Эпистола // ПВПУ. 1759. [Ч. 1. № 15]. 10 апреля. — О шастии и нещастии // [№ 17]. 24 апреля. — Епистола // [№ 20]. 15 мая. — Епистола // [№ 22]. 29 мая. — Епистола // [№ 24]. 12 июня. — Епистола // [Ч. 2. № 5]. 31 июля. — Епистола // [№ 7]. 14 августа. — Епистола // [№ 8]. 21 августа. — Епистола // [№ 12]. 18 сентября. (С пометою об источнике: «Нравоучительные и философские письма»). — Епистола // [№ 14]. 2 октября. — Епистола // [№ 15]. 9 октября. — О привидениях // [№ 17]. 23 октября. Предполагаемый датский источник указан в сноске 187. Сличить тексты не представилось возможности, поэтому здесь высказывается лишь предположение об авторстве.

¹⁶³ О удовольствии // ПВПУ. 1760. [Ч. 4. № 21]. 18 ноября. (Пер.: К.). — О терпении; О верности // [№ 25]. 16 декабря.

¹⁶⁴ О принесенной жалобе Сенату Римскому от обитавшего за Дунаем рекою поселения на управителя тамошнего места // ПВПУ. 1759. [Ч. 1. № 9]. 27 февраля. — Писмо Марка Аврелия к Пирамону его другу, находившемуся в крайней печали // [№ 13]. 27 марта. См.: *Рак* 1985. С. 16. № 1–2; *Гаврилов А. К.* Марк Аврелий в России // *Марк Аврелий Антонин*. Размышления / Изд. подгот. А. И. Доватур, А. К. Гаврилов, Л. Унт. Л., 1985. С. 127. О судьбе книги и в т. ч. речи крестьянина см.: *Плавскин З. И.* Речь дунайского крестьянина перед римским сенатом: (Судьба одного гуманистического мотива в европейских литературах XVI–XVII веков) // *Сервантесовские чтения*. Л., 1985. С. 7–15.

¹⁶⁵ Содержание мечтательных игры о Александре раскayившемся // ПВПУ. 1759. [Ч. 2. № 11–12]. 11, 18 сентября. С пометою: «Переведено из книги италианской, называемой Игры Мечтания, сочиненной венецианским дворянином Франциском Лореданом».

¹⁶⁶ Идиллии, переведенные с греческого языка на французский, а с французского на российской // ПВПУ. 1759. [Ч. 1. № 7]. 13 февраля. (С пометою: «Сии идиллии взял я из диссертации на сочинения Сент-Эвремонтovy», т. е. из книги: *Cotolendi Ch.* Dissertation sur les oeuvres mêlées de M. De Saint-Évremond, avec l'examen du factum qu'il a fait pour Mme la duchesse de Mazarin, contre Mgr le duc de Mazarin, son mari. Paris, 1698; *Свясов* № 1238, 1248, 1724). — Эпиктитовы краткие рассуждения о нравах // [№ 18]. 1 мая. (Пер. с фр.). — Баснь Дриопы: Из девятой книги Овидиевых превращений // [Ч. 2. № 12]. 18 сентября. (Перевел с фр. А. А. Нартов; об английском посреднике см.: *Рак В. Д.* Библиографические заметки // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19. С. 206. № 3145 (п. 11). — Из Горация кн. II од. XIV // ПВПУ. 1760. [Ч. 3. № 11]. 11 марта. (Перевел А. П. Сумароков

с пометою: «Предложено в стихи из русского перевода»; *Свясов* № 7890). — Разговоры Лукиановы // [Ч. 4. № 15–16]. 7, 14 октября. (Перевел с нем. П. И. Пастухов).

¹⁶⁷ Далее в пределах раздела, посвященного этому журналу, сокращенно: ПУ.

¹⁶⁸ *Соколов И. Я.* Комедии и трагедии и все драматические сочинения или служат к исправлению нравов человеческих, или больше их развращают // ПУ. 1760. [Ч. 1]. Март. № 12; *Домашнев С. Г.* О стихотворстве // 1762. [Ч. 5]. Май, июнь. О французских работах, на которые опирались авторы этих статей, см.: *Achinger G.* Der französische Anteil an der russischen Literaturkritik des 18. Jahrhunderts unter besonderer Berücksichtigung der Zeitschriften (1730–1780). S. 135–152.

¹⁶⁹ Ода господина Русо «Fortune, de qui la main couronne», переведенная Г. Сумороковым и Г. Ломоносовым: Любители и знающие словесные науки могут сами, по разному сих обеих пиитов свойству, каждого перевод узнать // ПУ. 1760. [Ч. 1]. Январь. № 2.

¹⁷⁰ Станс г. Руссо [«Смертный в жизни представляет...»] // ПУ. 1760. [Ч. 1]. Январь. № 4.

¹⁷¹ Сон: Из сочинений госпожи Дезульеры // ПУ. 1760. [Ч. 1]. Июнь. № 23. (Перевел А. Г. Карин).

¹⁷² Отомщенная свирепость: Из де-ла-Фонтевых басен // ПУ. 1761. [Ч. 4]. Август. № 8. Без указания автора напечатан пер. одной «сказки» Лафонтена: Басня: Два друга // ПУ. 1761 (Ч. 3). Январь. № 4. (Подлинник: «Les deux amis»; см.: *Imendörffer H.* Die Geschichte der russischen Fabel im 18. Jahrhundert. Wiesbaden, 1998. Т. 1. S. 394. Anmerk. 601; далее сокращенно: Imendörffer).

¹⁷³ Торжество россиян над прусаками [!]: Сочинено одним французским офицером // ПУ. 1760. [Ч. 1]. Февраль. № 5. (Перевел М. М. Херасков); О добродетели; О человеке // № 8. (Перевел Н. Н. Поповский); Элегия на человеческую жизнь из книги, называемой l'Homme et le Siècle // Март. № 9. (Перевел М. М. Херасков; источник: *L'Homme et le siècle, ou diverses maximes et sentences, sur les différens caractères de l'un et de l'autre sexe / Par Mr. P. ** Amsterdam, 1738*; сб. продавался в петербургской и московской академических книжных лавках в 1749–1750 гг. — см.: *Catalogue des livres françois anciens et nouveaux, qui se trouvent dans la librairie de l'Académie Impériale des Sciences à St. Pétersbourg. 1750.* P. 19; *Копанев Н. А.* Распространение французской книги в Москве в середине XVIII в. // Французская книга в России в XVIII в.: Очерки истории. Л., 1986. С. 138. № 320); Сонет: Перевод с французского // № 10. (Пер. А. А. Ржевского); Смерть Клариссы: Подраженная французскому сочинению // Июнь. № 24. (М. М. Херасков); Сатира на скупость // ПУ. 1761. [Ч. 4]. Сентябрь. № 11 (Перевел прозою Я. И. Булгаков); Элегия: На смерть Галатеи // Декабрь. № 24. (И. Ф. Богданович); Идиллия: Подраженная французской // № 25. (И. Ф. Богданович); Пастуший век: Идиллия // 1762. [Ч. 5]. Январь. (Перевел <с фр.?) М. М. Херасков).

¹⁷⁴ Армида // ПУ. 1760. [Ч. 1]. Март. № 11. (Перевел М. М. Херасков). (СК 5493; Т. 4. С. 164).

¹⁷⁵ Ода из Анакреонта XIV // ПУ. 1761. [Ч. 4]. Дек. № 24. (*Свясов*. № 554).

¹⁷⁶ Перевод из Авзония: Пифагорово сомнение, какую жизнь избрать? // ПУ. 1760. [Ч. 1]. Февраль. № 6.

¹⁷⁷ ПУ. 1760. [Ч. 1]. Февраль. № 6; Июнь. № 24; [Ч. 2]. Июль. № 1. (*Свясов*. № 7788, 7847, 7889, 7913, 7935, 7963).

¹⁷⁸ Публия Овидия Насона из первой книги Печалей элегия третья // ПУ. 1760. [Ч. 2]. Сентябрь. № 12; Овидия Насона из второй [! третьей] книги Печалей элегия третья // Ноябрь. № 19; Публия Овидия Насона из первой книги Печалей элегия 8 // ПУ. 1761. [Ч. 3]. Апрель. № 14. (*Свясов*. № 9362, 9401, 9383).

¹⁷⁹ Из Теокрита: Идиллия XIX. Вор сотов; Идиллия XXX. На мертвого Адониса // ПУ. 1760. [Ч. 2]. Июль. № 1. Пер. прозой. (*Свиясов*. № 3352, 3378).

¹⁸⁰ Из Овидия элегия 42: Несовершенное над любовью торжество // ПУ. 1760. [Ч. 2]. Ноябрь. № 19.

¹⁸¹ Уединенная жизнь; Умиравший христианин к душе своей // ПУ. 1761. [Ч. 3]. Январь. № 2. (*Левин*. С. 215. № 121; с. 213. № 95). Криптоним не поддается уверенной расшифровке.

¹⁸² Устроение человеческой жизни с индейского подлинника переведено на французский язык, а потом на российской // ПУ. 1762. [Ч. 5]. Февраль, апрель. (СК Т. 4. С. 164). Полное название подлинника: The Oeconomy of human life; translated from an Indian manuscript, written by an ancient Bramin: to which is prefixed, an account of the manner in which the said manuscript was discover'd. In a letter from an English gentleman now residing in China to the Earl of ****. London, 1751.

¹⁸³ О дружестве // ПУ. 1760. [Ч. 2]. Октябрь. № 16. (Перевел Я. И. Булгаков; помета в кон.: «Переведено из книги: *Selectae Historiae*, p. 302 seqq.»). — Истории, выбранные из разных писателей // Декабрь. № 23. (Перевел В. А. Приклонский). Подлинник: *Heuzet, Jean* (1660–1728). *Selectae è profanis scriptoribus historiae, quibus admista sunt varia honeste vivendi praecepta ex iisdem scriptoribus deprompta*. P. 1–2. Parisiis, 1727 (переиздания). См.: *Рак В. Д.* Переводчик В. А. Приклонский: (материалы к истории тверского «культурного гнезда» в 1770–1780-е годы) // *Проблемы историзма в русской литературе: Конец XVIII — начало XIX в. Л.*, 1981. С. 246, сноски 10 (XVIII век. Сб. 13).

¹⁸⁴ Рассуждения, выбранные из Луция Аннея Сенеки // ПУ. 1760. [Ч. 1]. Январь. № 4; Май. № 20. — Речь Мария, римского консула, к народу, при отправлении его на войну против Югурты, из Саллустия // ПУ. 1761. [Ч. 3]. Февраль. № 7. — Из разговоров Еразмовых: Трезвой пир // [Ч. 4]. Август. № 7.

¹⁸⁵ Лукиана Совет богов // ПУ. 1760. [Ч. 1]. Май. № 18. — Лукиана Разговоры морские // Июнь. № 22. — Речь III. Исократы греческого ратора, говоренная Никоклом, царем Саламинским // [Ч. 2]. Июль. № 3–4. — Лукианов Сон, или Петух и Мицилл // Сентябрь. № 13; Октябрь. № 14. — Лукиана Икарменипп или на небеса летавшей Менипп // ПУ. 1761. [Ч. 3]. Март. № 9–10.

¹⁸⁶ Лукиановы Разговоры // ПУ. 1760. [Ч. 1]. Июнь. № 22. — Проблемы, заданные Бианту на Олимпийских играх // [Ч. 2]. Июль. № 1. — Великодушие Бианта философа // № 2. (*Рак* 1985. № 2, 3). Оба пер. — отрывки из одной и той же главы, так что, возможно, Приклонский читал книгу А. де Гевары не полностью, а местами.

¹⁸⁷ Сребролюбивого человека и бог и весь свет ненавидит // ПУ. 1761. [Ч. 4]. Июль. № 1. — Речь, которую говорил один разумной человек из гамарантов к Александру Великому // ПУ. Сентябрь. № 11. (*Рак* 1985. № 5, 6).

¹⁸⁸ Разговор между Ромулом и Ремом в царстве мертвых // ПУ. 1760. [Ч. 2]. Сентябрь. № 11. (Пер. студента Е. Орлова). См.: *Marcialis N. Caronte e Caterina*. P. 254.

¹⁸⁹ Из Сократовых разговоров: Разговор четвертый о притворстве // ПУ. 1762. [Ч. 5]. Февраль. — Разговор о любопытстве к безделицам // Апрель. (Оба перевел С. Г. Домашнев).

¹⁹⁰ Речь скифского посла к Александру Великому // ПУ. 1761. [Ч. 3]. Февраль. № 5. (С пометою: «Перевел с французского из Годшедовой Риторике Андрей Нартов»). — Речь в лице Катоновом на Катилину // ПУ. 1762. [Ч. 5]. Январь. Оригиналы: *Rede des scythischen Gesandten an Alexandern, aus des Curtii VII. Buche* [Cap. VIII] (текст парал-

лельный на французском и немецком языках); Eine Rede, die von dem Cato, im römischen Rathe, wider den Catilina hätte gehalten werden können (текст на немецком языке). См.: Gottsched J. Ch. Redekunst... 3. Aufl. Leipzig, 1743. S. 413–417, 480–487.

¹⁹¹ Правосудный Юпитер // ПУ. 1761. [Ч. 4]. Ноябрь. № 19–20. (Рак 1993. С. 398–399).

¹⁹² См.: Рак В. Д. 1) Русские переводы из «Опыта нравоучительных повестей» Пфейля // Взаимосвязи русской и зарубежных литератур. Л., 1983. С. 73–99; 2) К 200-летию редкого сибирского издания из фондов БАН СССР («Училище любви». Тобольск, 1791) // Книга в России XV — середины XIX в.: Материалы и исследования: Сб. науч. тр. Л., 1990. С. 154–168; 3) Рак, 1998. С. 168–169, 171–183, 205.

¹⁹³ Далее в пределах раздела, посвященного этому журналу, сокращенно: СЛС. Полное название журнала: «Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия, или Смешанная библиотека о разных физических, экономических, також до мануфактур и до коммерции принадлежащих вещах».

¹⁹⁴ Торг семи муз: Из Кригеровых снов. [Гл.] 13 // СЛС. 1762. Ч. 1. (Перевел Д. И. Фонвизин). — Благополучный торг осьмой музыки: 43 Кригеров сон, стр. 169 // Там же. (Без подписи). — Обмануться сродно человеку: Повесть: Из Кригеровых снов [гл. 159] // Там же. (Пер. П. И. Фонвизин). — Сочинение доктора Кригера о сновидениях // Ч. 2. (Перевел М. И. Агентов; переведено «Vogrede»). — Рассуждение Кригера о разуме животных // Там же. (Перевел И. Калиновский). (Drews. № 742, не учтен последний пер.). Пер. «сна» 159 говорит о том, что Рейхель и его ученики пользовались вторым изданием (1758): первое (1754) содержало 157 «снов», третье вышло в 1765.

¹⁹⁵ О употреблении времени: С немецкого языка из книги, называемой: die Menschen // СЛС. 1762. Ч. 1. (Перевел М. И. Агентов; переведена гл. 7). (Drews. № 1001).

¹⁹⁶ Переведено из Зрителя французского, сочинения господина Мариво // СЛС. 1762. Ч. 1. (Перевел А. И. Воронцов).

¹⁹⁷ О излишнем желании // СЛС. 1762. Ч. 2. (Перевел В. Т. Золотницкий; переведен № 38). (Левин. С. 81. № 83).

¹⁹⁸ Приключение пустынного: Из 3. тома: Das Reich der Natur und der Sitten [1758. Т. 3. № 83] // СЛС. 1762. Ч. 3. Подлинник этой обработки старинного сюжета — рассказ английского философа Генри Мора (1614–1687): The Parable of the Eremite and the Angel // More H. Divine Dialogues, containing sundry disquisitions and instructions concerning the attributes and providence of God... Collected and compiled by the care and industry of F. P. London, 1668. P. 320–327. По сведениям П. Дрекса, рассказ Г. Мора был перепечатан Дж. Келли (?) в собр. ст. из журнала «The Universal Spectator» и соответственно был переведен на немецкий язык (о журнале и его изданиях на немецком языке см. сноску 81; в издании Moralisch und satyrische Briefe (1749) напечатан под № 3, см.: Drews. № 976). Вероятно, из одного из этих изданий рассказ был перепечатан в журнале, находившемся у Рейхеля и его учеников. О полемике, начатой «Приключением пустынного», см.: Рак, 1998. С. 178–183.

¹⁹⁹ Господина Ярта Рассуждение о действии и существе стихотворства: Из книги Magazin François // СЛС. 1762. Ч. 3. (Перевел Д. И. Фонвизин). — Рассуждение о том, что надежда есть такое благополучие, которого достоинство нам не довольно известно: Magazin François // Там же. (Перевел П. И. Фонвизин). О ст. Антуана Ярта см.: Берков. С. 151–152; Achinger G. Der französische Anteil an der russischen Literaturkritik des 18. Jahrhunderts unter besonderer Berücksichtigung der Zeitschriften (1730–1780). S. 165–167. Др. пер. «Рассуждения» о надежде см. сноску 155.

²⁰⁰ Жизнь сельского дворянина господина Ганца // СЛС. 1762. Ч. 4. (Перевел А. Корсаков). Подлинник — сатира «Das Leben Junker Hansens, eines Landedelmanns» (*Drews*. № 703), которая предположительно была переведена из выходявшего собрания сатирических произведений Юсти (*Justi J. H. G. von. Scherzhafte und satyrische Schriften*. Berlin, 1760–1765. Bd 1–3). В дальнейшем вниманием в России пользовались политико-экономические труды Юсти (см.: сноска 110; СК 8742–8743); его немецкий перевод полимического сочинения аббата Габриеля-Франсуа Куайе (Coeyer, 1707–1782) «La noblesse commerçante» (1756) служил оригиналом русского перевода, выполненного Д. И. Фонвизиным (СК 3018).

²⁰¹ О главном человеческом старании // СЛС. 1762. Ч. 4. (Перевел Е. Марков). Переведен № 14. (*Drews*. № 517).

²⁰² О ст. см.: *Берков*. С. 152–154; *Achinger G. Der französische Anteil an der russischen Literaturkritik des 18. Jahrhunderts unter besonderer Berücksichtigung der Zeitschriften (1730–1780)*. S. 156–162. П. А. Ефремов приписал пер. приведенного отрывка Рейхелю (*Фонвизин Д. И.* Полн. собр. соч. СПб., 1866. С. 664); П. Н. Берков назвал это указание не соответствующим действительности и атрибутировал отрывок Фонвизину (*Берков*. С. 152, сноска 1), однако сличение пер. в СЛС и выполненного Фонвизиным (*Террассон Ж.* Геройская добродетель, или Жизнь Сифа, царя египетского... М., 1762–1764. Ч. 1–4; СК 7199) показало, что они не совпадают (СК Т. 4. С. 192).

²⁰³ Примечания к следующему письму, посланному от Г. Руссо к Г. Волтеру; Письмо Господина Руссо к Господину Волтеру // СЛС. 1762. Ч. 4. См.: *Achinger G. Der französische Anteil an der russischen Literaturkritik des 18. Jahrhunderts unter besonderer Berücksichtigung der Zeitschriften (1730–1780)*. S. 162–165; *Заборов*. С. 30–31.

²⁰⁴ Господина Менарда изыскание о зеркалах древних: Из 23. Tom. Histoire de l'Académie des inscriptions et belles lettres // СЛС. 1762. Ч. 1. (Перевел Д. И. Фонвизин). — Рассуждение графа Кайла о бальсмировании египтян: Из истории Академии свободных наук. Том XXIII, стр. 119 // Ч. 3. (Перевел П. Лопухин).

²⁰⁵ О давности карет: Из 2. Tom., pag. 86. Variétés historiques, physiques et littéraires // СЛС. 1762. Ч. 1. В 1780-е к этому сб. обращался Е. А. Болховитинов (см.: *Рак В. Д.* Библиографические заметки // XVIII век. СПб., 1996. Вып. 20. С. 171–173. № 3883 (Ч. 2 и 3)).

²⁰⁶ О пользе, которую физика приносит в экономии: Из книги *Nouvelliste oeconomique et littéraire*. Tom I. p. s. // СЛС. 1762. Ч. 1. Полное название журнала см. в сноске 152.

²⁰⁷ Рассуждение господина Рейтштейна о приращении рисовального художества, с наставлением в начальных основаниях оного // СЛС. 1762. Ч. 2. (Перевел Д. И. Фонвизин). — Господина Фокса описание острова Морониза // Там же. (Перевел П. И. Фонвизин). Автор первой ст.: Reifenstein (Reifstein), Johann Friedrich (1719–1793), директор института для русских художников в Риме, почетный член Имп. Академии наук.

²⁰⁸ Примечание о числе как новых, так и древних земных жителей // СЛС. 1762. Ч. 2. (Перевел с фр. А. Корсаков). — Странствование // Ч. 3. — О воспитании детей // Ч. 4. — Диссертация о вероятнейшем способе, каким образом в Северной Америке первые жители поселились // Там же. (Перевел с лат. А. И. Воронцов).

²⁰⁹ Подробно о двух из них («Политическое рассуждение о коммерции» и «Изображение мануфактур-коллегии») см.: *Берков*. С. 149–151.

²¹⁰ Далее в пределах раздела, посвященного этому журналу, сокращенно: СЧ.

²¹¹ Размышление о венике // СЧ. 1763. Март. (*Левин*. С. 111–112).

²¹² Превращения Овидиевы, с российской прозы, преложенные в стихи: Книга I. Баснь I. Бездна превращается в четыре стихии; Баснь II. Земля превращается в разные вещи // СЧ. 1763. Апрель. — Из Превращений Овидиевых: Баснь III. Век златой; Баснь IV. Год разделен на четыре времени // Май. — Баснь V. Гиганты; Баснь VI. Ликаон превращается в волка // Июнь. — Из Превращений Овидиевых: Баснь VII. Потоп; Баснь VIII. Девкалион и Пирра возобновляют землю населением нового народа // Июль. — Баснь IX. Аполлон убивает Питона; Баснь X. Превращение Дафны в лавр // СЧ. 1763. Август. — Баснь XII. И Ио превращается в богиню Изис // Ноябрь.

²¹³ Лаурус и Лидия // СЧ. 1763. Июнь. Источником могла быть или первая журнальная публикация (Mercure de France. 1758. Déc.), или сб.: Contes moraux par M. M[armontel], suivis d'une apologie du théâtre. La Haye, 1761. 2 vol. Имея в виду первую возможность, необходимо проверить, не обнаружатся ли в этом журнале за близкие к указанному году подлинники др. статей в СЧ.

²¹⁴ Надпись Ероту: Перевод [«Кто б ни был ты таков...»] // СЧ. 1763. Июнь. (Пер. А. А. Ржевского; ср. сноску 284). — Обращение света, или Видение Бабука: Писанное им самим // Август, сентябрь. (Вольтер. № 9, 12). О полемическом смысле публикации «Видения Бабука» см.: Рак, 1998. С. 179.

²¹⁵ Героида: Ариадна к Тезею // СЧ. 1763. Июнь. (С пометою: «Подражал Овидиевой героиде М<ихаил> Х<ерасков>»). — Героида: Филлида к Димифонту: Сочинение Публия Овидия Насона, в Росские стихи делана с переводу // Ноябрь. (Перевел А. А. Ржевский). (Свясов. № 9343, 9337). Через год в «Добром намерении» был напечатан пер. В. Д. Санковского «Ариадна к Тезею» (см. сноску 243).

²¹⁶ Перевод из Смотрительницы // 1763. Октябрь. Французский оригинал: La Spectatrice: Ouvrage traduit de l'Anglois. La Haye, 1749. Т. 1–4; Nouv. éd., rev. et corr. 1750–1751.

²¹⁷ Похождение Аристоново // СЧ. 1763. Декабрь.

²¹⁸ Овидия Насона Книги первой Печалей Элегия первая // СЧ. 1763. Октябрь. — Публия Овидия Насона Книга первая Печалей, Элегия вторая // Ноябрь. (Свясов. № 9354, 9358).

²¹⁹ Винценция Фабриция Жалоба Дины // СЧ. 1763. Сентябрь. — Элегия Винценция Фабрицио: Жалоба матери Моисеевой, когда она сына своего в реку пускала; Элегия Винценция Фабриция: Жалоба Давидова, когда он убежал от сына своего Авесалома // Ноябрь. Издания поэтических сочинений Фабрициуса: Poematum juvenilis libri tres. Ad calcem adjectae sunt Epistolae aliquot seriae et jocose (1633); Poematum heroicum de stupendo et admirabili casu, qui Hollandia, tempore pestis, contigit... (1636); Poematum editio secunda, priori multo auctior et emendatior, ut plane sit alia. Accessit Pransus partus, seu Satyra in poetas et eorum contemtores (1638). Переведены из первой книги (Liber primus) элегий: Elegia III. Querela Dinae devirginatae; Elegia I. Querela matris Moisis, quum filium in fluvium abjiceret; Elegia IV. Querela Davidis, cum filium Absalonem fugeret.

²²⁰ Опыт о пользе игры // СЧ. 1763. Апрель. (С пометою: «Перевод N. N.»). — Перевод: Письмо о высокомерии невеж // СЧ. 1763. Май, июнь. — Истинная любовь: Подражание французским стихам; Мадригал переведенной [«Любовь ребенок; и обладатель мой!..»] // Июнь. — Перевод: Письмо о пользе наук // Июль. — Епистола к большому алмазу // Дек. (С пометою: «Подражал французской...»).

²²¹ Например: Рассуждение о слове à la Bourgeois // СЧ. 1763. Март. — Повесть [«Господин Пуронвиль сотворен был куклою...»] // Август. — Басня о старой мыше и о ее детях // Сентябрь. (Содержит английскую деталь).

²²² Далее в пределах раздела, посвященного этому журналу, сокращенно: НУ. Идеино-тематический анализ некоторых пер. см. в ст.: *Чернышева Т. П.* Малоизвестные московские журналы 1760–1764 гг.: («Невинное упражнение», 1763) // Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина. 1959. Т. 94. С. 47–70.

²²³ Некоторые примечания из Опыта о эпическом стихотворстве // НУ. 1763. Январь–апрель. (Пер. Е. Р. Дашковой). (*Вольтер*. № 10; *Заборов*. С. 47; *Achinger G.* Der französische Anteil an der russischen Literaturkritik des 18. Jahrhunderts unter besonderer Berücksichtigung der Zeitschriften (1730–1780). S. 150–152).

²²⁴ О коммерции // НУ. 1763. Февраль. (*Вольтер*. № 11; *Заборов*. С. 29–30).

²²⁵ Поема. На разрушение Лиссабона // НУ. 1763. Апрель. (*Вольтер*. № 13; *Заборов*. С. 30–31). Об антивольтеровском выступлении И. Г. Рейхеля см. с. 355.

²²⁶ Мадригал. [«Кто б ни был ты таков, и где ты ни живи, Не убежишь любви...»] // НУ. 1763. Июнь. (*Вольтер*. № 8; *Заборов*. С. 32). Ср. сноску 272.

²²⁷ В СК (Т. 4. С. 153) вольтеровскими сочинениями ошибочно названы: Путешествие в микрокосм одним из новых Пифагоровых последователей // НУ. 1763. Январь. — Второе путешествие // Февраль. (Оба пер. А. Е. Мусина-Пушкина). — Диссертация о древнем китайском законе // Февраль, март.

²²⁸ О источнике страстей // НУ. 1763. Январь–июнь.

²²⁹ Перевод: Басня Обезьяна // НУ. 1763. Январь. (СК Т. 4. С. 153).

²³⁰ Епистола: Перевод [«Кто гордость, роскоши ногами попирает...»] // НУ. 1763. Март. (Перевел С. И. Глебов). (СК Т. 4. С. 153).

²³¹ В качестве заглавия этих пер. в НУ выступают эпиграфы (с пер.), открывающие в «The Guardian» соответствующие номера: — Sanctis haberi Justitia que tenax factis dictisque mereris? Agnosco procerem. Ювенал. Есть ли ты своим поведением и своими делами заслуживаешь звание честного и почтенного человека, тогда ты благородной; и в том согласу: Перевод // НУ. 1763. Апрель. — Fata viam inveniunt. Судьба найдет себе путь: Персидская повесть: Перевод // Июнь. Переведены соответственно № 137, 167; автор обоих — Дж. Аддисон.

²³² «Государь мой Филантроп...» // НУ. 1763. Май. (С пометою: «Перевод из Филантропа»). Позднее в Амстердаме издавался журнал на голландском языке под таким же названием: De Philanthrope of menschenvriend. (Oct. 1756 — 1762. Т. 1–6). Автор ст. имел возможность познакомиться de visu с т. 2 франкоязычного журнала; подлинника русского пер. там не обнаружилось, но № 23 содержит сатирический счет расходов, подобный переведенному, и это дает основание предположить, что именно первый из двух «Филантропов» находился в распоряжении сотрудников НУ.

²³³ Перевод: I. О постоянстве, II. О всегдашнем поведении человеческом; Перевод: Опыт о дружбе; Перевод с французского: Элегия [«Я стражду, и болезнь моя неисцелима...»]; «Государь мой! Вчерашний разговор с вами о состоянии человека...» // НУ. 1763. Январь. — Письмо о нежных, великодушных и бескорыстных чувствованиях // Февраль. — Письмо: Любезной друг! Хотя я к тебе на последней почте и не писал...; Перевод: Елисейские поля // Май. — Перевод: Аллегория [«Мужеской и женской пол, спора между собою о преимуществе в достоинствах, наконец дошли до открытой войны...»]; Перевод: Ева изшедшая из рук Создательных: Идиллия; Перевод: Письмо, в котором доказывается, что неумеренное уединение и неумеренное сообщество равно для человека вредны // Июнь. К этому числу относятся и произведения, ошибочно приписанные Вольтеру (см. сноску 227).

²³⁴ Далее в пределах раздела, посвященного этому журналу, сокращенно: ДН.

²³⁵ В списке не учтен пер. В. Г. Рубана из кн. I, гл. 3: О свадебных пирах древних язычников // ДН. 1764. Ноябрь. С. 521–525. См.: *Гаврилов А. К.* Марк Аврелий в России // *Марк Аврелий Антонин.* Размышления / Изд. подгот. А. И. Доватур, А. К. Гаврилов, Я. Унг. Л., 1985. С. 128 (сноска 60).

²³⁶ В библиографическом списке не учтен один пер.: Правила, касающиеся до сохранения младенческих, юношеских, мужественных и престарелых лет // ДН. 1764. Май. С пометою: «Переведено с аглинского языка».

²³⁷ Девять пер.: шесть из т. 3, два из т. 1, один из т. 2. Подборка в январском номере обнаруживает признаки систематической работы с т. 3 (источником пер. в «Свободных часах» был тоже этот том), в феврале и марте материалы выбирались вразброс.

²³⁸ Всяк жребием своим доволен быть должен // ДН. 1764. Июль. (*Левин.* С. 40, сноска 95; с. 82, № 111). Издатель журнала — Джон Хоксуорт (Hawkesworth, 1715 ? — 1773).

²³⁹ Описание истории абиссинского принца Расселия // ДН. 1764. Апрель. (*Левин.* С. 82. № 102).

²⁴⁰ Тайны своей никому открывать не должно // ДН. 1764. Май. (*Левин.* № 103). Подлинник в кн.: *Beaumont, Sir Harry* [pseud.]. *Moralities; or, Essays, Letters, Fables and Translations.* London, 1753.

²⁴¹ Публия Овидия Назона Превращений книга XI: Басня X // ДН. 1764. Январь.

²⁴² Публия Овидия Назона Печалей книга третья: Елегия IV // ДН. 1764. Февраль. — Публия Овидия Назона книга первая Печалей: Елегия IV [!]. К другу, который в несчастии верным остался, и которого весьма похваляет // Октябрь. (*Свиясов.* № 9406, 9373).

²⁴³ Публия Овидия Назона Героида: Ариадна к Тезею // ДН. 1764. Май. — Публия Овидия Назона Героида: Елена к Парису // Июль. (*Свиясов.* № 9344, 9349). Годом ранее в «Свободных часах» был напечатан пер. М. М. Хераскова героиды «Ариадна к Тезею» (см. сноску 215).

²⁴⁴ Пер. с французского: Живописец, влюбившейся в портрет, им самим рисованный // ДН. 1764. Июль. — Баснь: [*Геллерт Х. Ф.*]. Пастух и Сирена [подлинник: «Der Schäfer und die Sirene»]; см.: *Imendörffer.* Т. 1. S. 395. Anmerk. 609]; Приключения Миридаса; Описание ночи // Август. — Баснь: Портной и обезьяна; Ревностной стихотворец; К соловью; Музыка // Октябрь. ([Комментарии] // Поэты XVIII века / Вступ. ст. Г. П. Макогоненко; Биограф. справки И. З. Сермана; Сост. Г. П. Макогоненко и И. З. Сермана; Подгот. текста и примеч. Н. Д. Кочетковой. Л., 1972. Т. 1. С. 590; *Drews.* № 943). Пер. или подражания, не помеченные как таковые, были, возможно, и среди др. стихотворений П. И. Фонвизина, напечатанных в ДН. Др. пер. «Приключения Миридаса» и «Описания ночи» соответственно: Человеческие желания неограниченны и безмерны // Зрелище деяний человеческих... // М., 1795. Ч. 1. С. 1–15; Описание сельских прелестей // Чтение для вкуса, разума и чувствований. 1791. Ч. 4. С. 320–334.

²⁴⁵ Любовь и разум // ДН. 1764. Август. (*Imendörffer.* Т. 1. S. 395. Anmerk. 608). Др. пер. этой басни см. сноску 295.

²⁴⁶ Великодушие, оказанное королем Франциском графу Гильому, которой хотел его умертвить; Выдумка одной женщины, которая сыскала способ уйти своему любовнику, когда муж ее, будучи крив, думал ее с ним найти вместе // ДН. 1764. Июль. (С пометою: «Переведено с французского»). Переведены новеллы: II, 17; I, 6.

²⁴⁷ Приключения некоторого чужестранца в Париже // ДН. 1764. Декабрь. (С пометою: «Перевел с французского К<оллежский> Р<егистратор> Василей Рубан»). В работах о ДН подлинником этого пер. ошибочно назвалась новелла Г. Мазуччо (*Берков.*

С. 146; *Чернышева Т. П.* Московский журнал 1764 г. «Доброе намерение» // Учен. зап. / Моск. гор. пед. ин-т им. В. П. Потемкина. 1959. Т. 98. С. 53; СК Т. 4. С. 127).

²⁴⁸ Ивана Бокация славного флорентинца Сокол // ДН. 1764. Март. В следующем месяце Санковский перевел еще одно произведение Бокаччо: Ивана Бокацио славного флорентинца Юпитер, звери и человек // Апрель.

²⁴⁹ Обман и неверность жены к мужу; Повесть о султানে Акшиде // ДН. 1764. Ноябрь. Французский и немецкий пер. сб.: *L'Histoire de la sultane de Perse et des Visirs, contes turcs, composés en langue turque par Chec Zadé et traduites en françois par M. Galland.* Paris, 1707; *Historie der Sultanin aus Persien und ihrer Veziere, oder Angenehme türkischen Historien in türkischer Sprach verfasst von Chec-Zadé.* Leipzig, 1738. Др. пер. из этого сб. см.: *Рак В. Д.* Три стихотворные сказки П. П. Сумарокова // Проблемы литературы Сибири XVII — XX вв.: (Материалы к «Истории русской литературы Сибири»). Новосибирск, 1974. С. 37. О сборнике см.: *Enzyklopädie des Islam / Hrsg. von M. Th. Houtsma u. a.* Leiden; Leipzig, 1934. Bd. 4. S. 304–305; *Литература Востока в Средние века.* М., 1970. Ч. 2. С. 397–398.

²⁵⁰ О водолазе // ДН. 1764. Январь. — О великолепном ужине Антония и Клеопатры, на котором Клеопатра дорогую жемчужину съела; Виргилий объявляет Августу Кесарю, кто был Августов отец; Как Демокрита служанка обманула // Апрель. — Остроумной ответ агличанки неаполитанскому купцу против любовного предложения // Декабрь. — Лекарство хрымь, слепым и колченогим / Пер. с нем. К<оллежский> Р<егистратор> Василей Рубан // Декабрь. «Остроумный ответ агличанки» имеет параллель в «Повести о приключении аглинского милорда Георга» (см.: *Комаров М.* История мошенника Ваньки Каина; Милорд Георг / Подгот. текста и коммент. В. Д. Рака. СПб., 2000. С. 247–248. Фащейный сюжет имеют стихотворные сказки «Принужденный проповедник» и «Злая жена», включенные в февральский номер.

²⁵¹ Далее в пределах раздела, посвященного этому журналу, сокращенно: ВсВ, Бар.

²⁵² Анализ содержания и приемов трансформации см.: *Солнцев 1892; Лазурский; Левин.* С. 44–52.

²⁵³ «Вельможа один приговорил ко смерти одного своего невольника...» // ВсВ. [Л. 24]. Ст. 69. — «Бывший на востоке сильный владетель Аарон Рафкив...»; «После того Аарон говаривал часто...»; «Со своими друзьями сокровенно Аарон говаривал...»; «Единожды Аарон приказал весьма щедро наградить...»; «Аарон быв еще наследником...» // [Л. 34]. Ст. 101.

²⁵⁴ Основанием для предположения об английском подлиннике этого очерка служит замечание о втором из упомянутых народов: «Сему народу пуше всего дивится путешествия описатель. Ибо, говорит он, мы агличане весь век свой проводим во споре и во противуречии друг другу; но никто никогда не вздумает сердиться».

²⁵⁵ Т. е. оставшихся неиспользованными материалов.

²⁵⁶ Говорить меньше, а больше слушати других; Смерть приятеля; Бьть учредительну в поступках; Каким образом заслужить милость государя и разных особ // ВсВ. [Л. 53–54 / Бар. 1–2]. Ст. 152.

²⁵⁷ Слово господина президента де Монтескиеу, говоренное им 1728 года Января 24 дня, за избрание его членом в Академию Французкую на место умершего господина де Саси // ВсВ. [Л. 61 / Бар. 9]. Ст. 169. (Перевел А. К. Лобысевич).

²⁵⁸ Описание пещеры бога сна: Из Овидиевых Превращений // ВсВ. [Л. 62 / Бар. 10]. Ст. 171. (Перевел А. К. Лобысевич).

²⁵⁹ Песни из Анакреонта: 1. «Хочу реши Атридов...»; 2. «Быкам природа роги...»; 14. Без стоп. «Хочу, хочу любить...» // ВсВ. [Л. 62 / Бар. 10]. Ст. 173. I.

²⁶⁰ Повесть о Кани Марки Кориолане, из книги II. истории Тита Ливия Патавийского; Строгость воинская у римлян, даже и отцем против собственного своего сына совершенная, из книги VIII. историй того же Тита Ливия Патавийского // ВсВ. [Л. 63–64 / Бар. 11–12]. Ст. 173. II–III. — Письмо 16. из книги VI. К. Плиния Кекилия Секунда о смерти дяди его К. Плиния Секунда, истории естественной писателя, приключившейся во время пожара огнедышущей горы Везувия от Рождества Христова 79, от создания же Рима 830 // [Л. 64–65 / Бар. 12–13]. Ст. 173. IV. — Валерия Максима изречений и дел достопамятных Книги третьей глава вторая: Примеры храбрости // [Л. 65–68 / Бар. 13–16]. Ст. 173. V. — Елиана различных повестей из книги II, III, VI, VIII, IX, XI // [Л. 69–70 / Бар. 17–18]. Ст. 173. VI.

²⁶¹ Далее в пределах раздела, посвященного этому журналу, сокращенно: ИТИС.

²⁶² Словарь // ИТИС. 1769. Нед. 10. В письме приславшего эту статью действительного или мнимого корреспондента говорилось: «Немецкий писатель Рабнер показал первой опыт такого словаря; а здесь взято из его подражателя, также немецкого писателя; но кто он таков, я не знаю; только то известно, что сие поставлено в еженедельных листах, которые продаваемы были в Вейзенфельсе и Лейбциге» (с. [1]).

²⁶³ Некоторые наставления, выбранные из разных сочинителей // ИТИС. 1769. Нед. 15.

²⁶⁴ Ерот победитель // ИТИС. 1769. Нед. 20. (Перевел М. И. Попов). (*Drews.* № 763).

²⁶⁵ Притча. Соловей // ИТИС. 1769. Нед. 31. (*Drews.* № 635).

²⁶⁶ Описание того места, в котором обитает сон, по мнению Овидиеву [«Метаморфозы». Кн. 11. Ст. 592 и след.]; внесенное сюда для подражания оному по причине той, что составляет оное весьма изрядное стихотворческое изображение, также и другие сему подобные описания. — Ариост, описывая жилище сна, ставляет придверником у него молчаливость следующими словами [«Неистовый Роланд», песнь XIV, строфы 92–94]. — Еще некакой стихотворец в пиитическом своем описании утра говорит о Сне таким образом. — Описание жилища, в коем обитает смерть, по мнению некоего стихотворца // ИТИС. 1769. Нед. 41. Для выдерживания характера вымышленного издателя журнала эта подборка обставляется легендою: «Все сие напечатанное выбрано мною из таких книг, которых у меня нет и которых не бывало, а втвердилось в памяти моей наслышкою, таким образом и сообщаю читателям» (с. [6]).

²⁶⁷ [Описание свойств российского пеметра] // ИТИС. 1769. Нед. 23. — Видение некоего Примечателя [о Ябеде] // Нед. 40. (С пометою: «Взятое из разных сочинений»).

²⁶⁸ Степанов В. П. Примечания // Стихотворная сказка (новелла) XVIII — начала XIX века / Вступ. ст. и сост. А. Н. Соколова; Подгот. текста и примеч. Н. М. Гайденкова и В. П. Степанова. Л., 1969. С. 320.

²⁶⁹ Трутень. 1769. 14 июля. Л. 12 // Сатирические журналы Н. И. Новикова / Ред., вступ. ст. и коммент. П. Н. Беркова. М.; Л., 1951. С. 90. Имеется в виду стихотворная «сказка» Чулкова «Подьячий неделец, / Хотя и был писец, / Но страшный был глупец...» (ИТИС. 1769. Нед. 25).

²⁷⁰ Западов А. В. Журнал М. Д. Чулкова «И то и сьо» и его литературное окружение // XVIII век. М.; Л., 1940. Сб. 2. С. 131.

²⁷¹ Рак 1998. С. 90–146: Гл. 2. Установление источников переводов: («Присовокупление второе» в «Письмовнике» Н. Г. Курганова). В таблице, составляющей «Приложение 2:

Источники “Кратких замысловатых повестей” (с. 272–282) указаны в графе «Примечания» публикации рассказов в др. книгах, не входивших в круг источников Курганова.

²⁷² Список напечатанных в ИТИС стихотворных и прозаических рассказов фацецино-анекдотического содержания с указанием их соответствий в «Кратких замысловатых повестях» Курганова (сокращенно: К с указанием порядкового номера):

«В какой-то город был отправлен воевода...» // ИТИС. 1769. Нед. 21. (К 37). — «Мужик вопил / и выл...» // Там же. (К 66). — «Подьячий некогда просителю сказал...» // Там же. (К 34). — «Бояре кушают, иль попросту ядят...» // Там же. (К 43). — «Один / Поселянин / Приехал к сроднику в какой-то городок...» // Там же. (К 45). — «Кривой, проснувшись рано...» // Там же. (К 24). — «Мужик, / Ни знанием, ни чином невелик...» // Там же. (К 33). — «Насмешник и дурак ограблены умом...» // Там же. (К 12). — «Немчин, / Не господин, / Живущий на свету непышно и неславно...» // Там же. (К 38). — «Шишморя иль вор...» // Там же. (К 72). — «Всем уже известно, что никакой народ при крещении своем не получает столько имен, сколько получают оных гишпанцы...» // Нед. 25. С. [2–3]. (К 50). — «Астроном Иголомей, Астроном и Коперник...» // Нед. 25. (К 3). — «Пастух в деревню нес козленка на руках...» // Там же. (К 69). — «Подьячий неделец, / Хотя и был писец...» // Там же. (К 221). — «Подьячие отнюдь учиться не желали...» // Там же. (К 13). — «Некоторая госпожа, великая охотница молотъ по часту пустое...» // Нед. 32. (К 103). — «Некоторой Султан, увидя, что один визирь отрубил волу голову...» // Там же. (К 299). — «Учители благородным детям обыкновенно больше ласкают...» // Там же. (К 94). — «Природа в своих делах не дает никому отчета...» // Нед. 39. (К 5). — «Некакой проворной детина пришел в сапожной ряд покупать сапоги...» // Там же. (К 73). — «Редкой музыкант бывает богатым...» // Там же. (К 90). — «В нужде не так весело жить, как в богатстве...» // Там же. (К 311). — «Некоторой купец с намерением спрашивал у жены так...» // Там же. (К 284). — «Весьма непригожая и старая госпожа приехала в театр...» // Там же. (К 265). — Струйся до слез, а об заклад не бойся // Нед. 40. (К — нет). — «Некоторой государь удивлялся некогда тому, что откупщики весьма богатеют...» // Там же. (К — нет). — «Апеллес, славной живописец, написал некогда Форгуну сидящего...» // Нед. 46. (К 56). — «Людовиг XI, французской король, пожаловал членом в парламент одного малоосмысленного советника...» // Там же. (К 60). — «По свержении Сатурна с престола...» // Нед. 51/52. (К — нет). — В некоторой стороне, во время великого народного смятения, вышел претолстой оратор...» // Там же. (К 123). — «Некоторой старик имел у себя много детей...» // Там же. (К 168). — «Некоторой гишпанской вельможа захотел иметь при себе человека ученого и разумного...» // Там же. (К 128). — «Две убогие старухи жили одна с другой неразлучно...» // Заключение. (К 240). — Опыт интерпретации рассказов, напечатанных в № 51/52, применительно к литературной обстановке 1769 г. см.: *Западов А. В.* Журнал М. Д. Чулкова... С. 140. Более подробное обоснование гипотезы о соответствиях между пер. Чулкова и Курганова см.: *Рак В. Д.* Курганов и Чулков: (Текстологический казус) // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24. С. 144–152.

²⁷³ Далее в пределах раздела, посвященного этому журналу, сокращенно: НТНС.

²⁷⁴ Булич Н. Н. Сумароков и современная ему критика. СПб., 1854. С. 264.

²⁷⁵ Е. В. Свиясов не смог, по-видимому, установить происхождение этого фрагмента, переведенного с латыни В. Г. Рубаном (1769. 11 июля. Л. 20), и не включил его в свой указатель.

²⁷⁶ Перевод из Горация [«Что пользы в серебре и злате...»] // НТНС. 1769. 28 февраля. Л. 2. (Свиясов. № 7781).

²⁷⁷ Л. Аннея Сенеки Письмо LXXXII // НТНС. 1769. 7, 14 марта. Л. 3–4. (Извлечение из «Нравственных писем к Луцилию»; загл. подлинника: «Epistulae morales ad

Lucilium»). — Л. Аннея Сенеки О Провидении // 6, 13, 20, 27 июня. Л. 15–18. (Перевел С. С. Башилов; подлинник: «De Providentia», 62 н. э.).

²⁷⁸ НТНС. 1769. 7 марта. Л. 3. С. 17.

²⁷⁹ Публия Овидия Насона Печалей книга III. Элегия VII // НТНС. 1769. 4 апреля. Л. 7. — Овидиевых Любостей книга I. Элегия 5. Приход Коринны // 23 мая. Л. 13. — Овидиевых Любостей книга II. Элегия 3. Прошение к внуху // 30 мая. Л. 14. (*Свясов.* № 9411, 9272, 9287).

²⁸⁰ Овидиевых Превращений книга I. Баснь 3. Описание золотого века // НТНС. 1769. 4 июля. Л. 19.

²⁸¹ См. сноску 275.

²⁸² Рок // НТНС. 1769. 21, 28 марта. Л. 5, 6. (С пометой: «Переведено из Амстердамского гонца. В. Р<убан>»). — Должности общежития: Ода г. Томаса [Thomas, Antoine-Leonard, 1735–1785] // 11 апр. Л. 8. (Перевел В. П. Петров; подлинник: «Les devoirs de la société, ode adressée à un homme qui vit dans la solitude»).

²⁸³ Омар: Восточная повесть // НТНС. 1769. 23 мая. Л. 13. (Перевел Ф. Лазинский). Подлинник в журнале С. Джонсона «The Idler» («Лентяй», 1758–1760), № 101. (*Левин.* С. 84. № 144).

²⁸⁴ Великодушие дикого человека: Повесть // НТНС. 1769. 30 мая. Л. 14. (Перевел Ф. Лазинский из «Berlinisches Magazin», 1765. Bd. 1). (*Drews.* № 996). Первая публикация французского подлинника: Aventure d'un jeune Officier Anglois chez les Sauvages Abenakis; tirée de Mémoires particuliers // Gazette littéraire de l'Europe. 1765. T. 4. 3 févr. № 59. P. 230–233 Дальнейшие многочисленные перепечатки под заглавием «L'Abenaki». Ср. с. 324.

²⁸⁵ Покрывало, скинутое ветром с лица одной женщины, было причиною смерти одного султанского сына // НТНС. 1769. 25 апреля. Л. 9. — Зависть одной женщины против своей сестры открывает простому народу путь к консульству; Позволение, данное от мужа своей жене сделаться ему неверною, было причиною уничтожения весьма тягостной подати // 4 июля. Л. 19. (Перевел И. Н. Дебольцев). В петербургскую академическую книжную лавку книга поступила в год ее выхода (см.: VIII. Supplement au Catalogue des livres françois anciens et nouveaux, qui se trouvent dans la librairie de l'Académie Impériale des Sciences à St. Pétersbourg. 1758. P. 7). Ср.: СК 6002–6003, 6005.

²⁸⁶ Разговор I. Дикого с Баккалавром // НТНС. 1769. 28 марта. Л. 6. — Разговор II. Дикого с Баккалавром // 4 апр. Л. 7. (*Вольтер.* № 23).

²⁸⁷ Эпиграммы: I. На Помпилов нос; II. Знай себя; III. К девице; IV. К мужу; V. К Кандиде // НТНС. 1769. 25 апреля. Л. 9. Помета при первой эпиграмме: «Мурет в Эпиграммах», при второй: «Из Овена», при пятой: «Переведено из Голландской пчель» (ее расположение при последней эпиграмме позволяет предположить (с большой мерою неуверенности), что и предшествующие № 3 и 4 были взяты из того же источника, которым предположительно явился сборник «L'abeille, ou Recueil de philosophie, de littérature et d'histoire» (La Haye, 1755)). Книга продавалась в петербургской академической книжной лавке в 1757 и 1761 гг. (см.: VII. Supplement au Catalogue des livres françois anciens et nouveaux, qui se trouvent dans la librairie de l'Académie Impériale des Sciences à St. Pétersbourg. 1757. P. 1; X. Supplement... [1761]. P. 2).

²⁸⁸ «На сих днях получили мы от одного корреспондента перевод с письма...» // НТНС. 1769. 9 мая. Л. 11. — Ответ на письмо Г. Бедняшкиной // 16 мая. Л. 12. (Оба перевел Я. И. Хорошкевич).

²⁸⁹ Новые вести; Проезжие // НТНС. 1769. 30 мая. Л. 14. (Перевел И. Х. Пырский).

²⁹⁰ Циу-циу: Китайская тайная повесть; «Аглинской Кавалер и Виргинской губернатор Гор, разговаривая с одним купцом...» // НТНС. 1769. 25 апреля. Л. 9. (С пометою: «Переведено с немецкого»).

²⁹¹ Далее в пределах раздела, посвященного этому журналу, сокращенно: ПсП.

²⁹² В диссертации Д. Д. Шамрая «Из истории цензурного режима Екатерины II (1762–1783)» (1947) автором «Юношеской библиотеки» была названа М. Лепренс де Бомон (см.: *Берков*. С. 240, сноска 1). Однако работа, проведенная при подготовке «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века, 1725–1800», выявила в ПсП лишь один пер. из ее соч. (СК Т. 4. С. 163; см. сноску 305).

²⁹³ Полное название журнала: *Der Bienenstock: Eine Sittenschrift der Religion, Vernunft und Tugend gewidmet*. Hamburg, 1758–1764. Ред. — И. Д. Лейдинг (см. с. 328). Из этого источника, выполнявшего и посредническую роль, были переведены и напечатаны с соответствующей пометой «Сон» (1769. Полумесяц [далее — №] 7; см. сноску 300) и «Баснь» (Там же; см. сноску 296). Несколько заимствований из «*Der Bienenstock*» не имеют подобной пометы (см. сноски 296, 298).

²⁹⁴ Старик и молодой; Лошадь и слепень // ПсП. 1769. № 2. Переведены: «*Der Jüngling und der Greis*», «*Das Pferd und die Bremse*». (*Imendörffer*: Т. 1. S. 397, Anmerk. 617).

²⁹⁵ Баснь [«Стихами врать не стыдно...»] // ПсП. 1769. № 5. — Басни: I. Купидон и Глупость; II. Два Рака // № 8. Переведены соответственно: «*Le Geai paré des plumes du Paon*», «*L'Amour et la Folie*», «*L'Écrevisse et sa Fille*». (*Imendörffer*: Т. 1. S. 397, Anmerk. 616). Др. пер. басни «*L'Amour et la Folie*» см. сноску 245.

²⁹⁶ Баснь [«Тень старой злой обезьяны...»]; Басни: I. Волк и ягненок // ПсП. 1769. № 7. — Истинная добродетель единую токмо добродетель любить может: Разговор: Дионисий, Пифий и Дамон // № 10. Переведены соответственно: «*Le Singe*», «*Le Loup et le jeune Mouton*», «*Dialogue XXI. Denys, Pythias et Damon. La veritable vertu ne peut aimer que la vertu*». При первой басне помета: «Взята также из книги, называемой *Улей*». Согласно указанию в СК (Т. 4. С. 163) из этого же источника (ч. 3) переведена басня «Волк и ягненок».

²⁹⁷ Спор зверей о преимуществе: В четырех отделениях; Ворон; Павлин и петух // ПсП. 1769. № 10. — Волк; Гусь // № 11. Переведены соответственно: «*Der Rangstreit der Tiere: In vier Fabeln*», «*Der Rabe*», «*Der Pfau und der Hahn*», «*Der kriegrische Wolf*», «*Die Gans*» (*Данилевский*. С. 285–286; *Drews*. № 754).

²⁹⁸ Небольшой камешек; Лев и козерог; Мышь и рисованная кошка // ПсП. 1769. № 7. По сведениям СК (Т. 4. С. 163), эти басни переведены из «*Der Bienenstock*» (Т. 3). Тем самым окончательно опровергается атрибуция В. П. Семениковым этих басен В. Т. Золотницкому, которая еще ранее была поставлена под сомнение (см.: *Берков*. С. 242).

²⁹⁹ Письмо о женском уборе // ПсП. 1769. № 4. С пометою: «Взято из второй части *Аглинского Смотрителя*». Подлинник: *The Spectator*. № 98; автор — Дж. Аддисон. (*Левин*. С. 83. № 141).

³⁰⁰ Сон // ПсП. 1769. № 7. С пометою: «Взят из книги, называемой *Улей*». Автор — Дж. Аддисон. (*Левин*. С. 83. № 143).

³⁰¹ Письмо об обманчивом виде // ПсП. 1769. № 7.

³⁰² К сочинителю письма о женских уборах, которое напечатано в кадетском журнале под № XIV // И то и сию. 1769. Нед. 11. С. [4–5].

³⁰³ Этот выпад П. Н. Берков ошибочно связал с письмом в № 4, для которого установлен английский подлинник (см. сноску 299).

³⁰⁴ М. Д. Чулков закончил цитированный выше выпад словами: «...но полно, ты и так не спрятался, тебя все знают, а собливо Прелеста». Письмо в ПсП обличает Кларису, которая «была самая хитрая светская женщина и, принимая на себя ложный вид постоянства, обманывала своих легковверных любовников. <...> Верьте, друзья мои, что самая жеманная кокетка не столько опасна, как Клариса, сей род женщин истинно создан на нашу пагубу» (1769. № 5. С. 15–16). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что номер «И то и сию», содержащий выпад против ПсП, вышел в свет ранее полумесячного выпуска этого журнала с письмом-мистификацией.

³⁰⁵ Аглинская повесть // ПсП. 1769. № 6. Подлинник — рассказ «Ladi Tempête» в соч.: *Le prince de Beaumont M. Magasin des adolescents, ou Dialogues entre un sage gouvernante et plusieurs de ses élèves* (1760. Т. 1–4; мн. переизд.), t. 1, pt. 2, dialogue 8. (СК Т. 4. С. 163).

³⁰⁶ Из Французского Смотрителя // ПсП. 1769. № 8. В СК (Т. 4. С. 163) «Французский смотритель» ошибочно определен как «французское переиздание» журнала «The Spectator». На самом деле заголовок в ПсП имеет в виду журнал Мариво «Le Spectateur François» (см. с. 354).

³⁰⁷ О предъугверении во мнимом своем достоинстве; Андрей Детуш в Сиаме; Индейская повесть // ПсП. 1769. № 12. (*Вольтер*. № 22).

³⁰⁸ *Gordon L. S. Gabriel-François Coyer et son oeuvre en Russie // Revue des études slaves*. 1963. Т. 42. П. 73–79; *Пак* 1989.

³⁰⁹ В. Ф. Солнцеву и автору данной статьи было доступно хранящееся в РНБ издание: *Effen J. van. Oeuvres diverses*. Amsterdam, 1742. Т. 1–5.

³¹⁰ Нумерация многих листов «Мизантропа» (далее в списке сокращенно: М.) расходуется в журнальных изданиях и в собр. соч. на одну единицу, что показывается в библиографических записях двумя цифрами через косую черту (первая соответствует журнальной нумерации). Ссылки на тома и страницы собр. соч. приведены в ст. В. Ф. Солнцева. Исползованы в «Смеси»: Разговор Леандра с Мизантропом // Л. 3. (М. № 7). — Праздники и петиметры // Л. 4. (М. № 6). — «Многие хулят мое издание...» [включая «Волшебную сказку»] // Л. 5. (М. № 54 / 55). — «Я был недавно в гостях...» // Л. 14. (М. № 45 / 46). — «Скажи Клитандру...»; «Старый Клеант...»; «Дорант, быв подьячим...» // Л. 15. (М. № 9). — «Предвижу, что сей лист...» // Л. 15 (М. № 12). — «Еще мне вздумалось описать поступки некоторых людей...» // Л. 16. (Подборка портретов и характеристик из разных номеров: М. № 58 / 59, 76 / 77, 40, 34, 76 / 77, 62 / 63, 40). — Разговор Меркурия с издателем «Смеси» // Л. 21. (М. № 78 / 79). — «Весьма неосновательно хулить древнего писателя...» // Л. 24. (М. № 84 / 85). — «Верно, есть такие люди...» // Л. 32. (М. № 77 / 78). — «В прошедшем листе я писал о разных любовниках...» // Л. 33. (М. № 79 / 80). — «Господин издатель! я не из числа тех молодцов...» // Л. 34. (М. № 80 / 81).

³¹¹ Повесть // Смесь. Л. 19. (Bagatelle. 1719. 13 mars). — «Любопытство, не преступая пределов разума...» // Л. 36. (Bagatelle. 1719. 20 mars). — [Характеристика Вельседа] // Л. 40. (Bagatelle. 1718. 3 oct.). Полное название журнала: *La Bagatelle, ou Discours ironiques où l'on prête des sophismes ingénieux au vice et à l'extravagance pour en faire mieux sentir le ridicule*.

³¹² «Не помню в которой день...» // Смесь. Л. 9. — Новый Диоген // Л. 10. — «Господин издатель! Севодни погода очень хороша...» // Л. 10. Переведены соответственно: «Nouveau Spectateur François». № 9, 4, 12. Предположение В. Ф. Солнцева о том, что поскольку в «Смеси» присутствуют только те очерки Мариво, которые у французского писателя заимствовал ван Эфпен, то русский литератор взял их веро-

ятнее всего из собр. соч. голландского журналиста, представляется очень убедительным (*Солнцев*, 1893. С. 26); тем не менее полной уверенности быть не может, и нельзя окончательно исключить того, что мог использоваться сам журнал Мариво в одном из его изданий или том собр. соч. французского писателя, куда было включено и это периодическое издание.

³¹³ «Господин издатель, хочу вас уведомить о удивительной кукле...» // Смесь. Л. 13. — «Господин издатель, лета мои...» // Л. 26. — «Господин издатель! многие говорят...» // Л. 28. Подлинники находятся соответственно на следующих страницах первого тома: 194–198, 33–37, 171–177.

³¹⁴ Происхождение и польза опахала // Смесь. Л. 1.

³¹⁵ «Господин издатель! вы все пишете...» // Смесь. Л. 19. (Дата под письмом: 29 июля, номер вышел 4 августа, предшествующий — 28 июля).

³¹⁶ Подлинник: *Dissertation sur la nature du peuple* // [*Coyer G.-F.*]. *Dissertations pour être lues: la première, sur le vieux mot de Patrie; la seconde, sur la nature du peuple.* La Haye, 1755.

³¹⁷ Подлинник: *Magie démontrée* // [*Coyer G.-F.*]. *Bagatelles morales.* Londres, 1754; (Переиздание: *Bagatelles morales et dissertations.* Nouv. éd. London; Francfort, 1755).

³¹⁸ Праздные люди // Смесь. Л. 2. (*Рак*, 1989. № 5).

³¹⁹ Разговор Демокрита с Гераклитом // Смесь. Л. 34. — Разговор философа пиронической секты с его соседом // Л. 35. (*Рак*, 1989. № 7, 8).

³²⁰ Сон г. Патрика // Смесь. Л. 2. (*Рак*, 1989. № 6).

³²¹ «Я думал, что Стозмей не знает ничего...» // Смесь. Л. 20. (*Рак*, 1989. С. 88).

³²² Баснь [«Крестьянская жена для мужа своего...»] // Смесь. Л. 35. (*Рак*, 1989. № 9).

³²³ Сон, писанной к одной княжне // Смесь. Л. 6. (*Вольтер*. № 24).

³²⁴ Сон // Смесь. Л. 8. — Анакреонтическая ода [«Ириса, в роще сей прекрасной...»] // Л. 9. — Анакреонтическая ода [«Люби прекрасную Исмену...»] // Л. 11. — Анакреонтические оды. IV / [«Почто я не могу той розой быть...»] // Л. 16. Переведены соответственно стихотворения: «*Songe*», «*La Solitude*», «*La Raison et l'Amour*», «*Souhait*» (*Солнцев*, 1893. С. 41).

³²⁵ Связанный Купидон; Страждущий Купидон // Смесь. Л. 7. (*Свясов*. № 627, 804).

³²⁶ Элегия [«О ночь! Ужасна ночь! Свидетель злой напасти...»] // Смесь. Л. 26. (*Свясов*. № 9363).

³²⁷ Индейская повесть // Смесь. Л. 3. (*Вольтер*. № 21).

³²⁸ Утешение в печали // Смесь. Л. 2. (Не учтена в работах: *Заборов; Вольтер*).

³²⁹ Судьба // Трутень. 1769. 15 декабря. Л. 34. (Пер. И. М.). Источником басни Геллерта был «*The Spectator*» (№ 237, автор — Дж. Аддисон). См.: *Рак* 1998. С. 179. О сомнительной атрибуции пер. И. И. Мелессино см.: Сатирические журналы Н. И. Новикова / Ред., вступ. ст. и коммент. П. Н. Беркова. М.; Л., 1951. С. 546.

³³⁰ Чензья, китайского философа, совет, данной его государю // Трутень. 1770. 23 февраля. Л. 8. (Перевел с маньчжурского языка А. Л. Леонтьев). О выборе этого пер. для публикации в «Трутне» см.: Сатирико-нравоучительные журналы Н. И. Новикова. С. 550.

³³¹ Об истории сюжета см.: *Рак* 1981. С. 253–254. К указанным в этой старой работе произведениям на сюжет о похищениях монеты (денежной купюры) следует добавить: *Le louis d'or politique et gallant.* Cologne, 1695; *The Adventurer.* 1753. 3 Apr. № 43 (автор — Richard Bathurst, ум. 1762); *La pistole* // *Nouveau choix de pièces tirées des anciens Mercurus et des autres journaux.* Paris, [1762]. Т. 90 [6e année. Т. 14]. P. 125–140. (С пометой о перепечатке из журнала: *Petit Réservoir, contenant une variété de faits historiques et critiques, de littérature, de morale et de poésies, etc. et quelques fois*

de petites aventures romanesque et galantes. La Haye, 1750. Т. 2; включает в себя очерк Дж. Аддисона); [*Bridges, Thomas*]. The Adventures of a Bank-Note. London, 1770–1771. Vol. 1–4 (переиздание: 1772); [*Scott, Helenus*, 1760–1821]. The Adventures of a Rupee, wherein are interspersed various anecdotes, Asiatic and European. London, 1782 (переиздания: Dublin, 1782; London, 1783); *Truelove*. The Adventures of a Silver Three-pence: Containing much amusement and many characters with which young gentlemen and ladies ought to be acquainted / Written by Mr. Truelove. London, [с. 1800] (переиздания: Burslem, [1802 ?]; London, [1805?], [1810?]); The Adventures of a Halfpenny, commonly called a Birmingham Halfpenny, or Counterfeit; as related by itself. Banbury, [1835 ?]; *Paço d'Arcos, Joaquim*. Memórias duma nota de banco. Lisboa, 1962 (английский и французский пер.: 1968; русский пер.: *Пако д'Аркаос Ж.* Воспоминания ассигнации: Роман: Пер. с португ. М., 1981); *Бестужев А. А.* История серебряного рубля // *Благонамеренный*. 1820. Ч. 10. № 7. С. 13–22; *Гребенка Е. П.* Похождение синей ассигнации // *Санктпетербургские ведомости*. 1847. 10 января — 19 февраля. № 7–8, 10–13, 16–18, 21–23, 26–28, 32–35, 38–39. С. 25, 28, 39, 43–44, 49–50, 53, 67, 71, 79, 95, 102–103, 107–108, 121–122, 125–126, 129, 150–151, 155–156, 161–162, 165–166, 176–177, 181–182 (включалось в собр. соч. автора). Соображения относительно связи новиковского рассказа червонца с рассказом Дж. Аддисона о похождениях шиллинга см.: *Левин*. С. 60, сноска 170.

³³² *Привалова М. И.* Из истории «малых форм» сатиры в русской журналистике XVIII–XIX вв. // *Русская журналистика XVIII–XIX вв.: (Из истории жанров)*. Л., 1969. С. 112. В «Трутне»: Статьи из Русского Словаря // 1769. 26 мая. Л. 5. О «Немецком словаре» Рабенера см. с. 345.

³³³ 1769. 19 мая. Л. 4; 2 июня. Л. 6; 23 июня. Л. 9; 11 августа. Л. 16; 25 августа. Л. 18.

³³⁴ 1769. 25 августа. Л. 18.

³³⁵ См. сноску 289.

³³⁶ Далее в пределах раздела, посвященного этому журналу, сокращенно: АП.

³³⁷ Возможно, Эмин пользовался изданием: *Le Noble E.* Dialogue entre le diable boiteux et le diable borgne. Amsterdam: E. Roger, 1708. P. 1–64; Second entretien entre le diable boiteux et le diable borgne. Amsterdam: E. Roger, 1708. P. 65–134; Les diables aux Tuileries, ou III entretien entre le diable boiteux et le diable borgne. Amsterdam: E. Roger, 1708. P. 135–194; Les diables au palais, ou IV entretien entre le diable boiteux et le diable borgne. Amsterdam: E. Roger, 1708. P. 195–256; Les diables aux Cours, ou V entretien entre le diable boiteux et le diable borgne. Amsterdam: E. Roger, 1708. P. 257–316; Les diables aux petits-maisons, ou VI entretien entre le diable boiteux et le diable borgne. Amsterdam: E. Roger, 1708. P. 317–372; Les diables à la douane, ou VII entretien entre le diable boiteux et le diable borgne. Amsterdam: E. Roger, 1708. Т. 2. P. 1–58. [*Anonyme*]. La lorgnette du diable borgne, pour connoître le Passé, le Present et le Futur, par les entretiens entre le diable borgne et le diable boiteux. Amsterdam: E. Roger, 1708. P. 1–50; La lorgnette du diable borgne: Second entretien pour connoître le Passé, le Present et le Futur. Contenant les Baccanales de Gentilly. Amsterdam: E. Roger, 1708. P. 51–85. Первое издание памфлетов: Paris: Th. Guillain, 1708. Атрибуция двух последних анонимных памфлетов Э. Ленобло небесспорна.

³³⁸ Адская почта. 1769. Июль. С. 30.

³³⁹ Там же. С. 12–17.

³⁴⁰ Там же. С. 54–55.

³⁴¹ Подробный анализ АП в отношении к ее иностранным источникам см.: *Рак* 1986; *Рак* 1998. С. 28–89.

В. Д. Рак

Приложение 4

Русское стихосложение XVIII века

В истории русского стиха XVIII в. был эпохой наиболее радикальных преобразований; их интенсивность, целенаправленность, системность, а также ярко выраженная зависимость поэтической практики от теории беспримерны. Развитие русского стихосложения тесным образом связано с окончательным формированием светской лит., завершением утверждения оппозиции «стих — проза», борьбой барочных и классицистических принципов, определявших как общестилевые, так и специфически литературные, наконец, собственно стиховые приемы организации поэтических текстов. Существенную роль в истории русского стиха XVIII в. сыграли и внешние факторы, среди которых определяющей стала реформаторская деятельность Петра I, установившая тесные культурно-экономические связи с протестантским Западом (прежде всего, Германией), а также существенно повлиявшая на формирование волевого и рационалистического характера преобразований в различных сферах российской государственной жизни.

Стихотворство впервые становится популярной светской деятельностью (еще в нач. века Феофан Прокопович заметил, что ныне «все начали стихотворствовать до тошноты») и к сер. века обретает статус «труднейшей науки» (Г. Н. Теплов). Проблемы теории и практики русского стихосложения начинают обсуждаться публично, в т. ч. и в периодической печати; востребована западноевропейская традиция «поэтических состязаний», которая приобретает особую остроту в период реформы русского стиха и продолжается до сер. 1780-х.

Одной из наиболее характерных особенностей поэтической практики этой эпохи является исправление собственных соч. с неизменным обнародованием новых вариантов в качестве «улучшенных»

(А. Д. Кантемир, В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, М. М. Херасков и многие др.). В контексте поэтических состязаний «победа над собой» осознается как не менее значительная, чем победа над «соперником», и отражает активный процесс формирования писателя нового типа.

Среди европейских стиховых традиций, наиболее очевидным образом оказавших влияние на развитие русского стиха XVIII в., следует назвать античную, польскую, итальянскую, немецкую и французскую. Их выделение в значительной степени условно, поскольку это влияние было далеко не всегда непосредственным; в целом ряде случаев одна из традиций имела посредника в лице др., вносившей свои коррективы в источник заимствования. Кроме того, ни одна из европейских традиций не была реализована в русском стихе системно, т. е. не распространилась на все планы стиховой структуры (метрико-ритмический, строфический, фонический, интонационно-синтаксический). Освоение отдельных метрических и строфических форм, как правило, сопровождалось более или менее существенной их модификацией.

До кон. 1730-х этот процесс обусловлен преимущественно языковыми причинами и сложным взаимодействием различных традиций. Так, в новом языковом пространстве силлабическое стихосложение польского образца обретает уже к нач. XVIII в. специфические формы собственно русской силлабики с характерными ритмическими, синтактико-мелодическими и рифменными чертами. С др. стороны, несмотря на то что авторитетные руководства по версификации излагали исключительно правила латино-польских пиитик, посредничество украинской силлабической поэзии (в т. ч. и поэтические навыки выходцев из Малороссии), а также влияние на практику русского литературного стиха песенной традиции (как фольклорной, так и книжной), позволяют говорить о творческом заимствовании польской силлабики.

В пореформенный период отношение к европейским стихотворным традициям становится более определенным, а освоение известных стиховых форм — более целенаправленным. Уже в первых реформаторских трактатах и ст. В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков настойчиво подчеркивали как сходство вводимой и утверждаемой ими новой системы русского литературного стиха с др. системами, так и ее отличие от них. Одним из наиболее авторитетных

для поэтической установки XVIII в. стало положение Ломоносова, сформулированное в нач. «Письма о правилах российского стихотворства» (1739): «...русские стихи надлежит сочинять по природному нашего языка свойству, а того, что ему весьма несвойственно, из других языков не вносить. <...> чем российский язык изобилен и что в нем к версификации угодно и способно, того, смотря на скудость другой какой-нибудь речи или на небрежение в оной находящихся стихотворцев, не отнимать, но как собственное и природное употреблять надлежит. <...> понеже наше стихотворство только лишь начинается, того ради, чтобы ничего неугодного не ввести, а хорошего не оставить, надобно смотреть, кому и в чем лучше следовать». Эта установка последовательно реализуется русскими поэтами XVIII в. и во многом объясняет как резкую активизацию интереса к ранее неизвестным русскому стиху метрико-строфическим формам европейских лит., так и особое отношение к проблеме поэтических пер. и переложений. Нередко для пер. с хорошо известного автору языка избирается др. размер и строфическое строение, далекие от строения оригинала, в то время как «материя» излагается предельно близко к первоисточнику; либо напротив, свободная интерпретация иноязычного текста сопровождается воспроизведением не только метрико-строфического, но и рифменного строя. В некоторых случаях форму стихотворного пер. определяли тексты-посредники (преимущественно немецкие и французские).

Античная традиция была основным источником формирования терминологии европейских теорий стихосложения и через латинские, польские, немецкие и французские руководства по версификации перешла в значительно сокращенном виде в русские. В период силлабо-тонической реформы стиха постепенно происходит уточнение содержания традиционных терминов, однако вплоть до нач. XIX в. по примеру Тредиаковского и Ломоносова сильные места силлабо-тонического стиха по-прежнему именовались «долгими», слабые — «краткими»; популярные размеры — в соответствии с традицией — гекзаметр (шестистопник), пентаметр (пятистопник), тетраметр (четырехстопник), триметр (трехстопник).

Нестрофические и строфические размеры античной квантитативной метрики воспроизводились русскими поэтами XVIII в. как в силлабическом, так и в силлабо-тоническом вариантах. Отбор этих размеров определялся в первую очередь текстами античных авторов,

популярность которых в России была наиболее высока. Гомера, Сапфо, Анакреонта, Катулла, Вергилия, Овидия, Горация переводили непосредственно с древнегреческого и латинского по подстрочникам, а также с немецких и французских стихотворных пер.

Одной из самых ярких имитаций античного размера в русской поэзии этой эпохи стал дактило-хореический гекзаметр, предложенный Тредиаковским для воспроизведения квантитативного дактилического гекзаметра: «Эпопия всеконечно требует Дактило-спондиаческого или, по нашему Тоническому Количеству, Дактило-трохаического Шествия...» Он представлял собой белый (нерифмованный) 6-иктный дольник и был использован в «Тилемахиде» (1766) («Мощь его самодержна / единственно доброе дѣлать; // Связаны рѹки имѣет / он на всякое злое...») — здесь и далее ударением отмечены метрически сильные места). Несколько раньше, в «Аргениде» (1751), Тредиаковский опробовал ямбо-анапестический гекзаметр, который в дальнейшем не получил распространения. Вслед за Тредиаковским к гекзаметру и элегическому дистиху (двустистию гекзаметра и пентаметра) обращаются преимущественно в пер. и подражаниях античной поэзии, а также в оригинальных стихотворениях на антологические темы (М. Н. Муравьев, А. Н. Радищев и др.). Впрочем, более распространенным способом передачи квантитативного дактилического гекзаметра до кон. XVIII в. остается 6-стопный цезурованный ямб (Ломоносов употребляет его и в пер. Гомера). Строфическим размером, неоднократно воспроизводимым русскими поэтами в силлабической и силлабо-тонической интерпретации, была также малая сапфическая строфа (горацианской модели). Ее силлабический вариант был по преимуществу рифмованным («Песнь третья на злобно-го человека» А. Д. Кантемира) и представлял собой четверостишие, в котором первые три стиха — 11-сложники с цезурой после пятого слога, заключительный стих — пятисложник: «Радуйся, сердце! Аминта смягчилась, // Так что предо мной самым прослезилась. // Не вспоминай о своем несчасти. // И без напасти» (В. К. Тредиаковский). В силлабо-тоническом варианте, как рифмованном («Гимн Венере», «Ода сафическая» А. П. Сумарокова), так и нерифмованном («Сафические строфы» А. Н. Радищева), сапфическая строфа стала одной из самых популярных логоэических форм (первые три стиха — стопные логоэды, интерпретируемые поэтами как сочетания двусложных и трехсложных стоп, последний стих — двухстопный дактиль): «На златое ко мне колеснице ѣздя, // Ты впряженных гнала к полету»

птичек, // В б́ыстром б́еге скóростью сэкла вóздух, // Шéствую с нéба...» (А. П. Сумароков). В силлабо-тонической передаче др. строфического размера античной лирики — алкеевой строфы, которую обычно называли «горацианской», русские поэты сохраняли слоговой объем стихов, составляющих четверостишие (два 11-сложника, 9-сложник и заключительный 10-сложник), но расположение сильных мест предлагали разное. Наиболее близкий тонический эквивалент античного размера дал Сумароков: «Скажи своё веселье, Невá, ты мнé, // Что стáлось за счáстие сéé странé? // Здесь мóлния, играя, блéщет, // Рáдостны грóмы селíтра мéщет...» («Ода горацианская», 1757).

Влияние античной традиции становится в XVIII в. также одним из стимулов освоения белого стиха (В. К. Тредиаковский, А. П. Сумароков, В. П. Петров, Г. Р. Державин и др.), необычность которого ощущалась особенно отчетливо на фоне рифмованного стиха как поэтической нормы эпохи.

Польская традиция — наиболее авторитетная в России с сер. XVII в. — к нач. XVIII в. становится все менее актуальной для русских поэтов, главным образом, в связи с переориентацией интереса на др. западноевропейские лит., а тем самым и стиховые традиции, как силлабические (итальянская, французская), так и тонические (немецкая). Между тем вплоть до реформы Тредиаковского—Ломоносова ведущими долгими размерами русской поэзии остаются польские 13-сложник (с цезурой после седьмого слога) и 11-сложник (с цезурой после пятого слога), наиболее распространенным средним размером — восьмисложник (обычно без цезуры, реже — с цезурой после четвертого слога). В соответствии с просодией польского языка и цезура, и окончание должны быть женскими. На практике русские поэты нередко отступали от польского образца. С женским пресечением соперничало мужское и дактилическое, а Кантемир считал последние единственно возможными в 13-сложнике: «Уме незрелый, плуд / недолгой нау́ки! // Покойся, не понуждай / к перу мои рúки». Реже нарушалось женское окончание, однако для 13- и 11-сложника Кантемир предусматривал помимо женской также мужскую рифму, для 6- и 7-сложников — и мужскую, и дактилическую (в его терминологии «тупую» и «скользкую»).

Несмотря на то что в нач. века русская силлабика отстает от метрических канонов польского стиха, «высокий» стих как оригинальных, так и переводных произведений (вне зависимости от мет-

ра оригинала) — 13-сложник («Владимир» Ф. Прокоповича, «Слава Российская» Ф. Жуковского, пер. сатир Буало А. Кантемира, «Элегия о смерти Петра Великого» В. Третьяковского и др); легкая поэзия и песенная лирика преимущественно писались 8-сложником. Иными словами, до реформы русского стиха польская силлабическая традиция выступает в качестве основного (а подчас и единственного) посредника между европейскими и русской лит.

Начиная силлабо-тоническую реформу, Третьяковский пытается сохранить основные признаки привычной польской модели (неизменное количество слогов в стихе, женское окончание и место цезуры) и предлагает ограничить репертуар силлабических размеров нечетно-сложными («Новый и краткий способ к сложению российских стихов», 1735). В то же время внесение в стих нового правила «падения стопами» резко противопоставляет стих польского образца реформированным 11- и 13-сложникам Третьяковского, в которых, помимо хорейского ритма, появляются и новые метрические признаки. Седьмой «внеметрический» слог 13-сложника становится тонической константой: «*о́тдава́й то всё Творцу́ / до́лг что о́тдава́ти; // Бёз рассу́дка ж ни́чего / ти́ б не на́чина́ти...*», как и пятый в 11-сложнике: «*Кра́сота́ весны́! / Ро́за о́ прекра́сна! // Всёй о го́спожа́ / ру́мяно́сти вла́сна!..*» Иначе преодолевает ограниченность метрического репертуара русской поэзии нач. XVIII в. Кантемир. Он, напротив, расширяет число силлабических размеров, предлагая различные варианты тонических констант, не известных польскому стиху («Письмо Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских», опубли. 1744). Однако и тот и др. по существу пытаются освободить от зависимости польской силлабической традиции обновленный русский стих. К кон. XVIII — нач. XIX в. уже русский силлабо-тонический стих становится объектом особого интереса в Польше. Пер. произведений А. П. Сумарокова, М. М. Хераскова и др. русских поэтов этой эпохи оказывают существенное влияние на формирование польской силлабо-тоники.

Формирование книжной строфики в русской поэзии нач. XVIII в. происходило в значительной степени под влиянием итальянской традиции. В отличие от польского стиха, культивировавшего парную рифмовку, итальянская силлабика, к которой обратились Ф. Прокопович и А. Кантемир, предлагала перекрестную и охватную рифмовку, использование удлиненных рифмических цепей, а также канонизированные строфы и твердые стихотворные формы, неизвестные

русскому стиху. Первые русские октавы, воспроизводящие итальянскую модель (восемь 11-сложных стихов с рифмовкой АВАВАВСС), принадлежат Прокоповичу: «Не знаю, кто ты, пророче рогатый; // Знаю, коликой достоин ты славы; // Да почто ж было имя укрывати? // Знать, тебе страшны сильных глупцов нравы. // Плюнь на их грозы, ты блажен трикраты. // Благо, что дал Бог ум тебе толь здравый; // Пусть весь мир будет на тебя гневливый, // Ты и без счастья довольно счастливый» («К сочинителю сатир», 1730). Этот опыт не был развит поэтами XVIII в., и новое открытие итальянской октавы произошло уже у романтиков через посредничество немецкой и английской лит. В пореформенный период русские поэты обращаются к итальянскому сонету и сдвоенным строфам. Несмотря на то что первыми русскими сонетами были пер. с французского, итальянское происхождение и итальянская сонетная традиция фиксируется уже в «Новом и кратком способе...» Третьяковского: «...сонет имеет свое начало от итальянцев и есть некоторый род французского и итальянского мадригала». Традиционный размер итальянского сонета (11-сложник), которому в силлабо-тонике соответствует пятистопный ямб, во второй половине XVIII в. воспроизводится почти так же часто, как и шестистопный ямб (аналог французского 12-сложника); схема рифмовки итальянского сонета воспринимается как вполне приемлемая и для пер., и для оригинальных текстов. Один из первых ярких примеров имитации этой формы — «Сонет или мадригал Либере Саке, актрисе италийского вольного театра» А. А. Ржевского, в котором использованы по аналогии с итальянским стихом только женские окончания. Освоению сложных архитектурных форм итальянской поэзии способствовали не только пер. и переделки легкой поэзии и стихов на случай, но также арий и дуэтов из итальянских комических опер (Да Понте, Дж. Федерико, П. Кьяри, Гольдони, Метастазιο, Бонеки и др.). Стихотворные пер. А. П. Сумарокова, И. А. Дмитриевского, И. С. Баркова, Я. Б. Княжнина, В. А. Левшина музыкально-поэтических текстов оказывали влияние и на развитие книжной строфики, и на формирование полиметрии (первоначально — музыкальной, т. е. являющейся следствием ориентации словесного текста на музыку, к кон. века — собственно стиховой).

Немецкая стихотворная традиция оказалась одной из наиболее востребованных на протяжении всего XVIII в. Распространение силлаботоники немецкого образца в датской и шведской поэзии, возрастающий авторитет немецкого языка в России Петровской эпохи, наконец,

немецкая выучка Ломоносова и переводческая деятельность в стенах Академии наук, в которой принимал участие Третьяковский, сыграли не последнюю роль в подготовке силлабо-тонической реформы. Первые образцы русского силлабо-тонического стиха принадлежали иностранцам. И хотя пер. и оригинальные тексты И. Г. Спарвенфельда, В. И. Монса, Э. Глюка, И. В. Пауса остались без внимания и существенно не повлияли на русский стих нач. XVIII в., по-прежнему искавший ритмическое разнообразие в пределах силлабики, они продемонстрировали саму возможность реализации тонического принципа в русском литературном стихе. Неслучайно и первый силлабо-тонический опыт Ломоносова — «Ода на взятие Хотина...» имел своим образцом немецкий источник И. Х. Гюнтера, а в приложенном к ней «Письме о правилах российского стихотворства» польское и французское стихосложение, не имеющие правильного чередования ударений, Ломоносов противопоставляет не только греко-латинскому, но и немецкому стихосложению, которые соответствуют «природным свойствам» языка. Ориентация реформаторов русского стиха на труды немецких теоретиков прослеживается в аналогиях силлабо-тонического стихосложения с квантитативным, которые проводились М. Опицем в «Книге о немецкой поэзии» (1624) и неоднократно повторялись его последователями, а также в перечне основных стоп (ямб, хорей, дактиль, анапест), принятых немецкой силлабо-тонической теорией во второй половине XVII в.

До кон. века немецкая традиция выступала в качестве основного источника известных европейскому стиху стихотворных размеров, строф и систем рифмовки. Так, французские 8-сложник и 12-сложник (александрийский стих) появляются в России благодаря немецкому посредничеству уже в форме силлабо-тонических размеров — четырехстопного («Востóрг внеза́пный у́м плени́л, // Ведёт на véрх горы́ высо́кой...») и шестистопного цезурованного ямба («О вы́, кото́рые / стремите́сь на́ Парна́с, // Нестро́йногó гудка́ / имéя гру́бый глас...»). Способ эквивалентной передачи античных квантитативных размеров в силлабо-тонике, состоящий в том, что длинные слоги должны соответствовать ударным, а краткие — безударным слогам, также был выработан в немецком стихе. Опыты Готшета, Клейста, а в особенности «Мессиада» Клопштока и его статьи об античных размерах были хорошо известны в России и повлияли на практику поэтических пер.

Ритмика немецких двусложников (прежде всего, четырехстопного, шестистопного и вольного ямба) отразилась в русском стихе этой эпохи менее отчетливо, поскольку основное внимание поэтов было направлено на выработку специфического национального варианта силлабо-тоники. Однако влияние немецкого стиха с характерным для него максимальным сближением метра и ритма (пропуски метрических ударений здесь встречаются гораздо реже, чем в русском стихе), прослеживается в первых одах Ломоносова, стремящихся к полнударности. Возможно, что и первый русский оригинальный дольник, приведенный Ломоносовым в «Письме о правилах российского стихотворства» в качестве примера тетраметра «из ямбов и анапестов составленного», также был подсказан немецкой традицией, активно использовавшей трех- и четырехиктные дольники. В героическом александрийце для большинства поэтов ритмически более приемлемым оказывается также опыт немецкого стиха, допускающего, помимо мужской, еще и дактилическую цезуру (ориентацией на ритмику французского стиха отличается лишь шестистопный ямб Третьяковского, в котором третий икт имеет 100% ударности). К кон. XVIII в. в самом популярном размере русской поэзии — вольном ямбе — намечаются различные ритмические тенденции, одна из которых — т. н. «немецкий» тип, характеризующийся преобладанием четырехстопных стихов над шестистопными. Свое отчетливое выражение этот ритмический тип найдет в творчестве В. А. Жуковского и др. поэтов нач. XIX в., но преодоление наиболее авторитетного для XVIII в. «французского» типа вольного ямба намечается уже сейчас.

В области строфики немецкий стих в основном выступает в качестве посредника, который в наиболее полном виде освоил архитектурные структуры романского происхождения. Ощутимых новаций немецкая поэзия здесь не предложила, поэтому пер. с немецкого, воспроизводящие строфику источников, не отличаются от французских и итальянских моделей (как, например, пер. А. П. Сумарокова, И. И. Хемницера и др.). Непосредственно из немецкой песенной строфики в русскую поэзию был перенесен особый прием завершения строфы нерифмованной строкой-рефреном («вайзе»): «Блажен! Кто, удалясь от дел, // Подобно смертным первородным, // Орет отеческий удел // Не откупным трудом, свободным, // На собственных своих волах» (Г. Р. Державин. «Похвала сельской жизни», 1798; схема рифмовки аВаВх). У Державина такие строфы нередко становились частями более объемных строф, связываясь друг с другом посредством дополни-

тельной рифмовки завершающих стихов (например, AbAbCd+EfEfCd). Такие суперстрофы в дальнейшем не получили распространения в русской поэзии и остались характерной приметой стиха XVIII в.

Влияние французской традиции на русский стих этой эпохи было наиболее активным и в то же время наиболее сложным. С одной стороны, именно пер. и переложения на французском языке, которым в XVIII в. владели многие, становились в подавляющем большинстве случаев самыми авторитетными источниками, позволяющими русскому читателю познакомиться с многовековым наследием европейской лит. Доля стихотворных пер. с французского во второй половине века резко возрастает, причем интерес вызывает не только творчество П. Корнеля, Ж. Расина, Н. Буало, Ж.-Б. Мольера, Ж. Лафонтена, Ж.-Б. Руссо, Вольтера, но и произведения поэтов второго и третьего ряда. С др. стороны, французская силлабическая традиция с 1730-х была противопоставлена более «близкой» немецкой тонической, что в ряде случаев приводило к опосредованному влиянию французского стиха на русский. Однако общая ориентация русского классицизма на французский определяла в конечном счете как образцы для подражания, так и общие композиционно-стилистические принципы, которым должна следовать поэзия (в особенности — светская).

На структуру основного «высокого» размера — александрийского стиха — вплоть до нач. XIX в. активно влияют французские источники. Несмотря на то что русские поэты быстро осваивают дактилическую цезуру, однако характерная синтаксическая сегментация полустуший отражает французскую ориентацию большинства русских поэтов. Предпочтение отдается таким структурам, как «Что делать мне теперь? / Весь ум смутился мой...»; «Сулишь душе моей / премножество блаженств». И, напротив, тесная связь слов на месте цезуры («Их злоба на самих / себя воспламеняла») избегается. Александриец трагедий, эпических поэм, посланий и даже элегий последовательно использует синтаксические фигуры, свойственные французскому, причем эта тенденция к кон. веку неуклонно возрастает, способствуя выработке ритмико-синтаксических клише. В наиболее популярном размере — вольном ямбе — во всех жанрах господствует «французский» ритмический тип с опорой на шестистопные строки (А. А. Ржевский, Б. Я. Княжнин, И. Ф. Богданович и др.); он избирается даже для пер. с немецкого (басни И. И. Хемницера).

Французская традиция стала основным источником формирования строфики русского стиха XVIII в. Из французского стиха через немецкое посредничество было перенесено в русский правило альтернанса, по которому два стоящие рядом стиха, имеющие одного рода окончания, должны рифмоваться между собой. Впервые оно было использовано в ломоносовской «Оде на взятие Хотина» и стало обязательным во всех жанрах (однородные рифмы допускались исключительно в песенном стихе и имитациях античных размеров). Вторым правилом, известным большинству европейских стиховых традиций, стало правило рифмических цепей, состоящее в том, что между двумя стихами на одну рифму может находиться сколько угодно стихов, но лишь на одну др. рифму. Утверждение этих правил способствовало освоению сложных строф и твердых стихотворных форм, известных западноевропейскому стиху, и позволило значительно расширить строфический репертуар русской поэзии.

В русской строфике XVIII в. наиболее семантически маркированной стала строфа французского происхождения, впервые употребленная Ф. Малербом в жанре торжественной оды. Т. н. «одическая строфа» представляла собой 10-стишие четырехстопного ямба (аналог французского 8-сложника) с рифмовкой AbAbCCdEEed: «Везувий пламя изрыгает, // Столп огненный во тьме стоит, // Багрово зарево зияет, // Дым черный клубом вверх летит; // Краснеет понт, ревет гром ярый, // Ударам вслед звучат удары; // Дрожит земля, дождь искр течет; // Клопочут реки рдяной лавы, — // О росс! Таков твой образ славы, // Что зрел под Измаилом свет!» (Г. Р. Державин. «На взятие Измаила»). В строгой форме ее впервые использовал А. П. Сумароков («Вперяясь в перемены мира», 1740). Два более ранних русских образца — гданская ода В. К. Тредиаковского (1734) и хотинская ода М. В. Ломоносова (1739) — отличались от канонической формы — соответственно — однородными окончаниями и порядком чередования окончаний. В эпоху классицизма популярность одической строфы не только утвердила ее как основную архитектурную форму жанра торжественной оды, но и распространила на др. жанры — элегию (В. В. Капнист. «На воспоминание Пленериной кончины»), медитативную и любовную лирику (А. П. Сумароков. «Послание к Хераскову»; Г. Р. Державин. «Стансы Кларисе»), песню (М. Н. Попов), ироикомическую поэму (Н. П. Осипов, «Энеида») и др. Во второй половине XVIII в. появляется большое количество вариантов

одической строфы: от «зеркального» расположения окончаний (по примеру М. В. Ломоносова), перемены мест четверостишия и шестистишия, до использования в ряду одических строф десятистиший вольной рифмовки («Вечер» Я. Б. Княжнина) и пер. строфы в др. стихотворный размер (александрийский стих «На взятие Варшавы» Г. Р. Державина, вольный ямб «На покорение Бендер» П. М. Карabanова). Лишь в нач. XIX в. вместе с падением жанра торжественной оды эта строфа выходит из употребления.

Из известных в Европе твердых стихотворных форм русский классицизм перенимает наиболее употребительные — сонет, триолет и рондо. Быстро осваивая европейский канон, уже во второй половине века русские поэты активно экспериментируют с этими формами. Особенно показательна здесь судьба сонета. Французский сонет был более строгим, нежели итальянский. Он требовал соблюдения правила альтернанса, а также зависимости рифмовки терцетов от рифмовки катренов (если в катренах рифмовка «закрытая» *abba abba*, то в терцетах она должна быть «открытой» — *ccd ede*; и наоборот). В России сонет стал известен в 1735, когда Третьяковский опубликовал свой силлабо-тонический пер. французского классического сонета Ж. де Барро, сделанный хорейческим гекзаметром (два первых переводных сонета — «Последование российских орлов» И. В. Пауса 1715 и силлабический вариант пер. Третьяковского 1732 — широкой известности не получили). Вслед за Третьяковским в 1755 А. П. Сумароков создает уже четыре оригинальных сонета по французской модели. Популярность этой формы в 1760-е растет, русские поэты не только свободно воспроизводят французский и итальянский канон, но и экспериментируют с сонетной формой (А. А. Ржевский, В. И. Майков, И. Ф. Богданович, Н. М. Карамзин, Г. Р. Державин). Первый русский триолет (1778) также был пер. с французского; М. Н. Муравьев в своем пер. сохраняет все обязательные для этой структуры составляющие: четырехстопный ямб (соответствующий 8-сложнику оригинала), объем (восемь стихов) и систему повторов (первый стих повторяется как четвертый и седьмой, второй — как восьмой). Первые оригинальные триолеты пишет Н. М. Карамзин («Триолет Лизетте», «Триолет Алете»). Первое русское рондо появилось в «Новом и кратком способе...» Третьяковского, однако уже в нем были нарушены правила классического рондо (15-стишие 10-сложника с четырехсложным нерифмуемым рефреном с рифмовкой *aabba abbaR*

aabbaR, где R — нерифмующийся рефрен). Этот текст предварялся не вполне точным объяснением структуры: «Рондо также есть некоторый род эпиграммы и состоит всегда и непременно из тринадцати стихов, имея две конечно только рифмы то непрерывные, то смешенные. Первое в нем речение, или иногда два и три, только не больше, долженствует дважды повторяться...<...> Рондо называется от округлости, ибо как в круге или в кольце конец с концом сходится...»; возможно, именно такая вольная интерпретация формы способствует тому, что уже во второй половине XVIII в. «русское рондо» фактически перестает быть твердой стихотворной формой. Младшие классицисты начинают именовать «рондо» стихотворения любого объема на две рифмы с рефреном.

Во второй половине XVIII в. возрастает интерес к английской поэзии. Пер. и переложения произведений Мильтона, Шекспира, Попа, Томсона, Грея составляют достаточно объемный корпус текстов, однако английская стихотворная традиция до 1810–1820-х остается невосребованной.

К нач. следующего века в области русского стихосложения был накоплен столь большой и противоречивый опыт в использовании различных метрических, ритмико-синтаксических и строфических форм, что следующее поколение поэтов оказалось перед необходимостью осмыслить и упорядочить этот обширный материал. Смена общеэстетической и стилевой ориентации, отчасти — легенда прошлого века о себе самом, оставленная в историко-теоретических трудах по стихосложению, определили судьбы развития русского стиха в следующем веке, когда многое из наследия В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова и их учеников было забыто. Многие открывались заново и воспринимались как достояние нового века, в котором не только меняется «доля» влияния каждой из европейских стиховых традиций на русскую поэзию, но и сам русский стих входит в иную фазу своего развития. Она характеризуется ведущей ролью поэтической практики, формированием «ритмической индивидуальности», наконец, перестройкой самого поэтического мышления, которое окончательно перестает быть жанрово-стиховым. Неизбежным следствием этих изменений становится и иной тип отношения к европейской традиции.

Л и т.: *Перетц В. Н.* Историко-литературные исследования и материалы. Т. 1, 3. СПб., 1900–1902; *Тарановски К.* Руски дводелни ритмови. I–II. Београд, 1953; *Тимофеев Л. И.* Очерки теории и истории русского стиха

XVIII–XIX вв. М., 1958; *Томашевский Б. В.* Стих и язык: Филологические очерки. М., 1959; *Холишевников В. Е.* Русская и польская силлабика и силлаботоника // Теория стиха. Л., 1968; *Жирмунский В. М.* О национальных формах ямбического стиха // Там же; *Вишневский К. Д.* Русская метрика XVIII века // Вопросы литературы XVIII в. Пенза, 1972; *Викери В. Н.* Русский шестистопный ямб и отношение его к французскому александрийскому стиху // American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists. The Hague: Mouton, 1973, II; *Матяш С. А.* Русский и немецкий вольный ямб XVIII — начала XIX века и вольные ямбы Жуковского // Исследования по теории стиха. Л., 1978; *Жирмунский В. М.* Теория стиха. Л., 1975; *Тарановский К. Ф.* Ранние русские ямбы и их немецкие образцы // Русская литература XVIII в. и ее международные связи / XVIII век. С. 10. Л., 1975; *Вишневский К. Д.* Архитектоника русского стиха XVIII — первой половины XIX века // Исследования по теории стиха. Л., 1978; *Гаспаров М. Л.* 1) Очерк истории русского стиха. М., 1984; 2) Очерк истории европейского стиха. М., 1989; *Шанур М. И.* Universum versus: Язык — стих — смысл в русской поэзии XVIII–XX веков. Кн. 1. М., 2000.

Е. В. Хворостьянова

СПИСОК ОСНОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- в т. ч. — в том числе
- в. — век
- вв. — века
- вып. — выпуск
- г. — город
- др. — другой, другие
- им. — имени
- коммент. — комментарий
- кон. — конец
- л. — лист
- лит. — литература
- н. с. — новый стиль
- н. э. — нашей эры
- нач. — начало
- ок. — около
- опубл. — опубликован, опубликованный
- пер. — перевод
- примеч. — примечание
- ред. — редактор, редакция
- род. — родился
- сб. — сборник
- св. — святой
- сер. — середина
- см. — смотри
- собр. — собрание
- сост. — составитель
- соч. — сочинение
- ст. — статья
- т. — том
- т. е. — то есть
- т. к. — так как
- т. н. — так называемый
- ум. — умер
- цит. — цитируется
- ч. — часть

СПИСОК АВТОРОВ

Алексеева Н. Ю.
Алташина В. Д.
Гуськов Н. А.
Данилевский Р.Ю.
Дёмин А. О.
Заборов П. Р.
Казанский Н. Н.
Корконосенко К. С.
Кочеткова Н. Д.
Кузнецов С. В.
Лаппо-Данилевский К. Ю.
Левин Ю. Д.
Лукьянец И. В.
Любжин А. И.
Люстров М. Ю.
Мозговая Е. Б.
Николаев С. И.
Подтергера И. А.
Разумовская М. В.
Рак В. Д.
Родосский А. В.
Талалай М. Г.
Хворостьянова Е. В.

Оглавление

Предисловие.....	5
Часть I. Энциклопедический словарь.....	9
Список вокабул.....	257
Часть II. Приложения.....	259
Приложение 1.	
Античность в русской литературной культуре XVIII века	260
1.1. <i>Подтергера И. А.</i> Рецепция античности в русской культуре начала XVIII века	260
1.2. <i>Казанский Н. Н., Любжин А. И.</i> Античная литература в культуре XVIII века.....	274
Приложение 2.	
Художественный перевод в литературной культуре XVIII века.....	297
2.1. Левин Ю. Д. Об эволюции принципов перевода	297
2.2. Левин Ю. Д. «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг».....	308
2.3. <i>Заборов П. Р.</i> Переводы-посредники в истории русской литературы XVIII века	309
Приложение 3.	
<i>Рак В. Д.</i> Иностранная литература в русских журналах XVIII века (Библиографический обзор).....	316
Приложение 4.	
<i>Хворостьянова Е. В.</i> Русское стихосложение XVIII века.....	411
Список основных сокращений.....	425
Список авторов	426

Russian-European Literary Relations. XVIII Century

The book «Russian-European Literary Relations. XVIII Century» was called into existence at the Faculty of Philology and Arts of the Saint Petersburg State University in cooperation with the Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences and offers an experiment of encyclopaedical description of literary contacts between Russia and Western Europe in the 18th century. It consists of two parts: the encyclopaedical dictionary itself and the annexes. The first part contains encyclopaedical articles dealing with the perception of the work of the greatest West-European writers — English, French, German, Swiss, Polish, Italian, Spanish, Portuguese — through Russian fiction (101 headwords), as well as survey articles on the problems of reception of a certain national literature (English, Spanish, Italian, German, Polish, Scandinavian, French, Swiss) through the Russian aesthetic consciousness. The first part includes all together 108 entries. The second part contains research on those aspects of Russian-European literary dialogues which — for different reasons — are difficult to present in form of an encyclopaedical article: the inheritance of the ancient culture through Russian literature, theory and practice of literary translation, foreign sources of the Russian periodicals, Russian prosody of the 18th century. Within the 4 mentioned annexes there are 7 articles of various length.

The authors of the book tried to achieve a complete and consequent presentation of the material, though some lacunes still could not be avoided: certain subjects have been discussed too superficially and cursory, the analysis of others reveals essential gaps. The authors and the editors of «Russian-European Literary Relations. XVIII Century» are entirely aware of the incompleteness of the work presented to the reader. Maybe the subtitle «Material for Encyclopaedia» should have been added to the book. But despite the imperfection of some parts, the created view of the Russian-European literary relations of the 18th century is, according to the capabilities of modern comparativistics, rather full: the missing fragments do not significantly disturb its integrity and panoramic character. Besides that they had to be, as they are not the result of the authors' idleness and ignorance, but represent the current situation in studies of international contacts of Russian literature in the 18th century. The missing aspects were left out because the modern scientific knowledge offers almost no information about them — at least in any suitable form for encyclopaedical description. More than that — although the encyclopaedical genre does not presuppose solution of analytical tasks — it rather generalizes the facts accumulated by the science — certain articles of «Russian-European Literary Relations» represent deep and valuable research studies which essentially enrich our view of the literary life of the 18th century.

The ambition of the authors of the book to keep to a high scientific level determined the nature and the type of the entries. Each of them corresponds with strict and well-thought-out criteria. The names of the authors are given both in the Russian transcription and in the original language. It is also true about most titles of the books — though in some cases the titles are put in the short form because of their excessive length — typical for the literary culture of the 18th century. The exact dates and places of birth and death of the writers are also indicated. The articles are completed with a detailed bibliographical reference list and if necessary with archival and source-studies information. The exceptions to these rules which can be found in the text are mostly due to the lack of adequate information in modern Russian comparativistics. The annexes naturally differ in form from the encyclopaedical entries, but they certainly equal those in their scientificity. That is why the book «Russian-European Literary Relations. XVIII Century» seems to meet the main requirements specified to the encyclopaedical genre — scientific validity, accuracy of description, objectiveness and factual informativity.

Les relations littéraires entre la Russie et l'Europe. XVIIIe siècle

L'ouvrage «Les relations littéraires entre la Russie et l'Europe. XVIIIe siècle» est né de la coopération entre la Faculté de Philologie et d'Art de l'Université d'Etat de Saint Pétersbourg et l'Institut de la Littérature Russe de l'Académie des Sciences Russe (Pouchkinskiy Dom) et représente une description encyclopédique des contacts littéraires entre la Russie et l'Europe occidentale au 18ème siècle. Il comporte deux parties: le dictionnaire encyclopédique en soi puis des annexes. La première partie est composée d'articles encyclopédiques, qui se penchent sur les particularités de la perception de l'oeuvre des plus grands auteurs d'Europe occidentale (anglais, français, allemands, suisses, polonais, italiens, espagnols, portugais) par la littérature artistique russe (101 mots-clés), ainsi que d'articles de synthèse sur la réception de la littérature nationale déterminée (anglaise, espagnole, italienne, allemande, polonaise, scandinave, française, suisse) par la conscience esthétique russe. La première partie comprend environ 108 entrées. La seconde partie contient des études sur les différents aspects des relations entre la littérature russe et la littérature occidentale, qui — pour une raison ou une autre — ne peuvent être que difficilement représentés sous forme d'entrée encyclopédique: l'assimilation de l'antiquité par la culture littéraire russe, la théorie et la pratique de la traduction artistique, les sources étrangères des périodiques russes, la versification russe du 18ème siècle. Dans le cadre de ces 4 annexes se trouvent 7 articles d'ampleur différente.

Les auteurs de l'ouvrage se sont efforcés de donner une représentation complète et conséquente du sujet, certaines lacunes n'ont néanmoins pu être évitées : certains thèmes ne sont traités que trop superficiellement et sommairement, l'étude d'autres sujets présente des failles substantielles. Les auteurs et rédacteurs des «Relations littéraires entre la Russie et l'Europe. XVIIIe siècle» sont parfaitement conscients de l'incomplétude de l'ouvrage présenté au lecteur. Peut-être serait-il judicieux d'accompagner ce livre d'un sous-titre « Matériel pour encyclopédie ». Mise à part l'aspect décousu de certains fragments, l'image des relations littéraires russo-européennes au 18ème siècle donnée dans cet ouvrage se révèle relativement complète — d'autant que le permet la philologie comparative moderne : les fragments manquants n'influent cependant aucunement sur le caractère intégral et universel de l'œuvre. D'autre part ceux-ci sont forcés dans le sens le plus pur du terme : ils ne sont aucunement le résultat de la paresse ou de l'incompétence du collectif des auteurs, mais reflètent bien l'actuelle situation de la recherche dans le domaine des relations internationales de la littérature russe du 18ème siècle. Ce qui fait défaut, fait défaut parce qu'il n'est que peu connu du monde scientifique moderne — du moins sous une forme propre à une entrée encyclopédique. De surcroît — bien que le genre encyclopédique d'une manière générale ne présuppose pas la résolution de problèmes analytiques — il synthétise plutôt les acquis de la science — plusieurs articles des «Relations littéraires entre la Russie et l'Europe. XVIIIe siècle» présentent d'authentiques discussions de valeur propre, qui étoffent tangiblement notre perception de la vie littéraire au XVIIIe siècle.

Les efforts des auteurs de l'ouvrage présenté au lecteur afin de conserver un haut niveau scientifique ont donné le caractère et la forme propres aux articles encyclopédiques. Chacun d'entre eux répond à de stricts critères de sélection scrupuleusement élaborés. Les noms des auteurs ne sont pas exclusivement inscrits dans la transcription russe mais également dans leur forme originale. Ceci s'applique la plupart du temps aussi aux titres des livres, bien que ces derniers soient dans quelques cas indiqués de façon abrégée à cause de leur longueur excessive — caractéristique du XVIIIe siècle. Les dates et lieux de naissances exacts des auteurs sont également indiqués. Les articles s'achèvent sur des références bibliographiques détaillées et sont, si besoin est, complétés par des références archivistiques et indications des sources. Les exceptions à ces règles que l'on peut trouver dans le livre proviennent pour la plupart du fait que la philologie comparative moderne russe ne dispose pas des informations correspondantes. Bien sûr les annexes se différencient des articles encyclopédiques de par leur forme mais elles ne sont pas en reste de par leur scientificité. Grâce à cela, il semble que «Les relations littéraires entre la Russie et l'Europe. XVIIIe siècle» répondent raisonnablement à l'essentiel des exigences que pose le genre encyclopédique: la validité des informations, la précision de la description et la capacité d'information objective et factuelle.

Literarische Beziehungen zwischen Russland und Europa. XVIII Jahrhundert

Das Buch «Literarische Beziehungen zwischen Russland und Europa. XVIII. Jahrhundert» ist an der Fakultät für Philologie und Kunst der Staatlichen Universität St.Petersburg in Kooperation mit dem Institut der Russischen Literatur (Puschkinskij Dom) der Russischen Akademie der Wissenschaften entstanden und stellt eine enzyklopädische Beschreibung der literarischen Kontakte zwischen Russland und Westeuropa im 18. Jahrhundert dar. Es besteht aus zwei Teilen: dem enzyklopädischen Wörterbuch selbst und den Anhängen. Den ersten Teil bilden enzyklopädische Artikel, die sich mit den Besonderheiten der Wahrnehmung des Schaffens der größten westeuropäischen (englischen, französischen, deutschen, schweizerischen, polnischen, italienischen, spanischen, portugiesischen) Schriftsteller durch die russische schöpferische Literatur auseinandersetzen (101 Stichwörter), sowie auch Überblicksartikel über die Rezeption einer bestimmten Nationalliteratur (englischen, spanischen, italienischen, deutschen, polnischen, skandinavischen, französischen, schweizerischen) durch das russische ästhetische Bewusstsein. Der erste Teil umfasst insgesamt 108 Einträge. Der zweite Teil enthält Untersuchungen derjenigen Aspekte der Beziehungen zwischen der russischen und der westeuropäischen Literatur, die aus dem einen oder dem anderen Grund kaum in Form eines Enzyklopädieeintrags dargestellt werden können: die Aufnahme und Aneignung der Antike durch die russische literarische Kultur, Theorie und Praxis der Übersetzung der schöpferischen Literatur, ausländische Quellen der russischen Periodika, die russische Verslehre des 18. Jahrhunderts. Innerhalb der 4 genannten Anhänge findet man 7 Artikel unterschiedlichen Umfangs.

Die Autoren des Buches haben eine vollständige und konsequente Darstellung des Stoffes angestrebt, jedoch waren einige Lakunen nicht zu vermeiden: manche Themen wurden zu oberflächlich und flüchtig behandelt, in der Ausführung der anderen sind wesentliche Lücken bemerkbar. Die Autoren und Redakteure der «Literarischen Beziehungen zwischen Russland und Europa. XVIII. Jahrhundert» sind sich der Unvollständigkeit des den Lesern angebotenen Werkes in vollem Maße bewusst. Vielleicht sollte man das Buch mit dem Untertitel «Material für Enzyklopädie» versehen. Abgesehen von der Abgerissenheit einiger Abschnitte, ist jedoch das in dem Buch geschaffene Bild der russisch-europäischen literarischen Beziehungen im 18. Jahrhundert, soweit es die moderne Komparatistik ermöglicht, ziemlich vollständig: die fehlenden Fragmente verletzen seine Ganzheit und seinen Panoramacharakter nur im geringen Maße. Außerdem sind sie gezwungen — im wahrsten und genauesten Sinne dieses Wortes, da sie kein Ergebnis von der Faulheit und Inkompetenz des Autorenkollektivs sind, sondern die gegenwärtige Situation in der Forschung der internationalen Beziehungen der russischen Literatur widerspiegeln. Das Fehlende fehlt darum, weil dem modernen wissenschaftlichen Wissen kaum was darüber bekannt ist — zumindest in der Form, die für eine enzyklopädische Beschreibung geeignet ist. Mehr als das — obwohl das enzyklopädische Genre im Großen und Ganzen keine Lösungen der analytischen Aufgaben voraussetzt, sondern eher das von der Wissenschaft schon Angesammelte zusammenfasst, bieten einige Artikel der «Literarischen Beziehungen zwischen Russland und Europa» wahre und erste Untersuchungen, die ihren eigenen Wert haben und unsere Vorstellungen über das literarische Leben im 18. Jahrhundert maßgeblich bereichern.

Das Streben der Autoren des dem Leser angebotenen Buches nach der Einhaltung eines hohen wissenschaftlichen Niveaus bestimmte den Charakter und die Art der Wörterbuchartikel. Jeder von ihnen entspricht strengen und sorgfältig durchdachten Kriterien. Die Namen der Autoren werden nicht nur in der russischen Transkription, sondern auch in der Originalsprache gegeben. Dies bezieht sich meistens auch auf die Büchertitel, wobei letztere in einigen Fällen sowohl im Original, als auch in der Übersetzung aufgrund ihrer übermäßigen Länge, die für die literarische Kultur des 18. Jahrhunderts typisch war, in der abgekürzten Form angeführt werden. Die genauen Lebensdaten, sowie auch die Geburts- und Sterbeorte der Schriftsteller werden ebenso angegeben. Die Artikel werden durch ausführliche bibliographische Referenzen abgeschlossen, und wenn es nötig ist, durch archivalische und quellenkundliche Angaben. Die im Text zu findenden Ausnahmen zu diesen Regeln sind meistens dadurch zu erklären, dass die moderne russische Komparatistik über die entsprechenden Informationen nicht verfügt. Die Anhänge unterscheiden sich selbstverständlich ihrer Form nach von den Wörterbuchartikeln, doch sie stehen diesen in ihrer Wissenschaftlichkeit auf keinen Fall nach. Deswegen entspricht das Buch im Wesentlichen, so scheint es, den wichtigsten Anforderungen, die dem enzyklopädischen Genre gestellt werden — Stichhaltigkeit, Beschreibungspräzision, Objektivität und faktische Informativität.

Энциклопедический отдел ИФИ Санкт-Петербургского государственного университета

Энциклопедический отдел ИФИ Санкт-Петербургского государственного университета занимается организацией работы по созданию энциклопедической, справочной и иной литературы гуманитарного профиля и осуществляет весь цикл работ, необходимых для успешной реализации проектов: от выработки концепций, поиска партнеров, формирования творческого коллектива и до создания оригинал-макета и печати тиража.

Отдел активно сотрудничает не только с факультетами и другими подразделениями Университета, но и с ведущими научными, музейными и архивными центрами Санкт-Петербурга (Государственный Эрмитаж, Библиотека Академии наук, Российская национальная библиотека, Русский музей, Институт российской истории, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) и мн. др.).

Энциклопедия «Три века Санкт-Петербурга»

Энциклопедия представляет собой первый в отечественной энциклопедической практике опыт издания, в котором история Санкт-Петербурга рассматривается в широком культурном контексте. Энциклопедия содержит сведения практически обо всех сторонах жизни города – истории, литературе, музыке, изобразительном искусстве, архитектуре, науке, религии, быте. В книгу включено большое количество статей, посвященных жизни и творчеству не только широко известных деятелей, но и незаслуженно забытых. Энциклопедия не ограничивается собственно петербургскими сюжетами. Авторы представляют историю Санкт-Петербурга как неотъемлемую часть истории России.

В работе над книгой принимают участие крупнейшие ученые, ведущие специалисты музеев, библиотек, архивов и научных учреждений Санкт-Петербурга. Издание богато иллюстрировано, содержит карты, планы, таблицы и справочный аппарат. Энциклопедия рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

В декабре 2001 года вышел в свет первый том энциклопедии (в двух книгах) «Осьмнадцатое столетие», в 2003–2009 годах выходит второй том (в семи книгах) «Деятнадцатый век». В дальнейшем планируется создание третьего тома – «Двадцатый век» (в семи книгах). Ведется работа над четвертым дополнительным томом (в четырех книгах). Завершит издание справочно-библиографический том.

С 2004 года Отделом (совместно с Геральдическим Советом при Президенте РФ и Государственным Эрмитажем) ведется работа над проектом, посвященным государственной и военной символике России.

Вышли в свет:

Г. В. Вилинбахов «История Российского герба и флага». Книга посвящена двум основным символам России – гербу и флагу, истории их появления и бытования вплоть до наших дней. С привлечением обширного исторического материала рассказывается о появлении, оформлении и значении герба и флага, поднимаются некоторые спорные вопросы геральдики, связанные с историей этих государственных символов. Книга снабжена большим количеством редких иллюстраций, содержит цветные вклейки.

Г. В. Вилинбахов «Русские знамена». Книга посвящена истории русских знамен и охватывает период с XVII по начало XX века. С привлечением обширного исторического, архивного материала автор рассказывает о той роли, которую играли знамена в русской истории, о значении знамени как символа и как носителя символов, истории знамен русских полков, дает подробное описание флажной символики и ее значения. В книге широко используются материалы из коллекции знамен и военной графики Государственного Эрмитажа, хранителем которой является автор книги. Издание снабжено большим количеством редких иллюстраций, содержит альбом цветных иллюстраций.

Г. В. Вилинбахов «Награды России. Ч. I. Ордена». Книга посвящена истории наград и наградной системы в России в XVII – начале XX века. В ней рассказывается не только о таких широко известных наградах, как ордена и медали, но также о наградных знаках, наградной музыке, наградных мундирах и многом другом. Книга основана на архивных и музейных материалах, редких источниках, не известных широкому читателю и мало доступных специалистам. Издание богато иллюстрировано в основном не публиковавшимися материалами, содержит альбом цветных иллюстраций.

В настоящее время Отделом осуществляется работа над целым рядом проектов. Среди них:

Г. В. Вилинбахов «Награды России. Ч. II. Коллективные награды».

В. А. Парахуда «Дворцы и парки Ораниенбаума на старинных открытках». Издание посвящено забытому прошлому дворцов и парков города Ломоносова. Альбом приглашает читателей в путешествие по Ораниенбаумскому парку на 100 лет назад — в его «серебряный век». Впервые с возможной полнотой в книге представлены уникальные фотографические изображения начала XX века, раскрывающие нам очарование одного из пригородов столичного Санкт-Петербурга. Фотографии сопровождаются подробным историко-культурным комментарием. Приведены малоизвестные свидетельства о пребывании в Ораниенбауме российских и мировых знаменитостей, также впервые названных в именном указателе. Уточнена датировка основных событий прошлого дворцов и парков.

В 2006 году Отдел открыл новую серию «**Aurora borealis**», в которой будут представлены исследования широкого гуманитарного профиля. Среди них:

Прони Г. Ф. «Бронепоезд “Офицер”». Научный редактор К. М. Александров.

Книга посвящена событиям Гражданской войны на Юге России в 1919–1920 гг. Автор — рядовой участник Белого движения в Вооруженных Силах Юга России генерал-лейтенанта А. И. Деникина и Русской армии генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля, посвятивший свой труд памяти команды доблестного бронепоезда «Офицер». На страницах беллетризованных воспоминаний Георгия Пронина оживают трогательные образы молодых людей, представителей русской интеллигенции начала XX в., в огне смуты и революции вставших на защиту чести и национального достоинства России.

Шульц Р. Отзвуки фаустовской традиции и тайнописи в творчестве Пушкина.

Автор, обращаясь к обширному материалу европейской литературы, исследует мистифицирующие приемы и трансформацию бродячего сюжета о закладе души доктора Фауста в творчестве Пушкина, прослеживает истоки и выявляет претексты петербургских повестей Пушкина. В данном исследовании рассмотрены главные художественные образцы фаустовской традиции, либо имевшиеся в библиотеке Пушкина, либо оставившие заметные следы в художественных обработках поэтом фаустовского сюжета. Оригинальный подход автора состоит в том, что он привлекает в своем исследовании пушкинские графические изображения магического круга и квадрата и выявляет их роль в главных пушкинских декабристских мистификациях — «Медном всаднике» и «Пиковой даме». Книга написана простым языком и будет интересна как специалистам — филологам и историкам, так и широкому кругу читателей.

В планах Отдела также работа над синхронистическими таблицами, посвященными отечественной и европейской истории, науке, культуре, искусству, литературе IX–XX веков.

Планируется переиздание полного, авторского варианта монографии В. Ф. Левинсона-Лессинга «История картинной галереи Эрмитажа (1764–1917)», издание сборника трудов В. Лукониной «Культура Ирана» (совместно с Государственным Эрмитажем).

По вопросам приобретения книг и за более подробной информацией обращаться по телефону 972-10-26 и по адресу enc_otd@gambler.ru.

Корректор Л. А. Быстрова
Верстка А. В. Александровой
Дизайн Е. Г. Эргардт, Н. И. Баранов
Подбор иллюстраций Ю. Н. Кружнов

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99 г. Подписано в печать 29.02.2008 г.

Формат 60x90 1/16. Усл. печ. л. 28

Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ

Филологический факультет СПбГУ

190034, С.-Петербург, Университетская наб., 11

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ОАО Издательско-полиграфическое

предприятие «Искусство России»

ул. Промышленная, д. 38/2; тел. 786-87-17